

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ВЕДЬМИНА ДОРОГА
КОРОНА ТАФЕЛОНА

IgnisSouls.deviantart

НАТАЛЬЯ АВЕРБУХ

Annotation

Россыпь историй о том, как творилась судьба отдельных людей и целых стран. Новые страны, новые заботы. Вампиры, оборотни, проповедь истиной веры и страшные отряды жестоких наёмников, болотные деревни и богатые страны... Всё это пройдёт перед глазами читателя.

Наталья Авербух

Корона Тафелона

Посвящается моему папе, который передал мне способности к творчеству и любовь к истории. Он всегда верил в меня.

Предыстория

Дорога через леса оборотней

Когда Виль растолковал ведьме свой план, она не знала, смеяться ей или плакать.

— Ты с ума сошёл, — беспомощно ответила она. — Надо же было додуматься...

— В том-то и дело, Маглейн, — перебил её убийца. — Кто ещё до такого додумается? А раз никто, то никто нас и не найдёт.

Они вместе с телегой стояли у северо-западного края Серой пустоши, этого проклятого места, где никогда не идёт дождь. Сейчас проклятие было только на руку: снаружи бушевала непогода, а здесь — ничего, только ветер дул так, что разведённый Вилем огонь то и дело припадал к земле.

— Там глухие места, — продолжала спорить Магда. — Нет дороги. Мы не знаем их языка. Куда мы денемся, с лошадью, с телегой, с ребёнком?

Маленькая Эрна, заботливо укрытая от ветра, сладко спала в телеге. Казалось, недавние злоключения не оставили на ней никакого следа... только казалось.

На этот раз Виль не стал напоминать ведьме её обещание слушаться, если он вернёт ей похищенную белой волшебницей дочь. Не стал угрожать убить её или украсть ребёнка. Он подбросил ветку в костёр и отвернулся.

— Что там в мешке-то есть? — спросил он. — Вечно ты не о том думаешь.

Магда послушно подтянула мешок, который им на прощание вручили ученицы Бурой башни, порылась, достала колбасы и хлеба.

— Дня на два хватит, — решила она.

— Непорядок, — нахмурился Виль. — Надо бы побольше... Погоди здесь. Если что... колдуй, разрешаю.

Он хмыкнул.

— Погоди, куда ты?! — всполошилась ведьма. — А...

— Да ты, Маглейн, совсем спятила. Чего дёргаешься? Ты же колдунья, сидишь посреди своей Пустоши. Это тебя все должны бояться. А ежели волшебники налетят, так дуй к своему чёрному приятелю, пуцай заступается.

— Он заступится, — насупилась Магда. Она не знала, чего ждать от Лонгина, ставшего недавно хозяином Серой пустоши и Башен, где обучали волшебников. Виль засмеялся.

— Привыкла на всём готовеньком жить, Маглейн. Тебя и кормят, тебя и поят, тебя берегут. Отвыкай. Время такое, Маглейн, тяжёлое. Вареву своё глотни, чтобы не спать, и жди.

Зелья, которые Магда сварила по приказу Виля, очень дажегодились. И сонное, усыпившее уставшую девочку, и бодрящее, которое дало им сил идти.

Виль ушёл. Магда осталась возле разведённого им костра. Можно сейчас встать, подстегнуть усталую лошадинку и убраться отсюда подальше. Вернуться в свой лес, а там Виль её не поймает: земля сама защитит свою ведьму... она бы и раньше защитила, если бы отец Эрны не обманул её и не добился у девочки пропуска. И если бы Магда не доверилась белой волшебнице. Если бы, если бы, если бы...

Она всё делала не так.

Не так, неправильно, неудачно.

Когда-нибудь ей аукнется решение сделать Эрну ведьмой сейчас, а не позже, не когда

девочка войдёт в возраст.

Когда-нибудь аукнется.

А сейчас девочка снова с ней, в безопасности.

Магда хмуρο усмехнулась.

О, да, в безопасности!

Пока.

Виль, должно быть, совсем спятил, если думает, что она согласится отпустить свою девочку идти одной через лес, полный оборотней! Ведьма тоскливо оглянулась по сторонам. Можно сбежать. Но... нельзя. Если ты колдуешь, ты не можешь вот так вот выкидывать в канаву собственное слово. Она обещала Вилю делать всё, что он скажет. Никуда она теперь от него не денется. Враг бы побрал эту скотину!

Лошадёнка всхрапнула. На неё бы тоже хватило корму. Магда подбросила ветку в костёр, взяла вторую и обвела кострище кругом. Теперь ветер огню не страшен. Подумав, ведьма палкой наковыряла горсти две земли, размяла в пальцах. Плюнула в самую серёдку и снова размяла. А после обошла и телегу и кострище кругом, высыпая из рук серую землю. Вот так-то лучше. Надо быть очень сильным волшебником... или оборотнем, чтобы теперь их приметить. Но оборотни сюда не заходят, а у волшебников есть свои дела. Магда глотнула приготовленного накануне зелья, проверила, как спит дочь, и уселась на плащ у костра. Ждать. Плащ, кстати, принадлежал Вилю. Вот дурень. Сбросил его, когда костёр разводил, велел ведьме присесть и не мешать, да так и ушёл. Теперь продрогнет небось. Не её это забота.

* * *

Она всё-таки задремала — под утро, когда небо, не окрашиваясь, посветлело и паршивая ночь перешла в отвратительный день. Разбудила её ругань Виля, который, вернувшись, не нашёл их на месте. Магда спохватилась, палкой прорезала круг и наваждение спало. Виль заругался ещё сильнее.

— Совсем ума лишилась! — наконец сказал он и сунул ей в руки какой-то свёрток.

— Сказал ведь, можно колдовать, — усмехнулась ведьма. В свёртке была детская одежда... почему-то на мальчишку, а кроме этого вяленое мясо, сухари и бобы.

— Девчонку переоденешь, — приказал убийца. — Чем волосы платком-то прикрывать, пусть пареньком побудет. Буди её. Перекусим и поедем.

* * *

Магда напрасно надеялась, что Эрна перепугается, заплачет и откажется, когда Виль растолкует ей свой план. Куда там! Она вроде даже обрадовалась.

— Видишь, Маглейн, — усмехнулся убийца, — одна ты чего-то трусишь.

— Мама не трусит! — заступилась девочка. — Мама за меня боится!

— Коли за тебя, тогда конечно. Доедай давай и за дело. Поняла, что нужно?

— Ага, — кивнула девочка, запихивая в рот здоровый кусок колбасы. — А мама справится?

Магда поперхнулась.

— А куда она денется, — равнодушно пожал плечами Виль. Ведьма перехватила его взгляд — острый, напряжённый и предостерегающий. О чём?... От чего?... Разобраться она не успела, убийца отвернулся. — Ты, малявка, запомни, если всё же встретишь блохастых, глаза не отводи. Не визжи, не беги, смотри прямо, будто ты им хозяйка. Скажи им, громко так: «Я ученица Медного Паука». Поняла? Потом иди своей дорогой, но спиной не поворачивайся.

— А они тебя знают? — заинтересовалась девочка.

— Меня все знают, — усмехнулся убийца. — Но если не знают, наколдуй им что-нибудь... что умеешь. Чтоб бумкнуло. Поняла?

— Ты с ума сошёл, — снова заговорила Магда, — отправлять девочку одну в лес...

— Угу, — старательно покивал убийца. — А ещё мне блохастые заплатили, приведи, мол, нам девчонку на съедение, да пожирнее. Не уследил, правда, белые-то маги в башне голодом морили, ну да некогда откармливать, так сойдёт.

— Да ты... — подавилась Магда. Виль от души хлопнул её по спине и захохотал. Она, кажется, никогда не слышала, чтобы он так весело смеялся.

— Уймись, Маглейн, — посоветовал он. — Если я так говорю, значит, знаю, что делаю. Не пропала же она в Белой башне. И здесь не пропадёт.

— А мне что посоветуешь, если обратной встречу? — попыталась связвить ведьма, но получилось как-то неубедительно.

— Окстись, Маглейн, если ты, ведьма, не знаешь, что делать со встреченными шавками, то чему я тебя буду учить?

— Они не шавки, — запротестовала Магда. — Обратни сильнее и быстрее людей, их не обмануть ведьминскими заговорами и...

— Так ты им не глаза отводи, а чесотку напусти, — посоветовал убийца. — Или скажи, что ты ядовитая.

Магда отвернулась. Виль издевался над ней, а ей действительно было страшно.

— Не трясись, — чуть добрее произнёс убийца, тронув её за плечо. — Днём обратни или отсыпаются или занимаются своими делами возле жилья. Волки ночью охотятся. На границу с Пустошью они лишней раз не сунутся, зачем им встречаться с белыми магами, те им хвосты позажигают. Тем более днём.

— Тогда зачем?..

Виль вздохнул, изображая, что есть предел даже терпению святого.

— Маглейн, если бы кое-кто не наследил, рассказав всем и каждому, кто ты, как тебя звать, с кем ты дружишь и где живёшь, мы бы давно вернулись домой. Но раз ты решила прославиться на весь Тафелон^[1], мы уйдём тихо, мирно и незаметно, чтобы даже последняя шавка в этом лесу не знала, куда мы делись. Ты всё поняла?

Магда дёрнула плечом, сбрасывая его руку. Виль снова вздохнул и отвесил ведьме подзатыльник — не больно, зато обидно.

— Собираемся, — приказал он, поднимаясь. — И чтобы делать всё точно, как я сказал.

* * *

План Виля был прост — оставить ложный след, чтобы обратни не разобрались,

сколько людей прошли через лес, каких и куда. Чтобы Виль с Магдой и Эрной пропали без следа, чтобы не нашли их ни на севере, куда они посулили уйти, ни на востоке. В отличие от вампиров, которые чуют саму суть человека и его чувства, оборотни, по словам Вилья, были ничем не лучше охотничьих собак, а ведь тех приходится учить идти по следу. Одно дело — выследить стаю оленей, отбить от неё добычу и завалить её, другое — понять, сколько именно воняющих костром и конским навозом людей оставили тут следы. К тому же Виль на всякий случай принёс им чьи-то деревянные башмаки, одну пару для Эрны и три для Магды. Самой ведьме план казался глупым. Каким-то... мальчишеским. Куда проще, не делая никаких... как он это назвал?... волчьих крюков сразу вывести телегу на пологий берег реки, которая, по словам всё того же Вилья, где-то на севере отходила от Ранны и текла на восток через северный край леса оборотней. Можно было не бояться, что *волки* придут туда за водой: от этой речки отходили другие, поменьше, и пронизывали лес, чтобы дальше влиться в большое озеро, лежавшее уже дальше, в таинственных землях язычников. Теперь не поворачивался язык называть его батраком, как Магда привыкла. Здесь, вдали от родной деревни, убийца сделался иным, будто сменил маску. Не осталось привычной уже манеры искать себе работу, предлагать помощь, выполнять обычные труды дня. Прибавилось властности, решительности... Магда не знала, как это назвать, просто — изменился. Может, дело в том, что теперь он планировал и приказывал. Может — в чём другом.

Оказавшись одна в лесу, ведьма слегка успокоилась. Было бы куда лучше, если бы ей не приходилось тревожиться за дочь, но тут Виль был неумолим. Три человека оставят больше следов по отдельности, чем вместе. Магда наклонилась, потом опустилась на колени и распростёрлась на земле, обнимая её, вверяя себя в её объятья. Поднялась — всё ещё не выше колен, достала иголку, кольнула палец и трянула кровь на землю.

Рискованно.

Оборотни могли почуять кровь, но... лес, земля требовали платы. И эту плату должна была внести Магда.

Говорили, что оборотни, жители леса, защищали ведьм, тех, кому силу давала земля. Давал лес. Говорили...

Говорили, что оборотни жестоко мстят людям за убитую ведьму, находя именно палачей и предателей.

Говорили...

Говорили и другое. Что оборотни боялись ведьм и потому именно нападали на те деревни, где люди сами, своими руками убили колдунью. Потому что ни одна ведьма не стала бы их после этого защищать.

Всякое говорили.

Оборотням не отвести глаза, не обмануть чарами. Но... Магда и не пыталась их обмануть. Она просила лес пропустить их — её саму, её дочь и... Враг с ним, названного брата. Того, кто был усыновлён её собственным лесом. Пропустить, оберегая от опасных встреч. Просила — и платила за это своей кровью.

По верхушкам деревьев пробежался ветер, сбрасывая на ведьму листву.

Мало.

Она дала мало крови.

Но на один проход этого хватит.

Ведьма вздохнула, поклонилась лесу, надела чужие деревянные башмаки и угрюмо затопала по тропинке. Виль говорил, что здесь она никого не встретит. Хотелось верить.

Тяжело волоча уставшие ноги, Магда вышла к телеге на берег реки. Виль уже ждал там, Эрны нигде не было. Сердце ведьмы испугано ёкнуло.

— Да здесь она, — заворчал убийца. — Сейчас подойдёт. Раньше тебя вернулась. Дай ребёнку нужду-то справить. Как в город к волшебникам отправлять, так ты первая. Или, вон, чуть подруге своей не дала в когтях ребёнка тащить. Совсем сдурела. А теперь, вишь, трясешься над ней. Поздно спохватилась, Маглейн.

Магда не ответила. Что тут ответишь? Что она жалеет, зря, дескать, доверяла своим друзьям, чёрному магу, женатому на белой волшебнице? Ведь Вириная её предала и украла ребёнка вместо того, чтобы защитить. Или что её подруга, вампирша Вейма никогда в жизни не причинила бы девочке вреда? Ведь Вейма не выносила вида и даже запаха крови. Или что не зря трясётся сейчас? Ведь в лесу и кроме оборотней опасности хватает, а Эрне не минуло и семи лет. В Белой башне всё-таки никто бы её не съел.

— Сама тоже хороша, — не унимался Виль. — Ведьма, а леса боишься. Привыкла у себя хозяйничать.

— Отстань.

— Ай-ай-ай, нехорошо папаше Вилю отвечаешь. Кто обещал на колени встать, а? А теперь, конечно. Вернул дочку, так пшёл вон, батрак.

— Сейчас вставать? — угрюмо спросила ведьма. Виль хохотнул.

— Совсем ты, Маглейн, шуток не понимаешь. Шла бы тоже... в кусты, чтобы потом с телеги не спрыгивать, коли сама подумать о такой малости не можешь.

Ведьма пожала плечами и отвернулась. Вечерело, лес стоял тёмной стеной. Где там Эрна ходит? Не случилось ли чего?

— Дура ты, Маглейн, — уже другим тоном произнёс убийца и Магда насторожилась. — Думаешь, я отпустил бы тебя одну, если б было опасно?

Ведьма покосилась на Виля и успела поймать выражение его глаз прежде, чем он отвернулся. В них не было ни теплоты, ни приязни, только странная, непривычная решимость не потерять, не отпустить последнее, что ещё в жизни осталось... своего. Магда отвела взгляд и вдруг вспомнила вчерашний вечер. Они остановились и Магда стояла у телеги, прислушиваясь к сонному дыханию дочери, пока Виль, ворча себе под нос, разводил костёр. А потом убийца кинул на землю плащ, буркнул, мол, неудобно в нём и приказал ей сесть и не мешать. Мол, чтоб сидела, грелась и помалкивала. А потом ушёл, даже не думая потребовать плащ обратно. И, вернувшись, не присел и не отдохнул. Магда снова покосилась на Виля, но он, казалось, жалел о своём порыве.

— Эрлейн, — позвал он в темноту леса. — Чего ты там мнёшься, думаешь, я тебя не слышу? А ну, поди сюда!

Эрна послушно вышла. На её лице играли тени и выражение его было смутное.

— Дочка, тебя никто не обидел? — испугано спросила Магда.

— Не-а! Мам, всё хорошо! Я топала, топала и топала. И никто не вышел. А потом я пришла сюда и дядя Виль дал мне сухарь.

— Не смотри на меня так! — засмеялся убийца, перехватывая взгляд Магды. — Сейчас

пойдем, дам поесть как следует. И тебя, Маглейн, накормлю, если будешь хорошо себя вести.

— Так чего мы... — начала было Магда, но тут в кустах что-то заскулило.

— Эрлейн? — немедленно спросил Виль. — Что ты там спрятала?

— Ничего, — надулась девочка.

— Думала, сможешь незаметно притащить или наигралась и бросила?

— Ничего я не наигралась и ничего я не бросила, — отвернулась Эрна.

— Тогда принеси это «ничего», — приказал Виль.

Эрна взглянула на мать, но Магда молча кивнула дочери на скулящий куст.

— Ох ты ж... — выругался Виль, увидев «добычу» своей ученицы. В её руках скулил волчонок, пока ещё трогательный и пушистый, как все детёныши. Только в этом лесу волки-то не водились. Магде стало плохо. Вот тебе и пробрался незаметно. Далеко они уйдут, унося чужого ребёнка...

— Где ты это взяла? — строго спросила она.

— На опушке, — призналась девочка. Он там бегал и скулил. И никого рядом не было!

Магда с Вилем переглянулись.

Оборотни *никогда* не выпускали своих детёнышей со двора. До года они перекидываются свободно, в волчьей ипостаси растут медленно, лишь немного обгоняя человеческую. Волчонок может бегать, пока ребёнок едва встаёт на ножки. Но как только встанет — всё. И дальше растёт обычным человеком, пока в отрочестве внутри не проснётся волк. Магде это рассказывал Вир, оборотень по обещанию, один из тех, кто не родился зверем, а стал им из-за колдовства, спасаясь от смертельной раны. И он же рассказывал, что ни в лесах, ни в домах ни один из *стаи* не может даже помыслить, чтобы дитя вышло за ворота. А тут... на опушке... нет, если бы мать была поблизости, она бы прибежала, учуяв чужую рядом со своим ребёнком. Да и не принято так у них. Ведь дети — их самое главное сокровище.

Волчонок на руках у девочки смешно вякнул, а потом вдруг задёргался, да так, что Эрна его едва не выпустила. Удерживая свою добычу, она присела, прижимая детёныша к коленям... и вдруг в её объятьях оказался ребёнок. Обычный ребёнок, может быть, полугода от роду. Виль сплюнул.

— И зачем? — спросил он.

— Он хорошенький был! — отозвалась Эрна, избегая его взгляда. Магда подошла к дочери и взяла ребёнка на руки.

— Она, — произнесла ведьма.

— Мам? — не поняла Эрна.

— Это девочка, — пояснила Магда. Младенец у неё на руках замахал голыми ручками и ножками и скусился.

— Сейчас орать начнёт, — предупредил Виль. — Заткни её, Маглейн, а то я сам заткну. Башкой о дерево — и будет тихо.

— Она же маленькая, — растерялась Эрна. — Ей же молоко надо!

— Да? — издевательски спросил убийца. — А мы бы и не догадались! Что ж ты, твоё дюкское высочество, козу на опушке не нашла?

Эрна наморщилась, сама с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать.

— Достань хлеба и чистую тряпицу, — мягко попросила Магда. Дочь торопливо повиновалась и ведьма сделала хлебную соску^[2], которую сунула малышке в рот. Та умиротворённо зачмокала.

— И что же нам делать? — спросила Эрна.

— Выкинуть эту пакость в речку, — предложил Виль.

— Она же маленькая! — запротестовала девочка.

— Зато не вырастет.

— Так нельзя! Так нечестно!

— Смотри-ка, нечестно, — засмеялся убийца. — Эрлейн, это не человек. Это оборотень.

— Дядя Вир тоже оборотень! — с жаром отозвалась Эрна.

— И? — пристально посмотрел на неё наставник. — Что ещё скажешь? Он хороший? Пора бы тебе, Эрлейн, в хороших-то переставать верить. Виринея вон, хорошая была, а?

— Она притворялась, — насупилась девочка.

— Она не притворялась, — покачала головой Магда. Ей было жаль дочь, но в чём-то Виль был прав. — Она такая и есть. Добрая белая волшебница. Она уверена, что только она и знает, как правильно жить.

— Вон, гляди, как мамаша твоя поумнела, — кивнул на неё убийца. — Пора и тебе.

— А тот рыцарь, который меня защищал от Виринеи, он тоже был оборотень! — не сдавалась Эрна.

— Потому и сдох, — жёстко ответил Виль.

— Никого мы в реку бросать не будем, — прервала спор ведьма, прижимая к себе ребёнка. Девочка начала дрожать от холода, но почему-то не оборачивалась обратно в волчонка. Магда принялась закутывать её в свой плащ. Похоже, ребёнка просто выбросили на верную смерть. Убивать, небось, рука не поднялась, а так... или замёрзнет или в болоте утонет или кабан заест. Плохо дело. И ведь не подкинуть в чей-нибудь дом, ни ради милосердия, ни за плату. Кому нужен маленький оборотень?

— Добренькая, — сплюнул Виль. — Навязались тут добренькие на мою голову. Ну, коли не будем, так лезьте в телегу, да поехали. Нечего время терять.

Прежде чем выполнить его приказ, Магда заговорила ноги ледащей лошадёнки, чтобы не напала на неё копытная гниль. Ехать предстояло по самому краю реки: ил скроет следы. Эрна в это время укачивала девочку и недобро косилась на Виля. Тот выругался, сбросил свой плащ и накинул Магде на плечи.

— Замёрзнешь, дурында, — сказал он неласково. — Садись, поехали.

Глава первая

Зимнее колдовство

Эрне быстро разонравилось их приключение. Поначалу-то было весело. Мелкая оборотница, которую она спасла, телега и огромный мир, который раскрывался перед ними... Оказалось, что волчонка нечем кормить, в девочку она почти не превращается, а когда превращается, противно орёт. И ей надо менять пелёнки, причём взрослые почему-то считали, что Эрна с этим прекрасно справится. А малышка пиналась, извивалась и удержать её было почти невозможно. «Огромный мир» обернулся лесными тропами, где не всегда проходила телега, вонючими болотами и затерянными в лесу селеньицами, к которым их выводил то Виль, то ворожба Магды. Новые люди в них были невысокими худыми крестьянами, ничего не знавшими, кроме своих лесов и скудных полей. Дядюшка Виль врал в каждом лесном селении, будто бы они нагбарцы, вот он нагбарец, сестра — вдова брата — нет, родной дом разорили, они сбежали куда глаза глядят, человек он умелый, сестра тоже, а малец — Эрна была одета мальчиком, потому что не отросли ещё сбритые белыми волшебницами волосы, — понятливый и послушный. Язычники оказались люди простые, добродушные, а, может, им самим часто приходилось вот так вот бродить из селения в селение, но только гостей они принимали охотно. Виль платил рассказами, что делается в лесах оборотней, в Нагбарии^[3] и у соседей. А потом пришла зима и надо было где-то остановиться, потому что по снегу телега не ехала, да и холодно было. В очередном селении их к себе пустила какая-то глухая бабка (она вскорости тихо и незаметно отошла в мир иной). Язычники поделились припасами и даже не стали задавать вопросы. Серебряных и золотых денег они не знали, когда хотели купить что-то или продать, менялись, а то платили шкурками и янтарём. Виль отдал им телегу и полудохлую лошадь, которую потом съели к середине зимы, давал полезные советы, не брезговал никакой работой. Как-то прожили.

* * *

В щели жалкой лесной хижины задувал ветер. Последний месяц зимы — месяц ветров, беспокойный и недобрый. Почти как сама Эрна. У девочки отрастали волосы, но в косу их заплетать было ещё рано. Она сидела у очага и жарила на веточке рыбу, мать пряла, а Виль что-то выстругивал ножом. Потом поднял взгляд на Магду — злой взгляд, полный пугающего ликования.

— А когда ты Эрну рожала, вот так же ветрено было, Маглейн? — спросил он.

Эрна придвинулась ближе к очагу. Не то от ветра, не то от слов дядюшки Виля в хижине будто стало холоднее. Мелкая оборотница прижала уши и забилась в угол. Магда пожалала плечами.

— Ветер дул всю неделю, — ответила она, с трудом вспоминая то время, — и стих, когда я рожала. А на следующий день снова завывла вьюга. Почему ты спрашиваешь?

— Так ведь срок вышел, Маглейн, — сказал Виль спокойно и поднялся на ноги. — Собирайся, Эрлейн. Теперь ты моя.

— Ты с ума сошёл, — нахмурилась ведьма и отложила веретено. — Куда она должна собираться?

— Ай-ай-ай, Маглейн, — покачал головой убийца. — Какая ты забывчивая стала. Ты с папашей Вилем как договаривалась? Отдашь ребёнка, когда тому исполнится семь лет. Срок вышел. Собирайся, Эрлейн, я повторять не буду.

— А я? — оторопела Магда.

— А ты оставайся, — пожал плечами Виль. — Ты мне не нужна.

— То есть как — не нужна? — глупо захлопала глазами мать и взгляделась в лицо названного брата. — Но ты же говорил...

— Можешь возвращаться к своему барону, — великодушно разрешил убийца. — Спросят, так и ответишь — забрал Эрну и ушёл.

— Одна?!

— Ай-ай-ай, Маглейн, — повторил убийца. — Привыкла на горбу у папаши Виля выезжать. Пора бы тебе повзрослеть. Вот теперь и поучисься.

— Повзрослеть?!

— Брось, Маглейн, — досадливо отмахнулся Виль. — Хорош спорить. Доберёшься как-нибудь. Придумаешь. А нет — останешься здесь. Тут, знаешь, тоже прожить можно. Замуж выйдешь. Здесь ведьм на кострах не жгут.

— Замуж?!

— Не хочешь — не надо, — пожал плечами Виль. — Эрлейн! Живо!

Мать шагнула вперёд, загоразивая девочку.

— Она никуда с тобой не пойдёт, — отчеканила ведьма.

— А то что? — засмеялся Виль. — Брось, Маглейн. Давай расстанемся по-хорошему.

Магда снова взгляделась Вилю в лицо, но ничего не смогла там прочесть. Эрна прижала к груди веточку с недожаренной рыбой и тихонько отползла в сторону, пока взрослые не обращали на неё внимания.

— Чего ты хочешь? — прямо спросила ведьма.

— Я? — удивился вопросу убийца. — Я же сказал. Забрать своё и отделаться от тебя. У меня есть дела поважнее, чем возиться с глупой курицей, которая почему-то называет себя ведьмой. Ты разве не рада вернуться насидивать своего цыплёнка?

— Виль, перестань! — взмолилась Магда. Убийца засмеялся.

— Виль то, Виль сё, Виль, сделай, Виль, приди, Виль, уйди. Сама теперь проживёшь своим умишкой.

— Виль, я прошу тебя.

Убийца покачал головой.

— Радуйся, что жива остаёшься, Маглейн. А будешь надоедать...

В его руке сверкнул нож. Магда произнесла несколько слов — Эрна не расслышала — и нож сам собой выпал из руки убийцы. Виль засмеялся ещё громче.

— Ай-ай-ай, Маглейн, как нехорошо. Заговоренный нож папаше Вилю подсунула, да? Как глупо. Ничему тебя жизнь не учит. Ты же не думаешь, что он у меня последний?

Лицо ведьмы страшно побелело в свете очага. Она согнула ноги и опустилась на колени.

— Я тебя умоляю, — прошептали бескровные губы. — Оставь мне мою девочку.

— Я тебя не слышу, — резко бросил убийца. Казалось, он наслаждается происходящим.

— Умоляю! — крикнула ведьма.

— То-то же, — смягчился Виль. — А то горазда приказывать.

Он отступил на шаг и выставил вперёд ногу.

— Целуй, Маглейн, — предложил он. — Будешь теперь меня как рабыня слушаться.

Эрна как во сне — тогда это казалось нереальным, немислимым! — смотрела, как мать жалко, на коленях ползёт по полу, как...

Девочка дико завизжала, её магия вышла из-под контроля, из-под пальцев полилась тьма, заполнила хижину, селение, весь мир и...

* * *

Когда Эрна проснулась, в хижине было... спокойно. Мать привычно ворчала, Виль привычно огрызался. Никто ни над кем не издевался, никто никого не унижал и Эрну забирать Виль, кажется, тоже не собирался. Только волчонок в своём углу злобно скалил на мужчину острые зубки. В своё время оборотница пробовала их не только скалить и уже успела усвоить, что «этого дядю кусать нельзя».

— Нежная она у тебя, — брюзгливо заявил дядюшка Виль, кивая на Эрну. — Как работать будет?

— Твои шуточки... — с отвращением ответила мать.

— Дура ты, Маглейн, — вздохнул Виль. — И Эрлейн такая же дурочка. Урок тебе. И ей тоже. Нельзя ни на кого полагаться. Далеко она у тебя уйдёт с её вечной верой в добрых дядюшек и тётушек, а? Сегодня ты знаешь человека, завтра он тебя зарежет за медяк.

— И ты? — спросила Эрна, натягивая на себя ветхое одеяло.

— И я, — отозвался Виль. — Я — особенно. Что ж ты за бестолковщина такая, а, Эрлейн? Волшебница нашлась. Если даже ты ничего, кроме этой темноты не умеешь, что ж тебе мешало её нарочно выпустить и чуть раньше, а? Визг, обмороки. Куда это годится?

— А как надо было? — насупилась девочка.

— Ну хотя бы напустила бы темноты, взяла бы полено потяжелее и приложила бы дядю Виля по голове, — посоветовал убийца.

— Ты бы увернулся, — засомневалась Эрна.

— Но ты же не попробовала.

— Не издевайся больше над мамой, — вместо ответа попросила Эрна.

— Да кому твоя мамаша нужна — над ней издеваться? — засмеялся Виль. Он наклонился и поднял с пола нож. Протянул рукоятку девочке. — Держи. Теперь твой будет. Раз твоя мамаша его зачаровала. И ведь хитрая же тварь! Увела его у кнехтов, которые меня везли, чтобы мне его вернуть. Такая прекрасная мысль — и так глупо себя выдала. Дура ты, Маглейн, всегда это говорил.

Он поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Ветер за стенами хижины всё так же дул, дул и дул. Похоже было, до утра не успокоится.

— Раз мне не удалось от тебя отделаться, Маглейн, — решительно заявил убийца, — собирайтесь обе.

— Куда?!

— А кто обещал слушаться папашу Виля? — нахмурился он. — Маглейн, если ты хочешь состариться в этом селении, я ж не против, но на свадьбе твоей, уж прости, не погуляю. Некогда мне. Собирайтесь быстрее, было бы что там собирать. Если уйти сейчас, к утру наши следы занесёт снегом.

Он с отвращением покосился в угол, где всё ещё порывивал волчонок.

— И эту берите, — приказал он.

Сказать «к утру наши следы занесёт» было легко. Куда труднее было в самом деле идти сквозь метель ночью по бездорожью. Виль вырезал палки себе, Магде и Эрне, а волчонка девочка вскоре уронила, так что оборотница, поджав хвостик, бежала за девочкой на своих четырёх и жалобно поскуливала. Эрна с трудом держалась на ногах, она шла за мамой, которая прокладывала ей дорогу, и уже три раза упала. Приходилось держаться за её пояс, чтобы не потеряться, а Магда держалась за Виля. Девочке начало казаться, что к утру снег занесёт не только следы, но и их самих. Было страшно. Зачем Виль вырвал их из жалкого, но всё же дома, кое-как укрывавшего их от ветра?! Куда он их ведёт? Неужели это так нужно? Неужели нельзя дождаться утра?!

— Виль! — крикнула Магда, но вой вьюги заглушил её. — Виль! Послушай!

Убийца не слышала. Магда толкнула его в спину палкой. С каким лицом дядя обернулся, Эрна предпочитала не думать.

— Виль, послушай! — снова закричала ведьма. — Эта вьюга заколдована!

— Вот как? — прокричал в ответ проклятый. — Что ж нам теперь, ложиться да помирать?

— Виль, мы должны выйти к центру! — проорала мать. — Там колдун... останови его — и вьюга утихнет.

— Виль то, Виль сё, — привычно заворчал убийца. Только на этот раз он кричал. — То воды натаскай, то колдуна убей!

— Виль, мы не пройдем через колдовскую вьюгу! — ещё громче завопила мать. — Ты не чувствуешь?! Она убивает!

Виль засмеялся и ветер принёс ему в лицо пригоршню снега.

— Или ты отвыкла от дороги, Маглейн, — усмехнулся он, вытирая рот и глаза. — Давай, веди нас к колдуну. Сможешь?

— Смогу, — сказала ведьма с внезапным ледяным спокойствием. — Разведи костёр.

— А козлёнка тебе не найти, Маглейн? — расхохотался убийца. — Ладно, будет тебе костёр.

Эрна увидела, что Виль сделал, только когда огонь был зажжён, а до этого только слышала, как он непонятно возится. Оказалось, что убийца притоптал снег и уложил на него срезанный откуда-то кусок коры, на нём и разжёл свой костёр. Магда что-то проворчала насчёт живой земли, но выбирать было не из чего. Пришлось колдовать с чем есть. Эрна немножко представляла, как это делается. Но всё равно с ужасом смотрела, как мать разматывает платок и распускает волосы. Как разувается — разувается, в такой-то холод! — и встаёт босыми ногами прямо в снег. Оборотница завывала от ужаса и заметалась вокруг них, Виль стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на ведьму. Та раскинула руки, словно пыталась обнять вьюгу, закрыла глаза и принялась раскачиваться. Потом кружиться. Потом упала на землю — не навзничь, а опустилась на корточки, а затем, схватив пригоршни снега, вскочила и рассыпала этот снег вокруг себя. Наконец по-детски высунула язык и поймала на него снежинку.

— Держи её! — спохватился Виль, когда Магда молча стала валиться на бок.

Эрна кое-как подпёрла мать, пока убийца преодолевал разделяющие их два шага. Обнял ведьму за талию, давая ей опору, и отвесил звучный щелбан.

— Эрлейн, не будь дурочкой, разотри ноги своей мамаше и обуй, пока она их не отморозила, — приказал он. — Одни хлопоты с вами, когда я наконец от неё отделаюсь?

Эрна молча принялась выполнять приказание. Сверлить дядю Виля гневным взглядом при затухающем костерке было бесполезно.

— Эй, Маглейн, очнись, — потряс он женщину за плечо. — Напомни, когда я к тебе нянюшкой нанимался? Голову-то замотай, уши отморозишь.

— Как же ты мне надоел, — прошептала ведьма, но всё же пришла в себя настолько, чтобы взять у убийцы свой платок и намотать его прямо поверх распущенных волос.

— Не зря хоть мёрзла, Маглейн? — встряхнул её Виль и отпустил.

— Не зря, — отозвалась ведьма. Вьюга вокруг них слегка притихла. — Нам туда.

* * *

Теперь впереди шла Магда. После колдовства она зашагала куда уверенней и упала всего один раз. А потом вывела их на небольшую полянку, на которой было совершенно тихо. В центре поляны горел костёр — настоящий, разведённый на земле, яркий и горячий, рядом на расчищенной от снега земле лежали собранные для огня сучья. А вокруг плясала... плясал... плясало... существо. Это существо было, наверное, человеком или кем-то вроде человека. Ну, у него была голова, руки и ноги и даже меховая одежда, которая всё это скрывала. В руках у существа была метла, которой существо мело то снег, то воздух над ним, и пело низким, не то мужским, не то женским голосом завораживающе-грустную песню на незнакомом языке.

* * *

Против ожиданий Эрны, Виль не бросился на незнакомое существо с ножом и не стал к нему хитро подкрадываться.

— Гляди, Маглейн, чего вытворяет, — сказал он ведьме, кивая на метлу. — Говорит, и научить может.

— Ты!... — задохнулась от злости Магда. — Ты знал!

— Конечно, я знал, — даже как-то удивился убийца. — Дурак я, что ли, в такую погоду с двумя бабами по ночам шляться? Иди лучше к костру, погрейся.

— Да ты...

Магда неожиданно кинулась к Вилю и, чего никогда не делала раньше, толкнула его со всей силы и злости. Убийца полетел в снег. Поднялся, обстоятельно отряхнулся и засмеялся своим неприятным смехом.

— Тихо ты, Маглейн, тихо. Ну, пошутил папаша Виль, так ведь знала, с кем связалась.

Ведьма, не успокаиваясь, снова рванулась к нему, но на этот раз Виль перехватил её за запястья и удерживал подальше от себя на вытянутых руках, пока женщина не перестала биться.

— Уймись, — приказал Виль, но Магда что-то выкрикивала, перемежая свои слова всхлипами. — Да что ж такое с бабами делается!

Эрна широко раскрыв глаза наблюдала, как Виль прижал её мать к груди и принялся

гладить по голове, нашёптывая что-то успокаивающее.

— Конечно, справилась... я знал, что справишься... ты ж у меня умница... ну как бы ты — и не справилась?... и тогда тоже справилась... мало ли что я сказал... и с Денной ты справилась... ну, так то наёмники... а со мной тебе и не надо... брата слушаться надо, Маглейн. Слушаться, поняла? Тогда всё хорошо будет. Когда я тебя обманывал?... Всё хорошо, Маглейн. Ш-ш-ш... тихо-тихо-тихо...

Кто такая Денна, Эрна не знала. Девочка поглядывала и на существо у огня, но то, казалось, их не видело и не слышало. Оно всё ещё пело и махало своей метлой. А Магда постепенно затихала, вспышка сменялась тихим бормотанием, потом мать и вовсе умолкла. Эрна, наверное, только один раз видела Виля таким ласковым — тогда, в зеркале, когда волшебница Вириная показала ей, как тот пытается. Вот тогда убийца разговаривал со своей жертвой таким же «добреньким» голосом. Но на этот раз, вроде, не притворяется... ну, маму он точно не бил. Или сейчас не бил.

— Всё? — спросил Виль своим обычным жёстким тоном, когда всхлипы окончательно прекратились. — Успокоилась? Кусаться не будешь? Хорош меня позорить. Я-то тебя расписал, какая ты у меня могучая колдунья. А ты как малявка разревелась.

— Отстань, — отводя глаза, ответила Магда — тоже со своей обычной резкостью. — Он нас не видит. Это... ты не поймёшь... Он весь в своей ворожбе. А мы пробрались между нитями.

— А это он или она? — спросила Эрна, рискнув вклиниться между взрослыми.

— Я не спрашивал, — отозвался Виль. — Говорят, никто отличить не может. Они ж все безбородые и закутанные по уши. Ладно, Маглейн. Будешь слушаться, как обещала?

— Чего ты хочешь? — всё ещё отводя глаза, спросила Магда.

— Чтобы ты вон этому поучилась. Говорит ещё, что гадать может не как ты, а чтобы всё как надо себе сделать. На лодке без ветра и вёсел плавать. Ещё много чего может. Пошли, договоримся.

Он обнял ведьму за плечи и повёл к костру. Только когда до огня оставалось не больше трёх шагов, существо остановилось и уставилось на них своими бездонными глазами. Эрна попятилась за спины взрослых. Волчонок юркнул туда же. Существо заговорило. Вблизи оно оказалось странным. Плосколицее, с большим лбом, на который был низко надвинут меховой капюшон, с маленьким треугольным подбородком и широко расставленными узкими глазами. Глаза эти были светлее, чем у самой Эрны, но девочка быстро обнаружила, что долго смотреть в них невозможно.

Виль небрежно кивнул и силой заставил Магду поклониться. Существо поклонилось в ответ — с прямой спиной это походило на что угодно, кроме вежливости и проявления уважения. Убийца ответил существу на смеси нагбарского и местного языков. Эрна разобрала некоторые знакомые слова, но Виль говорил слишком быстро. Существо ответило на той же смеси. В Тафелоне, как ругались нагбарцы, люди говорили немного невнятно, сливая звуки в один, в Нагбарии «каркали», в стране болот шипели. Существо отвечало ясно и звонко, но немного растягивало слова, из-за чего его речь была похожа на пение. На колдовское пение.

— Он говорит, — перевёл Виль, — что примет тебя в ученицы. Ты смогла найти его и не дать вьюге тебя убить. Ты сильная. Будет толк.

Магда рассердилась, но не успела сказать всё, что думала по поводу такого обучения. Существо ткнуло себя в грудь и громко сказала:

— Овелаалуухи. Овелаалуухи!

— Зовут его так, — пояснил Виль. — Представься, что ли.

— Магда, — пожала плечами ведьма, повторив жест существа. Дочь она представлять не стала. Эрна хотела спросить, почему дядя Виль предлагает учиться маме, которая уже взрослая ведьма и сама немало может, а не ей? Ведь он её, Эрну обещал обучать! Но заговаривать девочка не решилась. В руку ей ткнулся холодный нос. Девочка-оборотень дрожала не то от холода, не то от страха.

Существо снова заговорило, потом достало откуда-то что-то вроде баклаги и протянуло Магде.

— Он говорит, ты замёрзла и устала. Выпей — согреешься.

Эрна во все глаза уставилась на баклагу, обвитую чем-то вроде снятой коры, по которой шли причудливые знаки. Неужели можно из такого пить?! Магда, тем не менее, выдернула пробку и хладнокровно приложилась к горлышку. Эрна с тревогой наблюдала, как расширяются глаза матери, а лицо в свете костра делается совершенно красным. Не успела девочка закричать, как Магда передала баклагу Вилю. Тот сделал глоток.

— Ого! — оценил он и что-то сказал существу. Существо засмеялось.

— Это как жидкий огонь, — закашлялась Магда. — Но согревает лучше горячего вина.

Эрна принялась. Пахло не слишком приятно и одновременно одуряюще. С ней взрослые делиться не стали. Зато Виль снял плащ, закутал в него девочку и подтолкнул поближе к костру — но так, чтобы она не находилась между ними и существом. А то разразилось целой речью.

— Он говорит, научит тебя, как призвать метель, как убить мыслью, как договориться с ветром. Научит гадать так, чтобы сбывалось только хорошее. Научит, как драться с духами и спорить с богами.

— Какие духи?! — вскинулась ведьма. Виль пожал плечами.

— Овелаалуухи язычник, чего ты от него хочешь?

— Денна вон тоже, — поёжилась Магда.

— Вечно ты всего боишься, Маглейн, — поморщился убийца. — Мы полгода прожили с язычниками, никого из нас не покусали.

Эрна засмеялась. Её брали на праздник в честь какого-то божества, было очень весело, все жгли костры, смеялись и украшали головы венками из колосьев. Но мама почему-то ругалась, а Виль тогда очень хмуро ухмылялся.

— Спроси, чего он хочет взамен обучения, — сказала Магда. Виль кивнул.

— Он говорит, ты хорошо спросила. Если бы ты не спросила, он бы тебя прогнал, потому что сила не даётся даром. Но ему ничего не нужно. Он ищет ученика. Если он не передаст свою силу, духи будут гнаться за ним до смерти и после. Он уже стар, он всю жизнь плавал с... не понял, кого он так называет. Ага, с воинами. Он не нашёл ученика в родной земле. Он боится, что не переживёт дороги домой. На море духи сильные и злые. Ему не переплыть моря. Он отдаст тебе свою силу и знания.

— Чтобы духи преследовали и меня?!

— Брось, Маглейн, — уже от себя отмахнулся убийца. — Какие духи? Это языческие бредни. А если боишься, ты знаешь — шепни словечко папаше Вилю — и вот оно, *Освобождение*. Хочешь — сейчас?

— Твои вечные шуточки... — рассердилась ведьма и испытывающе взглянула в плоское, лишённое морщин лицо колдуна. Тот ответил ей ровным взглядом, потом протянул руку

ладонью вверх. Магда накрыла её своей.

Овелаалуухи сделал жест, отгоняя их от костра. Когда все послушно отпрянули, колдун взмахнул метлой и с неба повалил снег. Очень много снега — не высыпалось — рухнуло прямо в огонь. Тот зашипел и погас. Овелаалуухи что-то сказал.

— Он живёт в городе, — перевёл Виль, — приглашает нас поселиться у него. Ты должна скорее научиться его понимать, чтобы перенять его колдовство.

Магда не ответила. Она не знала нагбарского и кое-как выучила несколько слов на местном языке. Их хватало, чтобы говорить с женщинами, но о простых делах, не о ведовстве.

Снег вокруг Овелаалуухи чуть светился. Он повернулся и пошёл, небрежно помахивая вокруг себя метлой. Так они и вышли из леса к городу, окружённому земляными стенами. Эрна думала, они постучатся в ворота, а, может, Овелаалуухи будет колдовать, но нет, он свистнул и к ним выкинули верёвочную лестницу. Колдун сделал приглашающий жест.

— Он говорит, никто не удивится, если вы появитесь в его доме, — перевёл Виль новую речь Овелаалуухи.

— Мы?! — вскинулась ведьма. — А ты?!

— Посмотрим, — уклончиво отозвался убийца. — Но заметить меня всё равно не каждый сможет, так что обо мне речи нет. Да не трясись ты, Маглеин! Не оставлю я тебя без переводчика. Вот всё время ты трясешься. Была бы посмелее — цены бы тебе не было!

Глава вторая

Чужие чары

В городе Магду принимали за служанку, которую Овелаалуухи нанял для работы по дому. На Виля привычно не обращали внимания, хотя он действительно много работал и помогал по дому. Починил крышу, сделав несколько едких замечаний про колдунов и их жилища, законопатил щели, ходил по воду к городскому колодцу и колол дрова. Эрну колдун учить отказался наотрез. Сказал, его знания не для детей, а для взрослых. А, может, чего и похуже сказал. Так что если девочку не усаживали нянчить спасённую оборотницу, она целыми днями гоняла по городу с местной ребяtnей и быстро выучила их язык. Они вечно лазали где не надо, на городскую стену, на чужие дома и даже как-то раз влезли в княжий дворец. Это он назывался так — дворец. На самом деле это был большой и беспорядочно построенный деревянный дом, не похожий ни на баронские замки в Тафелоне, ни на жилища почтенных горожан в Раногe. Затею придумала Эрна, которая немножко научилась у матери отводить глаза. Мальчишкам она про это не сказала, хотя в этих землях за колдовство и не наказывали. Просто так было интереснее — задразнить приятелей, мол, боятся, а ей (то есть ему, ведь Эрна по-прежнему представлялась мальчиком) ничего, мол, не страшно! Если бы Эрна только для себя отводила стражникам глаза, её бы не заметили, но девочка пыжилась растянуть защиту на всех приятелей. А ведь дядюшка Лонгин говорил ей когда-то: чем больше людей тебе надо учитывать, тем хуже твоё колдовство! Они тогда чуть не попались! Быть бы Эрне битой, если бы она с перепугу не выпустила свою тьму, которой её Лонгин научил. В темноте-то они все сбежали! Только мальчишки перепугались страшно и, как Эрна их потом ни дразнила, больше так рисковать не хотела. За ними-де злой дух гнался! Чёрный, страшный, с клыками и когтищами! И все в этого духа поверили. Дворец потом три дня жрецы окуривали, в капище лучшего княжеского жеребца зарезали... а потом разговоры смолкли — как отрезало. Боялись накликать беду, что ли?... Эрна так и не поняла, но мама очень ругалась и требовала «магические фокусы» прекратить. Из-за них, мол, ведовская сила пропадает. Маме было виднее, но всё равно обидно. Дядя Виль тоже ругался. Но не про фокусы, а про то, что она головой не думает, умишком не шевелит, зря рисковала ради шалости, а если бы, мол, её поймали? И зачем она свои способности людям показывает? Думает, без этого любить не будут?

Очень Эрна на дядю Виля тогда обиделась. А ещё больше, что её на несколько дней заперли с девчонкой возиться. Сам он будто и забыл, что собирался забрать Эрну у матери. Ничему особенно не учил, только как-то раз взял ночью с собой, намазав лицо сажеей, посадил в маленькое окошко под самой крышей неприметного сарая на краю города. Она пролезла, спустилась вниз — едва нашла, где ступить, там везде стояли ящики, а в них что-то мохнатое. Нашла кое-как на полу место почище, с трудом запалила трут, а от него — очень вонючую паклю, которую дядя велел непременно поджечь в этом сарае. Горела эта гадость ещё противнее, Эрна тогда чуть не задохнулась. Вылезла, дядя велел лицо умыть и забыть обо всём, а потом по городу ползли слухи, что жрец какого-то божка со смешным названием утаил от князя пушнину и хотел её всю отправить своему покровителю на небо. Ну, сжечь то есть. Так что жреца этого из города прямо зимой из города выгнали и провожатых не дали. И божка его из капища тоже выставили, поставили отдельно стоять у дороги. Нечего жадничать! Ещё в городе поговаривали, что тот жрец шпионил на самого главного жреца и

князь уж не чаял, как от него избавиться, чтобы не разгневать богов. Виль и слышать ничего не хотел про эти слухи, но ходил очень довольный, справил Магде и Эрне тёплую одежду и Эрне ещё ленточек подарил красивых.

* * *

Магда была не так довольна. Учиться было сложно. Первое время Виль сидел в углу и переводил, потому что без него она не понимала и половины того, что говорил колдун. Но постепенно всё же выучилась и не нагбарскому и не местному, а языку Овелаалуухи, на котором он говорил с рождения и колдовал с тех пор, как вошёл в возраст. Не то чтобы она могла на этом языке разговаривать. Но главные слова, за которыми скрывалась настоящая сила, она узнала. Узнала и как сварить варево, открывающее мысли. Как заглянуть в прошлое человека — но не настоящее, а как он сам запомнил. Научилась гадать — на костях, на сушёной рыбе, на настое ядовитых грибов. Узнала, где прошло детство Овелаалуухи, увидела бедный каменистый и одновременно болотный край, мужчин и женщин (как оказалось, у обычных мужчин бороды всё же росли и возраст отражался на их лицах), похожих и одновременно непохожих на колдуна. Сам Овелаалуухи настойчиво спрашивал и призывал открыть в гадании судьбу самой Магды. Его не интересовало прошлое, нет, только будущее ведьмы. Просил показать, как она варит прорицательское зелье. Как угадывает образы, а как — события. Учителю надо верить, но верить Овелаалуухи Магде не хотелось. Его прошлое — то, что он открывал, — было таким мирным, таким безобидным... люди любили друг друга, помогали, вместе противостояли опасной природе... но стоило Магде спросить, почему он ушёл, почему променял родной дом на корабль воинов, почему живёт в чужом краю — как всё закрывалось. Даже в своём прорицательском зелье она не могла проникнуть в эту тайну.

Хуже всего было то, что колдовство Овелаалуухи было противно всему тому, чему с юности училась Магда. Он не любил этот мир, не любил его природу, не протягивал руки лесу и не брал силу у земли. Он отбирал — насильно, как волшебники, — или выкупал, торгуясь... с кем? Его объяснений про богов и духов Магда не понимала, не принимала и не желала слушать. Но что-то такое было, что давало колдуну силу. Силу бросать вызов. Земле, небу, воде... вызов самой жизни. Это было отвратительно. Магда с трудом перенимала это колдовство, несколько раз порывалась уйти, но Виль уговаривал её не обращать внимания на языческие бредни и учиться, мол, мало ли что пригодится?... может, им ещё долго придётся скитаться, а, может, барон не захочет её больше видеть. Уехал же он от неё в святые земли. Вон, вернётся небось с наложницей, зачем ему Магда нужна будет?..

Больше всего убийцу привлекало то, что колдуны вроде Овелаалуухи не знали границ и владений, не должны были сливаться со своей землёй и не просили позволения у местных колдунов. Сколько бы их ни собралось, они не отнимали силу друг у друга — если Овелаалуухи не врал, конечно. Почему-то других таких колдунов не было, а в городе Овелаалуухи не любили и сторонились. Терпели только потому, что рано или поздно вернутся его товарищи, свирепые воины, приходящие с севера, с моря, но сейчас уплывшие по рекам куда-то на восток и на юг.

Как оказалось, вызвать вьюгу куда проще, чем успокоить, а утихомирить вьюгу, которую вызвал не ты — и вовсе почти невозможно. Зато можно сделать себе тропинку через метель

и пройти так, чтобы на тебя снег не сыпался. Когда вскрылся лёд, Овелаалуухи принялся учить Магду плавать по воде — к полному восторгу Эрны. Колдун мог, стоя в лодке, заставить её плыть в любую сторону, без весёл и парусов! Но, как выяснилось, просто так это не делается. Надо было сначала уметь править лодкой как обычный человек, научиться чувствовать воду, а только потом призывать эти силы. А Магда сумела вызвать и ветер, и подводное течение, но запуталась в них и быстро оказалась в воде. Ведьма тогда чуть не утонула, она не умела плавать, а широкая юбка, купленная в городе, спутала ей ноги. Колдун даже не шелохнулся, чтобы ей помочь, а, когда Магда всё же выкарабкалась на берег, в его всегда спокойных глазах мелькнуло сожаление.

* * *

Наверное, именно тогда недоверие Магды к учителю сменилось неприязнью. Она стала следить за ним и подметила оценивающий взгляд, направленный на неё, Виля и её дочь. Будто... будто хозяйка примеривается, выбирая, какой курице свернуть шею. А Овелаалуухи, будто не замечая подозрений ученицы, предложил научить ведьму обещанному: как нагадать себе то, что ты хочешь, а не что попало.

— Хорошо, — согласилась на тафелонском Магда, вытирая руки о передник.

— Ты скрытная, — сказал на своём языке колдун. — Хорошо. Но сейчас откройся. Ты должна показать желание. Если нет желания — гадания не будет. Три дня будем гадать. Три раза. Третий раз — самый главный. Научу, как договориться.

Ведьма поморщилась. Опять это язычество! Ничего хорошего от него ждать не приходилось.

* * *

На гадание явился Виль. Колдун, кажется, его не заметил: как бы ни был он силён, но мягкое, незаметное ведовство Магды и её крепкую связь с выбранным лесом он пересилить не мог. Гадали не так, как она привыкла. Колдун учил Магду колдовским песням, в котле бурлило дурманящее варево, а на полу были рассыпаны кости. Всё поплыло у ведьмы перед глазами и она увидела...

Отряд... незнакомый, никогда не виденный... синие шапки или шарфы на шапках, синее знамя... несколько лиц всё же отзываются в памяти... с ними странно одетые женщины... телеги... лошади... а вот... Увар! Муж старшей сестры. Брат.

Его лицо будто приблизилось... Потом отдалилось. Увар сидел верхом, отряд двинулся в путь...

Потом их нагнал всадник на сером коне... серая одежда... серое, «никакое» лицо... серые глаза...

Вир.

Муж её подруги.

Оборотень.

— Еле успел, — широко улыбнулся Вир. — Держи. Сохрани это! Вдруг пригодится.

Магда не видела, что он передал, но Увар спрятал это что-то за пазуху.

— *Что это?* — спросил наёмник.

— *Это на случай, если вы на Медного Паука наткнётесь,* — пояснил оборотень. — *Барон велит передать, что его ждёт прощение по случаю возвращения нашего войска из похода. Но отдашь его только если он вернёт Магду домой. Бертильду.*

Бертильда — это было её настоящее имя. То, которое дали ей, когда посвятили Заступнику. Бертильда была дочерью рыцаря. Магда была ведьмой. Что-то шевельнулось в душе. *Страх?* Неправильно! Что-то было неправильно!

Мужчины в видении обменялись понимающими улыбками и оно стало расплываться и таять. Магда тяжело вздохнула, будто пробуждаясь, и обнаружила у себя на плечах руки названного брата. Повернула голову, заглянула в глаза. Он кивнул.

Виль видел. Он разделил с ней видение.

Но видел и колдун. Что он понял из этого?

— Это твоё желание? — спросил Овелаалуухи.

— Да, — кивнула Магда. Это было то, к чему она стремилась. Барон поверил ей! Он хочет вернуть её домой! Она может вернуться! Душа её запела, стряхивая долго оцепенение. Он ждёт её дома! Её мужчина. Тот, кого она себе выбрала. К сыну, которого она ему родила! Леон, Львёнок, маленький... Его пришлось оставить, спасая дочь... Как только дороги высохнут...

— Завтра сама вызовешь, — сказал колдун. — Это ещё не твоя судьба. Завтра узнаем. Ты должна что-то для судьбы сделать. Завтра узнаешь — что. А потом — плата. Если не заплатить — может сбыться, может нет. Духи даром не помогают.

У Магды опустились плечи.

— Не дуйся, Маглейн, — тихо сказал убийца у неё за спиной. — Научишься и вернёшься ты к своему барону.

* * *

Второе гадание дома проводить было нельзя. Овелаалуухи сказал — на второе гадание слетится много духов. В доме им будет тесно. Зато он позвал — сам позвал! — с ними и Виля, и Эрну. Девочку-оборотницу пришлось взять с собой: её было не на кого оставить. Было пасмурно, всё казалось серым и унылым. Овелаалуухи сам, никому не доверяя, развёл костёр на берегу реки. Сам, не подпуская Магду, сварил своё варево. Рассыпал куриные кости — сказал, потом надо по ним посмотреть, когда загаданное сбудется. Магда кивнула: читать кости он её уже научил. Потом велел ученице петь песню призыва. Она пелась на его языке и ведьме пришлось заучить слова, не понимая их смысла. Вроде там про духов что-то пелось. Про плату. Про прошлое, настоящее и будущее. Ведьма послушно запела. Что-то было неправильно. Тяготила одежда. Мучили убранные под одежду волосы. Хотелось ступнями коснуться земли, дать живой силе пройти сквозь тело. Но нельзя было. Это чужая ворожба, она так не творится.

Овелаалуухи запел тоже — своим ясным голосом, выговаривая все звуки так, что песня напоминала весеннюю капель. От котла поднимался пар... почему-то зеленоватый, гнилой... он окутывал их... а в бурлении котелка слышались звуки... крики... стоны... шипение... вот появились силуэты... Магда увидела когти, клювы, увидела безголовые туловища и безглазые головы...

— Духи пришли, — не прерывая пения низко прогудел Овелаалуухи. — Они покажут тебе то, что нужно.

Магда не могла бы сдвинуться с места даже ради спасения собственной жизни. Против воли она жадно вглядывалась в жуткие картины, а они всё кружились, кружились...

Кровь.

Крики.

Стоны.

Ржание коней.

Ведьма увидела искажённые яростью и болью лица...

Потом увидела Увара. Он кричал что-то о разбойниках.

Снова кровь.

Снова бой.

Врагов слишком много и Увар уводит свой отряд. Но где остальные? Где телеги и те странные женщины?

Вой.

Серые силуэты скользят между домами. Кажется, сейчас...

Но всё расплывается и между теми же домами мирно расходятся люди.

Кровь.

Ах, какая вкусная кровь!

Ведьма отшатнулась от этого видения, от пришедшего с ним ощущения блаженства и солоноватого металлического вкуса... и увидела вампира — он сидел на резном троне, одетый в дорогой бархат. Перед ним на коленях стоял полуголый юноша. Кровь стекала у него по спине и груди. Князь улыбался. Он пнул юношу ногой, обутый в сафьяновый сапог, поднялся и прошёл через зал по длинному коридору куда-то дальше... Всё расплывалось, но потом вспыхнуло ярко — драгоценные венцы, украшенные сияющими самоцветами. Это было блаженство, с которым не могла сравниться грязная жидкость, текущая в жилах смертных.

Увар.

Снова Увар.

Сейчас он стоял в том самом зале с резным тронном, напротив него сидел князь. Тот спрятал клыки и казался обычным человеком — о, только казался...

Дорога.

Река.

И снова дорога...

Дорога исчезала в дыму, горьком, тошнотворном дыму, который щипал глаза и затруднял дыхание. Магда закашлялась... на миг видения пропали, а после накатили те, первые — безглазые головы, безголовые туловища... Колдун что-то пел, пел и пел своим ясным чистым голосом... ведьме вдруг почудилась угроза в этой песне... и как-то тесно обступили духи, а одежда давила на плечи... Послышался тонкий детский плач... это было

невыносимо. Магда рванулась, как в детстве, бывало, вырывалась из страшного сна... Горчил дым. Колдун стоял перед ней и пел, руками подгоняя дым в её сторону. Ведьма услышала в этом пении своё имя... оба своих имени... Страх холодно заскрёбся в её душе. Виль застыл рядом с пустым, ничего не выражающим лицом, а в двух шагах билась, но не могла сдвинуться с места Эрна. И горько плакала.

— Мама! Мама, очнись! — рыдала девочка. Голос был ослабевший, обессиленный. *Давно кричит.* А колдун всё пел и гнал дым. Магда закашлялась.

Духи.

Колдун говорил, что духам нужна плата.

Но он говорил, что о плате разговор будет только завтра...

Магда взглянула на дочь. Девочка явно может двигаться, но не может идти. А она сама? Ведьма попыталась пошевелить хотя бы рукой, хотя бы пальцем — не получалось.

Колдовство.

Её приковало к месту чужое колдовство.

Но против колдовства тоже есть защита.

— Эрна! — позвала ведьма. Девочка взглянула на неё с безумной надеждой. — Нож... нож, который тебе подарил дядя Виль. Кинь в мою тень. Пусть он вонзится в мою тень.

— Но я...

— Скорее!

Нож, который помог ей когда-то сопротивляться высшему посвящению, для ведьмы означавшему безумие. Нож, заговоренный ею ещё семь лет назад. Нож, побывавший в центре сильного и злого колдовства.

— Ну же!

Когда металл пронзил тень ведьмы, она дёрнулась как от настоящей раны. И поняла — теперь она может двигаться. Магда наклонилась и поспешно схватила оружие. Колдун, наконец, очнулся. Увиденное его рассердило, Овелаалуухи затопал ногами, замахал руками и что-то закричал. Слишком быстро, чтобы это можно было разобрать. Обращаясь не к ней. Магда прыгнула. Не к нему — к дочери, двумя взмахами освободила девочку от колдовских пут и толкнула подальше от колдуна. Тени вокруг сгустились, дым стал таким густым, что едва ли что-то было видно. Магда с трудом разглядела костёр и по его отблескам прикинула, куда падает тень Овелаалуухи. Кинула туда нож. Он воткнулся в землю, колдун взвыл громче прежнего... всё закружилось у Магды перед глазами. Тени, головы, клювы... она закричала — страшно, иступлённо, вдруг разглядев в дыму нити чужого колдовства... ведьма ударила по ним руками, кожу обожгло, словно женщина сунула руки в костёр...

Темнота.

Темнота и пустота.

Магда даже не могла вспомнить, кто она и как попала в эту пустоту... есть ли у неё тело и на что оно похоже... а потом... потом...

Горло жгло, словно в него влили жидкий огонь. Лицо горело от оплеух.

— Мама, очнись, — по-прежнему рыдала Эрна.

— Помолчи, Эрлейн, — послышался тревожный голос Виля. — Если сейчас не оклемаются...

— То что? — с трудом произнесла ведьма и снова закашлялась. — Зарежешь меня?

— Смотри-ка, помогло! — обрадовался убийца. В его голосе слышалось явное облегчение. Ведьма огляделась по сторонам. Костёр потух, небо развиднелось, но день уже клонился к вечеру. Колдуна нигде не было видно.

— Где... Где Овелаалуухи?

— Ушёл, — сплюнул Виль. — Когда я очнулся, ты что-то рвала в воздухе, он кричал и отмахивался... Враг его знает от чего. Потом он прыгнул в лодочку, тут, у берега припрятал, поганец, и уплыл. А ты рухнула. Как ты всегда делаешь, когда поколдуешь. Я подумал — кто его знает, подлеца?... Буду за ним бегать, а он за тобой вернётся.

— Что за гадость ты мне дал? — спохватилась ведьма. Она обнаружила, что Виль устроил её на своём плаще, а голову и вовсе положил к себе на колени, но подняться не было сил.

— Украл у Овелаалуухи, — пожал плечами убийца. — Узнать бы, как он это делает.

Ведьма закатила глаза. Напиток не был волшебным, просто немного человеческой хитрости и терпения.

— А если бы это яд был? — спросила она.

— Яд? — с сомнением спросил Виль, и Магда поняла, что он и сам успел приложиться к своей фляжке. — Нее... Ну какой мужик будет такую прелесть портить?

— Так Овелаалуухи всё-таки *он*? — вмешалась в разговор Эрна. Она всё ещё дрожала от страха, но любопытство оказалось сильнее.

— А, Враг его знает, — отмахнулся убийца. — Может, и баба. Баба и отравить могла. Вредные вы все, бабы-то.

— Виль, прекрати, — поморщилась ведьма и попыталась подняться.

— Что, Маглейн, совсем силёнок не осталось? — наполовину сочувственно спросил убийца, когда ведьма едва смогла пошевелиться. — Вот любишь ты на чужом горбу ездить...

— Прекрати, — повторила ведьма и нахмурилась. *Что-то было не так...* — Виль!

— Виль то, Виль это... — отозвался убийца.

— Виль, он пытался нас убить! — настойчиво сказала ведьма. — Он хотел отдать нас тем духам, которые за ним гонятся. Помнишь, он рассказывал, ещё при первой встрече!

— Даже так? — усмехнулся Виль.

— «Даже так»?! Он хотел нас убить!!!

— Да понял я, не ори. Я давно догадался. Только сглупа решил, что он до завтра подождёт, вот тебе и не сказал. Но ничего, ты прекрасно ведь справилась. Ещё бы так не раскисала, цены б тебе не было, Маглейн.

— Ты знал?! Ты позволил, чтобы я... ты сам мне велел у него учиться!

— Конечно, велел. А ты хотела всю жизнь крестьян запугивать да бормотать над зельями заговоры? Гляди, как он умеет! Хоть что-то успела разобрать, а, Маглейн?

— Ты... ты нарочно...

— Какая ты тихая, когда двигаться не можешь, — издевательски заметил убийца. — Связывать тебя, что ли?..

— Да ты!..

Ведьма дёрнулась, пытаясь не то вскочить, не то отодвинуться от своего товарища, — и села.

— Во, другое дело! — одобрил Виль. — Давай, в себя приходи — и пойдём домой.

— *Домой*, — грустно усмехнулась ведьма. Она так хотела домой!... может, хоть теперь её Виль отпустит?

— И нечего кукситься. Маглейн, самой-то не надоело? Вот тебе ещё папаша Виль соплю не вытирал. Вставай-вставай, ты за зиму-то отъелась, я тебя не потащу. Ну, чего смотришь? Если бы я тебе сразу сказал, что этот Овелаалуухи скотина, я б тебя к нему не заманил и ты б дурочку не сыграла. Зато теперь мы знаем, что такие колдуны умеют.

— Зачем тебе это знать? — спросила Эрна, которая до того побаивалась вмешиваться в ссору взрослых.

— Зачем надо, — коротко отрезал Виль. Магда отстранилась от него, кое-как встала на четвереньки и, отталкиваясь руками от земли, поднялась на ноги. Колени дрожали, но, во всяком случае, держали. — Вот, молодец. Можешь же!

— Он хотел нас убить, — снова произнесла ведьма. — Мы могли погибнуть!

Виль тоже поднялся, взял названную сестру за плечи и встряхнул.

— Окстись, Маглейн. Ты одна прервала высшее посвящение — а над ним трудились все старшие ведьмы с Бурой башни. От этой, рыжей-то, Денны с её идолом отмахалась. С чего б мы сейчас погибли, а? Стал бы я с собой кого попало таскать. Последний раз тебя хвалю, чтобы больше не напрашивалась, поняла?

Ведьма покорно кивнула. Её всё ещё трясло. Дочь подошла к ней и прижалась. Девочку тоже колотило — от пережитого ужаса и, как поняла мать, ещё и от боли. Что бы ни происходило во время колдовского транса, для Эрны это было больно.

— Уйдёмте отсюда, — предложила Магда. Ей было неуютно. Краски словно выцвели. Серый закат сиял над муторно-чёрной рекой... то ли звенело в ушах, то ли слышались навязчивые шепотки...

— А я о чём? — проворчал Виль, поднимая с земли свой плащ. Ведьма оглянулась по сторонам, разыскивая оборотницу, но той нигде не было видно. Или... Вон там?... Ведьма посмотрела в сторону — но там ничего не было. Прячется она, что ли?... Что-то вроде виднелось где-то сбоку, но, как Магда ни вертела головой, ничего не могла разглядеть. Только в ушах зазвенело сильнее прежнего... Или это был не звон, а... шёпот? Пение?... Виль свистнул, хлопнул себя по ноге — раздался жалобный скулёж. Виль снова свистнул. Из камышей к ним выполз насмерть перепуганный волчонок — с прижатыми к голове ушами и поджатым хвостом. Ведьма снова огляделась. Что-то не так было в длинных вечерних тенях.

— Виль... Эрна... вы видите?... — выдохнула Магда, вцепляясь в руку товарища. — Вы их видите?!

— Что, Маглейн? — недовольно спросил убийца.

— Ты чего, мамочка? — испугалась девочка.

Спрашивать оборотницу было бесполезно, она не говорила в обоих своих обличиях.

— Духи, — простонала ведьма, закрывая лицо руками. Теперь она видела их куда яснее... когтистые лапы тянулись к лицу, хватали за ноги, цеплялись за руки... У самых глаз мелькали пугающе-острые клювы. — Он наслал на нас своих духов!

Глава третья

Начало розысков

Наёмники Увара воспользовались старой нагбарской дорогой — путь через лес ещё не был проложен, — и вышли к земляным стенам Пьярбе. Городок показался Врени неказистым. В Тафелоне даже самые бедные города одевались в камни. А тут... впрочем, с камнями у них, верно, плохо, в этих лесистых и болотистых землях. Как рассказывал Увар, в городе «сидел» князь Галлают, про него наёмники много слышали. Причём как плохого, так и хорошего. Словом, обычный был князь. Не хуже других. Сидел — то есть управлял этим городом, как поняла Врени. Почему он делает это сидя, она так и не сумела взять в толк.

В город входить не стали, разбили лагерь у стен, выставили дозорных и принялись ждать. Недолго — вскоре из города к ним направились десять всадников. Увар, разглядев первого, радостно захохотал.

— Это же Карбút! — заявил он. — Я так и знал, что в здешних краях мы встретимся.

Услышав знакомое имя, наёмники тоже расхохотались. Как Врени поняла из их скупых слов, семь лет назад Карбút держал свой отряд где-то в этих же местах и вместе с Уваром нанимался на защиту пограничной крепости от нагбарских набегов. Потом их пути разошлись и вот теперь снова встретились.

Чужой отряд доехал до границы лагеря. Карбút спешился, Увар шагнул ему навстречу и мужчины пожали руки.

— Я так и думал, что это ты, — заявил Карбút, кивая на небесно-синий стяг Увара. На стяге были вышиты сошедшиеся в схватке золотые дракон и змея. Змея была древним гербом Корбиниана, рода, к которому принадлежал Старый Дюк^[4]. Дракон же прежде красовался на знамени завоёванного Уваром для Клоса графства Дитлин. Новый герб символизировал победу Дюка и его гвардии над врагами. Небесно-синий стяг Увар когда-то привёз из своих странствий на востоке.

— А я не ждал тебя тут увидеть, — отозвался Увар.

Они говорили на нагбарском, который Врени едва знала, так что женщина скорее улавливала общий смысл, чем разбирала отдельные слова.

— Галлают взял меня в домашние слуги, — пояснил Карбút. Врени с сомнением оглядела отряд. Кольчуги, копья, мечи при сёдлах, топоры... эти люди совсем не походили на слуг. Но Увар понимающе кивнул.

— Ты от князя? — спросил он нетерпеливо.

— Меня послали узнать, точно ли это ты и зачем явился.

Увар в задумчивости почесал подбородок.

— Я еду от своего великого князя, — степенно отозвался он, расправляя плечи, — чьи земли лежат на западе, за лесами оборотней. Привёз от него грамоту и подарки князю Галлаюту.

Карбút нахмурился.

— Я думал, ты просишь прохода на восток, — сказал он. — Я так и доложил князю Галлаюту.

— Это само собой, — ухмыльнулся Увар. — Но сперва я прошу твоего князя принять меня.

— Никогда не слышал ни о каком князе Клосе, — проворчал Карбút.

— Услышишь, — пообещал Увар. — Проведи меня к Галлаюту и услышишь.

Карбут отвернулся от старого знакомого, лицо его выражало досаду. Увар ухмыльнулся.

— Я не забываю старых друзей, — произнёс он со значением, снял с руки серебряный браслет, надетый, кажется, только перед этим разговором, и сунул в ладонь Карбуту. — Когда я поклонюсь твоему князю, приходи сюда, друг. Выпьем вина, вспомним прежние времена.

Лицо Карбута просияло простодушной жадностью. Он надел на запястье браслет и широко улыбнулся Увару.

— Князь примет тебя завтра в полдень, — пообещал он. — Ты посланник великого князя с запада — такого человека негоже заставлять ждать!

Он дружески кивнул людям Увара, повернулся к своему отряду — и вот уже от них осталась только поднятая конями пыль. Сами воины скрылись вдали.

— Он так обрадовался браслету? — удивилась Врени, глядя вслед отряду Карбута. Увар расхохотался.

— Он обрадовался сундуку, который будет ждать его завтра вечером, — объяснил наёмник. — Видала, как припустил? Побежал своего князя уламывать. Ничего, мы и его найдём чем удивить.

Он замолчал и немного удивлённо посмотрел на цирюльницу. Она криво улыбнулась. По правилам отряда женщины оставались в глубине лагеря, когда приближались чужие. Но Врени никогда не любила следовать правилам, к тому же ей помогал дар, полученный при высшем посвящении: её присутствие всегда и всем казалось уместным. Так и сейчас: никто не подумал отогнать её или помешать задавать вопросы.

— Вот что, Большоногая, — сообразил Увар. — Завтра с утра возьми Мюра и ступай в город. Походи по базару, по кабакам. Найдёте баечника, выпросите про Большое Усмирение оборотней.

Врени кивнула. Мюр, нагбарский оруженосец, после побед Клоса перешёл служить Виру, который теперь был не шателеном^[5] того или иного замка, а сенешалком^[6] Тафелона. В ведении Виры, кроме прочего, находилась личная гвардия Дюка, вот потому-то он и отпустил своего оруженосца с ними в поход. Мюр, конечно, был косноязычен и глуповат, но он привык слушаться и точно выполнять приказы, а Врени он знает давно и, чего греха таить, побаивается.

— Тут часто бывают иноземцы, которые даже нагбарского не знают, — пояснил Увар. — Или с моря приходят, или с юга в Нагбарю идут. Никто не удивится, что ты через толмача разговариваешь. А новости послушать всем охота. Ты тоже расскажи. Про великого князя Тафелона расскажи, к примеру.

Он заухмылялся и Врени повторила его ухмылку. Ну да, не лишним будет пустить по базарам слухи о том, как на западе храбрый князь покорила остальные земли и начал мудро править своей страной. Клос, в общем, неплохо справлялся. У него был в коннетаблях и советчиках старый барон цур Фирмин, лучший воевода Тафелона, ему помогала расчётами вампирша Вейма, наставница клосовой жены и, в конце концов, был ещё папский легат отец Сергиус, с которым вообще мало кто решался спорить. С такой свитой мудрено ли стать великим князем?

А ещё, когда бродишь по базарам, невозможно навязаться с Уваром к здешнему двору. Он её всё-таки перехитрил. Цирюльница скрыла досаду и пошла заниматься дневными делами.

Внутри Пьярбе не понравился Врени ещё больше, чем снаружи. Улицы мостили только деревом и то не все, дома деревянные и редко кирпичные, крыты чуть ли не соломой. Люди бедные, одеты как крестьяне, а гонору-то сколько! Ишь, носы задирают! Когда они с Мюром дошли до базара, стало ещё хуже. Дар казаться всем уместной пробудил у торговцев убеждение, что она пришла сюда за покупками. Врени хватала за рукав, заступали дорогу, осыпали проклятьями, потом льстивыми уговорами и снова проклятьями. Она быстро выучила, как произносится на местном языке «мне ничего не надо» и повторяла эту фразу так часто, что у неё устал язык. Баечника они нашли в третьем кабаке — и в каждом пришлось пить, противный сладкий напиток из мёда и что-то непонятное из молока. Сказали, кобыльего. Врени с непривычки чуть не стошнило, а потом ещё Мюр попросил сидра и пришлось запивать им. В голове у цирюльницы слегка шумело, что творилось в желудке — не хотелось и думать. Но в третьем кабаке им повезло. Неопрятный дедок с крест-накрест обвязанными икрами сидел на столе посреди тесного зала и что-то рассказывал, болтая ногами. Одежда на нём была серая, невзрачная, похожая на колпак шапка валялась рядом. И голосок — как его люди терпят! — тонкий, въедливый как комариный писк.

Мюр, который немного знал местный язык, прислушался, потом повернулся к Врени.

— Пойти отсюда, — предложил он на ломанном тафелонском. — Его врать. Его говорить, сам король из Нагбария прийти сюда, к стенам Пьярбе. Его врать. Король Нагбария не ходить в такой поход. Тут плохо. Бедный всё. Сюда ходить тан Иннониса, великий Глентон. Глентон — не любить король. Король не любить Глентон. Глентон хотеть новая земля. Он приходите сюда. Немного люди. Немного мечи. Он вернись к король, король его прощать. А этот врать. Врать, что они сразить наша король. Пошли. Этот врать.

— Погоди, — остановила его Врени. — Дай ему денег, пусть расскажет про оборотней.

— Зачем? — набычился задетый нагбарец. — Его врать.

— *Дай*, — повторила Врени. Мюр подчинился.

— Я сказать ему, их народ не великий, их народ волки грызть. Он сказать, он знать, они волки бить. Теперь про волков врать. Только сказать, горло сухой.

Врени закатила глаза.

— Дай денег кабатчику, пусть подаст ему вина.

— Тут нет вино.

— Тогда эту их пакость, — отмахнулась цирюльница.

Наконец, все приготовления были сделаны и дедок, хлебнув хмельного мёда, начал свой рассказ.

— Его сказать, — скривился Мюр, — волки страшный. Воют, кусаются. Сильней люди. Быстрей люди. Чуют. Слышат далеко. Раны на них быстро заживать. Волки очень страшный.

Врени усмехнулась. Чуют и слышат оборотни намного лучше человека, а вот видят намного хуже. Но это было не главное. Такие как Вир — выросшие среди людей, обученные всем приёмам боя, способные контролировать свою волчью половину — действительно были отменными бойцами. Однако те, кто населял леса оборотней... у них не было доспехов, никакой доспех не выдержит превращения в волка и обратно, железные орудия они делали плохие. В бою они не всегда знали, какой облик предпочесть, а, сменив его,

какое-то время не могли прийти в себя и становились очень уязвимы. Волчьи повадки, делающие оборотней отменными охотниками, мешали им сражаться с закованными в железо противниками. Раны на них, конечно, заживали быстро, но всё же не мгновенно, а от отрубленной головы или пронзённого сердца не спасёт никакая вторая шкура. Она успела узнать это, когда они проходили через леса на восток. В одном месте дороги их встретила засека^[7], град плохо сделанных дротиков, оглушительный вой, которым оборотни, видать, надеялись запугать путников. Увару было не привыкать к таким штучкам. Тогда Мюр тоже узнал, что оборотни этих лесов — простые смертные, которые легко расстаются с жизнью. Куда им было с дротиками и клыками против тяжёлого нагбарского топора?..

Но для простого крестьянина налёт этих тварей опасен. Сперва они запугивают воем, бросаются как в человеческом облике, с дубинками, так и в волчьем. Тех, кто падает на землю и дрожит от страха, не трогают, разве что искусают, но не смертельно. Тех же, кто пытается сопротивляться, валят на землю и перегрызают горло. После таких налётов по всем окрестным деревням проходят такие слухи, что в следующей деревне предпочтут сами вынести всё добро, лишь бы избавиться от этого ужаса. Серьёзных противников оборотни-грабители обычно избегают.

— Его сказать, десять лет назад отец князь Галют, — продолжил переводить Мюр, — рассердиться на волки. Волки совсем наглый стали. Днём на людей из кусты прыгать! Князь собрать люди и поскакать в лес. Найти гнездо... нору... логово! Логово волки найти! Главный волчий князь найти. Бейся с ним! Князь бейся сам! С волки! И люди! Бейся и бейся. Много бейся. Победить. Схватить волчата. Тогда главный волчий князь сдавайся. Проси мира. Очень-очень проси. Князь взять выкуп и отпустить волчата. Сказать — даже заложник такой не надо. Волчата в волки вырастать. Не держать волки в дом!

— Спроси его, какой был выкуп, — толкнула в бок нагбарца Врени.

— Его же врать, — удивился Мюр. — Он всё врать и этот врать.

— Спроси, — настаивала цирюльница.

Мюр хрипло прокаркал вопрос и дедок оживился.

— Выкуп особенный, — принялся дальше переводить Мюр. — Много янтарь. Много золото. Много пряности. Много мёд. Много сукно. Много шёлк. А самый главный — венец Волчий князь отдать свою венец.

— Скажи, что волки венцов не носят, — потребовала Врени. Мюр, к счастью, не стал задавать вопросов.

— Он говорить — носить. Носить венец. Прекрасная венец, со змея. Змея меняет кожа. Он говорить, это знак. Не простой волки, волшебный. Тоже менять кожа. Поэтому змея. Прекрасный венец со змея. Волчий венец. Князь давать её со старший дочь, когда она жениться на соседний князь.

— Прекрасно, — улыbnулась цирюльница.

Увар посвятил её в тайну их путешествия. Венец — корона — со змеёй, гербом рода Корбинана. Корона Тафелона, украденная оборотнями из развален Гандулы, замка Старого Дюка, переданная ими сородичам на восток и отданная в качестве выкупа одному из князей язычников. Это всё узнал Вир, порасспросив оборотней из стаи, которую считал своей. А вот дальше след короны терялся. Что ж, теперь, можно считать, нашёлся. Корона ушла дальше на восток. Значит, они надолго у этого паршивого городишки не останутся.

— Скажи ему, — продолжила Врени, — что он здоров врать. Пусть выпьет за наше здоровье. Хорошая байка.

— Он говорить — он моги рассказать про пираты с моря. Они плыть по рекам и грабить люди. С ними плыть курейд — девки с мечами, злые девки, страшный колдун без глаз, не мужчина, не женщина, очень страшный, и волки. Всегда один волки хотя бы на корабль. Их все бояться, даже они сами. Воет, щит кусает. Очень страшный. Злые пираты. Грабить люди. Он рассказать. Князь Галют их победить.

Врени ненадолго задумалась. Слушать про загадочных пиратов ей не хотелось, но уходить, едва услышав нужное, было бы подозрительно. Кто его знает, этого дедка, кому он рассказывает потом про своих слушателей?..

— Скажи, про волков на кораблях точно врёт. И про колдунов тоже.

Дедок обиделся.

— Он говорить, не врать! — перевёл его быстрый ответ Мюр. — Ты сама такая девки. Страшная. Курейд. Только меч не носить.

Врени помнила, что курейд — по-нагбарски женщина, научившаяся владеть оружием. В Тафелоне таких практически не было, в Нагбарии они встречались редко. Среди этих загадочных пиратов, видимо, чаще.

— Если они такие страшные, как князь их победил? — скептически спросила она. Дедок, услышав перевод вопроса, приосанился и начал рассказ. Врени уныло глотнула сидра. Гадость какая! Почему они не могут продавать вино, как нормальные люди?

* * *

В лагерь они вернулись к вечеру. У Врени шумело в голове и горело в желудке, так что она всю дорогу решала, принять рвотное или успокаивающее боль снадобье. Увар ждал её.

— Корону видели, — коротко доложила цирюльница и в двух словах пересказала основное из услышанной байки. Ей хотелось лечь и сдохнуть. Увар хлопнул её по плечу и отпустил лечиться. Вскоре в лагерь прискакал Карбут, всего с двумя путниками, которые остались стеречь коней снаружи. Разумеется, трое из людей Увара принялись присматривать за чужаками. А Увар повёл своего гостя в шатёр, где всё было готово к хорошему пиру.

* * *

Когда Врени избавилась от рези в желудке, Увар и Карбут были уже основательно пьяны и Увар как раз допился до того, чтобы открыть старому знакомцу душу.

— Когда поднимаешься на с... самый верх, — заплетающимся голосом говорил он по-нагбарски, — тебе доверяют с-са-амые т-тонкие задачи. Не как раньше. Ты знаешь. Защити крепость. Пожалуйста! Убей того человека. Запросто! Всё легко. А на-аверху нет. Наверху сложно.

Карбут горячо его поддержал и рассказал какую-то историю, которую Врени, спрятавшаяся возле шатра, не смогла разобрать. Мало того, что Карбут говорил по-нагбарски, но ещё с таким странным акцентом, что угадывались только отдельные слова. Увар, даже пьяный, был понятней.

— Да-да, — согласился Увар и сделал большой глоток. — Вот так вот. Ты думаешь, я тут что? Г-гуляю? Ха-ха! Жена выгнала? Н-не-е-т! Меня — ик! — князь послал! Он —

слышишь? — хочет братьев женить. У него — ик! — братьев!... И ведь как! У нас в Тафелоне знать — ик! — злая! С такими породнишься — ох! Бунт поднимут! Н-не-е-ет, не годятся. Да и дочек у них мало. Не-е-ет, не годятся. Есть Хр-ра-хлария^[8]. На западе. Брр. Знать там надушенная. Танцуют целыми днями. Наш князь человек простой! С нами в бой, с нами в пир! На охоту — с нами! В походах спать с нами ложился! Ел, пил... как свой! Зачем ему хларская знать? Я ему и сказал! На востоке есть князья! У них дочери... красавицы! Отправь меня, сказал я, на восток! Ик!

Врени смутно представляла, что Увар описывает Дюка в соответствии с местными ценностями. Здешние князья сражались во главе своей дружины и не спешили отличаться от неё роскошью. Правда, говорили, что дальше, на юго-востоке есть земли, где знать одевается очень богато и пышно. Но там уже другие обычаи, чем в этих лесистых краях.

Карбут высказал что-то одобрительное. Что-то о том, что их земли славятся красотой и целомудрием своих дочерей, а князьки дочери, конечно, лучше всех, только очень уж пока молоды. Князь Галлают сам недавно начал своё правление.

— Ничего, — отмахнулся Увар. — Лишь бы сговорено было.

— Что же женихи сами не приехали? — спросил Карбут.

— И-и-и! — потянул Увар. — Сами приедут, надо сразу свататься. А вдруг не понравятся?

— Так они и потом могут не понравиться, — не понял Карбут.

— Как такие важные дела мальчишкам доверишь? — пояснил Увар. — Надо же — ик! — обсудить, обдумать. Людей поспрашивать. Много ли за невестой дают, узнать. А то — ик! — дело молодое. Увидит, полюбит, так и проторгуется. А ведь не простые женихи. Братья самого великого князя! Узнать бы заранее. А там и сватов зашлём!

Увар хлопнул в ладоши и что-то сказал. Двое из его людей, видимо, заранее предупреждённых, внесли в шатёр сундук и, судя по звуку, откинули крышку. Вышли и вернулись со вторым сундуком.

— У кого бы про приданное узнать... — задумчиво произнёс Увар.

— Это к Яминту, — усмехнулся Карбут. — Старый змей. Писарь княжеский. Всё добро переписал, кому когда и сколько чего выдано и чего будет выдано. Только злой он человек, людей не любит.

Глава четвёртая

Оборотница

Яминт оказался хитрым и проницательным стариком. На него не действовало ни лесть, ни вино, но доброе старое золото проложило путь Увару к его сердцу. Наёмник всё разузнал и про младших сестёр Галлаюта, и про его дочерей, и про то, какие за них сулят богатства, и перевёл разговор на старших сестёр, как их-то замуж выдавали. Надо и такие вещи узнавать. Чтобы, беря молодых княжон, не продешевить!

Дедок-баечник, конечно, всё перепутал. Венец со змеёй был выдан в приданое не старшей дочери князя Гореюта, отца Галлаюта, а третьей. Всего дочерей у него было три, правда, красавица Виласеле была дочерью жены, а остальных родили наложницы. С другой стороны, это и для сыновей-то не всегда было важным, Галлают, например, сам сын наложницы и к власти пришёл кроваво, о чём вспоминать не любили. А уж для дочерей-то...

Выдали Виласеле замуж за князя Инваса, чьи земли и впрямь лежали восточней, чем земли князя Гореюта. Только девушка дотуда не доехала. Был у Гореюта опальный слуга Мивьют, который спутался с разбойниками и затаился на большой дороге. Говорили, что из-за Виласеле на него князь и осерчал. В это Яминт не вникал, а только знал, что подстержёт Мивьют на дороге княжну и украдет её прямо из-под носа отца и жениха. Сперва попортил, потом женился. Князь Гореют тогда осерчал, но порченную дочь отбирать силой не захотел, а за Инваса отдал другую свою дочь. Тому было всё равно, на ком жениться, лишь бы скрепить союз с Гореютом. Мать Виласеле страшно гневалась. Любила она дочь. Кричала, проклинала злодея, проклинала жениха, который не смог её уберечь, да всё без толку. Так от злости и заболела. На похороны Виласеле приезжала, ох, и грустное было это зрелище. Не было у неё ни шёлка, ни золота, одевалась как простая. Сказала, всё её приданное Мивьют разбойникам отдал, откупился, чтобы они ему девушку оставили. Отец её не удерживал.

Узнав всё это, Увар крепко задумался.

Одно дело — князь. Вот он, город, вот в нём цитадель, а в ней и покои княжеские. Никуда не денется. А если к его людям найти подход, то и про богатства можно выпросить. Увар ещё подумал, что Яминт может и доложить князю, кто его и о чём расспрашивал, так что от Пьярбе пора уносить ноги. Против княжеского войска им с отрядом не выстоять.

А разбойники — другое дело. Нет у них писарей, нет и места, где их искать. Разве что у людей поспрашивать, с кем связался опальный Мивьют несколько лет назад. Дорога-то тут известная. Увару и самому приходилось на ней промышлять, когда ему жалование не платили.

* * *

Врени была очень довольна, что они убралась от этого городишки. Её радость омрачало только опасение, что в этой паршивой стране *все* города такие же паршивые. И во всех пьют мёд с кобыльим молоком. Брр. Затея Увара разыскать не пойми где не пойми каких разбойников тоже не могла радовать. Так что Врени ходила по-прежнему хмурая, а в дороге пускала свою лошадь рядом с Мюром и терпеливо училась нагбарскому языку. Дака, которая прежде всегда была рядом и учила держаться в седле, теперь ехала в повозке со своим

маленьким сыном: родила в начале весны. Это событие ничем не смягчило её строптивного нрава, только косами мотать молодая женщина уже не могла: убрала под платок. Иргай, её муж, к слову, был так горд и счастлив, будто бы сам произвёл на свет этого мальчика, а не слонялся во время родов по двору замка в ожидании добрых или злых вестей. Врени, конечно, предлагала Даке остаться в Тафелоне. Куда она с таким маленьким поедет? Но та ни в какую. У них-де в степях не принято, чтобы женщина мужа одного отпускала. Врени знала, что Дака врёт, отпускали, конечно, не может такого быть, чтобы не отпускали. Но спорить было бесполезно, тем более, что ни Иргай, ни матушка Абистея, его мать, которая держала в подчинении всех женщин и девушек отряда, цирюльницу не поддержали. Даже не поняли. Дака здорова? Здорова. Ехать может? Может. Ребёнок тоже здоров. Так зачем разлучаться? Другое дело, если бы в поход женщин не брали. А раз берут, так что за беда? Пришлось смириться.

* * *

В тот вечер было всё как обычно. После того, как Дака с Иргаем поженились, Врени осталась одна ночевать в своём шатре и по вечерам ей в кои-то веки никто не мешал. Можно было сесть к костру и слушать страшные байки, которыми потчевали друг друга наёмники, а можно было остаться одной и лечь спать пораньше. В тот вечер она собиралась отдыхать, устала за день, на душе было муторно, как будто грызло дурное предчувствие. Но вдруг как будто то ли ветер подул, то ли...

— Жду *Освобождения*, сестра, — произнёс в полумраке знакомый голос. Уставшая женщина так и села.

— Паук?! — изумилась она и поспешила ответить. — Жду *Освобождения*, брат.

Этой фразой приветствовали друг друга высшие посвящённые среди *прозревших*, тех, которых обычные люди звали проклятыми. Прозревшие верили, что мир — это тюрьма, в которой заточил их души Создатель, вынуждая раз за разом проживать человеческую жизнь с её страданиями и горестями. Заступника они звали Надзирателем, а Врага — Освободителем. Медный Паук был высшим посвящённым, разбойником и убийцей. Врени, до недавнего времени была тайной отравительницей и только мечтала о высшем посвящении. Как Паук проник к ней в шатёр, можно не спрашивать. Его даром была незаметность, он славился умением подобраться куда угодно.

— Никак не рада, Большеногая, — хмыкнул убийца.

— Что ты здесь делаешь?!

— Жду *Освобождения*, — засмеялся проклятый. — Дело есть.

— Я больше не убиваю, — отозвалась Врени. Дар убийцы она потеряла во время своего посвящения.

— С этим я сам справлюсь, — отмахнулся Медный Паук. — Помоги мне.

Посвящённые не отказывают друг другу в помощи. Прозревшие помогают друг другу.

Красивые слова. На самом деле прозревшие твёрдо придерживаются только одного правила: не выдавать своих. Кто выдаст — умрёт. А в остальном среди проклятых в ходу были и козни, и убийства и, конечно, они отказывали друг другу в помощи.

Врени замешкалась с ответом и Паук с нажимом произнёс:

— Жду *Освобождения*, сестра.

— Да что тебе такое надо? — удивилась Врени. Паук никогда никого ни о чём не просил. Он мог предложить сделку, он мог милостиво принять помощь, но просить...

И Медный Паук рассказал.

— Ты спятил? — беспомощно спросила цирюльница. Что за бред? Детёныш оборотня, кому вообще могло понадобиться такое подбирать? — Утопите эту пакость, зачем вы с ней возитесь?

— Тебя не спросили, — огрызнулся убийца. — Сама топи, если такая умная.

— Никак пожалел ребёнка? — засмеялась Врени. Когда-то ей пришлось отказаться от высшего посвящения, потому что от неё потребовали убить младенца, чтобы убедиться, что она отреклась от мира. Другие проклятые порицали её за лишнюю жалость к *слепым* — то есть ко всем непрозревшим.

— Тебя не спросили, — процедил Паук.

— И чего ты от меня хочешь?

— Тут полно баб, — ответил убийца. — Небось найдётся с ребёнком. Пусть возьмёт себе.

— Подкинуть кому-то это отродье?!

— Не подкинуть, — поправил Медный Паук. — Маглейн не отдаст. Надо, чтобы она поверила, что о девочке позаботятся.

— И ты её слушаешь?! — ещё больше поразила Врени. Когда она в последний раз видела вместе Паука и Магду, ведьму, связавшую себя с ним жестокой клятвой, та подчинялась каждому его слову, даже взгляду.

— Тебя. Не. Спросили, — повторил убийца.

— Ты хочешь, чтобы я ночью увела из лагеря женщину и привела её в дом к твоей ведьме?!

— Да, — просто ответил Паук.

Помолчав, он добавил:

— Не бойся, вернётесь в лагерь целые и невредимые. Хочешь, поклянусь *Освобождением*?

— Ты спятил?

— Жду *Освобождения*, сестра, — вместо ответа произнёс Медный Паук. — Когда-нибудь я тебя тоже выручу. И *тоже* ни о чём не спрошу.

Врени вздохнула. Подходящая женщина в лагере, конечно, была. Но подкинуть ей *такое*?!

* * *

Дака, к счастью или на беду, была в своём шатре одна со своим ребёнком. Иргай у общего костра рассказывал страшную историю про человека, который вернулся в крепость с того света. Она обрадовалась подруге.

— Заходи, — засмеялась она, когда Врени присела у входа. Шатёр был низкий, одно название, что шатёр. Сесть можно, встать нельзя. Зато не холодно. Ребёнок на руках у матери устало вопил. — Совсем меня замучил. Зубы режется. Представляешь? Так рано режется! Богатырь будет!

Она сделала знак, отвращающий зло в её родных степях, и Врени повторила её жест.

— Дака, — начала она, сама себя проклиная, — мне нужна твоя помощь.

— Так что ж ты молчишь? — удивилась Дака. — Ты знаешь. Ты спасла Иргая. Я всё сделаю, что ты скажешь!

— Ко мне пришёл... мой названный брат, — медленно начала цирюльница. Она вроде бы и не врала, но говорить правду было противно. — Его... сестра... другая сестра... подобрала... приютила... девочку. Маленькую девочку. Но она давно рожала, у неё нет молока. Девочке нужна мать, которая её выкормит.

— И всё? — засмеялась Дака. — Чего ж ты испугалась? Девочка — хорошо! Помочь сестре — хорошо! Всё хорошо. Где она?

— Она не здесь, за ней надо сходить.

— Так пойдём! — откликнулась Дака и принялась пеленать своего сына. — Врени! Чего ты боишься?

— Девочка — оборотень, — сказала наконец цирюльница.

Дака долго молчала, а её руки продолжали укутывать младенца.

— Да, — сказала наконец она. — Трудно. Маленькая? Бросили её?

— Он не знает, — ответила Врени. — Он думает, её родителей убили, а её бросили умирать в лесу. Она... она не растёт. У его сестры нет молока, она ест волчью пищу как волчонок. И не растёт как девочка.

— Ой, трудно, — покачала головой Дака. Укутав сына, она принялась ловко приматывать его себе за спину. — Что сидишь? Пойдём.

— Ты согласна?!

— Сёстрам помогать надо, — ответила Дака. — Девочка чем виновата? Вырастет — будет как Серый. Серый хороший человек.

— Ты не понимаешь, — запротестовала Врени. — Она волчонок, она, может, вовсе не сможет жить как человек.

— Не сможет жить как человек — будет жить как волк, — отозвалась Дака. — Охотиться с нами будет. Плохо, когда нет молока. Пойдём.

Врени больше не стала спорить. Она знала, что у Даки было больше молока, чем съедал её ребёнок (а он был весьма прожорливый мальчишка) и от того часто болела грудь. Но других младенцев в лагере как назло не было. Конечно, от такого подарка судьбы не отказываются!

* * *

Медный Паук провёл их мимо дозорных — не иначе как чудом... или снабдила его ведьма отводящим глаза зельем. Дака сказала, что спрашивать Иргая не будет, не мужское, мол, дело, решать, кого ей грудью выкармливать. Врени давно подозревала, что обычаи женщин своего народа Дака сама выдумывала такими, как ей было удобно. В лагере были, конечно, и её соплеменницы, но они только хихикали и брали на примету. Замуж они пока не выходили, но собирались по возвращении в Тафелон. А Иргай, хоть и знал все мужские обычаи их племени, ведь он был побратимом погибшего старшего брата Даки, сам всё-таки происходил из другого народа и уличить жену не мог. Может, и не хотел. Иргай на Даку надыхаться не мог. *Вот он будет счастлив, когда поймёт, во что Врени её втянула...*

Они шли через лес, который окружал их лагерь и Медный Паук, кажется, нарочно

петлял, а потом они оказались перед частоколом, окружающим *селище*, и Паук вынул для них несколько жердей, чтобы они смогли протиснуться. У самого частокола ютился маленький бедный домишко, даже не дом — хижина. Медный Паук толкнул ветхую дверь.

— Встречай гостей, Маглейн, — произнёс он и шагнул в тень.

В хижине у очага сидела ведьма в низко надвинутом на лоб платке и плела что-то на пальцах. Магда казалась какой-то уставшей и осунувшейся... а, может, так ложились тени. У её ног на полу сидел тощий сероглазый мальчонка... где Врени его видела? Знакомое лицо, но угадать не получалось. Сын, что ли? Но сын вроде помладше должен быть? Или ученика взяла? Что она, всех детей по пути подбирает? А дочку куда дела?

Прежде, чем Врени успела сообразить, что её смущает, в дом шагнула Дака и жадно огляделась по сторонам. Мальчонка ловко выхватил из колыбельки завёрнутый в тряпки кулёк и протянул гостям. Лицо его, правда, было какое-то сердитое. Дака покосилась в тень, где стоял Медный Паук.

— Здравствуй, — сказала она не слишком приветливо. — Пустишь к очагу?

— Что?... — оторопела ведьма. — Здравствуй. Проходи.

— Скажи, что принимаешь нас как своих гостей, — подсказала Врени.

— А... ну да. Будьте моими гостями, — согласилась Магда.

Дака без улыбки уселась перед ней, протянула руки и взяла у мальчонки младенца.

— Неласково встречаете, — сказала она, вглядываясь в сонное лицо девочки.

Врени садиться не стала. Дака огляделась по сторонам, испытующе вглядываясь в мальчонку.

— Пусть твой брат выйдет, — сказала она Магде. По своим обычаям Дака не разговаривала с чужими мужчинами.

Медный Паук засмеялся и вышел вон.

— Станный человек, — сказала Дака. — Злой. Страшный. Такой и убить может.

— Он может! — вмешался в разговор мальчонка. Голос у него был хриплый.

Дака сняла со спины сына, протянула Врени. Ребёнок крепко спал, устал, видно, плакать. Дака покачала чужого младенца, оглядела хижину, взглядом спросила у хозяйки разрешения и шагнула в угол за занавеску. Оттуда послышалось негромкое вяканье, а потом довольное причмокивание ребёнка. После этого, понимала Врени, Дака согласится отдать волчье отродье только вместе с жизнью.

То, что случилось потом... так сложилось потому что... сложилось. Дака услышала и узнала шаги, но выходить из-за занавески не стала: вместе с мужем пришёл его брат Стодол. А Иргай, конечно, считал: раз в доме его жена, ему сам Заступник велел туда войти. Стучаться, просить разрешения — какие мелочи! Кто знает, зачем её сюда заманили!

Врени как во сне наблюдала: вот распаивается дверь. В свете очага блестят кривые степные мечи. Вот ведьма роняет своё плетение в огонь. Вот парнишка смотрит на чужаков огромными глазами и из-под ногтей его тонких пальцев — слишком тонких для мальчика — вытекает тьма.

— Здесь ведьма! — воскликнул разъярённый Иргай. Он сделал шаг... и застыл, не в силах двинуться с места. Тьма заняла всю хижину и были видны только витые струи дыма, которые протянулись от очага к вошедшим мужчинам, опутывая их, связывая по рукам и ногам.

— Ой, плохо гостей встречаешь! — раздался в темноте голос Даки. — Ой, плохая хозяйка! Нехорошо! Муж мой пришёл, а ты его так встречаешь! Ой, нехорошо. Ой,

невежливо!

Наваждение спало. Исчезла тьма, ровно и спокойно горел в очаг и в нём корчились спутанные ведьмовские нити. Иргай с досадой убрал меч в ножны.

— Зачем ушла? — спросил он жену. — Зачем не спросилась?

Дака заулыбалась.

— Не сердись. Не буду больше. Смотри. Дочь у нас будет! Молочная сестра твоему сыну.

— С сыном ушла, — продолжал ворчать Иргай. — Мне не сказала. Я б разве запретил?

Дака положила девочку на пол, к ногам мужа. Тот чуть помедлил, потом наклонился, чтобы её подобрать.

— А ещё она вон как может! — вдруг вмешался мальчонка, который злыми какими-то глазами наблюдал за взрослыми. Он выхватил нож и замахнулся над младенцем. Врени выругалась. Девочка коротко вякнула, заизвивалась в своих пелёнках и вот к земляному полу припал волчонок. Вокруг валялись разорванные на клочки пелёнки. Иргай и Стодол с проклятьями отшатнулись.

— Ай, какая злая девочка! — усмехнулась Дака и бесстрашно подняла волчонка на руки.

— В моём шатре оборотней не будет! — заявил Иргай, с отвращением глядя на детёныша.

— Напугал! — отозвалась Дака. — Пожалуйста. Спи один в шатре, если тебе так нравится. Дочка будет спать со мной.

Иргай покосился на брата, но тот покачал головой.

— Твоя жена. Твой шатёр. Ты решаешь.

— Увар пусть решает, — подумав, предложила Врени прежде, чем Иргай догадался переложить решение на матушку Абистею. Матушка Абистея была его родная мать и уж конечно, она не захочет, чтобы её внук рос вместе с оборотнем. А Увар мог отнестись и иначе.

— Увар? — вдруг усмехнулась Магда и поманила к себе Врени. — Скажи Увару: сестра просит. Скажешь?

— Скажу, — кивнула Врени. Кроме неё, никто не услышал шёпот ведьмы.

* * *

В лагерь они вернулись в угрюмом молчании. Иргай и Стодол были злы на Врени, недовольны Дакой и с омерзением поглядывали на волчонка. Ни тот, ни другой не считали, что нужно спрашивать Увара, но, поскольку Дака упрямылась, а Врени настаивала, нехотя согласились. Цирюльница напрасно надеялась незаметно пробраться мимо дозорных. Виль не соблаговолил показаться наёмникам, а без него это было невозможно, к тому же... их отсутствие заметили. Едва они подошли, кто-то свистнул, кто-то крикнул совой — и к ним вышел сам Увар, весьма в плохом настроении. За его спиной нёс факел Карско, молодой наёмник, недавно вошедший в отряд.

— Вернулись? — хмуро спросил Увар.

Стодол опустил взгляд, Дака произвольно шагнула в сторону, загораживаясь мужем от взгляда оберста^[9] отряда. Иргай, напротив, вскинул голову.

— Чужака видел, — сказал юноша. — По лагерю ходил. Люди его не видели. Не успел сказать.

— Видел чужака. Молодец, — кивнул Увар. — А Дака? Тоже чужака видела? Большеногая?

— Большеногая видела, — прогудел Стодол. — Большеногая с ним ушла. И Даку увела. Иргай сказал — может, заколдовали. Пошёл выручать.

— Большеногая? — цепко посмотрел на цирюльницу Увар.

Врени мысленно взмолилась Освободителю. Взгляд оберста ей не понравился. Нехороший был взгляд. Она повернулась и вырвала у Даки из рук волчонка. Показала Увару.

— Сестру твою видела, — сказала Врени. — Велела сказать тебе: сестра просит.

— Кого ты видела?! — вскинулся Увар.

— К ведьме Даку завела, — встрял Стодол, всё ещё злой на цирюльницу. — Ведьма отродье подсунула.

— Это оборотень, — пояснила Врени, с трудом удерживая детёныша. Проклятая девчонка визжала и вырывалась. — Магда просила её выкормить и воспитать. Дака взялась.

— Где вы её видели?!

Наёмники удивлённо переглянулись. Увар был не то встревожен, не то зол, не то не пойми что. Иргай махнул рукой за спину.

— Большеногая, Дака, идите в лагерь, — приказал Увар. — Карско, проследи. И помалкивай. Будешь болтать — шкуру спущу. Оборотня оставить. Иргай, Стодол, ведите обратно.

Глава пятая

Переполох

Врени с Дакой вернулись в лагерь вместе с молодым наёмником. Дака по-прежнему несла сына за спиной, а вырывающегося волчонка — на руках. Их окружили люди.

— Где вы были? — спросила матушка Абистея. Врени покосилась на Даку, та вздёрнула подбородок. Сын у неё за спиной проснулся и заплакал. — Что это вы принесли?

— Увар велел, — заявила Дака.

— А ночью гулять тебе тоже Увар велел? — не отставала матушка Абистея.

Врени нахмурилась. Матушка Абистея приказывала всем женщинам, девушкам и детям отряда, кроме, может быть, цирюльницы и жены самого Увара. Но тот и не брал жену с собой в поход. А ещё она была свекровью Даки. По всем обычаям матушка Абистея была именно той женщиной, которую Дака была обязана слушаться.

— Сагилла зачем взяла? — не отставала матушка Абистея. Сагиллом звали сына Даки, в честь её старшего брата и побратима Иргая. Тот погиб в прошлом походе по пути из степей в Тафелон.

— Увар не велел болтать, — сказала Врени. — Вон, Карско знает.

Карско, на которого все уставились, молча кивнул. Он побаивался матушки Абистеи, хотя, наверное, дал бы себя зарезать, но не признался бы в этом.

— Зачем волчонка взяла? — нахмурилась матушка Абистея. — Тоже Увар велел?

— Тоже Увар, — подтвердила Дака, крепче сжимая приёмную дочь. Та чихнула, сморщилась, дёрнулась... и вот в руках у Даки была маленькая девочка, которая тут же зашлась в пронзительном плаче.

Кто-то в толпе сплюнул, кто-то засвистел. Дака прижала девочку к груди.

Матушка Абистея сделала странный жест, как будто отгоняющий что-то... или кого-то...

— К себе иди, — приказала она. — А сына отдай. Не то загрызёт его твой волчонок.

— Нет, — дёрнулась, как от удара Дака. — Мой сын. При мне будет.

— Мой внук. Сын моего сына. Отдай.

— Моя дочь. Мой сын. Со мной будут, — настаивала Дака.

— Тогда иди к тому, кто тебя примет, — пожала плечами матушка Абистея. — Нечего оборотню в шатре моего сына делать.

Дака снова вздрогнула, но ничего не сказала. Покосилась на Врени.

— Иди ко мне, — вздохнула цирюльница. Дака задрала нос и пошла в её шатёр. Врени пошла за ней, спиной чувствуя взгляды собравшихся. К ним подскочил Юлди, молодой монах из ордена Камня.

Прежде Врени знала одного монаха этого ордена, брата Полди, человека робкого, художника и мечтателя, фанатично преданного своему ордену и отцу приору, который позже оказался никем иным, как папским легатом отцом Сергиусом. Полди был удивительно искренним и чистым человеком, он никогда не лгал, несмотря на телесную слабость, не просил снисхождения и знал превеликое множество легенд и сказаний. Юлди... брат Юлди был не менее честным человеком, но, в отличие от Полди, задиристым и горластым. Вычурную рясу своего ордена он надевал поверх кольчуги, никогда не расставался с боевым топором и первым вызывался, когда наёмники желали помериться силой на привале. В

поход он напросился, слёзно умолил отца Сергиуса, так ему хотелось самому увидеть земли язычников, не знающих ещё слова Заступника. Идеи легата об обращении в веру заблудших, одарённых тайными силами, тоже пришлись по нраву монаху и он даже попробовал выступить с проповедью перед теми оборотнями, которые преградили им дорогу в лесу. Врени даже удивлялась, как он после этого решился с ними драться. Но ничего, рука не дрогнула. Видимо, решил, что невразумлённых словом можно и нужно вразумлять топором. Впрочем, цирюльница подозревала, что оборотни попросту не поняли его языка. С Уваром они переругивались на ломаном нагбарском.

Монастырь ордена Камня, где прежде жили и брат Полди, и брат Юлди, стоял возле перевала и славился собаками, спасающими замёрзших путников. Полди очень любил собак и был готов восхищаться даже оборотнями. Юлди, которому запретили брать с собой в поход любимого пса, как выяснилось, тоже любил всё пушистое и остроухое.

— Так это оборотень?! — восхищённо спросил он, протягивая руки к девочке. Та протестующе заорала и крепче вцепилась в приёмную мать. Дака косо взглянула на монаха. Она ещё слишком мало знала его и не считала одним из своих. С посторонними мужчинами женщины в её племени не разговаривали. Но Юлди таких намёков не понимал и не собирался понимать.

— Пусть он уйдёт, — нетерпеливо потребовала Дака у цирюльницы.

— Юлди, — устало произнесла Врени. — Сейчас не время...

Лицо монаха огорчённо вытянулось, но вскоре снова просияло.

— Это оборотень, — сказал он, обращаясь уже к Врени. — Вы достали настоящего оборотня! Мы сможем обратить его в истинную веру! Мы докажем, что у них есть душа, что они могут принимать дары Заступника!

Врени закатила глаза.

— Это *она*, — едко произнесла цирюльница и двинулась вперёд. Юлди был парнем крепким, но всё же ему пришлось отступить, когда Врени пошла прямо на него. — *Девочка*.

— Женщины тоже могут слушать святые наставления, — ничуть не смутился брат Юлди, но дорогу всё-таки уступил.

К Даке подошла одна из её соплеменниц, Мада, что-то быстро ей сказала на их языке, получила резкий ответ, отвернулась, мотнув длинными косами — совсем как Дака ещё совсем недавно. Пропустив соплеменницу, Мада остановила Врени.

— Зачем Дака мужу врёт? Мы всё видим. Говорит, у нас женщины в шатре всё решают! Зачем она врёт? Мы смеялись, а она волка притащила. Мужа не послушала, мать его не послушала, только себя послушала! А если он Сагилла загрызёт? Все плакать будем! Скажи ей, пусть выкинет волчонка!

— Она выкинет, как же, — хмуро ответила Врени, чувствуя себя виноватой перед всеми.

— Ну смотри! — вспыхнула Мада и снова мотнула чёрными косами. — Поймаю эту тварь — задушу! Сама задушу!

— Что ты на меня кричишь? — нахмурилась Врени. — Иди Даке это скажи.

— Да что с тобой разговаривать! — махнула рукой Мада и ушла.

* * *

Врени вошла в шатёр, где Дака уже разворачивала сына и обнажала грудь. Получив

молоко, оба ребёнка замолчали.

— Юлди совсем дурной, — сказала Дака, покосившись на Врени. — Смешной человек. Станный.

— Ты поругалась со всем отрядом, — начала было Врени, но Дака мотнула головой в знак того, что не желает слушать.

— Дети — это хорошо, — сказала она и усмехнулась. — Очень девочку хотела. Иргаю не говори.

* * *

Увар, Иргай и Стодол вернулись позже, без ведьмы. Оберст был хмур, юноши угрюмы. Увар велел удвоить дозоры и больше об этом не заговаривать.

* * *

Возиться с оборотнем или разбирать загадочные решения Увара отряду было некогда. Назавтра они добрались до того места, где в этой языческой стране лютовали разбойники.

Увар не любил разбойников и очень обижался, если кто-то называл разбойником его. Ведь он никогда никого не грабил и уж тем более не отнимал последнее. А если и приходилось подчас являться в деревню с топорами да самострелами и просить, чтобы крестьяне скорей поделились припасами, так то ведь не грабёж, а законное право наёмника. Если наниматель не кормит, куда податься? Лучше всего, конечно, если в деревню уже заявились настоящие разбойники. Тогда можно их перестрелять, внушив мужикам и благодарность, и должный трепет. Всё приятней, чем запугивать крестьян ради лишнего куска хлеба. Был, правда, один неприятный случай, когда они — вон почти что в этих краях, только южнее, — победили разбойников и уже хотели всех прикончить, когда оказалось, что это сборщики подати, приехавшие из ближайшего города. Пришлось убираться из тех мест подобру-поздорову, ссориться с князьями всё-таки отряду было пока не под силу. Словом, разбойников Увар презирал и ненавидел. Избавить землю от ещё одной шайки — милое дело. Только её надо сперва найти и убедиться, что это та самая, которая им нужна.

— Тут самое подходящее место, — говорил Увар старшим в отряде, которых собрал в своём шатре на военный совет. Они встали лагерем посреди дня и выставили больше дозорных, чем обычно. — Болота заканчиваются, но леса ещё густые. Дальше, на восток, что можно, перепахано, там порядка больше, земли богаче. Вот тут самые разбойничьи места начинаются. Но найти их в лесах не так-то просто.

— У разбойников всегда свои люди по городам и деревням напрятаны, — сказал старый Берток. В прошлом он и сам промышлял на большой дороге.

— Да какие тут деревни, — с отвращением махнул рукой Увар. — Смех один! Харлан! А ты что скажешь?

Харлан, отец Иргая, сначала молчал, глядя в другую сторону. Он был сердит из-за подброшенного сыну оборотня. К тому же отродье вопило ещё громче маленького Сагилла.

— Не время ссориться, — примирительно сказал Кривой Эб.

— Если найти нельзя, можно выманить, — пожал плечами Харлан. — Телег у нас

Этот план понравился всем, кого в него посвятили, и в лагере зашумела работа. Надо было приодеть «купцов» так, чтобы выглядели богатыми, безобидными и жалкими, отобрать в «охрану» самых неказистых с виду наёмников, выбрать из взятого собой для подарков добра такое, чтобы и в грязи вывалить не жалко, но взгляды бы привлекало... Пока этим занимались, Увар подошёл к Врени и, крепко взяв за локоть, отвёл в сторону, подальше от остальных. Цыкнул на любопытных мальчишек и почесал в затылке.

— Вот что, Большеногая, — сказал он хмуро. — Вчера я сглупил, конечно. Как услышал, что Бертилейн помощь нужна...

Бертилейн ласково звали его дочь, которая осталась в Тафелоне с матерью.

— Ты сдурел? — не поняла цирюльница. — При чём тут твоя девчонка?

— Да не та Бертилейн, а старшая! Тётка её, сестра моей Агнеты.

— И при чём тут твоя свояченица?

— При том, что она ведьмой стала, — мрачно ответил Увар. — Как папаша прогнал, покойник, так и ушла в Серую пустошь. Ты мне зубы-то не заговаривай. Говорю, как про Бертилейн услышал, так глупостей и наделал. Очень уж Агнета по ней убивается. Потому вам с Дакой не всыпал сразу как полагается. Сейчас уже поздно шум поднимать, скажут, оберст не знает, чего хочет. Поэтому тебе говорю — чтоб больше таких штук не шутила!

Врени сердито вырвала локоть. «Всыпал»! Это надо же!

— Ты не ершишь, Большеногая, а слушай. Додумалась тоже. Привыкла по Тафелону одна бродить. Ты не одна больше, ты с нами. В походе из лагеря уходить нельзя. Нет у тебя своих дел и быть не должно. Ещё раз уйдёшь — назад не примем. Даку увела, ещё с сыном. Теперь на меня Харлан со всей семьёй косо смотрит. Две бабы взяли ушли ночью, дозорных обманули. Для чего у нас дозоры расставлены, для красоты?!

Врени угрюмо молчала. Она-то надеялась, что Паук проведёт их в лагерь так же тайно, как и вывел. Как она будет объяснять появление лишнего ребёнка, она тогда не задумывалась. Где была её голова? Так обрадовалась, что Паук её резать не стал, что как миленькая всё сделала, что он велел. Да к тому же... *брат*. После того, как она приняла высшее посвящение, такие вещи стали казаться важными.

— Даке скажи, — сбавил тон Увар, — лишу доли в добыче.

Цирюльница пожала плечами. Женщинам в отряде и так мало что доставалось, они всё больше выманивали и выпрашивали у мужчин.

— И Иргаю не позволю никаких женских цацек да тряпок брать. Купит — отберу. И тоже меньше теперь получит. И Стодол. Удумали тоже! Никому не сказали. Да если бы они поумнее были, скрутили бы ведьму и притащили бы в лагерь! У меня бы душа была спокойна. Нет. Сначала за мечи схватились, потом дали себя заколдовать. Тьфу! Старые бабы!

— Это ты Иргаю скажи, не мне, — отмахнулась цирюльница.

— Сказал, — буркнул Увар. — И дозорным скажу. Шутка ли — человек расхаживал по лагерю, а никто его не остановил. Будто так и надо. И ты хороша, Большеногая. Ты не по его поручениям бегать должна была, а поднять тревогу. Мало ли зачем он заявился. Соврал тебе

что-то, а сам без присмотра разгуливал.

— Он бы меня зарезал тут же, — возразила Врени. Ей никак не удавалось понять, если её брат по прозрению пришёл к ней по своему делу, остальным-то что за печаль?

— А когда ты за Дакой пошла. Одна ведь пошла, он за тобой не крался. Вот ты бы и знак подала, его бы и схватили. Большеногая, ещё раз такое выкинешь... только потому тебя не гоню, что в чужой земле нового лекаря искать трудно.

— Откуда я знаю, крался или не крался, — огрызнулась цирюльница. Когда она впервые попала в отряд, ей не доверяли, Дака следила за каждым её шагом, а по пятам за Дакой ходил Иргай, так что у неё и не было шанса «выкинуть» что-то подобное. Врени даже не приходило в голову, что в своих поступках надо оглядываться на других людей. Сейчас она чувствовала себя... неуютно. — Он же заколдованный, его в упор будешь видеть — не заметишь, пока сам не захочет.

Увар ответил таким взглядом, что женщина похолодела.

— Иргай говорил, — неприязненно сказал он, — я уж подумал, парень отвирается. Так, значит, по лагерю ходил невидимый лазутчик. И ты молчала, Большеногая?

— Он не лазутчик, он убийца, — ляпнула цирюльница и получила второй жуткий взгляд.

— Ещё того лучше, — осклабился наёмник. — Появится, зови меня, слышишь?

— Он меня сразу прирежет, — запротестовала цирюльница.

— Тогда скажи ему, дело есть. Его баронская милость цур Фирмин твоего дружка видеть хочет.

— Зачем он барону? — насторожилась Врени.

— Не твоего ума дело, — отмахнулся Увар. — Запомнила? Или меня зови или хоть ему скажи, чтобы ко мне пришёл. Запомнила?

— Ну, запомнила, — пожала плечами Врени.

— Иди, Юлди позови, — велел ей Увар и отвернулся.

* * *

Юлди как раз ходил кругами вокруг шатра Даки и прислушивался, не рискуя заглянуть внутрь, но не в силах отойти. Уж больно ему хотелось самому посмотреть на маленького оборотня. На зов Увара он откликнулся неохотно. Врени, пользуясь тем, что её присутствие всегда казалось уместным, топталась рядом. Интересно было, зачем монах оберсту понадобился.

— Молитву против колдовства знаешь?! — огорошил его Увар.

Юлди замялся.

— Святая молитва может отогнать вампиров, если вера тверда и сердце чисто, — высокопарно ответил он. — Но колдовство... Разве только...

— Ты не мямли, — перебил его Увар. — Зачем тебя в отряд взяли? Бери всех, кто не занят, и давай, молись с ними. Детей возьми, слышишь? Говорят, у них души чистые, может, их молитва лучше дойдёт. Весь лагерь обойдите. Карско с собой возьми, Габора ещё. Если вдруг покажется кто незнакомый — пусть поймают.

— Говорят, оборотню глаза не отведёшь, — добавила Врени, наблюдая, как округляются и без того большие глаза монаха. Наёмники обычно благочестием не

отличались и компанию Юлди за вечерней молитвой не составляли.

— Ну и что? — пристально посмотрел на неё Увар. — Сможет эта мелочь почувать твоего убийцу?

Врени пожала плечами. «Твоего убийцу», скажет тоже. Она пока жива, слава Освободителю.

— Мелкая она ещё слишком. Кто её знает, что она может, а что нет.

— Ну, так натаскаем, — решил Увар. — Не сейчас, так хоть потом пригодится.

* * *

Незанятых в отряде было мало, забот хватало всем, и Юлди совсем было упал духом, но Фатей, младший брат Даки, и другие мальчишки бросили свои дела ради нового развлечения. Бедняга монах пришёл в ужас, узнав, что никто никогда не рассказывал им, кто такой Заступник, почему колдовство — это происки Врага, как был сотворён мир и при чём тут Камень, которому поклонялись в его монастыре.

Заслышав его рассказы, к ним подошли Мада с Зариной, которым, оказывается, в их степях тоже никто ничего про Заступника не говорил, и ещё Огия и Томирис, жёны соплеменников Иргая. Иргай-то был из народа, который верил в Заступника, но рядом с ними жили совсем дикие племена, которые не пойми чему поклонялись. Вот Дака с Фатеем, Мада, Зарина, Огия и Томирис были как раз из таких диких степных людей. Все они были дерзки, упрямы и строптивы, все — безоглядно храбры и готовы умереть за свою гордость или за своих товарищей. Девушек с детства учили сражаться и ездить верхом наравне с мальчишками — не для участия в сражениях, а для защиты дома и детей. До свадьбы они носили длинные косы и ворохи шёлковых юбок поверх широких, стянутых у щиколоток штанов, но оставляли открытым живот, закрывая только грудь — если, конечно, позволяла погода. Но они, казалось, и не чувствовали холода так, как другие люди.

Иргай-то и семья его отца, те были другими. Спокойней, скрытней, молчаливей. А, может, мужчины из того степного племени тоже не любили много разговаривать, только в отряде их не было. Но упрямства Иргаю и его сородичам было не занимать.

Объяснив суть и назначение молитв, Юлди обошёл лагерь вместе со своим малым войском. На всякий случай монах сжимал в одной руке чётки, а в другой — топор. Чтобы, если лазутчик объявится, сразу можно было действовать. Вчера ни Дака, ни Иргай, ни Стодол не рассказывали ничего о своих похождениях, и откуда взялся оборотень, никто так и не понял. Зато теперь, после молитв Юлди, к вечеру в лагере все были уверены, что к ним приходил кто-то невидимый и опасный, что Иргай его выслеживал, но мерзавец сумел уйти и что оборотень взят для охраны от заколдованных лазутчиков. Мол, с взрослыми надо договариваться, кто их, нелюдей, знает, а эту вырастим, воспитаем, будет врагов вынюхивать. Это слегка изменило отношение отряда к подброшенной девчонке и с Дакой снова начали разговаривать. Кто подослал невидимого соглядатая, людям оставалось только гадать. Может, старые враги Увара, может, разбойники, может, люди князя, из чьих земель недавно выехали, а, может, братья-заступники, орден, не так давно разбитый в Тафелоне. От них всего можно ожидать, они и проклятых на службу нанимали, прошлой осенью чуть её высочество Нору не убили в собственном доме.

Глава шестая

Плата духам

Отдав девочку, Магда с Вилем и Эрной сразу же ушли, не дожидаясь ни утра, ни розысков Увара. Встречаться с наёмниками в планы убийцы не входило. Пройдя через лес, они остановились в каком-то селении по дороге в ближайший город, где Виль вроде бы договорился с кем-то встретиться. Путников пустили в старый разохшийся сарай, не рискнув открывать им двери дома. Слишком дико глядела ведьма, всё оглядывалась и отмахивалась. Такую прогонишь — плохо, приютишь — плохо. Вот и открыли сарай, где стояли плохонькие телеги, кинули по охапке сена на каждого, да принесли хлеба и мёда — чтобы зла не держали. Виль кланялся и благодарил, Магда молчала. Она слышала жадный шёпот колдовских духов, которые требовали платы за свои труды.

Эрна быстро уснула, утомлённая долгим переходом и бессонной ночью. Половину дороги её пришлось нести на руках, так девочка умаялась, и Виль по этому поводу много чего сказал. Но нёс до самого тына.

* * *

— Зря мы её отдали, — сказала ведьма, не глядя на убийцу. — Нехорошо, да и... Видел, какие люди?

— Да ничего они девчонке не сделают, — раздражённо ответил Виль. — Зато не будем слышать её скулёж.

— Она тоже *их* видела, — отозвалась Магда, многозначительно кивнув в угол, где ей мерещились когтистые тени. — Вот и плакала.

— Брось, Маглеин, — поморщился высший посвящённый. — Овелаалуухи опоил тебя, вот тебе и блазнит^[10]. Сама рассказывала, как вас с тем волчонком рыцарским Денна дымом одурманила. Нет никаких духов. Молись Освободителю и не глазами по сторонам.

— Овелаалуухи здесь нет! Но я их слышу!

— А Эрлейн не слышит. И я не слышу. Их нет.

— А девочка...

— А она просто видела, как ты боишься. Она же животное, чует хозяйский страх. Не бывает духов. Уймись.

— А...

— Спи лучше, — проворчал Виль.

— Я их вижу!

— Как ты мне надоела, — вздохнул убийца. — Будешь ныть, дам *Освобождение* — и никакие духи тебя уже не достанут.

Виль, как и другие высшие посвящённые, мог *освободить* душу от оков мира и череды новых рождений — ударом ножа.

Магда молча отвернулась. Спать не хотелось. Она боялась, что духи придут в её сны. Иногда они это делали, иногда — нет. И всегда они что-то требовали-требовали-требовали...

— Ладно, Маглеин, — ещё тяжелее вздохнул Виль. — Чего они там от тебя хотят?

— Ты же в них не веришь, — недоверчиво отозвалась ведьма.

— Мало ли во что я верю.

— Чего могут хотеть такие духи? Крови. Жертвы. Разрушений. Боли. Смерти.

Виль присвистнул.

— Не везёт тебе, да, Маглейн? Не хотела для Освободителя постараться, теперь придётся на каких-то языческих духов вкалывать.

— Я не буду этого делать!

— Тогда спи, — буркнул Виль и больше до самого утра не разговаривал.

* * *

— Ты хоть слушала, что тебе Овелаалуухи про своих духов нёс? — спросил Виль, когда они шли по дороге в город.

— Зачем? — устало вздохнула ведьма. — Я же думала, их не бывает.

— А затем, чтобы знать, с какого расстояния он тебя морочить может, — раздражённо объяснил убийца.

— С любого, — так же раздражённо отозвалась Магда. — Он говорил, что может послать духов хоть на край света.

— Вот и ты их пошли, — предложил убийца.

— Плата, — устало напомнила ведьма. — Духи требуют плату. Пока не получают, никуда не пойдут.

— Уговорила, Маглейн. Прирежу для тебя кого-нибудь, глядишь, отвяжутся, — щедро пообещал Виль.

— Или станут просить ещё больше... — пробормотала себе под нос ведьма.

— Цыц.

* * *

Они шли в молчании, потом Виль заговорил снова:

— Надо нам с твоей головой решать что-то, Маглейн. Ты ж как одержимая. Куда с тобой сунешься?

— Отрежь, — отмахнулась ведьма. Днём духи донимали её куда меньше, но вечером — она знала — всё вернётся.

— Мама, не надо! — закричала не на шутку перепуганная Эрна.

— Не пугай девочку, — хмуро сказал Виль, будто не он ночью угрожал зарезать названную сестру. — Рано тебе к Освободителю собираться. Подумаешь, голова с трещинкой. Эка невидаль. Найдём и твоей голове применение. Надо было девчонку-то волчью не отдавать, а зарезать. Вот и избавились бы и от её воя, и от духов. Оборотни, небось, для этой нечисти вкусные.

— Так нельзя! — завопила Эрна и Виль рассмеялся.

— Пустил бы меня к Увару, — пробормотала ведьма. — Ты же сам говоришь, подслушал, что про прощение всё правда.

— Подслушал, подслушал... — заворчал Виль. — Дура ты, Маглейн. Думаешь, у него

других дел нет, как тебя к любовнику вернуть? Думаешь, он бы сразу домой повернул?

— Какие у него там дела, — неуверенно возразила ведьма.

— Баба — она и есть баба, — сплюнул на дорогу убийца. — Только о себе и думаешь. Я вон спрашивал у людей князя, о чём тут люди Увара говорили. Дело у них.

— Какое? — сунулась под его руку Эрна. Виль рассеянно потрепал девочку по голове и отстранил.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — произнёс он наставительно. — Не лезь в разговоры старших. Дело у них, Маглейн. Пока не сделают, назад не поедут.

— Поехали бы с ними, — настаивала ведьма.

— «С ними»! — передразнил убийца. — Ты, Маглейн, хоть знаешь, что такое наёмники? Не на отдыхе, а в походе — знаешь?

— Ну и что? Есть же с ними женщины. Их никто не трогает.

Виль снова сплюнул.

— Кто о чём, — буркнул он. — Наёмники — это ты идёшь, когда все идут. Стоишь, когда все стоят. Это или ты как все и тебе доверяют или не как все и за тобой следят. Я по их лагерю прошёлся — меня пять раз чуть не засекли, а я ведь только на твои чары никогда не полагаюсь. Настороже они.

— Ну и что? — повторила ведьма.

— Дура-баба. Нечего нам там делать. И хорош спорить. Надоела.

Он помолчал и добавил:

— Да и Овелаалуухи отряд найти проще будет, чем нас вдвоём. А я хочу найти его первым.

— Ты убьёшь его, да? — звонко спросила Эрна.

— Цыц! — прикрикнул Виль. — Посмотрим.

* * *

Они прошли ещё немного по дороге и тут Магду затрясло.

— Погодите, — с трудом выговорила она. Что-то приближалось. Что-то очень плохое. Духи были, не то предупреждая, не то злорадствуя. — Нельзя... не...

— Стойте! — послышался резкий голос. Говорили на местном языке. Виль выругался. Из-за деревьев вышли люди — трое одетых в длинные белые одеяния, что делало их похожими на белых магов, трое — обычные воины. Похожие на волшебников были украшены какими-то амулетами — каждый своим. Самый почтенный на вид опирался на посох, остальные два несли что-то среднее между дубинками и жезлами. У одного из воинов был меч, у второго копьё, третий вытащил из-за пояса топорик.

Виль стянул с головы шапку, низко поклонился, пихнул Магду и Эрну, чтобы они тоже кланялись. Встреченные ими люди переглянулись и быстро заговорили между собой. Эрна разобрала что-то вроде «мальчишка хорош», «старовата» и «подойдёт». Мать с каждым мгновением тряслась всё больше и больше.

— Идите с нами, — сказал самый почтенный, с посохом. — На вас указало Солнце.

По лицу Виля пробежала тень — так быстро, что её заметила, кажется, только девочка. Убийца принялся кланяться и унижено благодарить за оказанную честь. До девочки постепенно доходило: они встретили жрецов местного бога и те решили, что Эрна им для

чего-то подойдёт. Для чего — она не поняла. Магда не интересовалась местными верованиями, Виль только кривился и плевался, если о них заходила речь, а мальчишки, с которыми девочка гоняла по Пьярбе, замолкали и отводили глаза, если кто-то упоминал о капище и обрядах. Жрецы были явно настороже и готовы и к сопротивлению, и к бегству своей добычи. Пока главный с посохом говорил, остальные встали так, чтобы отрезать путь к бегству. Один из жрецов с жезлами больно ухватил Эрну за руку.

— Идите следом, — приказал главный. Потом покосился на Виля и произнёс что-то не такое понятное. Что-то про благословение, урожай, удачу, другую женщину и других детей. Девочке стало страшно, она дёрнулась, пытаясь вырваться, но жрец держал её крепко и потащил по дороге. Магда, всё ещё трясясь, пошла за ней.

* * *

Они недолго шли в сторону города, вскоре жрецы свернули на более узкую дорогу. Издалека слышалось стройное женское пение и плач.

— Что вы хотите со мной сделать?! — закричала на местном языке перетрусившая девочка. — Дяденьки!

Ей не ответили. Эрна покосилась на мать. Она уже почти не тряслась, только время от времени вздрагивала всем телом и испускала стон не то боли, не то вообще непонятно чего. Тот из жрецов с жезлами-дубинками, который шёл рядом с ней, всё подозрительнее косился на эту странную женщину. А ведьма тихо шептала что-то себе под нос и перебирала пальцами, которые скрывали широкие рукава. Всё перебирала и перебирала... Дяди Виля нигде не было видно, небось, опять скрылся под мамиными чарами. Внезапно Магда издала истошный вопль. Она сорвала с себя платок, её волосы распустились сами собой и ведьма завертелась на месте визжа не хуже тёти Веймы, которая была вампиром.

— Да! — вопила Магда на языке Тафелона. — Забирайте их! Ешьте! Жрите! Выключайте им глаза! Сожрите их печёнки! Вырвите им сердца! Берите себе их! Берите! Берите!

Сперва жрецы слишком удивились, чтобы что-то сделать. К такому они не привыкли, да и не поняли странных заклятий, ведь тафелонского они не знали. А потом... с первым воплем ведьмы налетел вихрь и закружился вокруг них. Со вторым ветер принёс... рубахи, которые, похоже, сушились где-то неподалёку, в городе или рядом, в посаде. Целую армию рубашек. Ещё мокрые, они кинулись на жрецов и воинов, схватили их своими рукавами за руки, залепили головы... Магда всё вертелась и визжала и схваченные враги никак не могли выпутаться: рубашки, словно живые, сражались с ними. Эрну они, больно хлестнув мокрым по лицу, оттолкнули ещё в первые мгновения боя. Ветер поднял столько пыли, что девочка зажмурилась. Творилось что-то странное, но Эрну не покидала уверенность, что мама сможет её защитить. Вон как она колдует!

— Убей их! — провизжала Магда. — Скорее! Убей!

— Да прекрати ты верещать, — недовольно отозвался дядюшка Виль.

Магда издала такой протяжный вопль, что Эрне стало не по себе. Как-то не так он прозвучал. Вопль перешёл в стон. Дядя Виль издевательски расхохотался. Ветер перестал хлестать девочку пылью по лицу и она рискнула открыть глаза. На земле лежали, закутанные в рубашки, шесть трупов. На дорогом полотне особенно ярко видны были пятна крови — и кровью пахло в воздухе. Кровью и пылью. И ещё мокрой одеждой и какими-то травами, в

которых рубашки, наверное, вымачивали для приятного запаха. Виль наклонился над одним из трупов, ближайшим к девочке. Мать стояла на коленях, закрыв лицо руками. Она тяжело и порывисто дышала.

— Мамочка! — бросилась к ней Эрна, но Виль придержал её за плечо и подошёл сам.

— Неплохо, — оценил он. — Но ты б сказала своим духам-то, чтоб до ночи дождались со своими ласками, а, Маглеин. Или так не терпелось? Тебе хоть понравилось?

Магда отняла руки от покрасневшегося лица и непонимающе взглянула на Виля. Эрне показалось, что глаза матери какие-то странные, шальные, что ли?... — и ничего не видят. Потом губы Магды исказила незнакомая Эрне усмешка. Женщина поднялась на ноги и молча занесла руку. Виль не стал дожидаться, что ведьма скажет или сделает, он схватил её руку, как-то странно вывернул — и Магда опять упала на колени.

— Не смей! — кинулась к ним Эрна, но Виль бросил на неё короткий взгляд, и девочка остановилась.

— Не мешай дяде, — с жуткой ласковостью попросил он. Нажал Магде на руку и ведьма скорчилась от боли.

— Пусти! — завизжала она.

— А вежливо попросить? — усмехнулся убийца. Он чуть ослабил руку, погрозил Эрне и принялся чего-то ждать.

— Пусти, — уже спокойно сказала Магда. Виль немедленно разжал руки, потом подхватил ведьму под мышки и поднял на ноги. Взял её за подбородок, заставляя заглянуть в глаза и неожиданно серьёзно произнёс:

— Жду *Освобождения*, сестра.

— Приблизим *Освобождение*, брат, — тем же тоном отозвалась ведьма и принялась с руганью растирать руку.

— Успокоилась? — с деланной заботой спросил убийца. — Не будешь больше на папашу Виля бросаться?

— Проклятье... я могла тебя убить!

— Медленно двигаешься, Маглеин, — засмеялся убийца. — Уйдём отсюда и ты мне всё расскажешь. Весело колдовать стала.

— Помолчи, — взмолилась ведьма и её лицо снова залилось краской. — Виль... подожди...

— Что ещё? — насторожился убийца. — Тут же капище рядом, вон, слышишь, пение доносится. Уходим, я сказал.

— Рано, — покачала головой Магда. — Слушай... Нужно... ну... сделать, что я обещала... Послушай... я поколдую... отведу глаза... След замету... ты должен... пожалуйста, Виль!

— Так ты и делай, — отмахнулся убийца, но ведьма ухватила его за руку. — Вот дурабаба! Ты обещала, а я делай, да? Сама ручки замарать боишься? Вот за что тебя не люблю — вечно ты на моём горбе едешь...

— А что ты обещала? — не поняла Эрна, но мать ухватила её за плечи и прижала лицом к ближайшему дереву. Это оказалась сосна и девочка сразу перепачкалась в её густой смоле.

— Не смотри, — приказала ведьма, а потом послышались такие звуки... как будто дядя Виль разделывал мясо. Эрна догадалась, *что* мать обещала и *кому*. Заступник! Дядя Виль, небось, сейчас из этих людей потроха вынимает! Девочку затошнило, но она постаралась сдержаться... и услышала пение матери. Такое... обычное её пение... *так* она колдовала

дома. Без этих вот стонов, визгов и воплей. В воздухе ещё сильнее запахло кровью, потом — чем-то палёным. Потом Магда взяла девочку за плечи и, не позволяя повернуться, повела прочь — через лес, не разбирая дороги. Дяди Виля опять не было видно.

* * *

Вечер они встретили на берегу реки. Горел костёр, а мать отстирывала от крови одежду своего названного брата. У Эрны слипались глаза от усталости и пережитых волнений.

— Рассказывай, Маглейн, — велел Виль. Он забавно смотрелся в вышитой рубаше из тонкого полотна, которую ведьма ему высушила призванным ветром. Вся его обычная одежда была перепачкана.

Магда склонила голову над водой, избегая смотреть убийце в глаза.

— Что рассказывать? — хмуро спросила она. — Сам всё видел.

Виль весело и как-то противно хохотнул.

— Некогда мне было на тебя любоваться. Я-то думал, у Овелаалуухи обучишься, тебе раздеваться не надо будет. Мёрзнешь же. Жалко тебя, глупую. А ты и одетая учудила.

Ведьму передёрнуло от отвращения.

— Духи предупредили меня об опасности и предложили... помочь. В обмен на плату. Они не могут сами взять того, кто им не поддался.

— Я уж вижу, — продолжал ухмыляться Виль, — как они тебе помогли. Как же это ты им поддалась-то?

Ведьма бросила на него тяжёлый взгляд.

— Надо было убить для них. Всё равно кого. Ты и Эрна сгодились бы им не хуже. Даже лучше. Те люди были мне чужие.

Она бросила поспешный взгляд на девочку, но та уже спала, завернувшись в плащ дяди Виля.

— Так я тебе не чужой, Маглейн? — хмыкнул убийца. — Какая приятная неожиданность.

Магда подняла мокрую рубашку Виля, разглядывая при свете костра, остались ли там пятна крови.

— Им нужен был первый встречный, — угрюмо сказала она. — Жрецам. Хотели зарезать на своём алтаре мальчишку, чтобы солнце слаще целовало землю.

— Не повезло им, а, Маглейн? — отозвался убийца. — А ты им зачем понадобилась?

— Враг их знает, — отозвалась ведьма, так же тщательно проверяя штаны. Швырнула одежду убийце.

— На, повесь сушиться, — сказала она. Виль хотел заворчать, но глянул в сосредоточенное лицо названной сестры и промолчал. Она уже склонилась над своей сумкой и принялась в ней копать.

— Что ищешь, Маглейн? — мирно спросил убийца.

— Духи получили слишком много, — пояснила ведьма. — Я должна потратить часть их сил, чтобы они не стали слишком могущественными.

— Маглейн, эти духи тебе мерещатся, — устало напомнил Виль. — Прекрати с ними играть. Прозревшим не пристало...

— Мерещатся?! — вскинулась ведьма и рванула завязки платья, показывая следы,

которые на её груди оставили духи. Убийца поперхнулся усмешкой.

— Ты б уж не хвасталась, а, Маглейн? Прикройся. Что ты потом барону своему говорить будешь?

— Барона это не касается, — пробурчала ведьма, завязывая платье. — Это колдовство. А сейчас мне нужно сварить зелье.

Она исподлобья взглянула на названного брата.

— Или запрещаешь? — с вызовом спросила ведьма.

— Да колдуй ты на здоровье, — отмахнулся Виль. — Что хоть смотреть будешь?

— А ты думал? Само собой, где Овелаалуухи прячется. Это же его духи. Знал бы ты, как они хотят к нему вернуться...

Её лицо исказила злобная усмешка. Получив плату, духи немного успокоились, но успели нашептать Магде, что они хотят сделать с нарушившим сделку колдуном.

Глава седьмая

Разбойники

Иргай так и не помирился с Дакой, и она осталась жить в шатре Врени. Ту случившееся безумно сердило. Она уже привыкла в одиночестве жить в своём шатре, а тут ей подсунули двух маленьких детей, которые к тому же орут на два голоса. Хуже всего — сама виновата. Зачем она вообще послушала Паука? Тьфу ты, надо же — брат во прозрении. Намаялся, небось, и ведьма намаялась с чужим ребёнком, теперь вот ей подсунул. Чтоб ему...

«Купцы» выехали с утра и к вечеру в лагерь прискакал Нифан, второй брат Иргая, и сказал, что дело сделано. К вечеру же наёмники свернули лагерь и теперь были готовы ехать. Оказалось — недалеко — лесными тропами в селище, которое когда-то захватили разбойники. Когда Врени доехала до него, наёмники уже согнали местных крестьян в три жалких сарая и выставили стражу. Врени споро занялась немногими ранами. Разбойники, похоже, были совсем бедными, хорошего оружия не припасли, так что победа далась наёмникам дёшево.

— Измельчали, — огорчённо говорил Увар Харлану, стоя в самом хорошем доме селища. Сюда разбойники стащили своё богатство. — То ли дело раньше. Или мы добыча такая мелкая или князья всех разогнали.

Он покосился на Врени, которая заглянула узнать, нет ли ей здесь работы.

— Чего тебе, Большеногая?

— Сам-то не ранен? — спросила цирюльница.

— Не ранен. Иди, Юлди позови.

Врени скорчила рожу. Монаха она недолюбливала. Не то чтобы он был плохой человек, просто он служил Заступнику, а она — Освободителю, которого он называл Врагом.

— Возьми людей, кто не занят, — уже привычно приказал Увар монаху, — иди молиться. Всё селище обойди, освяти каждый домишко.

— Так я ж не рукоположен, — оторопел брат Юлди. — Я ж не могу освящать. Права не имею.

— Это ты будешь со своим начальством выяснять, — отмахнулся Увар. — А сейчас иди и сделай, как тебе говорят. А потом займёшься делом. Надо всю добычу переписать и разделить на людей. Большеногая, а ты тут что забыла? Нечего делать — иди отдыхай. Или оборотня натаскивай. Нечего тебе тут толкаться.

Врени передёрнула плечами. Никакой волшебный дар не поможет, если тебя просто не желают видеть.

* * *

Они заняли крестьянские дома, но избавиться от Даки и двоих её вопящих детей не получилось. Не то в степях что-то такое было принято, не то молодая женщина просто не задумывалась о том, что кто-то тут может хотеть спать, но только поселилась она именно в том доме, который указали Врени для отдыха.

Когда цирюльница вошла в свой дом, Дака как раз расстилала на полу волчью шкуру.

— Уснули? — шёпотом просила Врени.

— Уснули, — кивнула Дака. Её лицо сияло таким счастьем, что спорить с ней уже не хотелось.

Дака осторожно уложила детей на шкуру. Девочка, видимо, почувствовав мех, расслабилась, сонно обняла молочного брата и уснула крепче.

— Видишь? — кивнула их мать. — Не загрызёт она Сагилла.

— У неё, поди, и зубов пока нет, — хмыкнула Врени. — Ты гляди, когда обернётся...

— Не оборачивается она, — пожала плечами Дака. — Только спит да ест.

— И кричит, — хмуро сказала Врени.

— И кричит, — кивнула Дака. — Дети всегда кричат. Сагилл громче неё кричит.

Врени отвернулась и принялась раскладывать по лавке плащ, чтобы в него укутаться и уснуть, пока есть возможность. Сагилл-то громче кричит, но Сагилл-то человек. А девочка — нет и муж приёмной матери не принял её.

* * *

На следующий день к цирюльнице на деревенской улице подошёл брат Юлди.

— Чего тебе? — нахмурилась цирюльница.

— Принеси девочку, — попросил он.

— Зачем?

Глупый вопрос. И так видно, что Юлди спать не может, так хочет повозиться с маленьким оборотнем, а Дака как засела в доме у Врени, так на глаза никому не показывалась. Но монаху удалось её удивить.

— Надо посвятить дитя Заступнику, — твёрдо сказал он.

— Ты спятил? Она же оборотень. Проклятая.

— Это невинное дитя, — настаивал Юлди. — Она не может быть проклята. Даже если её посвящали Врагу, её душу можно спасти.

— Что, думаешь, окропишь её святой водой, она сразу воспоёт славу Над... Заступнику?

Юлди так и впился в неё глазами. Врени выругалась про себя. Проклятые — прозревшие, как они называли сами себя, — говорили о Заступнике «Надзиратель». Создатель поставил его следить, чтобы привязанные к миру — а мир это зло — души не думали о побеге. Освободитель — Враг, как называли его *слепые*, то есть верующие в Заступника, открыл людям глаза на совершённое над ними насилие. Показал путь, следуя которому они могут освободиться от вещного мира. Он же дал людям чёрную магию, научил колдовству, создал вампиров и оборотней, чтобы они приближали желанное Освобождение. Такие как Врени, как Медный Паук, высшие посвящённые, должны были нести Его слово тем, кто слепо верил церковникам. Открывать глаза обычным людям. Но, конечно, не монахам.

— Она слишком маленькая, чтобы говорить, — мягко произнёс Юлди. — Сколько ей месяцев?

— Да уж больше года, — сказала Врени, вспомнив короткий рассказ ведьмы. Та на прощание в двух словах рассказала о том, откуда у неё появилась эта девочка. Цирюльница нахмурилась. На вид маленькая оборотница была младше своего молочного брата. Года ей нельзя было дать при всём желании.

Монах таких тонкостей не знал и кивнул.

— Она должна принять благодать Заступника как можно скорее.

— Отстань от меня, — отмахнулась цирюльница. — Иди вон к Даке, с ней разговаривай.

Юлди в самом деле пошёл к дому, где Дака как раз кормила детей. Но не успел он толкнуть дверь, как перед ним будто из-под земли вырос Иргай.

— Не ходи туда, — велел наёмник хмуρο.

— Я только хотел поговорить о...

— С другими говори, — не стал слушать Иргай. — Нечего тебе с моей женой разговаривать.

— Я говорил с другими, — мягко ответил монах, — а теперь я должен...

— Уйди, — стиснул зубы наёмник. — Не подходи к моей жене!

Юлди обиделся.

— Я дал обет целомудрия и если ты думаешь, что я...

— Будь ты хоть евнух, не ходи к моей жене! — разозлился Иргай.

Врени поспешила к ним. Как раз вовремя, Юлди тоже сжал зубы и был готов выхватить кинжал.

— Юлди, уйди, пожалуйста! — взмолилась цирюльница, схватив монаха за руку. Ещё не хватало, чтобы юноши подрались. Юлди с трудом вырвался — хватка у Врени была крепкая.

— Поздно спохватился, если твоя жена в чужом доме живёт, — бросил монах и ушёл.

Иргай сплюнул.

— Не пускай к ней никого, — потребовал он у Врени. — Зачем Даку одну оставляешь?

— Поговорил бы с ней, — предложила цирюльница. — Небось плохо-то одному.

— Не хочу, — равнодушно отозвался Иргай и снова сплюнул. — Не до того сейчас.

Врени обошла юношу и шагнула в дом.

— Закрой дверь, — потребовала Дака таким холодным тоном, что цирюльница поняла: та всё слышала. Дети, уже накормленные, посапывали на волчьей шкуре. На этот раз Сагилл обнимал молочную сестру, запустив пальчики в пушистую шерсть.

— Давно она обернулась? — спросила Врени.

— Как ссорой запахло, так и обернулась, — пожалала плечами Дака. — Чего он хотел?

— Кто?

— Монах, — пояснила молодая женщина. — Зачем меня с Иргаем ссорит?

— Провести обряд, — осторожно пояснила Врени. — Так принято у нашего народа. Дать ребёнку имя, чтобы её знал Заступник.

— А, — кивнула Дака. — У народа Иргая так тоже принято. Нельзя сейчас. Дочь отец должен принять. Потом Заступник.

— Дака, — осторожно начала цирюльница, — Иргай может и не принять оборотня... стоит ли...

— Я молоком её кормила. Моя дочь.

— Дака, ты подумай...

— Боишься? Всегда боишься, да? — засмеялась Дака. — Не бойся. Иргай крепко сердит! Я его знаю! Будет сердиться, долго будет. Помиримся. Мне без него, ему без меня — как руке без тела. Помиримся. Долго сердиться будет. Потом сам придёт.

— Была бы ты умнее, пошла бы к нему сама, — проворчала цирюльница. — Как дети малые, оба.

Дака замотала головой.

— Нельзя мне идти! Мать его меня выгнала. Нельзя. Сам придёт. Подожди.

Врени махнула рукой. Она уже поняла, что так просто Даку со своей шеи не скинуть. За что ей такая напасть-то?

На шкуре заскулила маленькая оборотница: брат слишком сильно вцепился в её шерсть. Почему девочка не кусается, Врени не понимала. Может, у них так принято, у оборотней. Может, боится. Дака парой шлепков восстановила порядок.

— Ничего не бойся, — сказала она. — Иргай помирать будет, обо мне вспомнит.

— Главное, чтобы он о тебе до того не забыл, — проворчала цирюльница.

Она развела огонь и принялась греть воду. Надо было заварить снадобье, чтобы поменять повязки у раненых. Дака опустилась на колени рядом с ней и принялась помогать.

* * *

Вечером, обойдя всех, кто нуждался в помощи, Врени заметила, что Юлди больше не крутится возле её дома. Никак поумнел. Но позже, принимая свой ужин из рук Зарины (еду по-прежнему готовили сообща), цирюльница обратила внимание, что Юлди так и не объявился. Она сказала об этом девушке.

— Юлди пошёл иву собирать, — отозвалась Зарина. — У нас короба испортились. Просились собрать. Увар не дал. Сказал, опасно тут. Если даже кого с нами послать, им нас защищать придётся. Но ива очень нужна. Увар велел Карско идти и Габору. С ними Ферко ещё пошёл.

Карско и Габор были новички в отряде, Ферко давно ходил с Уваром.

— А Юлди чего?

— А Юлди всё сердитый ходил. Подошёл к Увару, сказал, тоже пойдёт. Увар отпустил.

— Уже смеркается, — нахмурилась цирюльница. — Где эта ива растёт?

— Нифан сказал, вон там, — показала направление Зарина и пожала плечами. — Увар уже ругался. Сказал, не придут, искать будем. Потом непонятно сказал.

Зарина прыснула со смеху.

— Очень ругался, — пояснила она.

Искать не пришлось: Карско, Габор и Ферко вскоре вернулись, очень взволнованные и злые, и сразу пошли к Увару.

— Ну? — спросил оберст, оценив и их вид, и то, что они пришли без Юлди.

— Беда, — коротко ответил Ферко.

— Жив?

— Пока жив, — буркнул Габор.

— Мы только ненадолго отвернулись, а его нету! — с искренним возмущением сказал Карско.

— Молчи уж, — цыкнул на него Ферко. — Зря Юлди взяли. Ничего не делал, ходил, бормотал что-то. Потом вроде делом занялся. А потом пропал. Там, Увар, рядом низинка, не знаешь, куда идти, не увидишь. А в ней рошица. А в роше идола. Там-то его и схватили.

— А вы где были? — нахмурился Увар.

— А мы еле ноги унесли, — ответил Ферко. — Человек десять там было и вооружены неплохо, не то что разбойники, которых мы тут положили. Пока убедились, что погоня за нами не идёт, день и прошёл.

— Мальчишки, — проворчал Увар. Карско и Габор покраснели. — На помочах вас водить.

— Да мы-то тут при чём, — обиженно пробурчал Габор. — Кто монаха просил в рощу соваться?

— А я шум слышал, — вдруг сказал Карско, — будто дерево рубили.

Врени, которая, естественно, подошла подслушать, похолодела. Рядом было... как же это называется?... языческое капище. Юлди, небось, решил, что в лесу один, и выместил на идолах свою обиду. Что с ним сделают оскорблённые служители местных богов, не хотелось и думать.

А вот Увар считал иначе. Он подозвал Мюра и велел Кривому Эбу открыть один из сараев — тот, где были заперты местные старики. Говорили, что у язычников именно старики управляли деревнями. За день им только раз принесли поесть, не из жестокости, а потому, что никому не хотелось возиться. Сарай открыли, пригрозили крестьянам самострелами и велели выйти самому старшему. Крестьяне заспорили между собой и вытолкнули самого тщедушного, который под взглядами наёмников стащил с головы шапку и стоял, трясясь от ужаса. Сарай от греха заперли снова.

— Спроси его, — приказал Увар Мюру, — что они сделают, если чужак придёт в рощу с их идолами.

Нагбарец скривился. Как и все верующие в Заступника, язычников он не терпел. Он медленно прокаркал свой вопрос старику. Тот затрясся ещё сильнее. Не похоже было, чтобы этот старик управлял деревней, уж больно испуганно на всех глядел.

— Его говорить, — всё так же кривясь, произнёс юноша, выслушав сбивчивый ответ старика, — очень плохой, когда чей-то заходить в священный роща. Очень, очень плохой. Небо не давать дожди, не давать солнца. Земля не давать зерно. Корова не давать молоко. Женщины не давать детей. Очень, очень плохой.

— И что тогда надо сделать? — нетерпеливо спросил Увар.

— Говорить, чужак лови-хватай. К небесный старик отправляй. На камень в роща клади, нож грудь режь, сердце доставай. Чужак ещё живи, жрец дрова клади, поджигай. Чужак к небесный старик иди, с небесный старик говори. Небесный старик людей прощай, чужак наказывай.

Врени замутило. Наёмники, собравшиеся вокруг, зашумели.

— Когда это делается? — внешне спокойно уточнил Увар, но цирюльница видела, как заиграли жевлаки на его скулах.

— Солнце заходить, небесный старик спать. Солнце вставать — небесный старик просыпаться. С утра небесный старик злой. С утра отправлять. Когда рассвет, тогда отправлять. Его говорить, почёт для чужак, если кровь, если раны. Не почёт, если удавить. Если воин — долго умирать. Почёт.

Нагбарец сжал кулаки.

— Плохой люди, — сказал он. — Злой люди. Твоя приказать — я убивать такой люди. Такой люди сама идти к своя небесный старик!

— Пойдут, пойдут, — кивнул Увар. — Держи его, пойдём в дом, поговорим по душам. Что это за низинка такая, и почему так близко от деревни. Эб!

Кривой Эб, который тоже слушал этот разговор, неприятно ухмыльнулся.

— Собираемся? — коротко спросил он.

— Да, пора бы нам. Иргая с Нифаном зови. Пусть осмотрятся получше. Как это они

низинку-то просмотрели?..

На Врени, которая собиралась увязаться за Уваром и послушать, к чему идёт дело, оберст посмотрел так, что цирюльница прикусила язык и пошла в «свой» дом — складывать немногие пожитки и предупреждать Даку.

* * *

Ночевать в лесной деревне было слишком опасно. Зажжённые стрелы могли превратить её из убежища в ловушку, частокол ограждал разве что от зверей, но никак не от подготовленных воинов, а сколько их на самом деле, сказать было трудно. Ферко с Карско и Габором были слишком заняты, уходя от погони, чтобы посчитать всех людей в капище. Как оказалось, священная роща была надёжно запрятана от любопытного взгляда, если не знать, где её искать, можно было так и не найти. Деревья закрывали спуск и чужаку казалось, будто весь лес растёт на одном уровне. Что неприятно, рядом с рощей было ещё селение, поменьше этого, но с куда как более крепким тыном. Похоже, в нём жили жрецы и охранники идолов. Увар не особо делился результатами допроса запуганного старика, только сказал, что рощу им сам Заступник показал, ещё бы за это Юлди не поплатился.

«Языка» втолкнули обратно в сарай. Тот, кажется, и не ждал такой развязки. Небось, решил, что ему тут как «самому старшему» тоже почёт окажут, проводят к «небесному старику» со всеми мучениями.

Уже за пределами деревни Врени спохватилась, подошла к Увару.

— Чего тебе ещё? — хмуро спросил он. Уходили пешими, лошадей уводили отдельно. Даки в сумятице Врени не видела, та поехала на одной из повозок.

— Люди в сараях остались, — сказала цирюльница.

— Ну и что?

— Так открыть бы.

— Брось, Большеногая. Там не люди, там крысы. Видала, как они самого слабого вытолкнули? Если Юлди не вытащим, вернёмся, всю деревню к Врагу спалим. А пока пусть радуются, что не пришибли. Небесный старик! Тьфу!

Врени покосилась на темнеющий позади частокол, но возвращаться без разрешения не рискнула. Кто знает, что стали бы делать освобождённые язычники? Так даже на *встречах* не поступали, а уж там-то, казалось, собирались люди — и нелюди — отвергающие человеческие законы.

Глава восьмая

Капище

Место для новой стоянки выбирали тщательней прежнего. Шатры не ставили, костры хитро разводили в ямах, чтобы дым не выдал, где прячется отряд. Все были готовы и уходить, и драться, смотря сколько врагов окажется у языческого святилища. Люди, которых Увар выбрал для нападения на капища, ушли задолго до рассвета. Остальным оставалось только ждать.

Вскоре после рассвета в лагерь прискакал Иргай. Серdito отмахнувшись от вопросов цирюльницы, не ранен ли он сам, юноша велел ей собираться и ехать с ним в капище. Остальным сказал, что можно ставить шатры: они здесь какое-то время ещё пробудут.

* * *

Капище было разгромлено. Внешний круг — причудливые столбы, увенчанные головами зверей, которые заменяли этому месту стены, — ещё стоял, но все идолы внутри были повалены, изрублены, на земле валялись убитые язычники — человек пять. Врени оглядела их опытным взглядом. Двое были убиты в бою, трое — добиты после. Иргай нетерпеливо потянул женщину за собой. В стороне, под навесом, сидели раненые наёмники. Ферко был совсем плох, его ранили в ногу, не скоро сможет ходить. С остальными ничего страшного не случилось. Врени окликнула Мюра, велела ему принести воды и дров, надо было нагреть снадобье, и приступила к перевязке. Не раньше, чем она закончила, Иргай привёл к ней дрожащего Юлди. Он был в одних только штанах, босиком, весь покрыт свежими ожогами и трясся как в лихорадке.

— Что с ним? — подняла брови цирюльница.

— Пытали, — коротко ответил Иргай. — Мюр говорит, не хотели кровь проливать. Чтобы небесному старцу больше досталось.

Он сплюнул.

— Мы пришли, они его уже на камне растягивали и примерялись, куда бить будут.

Юлди вздрогнул.

— Чего они от тебя хотели? — спросила Врени.

— Я не понял, — вздохнул монах. — Я не знал их языка.

— Ножи у них каменные, — заявил почему-то заинтересованный этой деталью Иргай, — а оружие железное. Нагбарские топоры были, хорошие топоры. Булавы хорошие. Мечей мало.

— Сколько же их было? — не поняла Врени.

— А, тут мало. Ещё рядом, за тыном толпа пряталась. Мы рассвета ждали, боялись, сс злости убьют его, если мы нападём. Мало ли где они его держали. А сюда точно бы привели.

Юрги снова содрогнулся. Он повернулся к юноше и протянул руку.

— Я обязан тебе жизнью, — сказал он. — Прости, если чем обидел.

Иргай ухмыльнулся и пожал руку монаху.

— И ты прости, если сгоряча не то сказал, — ответил он. — Так ты полечи его, Большеногая.

Иргай ушёл. Из Юлди как будто бы выдернули стержень, он кулём упал-уселся на землю, закрыл лицо руками и застонал.

— Я думал, меня не успеют найти, — глухо признался монах. — Думал, я умру без покаяния, один, покинутый...

— Однако ты не умер, — поспешно перебила его цирюльница. Она видела такое: когда люди сталкиваются с тем, к чему не были готовы или не смогли справиться, это их ломает, надолго поселяет страх в сердцах даже самых отчаянных храбрецов. Юлди не боялся погибнуть в бою, рядом с товарищами, но перед одинокой смертью его душа содрогнулась.

— Какой позор! — сдавлено произнёс он. — Я, воин Заступника, едва не был принесён в жертву порождениям Врага!

— Порождения Врага — это вампиры и оборотни, — усмехнулась Врени. — Вот если бы тебя в лесу для них привязали...

Юлди убрал руки от лица и укоризненно поглядел на цирюльницу.

— Я уверен, что оборотни... — начал было он.

— Да-да-да, — обидно засмеялась женщина и отцепила от пояса фляжку. — Глотни-ка.

Юлди послушно отпил вина, почти не чувствуя вкуса, закупорил фляжку и вернул Врени.

— Нет, послушай. Если даже вампиры могут внимать слову Заступника, чему и я, и ты были свидетелями...

Врени тайно вздохнула. Почему ей так везёт на разных блаженных дурачков? Но её уловка сработала. Монах сел на своего любимого конька и отвлёкся от страданий. Осталось только смазать ему ожоги.

* * *

— Хватит лясы точить, — хмуро сказал Увар, когда Юлди уже был с ног до головы перемазан и перевязан и успел в своей речи дойти до какого-то отца церкви, жившего всего-то три века назад. Врени вскочила с редкой для себя готовностью. — Пойдём, Большеногая, дело есть.

— Ещё раненые остались? — уточнила Врени, когда они отошли от навеса.

— Остались, только не наши, — отозвался оберст. — Священники... как их там?... жрецы, что ли. Эти-то. Которых мы тут положили. Остальные разбежались, а эти их защищали.

— А с остальными что? — уточнила Врени.

— А что с ними может быть? Догнали и прикончили.

Врени промолчала, но Увар рассердился.

— Ты видела, что они с Юлди сделали? А что собирались сделать, знаешь? Погань. Давить их всех надо.

— Ты не можешь воевать с целой страной, — негромко произнесла цирюльница.

— А о том не беспокойся, — невесело засмеялся наёмник. — Это ж не люди. Крысы. Поди у нас, сожги церковь. Тебя по всей стране будут как собаку бешеную гнать. А у них. Сжёт капище — отобрал у врага защиту. Свои жрецы, в родном капище, только спасибо скажут.

— Так чего ты хочешь? — не поняла Врени. Увар довёл её до огороженного высоким

тыном селения. Там совсем недавно погасили пожар, а за воротами валялись трупы. Действительно, неплохо вооружены были защитники лесного капища. Только напали на них на рассвете, кто в исподнем, кто без штанов, в рубахе, торчащей из-под доспеха, простоволосые почти все... на шеях самых одетых — верёвки, небось, ловили петлёй, о которой Иргай давно рассказывал, а там уж и приканчивали. Женщин среди них не было.

— Трех оставили жрецов-то, — пояснил Увар, — расспросили маленько. Перевяжи, как бы к утру не загнулись.

Врени скривилась.

— Вы их пытали? — с отвращением спросила она.

— Да уж не по головке гладили, — рассердился Увар. — Мюра к тебе пошлю, вели сказать — если они всё расскажут, умрут быстро. А нет — так мы никуда не торопимся.

Врени опять промолчала. Увар косо на неё посмотрел. Ну да. Они пытали Юлди. Умело пытали, она видела его ожоги. Не просто так где попало горячей веткой тыкали. Почти сломали бедолагу, а ведь монах парень крепкий. А уж какую они ему смерть готовили — об этом и думать не хотелось. Почёт воину оказывали. Тьфу!

* * *

Языческие жрецы — седобородые старцы, хоть образа с них рисуй, до того благостные рожи, — продержались недолго. Врени была тому рада, она ненавидела пытки и ненавидела в них участвовать. Капище было разбойничье и наёмникам невероятно повезло, что Юлди на него наткнулся. Язычники, оказывается, давно следили за отрядом и готовились напасть, едва чужаки потеряют осторожность. Выведали у старцев и другое: куда делся тот отряд, с которым Мивьют отбивал княжну и который забрал все её ценности. Для верности старцев спрашивали по одному — снова и снова. Когда Увар остался доволен ответом, он велел прикончить язычников и сжечь и капище, и селение разбойников.

* * *

Закончив с разбойниками, наёмники двинулись дальше. Теперь перед ними лежала соседняя с болотами страна, тоже языческая, где земли были распаханы, крестьяне не скрывались по лесам и вместо городов то там, то сям стояли замки, всё больше деревянные, как в Тафелоне, но, по слухам, богато украшенные резьбой и позолотой. Правил этой страной гордые и надменные князья (здесь их называли магнаты), о которых поговаривали, будто они готовы убить за косой взгляд или невежливое слово. Так ли было, нет ли, покуда было сказать трудно: отряд Увара держался общей дороги, на которую власть магнатов не распространялась.

На первой же ночёвке у Врени случилась долгожданная радость. Иргай вошёл в её шатёр — как всегда, без спроса, — и хмуро посмотрел на свою жену, которая как раз закончила кормить и родного сына, и приёмную дочь.

— Двое детей — вдвое хлопот, — хмуро сказал юноша. Дака задрала нос.

— Двое детей — вдвое радости! — отрезала она.

— Для родителей, — усмехнулся Иргай. Он наклонился и поднял со шкуры оборотницу.

Та испуганно вякнула, но превращаться не стала. — Домой иди. Нечего тебе по чужим шатрам ночевать. Люди смеются.

Дака бросила на Врени торжествующий взгляд, подхватила на руки сына и, потупив глаза — ни дать, ни взять, послушная жена — следом за мужем вышла из шатра.

Слава Освободителю.

* * *

Увар послал вперёд гонца к какому-то важному магнату, но покуда вестей не было. Не то гонец не добрался, не то магнат с ответом не торопится. Ехали не спеша. След короны петлял и двоился: тех разбойников разбили магнаты и, возможно, отобрали всю добычу. Тогда надо было думать, что предложить гордым властителям этой страны и как найти ту самую шайку или её наследников. А, может, и нет, потому что часть шайки спаслась и даже объединилась с одним из магнатов, который решил бросить вызов остальным. Местные крестьяне не знали нагбарского и, разумеется, ни слова не могли связать по-тафелонски, поэтому с ними объяснялись жестами. Харлан и его сородичи говорили на языке, немного похожем на местный, но многие вещи называли наоборот. Хорошее на их языке было плохим на местном, а плохое — хорошим. Всё шло спокойно. Девочку посвятили Заступнику по обряду Харлана, а потом свой обряд провёл Юлди, который быстро оправлялся и от ран, и от переживаний.

Всё шло спокойно.

А потом из посланных вперёд разведчиков вернулся только один: двое погибли, не успев вовремя заметить засаду. Врени поразило то, что никто не заволновался. Только как-то вдруг посерьёзтели, подтянулись, прекратились шутки.

Увар парой коротких вопросов выяснил у разведчика, что случилось, после этого коротко свистнул. Харлан с сыновьями, другие воины из их народа и с ними две трети отряда выехали вперёд.

— Кривой Эб, на тебе обоз, — приказал Увар. Эб кивнул и Увар погнал коня прочь, но не туда, откуда вернулся разведчик, а в сторону, безжалостно вытаптывая крестьянские поля, мимо которых лежала дорога. Остальные — выбранные две трети — поскакали следом.

Никто не задавал вопросов и не спрашивал, что нужно делать. Врени перехватила взгляд Юлди — такой же растерянный, как у неё самой. Эб только кивнул — и женщины принялись распрягать лошадей, разворачивать телеги и запрягать коней снова. Так же без лишних вопросов обоз тронулся в путь к оставленной позади развилке. Врени не сразу поняла, что они едут к примеченной Эбом речке, которая как раз недалеко от основной дороги делала изгиб. Там, в изгибе телеги поставили в круг, проверили оружие и принялись ждать. Костров не разводили, поделили между собой хлеб и солонину. Издалека до обоза изредка доносились крики, из которых ничего нельзя было понять.

Врени подошла к Даке и села возле неё. Молодая женщина держала на коленях меч. Глаза её горели — как всегда, когда наёмники ввязывались в драку.

— Что теперь? — спросила цирюльница.

— Увар умный, — засмеялась Дака. — Харлан с ним! Сыновья его с ним! Иргай с ним! Подержи Сагилла. Мне Ольви перепеленать надо.

Цирюльница покорно взяла ребёнка и стала смотреть, как Дака ловко обходится с

маленькой оборотницей. Та, похоже, всё порывалась превратиться, но приёмная мать ловко удерживала девочку и не давала начаться обороту.

— Боится сильно, — пояснила Дака. — Когда боится — превращается. Нехорошо. Нельзя бояться. В нашей семье никогда не боялись. И она не будет.

До них донёсся протяжный вой. Волчий, но почему-то наводящий ещё больше жути. Врени невольно вздрогнула. Девочка тоненько заскулила.

— Нельзя, Ольви! — строго окрикнула Дака. — Надо быть смелой!

— Это оборотни, — сказала Врени. — Так воют не волки, а оборотни.

— Нашли чем пугать! — отмахнулась Дака. Она справилась с извивающимся ребёнком и ловко запеленала так, что маленькая Ольви не могла пошевелить и пальцем. — А то мы оборотней не били.

— Смеркается, — не успокаивалась Врени. — Ночью они нас учуют, а мы их не увидим.

— Некогда им будет нас чуют, — рассердилась Дака. — Увар не даст! Харлан не даст!

А если их уже убили?

Но говорить об этом Врени не стала.

Они так и просидели почти до самой ночи, когда вдруг раздался крик — словно птица так кричала, только вот цирюльница отродясь таких не слыхала. Кривой Эб отозвался таким же воплем. Когда ему в ответ засвистели, приказал убирать оружие и разводить костры. Женщины заулыбались, со смехом принялись за работу. Мальчики наносили воды, мужчины сняли доспехи.

* * *

Но первыми к обозу выехали чужие.

Врени, разинув рот, смотрела, как из темноты появляются разодетые в парчу и бархат всадники. Правда, местами их одежды были порваны, а кое-где, похоже, заляпаны кровью, но в вечернем полумраке это не портило впечатления. Они гордо сидели на мощных конях, на головах у чужаков были шапки из дорогого меха, каждая украшена пером — у кого-то большим, а у кого-то маленьким пушистым пёрышком. Один из всадников что-то провыл-пролаял и все они засмеялись.

Оборотни.

Оставшиеся с обозом наёмники повскакивали, сжимая в руках оружие, но тут откуда-то сбоку выехал Увар.

— Большеногая! — крикнул он, спешившись. Цирюльница поспешила заняться своим делом.

* * *

Как выяснилось, Увар наткнулся на тех самых разбойников, которых искал, но кусок оказался не по зубам. Неизвестно, что с ними бы случилось, если бы на помощь не подоспел отправленный магнатами отряд. Вся знать в той стране сплошь были оборотнями или их родственниками. Но не полудикими варварами с плохим оружием, к которым наёмники уже привыкли, а гордыми как сам Враг, богатыми властителями земли и крестьян в своей стране.

Юлди был счастлив: тут он смог начать проповедовать оборотням, не дожидаясь, пока вырастет малышка Ольви. Как ни странно, его даже слушали. Особенно когда он сказал, что главная цель таинств и праведной жизни — после смерти попасть в войско Заступника и сражаться в небесах ради того, чтобы выстоял мир и жили потомки. Правда, некоторые спрашивали, как попасть к Врагу, много ли он хочет жертв при жизни и строго ли спрашивает после смерти. Идея загробной битвы пришлась оборотням по вкусу. Юлди огорчало то, что его новая паства не желает интересоваться проповедью любви и добра, но, после того, как он хитрым приёмом сумел побороть сына одного из магнатов, оборотни сошлись во мнении, что в добре и милосердии определённо что-то есть.

Увар взял с собой Харлана и на чудовищной смеси нескольких языков успешно вёл переговоры с магнатами. Он не забывал о том, что должен проложить для Братства Помощи дорогу на восток и сумел увлечь местную знать рассказом о тех выгодах, которые сулит объединение. Заступник ли ему подсказал, Враг ли нашептал, но Увар даже сумел повернуть дело так, будто Дюк не просит разрешения, а обещает привести сюда опытных проповедников. Они-де научат местных крестьян строить церкви, молиться и верить в то, что в земной жизни нужно потерпеть ради воздаяния в загробной.

Огорчалась только Дака, которой несколько надменных оборотних предложили утопить дурного щенка или свернуть девочке шею. Добра, мол, не будет от эдакого волчонка. Если не умеет себя держать в лапах, всю стаю подведёт. Избавиться от неё надо. Кабы не Иргай, быть бы тогда драке и большому шуму.

Всё шло неплохо, вот только короны Тафелона в этих землях не было. Разбойники — те, которых удалось захватить в плен, — самыми страшными клятвами поклялись, что отдали её одному страшному князю на юге. Показать дорогу они отказывались даже по угрозой пыток и видно было, что князь пугает их куда больше, чем всё, что им могут сделать люди.

Врени уж начала бояться, что теперь они навсегда поселятся в этих землях, где простые люди так и шипели, а знатные ещё и рычали.

Ночью раздался стук в окно и тихий голос произнёс:

— Жду *Освобождения*, сестра.

— Жду *Освобождения*, брат, — сквозь сон проворчала Врени, но тут же вскочила: — Паук?!

— Какая ты догадливая, Большеногая, — засмеялся убийца, который успел влезть в комнату к цирюльнице. — Дело есть.

— Знаю я твои дела, — рассердилась цирюльница. — За твоё прошлое дело меня Увар чуть из отряда не выгнал.

— Так у меня до твоего Увара дело и есть, — отозвался высший посвящённый. — Вставай, проводи меня.

— Сам найти не можешь?

— Если б мне его голова была нужна — без тебя бы управился, — пояснил убийца, и Врени тут же расхотелось спать.

— А не врёшь? — усомнилась она, отбрасывая одеяло. Спала она всегда в одежде, чтобы быть готовой среди ночи вскочить и побежать лечить какого-нибудь мелкого дурачка, поигравшего отцовским ножом, пока взрослые спят.

— Вставай-вставай, — вместо ответа сказал Паук. — Делать мне нечего, дурных баб по ночам уговаривать.

— Уговаривай добрых, — ухмыльнулась цирюльница.

— Добрых уговаривать не надо, — в тон ей ответил проклятый. Врени вышла на подворье, где их поселили магнаты-оборотни. Паук шагнул следом. — Скажешь ему — от того самого мол, дело к нему. Искали, мол. А я сам пришёл.

— Зачем пришёл-то?

— Потерпи, Большеногая, не выгонят, так послушаешь.

Врени подозрительно покосилась на убийцу, но в предутреннем полумраке ничего на его лице не разглядела. Откуда ему знать, что Увар теперь не подпускает её близко к любому хоть немного важному разговору? Случайно, поди, угадал.

* * *

Увар обрадовался пробудке не больше, чем Врени, но едва услышал «про того самого соглядатая», как проснулся, наспех оделся и спустился на подворье из просторной комнаты, в которой спал. Вместе с ним спустились Карско и Габор, ночевавшие всегда рядом с оберстом. Впускать убийцу в дом Увар отказался.

— Я про тебя слышал, — сказал он, глядя Пауку в лицо при свете факела. Были они с убийцей одного и того же — весьма мелкого — роста и ни тот, ни другой не казались опасными. Карско и Габор насторожено топтались рядом.

— Какая честь, — криво усмехнулся проклятый. — Ты ж теперь не так себе, наёмник, ты ж теперь аж оберст личной гвардии нового Дюка.

— Откуда ты знаешь? — насторожился Увар.

— Я многое знаю, — отмахнулся убийца.

— Говори, что у тебя за дело.

Паук низко надвинул шапку на лоб, почесал в затылке и осклабился.

— Да вот от бабы одной хочу избавиться, — «сознался» он. — Надоела — страсть! Что ни день — капризы, прикрикнешь — слёзы, готовить не умеет, слушаться не хочет...

— Брось болтать! — нетерпеливо прервал его Увар.

— Так я не болтаю. Слышал я, барон-то наш, цур Фирмин, меняет эту бабу на прощение. Вот мне бы и сменять, а?

— Где Бертилейн?! — вскинулся Увар.

— Э, нет, — засмеялся Паук. — Сначала прощение, потом баба.

— Нету у меня, — буркнул Увар. — Барон на словах передал.

— Нет прощения — тогда и бабы нет, — пожал плечами проклятый. — Врешь ты всё. А ещё оберст этой, как её, гвардии. Есть у тебя прощение. Хочешь, расскажу, как оно выглядит? У тебя и письмо для этой бабы есть.

— Откуда ты знаешь? — заинтересовалась Врени. Она вызвалась держать факел и только потому Увар не прогнал её со встречи.

— Так должна ж быть от бабы хоть какая польза, — хмыкнул Паук. — Ты, Увар, не торгуйся. Твою ж сестру продаю. Потом, она у меня умелая. Чуть о чём узнать захочет — вонь на весь дом. Бормочет, бормочет, а потом раз! — всё видит, всё знает. Как барон с такой бабой жил — ума не приложу. Странные они все, господа-то.

Увар грубо выругался. Он действительно кое-что знал о Медном Пауке и знал, что пытаться его бесполезно — даже если он дастся в руки. Если мерзавец спрятал где-то Бертильду, отнять силой не получится.

— Карско, — позвал он, — сходи ко мне, там...

Он отвёл молодого наёмника в сторону, что-то прошептал и протянул ключи. Карско убежал и вскоре вернулся со свитком, который был перевязан белой ленточкой. На свитке болталась печать Фирмина с огнедышащей пантерой.

— Читать-то умеешь? — спросил Увар, разворачивая свиток, но не давая Вилю в руки. Тот чуть сощурился, всматриваясь в ровные буквы и косую баронскую подпись.

— Сойдёт, — кивнул убийца. — Эй, Маглейн, выходи!

Увар снова выругался, но уже гораздо тише. Убийца нигде не прятал ведьму, она пришла с ним, отведя людям глаза, и ждала только разрешения отбросить чары. Врени насторожилась. Чем же Паук так подчинил себе Магду, что она покорно подчинялась его вздорным приказам?

Ничего не менялось и Врени уже подумала, что убийца их разыграл. Потом она моргнула... а потом как будто... как будто перестала отводить взгляд от темноты за спиной Паука. Там стояла ведьма Магда. Выражение её лица в полумраке разглядеть не удавалось.

— Хорошая же баба, — вопреки своим прежним словам заявил убийца. — Стоит этого клочка пергамента, а?

Увар швырнул ему в лицо прощение и шагнул к сестре. Магда позволила себя обнять, но сама едва ли в ответ сомкнула объятия.

— Виль, — тихо, но настойчиво произнесла она. Убийца сплюнул.

— Что я говорил, а?!

— Виль, ты обещал! — не унималась ведьма.

— Виль, то, Виль, это, — заворчал убийца. — Дрова наколи, воды натаскай... а что

взамен?!

— А где твоя девочка? — перебила их Врени.

Виль оглянулся.

— Бегают где-то, — пожал он плечами. — Неслух, вся в мамашу. Велено же было ни на шаг не отходить. Эрлейн! Эй! Иди сюда, кому сказал!

Словно в ответ с другого конца подворья послышалась какая-то возня, а потом тонкий детский голос со злостью провыл:

— Отпусти! Отпусти немедленно! Маааама!!! Дядя Виийиль!!!

Магда кинулась было туда, но Виль поднял руку — и женщина покорно остановилась. Врени не верила своим глазам. Заколдовал он её, что ли?

— Эй, там! — прокричал Увар. — Тащи девчонку сюда!

Вскоре к ним подошёл Иргай, волоча за собой визжащую от злости и извивающуюся... наверное, всё-таки девочку. Волосы у неё были чуть длиннее, чем у мальчика, тонкие и светлые, как у матери.

— Отпусти её, — приказал Увар. Иргай разжал руки и девочка бросилась к Магде.

— В дом пыталась пролезть, — пояснил Иргай. — Ведьма. Смотреть трудно. То вижу, то нет. Дочь почуяла.

— Знакомься, Увар, это моя дочь, Эрлейн, — сказала Магда. — Доченька, это твой дядя Увар, муж моей старшей сестры Агнеты.

— Он тут главный, — вмешался Паук. — Эрлейн, что ж ты за чучело бестолковое? Если уж попалась, зачем на всю округу выкладывать, кто с тобой пришёл? Подняла всех на ноги, как бы я тебя спасал тогда? Вот вся в мамашу пошла. Любите старику работу посложнее сделать.

Девочка исподлобья посмотрела на Увара и ничего Пауку не ответила.

— Скажи ему, чтоб не дрался, — кивнула она на Иргая. — Я только на девочку хотела посмотреть. Я её в лесу нашла! Она моя!

— Мучила Ольви, — пояснил Иргай для Увара. — Ножом пугала. Сейчас лезла — тоже пугать хотела. Дака говорит — злая девочка. Дочь твоей сестры, да?

— Оставь её, — попросил Увар устало. — Ну, здравствуй, Эрлейн.

— Здравствуй, дядя Увар, — кивнула маленькая ведьма серьёзно.

Врени вроде и не отводила взгляд, но Паук как будто куда-то пропал... а потом снова появился. Магда удерживала его за рукав.

— Виль, я прошу тебя, — произнесла она. Паук сплюнул.

— Свяжись с бабами — беды не оберёшься, — буркнул он. — Слышь, Увар. Маглейн себе в голову вбила, раз я ей брат и ты ей брат, я тебе помочь должен. Чем расплачиваться будешь?

— Чем ты можешь помочь? — не понял наёмник.

— Чем-чем, — проворчал высший посвящённый. — Тебе что нужно? Цацку дюкскую отыскать. Так я тебе помогу. Что дашь за это?

Магда закатила глаза.

— Мы же договорились, — напомнила она.

— Цыц, Маглейн, не мешай папаше Вилю, — отозвался проклятый. — Иди вон с девочкой своей поиграй.

— Бертильда останется здесь, — немедленно возразил Увар. Магда снова закатила глаза.

— Пойдёмте в дом, — попросила она. — Я замёрзла.

* * *

— Значит, так, — заявил Виль, стоя за спиной Магды. Ведьма уселась за стол на широкую скамью и подвинула к себе плоску с едой. Эрну отправили к матушке Абистее, благо, у той своих детей хватало, а Врени всё-таки не получилось выставить. Карско и Габор отправились досыпать.

Магда жадно ела пересоленного перепела и было видно, что ей давно не приходилось вдоволь поесть. Виль от угощения отказался и только время от времени прикладывался к фляжке.

— Значит, так, — повторил он. — Вам нужна дюкская цацка. Что дадите взамен?

— Она у тебя? — насторожился Увар.

— Если бы! — махнул рукой убийца. — Я б её Маглеин выдал, до вас довёл — и был бы свободен. Не-ет, вам её ещё выкупить надобно.

— Ты определись, Паук, — нахмурилась Врени, — ты б даром корону отдал или тебе за неё плата нужна?

— Мне давно ничего не нужно, Большеногая, — строго сказал проклятый. — Я только жду *Освобождения*. А вот вам нужна эта цацка.

— Виль, — не очень внятно пробурчала Магда с набитым ртом, — перестань.

— Цыц. Ладно, слушай, Увар, всё равно сам предложить не додумаешься. Цацка ваша на юге, там у подножья гор княжество одно, князь там шибко вредный. Говорят, короны собирает. Вот и прибрал к рукам.

— Откуда ты знаешь? — не поверил Увар. — Или Бертильда... увидела?

— Людей надо знать, — криво усмехнулся Виль. — Пока ты за разбойниками гонялся, я нашёл, с кем переговорить. Маглеин видит только то, что её касается, не жди слишком много. Тогда жить было бы скучно.

— Ты знаешь, где это княжество лежит? — уточнил Увар. — Сможешь провести?

— Почти, — уклончиво отозвался Паук. — Давай сперва сторгуемся.

— Так говори, — предложил Увар.

— Бабу на обмен не предложишь, — задумчиво сказал проклятый. — А уж девку помоложе — и вовсе пожлобишься. Слышал я, мальчика вы с собой взяли, очень уж ретивый. Оборотням проповедует.

— Что, монаха себе попросишь? — скабрёзно ухмыльнулась Врени, которая не любила ни Юлди, ни Паука.

— Освободитель с тобой, Большеногая, — картинно отшатнулся проклятый. — Наоборот. Хочу, чтобы вы своего щенка на привязи держали. Чтоб не вздумал рта без разрешения открывать. Хватит вам и святоше вашему, как его, а, Маглеин?

— Отец Сергиус, — пробурчала ведьма и протянула руку. Паук сунул ей флягу, к которой Магда немедленно приложилась.

— Отцу Сергиусу вашему с его святейшим папой хватит и этих земель, — продолжил проклятый, — и Братству Помощи для дороги в Дарилику^[11] тоже их хватит. А про южные земли скажете, мол, не прошли. Или не договорились. Да вы и не договоритесь там.

— Хитришь, Паук, — нахмурился Увар.

— Хитрю, — признал проклятый. — А ты чего ждал? Эй, Маглеин, всё-то не допивай!

— У нас вино закончилось, — пояснила Магда, возвращая флягу владельцу. — Еле достали кислятину какую-то.

— Неблагодарное ты существо, Маглеин, — вяло возмутился убийца. — Не сбивай с мысли.

— Запретить Юлди проповедовать — и всё? — подозрительно уточнила Врени. Как-то было слишком мало за обещанную помощь.

— Ну... — почесал в затылке убийца. — Я бы так не сказал. Пушай молится всю дорогу и погромче. А ещё Маглеин один полезный букетик может собрать... ты, Большеногая, знаешь про этот букетик, вот и поможешь... авось он здесь растёт, а то с выдумкой у нашей Маглеин не очень, чем заменить, не додумается.

— Хочешь сказать, там, на юге, правят вампиры? — наконец сообразила цирюльница.

— Не то чтобы хочу, — неприятно засмеялся Паук. — Но правят. А ты думала, кто может так запугать разбойников? Там на юге в горах куча княжеств, в половине, не меньше, кровососы всеми командуют. Люди-то и не знают, кто ими правит. Не то что у нас, вечно по углам ютятся, а уж гонору-то сколько! Нет, тут умнее делают. Нашим бы у них поучиться, вот бы нам всем весело стало.

— Корона в одном из горных княжеств южнее, правят там вампир, — подытожил Увар, — и ты, Паук, берёшься туда проводить.

— Я?! — изумился проклятый. — Чур меня. Зачем бы я вам ведьму дарил, а? Маглеин проводит.

Магда поморщилась и отодвинула тарелку с костями перепела.

— Виль, прекрати, — попросила она. — Не можешь по-человечески разговаривать.

— Цыц, — снова цыкнул проклятый. Магда глубоко вздохнула, явно собираясь с духом.

— Увар, — сказала ведьма, — я могла бы поискать для тебя эту корону. Мы так ищем потерянные вещи. Ты же связан с владельцем, ты ему служишь.

— Ещё надо доказать, что Вилтинов щенок — владелец короны, — хохотнул Паук.

Вилтин — граф цур Вилтин — был отцом молодого Дюка, завоевавшего свой титул войной и интригами.

— Я могу найти, — упрямо повторила ведьма. — Это несложно. Нужно только, чтобы ты помог. И никто не мешал.

— А для него почему не нашла? — уточнил Увар.

— А мне ваша цацка без надобности, — откликнулся вместо ведьмы убийца. — Маглеин не может для чужого человека искать. Ведьма, что с неё возьмёшь?... Вот князь — да, князь мне нужен.

— Убить его хочешь? — хмыкнула Врени.

— Это всегда успеется, — отмахнулся проклятый. — Для начала нужно, чтобы он поговорить согласился. Годы у меня уже не те — за вампирами по горам гоняться.

— А почему ты Бертильду его найти не попросишь? — заинтересовался Увар.

Паук хохотнул.

— Ну, ты выдумал, дюкский оберст. Ей вампирский князь вовсе без надобности, да и не похож на заплутавшую корову-то. Не, цацку для любимого брата — это она умеет, это она сможет. А вампир сам от цацки никуда не денется. Не выдумывай сложностей.

— Так чего ты от нас хочешь? — запутался Увар.

Виль положил одну руку ведьме на плечо, второй потянул за косу, вынуждая поднять

голову.

— Так вы меня с собой возьмёте, — сказал убийца. — Пригляжу заодно за вами. Щенка своего, святошу, на привязи придержите. Велите молиться, когда я скажу, и заткнёте по моему слову. Как цацку получите — договор и разорвать можно будет. Идите куда вам надобно, и Маглеин с её девчонкой с собой прихватите. Ну как, Увар? По рукам?

— Тебе-то с этого какая польза? — не поняла Врени. Мужчины косо на неё взглянули.

— А это уж моё дело, — недобро отозвался убийца. — Может, я ещё чего попрошу... или посоветую. Может, и нет. Главное, чтобы вы потом больше на юг не совались. Хватит с вас и оборотней.

Магда мотнула головой, вырываясь, и Виль со смешком убрал руки.

— По рукам, — отозвался Увар и действительно пожал убийце руку. Ведьма поднялась из-за стола.

— Пристрой их куда-нибудь, — кивнул на Магду Виль, — а я прогуляюсь. В путь тронетесь — с вами поеду.

Он помолчал, покосился на ведьму, покачал головой, словно сомневаясь, но после сказал:

— Ты парнишке-то тому скажи, который Эрлейн поймал. Молодец, не спорю, но пусть к девчонке близко не подходит. И Маглеин не трогает. А то станет у тебя одним бойцом меньше. Жаль будет, славный парнишка-то. Слово он знает или от рождения голова с дырочкой, что на него ведьмины чары вполсилу действуют?

— Сам спроси, — предложил Увар.

— Не заедайся с ним, — вмешалась Врени, которая примерно себе представляла, как Иргай ответит на угрозу.

— Да я уж сумею подход к человеку-то найти, Большеногая, — неожиданно мирно отозвался убийца. — Ты думаешь, мне каждый день работать хочется?

* * *

Оборотни, у которых они поселились, были только рады их выпроводить. Гонор требовал кормить гостей и послов от будущих союзников, но содержать целый отряд выходило накладно. Про вампиров в стране на юге они ничего не знали, только сказали, что места там гиблые и в горах, бывает, пропадают целые отряды. Впрочем, они щедро собрали в дорогу еды, фураж и прочее необходимое и даже согласились приютить большинство женщин и детей. Это предложил Увар. Слышал-де, что кровососы на младенцев падки и теми, кто постарше, тоже не брезгают. Магда, которую пустили на обсуждение планов, косо на него посмотрела и что-то пробормотала, дескать, тогда лучше она одна ходит. Но объяснять ничего не стала. Эрна оставалась с большой неохотой, но мать настояла — и девочка послушалась. А вот Дака заявила, что маленькую Ольви без мужчин тут утопят и Иргай с ней согласился. Увар хотел было на них прикрикнуть, но передумал. Ясно было: утопят. Собачья потом с ними. А если девчонку вампир сожрёт, пусть Дака сама на себя пеняет. Фатя, брата Даки, тоже взяли: после штурма Сетора мальчишка ребёнком уже не считался, хотя за взрослого мужчину его пока никто не держал. К тому же мальчишка мог слышать, как визжат вампиры во время полёта. Взрослые такие тонкие звуки просто не различали. Взяли и Ферко, несмотря на его увечье. Впрочем, он был уже не так плох: как бы

ни чудила ведьма, а всё же нашла какие-то полезные травы. Одними натёрла рану, другие заварила и заставила выпить, приказала Габору и Карско каждый день вытаскивать товарища на двор и помогать ходить «чтобы привыкал». И лечение помогло.

А вот Юлди оборотни отпускали неохотно и очень просили остаться. Впрочем, про вампиров никому говорить и не стали. Ни детям, чтобы их не пугать, ни гостеприимным хозяевам — на всякий случай.

Магда почти не принимала участия в сборах, только ходила с дочерью и собирала вонючие травы — сбор, придуманный в её деревне знахарем. Эти травы не были волшебными, но, собранные вместе, они отгоняли вампиров надёжней серебра и молитвы. Врени иногда ходила с ними, иногда участвовала в сборах отряда, но успела заметить, что ведьма как-то странно себя ведёт. Она то останавливалась и словно вглядывалась куда-то, то принималась отгонять мух, которых не было рядом, а то вдруг бормотала себе под нос. А иногда вдруг сверлила стоящих рядом людей странным недобрый взглядом. Эрна, похоже, ничуть не удивлялась такому поведению матери, только тайком вздыхала.

Когда пришло время двигаться в путь, Медный Паук появился, словно из ниоткуда, цыкнул на заливающуюся слезами Эрну, вспрыгнул в телегу и взял в руки вожжи. Магда расцеловала плачущую дочь и пристроилась рядом с убийцей. Врени аж заморгала, глядя на них. У ведьмы был какой-то очень странный вид... как будто она... как будто даже повеселела — расставшись с дочерью и сидя рядом с человеком, от которого ещё год назад мечтала избавиться?! Да что с ней такое?!

* * *

— Мне нужно ворожить, — объясняла Увару ведьма на вечернем привале. Медный Паук стоял у неё за плечом и делал вид, что так и надо. — Никто не должен подглядывать, как я это делаю. Тогда я скажу тебе направление.

— Я пойду с тобой, постерегу тебя, — отозвался Увар, — а парни будут сторожить неподалёку.

— Нет, — покачала головой Магда. — Никто не должен быть рядом. Это... колдовство никто не должен видеть.

Врени удивилась. Она знала, что ведьмы часто пляшут голыми, но... поиск пропавших вещей... это может любая колдунья, тут ворожить не нужно. Самое простое. И для этого всегда *нужен* владелец. Или тот, кто его заменяет.

— Ты не можешь уйти из лагеря одна, — нахмурился Увар.

— Я с ней схожу, — предложил Медный Паук. — Пригляжу и верну живой и здоровой.

Магда перехватила взгляд зятя и торопливо заговорила:

— Виль... Виль мой названный брат. Мы... мы менялись кровью семь лет назад. И он уже помогал мне колдовать. Любой другой... если там кто-то будет... колдовство будет нарушено. Прости... я не должна рассказывать такие вещи *слеп...* людям, которые не владеют... словом, вы же не умеете колдовать.

Увар невольно осенил себя священным знаком.

— Да если бы я её украсть хотел, — добавил убийца, отвечая на просительный взгляд ведьмы, — я б это сделал без такого шума.

Глаза цирюльницы постепенно округлялись. Брат ведьме Паук или ещё кто, но только

она к нему жалась, словно боялась чего-то.

— Скажи, где это будет, Бертилейн, — уступил наёмник, — я поставлю вокруг людей.

Подглядывать они не станут.

Магда обменялась с убийцей непонятными взглядами, потом кивнула.

— Я подготовлюсь, — сказала она, — потом пойдём выбирать место. Потом вы уйдёте, а я начну.

— Делай как знаешь, — отозвался Увар.

Он задумчиво посмотрел, как ведьма и её названный брат идут к своему шатру. Врени уловила тихое «А я тебе говорил!».

— Слышь, Большеногая, — негромко позвал Увар. — Тоже заметила?

— Что твоя сестрица жмётся к Пауку? — спросила цирюльница.

— Она так дёргается, словно её вот-вот убьют, — нахмурился Увар. — Я пытался с ней поговорить, но она не стала слушать. То травы надо собирать, то сушить, то дочка... я их породу знаю. Агнета, бывало...

Он махнул рукой.

— Кто вас, баб, разберёт, — заключил наёмник. — Ты ж тоже баба. Вызнай, что с ней и как ей помочь. Видать, помощь ей крепко нужна.

Врени хмыкнула. Обычно в отряде делали вид, что она такой вот странный мужчина, но уж никак не женщина. Или вовсе не имеет пола.

* * *

С ворожбы — цирюльница проследила — Магда вернулась очень поздно, вся дрожащая и бледная, но одновременно как будто от чего-то успокоившаяся. Пришла в шатёр к Увару и долго рассказывала ему про ближайшую дорогу, про приметы у развилок и даже где можно будет напоить коней. Медный Паук заявился вместе с ней и поправлял, если она начинала путаться. Один раз они даже заспорили. Увар покивал, поблагодарил и отпустил их спать. Потом пошёл к Харлану и о чём-то тихо с ним поговорил — не подслушать.

* * *

Назавтра никуда не тронулись до самой середины дня, когда сын Харлана, Стодол, вернулся в отряд и что-то доложил Увару. Только тогда оберст дал приказ двигаться.

* * *

То же повторилось и на следующий день. И потом тоже. Ведьма вся тряслась, сторонилась людей, то и дело бормотала и отмахивалась невесть от чего. Видно было: если Паук куда-то отходил, ей совсем плохело и тогда она вовсе не терпела, чтобы рядом с ней кто-то находился. Стоило убийце вернуться, как Магда чуть только не вцеплялась ему в руку, точно испуганный ребёнок. Если он колот дрова — она стояла рядом. Если он шёл за водой — она шла вместе с ним. Если была его очередь возиться с ужином — она садилась у котла.

Сама она никакой работы в руки не брала, вела себя словно её старшая сестра, которая тоже считала, что люди её мужа — это слуги и что они обязаны её кормить, поить, ставить для неё шатёр и расстилать одеяла. Только Агнета была всегда спокойной и приветливой, а Магда казалась насмерть перепуганной. Один раз — цирюльница не поверила своим глазам — ведьма что-то тихо сказала убийце, он огляделся, отвёл её в сторону за шатры и с размаху отвесил пощёчину. А она глаза закрыла, прижала руки к лицу, потом кивнула и они оба вернулись.

Да что у них происходит-то?!

* * *

Увар, было заметно, не доверял любимой сестре. Каждый вечер она говорила, как и куда им надо двигаться дальше, каждое утро он посылал вдвое против обычного разведчиков и ждал, пока она вернутся и доложат, что путь свободен, безопасен и действительно самый надёжный и удобный. Что в стороне нигде засада не притаилась. Никто ничего не спрашивал, Увару привыкли верить. Врени не выдержала.

* * *

— Что тебе нужно? — спросила ведьма, когда цирюльница вечером встала возле её шатра и окликнула её. В это время Магда обычно немного отдыхала, «готовилась» к ворожбе, а после пропадала вне лагеря до самой ночи.

— Поговорить, — отозвалась Врени.

— Кто-то болен? — неохотно спросила Магда.

— Нет, — отозвалась цирюльница.

— Тогда что тебе надо? Я устала.

— Это недолго, — настойчиво произнесла Врени.

— Да пусть она зайдёт, — раздражённо произнёс убийца. Врени это отметила. Никто не знал, где ночует Медный Паук, его попросту невозможно было выследить. Впрочем... сейчас ведь и не ночь.

— Заходи, — вздохнула ведьма. Цирюльница уже не была так уверена, что хочет это сделать. Она бы предпочла поговорить с Магдой наедине.

В полумраке шатра нельзя было разглядеть лица людей и понять их настроение.

— Вы всех пугаете, — без предисловий начала Врени, оказавшись внутри.

— Переживут, — равнодушно отозвалась Магда.

— Да вы с ума сошли, вы, двое?! — тихо, но яростно прошипела высшая посвящённая. — Увар в тебе души не чаял — а сейчас думает, что ты ведёшь нас в ловушку. Про Паука и говорить нечего.

— Переживут, — повторила ведьма. — Я никого в ловушку не веду. Всё будет хорошо.

— Да что с тобой творится?!

— Уймись, Большеногая, — вмешался в разговор убийца. — Ничего с нашей Маглейн не творится. Поколдовала неудачно, бывает. Пройдёт.

— Вы доиграетесь — Увар её сам утопит, — предостерегла цирюльница. — Так не

ищут потерянные вещи. Даже дурак догадается, что Магда колдует что-то своё.

— Ну, колдует, — мирно признался Медный Паук. — Ну, своё. Приврали мы маленько. Я ж говорил: Вилтинов щенок — не владелец этой вашей дюкской цацки. Вот Маглеин и старается. Другим способом ищет. Для вас же старается, а вы не цените.

— Не ценим?! Да вы в сговоре! С кем?! Куда вы ведёте отряд?!

— А вам куда надо? За цацкой дюкской? Вот туда и ведём. Глянь, Маглеин, не зря к ним пришли-то. Найдёшь с ними общий язык-то: такие же неблагодарные как ты.

— Что нас ждёт на этой вашей дороге? — уже отчаявшись добиться толку, спросила Врени.

Магда встрепенулась, Паук сделал быстрое движение. То ли рот заткнул, то ли опять по лицу ударил.

— Тихо, Маглеин, — внушительно проговорил он. — Не надо.

Ведьма судорожно всхлипнула, но промолчала.

— Совсем плоха стала, — озабоченно проговорил убийца. — Ничего, цацку найдём, ей и полегчает. Иди отсюда, Большеногая, Маглеин ещё колдовать надо.

— Что ж ты с ней такого сделал, что она за тобой хвостом ходит? — со злостью бросила цирюльница. Она представляла себе, чем можно сломать человека до такой степени, но обычно жертву для этого били. Ведьма же была совершенно здорова, только напугана. Или девчонке её пригрозил? Но тогда Магда бы защищала дочь.

— Думаешь, палкой отгонять — поможет? — оживился Паук. — А, Маглеин? Видишь, и люди говорят — прекращай за мной таскаться.

— Отстань, — сердито ответила ведьма. — Ты обещал.

— Не поможет, — заключил убийца. — Ладно, Большеногая, тебе одной скажу. Напугалась Маглеин недавно, вот, отдышаться не может. Видала, во что тут люди верят? Капища видела?

— Ну, видела, — подтвердила цирюльница. Её до сих пор передёргивало.

— Вот и мы видели. Как-то шли, никого не трогали, так нас решили в жертву принести. Особенно Эрлейн им понравилась.

— Ну и что? — спросила Врени.

— Как — что? Пять трупов, верно, Маглеин?

— Шесть, — с отвращением поправила ведьма.

— Во. Шесть трупов. А Маглеин у нас до того нежная — до сих пор трясётся.

— Заткнись, — вяло произнесла ведьма, но опровергать его слова не стала.

— Так что заканчивай за нами шпионить, — заключил убийца. — Скажи Увару — колдовать с той поры Маглеин сложнее стало. Уж больно перепугалась. Шесть трупов за раз — не шутки. Она в своей деревне хорошо, если один в год видела. И все как-то сами помереть умудрялись. Козлёнка — и того зарезать не могла. А тут сразу шесть.

— Как ты мне надоел, — вздохнула ведьма. — Врени, и правда. Я чем хочешь поклянусь, что ничего против отряда не замышляю. Силой своей поклянусь — хочешь? Дочерью. Сыном. Матерью. Сестрой. Всё будет хорошо, правда. Я *видела*. И корону видела, и как отряд возвращается.

— Увару это скажи, — пробурчала цирюльница. Ведьма вздохнула и того горше.

— Виль... — просяще протянула она.

— Провожу я тебя к Увару, провожу, — отозвался убийца. — Навязалась на мою голову. Уж не чаю как от тебя избавиться.

— Ты знаешь, — с неожиданной твёрдостью ответила Магда.

— Молчи уж, убогая. Трусиха ты, Маглейн. Другая бы радовалась.

— Другую бы искал, — зло отозвалась ведьма. Видно было, что они повторяют этот спор не первый раз.

— Вот дочку твою правильно воспитаю, — посулил Паук, но Магда не стала отвечать.

Глава десятая

Разговор

Они добрались до самых гор, когда Виль настоял на том, чтобы открыться Увару. Магда не хотела. Ей казалось — если кто-то узнает её тайну, её убьют или будут держать связанной или... ещё что-нибудь. Ужасное. С другой стороны, ужасней, чем сейчас, она себя никогда не чувствовала. Это было — почти как то высшее посвящение, от которого она когда-то отбилась. Высшее посвящение превращает ведьму в лишённую души колдовскую силу. Сейчас... Духи, которых наслал на неё проклятый колдун, не отставали ни на минуту. Они всё просили, требовали, умоляли, улещивали...

Дай-дай-дай. Сделай-сделай-сделай. Договорись. Согласись. Принеси жертву. Накорми. Убей. Убей. Убей!

Они сулили силу. Они обещали могущество. Они ручались, что по одному её слову могут наслать на целый город болезни или безумие. Нужна такая малость. Всего несколько человеческих жизней. Таких никчёмных и бесполезных. Дочь? Дочь — это вкуснейшее лакомство. Самая вкусная жертва. К тому же она сама обладает силой. Зачем она Магде? Магда родит других детей. Магда может жить вечно. Нужна самая малость. Чужой жизнью расплатиться за вечную молодость.

Брат, муж сестры? Прекрасная жертва. Воин, и доверяет ей, любит её, готов оберегать... его преданность будет пиршеством.

Люди. Много людей вокруг. Каждый чем-то хорош. Каждый чем-то ценен. Магда и не замечала, что у людей вокруг есть столько достоинств. Смешной монах Юлди истово верил в Заступника, обожал собак и оборотней, по вечерам сочинял стихи и выстреливал из дерева маленькие статуэтки святых. Потом он их освятит у себя в ордене и будет даром раздавать больным и нуждающимся. И делать вид, что его вовсе не прельщают восторги братьев и прихожан.

Иргай, всегда суровый и настороженный, до безумия влюблённый в свою жену — он пытается это скрыть, но у него не очень-то получается. Магда чувствовала его душу как натянутую тетиву, с которой вот-вот слетит стрела.

Дака, жена Иргая. Гневливая, смешливая, гордая. Тот, кто любит меньше — всегда сильнее, но духи нашептали Магде, что Дака без колебаний умрёт за детей или мужа — и это было для них как чаша вина для пьяницы.

Мюр с его ломаным языком и простотой характера... дома ждёт его безумная жена, чьего сумасшествия не замечает только он.

Младенец. Девочка-оборотень. Мальчишка. Все остальные. Порывистые, спокойные, обидчивые и хладнокровные, готовые драться со всем миром и предпочитающие разрешить спор спокойно... у ведьмы стучало в ушах, когда они заговаривали. Она знала, как они будут кричать, когда умрут. Она знала, что убить их будет просто.

Нет.

Она не сможет.

Она не будет.

Нет.

— Слышь, Увар, — начал разговор Виль, втолкнув ведьму в шатёр зятя. — Думаю, пришло время поговорить, а?

Магда кожей чувствовала подозрительный взгляд наёмника. Раньше он был готов за неё умереть. Теперь — думал, что она хочет скормить его отряд вампирам.

— Дыру протрёшь, — ничуть не смутился убийца. — Ты ж вроде хотел узнать, что такое у нашей Маглеин случилось. Заметил, небось, что она сама не своя.

— Говори, — предложил Увар.

— Ну так вот. Врать не буду. Беда у нашей Маглеин. Она очень хочет убивать. Но не умеет.

Виль сказал это таким тоном, будто речь шла о верховой езде и он пришёл просить для названной сестры лошадку помирнее.

— Перестань, — попыталась вмешаться Магда, но убийца отмахнулся.

— Цыц. Сама попросила.

Виль был единственным человеком, которого духи не уговаривали убить. При нём они немного отставали — иногда просто шептали чуть тише, а, бывало, даже отлетали и не мучили Магду целых полдня.

— Я по-простому объясню, — продолжил Виль. — Встретили мы тут одного человека нехорошего. Он Маглеин проклял... от души так проклял. Теперь она видит разное. То полезное, корону, например, отлично разглядела. Хочешь, расскажет, как она выглядит? Или дорогу. Отлично дорогу видит. А то вредное. И ещё слышит. Тоже разное. Человек этот проведаль, куда нам надо, и туда и направился. Вот мы его найдём — и Маглеин сразу полегчает.

— А зачем он туда направился? — не понял Увар. — Ему тоже нужна корона Тафелона?

— Нет, — постаралась сосредоточиться и объяснить ведьма. Прошлый её разговор с зятем вышел неудачно. Она пыталась его успокоить, не раскрывая своих секретов, и он так и не поверил ей. Теперь Виль заставлял её рассказывать всё. Или почти всё. — Это другое колдовство. Не такое, как у нас. Корона ему не нужна, ему нужна кровь и смерти людей. Он кормит этим своих... своих идолов. Богов и духов, которым поклоняется. А они делятся с ним властью. Князь, к которому мы идём, может развязать войну, которая нужна колдуну.

— Ты такого наговоришь, Маглеин, что тебя в ближайшем лесочке сожгут — и будут правы, — перебил её Виль. — Увар, слушай. Это всё колдовские дела, они вашего отряда не касаются. Мы сейчас до перевала дойдём, через него большому отряду не пройти. Перевал охраняют. Сам князь часто там охотится. Иногда тайком, иногда открыто, как правитель. Маглеин видела, что князь тебя в замке примет, значит, нас пропустят. Ты ж посол от своего Дюка малолетнего. Договариваешься со всеми. Вот и приди как посол. Союз там предложи Посули помощь. Торговлю. Что ещё тебе поручили, сам лучше меня знаешь.

— Ты же поставил условие, что на юге мы не договариваемся, — напомнил Увар.

— Поставил. И сейчас говорю. Но где ты видел князя, который с бандой наёмников договоры ведёт и свои цацки им дарит? А послов, глядишь, он и живыми отпустит. Непокусанными даже.

— А ты выкрадешь корону? — уточнил Увар. Виль закатил глаза.

— У вампира, — едко произнёс он. — Выкупите. Зря баб-то не взяли. Глядишь, на какую бы и польстился.

— У него другой вкус, — тихо сказала ведьма. Она-то помнила своё видение, в котором на коленях перед князем стоял юноша — и кровь текла по его коже.

— Цыц, — цыкнул на неё убийца. Увар задумчиво посмотрел на него, потом на сестру.

— Почему этот колдун тебя проклял? — спросил он ведьму.

— Он хотел меня убить, — пояснила Магда довольно спокойно. Она покосилась на названного брата, тот кивнул. — Виль предложил, чтобы я у него поучилась. Я сказала тебе, это другое колдовство, чуждое нам. Виль думал, что я смогу его освоить. Я пыталась. Когда колдун вызнал то, что ему было нужно, он решил нас убить, чтобы откупиться от своих духов. Как я поняла, он много... как сказать... вроде как в долг наворожил. И теперь они требовали платы.

Увар осенил себя священным знаком.

— Это посланники Врага? — уточнил он.

— Это я посланник Врага, — хмыкнул Виль. — Чего так смотришь, даже в твоей грамотке написано, что я еретик и проклятый. И его баронская милость обещает мне прощение — если я ему верну его бабу. Так что тебе и вовсе грех на меня коситься.

— Но ты её не вернул, — заметил Увар. Виль закатил глаза.

— А я предлагал ей одной с вами ехать. Думаешь, она согласилась?

Магда поёжилась. О, да, Виль предлагал!

* * *

— *Завтра тебя к Увару отведу, — сказал ей названный брат, когда Эрна уже спала. Они заночевали в наспех сделанном шалаше в лесу: Магда больше не могла находиться рядом с другими людьми, так лютовали духи. Было холодно и промозгло, весна ещё не отогрела землю. А духи всё не унимались. Так просто — руку протяни — и подует тёплый ветер, на завтра солнце вдруг примется жарить по-летнему — и больше не придётся мёрзнуть по ночам. Нужна лишь такая малость. Одно слово. Шаг. Удар.*

— *А сам куда денешься?* — спросила ведьма.

— *Уж найду куда, — буркнул убийца. — Нечего тебе мои тайны знать. О чём не слышала, того не выдашь.*

У Магды ёкнуло сердце. До гор было далеко. Через всю страну. На юг. Одной среди людей. Людей, которых она должна убить. Которых ей хочется убить. Нет.

— *Виль...* — протянула ведьма.

— *Нет, — тут же отозвался убийца, даже не уточнив, что она хочет сказать.*

— *Виль, я тебя очень прошу.*

— *Знаю я, о чём ты просишь. Говорил тебе. Справляйся сама. Или не трусь. Подумаешь, кишки кому-нибудь выпустишь, тоже мне, потеря.*

Ведьму затошнило.

— *Я не хочу!*

— *Тогда справляйся.*

— *Виль...*

— *Что, Маглеин, и предложить нечего? — издевательски произнёс убийца. — А помнишь, как ты мне шипела, не надейся, мол, не попрошу тебя о помощи, а? Вспоминать-то не стыдно сейчас?*

— *Ну ты злопамятный.*

— *Не злопамятный, а справедливый, — наставительно произнёс убийца. — С тобой же не договоришься, Маглеин. Дочку обещала отдать — вцепилась так, что не отдерёшь. Слушаться обещала — через слово перечишь. Как баба ты мне и вовсе не сдалась. Что у*

тебя осталось-то, а? Вредная ты и бестолковая. Скулишь вон — Виль, Виль... Другая бы на твоём месте от радости бы плясала и спрашивала папашу Виля, чем она ему услужить может. С такими-то силами. А ты — в угол забилась и хнычешь. Куда годишься-то, а?

Магда вскочила на ноги и крутанулась на месте. С ветром договориться было проще всего. Ветер был добрый — или казался таким. Не требовал убивать. Ему вполне хватало щепотки муки или ленточки, которую ты отпускаешь ему на радость. Он откликнулся сразу же, как будто давно ждал приглашения. Миг — и шалаи разлетелся по лесу отдельными веточками.

— Вот молодец! — «похвалил» убийца. — Вот напугала! Сейчас пойдёшь, Маглейн, и ручками всё назад притащишь. Ручками, ручками, Маглейн. Чтобы впредь не ворожила без спросу.

— Ночь вокруг, — напомнила ведьма.

— Беда-то какая, — покачал головой Виль, укутывая своим плащом спящую Эрну (малышка всё так же крепко спала, как и когда-то дома). — Как это я не заметил? А ты куда смотрела? Что ж ты раньше не подумала, а? До утра дождаться не захотела? Иди-иди. Кто слушаться обещал? Живо!

Ведьма заскрипела зубами, но Виль был неумолим.

— Выпорю, — посулил он. Магда шагнула прочь от костра, в ночную темень. Мелькнула мысль насрать на Виля комаров, но для них, пожалуй, было ещё рановато. — Не стой там, Маглейн. Раньше начнёшь, раньше закончишь, раньше спать ляжешь.

Магда шагнула ещё дальше. Духи молчали. Они почему-то никогда не требовали убить Виля — с тех пор, как он убил и выпотрошил для них шестерых человек. Может, считали его ещё одним своим служителем. Или кто их знает...

Надо было что-то придумать, что-то предложить. Виль, конечно, был прав, с ней невозможно договариваться. Ведьмы... не то чтобы ведьмы вообще никогда ни с кем не договаривались. Но... ведьмы не торговались. Они отдавали миру, лесу, который выбирали, себя целиком, а взамен просили выполнять их просьбы. Жертва — это чтобы мир лучше слышал. Чтобы больше любил.

Но мир есть зло. Для всех проклятых — прозревших — мир есть зло. Ведьмы редко признавались другим прозревшим в том, что связывало их с выбранным лесом.

...мир есть зло...

— Приблизим Освобождение, брат, — произнесла Магда.

— Ты ещё здесь, Маглейн? — «удивился» убийца. — Кыш! Займись делом.

— Приблизим Освобождение, брат, — повторила ведьма.

— Так-так-так, — почти пропел Виль. Он оставил девочку и подошёл к названной сестре. На фоне костра прозревший казался чёрным силуэтом. Посланником из преисподней. Посланником Врага. — Маглейн решила вспомнить, что у неё есть душа. Последнее, что ты мне ещё не предлагала. А ты думаешь, меня этот товар интересует?

— Приблизим Освобождение, брат! — с отчаянием крикнула Магда. Прозревшие всегда откликались на эту фразу. Даже враги должны были прислушаться. Высшие посвящённые всегда помогали ведьмам, а ведьмы — высшим посвящённым.

— Я с первого раза слышал, не ори, — осадил её убийца.

Магда поняла, что он по своему обыкновению издевается.

— Жду Освобождения, сестра, — тем не менее произнёс Виль. Ведьма с облегчением выдохнула. — Так ты снова с нами, а, Маглейн? Ты ведь знаешь, что ты должна делать.

— Да, — кивнула Магда. Она знала. Ведьма должна не только ворожить. Она должна рассказывать людям об Освободителе, которого они называли Врагом. Приводить к Нему. Принимать других прозревших и помогать им, не требуя ничего взамен. Всего этого Магда давно не делала — с тех пор, как отвергла высшее посвящение.

— Смотри, Маглейн, обманешь — пеняй на себя. Быстро не будет. Не в этот раз.

— Не пугай, не обману, — отозвалась Магда. Виль убьёт её — замучает долго и страшно — если она осмелится его предать. Но если он ей сейчас не поможет, её душу на кусочки раздерут жадные духи. Это будет куда больнее.

— Дура ты, Маглейн, — сплюнул убийца. — И трусиха. Что с тобой делать?... Пойду с тобой к Увару, пойду, только не ной. И чтобы потом не жаловалась.

— Не буду, — пожала плечами ведьма.

— Тогда что стоишь? Иди шалаши собирай. Совсем брата не слушаешь.

* * *

— Да ты не переживай, — продолжал болтать убийца. — Это ненадолго. Обратишься — только вы меня и видели! Сам не чаю, когда от вас избавиться смогу.

— Виль... — устало вздохнула ведьма и повернулась к зятю. — Я... мне удалось пересилить колдуна... я думаю, он не ждал, что я смогу.

— Дурак был, — вставил Виль.

— Он думал, что я слабая, потому что мне плохо давалась его колдовство. Но тогда он... я не знаю, как он это сделал... Виль говорит, что никаких духов не существует. Но колдун наслал их на меня.

— С кем не бывает, — снова встрял убийца. — У нас не принято убивать, не доучив. Я думал, он сперва проверит, много ли Маглейн может. Подумаешь, лодку перевернула. Я б её сначала на вёсла посадил, потом бы только проверял, как ворожкой справится. А этот... торопыга.

— Какую лодку? — немедленно спросил Увар. Пришлось объяснять. — А ты так можешь?

Магда вздохнула.

— Сможет, — посулил Виль. — Дай мне речку, лодку и пару недель. Она и не то сможет. Когда мозоли с рук сойдут.

— Учителя часто нападают на своих учеников, — сказала Магда. — Старая Верена, которая до меня жила в Латгавальде, говорят, уморила одну ученицу и ещё двое сбежали. Она и меня хотела убить, когда умирала.

— Я не знал, — пожал плечами Виль. — А почему не убила?

— Я оказалась сильнее, — хмыкнула ведьма. — Она тяжело болела, я ухаживала за ней, а она тянула мою силу. К тому же мне помогала Вейма.

Виль фыркнул, но не стал язвить.

— А почему? — спросил Увар.

— Потому что она старая и уродливая, а Маглейн — молодая и красивая, — пояснил Виль. — Все эти колдуны, ведьмы, маги... все они те ещё сволочи. Могут — делают. Не могут — ищут, как сделать. Одна Маглейн вон, дрожит как овечий хвост, не хочет она, видишь ли, пакости делать. Белоручка!

Эта отповедь заметно изменила взгляд Увара на сестру. Магда по его лицу видела, что он считает её слишком доброй, чтобы творить зло, которое требует ремесло ведьмы. Увар всегда считал и жену, и её сестру сказочными существами, с которыми ему повезло жить на одной земле.

— Теперь духи требуют платы от меня, — продолжила ведьма свой рассказ. — Их, наверное, и правда нет, но только я их слышу. А ещё они хотят вернуться к колдуну, который их призвал. Когда вернуться, они убьют его и оставят меня в покое. Поэтому мы ищем колдуна.

— Это как гончих по следу пустить, — пояснил Виль. Увар надолго замолчал. Он не привык иметь дело ни с ведьмами, ни с колдунами, ни тем более с духами.

— А при чём тут корона и князь? — спросил наёмник после долгого молчания.

— Я же говорила! — вспыхнула Магда, но Виль положил руку ей на плечо.

— Спокойно, Маглейн, спокойно. В твой рассказ на трезвую голову даже безумный не поверит.

— Колдун заставил меня гадать, как мне вернуться домой, — пояснила Магда. — Гадание показало вас, вашу дорогу — и князя, который хранит у себя короны. Виль потом искал разных людей и поговорил с ними. Они рассказали, что такой князь действительно есть.

Её передёрнуло. Когда Виль оставлял её одну, она сходила с ума, борясь с духами и их настойчивым шёпотом. К счастью, он всегда уходил ненадолго.

— У нас так не делается, но мне кажется, колдун пытался украсть кусок моей судьбы. Забрать себе то, что она сулила. В болотной стране все знают таких колдунов и не верят им. Они приходят с севера, вместе с воинами, которые приплывают на кораблях со страшными головами. Колдун искал страну, в которой его бы приняли и поверили. Его гадание... он умеет так гадать, чтобы оно точно сбывалось. Он хотел... я не знаю, как объяснить...

— Он хотел расплатиться нами, чтобы князь дал ему то, чего он хочет, — перебил ведьму убийца. — Из того, что они тебе нашептали, это понятно. Но мы — вот они. Потом Маглейн немножко с духами расплатилась... чего так смотришь, Увар. Сам-то сколько язычников в капище положил? Или ты думаешь, станет наша Маглейн ручки пачкать, когда у неё папаша Виль есть?

— Мне удалось... духи хотели вернуться к колдуну. Они рассказали мне то, что он скрыл. Я не знаю... если их не существует, кто мне всё это сказал?!

— Ворожба его сказала, — отмахнулся Виль. — Не ломай голову, Маглейн. Главное, мы в твоём видении всё увидали и оно даже сбыться должно. Так что колдуна там нет. Ему там удачи не будет.

— Он где-то рядом, — нахмурилась Магда. — Я чувствую. Там, недалеко от князя, к которому мы идём.

— Ты в это веришь? — спросил Увар Вилья. — В видения, которые должны сбыться?

Виль пожал плечами.

— Кто их знает? Я ж не колдун и не ведьма. Но цацка ваша дюкская где-то там. Неужто без волшебной удачи не договоритесь?

Он помолчал немного и добавил:

— Не знаю, как тот колдун гадает, а Маглейн никогда не ошибалась. Вот потом глупости делала — это да. А в гадании всегда всё точно сходилось.

Глава одиннадцатая

Подготовка к встрече

Они проезжали страну, где правили оборотни, и где обширные поля чередовались с густыми лесами, а замки магнатов строились из дерева. Впереди лежала другая земля, более гористая, менее плодородная, люди здесь одеты были победнее. На дорогах стояли заставы, возле которых высились каменные башни, сложенные не хуже, чем рыцарские замки в Тафелоне. Увар на заставах показывал верительные грамоты от Дюка, и их пропускали, но не раньше, чем посланный на следующую заставу гонец успевал скрыться из вида.

Перевал их встретил каменной стеной, в которой был оставлен только узкий проход. Там с трудом могла бы проехать одна телега и то, если очень аккуратно провозить. С двух сторон стену сторожили башни.

Увар подъехал ближе и на нескольких языках прокричал приветствие. Ответом было карканье взлетевших с веток ворон. Врени поёжилась. Страна, где правит вампир... там живой-то кто-то остался?

Увар снова прокричал приветствие и уже был готов направить коня в проход, как из-за стены ответили. Речь была непонятна, чем-то похожа на то, как говорил Харлан и его сородичи и на говор магнатов-оборотней на севере. Харлан выехал вперёд и ответил. Наёмники более или менее понимали своего товарища, хотя сами говорили на его языке плохо. Врени, Магда и Виль остались в стороне, как, впрочем, и новички отряда. Они невольно переглядывались, пытаясь разгадать по интонациям ход переговоров. Увар достал и показал верительную грамоту Дюка. Из-за стены что-то резко крикнули, после чего оберст махнул наёмникам.

— Порядок, — прокомментировал Виль. — Не трясись, Маглейн, если здесь на грамоты смотрят, я за них спокоен.

— Может, они так заманивают, — ляпнула ведьма. Просто чтобы хоть что-то сказать. Убийца тихо рассмеялся.

— Ну да. У тебя есть грамота, поэтому тебя можно есть, а ты без грамоты, мало ли какую холеру принесёшь. Так, что ли?

— Вампиры не болеют человеческими болезнями, — напомнила Магда. — Они ведь мёртвые.

— Да? — хмыкнул Виль. — Тебе виднее. Но люди-то болеют. Кровососы без людей долго не протянут.

Они прошли мимо стены и узкой скалы и оказались на более широкой дороге, которую с одной стороны подпирала гора. С другой стороны вплотную подступал лес. Ближайшие деревья в лесу шевелили ветками. Люди, которые прятались за ними, даже не пытались скрываться.

Наёмников встретил отряд — человек десять, не больше. У троих были с собой сложные луки, похожие на те, которые применяли и сами наёмники, ещё у троих оружие, название которому Магда не знала: когда рукоять цепью соединяется с шипастым шаром [\[12\]](#). Барон и её отец таким не вооружались и не вооружали своих людей. Трое были с остроклювыми топориками и последний носил за поясом меч. Он-то и подошёл к Увару и Харлану. Мельком глянул на грамоту, пристальней — на людей. Что-то сказал, кивнул и сделал разрешающий знак. Увар повернулся к своим.

— Говорит, нас проводят и покажут, где мы сможем стать лагерем, — перевёл Харлан итог переговоров. — Завтра после полудня нас примет их правитель.

Увар махнул рукой и наёмники двинулись дальше по дороге. Впереди них пошёл проводник. Магда покосилась на лес. Видно было, что часть прячущихся там людей отправилась их провожать.

Горы здесь были слоистые, как будто кто-то нагромоздил один на другой плоские камни. Иные сверху поросли травой и деревьями, иные стояли совершенно голые. Дорога чем дальше от стены, тем становилась шире, потом покатила вниз, открывая перед путниками вид на высокий каменный замок с тонкими башнями. Чтобы попасть в него, надо было спуститься до подножия горы, а потом подняться на следующую, повыше. Виль окинул замок заинтересованным взглядом.

— Брать такой — безнадёжно, — сказал он ведьме. — Даже будь с нами отряд побольше... разве что осадой. Или изнутри. Помнишь, как с Ордулой? Даже не уверен, смогу бы я сюда пробраться один. Если там внутри вампир... твоя подружка-то каждого, кто в деревню входил, чуяла. Делать ей было нечего, паршивке.

Ведьма только отмахнулась. Виль очень не любил её подругу Вейму. За то, что та была вампир, за то, что она отказывалась пить кровь и за то, что несколько раз «влезала ему в голову» — считывала его воспоминания, нужные для создания морока. Вейма же действительно стала сильнее с тех пор, как её муж стал шателеном баронского замка и особенно — с тех пор, как барон уехал в священный поход, оставив свои земли на вассалов. Вампирша объясняла, что среди её подобных территория не менее важна, чем для ведьм. Если ты правишь этой землёй, ты чувствуешь всё, что на ней происходит. Магда представила себе, как здешний князь обшаривает долину ищущим взглядом... ей даже показалось, что она чувствует этот взгляд на коже... какой вздор. У вампира мало власти днём. Зачаровать одного человека, перехватив его взгляд — не более. Вейма, правда, могла усыпить одного и допросить другого, но это потому, что, лишённая из-за своих пристрастий телесной силы, она развивала умственную. К тому же у неё всегда лучше получались эти её штучки, если рядом был её муж. И особенно — если он позволял выматывать ему душу. От этого её силы прямо-таки вырастали. Вир, наверное, был святой человек... оборотень... раз терпел рядом такую жену.

* * *

Они встали лагерем неподалёку от замка, в самой неудачной позиции для обороны. Проводник показал им, где они могут напоить лошадей, и ушёл. Оставалось ждать полудня и решать, кого именно примет завтра князь.

* * *

— Нет, — устало сказал Виль, когда Увар поинтересовался его мнением, — ведьма вам там ни к чему. Они ничего не умеют против кровососов. Маглеин не пойдёт.

— Она не может колдовством осмотреть замок? — уточнил оберст наёмников.

— Может, — кивнул убийца. — Но для этого ей заходить необязательно. Зато

представь, что будет, если князь прочитает её мысли. Знаешь, о чём она думает? Хочешь, расскажу? Даже я не всегда так думаю. А она так на каждого смотрит. Вампир, небось, её духам понравится больше девчонки-оборотня.

— Перестань, — попросила ведьма, сцепляя руки. Увар посмотрел на неё с беспокойством. — Колдуна тут нет. Надо идти дальше.

— Потерпишь, — отрезал Виль. — Найдём мы твоего колдуна. Дай людям делом заняться.

— Делом? — равнодушно переспросила ведьма и усмехнулась той злобной улыбкой, которая на неё находила под влиянием духов. — Вы всё про корону? Она там. В самой высокой башне. Там наверху... вроде площадки, с которой князь изволит прыгать, когда хочет полетать. А этажом ниже — его сокровищница. Там специально окна устроены так, чтобы ни снег, ни дождь, ни град не залетали, а свет луны попадал. Кажется, с помощью зеркал. Короны расставлены по стенам и сияют в лунном свете. А днём там больно даже человеческим глазам. Лестница такая узкая и неудобная, что людям едва можно подняться, поэтому князь сам протирает свои драгоценности. Что вы хотите узнать ещё? Про подвал, куда сажают пленников и наказанных слуг? Они даже не помнят, как у них пьют кровь. Но князь делает это редко. Рана от укуса вампира заживает очень быстро, а вот слабость хорошо заметна. К тому же князь любит охотиться. Кусать беспомощных людей ему неинтересно. Вампиры всегда упиваются борьбой, которая происходит в душе жертвы. Про тронный зал? Вас туда проводят. Или про комнату, в которой князь сидит сейчас? Это маленькая, очень уютная комната, вся обшитая дорогим шёлком. Там стоит круглый столик... да... да...

Она кивнула сама себе.

— Князь сидит в удобном кресле и играет с физантским монахом в ту игру, которую лет семь или десять к нам привезли из святых земель. С фигурками армий.

— С монахом?! — вскинулся Увар. Физант^[13], как и Терна^[14], были осколками древней империи. И там, и там верили в Заступника, но верили по-разному. Но всё же вампирам должно было быть не по нраву святое слово.

— Не перебивай её, — остановил Виль.

— Ну да, с монахом, — всё так же равнодушно подтвердила ведьма. — Он очень учёный человек, переписчик... вроде того смешного мальчика, которого я недавно лечила... но, похоже, не такая чистая душа, как тот. Зато хорошо играет.

Она помедлила и оглядела собеседников затуманившимся взглядом.

— Колдун приходил сюда, но поспешил уйти. Князю он не понравился... взаимно, конечно.

— Много ли тут людей, Маглейн? — мягко спросил Виль.

— Людей? — пожалала плечами ведьма. — Много. Слуги. Придворные. Отсюда не видно, но с той стороны к замку как будто пристроен ещё один... нет, два. Потом, гарнизон... сильные воины... смелые... князь набирает людей по всей земле... даже иногда берёт мальчиков, которых не могут прокормить родители... или выкупает рабов... у них нет другого отца, кроме князя.

— Много ли у них оружия? — спросил Увар.

— Они считают, что достаточно, — пожалала плечами ведьма. — Убить их очень трудно, они всегда настороже. Это только кажется, что за нами не следят. Они хорошо прячутся...

Она замолчала и долго не говорила.

— Всё, Маглейн? — с той же мягкостью спросил убийца. Ведьма покачала головой.

— Нет... как забавно... здесь живёт его семья.

— Семья? Другие вампиры? — не понял Увар.

— Нет, семья. Я вижу женщину... девушку... мальчишку... мальчишку он обратит, когда тот станет взрослым, а сам князь — слишком старым, чтобы не вызывать подозрений. Но мальчик пока не знает об этом. Его даже не чествуют как наследника. Просто... племянник. Никто даже не смеет заикнуться о наследстве князя... хотя никто ничего не знает... нет... несколько слуг... и один из отрядов гарнизона... да... они знают...

Лицо ведьмы перекосила уродливая гримаса.

— Их смерть будет праздником! — прошипела Магда тихо, но злобно. — Каждый! В этом замке каждый бесценен! Каждый особенный! Убей их всех! Убей! Там, внутри — колодец. Это будет просто сделать. Я вижу его! Я знаю дорогу! Я...

Увар отшатнулся. Виль, не раздумывая, схватил названную сестру за руку и отвесил пощёчину прежде, чем наёмник успел вмешаться. Ведьма упала на колени и зарыдала.

— Я не хочу, — простонала она. — Не надо, пожалуйста!

— Похоже, чем ближе к колдуну, тем духи настойчивей, — пояснил Виль для Увара. — Видишь ли, Маглейн их совсем не кормит. Вот они и сулят ей чего она хочет, лишь бы накормила.

— Зачем ты её ударил? — хмуро спросил Увар.

— Чтобы очухалась, — пояснил убийца. — Если колдуна не найдём, скоро ножом колоть придётся, так её заносит. Маглейн, хорош рыдать. Подумаешь, беда у тебя. Ну, колодец, ну, отравить. Ты же ведьма. Тебе положено этим заниматься.

— Я не хочу, — повторила ведьма сквозь слёзы.

— Вот наказание-то, — вздохнул убийца, наклонился и заставил ведьму подняться на ноги. — Всё, Маглейн, всё. Не хочешь — и не надо. Не всё сразу. Потихоньку, постепенно. Сначала слабительное, потом рвотное, а там и...

— Прекрати! — рассердилась Магда.

— Пришла в себя? — усмехнулся убийца. — Видал, Увар? Представь, если она при князе такое закатит?

— Она правду рассказала? — поинтересовался Увар.

— Да уж наверное. Ей духи про каждого из нас шепчут, чем мы хороши и в какое место колоть, чтобы подольше мучились. Обед себе выбирают. Да не косись так. Я ж говорю. Поймаем колдуна — и всё пройдёт.

— Поймаем, как же, — проворчала ведьма, прислушиваясь неизвестно к чему. — Увар... А кто пойдёт к князю?

— Я пойду, — удивился вопросу наёмник.

— А кроме тебя? — не отставала женщина.

— Маглейн, тебе-то какая разница? — вмешался Виль.

— Это очень богатый князь, — сказала Магда. — Он пропускает через свои земли богатых купцов и берёт с них большую дань. Он не будет разговаривать с бедно одетыми послами. Увар, кто из вас пойдёт? Вы запаслись нарядной одеждой?

— Харлан, Кривой Эб, Берток, — сказал Увар, пожимая плечами. — Есть у нас одежда. Бертилейн, нас твоя сестра собирала, она-то ничего не забыла.

— Юлди возьмите, — вмешался Виль. — Святошу вашего малолетнего.

— Ты же сказал... — удивился Увар.

— Мало ли что я говорил, — отмахнулся убийца. — Обещал совет вам дать, вот и даю.

Возьмите мальчишку. Если князь со своим святошей эти фигуры по доске переставляет, то и вам своего показать стоит. И я пойду.

— Иди, — согласился наёмник. — Но для тебя у нас ничего не приготовлено. Ткани брали — для подарков, — а одежды не прихватили.

— У вас три бабы в отряде, — удивился Виль. — Неужто ни одна ничего не умеет? Магда закатила глаза.

— Я сошью, — посулила она. — И парадную рясу для вашего смешного мальчика тоже.

— Вот и договорились! — вроде как обрадовался убийца.

Увар кивнул и ушёл, посулив приказать Даке, чтобы дала Магде всё необходимое. Когда он отошёл подальше, Виль заглянул ведьме в глаза.

— Маглеин, выкладывай-ка, что задумала. Иголок в швы напихать решила?

— Отстань, — устало ответила ведьма. — Я видела... тебе не понять...

— Да уж где мне.

— Я больше не могу, — сказала Магда. — Я этого не выдержу.

— Выдержишь, Маглеин, выдержишь. Человек такая тварь, что и не то выдерживает.

— Тебе бы так, — горько произнесла Магда. — Они всё время рядом... шепчут, шепчут, шепчут... Я знаю, кто чего боится и кто о чём мечтает. Я...

— Ну-ка, — перебил её убийца. — И чего боится твой зять?

— Не твоё дело, — огрызнулась ведьма.

— Маглеин, кто слушаться обещал?

— Как ты мне надоел... Увар больше всего боится за свою жену и детей. Скучает без них. За меня тоже боится. Ещё боится, что меня придётся прогнать... или убить. Что он тогда Агнете скажет?

— Это я тебе и сам мог рассказать, — разочарованно отозвался убийца. — А князь чего боится?

— Чего ему бояться? — удивилась ведьма. — Он же бессмертный. Он боится, что рынок рабов в Физанте опустеет. У него какие-то планы на этот рынок. Вот Юлди боится, что его в жертву принесут, а он ещё не успел ничего для церкви сделать.

— Кому он нужен, в жертву его приносить? — отмахнулся Виль.

Он немного помолчал, оценивающе глядя на названную сестру, потом обнял её за плечи и вкрадчиво заговорил:

— Маглеин, сестрёнка, я тут подумал... может, ну его, этого колдуна?... Может, потерпишь своих духов? Ну, хочешь, я за тебя убивать буду, а? Дурное дело нехитрое. А там и ты научишься?..

— Ты спятил?! — попыталась вырваться ведьма, но убийца держал её крепко.

— Сама посуди. Когда ещё такой случай будет. Если тебе духи про всех шепчут... и дорогу показывают, и где колодец... это ж каким дураком надо быть, чтобы таких духов прогонять, а, Маглеин?

— Ты обещал, — неуверенно напомнила ведьма. Ей очень не понравился воодушевлённый взгляд названного брата.

— Обещал-обещал, — заверил её Виль. Примерно таким же тоном он разговаривал с Эрной, когда она капризничала. — Но ты ведь можешь и передумать, а, Маглеин?

— Я не передумаю, — заверила Магда.

— Да ты не трус, сестрёнка! Подумаешь, духи. Эка невидаль. Приручишь. Ты ж у меня умница. Ты ж у меня сильная. Если этот недоделок их подчинял, так ты ж и подавно

сможешь. Ты же его победила.

— Я не победила, — запротестовала Магда, — он сам...

— Сам сбежал, когда понял, что проиграл, — подхватил убийца. — Маглейн, ты хочешь курицей просидеть у себя в деревне? Я тебе о деле говорю. Тебе на *встрече* пятки лизать будут.

— Ты бы сам попробовал...

— Так я ж не ведьма. А ты справишься. Ты же у меня вон какая. И слушаться обещала. Обещала же?

— Ну, обещала.

— Вот и слушайся. Такой талант загубить хочешь. Ради кого? Подумаешь, барон. Тебя, вон, духи твои не хуже ублажить могут. Тебе ж в тот-то раз понравилось...

Магда всё-таки стряхнула руку убийцы и отвесила ему оплеуху.

* * *

Врени издалека наблюдала за этой странной парочкой. Едва от них отошёл Увар, как Мёдный Паук обнял ведьму за плечи и что-то вкрадчиво зашептал ей на ухо. Она слушала и кивала всё покорней... а потом внезапно ударила убийцу по щеке. Тот даже не попытался увернуться. Врени заспешила к ним. Медный Паук держал ведьму за руки, а та билась и всё кричала:

— Ты обещал! Ты же обещал мне!

— Хорош орать, Маглейн, — тяжело произнёс убийца, когда цирюльница подошла ближе.

— Вы двое с ума сошли? — спросила Врени. Магда всё ещё содрогалась от рыданий. — Устраиваете представление как на ярмарке.

— Иди куда шла, — посоветовал Паук вместо ответа.

— Да в отряде нет ни одного человека, который не думает, что вы любовники, — разозлилась цирюльница. Кто что про этих двоих думает, она не спрашивала, но очень хотелось сказать им гадость.

— Мы?! — встрепенулась ведьма. Паук выпустил её руки и Магда, подбоченясь, встала перед Врени во весь рост. Было бы на что смотреть, ведьма едва доходила цирюльнице до плеча.

— Вот люди пошли, — уселся на землю убийца. — Ничего святого для них нет. Скажи своему отряду, Большоногая, будь у меня такая баба, я бы повесился. Это только сестёр какими есть терпят.

— Тоже мне, подарок нашёлся, — обиделась ведьма.

— А то нет? — добродушно усмехнулся Паук. — Как плакала, как умоляла... Слышь, Большоногая, вот будет *встреча*, каждый начнёт хвастаться. Кто пять человек убил, кто десять, кто вообще целый город выкосил... а я скажу, барону его бабу вернул — меня все сразу уважают! Такую пакость человеку ни за что сделать! Я даже пытался грешным делом его спасти. Пожалел всё-таки. Но нет.

Он расхохотался.

— Иди, Маглейн, делом займись. А я потом проверю, не забыла ли булавки в швах. Знаю я вашу сестру.

В отряде успело сложиться мнение относительно ведьмы, поэтому все были удивлены, когда она за ночь умудрилась сшить из дорогого сукна полное облачение монаха из братства Камня, а также бархатный наряд для названного брата, на который не пожалела ни чужих мехов, ни даже чужого жемчуга. Виль выглядел едва ли не богаче, чем главный «посол» Увар. Впрочем, Магда быстро исправила это упущение, на рассвете расшив одежду Увара шелками... и действительно умудрилась забыть иголки в швах одежды. Виль потом говорил, что надо было ещё ядом смазать, а то чего только наполовину дело делать. В полдень за ними пришёл предупредительный молодой человек, который на местном языке заверил, дескать, князь будет рад гостям и просит их явиться к нему когда им будет удобнее. Вот, например, сейчас подходящее время.

Глава двенадцатая

Приём

Тронный зал князя был длинным, со странным сводчатым потолком, в который округло переходили разрисованные причудливыми чудовищами стены. Трон стоял в самом конце и по обе стороны от него стояли воины с алебардами. Ещё возле трона было невысокое креслице, в котором действительно сидел немолодой физантский монах, а поодаль держались женщина в расшитом золотом шёлковом покрывале, рядом с ней юная девушка и мальчик ещё моложе неё. На самом троне сидел князь в дорогом парчовом наряде, тяжёлыми складками спускающемся до пола. На голове у князя — у единственного здесь — была парчовая же отороченная мехом шапка. Вдоль длинных стен стояли простоволосые люди в одеждах, похожих на княжескую, но гораздо скромнее.

Когда послы приблизились и Увар вышел вперёд со своей верительной грамотой, князь сделал небрежный жест и со своего кресла встал монах. Он поклонился и заговорил на церковном языке.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил Увар у Юлди.

— Он говорит, что князь Рехор поручил ему быть его голосом, — перевёл юноша. — Князь-де не сомневается, что такое важное посольство должно знать язык истиной учёности.

— Вы бы поклонились, — тихо произнёс Виль. — Князь всё-таки.

Увар оглянулся по сторонам — придворные уже начали перешёптываться — и поспешил склониться в придворном поклоне вроде тех, которые видывал при дворе у Клоса. Там-то от него никто таких выкрутасов не требовал. Остальные «послы» неуклюже последовали его примеру. Князь кивнул и физантский монах произнёс ещё несколько слов.

— Говорит, что мы можем подняться, — нервно произнёс Юлди.

— Скажи ему, что мы послы Дюка Клоса, чьи земли лежат на западе отсюда, — сказал Увар. — Что Клос — Дюк Тафелона — шлёт ему свой привет и дары.

— Надо было хоть одну бабу захватить, — еле слышно посетовал Виль. — Или мальчишку, как Маглеин говорила.

Юлди заговорил на церковном языке, монах кивнул и повернулся к князю. Речь, на которой он передавал слова послов, отличалась от местной. Потом князь ответил и монах снова обратился к Юлди.

— Нам разрешается отдать грамоту, — пояснил Юлди. — Князь говорит, что примет нас через пять дней. Тогда мы сможем вручить дары и поговорить о том, что привело нас сюда.

Увар шагнул вперёд и с поклоном протянул грамоту, князь Рехор протянул белую холёную руку, взял у «посла» свиток и сделал ещё один небрежный жест. Снова заговорил монах.

— Мы можем уйти, — сказал Юлди. — Князь просит нас не охотиться на его земле и не искать себе пропитания. Мы будем обеспечены всем необходимым для еды и питья. Нам принесут дрова и корм для наших коней. Что бы нам ни потребовалось, мы должны просить этого у слуг князя. Через пять дней нас позовут сюда.

Кланаясь, «посольство» покинуло тронный зал. Приём был окончен.

— Вот это я понимаю — этот... церемониал! — говорил вечером у костра Медный Паук. В походе никто из наёмников не пил ничего крепче травяных отваров (разве что для дела было нужно), но убийца не считал себя связанным чужими правилами. — Не то что у некоторых. Говорят, Дюк-то наш. И вовсе без доклада пускает! А князя эти болотные? Вообще... рубашки где попало развешивают. Про шавок я и не говорю. Никакой политики! Заходи кто хочет. А тут — неееет. Правильно он с вами. Сперва встретил. Потом подумает. А там, глядишь, и решит что-нибудь.

Подробности приёма у горного князя были пересказаны раза на четыре. Все сошлись на том, что тот чего-то ждёт, а вот чего — сказать было трудно. Магда, когда её спросил Увар, пожалала плечами и ответила, что никакой опасности нет. Не больше, чем раньше.

Сейчас ведьма привычно для всех держалась позади убийцы и время от времени стискивала пальцы. Потом встала и пошла отыскивать брата Юлди.

— Ты ведь режешь по дереву? — спросила она, когда нашла юношу. Он по своему обыкновению прогуливался возле шатра Даки и Иргая: всё надеялся, что ему дадут понянчить девочку.

— Откуда ты?..

— Я ведь ведьма, — ухмыльнулась Магда. Юлди осенил себя священным знаком. — Послушай. Ты видел физантского монаха.

— Видел, — кивнул юноша, хотя ведьма его ни о чём не спрашивала.

— Рано или поздно он придёт сюда поговорить, — сказала Магда. — Или тебя позовут к нему.

— Откуда ты знаешь?... — начал было монах, но осёкся и осенил священным знаком свою собеседницу. Ничего не изменилось и он слегка успокоился.

— Не может быть, что ему не захочется поговорить с кем-то, разделяющим его веру, — нетерпеливо пояснила ведьма. — Тут ведь одни язычники. Слушай. Ты должен будешь ему кое-что подарить.

— Но у меня ничего нет! Членам нашего братства запрещено копить богатства.

— Освободитель! — рассердилась женщина и монах отшатнулся. — Я дам тебе то, что ты подаришь.

— Я ничего от тебя не...

— Ты дурак! Ты скажешь, что... как это у вас называется... для послушания вырезал фигурки для игры. Они полезны для ума и... как это называется?... проясняют мысли. Я научу тебя как их сделать. У меня есть с собой подходящее дерево. Подаришь ему.

— Я не ремесленник! — обиделся монах.

— Ты дурак, — презрительно повторила ведьма. — Ты же не будешь их продавать. Подаришь. От всего сердца.

— Я могу подарить фигурки святых.

— Не можешь, — отрезала Магда. — В Физанте святых изображают совершенно не так, как в Терне.

— Откуда тебе знать?! — вспыхнул монах.

— Мне Лонгин рассказывал, — пожалала плечами ведьма. — Он дружит с каким-то волшебником из Физанта. Он меня и игре этой научил. Мне фигурки понравились когда-то,

а Лонгин сказал, что нет смысла делать то, чего не понимаешь.

— Кто такой Лонгин? — сдался Юлди.

— Злой колдун, — усмехнулась ведьма. — Очень умный и очень злой. Из Серой пустоши. Так мне нести дерево?

— А что у тебя есть? — против воли заинтересовался монах.

— Яблоня. Прихватила, когда собиралась в дорогу. Немного, правда, но должно хватить.

* * *

— Ну и зачем? — спросил Виль, когда ведьма принялась в своём шатре копаться в сумке.

— Напугал, — вздрогнула Магда.

— Ты мне зубы-то не заговаривай. — Зачем тебе этот святоша? Духи нашептали?

— Дались тебе эти духи, — вздохнула ведьма. — Я просто подумала: физантский монах играет в эту игру... с армиями... а они с Юлди тут единственные, кто знает церковный язык. Мало ли о чём им захочется поговорить.

— Мало тебе одного святоши, решила сразу двоих окучивать, — проворчал убийца. — Неровен час, передерутся ещё. Ты не так кланяешься, ты не так молишься, да ты не имеешь права, да ты самозванец...

— Не передерутся, — неуверенно отозвалась ведьма. — Людей всегда тянет к себе подобным, а других монахов тут нету. Или запрещаешь?

— Ты сперва делаешь, а потом папашу Виля спрашиваешь, — хмыкнул убийца. — Увару-то сказала бы. Это же его отряд как-никак.

— Пусть с ним Юлди разговаривает, — отмахнулась Магда. — Ему же дарить. Я тут при чём?

* * *

Яблони оказалось недостаточно, это выяснилось, когда ведьма и Юлди приступили к работе. Материала едва хватило на фигурки пеших воинов и только одного войска. Что делать, не могла же Магда тащить с собой целое бревно в дорогу. Она и ту-то ветку взяла только руки по вечерам в дороге занять, да так ничего с ней сделать и не сподобилась. Работа, как ни странно, отвлекала от духов — и от тайного знания, которое они нашептывали, и от посулов, и от требований. Виль, немного посидев с ними, уверился, что Магда не ткнёт монаха ножом, и следить за ними перестал. Зато вокруг ведьмы и монаха, чинно сидящих рядышком и вырезающих что-то из куска ветки, ходили по очереди посмотреть все наёмники. Магда мало обращала на них внимания. Работа спорилась, яблоня заканчивалась и надо было придумывать, что делать дальше. Отступить не хотелось. Мало обращала внимания ведьма и на Фатея, брата той смешной степной женщины Даки. А он всё крутился рядом, всё выспрашивал Юлди и насчёт святых, и насчёт игры (о которой монах ничего не знал) и насчёт резьбы по дереву.

Через два дня всё, что можно, было сделано, и этого было очень мало. Почему Юлди сразу не сказал, что не будет заниматься зряшной работой, ведьма не понимала. Может, из

вежливости, может, не знал, как отказать, может, заметил, что от этого дела на душу ведьмы снисходит долгожданный покой. Он даже пытался проповедовать... слушать его было забавно. Магда слишком хорошо помнила, что совсем недавно поклялась Вилю, что будет делать всё, что полагается «хорошей» ведьме. Проповедовать веру в Освободителя, помогать другим прозревшим, слушаться *старшего брата*... уверуй она вдруг в Заступника, Виль выпотрошил бы её как недавно языческих жрецов. Больно надо! Самой Магде было всё равно, кому поклоняться, она не нуждалась ни в богах, ни в небесной помощи, ни в обещании посмертия. Для неё вера была чем-то, что позволяет рассчитывать на помощь тех или иных людей — не больше и не меньше.

Одним словом, яблоня закончилась, а с ней закончилась и отсрочка от вечного шёпота духов... а наутро после этого ведьма нашла возле своего шатра грубо разломанную на куски палку... хорошую палку, из хорошего сухого дерева. Похоже на клюку, вон, как истыкан о землю один конец... и какой гладкий другой... видно, что не день и не два хватались за это место человеческие руки. Хорошая палка, её как раз хватит на работу и даже ещё останется.

Магда даже говорить никому ничего не стала, просто села недалеко от своего шатра, как сидела и до этого, и занялась делом. Чуть позже к ней присоединился Юлди, который, конечно, заметил, как успокаивается сестра оберста от этой работы, и считал своим долгом её поддерживать, хоть и неженское это занятие — резать по дереву. Палка уже была распилена на совершенно неузнаваемые кусочки, когда в лагерь пришёл посланник от князя и заявил, что в ближайшей деревне украли клюку у старика Каджика и князь убеждён, что палку «по незнанию» взял кто-то из гостей. Может-де гости не знают, что в землях князя никто не запирает свои вещи от соседей, потому что под правлением славного Рехора никто и пылинки со двора не берёт. В мудрости своей князь просил гостей не выходить из лагеря, чтобы не случилось непонимания между ними и людьми князя. Кто-то нарушил этот приказ, но князь не будет требовать наказания. Всего лишь выкуп за пропажу.

— Сколько? — без всякого этикета хмуро бросил Увар. Ему эта история показалась вздором. Пропавшая клюка, надо же! И уж конечно, чужаки украли, больше некому!

Посланник назвал цену.

— Сколько?! — переспросил наёмник. За такую цену на базарах Дарилики можно было раба купить, причём не из дешёвых.

— Выкуп князю за бесчестье, — спокойно пояснил посланник, — подарок Каджика за обиду, новый посох для старика.

— Золотой он посох, что ли, просит?! — не сдержался наёмник.

— Каджик — старый человек, — всё с тем же хладнокровием пояснил посланник, — ему горько на закате своей жизни столкнуться с обидой.

Увар, не сдержавшись, сплюнул, но посланник спокойно стоял и ждал, пока наёмник, переборов себя, не заверил, что к вечеру выкуп будет готов.

* * *

— Маглейн, — окликнул ведьму Виль, который с интересом наблюдал за разговором Увара и княжьего посланника, но ничего не понял, — не знаешь, что стряслось-то?

— А? — неохотно оторвалась от своего дела ведьма. — Не знаю. Не мешай.

Виль отобрал у неё деревяшку и нож.

— Маглейн, папаша Виль тебя по-хорошему спрашивает, что стряслось?

— Откуда мне знать?! — рассердилась Магда.

К ним как раз подходил удивлённый Увар, а с другой стороны — вездесущая Врени.

— Сказал, будто мы палку у кого-то поблизости украли, — хмуро произнёс он и уставился на руки Юлди, который всё продолжал вырезать крошечную сторожевую башню. — Бертилейн, ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Я?! — удивилась ведьма и сама поразилась, как фальшиво это прозвучало.

— Юлди? — так же хмуро спросил Увар.

Виль расхохотался.

— Мне ничего не известно, — осторожно произнёс монах и отвёл взгляд.

— Маглейн, выкладывай-ка начистоту, — предложил Виль, всё ещё посмеиваясь. — Ты же сама плакалась, что дерева не хватает. Откуда взяла?

Ведьма с укором взглянула на своего названного брата.

— Я ничего не знаю об украденной палке, — отчеканила она.

— Маглейн!

— Как ты мне надоел... Не знаю я ничего! Утром выхожу — лежит. На куски кто-то разломал. Видать, не ты один слышал.

— Ломать-то зачем? — не поняла Врени.

— Зачем-зачем, — хмыкнул Виль. — Затем же, зачем наша Маглейн тут же распилила добычу. А, Маглейн? Чтобы вернуть было нельзя, если вдруг потребуют. Хороши у тебя порядки, Увар. Кто тут такая бестолочь, чтобы красть у вампира?

— Тише говори, — приказал Увар. — Тут не все знают, что князь-то вампир. Нечего ребятам зря дёргаться.

— Ах, не все, — гадко усмехнулся убийца. — Что хоть сделаешь с тем, кто это натворил?

— А ты его знаешь? — уточнил Увар. — Или сам сестрице подсобил?

— Я — нет. А вот эти двое — догадываются. Маглейн, скажи по-хорошему, пока папаша Виль вежливо спрашивает.

Магда опустила взгляд.

— Значит, мальчишка, — заключил убийца. — Взрослых Маглейн покрывать бы не стала, а мальчишку пожалела. У самой дочь-неслух растёт.

— Умный слишком, — огрызнулась ведьма и потянулась за недоделанной фигуркой. На её злость духи слетались как мухи на варенье и скоро могли прийти видения будущих убийств. — Я ничего не знаю, только Фатей единственный близко подходил и вопросы задавал. Что да почему да какое дерево нужно да как его готовят. Даже просил дать самому попробовать, но я его прогнала: и так дерева не хватает, а тут он ещё пристаёт.

— А ты ему говорила, зачем это надо? — спросил Увар.

— Я говорил, — сознался Юлди. — Я сказал, что это нужно, чтобы подружиться со здешним переводчиком.

Увар сплюнул.

— Пороть вас некому, — процедил он и ушёл.

— Выпорет мальчишку-то, — засмеялся Виль.

— А ты и рад будешь, — рассердилась ведьма.

— Да мне дела нету. А ты дура, Маглейн. Из прихоти чуть переговоры не сорвала.

— Я?!

— Ну, не я же. Умнее надо быть, при дураках язык не распускать. Подумаешь, закончилось дерево. Значит, не надо физантцу этому ничего дарить. Освободитель не помогает.

— Зато мне работа помогает, — огрызнулась ведьма.

— Остепеть она тебе помогает, — не унимался убийца. — На что ты годишься со своими деревяшками?... Нет чтоб папаше Вилю про колодец рассказать.

Юлди отложил свою работу, встал, пробормотав что-то насчёт стоящего перед ним долга вступить за «этого бедного мальчика» и ушёл.

— Экие монахи пошли деликатные, — засмеялся убийца и снова отнял у ведьмы нож и деревяшку. — Хорош отдыхать, Маглейн, давно с духами своими не общалась. Пошли, спросишь, где колдун и в каком князь настроение после твоей выходки.

— После моей?!

— Ну, не моей же. Пошли-пошли. Обещала слушаться брата, а без понукания шагу не ступишь.

* * *

Виль вывел её из лагеря на берег реки. Весна была в самом разгаре, всё цвело и зеленело, но взгляд ведьмы равнодушно скользил по чужому лесу, чужим горам и протекающему рядом ручью.

— Чего ты хочешь? — спросила Магда, когда они отошли от лагеря шагов на десять.

— Отведи от себя взгляды, Маглейн, — приказал убийца.

— Зачем?! — поперхнулась ведьма. Виль не ответил и она опустила голову. Ну да, обещала слушаться. О чём Виль вообще думал, договариваясь с ведьмой? Нашёл служанку. — Не смотри на меня тогда.

— Вот ещё новости, — удивился Виль. — Выдумала тоже.

— Я не могу отвести взгляды, когда на меня смотрят, — объяснила Магда.

— Стесняешься, Маглейн? — мерзко ухмыльнулся убийца. — В бою тоже стесняться будешь?

— В каком бою?!

— Мало ли... — туманно ответил Виль. — Чего стоишь? Колдуй давай, пока я добрый. В самом деле выпорю однажды, будешь знать, как папашу Виля злить.

Магда пожалала плечами и сбросила башмаки. Трава приятно защекотала босые ступни. Наклонилась, вдохнула её запах. Достала нож, срезала дёрн, копнула земли. Отряхнула руки, погрузила в воду пробегающего мимо ручья. Достала иголку, заколотую у ворота, аккуратно уколола палец. Новички, бывает, ножом как рассекут себе ладонь... брр... Чем думают? Как они потом будут этой рукой пользоваться, пока не заживёт рана? А то и на всю жизнь останется стягивающий кожу шрам. Дураки, одним словом. Дуракам колдовать нечего, и дурочкам тоже.

Магда осторожно стряхнула первую каплю в воду. Вторую — в землю. Третью каплю послала по ветру. И аж задохнулась от прилива колдовской силы.

В этой земле никогда не было ведьмы.

Не было никого, кто бы связывал здешнюю силу, кто бы брал для себя, что нужно, а остальное придерживал бы до поры. Живая, сырая, непокорная земля простиралась вокруг.

Магда здоровой рукой взяла ком земли, стряхнула в него последнюю каплю из раны, размяла...

Во имя полной луны — и луны нарождающейся. Во имя утреннего солнца — и солнца вечернего. Во имя весенней травы, новой листвы, свежей воды в ручье, во имя жизни...

Ведьма крутанулась вокруг себя, рассыпая размятую в ладонях землю. Быстрее. Ещё быстрее. И ещё.

Ветер, получивший долгожданную жертву, подхватил перемешенную с кровью землю, закружился вокруг Магды, обнимая её кольцом.

— Земля, прими свою дочь, — шептала ведьма, — дай мне свою силу, которую никто не брал. Ветер, танцуй со мной. Скрой меня от чужих глаз. Вода, заberi себе звук моих шагов.

Это было — как проснуться утром и понять, что гроза закончилась. Как умыться холодной водой после кошмаров. Как выйти из темноты на солнечный свет.

— Молодец какая, — одобрительно произнёс Виль, глядя на то место, где танцевала ведьма. Магда поняла по его взгляду, что убийца её больше не видит. Она тихонько шагнула в сторону, но Виль продолжал смотреть в прежнее место. Она и раньше отводила от себя взгляды по приказу Виля, но там, в землях оборотней, своих ведьм хватало. Каждую крошку силы приходилось вымалывать у земли, а потом бояться, как бы не нашли и не призвали к ответу. — А теперь покажись мне.

Магда улыбнулась. Сейчас он её не видел. Сейчас она была его сильнее. Это было...

Глупо.

Ведьма сделала движение руками, как будто сбрасывала с головы покрывало, Виль моргнул и остановил взгляд на своей названной сестре.

— Вот, теперь на человека похожа, — оценил он, — а то была, прости Освободитель, не баба, а хвост овечий. Пошли.

— Куда? — спросила Магда. Колдовская сила всё ещё лилась через неё. В таком состоянии ведьмам кажется, что они могут горы разобрать по камушку или взлететь в небо. Дурочки, которые рисковали это проверить, долго не жили.

— Всё-то тебе растолку й, — усмехнулся проклятый и ухватил её за локоть. — Пошли обратно, говорю.

— Не пойму тебя, — устало сказала ведьма. — Туда, обратно...

— Тебе и не надо понимать, — рассмеялся Виль.

Он завёл ведьму между шатров в лагерь, прислушался к его шуму, немного попетлял и снова вышел. Подождал совсем немного и сказал:

— Ага, вот и он.

Между шатров крадучись пробирался Фатей. Был он без шапки, неподпоясанный и по тому, как мальчишка поводит плечами, ясно было, что досталось ему крепко. Время от времени Фатей утирал нос рукавом и на грязной ткани оставались красноватые следы.

— Реветь в лес пошёл, — сказал Виль. — Или палкой по деревьям дубасить.

— Зачем?

— По людям-то не получится, — хмыкнул убийца. — Пошли за ним.

— Зачем?

— Думаешь, я тебя вот так отделать не сумею? — вместо ответа спросил убийца. — Можешь его след перебить, чтобы и мальчишку никто не видел?

Магда пожала плечами. Сейчас, когда она уже была укрыта колдовством, принять мальчика в тот же круг было несложно.

Она наклонилась, накрыла ладонью след Фатея, в который удачно упала капля его крови. Зашептала над землёй, потом ножом пересекла это место.

— Это ненадолго поможет, — сказала она, — но Иргай всё равно найдёт. Он странный, видит сквозь ведьминские обманки.

— Ничего, мне недолго и надо. Пошли.

— Убьёшь его? — спросила ведьма, не трогаясь с места. Виль ухватил её за локоть и потянул за собой.

— Делать мне нечего, по лесам мальчишек резать, — проворчал он, отвечивая названной сестре подзатыльник.

* * *

Они дали Фатею вдоволь наплакаться, найти палку и изломать её о смолистые сосны. А потом... то ли чары ослабли, то ли мальчишка мог видеть тайное не хуже зятя, а только он вдруг прижался спиной к стволу и взял наизготовку обломок палки.

Крикнул что-то непонятное — сперва на одном языке, потом на другом: звучали они по-разному.

— Кто здесь, покажись! — перешёл мальчишка на тафелонский и добавил что-то на нагбарском.

— Не кричи, — вышел перед ним Виль, — ворон распугаешь.

— Ты! — закричал мальчишка и потом выплюнул несколько непонятных ругательств. — Это ты сказал, что я клюку взял!

— Кто-то должен был её взять, — усмехнулся убийца.

— Мне никто не поверил!

— А ты думал? — всё так же усмехался проклятый. — Ты же не первый раз воруеть по деревьям. Ты даже попадался.

— Это ты украл!

— Иди, расскажи всем, — предложил Виль спокойно. — С чего бы мне воровать посохи у глупых стариков? Я же не мальчишка.

Мальчик в ярости бросился на обидчика, но Виль успел схватить его за руку и вывернуть. Фатей взвыл и от боли бросил палку. Магда знала, что убийца умеет так нажать, что хочешь не хочешь, а подчинишься. Он как-то рассказывал, что всё дело в том, как устроено человеческое тело и даже показывал как хватать и куда тыкать. Не ей, правда, а Эрне, но Магда запомнила.

— Ты ведь не дурак, а, Фатей? — спросил прозревший и отпустил свою жертву. — Ты не пойдёшь ябедничать на папашу Виля.

— Я всё равно убью тебя, — прошипел мальчишка.

— Ай, как глупо, — покачал головой Виль и присел возле Фатея на корточки. — Хочешь, научу так же? Научу как прийти и уйти, чтобы никто не заметил.

— Тебе ведьма ворожит, — сплюнул мальчишка.

— Я умел это задолго до того, как с ней встретился, — засмеялся убийца. — Хочешь, научу, как сделать, чтобы твоим словам всегда верили? Чтобы виноват во всём был кто-то другой, а не ты? Не надо никакой ворожбы, ты пойдёшь где хочешь, когда хочешь и куда хочешь. Ну?

— Я воин! — рассердился Фатей и вскочил на ноги. — Я буду мужчиной и убью тебя без твоих хитростей!

— Попробуй, — предложил Виль, поднялся и швырнул к ногам мальчишки нож. — Знаешь, как это делается?

Мальчик жадно посмотрел на оружие, потом на своего врага и... отступил на шаг. Показал пустые руки.

— Умный мальчик, — одобрил Виль. — Я выпустил бы тебе кишки прежде, чем ты бы успел замахнуться.

Он тоже показал руки. В левом рукаве прятался нож.

— Я входил во вражескую крепость один, без друзей и без подмоги, — сказал убийца, — убивал кого надо или выводил пленников. Никто не останавливал меня и не мешал мне пройти. Если ты хочешь убить меня, мальчик, тебе придётся у меня учиться. Хочешь?

Фатей снова жадно посмотрел на оружие, потом проворчал:

— Пусть твоя ведьма покажется.

— Какой умный мальчик, — снова одобрил Виль. — Выходи, Маглейн.

Ведьма снова «сбросила покрывало»... мальчишка одним движением бросился вперёд, схватил нож и... это было так неожиданно и страшно, что Магда пронзительно завизжала, отскакивая назад, под ноги подвернулся корень... она упала, зажмуриваясь, и выставила перед собой руки в бесполезной попытке защититься.

— Чучело ты бестолковое, — проворчал убийца. Магда открыла глаза. Она жива. Виль стоял рядом, вывернув мальчишке руку... похоже, он её вывихнул. Фатей был бледен и в бессильной ярости сжимал зубы. — Вот помяни моё слово, гонять буду по лесу, пока не научишься чему-нибудь поумнее, чем визжать с перепугу. Куда это годится?... А ещё ведьма.

Виль выпустил Фатей и пнул. Пинок пришёлся в по следам давешних побоев и мальчик едва слышно застонал.

— А теперь рассказывай, дурак, зачем ты это сделал, — предложил Виль. — И учти, ещё раз на Маглейн замахнёшься — шкуру сдеру.

— Она ведьма, — сплюнул Фатей. — Иргай говорил — ведьмы злые. Отец был жив — так же говорил. Она злое дерево режет. Ходит, убить нас хочет. Я видел, как она смотрит. В ловушку завела. Тебе ворожит. Иргай говорил — убивать ведьм надо.

— И ты, дурак, решил при мне попробовать? — хмыкнул Виль. — А если я сейчас пойду и твою сестру зарежу? А если я её...

— Не смей! — весь побагровев, закричал Фатей.

— Дурак ты, — махнул рукой убийца. — А я тебя ещё учить хотел.

Мальчишка как будто поперхнулся, потом сплюнул кровью.

Исподлобья посмотрел на проклятых.

— Если я твою сестру не трону — будешь меня учить? — спросил он.

— Гляди, Маглейн, какое великодушие, — засмеялся Виль. — Мальчик, я пойду дальше. Будешь себя хорошо вести — я твою сестру тоже не трону. Идёт?

Фатей побледнел, но кивнул.

— Иди умойся, — предложил ему Виль, — и возвращайся в лагерь. Никому ни слова. Будешь болтать — заплатишься. Маглейн, сними с него чары.

Фатей попятился.

— Ты сказал ей заколдовать меня?!

— Гляди, как перепугался! — издевательски произнёс Виль. — Что же ты, воин, женщины боишься?

Магда повела рукой. Нельзя надолго отвести взгляд от чужого человека, который на это не соглашался, так что слабенькие чары легко развеялись в воздухе.

* * *

— Ну и зачем тебе мальчишка? — спросила Магда, когда Фатей убежал к ручью.

— Мальчишка вырастет, — объяснил Виль. — А прозревшие должны не визжать, а сеять зёрна сомнений.

— Пошли назад, — предложила ведьма. — Я хочу ещё до темноты поработать.

— Успеешь поработать, Маглейн, — отозвался убийца и Магда с удивлением увидела в его опущенной руке нож. — Давай думай, чем защищаться будешь. А то выдумала тут, визжать и падать. А если бы меня не было?

Глава тринадцатая

Уроки

Виль гонял ведьму по лесу до самой темноты и даже один раз поранил ей руку, требуя, чтобы названная сестра защищалась своей ворожкой. Защищаться не получалось: ведьмы, в отличие от магов, быстро не колдовали и без подготовки мало что могли.

— Завтра опять пойдём, — заявил Виль, когда Магда у своего шатра перевязывала царапину. Ведьма подняла на него взгляд, но в полумраке разглядеть, о чём думал названный брат, было невозможно. — Чем кукситься, подумала бы. У тебя целая ночь. К утру, глядишь, и осенит, чем папашу Виля порадовать.

— А... — начала было Магда, но убийца не стал её слушать.

— И учти, обойдётся без фокусов. Думать — думай, но если что-то заранее припасёшь — тебе же хуже.

Ведьма отвернулась. Виль слегка смягчился.

— Дура ты, Маглейн. Нет, чтобы спасибо сказать. Я ж не могу тебя на поводке водить и глядеть, как бы кто мою сестрёнку не обидел. У меня и другие дела есть.

— Ну, спасибо, — сухо отозвалась Магда. Убийца похлопал её по плечу.

— Ничего, Маглейн, ничего. Будет время — я тебя ещё на лодке погоняю. С ветром ты, гляжу, освоилась, осталось только мастерство отточить.

Ведьма молча полезла в шатёр. Зная Виля, она понимала: не отстанет. Надо было что-то придумать, но слишком хотелось спать.

Снаружи послышался шорох.

— Что узнал, рассказывай, — приказал Виль. Магда поняла, что пришёл Фатей.

— Ты как вошёл! — возбуждённо отозвался мальчишка и добавил что-то непонятное. — Фатей следил-следил — не заметил! Ужин был — никто тебя не ждал! Сестру твою не ждал! Вдруг смотрю — ты здесь! Как ты это сделал?

— Научишься, сынок, научишься, — усмехнулся убийца. — Рассказывай. Да не тараторь.

— Человек приходил, — после паузы отозвался мальчишка. — От князя приходил. Мастеров приводил. Князь, сказал, не примет. Сперва обиду загладим, сказал. Мастера браслеты взяли. Деньги взяли. Много денег взяли. Выкуп князь взял большой. Сказали, три дня делать будут. Потом старика приведут. Старику надо подарки отдать. Тогда князь скажет день.

— Молодец, — рассеянно отозвался Виль. — Что говорят в отряде?

— Князь очень жадный, говорят, — ответил мальчик. — И люди у него жадные. На Фатей сперва злились. Потом сказали — из-за палки столько шума. Жадный князь.

Он ещё помолчал, потом настороженно произнёс:

— Слышишь?! Свистит. Как та женщина свистит! Надо Иргаю сказать, Иргай выстрелит, упырь нам достанется. Иргай говорил, им голову отрубить надо, тогда не встанет больше.

— Какая женщина? — удивилась из шатра Магда. Мальчишка не ответил, потом послышался звук подзатыльника и Виль произнёс:

— Отвечай, когда тебя старшая сестра спрашивает.

— Она мне не сестра! — возмутился Фатей.

— Пшёл отсюда тогда.

Магда думала, что мальчишка заспорит, но он, помолчав, с неохотой ответил:

— Тощая злая женщина. Летела зверем крылатым. Свистела. Никто не слышал. Фатей услышал, Иргай выстрелил. Упала, превратилась. Сознание потеряла. Большеногая её знает. Не дала добить. Давно было. Дитлин тогда взяли, в Сетор поехали.

— Гляди-ка, Маглейн, и на твою подружку найдётся управа, — обрадовался убийца.

— Пока я твоей сестре отвечал, упырь улетел, — с досадой произнёс Фатей. — Упырей стрелять надо.

— Я тебе постреляю, — отозвался Виль. — С дурочкой справились, думаешь с матёрым вампиром совладать.

— Злая женщина, — проворчал Фатей. — Очень сильная. Смотрит — как дырку делает. Считает быстро. Клос её с собой возит. Говорит — посчитай то, посчитай это. Она считает. Её строители боятся, купцы боятся. Добычу хорошо делит. В душу смотрит каждому — и делит. Страшная. Но крови боится. Фатей себя ножом ткнул — упала. Думал, убить её, Дака не дала. Сказала, кто нам так хорошо добычу посчитает?

— Тебе бы всё убивать, — засмеялся Виль.

— Ты сказал, научишь!

— Сказал — научу. Спать теперь иди. Утром что хочешь делай хочешь, притащи мне девчонку. Дочку твоей сестры названную.

— Нельзя! — ахнул Фатей. — Её Иргай в род принял. Нельзя убивать!

— Тогда не приходи, — безмятежно отозвался убийца. — Да смотри, притащи девчонку так, чтобы никто дурного не заподозрил.

— Дака плакать будет, — потянул Фатей.

— Ты же мужчина, что тебе женские слёзы? — холодно ответил Виль.

— Нельзя родную кровь проливать.

— А когда ты на сестру Увара с ножом бросался? Иди. Не принесёшь ты — сам добуду.

* * *

— Ну и зачем? — спросила ведьма, когда мальчишка ушёл.

— Ты уже спрашивала, Маглейн. Не твоего ума дело.

— Зачем тебе Ольви?

— Какая ещё?... а, ты про девчонку хвостатую? Да ни зачем она мне не сдалась, вот ещё. Маглейн, ты совсем не думаешь, всё тебе папаша Виль растолковать должен. Как без меня жить собираешься, курица ты бестолковая?

* * *

На рассвете Фатей действительно привёл с собой названную племянницу. Дурного никто не заподозрил: мальчишка добыл кусок мяса, привязал к верёвке и так и выманил оборотницу из родительского шатра. Волчонок прыгал, пытаясь застать Фатея врасплох, но тот успевал отдёргнуть приманку вовремя. Лагерь спал, а часовые только посмеивались, глядя на эту игру.

— Вот и молодец, — заявил Виль, когда Фатей вручил ему волчонка. Девочка, сообразив, что игра закончилась, а лакомство ей так и не дали, протестующе заскулила. — Иди, верни обратно.

Магда, проснувшись от голосов и скулежа, поспешила накинуть платок и высунуться из шатра. Близился рассвет и толком разглядеть лицо мальчишки не получилось, но вся его фигура выражала изумление.

— Что стоишь? — подтолкнул ученика убийца. — Ты у меня учишься. Я решаю, кого ты убьёшь, а не ты решаешь, кого я убью. В следующий раз ослушаешься — хвост притащишь. Понял? Верни девчонку матери, видеть её не могу.

— Это жестоко, — тихо сказала Магда вслед Фатею.

— Зато сразу всё понял.

— Почему он выполнил твой приказ? Ведь он думал, что ты убьёшь Ольви!

— Дура ты, Маглейн. Я ему сказал, что всем расскажу, что он на тебя замахнулся.

— Ну и что? — не поняла ведьма. Когда Виль успел этим пригрозить, она как-то не поняла.

— Как есть дура, — вздохнул убийца. — Ты же сестра Увара, забыла?

— Ну и?..

— Пошли в лес, — вместо ответа предложил Виль. — Надумала ночью что-нибудь?

— Я же тебе объясняла, — запротестовала Магда. — Колдовство так не действует.

Ведьмы не сражаются, они проникают в суть вещей.

— Во-во. Пошли, на ходу быстрее сутью вещей проникнешься. От колдуна отбилась? Отбилась. Значит, от ножа тоже должна суметь.

— Я разрушила его чары, я не дралась с ним!

— Мне всё равно, что ты сделала. Главное — отбилась. И с теми жрецами справилась.

— Я не хочу так больше!

— Значит, попробуешь иначе, вот и всё. Ты, Маглейн, не думаешь, в этом твоя беда.

Будешь думать — и всё получится.

Он слегка смягчился.

— До завтрака побегаешь, а потом можешь за свои деревяшки садиться.

— Фатей гоняй, — проворчала ведьма, скрываясь в шатре, чтобы привести себя в порядок.

— Потом, — пообещал убийца. — После завтрака. Ладно, Маглейн, я сегодня добрый. Сумеешь убежать — отпущу пораньше. Только смотри, догоню — пеняй на себя.

Магда неожиданно приободрилась. Убежать — это было как-то понятней. Конечно, за годы жизни в Фирмине она отяжелела и бегала не сказать чтобы быстро. Но это же лес! Что же, она, ведьма, не сможет в лесу укрыться от человека, никаким даром не наделённого?! Главное — не давать себя напугать.

* * *

— Убери нож, — попросила Магда, когда они дошли до леса.

— Вот ещё, — удивился убийца. — Брось, Маглейн, ты будто думаешь, что я без ножа тебя не прикончу, если надо будет? А так зато понимать будешь, с кем связалась. Надумала ночью, а, Маглейн?

— Нет, — нахмурилась ведьма и сделала шаг назад.

— Ай-ай-ай, — покачал головой Виль. — Что же ты так?

Магда вытащила из-за пояса свой нож. Виль засмеялся, но она присела и поковыряла дёрн, выкапывая из-под травы чуть влажную землю. Убийца шагнул к ней, осуждающе качая головой.

— В бою так же ковыряться будешь? — спросил он.

Вместо ответа Магда неловко скакнула назад и выбросила вперёд руку. Подул ветер, подхватывая влажную землю и превращая её в сухую пыль. Пыль полетела прямо в лицо убийце и он с проклятием отшатнулся, а ветер всё дул и дул, бросая ему в лицо землю, которой оказалось гораздо больше, чем было в ямке. На то оно и колдовство. Магда бросилась бежать.

Сам напросился.

Конечно, ей повезло, что Виль не спешил приступить к своему уроку.

Второй раз так не получится.

Что-то хрустнуло. Ветер обернулся вокруг ведьмы, принося образ и запах. Пахло кислым молоком, солониной, лошадиным потом. Пахло юностью.

Фатей.

Пришёл, небось, подглядывать. Ну, погоди же!

Искать мальчишку Магда не стала, она побежала прочь и нашла его след на краю леса, даже не след, просто вдавленную в мох шишку. Накрыла это место рукой.

— Заслони меня, — прошептала она быстро. — Встань на моё место. Будь вместо меня.

Капля крови.

Вот так.

А теперь — бежать, пока эти двое не спохватились.

* * *

Виль пришёл уже после завтрака. К тому времени Магда успела пошептаться с Врени, заварить травы и даже остудить зелье в речной воде.

— На, промой глаза, — сунула она названному брату серебряный кубок. Выклянчить его у Даки, которая вместо матушки Абистеи занималась добром отряда, было не так-то просто.

— Пакость ты, Маглеин, — проворчал убийца, но кубок взял. — В следующий раз так легко не отделаешься.

— Фатей хоть жив остался? — отозвалась ведьма. Колдовство должно было заставить Виля вместо неё наткнуться на мальчишку.

— А что ему делается? Бегает быстро, уворачивается неплохо. Часто били, видать. Ползать велел — не скулит, как твоя дочурка.

— Чего ты от девочки хочешь? — пробормотала Магда.

— А, ну да, — косо взглянул на неё убийца, — когда ей придётся от врагов скрываться, она им скажет: я девочка, белоручка, мне платице замарать страшно. Они прослезятся и её сами отпустят.

— Надоел, — проворчала ведьма и осеклась: к ним подошёл Иргай.

— Чему моего брата учишь? — хмуро спросил он. — Юлди сказал — ты злой, Врагу служишь. Фатею нечему у тебя учиться.

— Учу как незаметным быть, — отозвался Виль спокойно. — Пригодится в жизни мальчонке-то.

— Тебе ведьма ворожит, — повторил Иргай недавние слова Фатя.

— Вон, видишь замок стоит? — кивнул убийца на цитадель вампира. — Смотри. Я войду туда и к вечеру выйду. Никто меня не остановит.

— Врёшь! Я видел стражу. Никто туда не войдёт. Или ты уже с князем договорился?

— Да я ж у вас на виду был, — удивился Виль. — Когда я успел бы?

— Тогда тебя не пустят, а пустят, так не выпустят.

— На шапку твою спорим? — засмеялся убийца.

— А ты что отдашь? — жадно спросил Иргай.

— Хочешь, свою шапку отдам? — щедро предложил Виль, но Иргай сплюнул. Ведьма его понимала. У воина была дорогая красивая шапка, сверху парча, по краю мех. А у Виля — дырявый колпак из вяленой шерсти. — Ладно, ладно, уговорил. Расскажу, где клад закопан. Хочешь?

Иргай протянул руку для рукопожатия.

* * *

Посмотреть, как убийца войдёт в замок, сбежались все, кроме часовых. Виль спокойно спустился вниз по дороге, дошёл до ворот, остановился возле них и, казалось, о чём-то заговорил.

— Прогонят его, — сказала Врени. — Не может быть, чтобы не прогнали.

— Не прогонят, — возразила Магда. Она-то помнила, как Виль провёл её, ещё не до конца вернувшую себе колдовскую силу, в замок, полный врагов. Провёл через ворота, ни от кого ни таясь и не скрываясь.

Иргай сплюнул.

— Ты ворожишь ему.

Магда усмехнулась. Да, в каком-то смысле так и было. И этому Виль не сможет научить Фатя, потому что мальчик не умел и не хотел колдовать. Но... если он будет принят среди прозревших, то получит подарок, как получил его когда-то один бедный виноградарь в их деревне. А если примет высшее посвящение, то получит ещё один.

— Он и без моей ворожбы справляется, — проговорила она.

Ворота открылись, пропуская Виля внутрь.

— А если он не вернётся? — сказала Врени.

— Кому он там нужен? — возразила Магда. — Сами выгонят.

* * *

К вечеру Виль не вернулся. Магда встревожилась, но постаралась спрятать это за безмятежным видом. Утренняя беготня, колдовство и работа над фигурками почти отвлекли её от назойливых духов.

Но ночью они придут снова.

Когда стемнело, Магда разыскала Фатя. Мальчишка забавлялся, дрессируя свою

названную племянницу. Он кидал нож и волчонок кидался следом, чтобы принести. При виде ведьмы Фатей свистнул и оборотница подбежала к нему. Магда неожиданно для себя обиделась. Сколько она нянчилась с этим существом, а та теперь даже не ластится! *Как глупо.*

— Что хочешь? — спросил мальчишка, когда понял, что женщина не уйдёт. Подобрал принесённый оборотницей нож и выставил перед собой. — Не подходи!

— Боишься меня? — криво усмехнулась ведьма.

— Ты Фатей дважды заколдовала! В третий раз душу высосешь! Не подходи ко мне! *Старший* запретил тебя убивать, но его съел упырь!

Старший. Ого! Быстро Виль его обработал.

— Кто убивает из страха — тот трус, — сказала Магда. — Скажи мне, ты слышишь вампира?

Фатей помотал головой.

— Раньше каждую ночь свистел. А теперь тихо. Твоего брата доедает.

— Услышишь — скажи.

— Лучше Иргаю скажу. Он убьёт упыря и мы отомстим за *старшего*.

— Не хорони его, — посоветовала ведьма. — Услышишь свист — скажи мне.

— Тот, кого съел упырь, сам упырь. Твой брат вернётся за твоей кровью!

— Хотела бы я поглядеть на вампира, который захочет его съесть, — засмеялась Магда, но на душе у неё было невесело. — Отравится.

Больше тут было нечего делать. Ведьма и сама не знала, зачем ей знать, когда князь вылетит на охоту.

Пробратся в замок.

Нет.

Пробратся в замок и отравить колодец.

Нет.

Ёж-трава, разрушающая железо, давно выдохлась, но есть и другие средства отворить запертые двери.

Виль никогда не простит, если кто-то сунется в его дела.

Виль может быть сейчас хуже, чем мёртв. Что он может решать?

Нет.

Магда направилась к своему шатру. Духи толпились вокруг неё и шептали в уши советы. *Убивать. Виль пойман и убит или посажен в ту темницу, где князь держит пленников. Духи толпились вокруг Магды, теснились, лезли в глаза. Они то превращались в чудовищ из преисподней с острыми клювами, свиными рылами, когтями и копытами, рогами, шерстью и щетиной, то становились образами из её прошлого. Алард, отец её дочери, любящий и нежный, принимающий её любовь и клятвы верности — равнодушный и лживый, предавший её братьям-заступникам, которые обманом захватили замок барона. Вампир, пьющий её кровь и заставляющий вспомнить всё то, о чём она мечтала забыть. Отец, выгоняющий дочь из дома. Дорога, о которую она сбила ноги. Другая дорога, на которую она смотрит с коня. Люди в деревне, подозревающие её в болезнях их детей. Снова братья-заступники, которые поймали её в деревне. Рыжая ведьма, которая подсунула ей языческого бога. Влюблённый в неё рыцарь-оборотень, который умер у неё на руках. Рыцарь-оборотень, который предал её названного брата. Виль, лапающий её перед высшим посвящением, чтобы подсунуть ей оружие. Виль, уводящий ей дочь. Виль, душащий её*

цепью. Виль, пришедший ей на помощь. Виль, вставший между ней и безумием...

Он убит или хуже, чем просто убит.

Никто больше не защитит её.

Она должна убивать.

Должна... должна... должна...

— Прочь! — закричала она. На мгновение в лагере стихли вечерние разговоры. Кто-то ухватил ведьму за локоть, она рванулась и не глядя ударила. Но её держали крепко.

— Совсем ополоумела, — заметил знакомый голос. — И вот всего-то на денёк без присмотра оставил.

— Ты!... — выругалась разъярённая ведьма.

— Уже соскучилась, Маглейн? — засмеялся Виль.

— Где ты был?!

— А то сама не знаешь.

К ним подошёл Увар.

— И как? — коротко спросил он убийцу.

— Сложно, — отозвался Виль.

— Ты говорил с ним?

— С князем-то? Нет, он меня не принял. Он нашёл кого-то, кто говорит на тернском, смекаешь, и тот со мной разговаривал.

На тернском. Терна — самый главный город в стране, которая лежит за землёй вейцев, на юг. В Терне живёт сам святейший папа. Говорят, что там, на родине святейшего папы, процветают искусства, строятся огромные соборы, которые раскрашивают ликами святых и Заступника. Говорили, что тот не знает любви, кто не может сказать о ней на тернском, и тот не знает ненависти, кто не может описать её на риканском^[15]. Когда Магда жила при дворе барона, ей давали читать стихи на тернском и слушать песни на этом же языке. Очень звучные и не очень понятные, если быть честной. Забавно. Вот уж чего Магда бы никогда не подумала — что Виль знает этот язык. Откуда нищему батраку знать тернский?

Может быть, ему и в Терне приходилось убивать...

— И о чём он с тобой говорил? — уточнил Увар.

— О, о разном! О вине, о девках, о том, зачем мы сюда припёрлись и как я отношусь к раскалённому железу.

— Ты его убил? — спросила Магда напряжённо.

— Даже пальцем не трогал!

— Почему тебя отпустили? — не понял Увар.

— Ты же посол, — удивился вопросу убийца. — Если он и будет кого-то из нас убивать, так всех вместе, чтобы потом никому не рассказали.

— А зачем запугивать? — не поняла ведьма.

— Я пошутил, — отмахнулся убийца. — Вот что, Маглейн, иди-ка ты спать. Совсем ничего не соображаешь. Пошли, Увар, расскажу, о чём меня спрашивали.

— Пошли, — согласился Увар. — И о том, зачем ты туда сунулся, ты тоже расскажешь.

— Всё расскажу, всё, — заверил Виль. — Ты хоть знаешь, как вампиры лезут к человеку в душу? Нет? А мне приходилось сталкиваться.

Прежде чем Увар и Виль ушли, к ним подошёл Иргай.

— Ты проиграл, — сказал юноша. — Ты не вышел вечером, ты вышел ночью.

— Да? — рассеянно переспросил убийца. — Но я всё-таки вошёл. Поэтому пусть будет

ничья...

Он сдёрнул шапку с головы Иргая и нахлобучил на юношу свой старый колпак. Иргай уже открыл рот, чтобы возмутиться, но потом осёкся и сорвал колпак с головы. Магда ждала, что он кинет подачку под ноги Вилю, но Иргай сунул руку в колпак и вытащил увесистый мешочек. Судя по звону, там было золото.

— Вперёд наука будет — спорить со мной, — ухмыльнулся Виль. — А ты, Увар, не смотри так на меня. Этому князю не надо принимать у себя гостей, чтобы узнать, о чём мы думаем.

* * *

Врени понимала, что внутрь шатра Увар её не пустит. Но... полотняные стены не скрывают голосов, а на остальных наёмников её дар — всегда казаться уместной — отлично действовал. Цирюльница подождала, пока Увар и Медный Паук зайдут в шатёр, и села снаружи чуть поодаль. Их силуэты были хорошо видны: мужчины разожгли жаровню.

— Что? — раздался тихий голос убийцы. — Это вам в походе пить нельзя, а мне всё можно. Ты б видел этого...

— Зачем ты туда полез? — спросил Увар.

— Да я думаю, вдруг пустят? Зайду, посмотрю, хорошо ли они вашу цацку охраняют.

— Ты же говорил, у вампира нельзя украсть.

— У вампира нельзя. Так он же там не век сидит. Посидит-посидит — и полетать отправится. Вон, подружка-то нашей Маглейн, она вечно куда-нибудь да летает. Визгу-то, визгу!

— Какая подружка? — раздражённо спросил Увар.

— Вот те на, — удивился Паук. — А мальчишка ваш сказал, что вы её подстрелили случаем.

— Госпожа Вейма?

— Какая она госпожа, — засмеялся прозревший. — Её Серый как рабыню у кровососов выкупил. А туда же, госпожа! Видал, в шелках ходит. А сама с оборотнем... подстилка шавки блохастой, а туда же. Стелется перед ним.

Медный Паук в подробностях высказал своё мнение о личной жизни госпожи Веймы. От этого мнения покраснели бы даже лошади.

— Все они, кровососы... — закончил он свою речь ругательством. — И этот такой же.

— Так ты его видел?

— Не-а, — лениво отозвался убийца. — Не соизволил его кровосошество показаться. Послушай, Увар, я готов шапку заложить, что у тебя есть с собой доброе риканское. А то кислятина, которую мне добыла Маглейн, уже закончилась.

Увар выругался.

— Почему тебя пустили?

— А я сказал, будто у меня срочное дело к его сиятельству. Пара намёков — и готово.

— И тебя не попытались задержать?

— Это было немного посложнее, — засмеялся Медный Паук. Послышался звук, с которым вино льётся в чашу. — Брось, Увар, с чего бы мне раскрывать тебе свои секреты?

— С того, что ты в моём отряде, — отозвался наёмник.

— Я обещал тебя научить, как достать цацку, если ты будешь меня слушаться, — напомнил убийца. — А в отряд к тебе не нанимался. Брось, Увар. Ну, убьёшь ты меня. Думаешь, кровососу кто-то помешает прочитать ваши мысли? Ты знаешь, как они это делают? Подружку-то сестрицы своей в деле не видал?

Увар не ответил, а Врени поёжилась. Она-то видала «госпожу Вейму» в деле. Кем бы вампирша не приходилась Серому — женой или рабыней, она могла даже днём зачаровать двоих человек, погрузив одного в сон, а другого заставив повиноваться. Что же мог князь, пьющий человеческую кровь в самом центре своих владений?

— Маглеин опять же... с ума ведь сходит баба. Её за руку не удержишь, она на людей бросаться будет. А то ещё похуже. Думаешь, почему она за водой не ходит, кашу не варит? Думаешь, ручки замарать боится? Она в деревне работы-то не гнушается. А здесь я у неё яд из рукава три раза вытряхивал. Хочешь связать её и возить до самого дома связанной? Она своего барона прирежет, едва наедине останется.

— Ты говорил...

— Ну, говорил. Найдём колдуна — и будет наша Маглеин как новенькая. Так колдуна ещё найти надо.

Увар снова не ответил. Ну да. Не могут же они на чужой земле броситься искать колдуна, не получив на это позволения хозяина.

— Брось попусту языком молоть, — наконец произнёс наёмник. — Говори дело.

— Так я дело-то и говорю. Ты меня сбиваешь. Я с ними заговорил. Сперва по-тафелонски, потом по-нагбарски, потом по-тернски. На тернском они закивали и знаками показали, чтобы я стоял рядом. Потом пришёл господинчик, весь в чёрном, будто гробовщик, только одежда-то из бархата, такую украшать — только портить, спросил меня по-тернски, кто я такой и что я тут делаю. Из ворот выходить не стал, вот вы его и не видали. Я и сказал, мол, к князю у меня поручение есть. Он меня и впустил. С ним ещё стражник был, так этот стражник с меня глаз не спускал.

— И что ты на этом выиграл?

— О, мы неплохо поболтали с тем господинчиком. Тернское у них неплохое. Кормёжка, опять же, не как у вас. Повара-то княжьи.

— И он стал с тобой беседовать?

— Так я ему сказал, что у меня вести с рынка рабов в Физанте. Маглеин тут говорила, мол, князь их давно дожидается. Представь, он ловит людей, дурманит их и продаёт за хорошую цену — целыми и невредимыми, они ещё и не сопротивляются, пока дурман не развеется. А пока священный поход был, цены упали. Он, конечно, скупил кого хотел, ему же тоже люди нужны, и дёшево получил, да только потерял больше, чем приобрёл. Теперь вот ждёт, когда всё успокоится и рабы опять станут в цене.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Да уж знаю, Увар. Ты лучше послушай, о чём меня господинчик-то тот спрашивал.

— Хочешь рассказать, за сколько ты нас продал?

— А при чём тут вы, Увар? Господинчик про Итнию ^[16] спрашивал. Из Терны-то сюда в обход Итнии не попасть. Говорят, там нашёлся правнучатый племянник сестры Старого Дюка, так он бы не прочь сам Тафелон возглавить. Как ты думаешь, а, Увар, князь-то не знает ли, чья у него цацка валяется? Видел я как-то, как подружка твоей сестрицы монету обнюхала и сразу рассказала, кто её кому заплатил и за что отдал.

— Откуда ты это знаешь? — снова спросил Увар.

— Ремесло у меня такое, — напоказ вздохнул Паук. — Налей-ка мне ещё риканского да прогони Большеногую, хватит с неё и того, что успела подслушать.

Врени выругалась и поспешила уйти.

Глава четырнадцатая

Князь

Виль, как и вчера, поднял ведьму на рассвете, и, не слушая вялых возражений, потащил в лес «учиться». Едва они отошли подальше от всех, Магда тихо, но зло спросила:

— Зачем отдавать людям, которых ты предал, деньги, которые ты получил за их головы?

— Я так и думал, что ты почувешь, — отозвался Виль. — Духи нажужжали? Трепаться хоть не пошла?

— Ты продал нас всех, — не отставала ведьма.

— Сама напросилась, Маглейн. Говорил же тебе — иди без меня.

— Будто ты тогда не нашёл бы пути в этот замок, — рассердилась Магда.

— Это было бы сложнее, — признался убийца. — Брось, Маглейн. Твоё дело — слушаться *старшего брата* и колдовать по моему приказу. А что там тебе языческие духи в уши жужжат, так то не моя забота.

— Виль!

— Опять? Виль то, Виль сё... Вредная ты баба, Маглейн. Сказал — нечего тебе тут выведывать.

Он как бы невзначай оглянулся по сторонам и взял названную сестру за локоть.

— Вот что, Маглейн, — совсем другим тоном — и гораздо тише — произнёс убийца. — Спасибо Фатею, весь лагерь знает, что старый глупый папаша Виль надеется вколотить хоть каплю ума в твою пустую голову. Что ты будешь бегать и колдовать. Или визжать, если приспичит. Поэтому ты сейчас будешь бегать и колдовать. Поняла?

— А что ты?..

— А я буду бегать за тобой, так что постарайся уж не оставить меня без глаз. Делай что хочешь, но ты должна узнать, где сейчас колдун и что он замышляет.

— Ты же сказал...

— Я сказал, Маглейн, что ты будешь слушаться меня.

— Но зачем тебе делать это тайком?

— Затем, сестрёнка, что старый кровосос каждую ночь слушает сны Увара и его приятелей. Тебе подружка не рассказывала, как это делается?

Магда помотала головой.

— Ну, а мне приходилось о таком слышать. Я почти уверен, что он не может услышать Юлди, тот слишком честно верит, Большеногую и тебя, если тот вонючий букет не выдохся. Может быть, Иргая, уж больно он странный. Ну и меня, конечно. Знаешь, на чём я попался?

— Ты попался?! Но ты же...

— Жив и здоров, как видишь. Когда его кровосошество почуял, что стражники с кем-то разговаривают, а с кем — он не чувствует. Вот тут он забеспокоился.

— Он же мог тебя...

— Сожрать? Подавился бы. Брось, Маглейн, и не с такими дело имели.

— Зачем ты туда пошёл?! — не выдержала ведьма.

— Да ты никак обо мне тревожишься, Маглейн. Глядишь, ещё плакать будешь, а? Не ори. Надо было. Хорош я буду, если тут обо всём святоши станут договариваться.

— Но...

— Хватит, — оборвал её убийца. — Давай, колдуй.

Лес после колдовства выглядел... будто в нём ворожила очень злая ведьма. Листья все были сорваны с ветвей, все истлели и иссохли, поникли ветки, потускнела трава. Магду трясло крупной дрожью. Ей приходилось в танце сливаться с лесом и миром, но чтобы так? Виль действительно заставлял её бегать, духи обступали со всех сторон, предлагая защиту и помощь, взамен на... Она не хотела платить эту цену. Ветер, будто почуял её настроение, не мягко ласкался, а жестоко хлестал по лицу, по обнажённым рукам, рвал одежду, спутывал волосы. Это было плохое колдовство, это было злое колдовство, и Магда заплатила силой чужого леса за то, чтобы закрепить своё чёрное гадание. Виль был доволен. И тем, что ему нагадала названная сестра, и тем, что она ворожила одетая и тем, что обратно в лагерь её не пришлось тащить на руках.

— Этого мало, — устало сказала ведьма. — Мы никого не убили. Этого мало, чтобы нагаданное сбылось. Этого мало, чтобы колдун не мог пересилить моей ворожбы.

— А кого ты хочешь убить? — деловито спросил Виль. Магда поперхнулась. — Брось, сестрёнка, я добуду тебе хоть козлёнка, хоть телёнка, хоть ребёнка. Что нос воротишь? Противно? А что ты с лесом сделала — не противно? Сюда теперь ни за ягодами, ни за орехами, ни за грибами не сунешься.

— И за дровами тоже, — мрачно дополнила ведьма. — Противно. Но это же ты меня...

— Заставил поступить так, как положено доброй прозревшей, — подхватил убийца.

Ведьма сплюнула и выругалась.

— Нет, — очень тихо сказала она после недолгого молчания. — Пока рано. Потом, после, когда мы будем к нему приближаться. Тогда надо. Я скажу, кого. Но ты должен будешь сделать это днём. У всех на глазах и так, чтобы тебя никто не заподозрил.

Виль картинно поклонился. Магда вздрогнула, словно проснувшись.

— Умеешь ты задачи задавать, сестрёнка, — сказал он.

— Нет... пожалуйста... не надо...

— Надо, Маглеин, надо. Не избавимся от колдуна — не сможем вернуться домой.

— Но не так... не такой ценой...

— Хочешь сойти с ума, сестрёнка? Ты ж на людей скоро начнёшь кидаться. Эта плата тебе приятней будет?

Он остановился.

— Эй! Фатей! Выходи! Я тебя давно засёк.

Мальчишка появился из-за дерева. Магда даже не заметила, где он прятался. По его лицу она ясно поняла — он слышал. Слышал их разговор. Он знает. Он...

— Маглеин, прекрати! — зло окрикнул её Виль. Ведьма заморгала, снова будто просыпаясь. Тонкие, гибкие, истрёпанные ветром ветки захлестнулись на шее мальчика. Магда встретила взгляд Фатей — непримиримый, яростный взгляд человека, который не будет просить врага о пощаде, и в ней вдруг всколыхнулась злоба.

— Он подслушивал, — прошипела ведьма. — Его надо убить.

— Нет, — спокойно отозвался Виль. — Я решаю, когда можно убивать. Ты делаешь как я сказал. Ты поклялась. Ну?

Магда заставила себя выдохнуть и расслабила сведённые судорогой пальцы. Ветки на шее Фатей слегка разжались. Он закашлялся и заговорил на своём языке, потом грубо

выругался по-тафелонски. Виль подошёл к нему и положил руку на голову.

— Это моя сестра, — сказал он. — Ты учишься у меня, значит, она и твоя сестра тоже. Пока ты слушаешься меня, её колдовство будет тебе помогать. Если ты предашь меня, она возьмёт твою душу из тела и поместит её в болванчика, которого вырезает из дерева. Тобой будут играть дети, а после забросят. Ты никогда не станешь воином. Если ты будешь слушаться меня, и если ты умрёшь, выполняя мой приказ или защищая мою сестру, она поможет мне разыскать твою душу. Ты родишься среди своих людей и я возьму учить тебя, едва ты сделаешь первый шаг. Ты никому не расскажешь о делах, которые тебе не по уму. Понял? Попробуй только открыть рот — моя сестра заставит отсохнуть твой глупый язык. И не надейся, что монах поможет тебе молитвами. Ты согласился учиться у меня, ты мой. Моя сестра трижды наводила на тебя свои чары. Теперь тебе нет спасенья от её колдовства.

У мальчишки глаза полезли из орбит. Магда понимала, что Фатей не знает, что она может и чего не может сделать, и оттого боится её ещё больше. А из-за того, что гордость не позволяет ему признаться в страхе перед женщиной, этот страх превращается в ужас.

— Когда ты вырастешь, и станешь взрослым, и пройдёшь все испытания, и я признаю тебя достойным, — торжественно заключил Виль, — я дам тебе свой нож и ты убьёшь меня, если сумеешь. Маглеин, отпусти его.

Ведьма повела рукой. Ветки осыпались на землю трухой. Колдовство выпило из них последние силы. Глаза Фатея раскрылись ещё больше, а после он упал перед Вилем на колени, обхватил его ноги и что-то быстро сказал на своём языке.

— Учитель, — продолжил мальчишка на тафелонском, — Фатей будет служить тебе и слушаться тебя как слушался отца и мать. Фатей будет поить и чистить твоего коня, Фатей будет точить твой меч, Фатей будет мыть тебе ноги! Научи как сделать, чтобы ведьмы боялись, учитель!

— Научу, научу, — добродушно пообещал убийца. — Всему научу. Маглеин, иди в лагерь. Если спросят — никому ничего не говори, но Увару скажи, мол, наколдовала удачу и скоро всё будет хорошо. А если не спросят, то молчи. Потом сам скажу.

Магда хотела ответить, но промолчала. Такого колдовства, чтобы язык отсох, она не знала. Но...

Ведьма достала нож и шагнула к мальчишке, который ещё не поднялся на ноги. Виль удержал его и Магда отрезала у него прядь волос.

— Будешь слушаться — буду помогать, — посулила она. Завязала тёмные волосы особым узлом и трижды плюнула на землю.

Конечно, с языком Виль погорячился, но навести слабость могла любая ведьма. Магда не любила это делать. Такую ворожбу лучше творить напоказ, запугать жертву приготовлениями, тогда она сама сделает за тебя половину работы. Но это прямая дорога на костёр и хорошо, если обозлившиеся крестьяне дождутся братьев-заступников, а то ведь сами разорвут на кусочки.

Мальчишка ничего не ответил.

— Иди, Маглеин, иди, — уже не так добродушно проговорил Виль.

* * *

После завтрака к Магде подошла Дака, которая давно невзлюбила ведьму за то, что она

ничего не делает и только косо на всех поглядывает. Враждебно оглядела с головы до пят и сунула в руки испечённую на костре лепёшку.

— Твой брат моего брата учит, — сказала женщина. — Между нами должна быть дружба.

Магда приняла подарок, не зная, что ответить. Духи молчали, устали, видать, после недавней ворожбы. Предупредили бы они об опасности, будь в лепёшке яд? Кто их знает. Быть может, для них было бы выгодней, если бы ведьма умерла. Всё равно она не собиралась скармливать им чужие жизни.

— Спасибо, — неловко произнесла ведьма.

— Ешь, — приказала Дака. — И с братом поделись.

Магда кивнула. Надо как-то отвязаться от этой затеи.

— Пусть твоя дочь с нами поест, — осенило её. — Моя дочь спасла её от смерти в лесу.

Дака расхохоталась, вырвала из рук ведьмы лепёшку и кинула её в костёр.

— Ты умная, — сказала она и пошла прочь.

Магда ошарашенно глядела ей вслед. Вот так просто? Эта женщина хотела убить её — и даже не постыдилась смотреть ей в глаза?! Что ей наговорил Фатей? А что он ещё ей наговорит?!

Магду осенило. Она подошла к куче объедков, достала пару костей и пошла к себе. Неловко орудуя ножом, зарыла кости возле своего шатра. Её провожали подозрительными взглядами, но ведьма не обращала на них внимания. Она достала остатки посоха и принялась вырезать ножом недостающие фигурки. К ней подошёл Юлди.

— Мир тебе, — произнёс он торжественно. Магда удивлённо подняла на него глаза и монах торжественно осенил её священным знаком. Она молча подняла брови. Юлди смутился.

— Осталось немного, — сказала ведьма. — Сегодня доделаем.

— Да, хорошо, — согласился монах и взял свою часть работы. Больше они не разговаривали.

* * *

Они доделали фигурки и Магда взяла золу, чтобы вычернить половину из сделанного. За этим занятием она чуть не пропустила, как в лагерь пришли посланные от князя. Мастера, одетые просто, но в добротную одежду, подпоясанные ремнями с бронзовыми пряжками, выступали так важно, как будто были знатными рыцарями, победившими на турнире. Княжий слуга, одетый в бархат, шёл впереди всех, а позади двое юношей вели под руки слабого с перепугу старика. Магда пригляделась к ним. Один был точно сын или внук, а вот другой и одет иначе, и иначе держал... как же его звали-то?... Каджика. Иначе держал старого Каджика, без заботы и бережности. Стражник, не иначе. Бедолага Каджик чуть не обмочился с перепугу.

Увар вышел вперёд. В лагере он бархата не носил, а потому выглядел просто и бедно на фоне гостей, ничем не лучше перепуганных крестьян. Мастера торжественно прошествовали к нему и вручили свои творения. Княжий слуга что-то сказал. Ведьма невольно отложила работу и вгляделась. Да-а... такой посох князю впору. Да и пояс был неплох, неплох...

Увар кивнул головой, к нему подскочил Карско и принял у мастеров работу. Остальные

наёмники побросали свои дела и собрались посмотреть, только часовые на своих местах и остались. Оберст придирчиво осмотрел посох, потрогал набитые на нём кольца. Махнул рукой. Карско подошёл к крестьянам с посохом наперевес. Старик и его сын попятились, но стражник подтолкнул старика вперёд. Увар тоже что-то сказал на языке, который Магда не знала. Княжий слуга повторил за ним — вроде похоже, но как-то не так. Наконец, старик закивал головой и юноша осторожно протянул руку к посоху. Взял его и передал отцу. Карско протянул им пояс, Увар сказал ещё что-то, слуга снова повторил и юноша подпоясал старика поверх старого потёртого ремешка. Потом княжий посланник произнёс ещё несколько слов, оберст скривился так, будто ему предложили уксуса, но отвязал от пояса кошелёк. Слуга кивнул, сунул кошелёк за пазуху и отдал какой-то приказ. Мастера важно поклонились и ушли, стражник бросил старика и тоже отправился восвояси вместе с княжьим посланником. А старик осел на землю и схватился за грудь.

Магда выругалась, сунулась в сумку и выругалась снова. Вот уж о чём она не подумала. К ней подошла Врени.

— Помрёт сейчас старичок-то, — сказала цирюльница, глядя, как ведьма отбрасывает в сторону свою сумку. — У тебя тоже от сердца снадобий нет?

— Дома остались, — призналась Магда. — Пусти ему кровь, должно помочь.

— Если я пущу ему кровь, а он сдохнет, нас тут всех закопают, — мрачно сказала Врени.

— Если он помрёт в лагере, нас всё равно закопают, — отозвалась Магда. — Не медли.

Врени отошла. Магда задумалась. Будь сейчас хоть утро... нужна вода, которая не прячется в земле, не бежит в реке не падает с неба. Но где ж она посреди дня найдёт росу? Она достала из своих вещей чашку, распустила волосы и сбросила башмаки. Встала и крутанулась на месте.

Землëй, что дала мне силу...

Это было нетрудно. Ветер поймал ту воду, которая всегда есть в воздухе, собрал её и уронил в чашку. Магда склонилась над ней, укрывая волосами, и зашептала *правильные* слова. Не ахти что. Всего лишь немного силы. Возможно, старику придётся заплатить за это какой-нибудь неприятностью, может, башмаки порвутся или крыша прохудится, но покуда он не помрёт, а остальное Магду не интересовало.

Она подошла к крестьянам. Карско держал юношу, который с отчаянием смотрел, как Врени, уже закончив кровопускание^[17], перевязывает старику руку. Магла опустила в таз с кровью старика палец, а после провела им по доньшку чашки. Глаза старика расширились. Магда протянула ему воду.

— Пей! — приказала она, ничуть не смущаясь, что он не понимает её языка. Каджик встретил её взгляд и послушно взял чашку. Отпил. Магда наклонилась над ним и так и стояла, пока он не выпил всё. Всё это время она шептала, призывая его кровь течь в его теле без помех, грудь дышать, а сердце ровно биться. Когда старик допил, Магда произнесла, ни на кого не глядя:

— Скажите ему, что Врени выпустила у него дурную кровь, которая сжимала ему грудь. Скажите, что теперь будет легче. Скажите, что мы составим зелье, которое поможет. И скажите, чтобы он покуда не ел ничего, кроме орехов и мёда и того по чуть-чуть.

Она потрянула головой, отбрасывая спутанные волосы за спину, и вернулась к своему шатру, не слишком интересуясь, перевели ли старику то, что она сказала. Врени пошла за ней.

— Что ты задумала? — спросила цирюльница.

— Я? — удивилась ведьма и достала из сумки гребень. — Ты меня с кем-то путаешь.

Знаешь, что у него?

— Знаю, — кивнула цирюльница.

— Ну, коли знаешь, так попроси походить по здешним землям. Найдёшь горицвет, девятисил да лихорадочник^[18] — принеси мне.

— Я тебе не служанка, — нахмурилась Врени. — У самой-то ноги отсохнут — поискать?

— А тебе не нужен предлог одной побродить? — удивилась ведьма и принялась расчёсывать свои спутанные волосы. — Скажешь, что это для старика — так и свои отпустят, и местные не воспротивятся.

Лицо Врени посветлело.

— Отпустят меня одну, как же, — тем не менее проворчала она. Магда угадала, что цирюльница прикидывает, как отпроситься из лагеря с наименьшей охраной.

— Придумаешь что-нибудь, — сказала она и сунула Врени в руки свою чашку. — Всё равно таз свой от крови пойдёшь мыть. Так и это помой. Да смотри. Кровь просто так не выливай... надо её сперва правильно... а, ладно. С тобой пойду, ты всё не так сделаешь.

— Я пускала кровь, когда ты ещё пешком под стол бегала, — рассердилась Врени.

Магда усмехнулась.

— И много людей у тебя после этого выжило? — спросила она.

* * *

Когда Виль вернулся в лагерь — и с ним запыхавшийся Фатей, который, похоже, был в полном восторге от урока, — Магда заканчивала красить фигурки сажей.

— Всё веселье пропустил, — сказала названному брату ведьма. — От князя как раз сегодня за выкупом приходили.

— А мы их видели издалека, — отозвался убийца. — Правда, Фатей?

Мальчишка закивал.

— Отпусти ребёнка поесть, — неодобрительно произнесла Магда. — И так тощий, а с тобой и вовсе исхудает.

— Фатей не ребёнок! — вскинулся мальчик.

— Брысь, — приказал ему убийца и уселся на землю возле ведьмы. Фатей как ветром сдуло. — Ты чего, Маглеин, никак в себя пришла? Отпустили духи-то?

— Некогда мне было, — хмуро ответила Магда. — Чуешь? Скоро всё решится.

— Скоро — так скоро, — мирно отозвался Виль. — Пойду тогда с братцем твоим побеседую.

О чём они говорили — убийца не сказал, а Магда не спрашивала, но только утром в лагерь снова пришёл посланный от князя. Увар, похоже, ждал этого, потому что и он, и Харлан, и Кривой Эб, и Берток и Виль, и Юлди были с утра одеты в парадные одежды. Небось, вчера посланник предупредил, ведьма же его языка не знала, да и Увар понимал с пятого на десятое. Но обманывать проклятого никто не стал, взяли с собой. Ведьма едва успела удержать Юлди за рукав и сунуть ему готовые фигурки, которые она завернула в сташенный из-под носа у Даки дорогой платок из привезённых отрядом подарков.

Князь ждал послов в той маленькой комнате, которую описала Магда — обшитой золотистым шёлком. Там стояло два кресла и в стороне — круглый столик. Одно кресло пустовало, на втором сидел князь, а у его ног стоял на коленях голый по пояс юноша в рабском ошейнике. Физантского монаха нигде не было видно. Когда послы вошли в комнату, в ней стало тесно. Князь пнул юношу в спину своим остроносым сафьяновым сапогом. Юноша заговорил на тафелонском, не глядя послам в глаза:

— Я был рыцарем Берндом, сыном рыцаря Корбла, который служит графу цур Лабаниану. Я встал под знамёна барона цур Фирмина в священном походе, но попал в плен к язычникам. Князь Рехор купил меня. Говорите, кто вы и чего хотите.

— Мы — люди дюка Клоса Тафелонского, — отозвался Увар, лихорадочно соображая. Проклятый кровосос, похоже, совсем сломал парня, а, может, это раньше сделали язычники, а вампир только добавил.

— Это ложь! — быстро произнёс юноша. — В Тафелоне много лет нет дюка, а правит союз баронов!

Вампир молча слушал этот разговор, с интересом посматривая то на одного, то на другого гостя. От этих взглядов у послов бежали мурашки по спине.

— В Тафелоне *правил* союз баронов, — вкрадчиво поправил Медный Паук. — Сейчас все бароны присягнули на верность дюку Клосу, сыну графа цур Вилтина. Граф цур Дитлин убит его высочеством, а граф цур Лабаниан разбит в бою за город Сетор, его владения поделены между баронами. Барон цур Фирмин, вернувшись из священного похода, стал коннетаблем Тафелона.

— Это ложь! — задыхаясь, прокричал Бернд. — Ложь!

— Это правда, — пожал плечами Увар.

Князь снова пнул юношу в спину. Он закашлялся и опустил взгляд.

— Мой господин Рехор спрашивает вас, зачем вы пришли, — с трудом выговорил Бернд.

— Мы пришли, чтобы принести князю заверения в дружбе от нашего господина, — ответил Увар. — Мы принесли ему подарки.

Он кивнул Кривому Эбу и тот достал маленькую шкатулку красного дерева, которую протянул вампиру. Бернд принял её вместо господина и открыл. В шкатулке на бархатной подушке лежал массивный перстень с рубином, окружённым вспыхивающими опалами^[19].

— Пусть примет этот дар, привезённый бароном цур Фирмином из святых земель. Другие дары мы передадим слугам князя позже.

По тонким губам вампира скользнула улыбка, не обнажившая, впрочем, его клыков. Он, будто забыв о людях, повернул перстень, любуясь игрой света. Потом вздохнул, внимательно посмотрел на послов и что-то произнёс.

— Князь говорит, что щедрость его нового брата согревает сердце, — произнёс Бернд. Вампир опять пнул его. — Он говорит, что не стоит в один день вести речи и о красоте, и о деле. Вам лучше уйти. Он позовёт вас снова, но не всех, а только одного из вас. Тогда вы сможете сказать, что у вас на сердце и что тяготит дюка Клоса.

Послы поклонились и повернулись к дверям, как вдруг вампир снова заговорил.

— У одного из вас есть подарок для князя, — перевёл Бернд. — Если вы передумали с ним расставаться, князь поймёт, но если вас удерживает скромность, то отбросьте её. Нет

ничего дороже подарка, сделанного от души.

Послы переглянулись, ничего не понимая, потом Медный Паук сообразил и толкнул брата Юлди. Тот мучительно покраснел и достал из-за пазухи тонкий шёлковый платок, в который были завёрнуты фигурки для игры, правил которой монах так и не понял. Бернд принял платок и поднёс его господину. Тот взял чёрную фигурку и взгляделся в неё с таким же вниманием, как до того взглядывался в перстень. Даже, кажется, приняхался.

— Князь благодарен вам за ваши дары, — произнёс Бернд, — а сейчас вам лучше уйти. Завтра один из вас придёт поговорить с князем о делах.

Послы снова поклонились и покинули комнату.

* * *

— Хорошие секреты за пазухой носите, — сказал Медный Паук, когда они уже подходили к лагерю. — Знал бы, что у вас такая цацка есть — сам бы ночью зарезал. Она ж подороже дюкской короны будет. Рубин-то лельфский [\[20\]](#)! Такой чистой воды я, признаться, давно не видел.

Ему никто не ответил, но это убийцу не смутило.

— Что ж ты, Увар, с таким рубином по миру шатаешься? — не отставал Паук. — Взял бы себе. Тут бы вам всем до старости хватило.

Он нехорошо засмеялся и добавил:

— Если б покупателя нашли.

— Вот-вот, — мрачно отозвался Увар. — Иди своей дорогой, Паук, дальше без тебя разберёмся.

Убийца отвесил настоящий хларский поклон и первый вошёл в лагерь.

* * *

Вечером Увар передал слугам князя сундуки и мешки, которые отряд привёз с собой, оставив только малую часть. Мало ли что встретится по пути, до дома ещё добраться надо.

Глава пятнадцатая

Княжий пир

Весь следующий день Магда сидела и вырезала из остатков клюки лошадку. Не то чтобы ей так хотелось её кому-то подарить, просто эта работа занимала руки. Такую игрушку можно зачаровать и ребёнок, пока с ней играет, не узнает болезней или раны на нём будут заживать быстро и без воспаления или не будет плакать без причин или... много что можно сделать с игрушкой, которую вырезает ведьма. Виль, казалось, от неё отвязался. Забрал Фатя и куда-то пропал на весь день. И слава Освободителю. Не те у неё годы — по лесам бегать.

Виль раскинул их шатёр как раз в таком месте, чтобы оттуда было видно вход в окружённый телегами лагерь. Был уже вечер, когда раздался предупредительный сигнал — крик какой-то речной птицы. Ведьма подняла голову и увидела подходящего к лагерю княжьего посланника. Тот никому не поклонился и что-то сказал на своём непонятном языке, едва оказался внутри обозначенного телегами круга. Увар, похоже, ждал его, потому что тут же вышел навстречу, как и вчера, одетый в парадную одежду.

* * *

Виль вернулся после заката. Все уже давно поели, но никто не шёл спать и не пел песен. Маленькая Ольви скулила и норовила в волчьем облике спрятаться под юбками матери.

— Что, не возвращался Увар, а, Маглеин? — спросил убийца у ведьмы.

— Как видишь, — хмуро ответила она.

— А что тебе духи говорят?

— Ничего они мне не говорят, — отмахнулась Магда.

— Так ты спроси. Чем киснуть-то сидеть.

— Они не... — начала было ведьма, потом пожала плечами. Почему бы и нет?..

Она уколола палец, встряхнула рукой, отдавая свою кровь ветру. Ветер сорвал с её головы платок, закружил его, а после стих... или улетел... Магда подхватила платок, но надевать на голову не стала. Она запрокинула голову к ночному небу и, глядя на звёзды, принялась считать. Вот пять ярких звёзд, вот рядом с ними звезда поменьше... а вот та большая и мерцает... платок рванулся из её рук, ведьма сделала такое движение, будто поймала в сети птицу... а потом зарылась лицом в тёплую ткань.

— Вижу комнату... — глухо сказала она. — Мерцают свечи... стены — как мёд... вижу князя... вижу Увара... вижу боль...

Рядом кто-то охнул, Виль шикнул и вокруг стихли.

— Боль... с ними кто-то третий, это его боль... душа плачет от ужаса... ярко... всё заслоняет...

— Враг с ним, Маглеин, — нетерпеливо сказал Виль. — Что с Уваром?

— Ничего, — немного удивлённо отозвалась ведьма. — Ему не больно. Не страшно. Он говорит... он слушает...

— О чём он говорит, Маглеин?

— Дорога... вижу дорогу... вижу телеги... вижу товары... вижу людей, которые чинят

дорогу... вижу людей, которые охраняют дорогу... вижу князя...

— Они ведут переговоры о дороге? — сообразил Виль.

— Да! Большая дорога. Много добра по ней пройдёт. Ещё... Вижу девушку... вижу свадьбу... вижу...

Ведьма вдруг вынырнула из платка и потёрла виски.

— Он меня почуял, — мрачно сказала она. — Почуял, что я на него смотрю.

Она огляделась. Вокруг столпились наёмники.

— И что он сделал? — выразила общее мнение Врени.

— Стал... — поёжилась Магда... — стал в ответ смотреть. Искать мыслью, кто на него смотрит. Брр. Больше не полезу, не просите.

— Вот видишь, Маглейн, — хлопнул её по плечу убийца, когда наёмники, не дождавшись продолжения, разошлись, — я же говорил, что ты у того колдуна хорошим вещам можешь научиться. Раньше-то ты сколько возилась. А теперь — раз, два — и готово.

— Тебе бы так, — отозвалась ведьма. — Это нам повезло, что туда ветер добрался. А если бы нет?

— Тогда пошла бы зелье своё варить, — отозвался убийца. — Иди-ка ты спать, Маглейн.

* * *

Увар вернулся на рассвете и тут же завалился спать, не сказав товарищам ни единого слова о переговорах. В полдень явился посланный от князя и с ним слуги, которые принесли наёмникам парадную одежду. Княжий слуга сообщил, что его господин желает разделить с гостями чашу дружбы, поэтому приглашает их всех завтра вечером на почётный пир. В лагере не должны оставаться ни больные, ни старые, ни женщины, ни дети, все должны прийти в замок. Едва посланный ушёл, одежду принесли ведьме, чтобы она сказала, нет ли на ней вреда или яда. Магда не очень-то представляла, как это определить, духи не прилетали к ней по первой просьбе, они всё ждали человеческой жертвы и всё сердились, не получая её. Но она призвала ветер и покружилась вокруг вороха сваленных посреди лагеря вещей. Ничего не произошло и ведьма заверила, что подарок, похоже, без подвоха. Тогда одежду разобрали — не без ссор и недоразумений — и оказалось, что князь прислал им ровно столько и ровно такую одежду, сколько и каких людей было в лагере. Мужчины получили свободные тёмные штаны, белые рубахи, вышитые по подолу и вороту, подбитые мехом длинные жилеты и короткие широкие плащи с фальшивыми рукавами. Для Даки, Магды и Врени были присланы широкие тёмные юбки, по подолу украшенные лентами, белые рубахи, покроем почти не отличающиеся от мужских, короткие, богато вышитые жилеты и ярко-красные шарфы. Жилеты шнуровкой усаживались точно по фигуре, а шарфы, похоже, полагалось обматывать вокруг головы и шеи.

Князь не забыл никого. Похоже было, что он усадил за работу всех женщин своего замка, но как он умудрился дать им настолько точные указания, Магда не могла взять в толк. Даже если он вампир, он же не мог *знать*, как шьётся одежда, чтобы вложить женщинам в головы, кто в отряде какого роста и худой или толстый. Наряды, между тем, на каждого сели так, будто шились по его мерке. Харлан растолкал Увара и рассказал ему о произошедшем.

— Даже так? — зевнул предводитель. — Ну тогда договору действительно быть.

— О чём договорились? — спросил Харлан.

— Да о чём надо, — снова зевнул Увар. — Завтра пируем, послезавтра собираемся, на третий день выступаем. Там южнее крепость взять надо. Выплюсь — расскажу.

* * *

Врени ни за что бы не надела женский наряд, если бы кто-то потрудился спросить её мнения. Но с вампирами не поспоришь. Юбка сидела на ней как на корове седло и больше всего цирюльница походила на переодетого в женское платье бандита. Она потому и предпочитала одеваться по-мужски, что так она привлекала всё же немного меньше внимания, чем в наряде, приличествующем её полу. Дака тоже не слишком радовалась: где это видано тащить на пир двух маленьких детей, один из которых на самом деле волчонок! Ольви то хныкала, то скулила, меняла облик и норовила убежать и спрятаться. Оставлять её одну было страшно. А ну как князь пошлёт своих слуг обыскать лагерь и они просто убьют девочку?! Врени взяла на руки Сагилла и посоветовала подруге не спускать дочь с рук и сесть где-нибудь поодаль, тогда, может, всё и обойдётся. На том и порешили.

* * *

Их отвели в сводчатую залу, длинную и узкую, с низким потолком, в который округло переходили стены. Вдоль стен были расставлены длинные столы, за которыми уже рассаживались люди — все одетые в такие же одежды, как и посланные князем. В глубине залы, поперёк короткой стены, на возвышении стоял стол поменьше и за ним восседал князь. По правую руку от него сидел мальчик, про которого Магда сказала, что он племянник князя, по левую — женщина и рядом с ней молодая девушка, видимо, сестра князя и её старшая дочь. Увара слуги проводили к этому столу и вампир указал наёмнику место между собой и мальчиком. В общем гаме было не слышно, о чём они говорят, но цирюльница увидела, как Увар кланяется и князю, женщине, и девушке, и мальчику, и прочим, сидящим за тем столом. Остальных не рассаживали и было похоже, что гостям предлагают самим выбирать себе свободные места, однако местные сидели так, что расположиться всем вместе у наёмников бы не получилось. Дака дёрнула увлекшуюся наблюдениями цирюльницу за рукав. Обернувшись, Врени увидела, что вокруг них стоят молодые женщины, тоже одетые в платки, юбки и жилеты, и, смеясь, объясняют что-то Даке на своём непонятном языке.

— Они говорят, — неуверенно произнесла Дака, — кто с ребёнком, тот отдельно сядет, вон там. Говорят, если это не твой ребёнок, отдай и садись со всеми.

— Давай скажем, что мой, — предложила цирюльница, но Дака замотала головой.

— Нельзя обманывать, — заявила она. — Дружбы не будет. Давай Сагилла.

Она ловко подхватила обоих своих детей и пошла за женщинами в обход длинных столов. Там, недалеко от входа оказалась ниша в стене, в которой стояли длинные лавки и круглые подставки с блюдами. Врени пожала плечами. Даже если бы она хотела, она ничего не могла бы изменить, тут слишком много людей. Да и вампир...

Князь, восседая в глубине зала, что-то говорил, указывая то на собравшихся, то на себя, то на Увара, то на племянника, то на девушку. Увар согласно кивал. Врени удалось сесть

рядом с Ферко, одним из старых наёмников. Он неплохо относился к цирюльнице, которая лечила его после того боя в капище. Пусть после его лечила и ведьма, всё же без Врени он бы не выжил. Сейчас важным было то, что он знал язык Харлана, очень близкий к здешним говорам, и без него Врени была бы на пиру глухая и немая.

Вошли слуги, с трудом неся огромные блюда. Рыба, свиные и бараньи головы, птицы, зажаренные целиком, пироги... всё это водружалось на столы и после другие слуги с внушительными ножами принимались кромсать яства, чтобы выделить каждому гостю его долю. Странно было и непривычно, что на столах стояли тарелки по числу приглашённых и слуги клали на них еду, не позволяя никому самому выбирать себе угощение по вкусу. Местные, похоже, привыкли и не видели в этом ничего удивительного. Вдруг всё стихло. Заговорил князь. Он говорил долго, и по выражению его лица нельзя было понять, о чём. Врени повернулась к Ферко. Тот нахмурился.

— Вроде как приветствует гостей, — сказал наёмник неуверенно. — О дружбе с нашим Дюком говорит. О том, что мы должны подружиться... то есть с нами должны подружиться его подданные.

Врени пожалала плечами и подвинула к себе тарелку. Знает она эту дружбу... с вампирами, ага. Ну, авось не отравит. Мясо плавало в каком-то ужасном холодном соусе, жгущем так, будто цирюльница пыталась проглотить уголь... там был и чеснок, и хрен и даже немного перца, который Врени пробовала-то всего раз или два в жизни. А князь всё говорил и говорил.

— По их обычаю князь выпьет чашу дружбы с каждым из своих гостей, — снова перевёл наёмник и оглядел зал. Народу собралось немало, как все сюда поместились только! Если князь намерен выпить с каждым хоть по глотку-другому, он ещё на середине зала лопнет.

Как выяснилось, лопаться князь не собирался. Слуги у его стола наливали вина в золочёный кубок, князь поднимал этот кубок, что-то говорил и передавал слугам. А уж они относили вино к выбранному гостю. Первым князь уважил племянника: видно, чтобы показать, как следует поступать в этом случае. Мальчик храбро осушил свой кубок до дна, низко поклонился и что-то произнёс. Слуги громко повторили что-то похожее на его слова и вернули кубок князю.

— Благодарил за честь вроде как, — не дожидаясь вопроса, перевёл Ферко. — У них, видно, так положено.

Врени нахмурилась. После соуса да пересоленного мяса её мучила жажда, а вина, похоже, на этом пиру не скоро-то и дождётся. Кто-то из слуг, будто специально дожидаясь, подошёл с другой стороны стола и плюхнул ей на тарелку птичью ногу, а после налил какой-то подливы... цирюльница осторожно попробовала... птица была пересолена, а в подливе смешалось столько вкусов... Врени готова была поклясться, что там точно был уксус и натёртая редька и всё это ещё и пересолено и переслащено. Она с ненавистью посмотрела на княжий стол.

Увар в точности повторил действия княжьего племянника, и за ним кубок поднесли сестре вампира и его племяннице. Женщины отпили по глотку, а остальное к ужасу наёмников хладнокровно выплеснули через плечо. Видимо, так и полагалось, потому что пир шёл дальше своим ходом.

Магду на пиру умудрились разлучить с Вилем, а, может, он нарочно отошёл в сторону. Она сидела рядом с чужими людьми, местными, не тафелонцами, и хмуро оглядывала зал. Время от времени вампир делал вид, что отпивал из чаши, которую посылал гостям, но Магда точно знала, что он ничего не пьёт. Вампиры едва были способны усваивать пищу, которую не добыли сами. Вино, к тому же не заколдованное... они просто не смогли бы его проглотить. Люди рядом с ней оживлённо переговаривались, время от времени поглядывая на ведьму с заметным интересом. Один раз седоусый мужчина в коричневом жилете попытался ей что-то сказать, но ведьма отрицательно покачала головой. Местный язык звучал так, как будто все хором набрали в рот пчёл и время от времени чихали. Виля нигде не было видно, наёмники по мере того, как их обносили вином, становились всё веселее и всё охотней общались со своими соседями, а князь — Магда это хорошо видела — цепко оглядывал зал и словно смотрел каждому гостю в душу. Магда опустила голову, чтобы не дать вампиру поймать её взгляд, и мысленно принялась повторять лечебные свойства трав, отпугивающих кровососов. Почему-то на вампиров действовал не только запах, но и мысли человека, который знает, что и почему входит в этот сбор.

* * *

Когда гости утолили первый голод, а самые везучие — и жажду, в зал вприсядку вбежали люди в ярких рубахах, поверх которых не было надето ни жилета, ни плаща, ни куртки, только вышитые пояса. Добежав до центра зала, они перекувырнулись, а после принялись ходить колесом по свободному пространству. Слуги, не переставая разносить блюда, ловко их обходили. Заиграла задорная музыка, больше всего похожая на утиное кряканье, только что мелодичное. Сбоку залы встали музыканты с дудками, которые издавали эти крякающие звуки, а потом вошёл старик с чем-то вроде доски, на которой были натянуты струны. Так, во всяком случае, показалось Магде. Послышалась дребезжащая и странно дёргающая за душу музыка, которая будто спорила с задорными дудками. Потом запели женские голоса, что-то красивое, но ужасно грустное, а плясуны разошлись в стороны. Дудки смолкли и осталась только дребезжащая доска и тоскливая песня. Магда нахмурилась. Что за странное развлечение! Местные стали вздыхать, видно было, что им песня нравится. Потом девушки замолчали, замолчало и дребезжание и снова закричали дудки, снова выскочили плясуны, а девушки запели новую песню, какую-то весёлую и, похоже, насмешливую. Во всяком случае, местные заулыбались, а после принялись хохотать. Плясуны снова завертелись по залу.

После князь что-то произнёс и из-за стола поднялся Иргай, который затянул что-то и вовсе невообразимое, что Магде больше всего напомнило крик осла. У ведьмы разболелась голова, стало душно. Подняв голову, она увидела, что князь-вампир смотрит прямо на неё. Магда помнила, что этого делать нельзя, но всё же встретила его взгляд... мысли немедленно разлетелись как дым.

Вот она кружится с ветром, сливаясь с его буйным нравом, вот её пятки щекочет трава...

Вот духи шепчут ей злые слова...

Вот дорога, на которой они встретили жрецов... пальцы духов прикасаются к коже... липкие, холодные, они касаются её тела, они ползут по ней как отвратительные насекомые,

они...

Нельзя!

Нельзя смотреть вампиру в глаза!

Полынь! Полынь отгоняет беду!

Духи заползли под одежду, они везде, они внутри и снаружи, их прикосновения холодные, их шёпот жаркий...

Победный лук... его запах неприятен вампирам...

Она не чувствует ничего, кроме прикосновений духов, они защитят её от беды, они защитят её от колдуна, они хотят её — её душу, её тело, её волю...

Любим-трава привораживает, страсть, которую она вызывает, недоступна мёртвым, непонятна вампирам...

Колдун связывает её своей ворожбой, колдун обманул её, колдун хотел забрать себе их жизни...

Воспоминания крутились-крутились-крутились... ведьма с трудом удерживала сознании сбор отгоняющих вампиров трав... бешеная травка с её тяжёлым запахом... отравила бы и вампира, если бы вы сумели его им накормить... ромашник, прогоняющий жар... дурман...

И вдруг всё закончилось. Кто-то отвлек князя вопросом и тот отвёл взгляд от ведьмы. Магда, дрожа, поднялась на ноги. Она была вся мокрая и шаталась, будто от болезни. Осторожно держась за стену, она отправилась к выходу из зала. Иргай как раз заканчивал свой ослиный рёв.

* * *

— Хорошая песня, — прочувственно сказал Врени уже изрядно пьяный Ферко. — Иргай рассказывает, как Сагилл, его кровный брат, спас жизнь... ты его не знаешь, он остался в Дарилике. Он поехал в разведку и попал в засаду.

Лицо наёмника омрачилось: вспомнил, как недавно в землях магнатов в засаде погибло двое разведчиков, молодые ещё ребята. У одного в Тафелоне осталась невеста. Врени неловко произнесла несколько слов, но Ферко отмахнулся. После «чаши дружбы» вином стали обносить всех и наёмник успел изрядно напиться, запивая ядрёное княжеское угощение.

Местные девушки затянули свою песню, уже не грустную и не задорную, а плясуны принялись отплясывать что-то очень сложное. И тут Врени обомлела. Сначала она подумала, что ей с пьяных глаз чудится, будто тень у дальнего стола какая-то густая и косматая. Но нет... она шевельнулась... перебежала...

— Ольви! — вскрикнула цирюльница. Но Ферко уже её не слышал, остальные наёмники были далеко... что делать?! Бежать к Даке? Бросаться к оборотнице?

А волчонок, пытаясь перебежать через зал, сунулся под ноги к плясуну в синей рубашке, тот упал, волчонок отчаянно взвыл... смолкла музыка и разговоры, Дака выбежала из закутка, куда её отвели...

Князь поднялся на ноги и что-то произнёс. Все замерли. Волчонок припал к полу и скулил. Похоже, что и обмочился с перепугу. Один из подающих еду слуг наклонился, поднял обмершую оборотницу и понёс к князьему столу. Девочка скулила, но даже не

пыталась вырваться. Протрезвевшие наёмники повскакивали со своих мест, что-то говорил Увар, но князь его не слушал. Он взял на руки волчонка и поднял так, чтобы глаза зверька были вровень с его глазами. Повертел из стороны в сторону. Потом вроде как моргнул и другой слуга подошёл к Даке. Женщина, словно просыпаясь ото сна, кивнула и тоже пошла к столу. Князь что-то произнёс, Дака покачала головой, князь медленно повторил свои слова. Дака вместо ответа протянула руки и князь вручил ей волчонка. На глазах у всех оборотница сменила облик и Дака укрыла младенца краем платка. Неловко поклонилась и отошла от княжьего стола. Постепенно все отмерли, а слуги принялись разносить засахаренные орехи и ягоды.

* * *

Магда выбралась на двор. Её трясло, было противно от съеденной тяжёлой пищи. Но хуже всего — вампир. Ох, он был и силён... пока они пировали, уже стемнело, понятно, что после заката силы у таких созданий удесятятся, но ведьме-то от этого понимания не легче!

Кто-то тронул её за руку.

— Виль, как ты мне...

Она обернулась. Стоящий рядом с ней мужчина никак не мог быть Вилем: он был гораздо выше. На нём была какая-то тёмная длинная одежда... монах! Он заговорил с ней на церковном языке, но Магда его не понимала и покачала головой. Тогда монах помолчал и заговорил на тернском, который ведьма немного знала.

— Стрега-мага^[21], ты, видно, добрая женщина.

— Нет понимать, — припомнила ведьма нужные слова на тернском.

— Твой менторе^[22] послал тебе предупреждение. Тебе грозит смерть. Ты молода и красива, тебе рано умирать.

— Нет понимать, — с отчаянием повторила Магда.

— Ты умрёшь! — торжественно возгласил монах. — Спирити убьют тебя! Они сгрызут тебя изнутри! Есть только одно средство...

Он наклонился к её уху и тихо прошептал, стараясь говорить медленно и просто:

— Убей их всех! Только их смерти насытят спирити!

Магда вздрогнула. В волосы впелись цепкие пальцы духов и раздался их шёпот.

— Я дам тебе денег и провожатых, — посулил монах, — никого не бойся...

Магда почувствовала, что он суёт ей в руку тряпицу, в которую был завёрнут какой-то порошок... а в другую руку монах положил кошель, набитый монетами.

— Если ты опоздаешь, спирити^[23] сожрут тебя, — закончил монах. — Этот яд убивает во сне, не имеет вкуса и от него нет противоядия. Не медли же.

Он ушёл и быстро слился с ночью, а ведьма осталась стоять во дворе с бешено колотящимся сердцем. Спирити... сожрут... яд...

* * *

Врени покинула замок вместе с остальными наёмниками и не сразу заметила

исчезновение ведьмы. Ночью было не до того, она была слишком взбудоражена случившимся на пиру, а утром, чего греха таить, проспала. Все уже привыкли к тому, что Медный Паук гоняет названную сестру по лесу с какими-то дурацкими заданиями, так что до самого обеда никто Магды не хватился. К тому же никто и не завтракал. После вчерашнего-то. То ли вино здесь паршивое, то ли выпили много. В походе-то ведь никто почти и не пил вовсе, а у князя на пиру поди откажись.

— Где ведьма? — спросил цирюльницу Иргай, когда все поели и Дака, что-то сказав мужу, принялась чистить котлы.

— Тебе-то что за дело? — удивилась Врени.

— Дака говорит, в шатре нет. Фатей говорит, в лесу нет. Стодол на часах стоял. Говорит, не проходила.

— Увар знает? — насторожилась Врени.

Иргай сплюнул.

— Увар говорит — она ему сестра. Она ведьма! Ведьма не бывает сестрой. Ведьму топить надо.

Цирюльнице сделалось неуютно.

— Она может отводить взгляд, — произнесла она, оглядываясь по сторонам, как будто ведьма подкрадывалась к ней сзади.

Иргай снова сплюнул и отправился за Юлди. Монах очень обрадовался интересу юноши к своей вере. Харлан и его соплеменники вроде как тоже молились Заступнику, но их обычаи были такие причудливые, что больше смахивали на языческие. Когда Иргай потребовал отвести молитвой колдовство и освятить лагерь, Юлди помрачнел.

— Я говорил Увару, — заявил монах, — я не рукоположен для таких дел.

— Большеногая говорила, твой брат молитвой упыря отгонял, — не стал слушать Иргай. — Давно говорила. Он смог — ты сможешь.

— Брат Полди человек удивительной святости, я не...

— Ты сможешь, — непреклонно заявил Иргай.

Юлди вознёс самую длинную известную ему молитву (по случайности Врени её знала, эту молитву читали над больным, которого мучает запор), потом воззвал к Заступнику и обошёл лагерь, осеняя священным знаком каждый шатёр. Ничего не изменилось. Если Магда где-то пряталась, то не в лагере. Не было и Медного Паука, но вот уж за кого никто не беспокоился.

Цирюльница плюнула и пошла к Увару рассказывать, что его сестра куда-то исчезла. Оберста пришлось будить, после вчерашнего пира Увар отсыпался почти весь день: князь упайвал гостя до полусмерти.

— Как — пропала? — не понял оберст.

— Исчезла твоя сестрица, — отозвалась цирюльница. — Вечером не проверяли, а с утра никто не видел.

— И вы молчали?!

— Да мы только сейчас убедились.

— Где Паук?

— И Паук пропал, — призналась Врени.

Увар выругался.

— Поймаю — шкуру сдеру, — посулил он. — С обоих. Завтра выступать с утра надо, а они в игры играть задумали.

Глава шестнадцатая

Через лес

Медный Паук вернулся под вечер, ни от кого не скрываясь и не пытаясь скрыть своего раздражения.

— Что? — спросил он Увара. — Тоже заметили? Бросила нас Маглейн. Вот уж от кого не ожидал.

— Как — бросила? — не понял наёмник.

— На шее ездила, — вместо ответа принялся бормотать убийца. — Виль то, Виль сё, Виль, поди туда, Виль, подай это. Кому рассказать — не поверят. Я и дров наколи, я и хвороста набери, я и воды наноси, я и каши навари. Девчонку мокрохвостую и то я пеленал! Белоручка! С хребта у папаши Виля не слазила. Сама шагу ступить боялась. Виль, пойти с мной, Виль, объясни им всё, Виль...

— Прекрати! — разозлился Увар. — Говори, куда Бертильда делась?

— Так я и говорю. Сбежала. Вот только ведь чуточку загулял, из внимания выпустил! Нянька я ей, что ли? Ух, баба она вредная! Наплачется с ней наш барон, помяни моё слово, наплачется!

Он перехватил взгляд оберста, ухмыльнулся и продолжил чуть серьёзней:

— Возвращаюсь ночью. Смотрю: нет бабы. Посреди шатра кошель валяется. Хороший кошель, бархатный. Монеты в нём — чуешь? — физантские. Сумки её ведьминской нет, с травами всякими. Котелок взяла. Припасы-то проверьте, небось тоже свою долю прихватила. Я искать — куда там! Весь день ходил. Глаза отвела, поганка. Здешний лес-то без ведьмы стоит, Маглейн на него права и заявила. Небось напрямик пошла, за собой дорогу закрыла. Куда её догнать теперь. Нам-то лес не откроется, пока Маглейн не захочет. А она не захочет.

— С чего ей бежать? — спросил Увар. Медный Паук развёл руками.

— Враг её знает. Баба, одно слово. Вожжа под хвост попала — вот она и кинулась.

— Ночью, одна? — не поверил оберст.

— А чего ей в своём лесу бояться? Князь её жрать не сунется, воняет от неё погано для кровососов. Зверьё на хозяйку пасть не разявит. Люди?... К ней ещё поди подберись. Ведьму, Увар, врасплох надо брать. И на чужой территории.

Он почесал в затылке.

— Вот твой парнишка-то. У которого голова с трещинкой. Ведьмины обманки не видит, сквозь них идёт. Он бы смог, наверное. Но через лес по её дороге и он не пройдёт. Не дано людям-то напрямик ходить. Перед Маглейн-то деревья расступаются, а как пройдёт — обратно встают да трава примятая распрямляется. Следов нет, где сыскать? Ведьма, одно слово.

Он сплюнул.

— Монеты физантские. У кого б узнать, монах-то в замке сейчас или делся куда?

— Что ж ты просмотрел? — усмехнулся Увар. — Монаха с утра из замка выставили.

Одну только лошадь оставили, даже вьючной не дали.

Паук оживился.

— Тот, небось, на юг отправился?

Увар кивнул.

— Ну и прекрасно. И мы на юг поедем.

— А Бертильда? — спросил оберст, пристально разглядывая убийцу.

Тот снова сплюнул.

— Ты что, думаешь, я её пришиб да в овраге спрятал? Делать мне нечего. Такую поганую бабу, Увар, беречь надо. Холить и лелеять. Потом к людям вывести — и главное спрятаться успеть.

— Говори толком, — нахмурился Увар.

— А чего там, — махнул рукой Медный Паук. — Баба она и дура. Ишь, напрямик пошла. Много она на своих двоих нагуляет? Нам её ещё поджидать придётся. Кони-то быстрее скачут.

— Почему она коня не увела? — уточнил оберст.

— Ведьма потому что, — пожал плечами проклятый. — Небось босиком идёт. Чтобы лес чувствовать. Чтобы след свой скрыть. Думает, папаша Виль её дорогу глазами искать будет. Будто папаша Виль лучше неё не знает, что ей нужно. Как была дурой, так и осталась.

— А что ей нужно, Паук? — спросила Врени, подходя к беседующим мужчинам.

— А вот этого тебе, Большеухая, знать незачем, — засмеялся убийца.

— Темнишь... папаша Виль, — покачал головой Увар.

— Темню, господин оберст, темню, — согласился Медный Паук. — Так это дела прозревших, тебя они не касаются. Тебя касается цацка дюкская и крепость, которую у нашего друга... как его?... князя Рехора — соседский князь отбил. И бабу барону цур Фирмину вернуть. Ну так и бери крепость, а о бабе я позабочусь.

* * *

Полночи Магда колдовала. Она сварила зелье, отгоняющее сон, выпила сколько могла и остатки перелила во флягу. Она привязала сумку с травами и котелком за спину. Крепко привязала. Она сняла башмаки... надо были их, наверное, сначала убрать в сумку... ничего. Ещё одна жертва. Пусть. Сняла платок и распустила волосы. Стоило, конечно, ещё и раздеться, но одно дело — танцевать на поляне, а другое — идти через лес. Дорогу-то деревья откроют, а вот ветками пометят так, что ведьма выйдет из леса полосатая как какой-то зверь из того bestiaria, про который рассказывала вампирша Вейма. Как его там? Тига... тира... Неважно.

Крови понадобилось много. Шутка ли! Здешний лес пусть и охотно делился силой, а Магду ещё не признал. Да и выпила ведьма у него немало. Вот и та кость пригодилась, которую Магда припрятала.

Нехорошо. Очень нехорошо.

Магда кинула кость в костёр, который развела на опушке и долго шептала над огнём, давась от чёрного злого дыма. Это было очень плохое колдовство. Оно отбирало силы у людей, чьи объедки она украла. Вообще-то, ведьма хотела использовать эти кости иначе. Она планировала привязать к ним волосы Фатея и гадать, не собирается ли паршивец её предать. Но до того ли ей сейчас?

Подумав, ведьма достала из-за пазухи припрятанную прядь. Сжечь? Мальчишка умрёт. Она чувствовала, что сейчас, этой ночью она сможет его убить, просто спалив его волосы. Духи обступили её, дышали в затылок, в уши, перебирали распущенные косы, касались лица своими противными ледяными пальцами. Они остановят сердце Фатея раньше, чем погаснет

костёр.

Нет.

Она убрала прядь. Мало ли что. Мальчик может ещё пригодиться. Чем-то же он Вилю приглянулся. А духи... духи пусть подавятся. Хватит с них и этого колдовства. Конечно, много силы она не отберёт. Кость была уже старая... вонючая была кость... да и делать всё следовало не так. Самой приготовить, самой угощать... посуду тоже собрать стоило. Чего уж теперь. Она никого убивать не собирается.

Нет.

Всего лишь немного силы — для её колдовства. И немного уверенности, что они не найдут её по следу. Сегодня они пировали — завтра спишут на похмелье.

Всё было готово. Магда выпрямилась, провела рукой — костёр погас сам собой.

Никогда раньше у неё так не получалось.

Костёр умер. Отдав ей свои силы. Вместе с силами людей, которых она обманула и предала.

Плевать.

Они не умрут.

Это главное.

Она не станет их убивать.

Этих людей не будет рядом, когда она сойдёт с ума.

Магда вошла в лес. Вдохнула его тёмный воздух. Босым ногам было холодно. Скоро станет больно. Она давно не ходила без башмаков.

Неважно.

Духи рвались как собаки, которым показали след.

Духи чуяли колдуна.

Он был близко. Совсем рядом. День... ночь... следующий день... ещё одна ночь и ещё один день... три дня и к третьей ночи она выйдет туда, где он прячется. Духи поведут её напрямик. Человеку не выдержать такого, но это неважно. Главное — она будет одна. И она успеет. Монах говорил, что духи сожрут её, если не откупиться. Она и сама чувствовала, что это так. Но ведьма, отдавшая свою душу Освободителю, не покупается за деньги и не платит языческим духам. Всё будет так, как решила она. Колдуну не удастся убивать чужими руками. Когда она подойдёт к нему... когда она приблизится... ей даже не придётся с ним сражаться. Духи так долго ждали, когда смогут спросить с него свою плату. Они кинутся к нему как стая псов, загоняющих зверя. Они унесут его в свою языческую преисподнюю, и Магда будет свободна. Ведьма закрыла глаза, топнула, проверяя ещё холодную землю, вытянула перед собой руки.

Во имя полной луны — и луны рождающейся.

Во имя леса, что дал мне силу.

Во имя Освободителя, который дал мне проклятье.

Пропусти меня! Скрой мой путь от людей!

Будь мне отцом и матерью!

Ничего не изменилось, только вдруг подогнулись колени. Магда сжала зубы и заставила себя стоять ровно.

Нет.

Она не сдастся.

Слабость всегда приходила после удачного колдовства. Виль вечно на это ругался.

Враг с ним, с Вилем.

Не открывая глаз, ведьма бросилась бежать. Торжествующе завывали духи и ринулись следом за ней.

Напрямик через лес — туда, где скрывается колдун. Она выйдет туда к третьей ночи, не считая этой.

Выбежит.

Свора гнала зверя. Это был матёрый зверь, сильный и смелый, но охотники успели его ранить. Теперь ему оставалось одно — бежать. Он хрипел и задыхался, но не сдавался. Надо только добраться до реки и переплыть её — тогда след затеряется и свора отстанет. Надо только добраться до реки.

Свора не отставала. Она не отступится, не собьётся и не устанет. Свора несласть вперёд, запах зверя был для неё почти осязаемым. Они бежали день и ночь. Они бежали всегда. Не было ни вчера, ни завтра, ни впереди, ни позади. Был только бег и охота. Вечная охота. И зверь.

Магда бежала черед лес, по-прежнему не открывая глаз. Она видела перед собой совсем другое место. Старое. Страшное. В этом месте она не была ни ведьмой, ни женщиной, она даже не была человеком. Она была... чем-то... кем-то. Она чуяла след, оставленный жертвой. Надо было догнать. Настичь, окружить вместе со всеми, повалить и вцепиться зубами в живую плоть. Вампиры не понимают. Как можно ограничиваться одной кровью?... Магда... то, чем она была сейчас, жаждала мяса, жаждала сомкнуть челюсти, ломая кости у ещё дышащей добычи.

Запах становился сильнее, гуще, ближе...

Ведьма выбежала на опушку леса и в ней будто оборвали струны, прервав заглушающую мысли музыку. Магда упала на колени. Ноги были содраны в кровь, всё тело болело от усталости, одежда... и странно мучил чужой недобрый взгляд. Она оглянулась.

— Эй! — крикнула она. — Я тебя вижу! Выходи!

Никто не откликнулся. Духи сбежали, умчавшись вперёд по следу, но Магда дальше идти не могла. Лес, укрывавший её, заканчивался здесь. Надо было отдохнуть. Ведьма смутно помнила, как останавливалась, чтобы отпить зелье из фляги. Как с трудом проглатывала сташенное из лагеря вяленое мясо и куски хлеба. Как пила воду из родника, стоя на коленях и окунув в него лицо. Как бежала дальше, проваливаясь в зыбкую череду видений. Во рту был отвратительный привкус крови. Духи сбежали. Предупредили бы они ведьму об опасности? Она ведь не хозяйка им, она только должна привести их к хозяину. К хозяину, который стал теперь добычей. Магда с трудом поднялась на ноги. Они едва держали. Надо идти дальше. Духи ушли, но ведьма по-прежнему чувствовала, где колдун. Надо идти...

Что-то упало на голову и мир ведьмы затопила темнота.

* * *

Было темно и больно. Болела голова, болели ноги... болело всё. Мучила страшная

сухость во рту... слабость... Мокрая тряпка шлёпнулась на лоб, грубо и больно обтёрла лицо. Ведьма открыла глаза. Она лежала в своём шатре... как странно... неужели ей приснилась дорога через лес и...

— Чучело ты бестолковое, — раздался голос Виля. Ведьма облегчённо вздохнула. Если Виль ругается, значит, всё хорошо. — Гляди-ка, очнулась! Ну-ка...

Виль заставил её сесть и прижал к губам чашку. Там был какой-то отвар.

— Пей, бестолковщина, — приказал он.

Магда с трудом подняла руки и взяла чашку. Отвар был почти безвкусный, жиденький и легко глотался.

— Мне тебя на верёвке водить? — раздражённо спросил убийца. — Учудила ты — нечего сказать. Хоть бы думала своим умишком. Хоть бы посоветоваться догадалась.

— Почему?... — с трудом выговорила ведьма, не обращая внимания на его воркотню. — Как?... Как я здесь оказалась?

— Иргай привёз, — пояснил Виль. — Подстерёг, оглушил и приволок. Долго ли умеючи. Ты пей, пей.

— Но я...

— За спиной не следишь, — безжалостно пояснил убийца. — Привыкла, что тебя папаша Виль прикрывает. На колдовство своё, небось, понадеялась. И как, Маглейн? Далеко убежала? Одна-то...

Ведьма мучительно соображала.

— Это ты ему сказал! — осенило её. — Ты сказал, где меня искать!

— Вот умница! — обрадовался Виль. — Начала головой думать. Конечно, я. А ты чего хотела? Там от леса до крепости — ещё полдня тебе тащиться. А ползком — так и за неделю не добралась бы, сдохла б в канаве. На такое чучело и бродяга бы не польстился. До чего ты себя довела? Небось, ходить не сможешь. Ноги-то сбила, башмаки выкинула. Дура ты, Маглейн.

Ведьма закрыла глаза.

— Как же ты мне надоел...

— Ничего, Маглейн, ничего. Потерпишь.

— Что теперь? — устало спросила она.

— А что теперь может быть? — удивился Виль. — Я скажу Большеногой, что ты очнулась и вроде на людей не кидаешься. А то ж не знал даже, в уме ли ты проснёшься. Она тебя поглядит, скажет Увару, что дорогу ты выдержишь, и поедет. Тут недалеко. Его ребята крепость уже высмотрели, только тебя ждут.

— А если не выдержу? — спросила Магда.

— Тогда Овелаалуухи нас убьёт, — пожал плечами убийца. — Незаметно нам к нему не подобраться, чужака они в крепость не пустят, духи к нему сытые вернутся, довольные. Он же тебя с самого начала хотел им скормить. Вот и скормит.

— Не дождётся, — процедила ведьма.

— Да я тоже так подумал. Выпороть бы тебя за твои выходки, но недосуг. Взбредёт же бабам в голову!

— Тебе не понять, — отозвалась Магда. Отвар, который наверняка варила Врени, немного унял и жажду, и сухость во рту, а вот слабость от голода оставалась. К тому же по-прежнему болела голова. Иргай. Чем бы он её ни приложил, ясно, что наёмник не слишком сдерживался. Ну да, он ведь ненавидит ведьм.

— Не понять? — засмеялся убийца. — Где уж мне! А это у тебя откуда?

Он протянул ведьме полотняный мешочек, который она припрятала на дне сумки. Мешочек с чёрным порошком, который дал ей физантский монах.

— Ещё по чужим сумкам шарисься, — отозвалась она брезгливо.

— Кто бы говорил, — поморщился Виль. — Ты с твоим волчонком не постыдилась мои старые портки обшарить.

Волчонок — так он называл рыцаря Арне, которого ведьма когда-то превратила в оборотня, спасая от смертельной раны. От той же смертельной раны он и умер, когда пытался спасти Эрну от белой волшебницы. Умер через семь лет после ранения. И убил его Виль, которому рыцарские замашки Арне очень мешали. Чутьё оборотня помогло Арне найти все тайники Виля, спрятанные у Магды в доме. Потом это пригодилось ведьме: она смогла привезти деньги и инструменты попавшему в плен Вилю.

— Не отвлекайся, Маглеин, — толкнул её убийца. — Я и так знаю. Что тебе сказал физантский монах?

— Голова-то не жмёт, ум в неё вмещается? — скривилась Магда. — Монах сказал, что разговаривал с Овелаалуухи. Духи скоро сгрызут меня, если я не убью всех вас. Что мне ещё оставалось?

— Думать, — отозвался Виль. — Посоветоваться со старшим братом. Совсем ума лишилась. Незнамо кто невесть что сказал, и ты сразу же!..

— Тебе бы так! — разозлилась Магда. — Они только и ждали, чтобы на меня кинуться! Я схожу с ума. Постоянно шёпот, шёпот, шёпот... убей, убей, убей! Они трогают меня! Трогают своими пальцами! Ты представляешь себе, каково это — всё время чувствовать их дыхание?! Ты представляешь?!.

— Уймись, Маглеин. Разоралась тут. Так и скажи — струсила и дала дёру.

— Я не...

— Цыц. Пойду скажу Большеногой, чтобы тебя посмотрела.

— Виль! — позвала Магда, когда убийца уже вышел из шатра.

— Ась?

— Яд верни, — тихо сказала ведьма.

— И не подумаю. Глядишь, пригодится однажды.

— Виль!

— Будешь бухтеть, для тебя и пригодится, Маглеин, — посулил убийца.

Глава семнадцатая

Сражение

На этот раз «нет» сказал Увар.

— С ума сошёл, Паук? — возмутился он, когда Виль привёл его в шатёр Магды и сказал, что ведьму надо будет взять на штурм крепости. — Нечего ей там делать!

— Ты не гляди, что баба, — махнул рукой убийца. — Без Маглейн вам там не справиться. Там колдун знаешь какой? Ты таких не видел. Я таких раньше не видел, веришь, нет? Как нам повезло-то, что они с севера редко выползают. А Маглейн необязательно на стены лезть. Рядышком постоит. Я с ней побуду. Уж стрелы-то до неё точно не долетят.

— Нечего Бертильде делать в бою, — угрюмо повторил Увар. — С ней один Иргай справился, а ты говоришь, будто от неё толк будет.

— Ну ты сравнил — Иргай! У Иргая твоего от рождения голова с трещинкой. Кабы там такие иргай сидели, они б колдуна к себе не пустили бы. Не по пути им было б с колдуном.

— Нечего ей...

— Не сиди сложа руки, Маглейн, — перебил его Виль. — Давай, покажи брату, что умеешь. А то я тебя расхваливаю, расхваливаю, а ты сидишь, ручки сложила.

Ведьма вздохнула. Болело всё тело. Виль очень ругался и клялся, что Эрну — дайте только до неё добраться! — вырастит повыносливей, чем мамаша. Неохота было даже рукой двинуть, не то что колдовать.

— Ты не охай, Маглейн, ты делом займись, — подбодрил её убийца. Магда повела рукой. Ветер, привыкший к ней, прикормленный, послушный как верный пёс, подхватил шатёр, оборвал верёвки, связывающие полотно с опорой. Ведьма хлопнула в ладоши — и ветер сорвал все шатры в лагере. Они хороводом окружили лагерь, легко уворачиваясь от рук ругающихся наёмников.

— Довольно? — спросил Виль. Увар кивнул, не говоря ни слова. — Маглейн, прекрати это.

Легко сказать — «прекрати»! Ветер было проще призвать, чем успокоить. Магда с трудом подняла руки — проклятая слабость! — и повела рукой по голове. Кто-то — не иначе как Виль — постарался, выбирая из её волос мусор, который набился туда в лесу, и заплёл тугую косу. Не то делать было нечего, не то задумал чего. Магда вырвала волосок, другой... разжала пальцы... ветер унёс её подарок, закружился ещё сильнее... бросил шатры на землю и стих. Бросил каждый на его место.

— Видишь? — с гордостью спросил убийца, как будто сделанное было его заслугой. — И это она ещё не старалась. Всё с ней хорошо будет, Увар. Отрядишь кого-нибудь прикрыть Маглейн, если совсем плохо станет... Иргая того же и отрядишь. И всё хорошо будет. Может, вам крепость штурмовать-то не понадобится. Сама двери откроет.

Увар пристально посмотрел на Виля, потом покосился на Магду.

— Темнишь, Паук, — сказал он.

— Темню, — с готовностью согласился убийца. — Иргаю-то скажи, чтобы меня слушался, как до дела дойдёт. Хороший у тебя парнишка, ничего не скажешь, хороший.

Оберст скривился.

— Чуть Бертильду не убил. Почему ты сказал ему, чтобы он её оглушил? Сам, что ли, встретить не мог?

— А тебе кто меньше нужен — Маглеин или этот парнишка? Живой он бы её точно не притащил, если б она его увидеть успела. И я б не притащил. Разговаривать с ней не о чем было. А так — подумаешь, шишка на голове. Заживёт шишка-то. Вот возьмём крепость — и пройдут у нашей Маглеин все хвори да напасти. Если колдун дать дёру не догадается.

— Никуда он не денется, — с ненавистью прошипела ведьма. — Он здесь, рядом... он близко.

— Где он, Маглеин? — быстро спросил Виль.

— Рядом... крепость... тут везде горы... дорога... поворот... и обрыв... нет другого пути на юг...

— Я зна... — начал было Увар, но Виль предостерегающе шикнул.

— Он сидит... сидит во дворе... один... — продолжала ведьма, глядя перед собой враз ослепшими глазами. Её зрение перенеслось туда, в горную крепость, в которой прятался враг, — к нему никто не подходит... Он навёл мор на прежних защитников... и крепость сдалась... а теперь он её охраняет... раскинул мысли словно паук... не подойти... он... он...

Ведьма забилась в судорогах и Виль поспешно вывернул на неё котелок с холодной водой. Видать, приготовился.

— Дальше не вижу, — угрюмо сказала Магда, ладонями оттирая мокрое лицо. — Это неважно. Я должна подойти к нему — и духи всё сделают сами.

— Видал? — кивнул на неё убийца. — Куда вы без неё-то пойдёте?

— Видать-то видал, только ваш колдун наверняка и почище может, — хмуро произнёс Увар. — Вы ж говорите, он её учил.

— Он старый, — хрипло сказала Магда. — Он задолжал духам. Я слишком близко. Он не будет драться с вами, сначала он захочет убить меня.

Оберст поспешно осенил себя священным знаком.

— Болтунья ты, Маглеин, — проворчал Виль. — Теперь твой братец тебя к крепости не подпустит.

Ведьма встрепенулась.

— Я должна быть там!

— Во-во. Ты, Увар, не трясись над ней. Я видел Маглеин в деле. Справится она с этим колдуном, справится. Если не пустишь — она же с ума сойдёт и будет на людей бросаться. Её же скоро связывать по ночам придётся, эту вредную бабу.

— Я подумаю, — сказал оберст и ушёл отдавать приказы своему отряду.

— Дура ты, Маглеин, — глядя ему вслед, буркнул Виль. — Одно слово — ведьма. С вами свяжись, попробуй... умнее-то ничего не придумала, чем шатры срывать? Ставить назад, небось, не станешь.

— А ты не ставь, — отозвалась Магда. — Мы здесь ночевать не будем.

* * *

Когда наёмники уже собирались тронуться в путь, покинув княжий замок, в уже свёрнутый лагерь пришёл посланный из замка и очень вежливо попросил оставить «малышку, которая рассмешила всех на пиру». Племянница князя, мол, ею интересуется. Конечно, никто не собирается разлучать дитя с матерью... поэтому Даку и маленького Сагилла князь тоже приглашает остаться. Кроме них ещё монаха Юлди, которому господин

Рехор так благодарен за подаренные фигурки. Князь уверен, им есть что обсудить с монахом. И, конечно, никуда не надо ехать Ферко, ведь он не до конца ещё оправился от недавней раны. И мальчик. Он ведь брат Даки? Мальчик пусть тоже останется. Племянник князя охотно бы с ним побеседовал. Мальчики почти одного возраста и юному Либору интересно познакомиться с сыном далёкого воинственного племени.

Заложники.

Князь выбрал заложников.

И спорить бессмысленно.

Если они не вернутся... если они не возьмут крепость...

Князь также любезно предложил оставить обоз, чтобы наёмники могли двигаться налегке, поэтому им пришлось снимать часть груза с телег и грузить на вьючных лошадей. Сундуки и тюки с остатками взятого в дорогу добра, конечно, тоже оставили, зачем оно на штурме?... Так что в случае неудачи наёмников князь неплохо поживится.

Врени никто не приглашал остаться, кому она сдалась? Пришлось громоздиться в седло и ехать вместе с отрядом. Если предстоит драка, без цирюльницы не обойтись.

Когда дорога в обход леса изогнулась и впереди показалась стоящая над обрывом крепость, они отступили в сторону и разбили лагерь так, чтобы его было не видеть из смотровой башни. Иргай, злой до невозможности от того, что у него забрали жену и детей, поговорил с Медным Пауком и уехал. Вернулся только к ночи с перекинутой через седло ведьмой. Магда была без сознания и выглядела... как ведьма. Растрёпанная, в изодранной одежде, исцарапанная, с окровавленными ногами... ух, и ругался же Увар! А вот Паук не ругался. Лично затащил ведьму в свой шатёр, велел сварить что-нибудь «полезное» и оставить их в покое. Утром, мол, всё скажет.

* * *

Костров никто не жёг, только Врени разрешили развести маленький, для целебного отвара. Ужинали и завтракали вяленным мясом. Увар чего-то ждал. Чего ждал — стало ясно, когда цирюльница осмотрела Магду, перевязала её сбитые ноги, дала выпить укрепляющего питья от усталости и растёрла мышцы разогревающей мазью. Едва она закончила, как Паук притащил оберста в шатёр, выгнал Врени и мужчины принялись о чём-то спорить. Видать, спорили они о Магде, иначе зачем бы ведьма посрывала все шатры в лагере, а потом разбросала их по земле? Сразу после этого представления Увар занялся подготовкой штурма... Это было странно. Даже Врени понятно, что тут только и можно, что стоять у ворот и бессильно ругаться. Эта крепость, как и все прочие, которые они проезжали, закрывала дорогу начисто. Им даже близко подойти не дадут, не то что на стены влезть или таранить ворота. Осадить — нечего и думать. Перекроете вы одну сторону, так с другой и сами не подойдёте, и припасы подвозить не помешаете. Врени пожалела, что рядом нет Даки с её беспечным доверием к мужчинам отряда. Цирюльница за свою жизнь убедилась, что нет такой глупости, которую не сделали бы люди обоего пола, и пока не видела причин разубеждаться.

— Большеногая, останешься с Габором и Карско, — подошёл к ней Увар, — они посторожат вьючных коней. Если что...

Он махнул рукой. Врени кивнула. Не было для них никакого «если что». Если они не

возьмут крепость, князь-вампир сожрёт Даку. Увар, может быть, и наплевал бы на женщину, но в обход замка Рехора им домой всё равно не попасть.

— А Магда? — вдруг спохватилась цирюльница. Ведьма так сбила ноги, что ходить толком не могла, да и после удара по голове ещё не оправилась, сама в седло сесть не сможет.

— С нами пойдёт, — отозвался оберст и хмуро взглянул на Врени. Она опустила взгляд. Рехнулся Увар, что ли? — Там по колдовской части будет работа.

Цирюльница снова кивнула. Если так, то понятно. Паук-то всё их колдуном пугал, который в этих краях где-то затаился.

— Делом займись, — буркнул Увар. — Мало ли что после штурма потребуется.

* * *

— Куда ты её тащишь? — спросила Врени Медного Паука, который, спихнув названную сестру с постели, сворачивал их пожитки. — Она ж на ногах не держится.

— Куда надо, Большеухая, — издевательски отозвался убийца. — Ничего, пойти не сможет, ползком доберётся. Тут недалече.

Врени вдруг обратила внимание, что волосы ведьмы, вчера вечером растрёпанные, с утра уже были причёсаны и убраны в косу. Не сама же Магда их причесала. И мусор весь не сама же выбрала.

— Чего смотришь, Большеногая? — хмыкнул Паук.

— Ты, что ли, ей косу заплетал? — не удержалась цирюльница.

— Ну я, — пожал плечами убийца. — Думала, не умею?

Врени расхохоталась.

— Рассказать кому — не поверят.

— А ты не рассказывай — целее будешь, — ласково посоветовал Паук. В его голосе было столько жути, что Врени поспешила ретироваться.

* * *

— Зачем ты это сделал? — тихо спросила Магда. — Я же не Эрна и мне давно не шесть лет.

— Дура ты, Маглеин, — сплюнул убийца. — Свой инструмент в порядке надо держать.

Ведьма с трудом провела по волосам рукой. Пальцы противно дрожали. Ну да... ведьма колдует, распустив косы. Если её остричь, она потеряет свою силу, а ещё... Магда искоса взглянула на названного брата.

Он не знал, какой она проснётся.

Он хотел лишить её преимуществ.

Она слабо улыбнулась. Ведь не лень было. До последней травинки вычесал.

— Сама тоже не болтай, — пробурчал Виль.

— Кому я могу такое рассказывать? — устало сказала Магда.

— То-то же. Вставай, Маглеин, я тебя на закорках не потащу. Ножками пойдёшь, ножками.

— Я не дойду, — охнула ведьма, попытавшись опереться на ноги.

— Ай, какая неприятность, Маглеин! Кто бы мог подумать? Ты чем думала, когда босиком два дня гуляла? Я ж тебя без башмаков не видел никогда. Думала, так просто всё будет?

— Я не дойду, Виль, — с отчаянием произнесла Магда, усаживаясь обратно на землю.

— Дойдешь, — со злостью произнёс убийца. — И не думай...

Он не договорил, подметив приближающегося к ним Увара.

— В седле усидишь, Бертилейн? — ласково спросил оберст. Виль сплюнул и отвернулся.

— Я... — начала ведьма, но у неё перехватило дыхание. Она очень устала и ослабла. — Я постараюсь.

— Рядом поеду, — буркнул убийца. — Авось успею подхватить, если свалишься.

Увар подал сестре руку и помог подняться. Ведьма тяжело оперлась на зятя и с трудом сделала шаг. Ноги горели, будто она шла по углям. Оберст заботливо довёл Магду до лошадей и посадил в седло смирной каурой кобылы. Седло было дамское, один Заступник знает, где они его взяли в этой дикой стране и как выпросили. Не с собой же везли из самого Тафелона. Виль вскочил на гнедого мерина и подъехал ближе.

— Не падаешь, Маглеин? — спросил он. Ведьма помотала головой. Дурнота постепенно отступала.

Увар возьмёт её к крепости.

Колдун там. Колдун уже близко.

Скоро она сможет освободиться.

— Про Иргая-то не забудь, — сказал убийца Увару. Оберст кивнул.

— Вперёд не соваться, — жёстко сказал он. — Под руку не лезть. Глупостей не делать. Чуть что — уходите. Не до вас будет.

— Всё сделаем как ты скажешь, — заверил Виль. Увар скептически на него посмотрел, но ничего не сказал и ушёл отдавать последние распоряжения.

* * *

Магда ничего не понимала в крепостях и их штурмах. Она выросла в мирное время и никогда не была на войне. Единственный раз... единственный раз, когда она оказалась во взятой крепости... эту крепость взяли предательством. Врагам было достаточно показать защитникам наследницу барона, чтобы их пропустили внутрь. Тогда Магда чуть не погибла, потому что братья-заступники узнали в ней ведьму, проклятую, пособницу Врага. А их орден убивал еретиков и колдунов. Тогда Магда была внутри. Сейчас она снаружи. Она ничего не понимала в происходящем, пока на стену не выбрался вдруг...

— Опа, — приятно удивился Виль. — Гляди-ка, Маглеин, дружок твой показался.

На стене стоял и бранился на церковном языке физантский монах. Его звучный голос далеко разносился вокруг. Наёмники попятились. Им крики монаха казались проклятием.

— Жаль, Юлди у князя остался, — вздохнул убийца. — Что он говорит, может, тебе хоть духи подскажут?

Ведьма послушно потянулась мыслью куда-то за грань... есть грань между днём и ночью, между светом и тьмой, жизнью и смертью, явью и сном... Эта грань была другая,

но...

Духи откликнулись сразу. Они уселись рядом с ней на лошадь (та пугливо прядала ушами), обняли ведьму за плечи и...

— Будьте вы прокляты, — безжизненно произнесла Магда. — Еретики, вы попрали законы Заступника, вы осквернили замыслы Создателя, вы псы и падальщики, прислужники Врага, воры и убийцы...

Голос её прервался. Переводить за монахом было противно, в душе всё больше нарастал гнев. *Святоша!* Как он смеет?! Ведь это он дал ей яд, чтобы она отравила наёмников! Он врал ей насчёт колдуна! Он...

Духи радостно взвыли. Магда не видела ничего, кроме камня, на котором монах стоял, опираясь на зубец крепостной стены. Эти камни ничем не скреплены... достаточно только...

Монах выкрикнул особенно мерзкое ругательство, что-то о том, что во время церковной службы они придаются свальному греху с прокажёнными...

Магда вскинула руки, призывая ветер. Камень. Она никогда не пробовала говорить с камнями, ещё на расстоянии, но...

Кусок стены под монахом посыпался, он попытался ухватиться за зубец, но ветер безжалостно толкнул его в спину. Крепость была не так уж высока... но только падать тоже надо уметь. На расстоянии Магда не могла слышать, но всё же поймала тот звук, с которым хрустнули кости. Духи победно взвыли. Ведьма устало уронила руки и покачнулась в седле.

— Эй, Маглейн, не смей падать! — рассердился Виль и, подъехав ближе, придержал её за талию.

— Сейчас... — прошептала она. — Сейчас...

Сознание ведьмы раздвоилось.

Она сделала это сама.

Оборвала человеческую жизнь.

Днём, у всех на глазах.

Сама. Своими руками. Своим колдовством. Духи оставили её и пировали, раздирая душу монаха на куски. Никогда ему не войти в войско Заступника, которому он молился. Для него всё кончено. А духи...

Они вернулись к ней и обступили ведьму кольцом. Теперь ей подвластно всё. Теперь судьба, которую она выткала, будет её судьбой. Теперь...

Виль что-то говорил, но она не слышала.

Скоро. Совсем скоро. Ещё чуть-чуть...

Духи оглушительно взвыли.

Перед глазами Магды снова было то древнее страшное место и задыхался, тяжело поводя боками, настигнутый зверь. Он так и не успел пересечь реку.

— Скорее! — закричала ведьма. Она моргнула и увидела, как колдун, всё также одетый в отороченный мехом балахон, медленно поднял руки. Подул ветер и с небес заворчал пока ещё далёкий гром. — Скорее!

Откуда сорвалась стрела — она не видела. Только почувствовала, как что-то оборвалось, а потом...

Вкус мяса и крови был словно пища богов. Магда... то, что не было ни Магдой, ни женщиной, ни ведьмой, ни человеком, наслаждалась этим. Хрустом костей, воплем терзаемой души. Зверь умирал. Страшно. Медленно. Больно. Зверь умирал, отдавая свок

жизнь и душу достигнувшей его своре.

Духи догнали задолжавшего им колдуна.

— И что дальше? — спросил барон цур Фирмин. Увар стоял перед ним в баронском таблинни^[24] и мял в руках новую ярко-синюю шапку. По лицу барона было незаметно, что он ждёт встречи с любимой женщиной, которую не видел несколько лет и которая родила ему сына. Они находились в Фирмине, в замке Ордула, куда приехал сам Дюк Клос, сенешалк Тафелона Вир и неприметный с виду монах отец Сергиус, который был посланцем самого святейшего папы. Вместе с Клосом прибыла худая высокая женщина, чьего взгляда Увар откровенно побаивался. Госпожа Вейма, жена сенешалка Вира, с которой Дюк последнее время практически не расставался из-за её способностей к счёту. Когда Увар закончит рассказывать, именно от Веймы будет зависеть, сколько выплатят каждому из его отряда.

Её высочество Нора, жена Клоса, не приехала. Она осталась в Сеторе, где покровительствовала строительству первой в Тафелоне больницы для бедных. Деньги на неё дала церковь — из отобранного у ордена братьев-заступников.

В небольшом таблинни и так было тесно — из-за людей и огромных столов с картами, — но в углу то появлялся, а то как будто растворялся в тени невысокий хрупкий юноша, совсем мальчишка, который пришёл с отцом Сергиусом и которого роднили с Веймой худоба, бледность и странная внимательность взгляда. Этого Увару не представили. Он как будто видел когда-то такого парнишку, но где и когда — вспомнить не мог. Этот был одет как хларский рыцарь, а тот был... был... Увар не помнил.

— Дальше-то оттуда спросили, кто мы такие и чего нам надо. Я сказал, что нас послал князь Рехор, который желает назад свою крепость. Они сразу открыли ворота, гарнизон-то крепости освободили и сами вышли. Мы проверили — чисто всё. Отправили весточку Рехору. Они, видно, своему князю тоже сказали, так что этот второй князь, Имриц его зовут, скоро тоже приехал. О чём Рехор говорил с ними — не знаю, а потом и меня позвали. Так теперь дорога в Терну через горы будет в обход Итнии. Подальше немного, зато спокойно.

Отец Сергиус кивнул. Итния ещё недавно претендовала на земли к северу от Терны и успешно там хозяйничала, подбираясь к самым стенам вечного города и диктуя волю святейшему папе. Проложив путь в обход неё, через земли, прежде считавшиеся дикими и безлюдными, где живут разве разбойники да всякая нечисть... можно было изрядно напакостить Итнии.

— Корону Рехор мне в своём замке отдал, — продолжил Увар, — мы забрали своих людей и вернулись к оборотням, а от них через язычников в Пустошь. Брата Юлди еле увезли, что от Рехора, что от оборотней. Так им глянулся — отпускать не хотели.

Отец Сергиус снова кивнул и покосился в угол, где стоял его сливающийся с тенью спутник.

— Что скажешь, Вивьен? — спросил он.

Парнишка вышел на свет, бережно сжимая в руках дюкскую корону. Её обруч представлял собой стилизованную змею, обвивающуюся вокруг головы носителя. Голова змеи заменяла центральный зубец. Из хребта змеи шипами росли мелкие зубцы короны. Такого венца не было ни у одного правителя мира.

— Очень старая вещь, — облизнул алые губы юноша. Увар невольно попятился. Светлые глаза парнишки были слишком умные и порочные для его юного лица. — Очень

старая. Странно, что князь отдал вам её. Я бы не отдал.

Он засмеялся невесть чему и госпожа Вейма повторила его смех. Она не глядя протянула руку, Вивьен передал ей корону. Женщина тоже облизнулась.

— Да, — сказала она, вертя венец в тонких хрупких пальцах. — Очень старая. Её сделали ещё для самого первого Дюка, который завоевал эти земли.

Она поморщилась.

— Мастер был ювелир, бежавший из погубленной варварами Терны, — подхватил Вивьен, забирая корону и протягивая её отцу Сергиусу. — Ему отрубили руки, когда он закончил, чтобы он никогда больше не сделал подобного.

Госпожа Вейма снова поморщилась.

— Варвары, что с них взять, — пожал плечами Вивьян. — Но это подлинная корона Тафелона, отец.

— Мы нашли изображения короны в старых свитках, — добавила Вейма. — И спросите кого угодно — секрет этой чеканки утрачен вместе с Тернской империей. Подделать корону просто невозможно.

Дюк Клос размял свои широкие плечи. Рассуждения о невесть когда замученных ювелирах ему были неинтересны.

— Тогда пора думать о коронации, — сказал он.

— Мы вернёмся в Сетор и разошлём баронам^[25] приглашения, — сказал цур Фирмин. — Увар, ты можешь идти.

Оберст личной гвардии Дюка не тронулся с места.

— Что тебя смущает? — спросила госпожа Вейма, глядя на него своими чёрными глазами.

— Так а с княжнами что прикажете? — выпалил Увар на одном дыхании.

Вивьян покосился на него и вдруг расхохотался, ничуть не смущаясь присутствием знатных и уважаемых людей. Его никто не остановил.

— Какими княжнами? — медленно спросил Клос. Увар отлично знал, что этот тон Дюка предвещает приступ гнева.

— Так мы же говорили, что ваше высочество собирается братьев женить, — пояснил Увар, — чтобы людей про корону расспрашивать. Вот они с нами и отправились. Рехор племянницу отправил, сосед его, князь Имриц, дочку младшую. У магната, у которого мы гостили, был родственник, у того дочери на выданье, одну с нами отправили, и ещё две княжны в землях язычников.

— И их так просто отправили, без слуг, без сопровождения?! — ахнула Вейма.

Увар не выдержал и почесал в затылке.

— Да почему уж без слуг?... С каждой княжной две девки для услуг и ещё слуга для всякой работы. А сопровождение было. До Пустоши с нами доехали, а оттуда обратно свернули. Вы не сомневайтесь, с ними грамоты всякие прислали, да приданое. Сундуков столько — еле довели! Этот... волшебник... Лонгин всё записал, у кого сколько и чего, говорит, попозже доставит куда скажете. Хочет, мол, поупражняться в этой, как её. Логике... а, нет! В логистике. А чужаков не пропустил. Они и уехали.

Вейма застонала.

— Да вы не сомневайтесь, мы им всякий почёт оказывали, — спохватился Увар. — Они и не в обиде. Тепло сейчас, мы шатры раскинули шёлковые, подушек туда натаскали, еды достали поизысканней, питья там всякого. Лонгин к ним девиц своих приставил, волшебниц.

Такого сопровождения ни у кого больше и нету даже. В белом все, сияют, чудеса показывают. Всё честь по чести. Рехор-то, я думаю, ждёт, что его племянницу за вашего старшего брата отдадут. Он же графом станет. А остальным вроде как всё равно.

— Рехор? — переспросил напряжённо соображающий Клос. — Вампир. Прислал свою племянницу, чтобы я с ней породнился? Чтобы я взял в невестки вампира?!

Он покосился на Вейму и осёкся.

— Так она не вампир, ваше высочество, — заверил его Увар. — С ней и Бертильда говорила, когда очнулась, и брат Юлди про Заступника рассказывал. Она человек. Девка-то... княжна то есть, красавица. Вроде как только рада из дому-то уехать. Рехор с ней и племянника прислал, наследника своего. Тоже человека. Сказал, пусть мальчик в чужих краях уму-разуму наберётся.

— Прекрасно, — процедил Клос. — А потом мохнатые... как ты их назвал?... магнаты тоже прислали невесту. Чтобы у меня в роду были ещё и оборотни.

— У тебя в роду были оборотни, — холодно произнесла Вейма, косясь на мужа, — пока не умер твой старший брат Арне.

Клос отмахнулся.

— Мы им на это намекнули, — отозвался Увар. — Не по нашему, сказали, обычаю, если жена хвост отрачивает. Они говорят, родственница-то она дальняя. У них на земле и люди-магнаты есть, мало их только. Оборачивается она плохо и дальше звериную кровь не передаст.

— И на том спасибо, — пробормотал Клос. — Удружил ты мне, Увар! Удружил!

— Так ведь надо же было договариваться! — запротестовал наёмник. — Я им про дорогу, про выгоды, они слушают, да всё как-то не верят. Чужие мы для них, с чего им нам поверить? А как только я намекнул, что братьям вашего высочества невесты нужны, сразу повеселели!

— Я посмотрю на них, — предложила госпожа Вейма. — И на слуг их посмотрю. Вдур шпионы? Может, и нам к ним невест отправить, твоё высочество? У графа цур Абеларина, помню, внучки на выданье.

Клос успокоился и развеселился. Графа цур Абеларина он, как и все, сидящие в этой комнате, не любил.

— А где Медный Паук? — спросил молчащий до того Вир.

— Сбежал, — пожал плечами Увар. — Дождался прощального пира у Рехора и исчез. Только его и видели. Кому он был нужен?

Вивьен перехватил взгляд отца Сергиуса, кивнул и опять облизнулся.

— Ты расскажешь мне ещё раз о своём путешествии, оберст гвардии? — вкрадчиво спросил он. — Надо нанести на карту земли, которые ты посетил.

Увар покосился на госпожу Вейму. Она еле заметно покачала головой. Рыцарь Вивьен не зря был похож на неё бледностью и повадками, он был из тех тварей, которые пьют человеческую кровь и читают мысли, таящиеся в душе человека. Говорил же Паук: нельзя, чтобы вампиры в Тафелоне проведали, как себя в других странах кровососы поставили!

— Я сама нанесу новые земли на карту, — пообещала Вивьену Вейма. — Тебе ни к чему беспокоиться.

Вивьен фыркнул, изящно поклонился и... исчез.

— Не беспокойтесь, — заверил отец Сергиус, — он со мной и никому не причинит вреда. Я полагаю, надо организовать приём для невест, если братья его высочества

согласятся на них жениться. Будет удобно обвенчать все пары в Сеторе после коронации. А после отправить в те земли послов и миссионеров. Я правильно понимаю, что Дарилика лежит за землями оборотней-магнатов?

— Если южнее взять, то да, — пояснил Увар, а если по северу пройти, то там язычники какие-то живут, магнаты на них набеги устраивают.

— Значит, до Дарилика нас пропустят, — заключил отец Сергиус. — А там мы уже сможем поторговаться.

Он поклонился присутствующим и покинул таблиний, за ним вышел Вир и Вейма, и Увар остался наедине с бароном цур Фирмином.

— Что она говорит? — спросил барон, глядя прямо перед собой. Увар замялся.

— Ничего не говорит, ваша милость, — ответил он. — Только вот когда сюда приехали, а вас не оказалось, разрыдалась. С тех пор так ни слова и не сказала, даже когда Серый... господин Вир привёз мальчишку... Львёнка... сына её, одним словом.

— Где она?

— В лесу осталась, — с досадой ответил Увар. Ему не понравилось, что обожаемая сестра его жены в самом деле поселилась в лесной хижине и не собирается вести себя как полагается дочери рыцаря и сестре такого важного человека как оберст дюксой гвардии.

— Хорошо, иди.

Увар шагнул к двери, но барон остановил его, стянул с пальца тяжёлый изумрудный перстень и протянул наёмнику:

— Я тебя не забуду, — пообещал цур Фирмин.

История вторая

Девчонка

Во всём была виновата проклятая девчонка. Какой бес её сюда притащил только?... если бы не она — Жуга мог бы поклясться! — всё было бы хорошо. Всё было бы по-другому. Ведьма она, не иначе, и не из тех знахарок, которых в любом селище найдёшь, а из колдуний, которые по оврагам прячутся да на добрых людей порчу наводят.

Жуга никогда не знал хорошей-то жизни. Маманя у него из семьи не шибко богатой была, а главное — людьми бедной. Поэтому и повадился тятка сперва поколачивать, а после и бить жену смертным боем. А что? Родичей нет — заступиться некому. Так бы и вовсе заколотил, а с ней и сына, щуплого от вечного страха и недоедания мальчишку, да только вернулся из княжьей дружины материн дядька ^[26], седой косматый Мантю́р. Был дядька у князя Галлаю́та конезнатцем в дружине, да только рассорился с кем-то да и ушёл, пока кости целы. Только того и унёс Мантю́р с княжьей службы, что заплаты да шрамы. Но, какой ни на есть, а всё ж — родич. Заступился за свою кровь, тятке голову проломил да и ушёл, забрав племянницу с сыном в своё селище. Да только кому там нужен конезнатец? Кто через болота верхом скакать-то будет? Самым бедным человеком стал дядька Мантю́р, а с ним и Альгер, его племянница, и маленький Жуга так и не ел досыта.

А потом пришли люди из закатной стороны, откуда прежде только оборотни набегали, добро отнимали, девушек к себе уводили. Думал Жуга — оборотни на краю света живут, но нет, за ними тоже люди обнаружились. Заключение договор с князьями и принялись дороги прокладывать. Ровно им ворожил кто — всегда знали, где топи обойти, где высушить, где коней кормить, где воду хорошую брать. В селище дядькином тогда спор возник. Одни кричали — нечего с чужаками знаться. Из-за оборотней явились, сами, небось, оборотни, а то и вовсе нелюди, злобные духи. А другие говорили — новые люди, новое знание, новое богатство, надо поближе подойти, поучиться. Так ни к чему и не пришли. Старики ушли подальше в болота, из молодёжи увели, кто потише, а кто покрепче да побойчее — к дороге вышел. Так и сложилось новое поселение. Не только местные, но и пришлые, бывает, оставались тут, возле гостевого двора, который поставил один из пришлых, чтобы проезжающие могли поесть-поспать под крышей. Хозяин двора был человек страшный. Сильный, плечистый, неповоротливый, а потом глянешь, половчее другого стройного юнош будет. Откуда взялся — никто не знал. Звали его чужим именем Цендеребен, а кое-кто из пришлых Кабаном его кликал на своём языке. Жуга-то быстро выучил этот язык. Как не выучишь, когда то и дело слышишь? Дядька-то его со смелыми был, сразу бросил родное селище и с племянницей да с Жугой к гостевому двору перебрался. Там-то конезнатцу сразу обрадовались. И вот жить бы теперь и всё б хорошо было. Жуга ел вволю, досыта, одежду ему новую дали, дядька в ученики принял. Правда, не лежала у Жуги душа к коням-то, но тут уж что поделаешь. Небось привык бы, приспособился. Только вот девчонка.

Сперва-то Жуга на неё и не смотрел даже. Вот ещё. Через гостевой-то двор сколько всяких людей проходит, каждого и не упомнишь. А она зачастила. То на день-два останется, то на пять, на десять, а то целыми месяцами жить принялась. Цен... Ценде... тьфу, язык сломаешь! Кабан говорил — дочка, мол. Все кивали. Видно же, не его кровь, но кому какое дело? В их краях с родством просто было. Все то и дело детей от голода из селища в селище

отправляли. Где накормят, где научат чему полезному. Привыкли — если ребёнок в чьём доме живёт, хозяйина тяткой зовёт, жену его — маманей. А что не они его родили, так не кровные же. Это пусть князья родством считаются, у них, дядька рассказывал, для брата отца одно слово, для брата матери другое. И понятно, один князю соперник, другой помощник верный и друг. Но это дела княжьи, куда Жуге-то до них? Дочка и дочка. В доме Кабана жила, его хлеб ела, помогала опять же и на кухне и когда вечерами люди поесть собирались. Кто не семейный, они у Кабана ели, если никто по дороге не являлся. Жуга как-то для смеха с ней столкнулся, когда она пустые горшки несла. Думал — выронит горшки-то, вот умора будет! А она как-то ловко так увернулась да взгляд на Жугу подняла. Ух, он и вздрогнул! В их-то краях у всех глаза тёмные, крапчатые, а у этой — как небо пасмурное или озеро в дождь. Так и утонешь в них. Посмотрела, а у Жуги руки-ноги отнялись. Отца не боялся, когда тот, выпивши, за палку брался. А тут — струсил. А она посмотрела, хмыкнула, да и пошла себе. Жуга её потом за косу дёрнул, чтобы не воображала. И тоже заметил. У всех волосы либо тёмные либо русые, а то, бывает, как трава жухлая. А у этой — светлые да цвета какого-то холодного нелюдского. Как есть, ведьма из лесной чащи.

А потом случилось то, что случилось. Дядька Жуге-то поручил коня почистить. И конь был смирный, и работа привычная. Да только едва Жуга начал, конь как взбесился. Куда мальчишке с ним сладить! Жуга уж думал — прибьёт его конь копытами-то или загрызёт, а тут девчонка проклятая, вынырнула откуда-то, коня по морде погладила — и как только дотянулась?... — по гриве рукой провела — он и успокоился. Дядька прибежал, Жуге уздечкой погрозил, а девчонку принялся нахваливать. Рука, мол, у неё хорошая, а чего ещё умеет, пусть покажет.

Девчонка и показала! И почистила, и копыта осмотрела, конь ей сам ноги подавал, и гриву с хвостом расчесала, в косы заплела и даже заговоренные бусины как надо подвесила. То-то смеху было! Над Жугой всё селище хохотало. И местные, и пришлые и даже тот кривоногий старик из полуденной страны, где нет деревьев — этот громче всех заливался. Сказали — если девчонка лучше тебя умеет, меняйся-ка ты с ней работой! Будешь горшки мыть да плоски, еду разносить, а она вместо тебя за конями ходить станет. Жуга спорить пытался — куда там! Маманя просила, да дядька сказал, уж два года Жуга за конями ходит, а толку всё меньше, чем от этой девочки. Аталеле её звали. А она глазки-то потупила, вроде как скромничает, а сама в руках что-то вертит. Потом отбросила, Жуга место заметил, всё обыскал, перещупал — нашёл! Колючка там была, вот что! Небось, подсунула коню, а потом вынула. А то и заговорила её сначала. Да кто ж Жуге теперь поверит? Скажут — свою оплошку на девчонку свалить хочет.

* * *

Жить стало худо. Кабан девчонку-то жалел, когда она ему помогала, а Жугу гонять принялся. То подай, то принеси, это сделай, да поживее, да поторапливайся, да всё с колотушками. Ещё бы! Кто ж за него заступится? Маманя? Или дядька, который в девчонке души не чаёт да каждый день нахваливает? Жуга даже думал, может, к тятке вернуться, но потом струсил. Кто ж его проводить одного согласится? Умнее надо быть. Или уйти с большим обозом или глаза всем на девчонку открыть проклятушую. Так и стал присматриваться. Она то и дело к Кабану забегала, на Жугу и не смотрела. За косу он её

дёргать теперь остерегался. А ну как пожалуется? Кабан его вовсе заколотит.

А потом пришли люди из закатной стороны, не двое, не трое, а целое селище, да все на конях, да с телегами. Всё больше воины, но и женщины с ними и даже детишки мелкие. Только стариков старых нету. Жуга аж испугался, куда Кабан их всех поселит? А они отошли в сторону, в поле дома из тряпок да кожи да шкур поставили и ничего. Все поселились. Ух, и строго там было! Жуга только хотел поближе подобраться, интересно же! — так его какой-то злой человек в странной шапке высмотрел и велел убираться, покуда цел, мол. Говорили они между собой на языке закатной страны, а кто-то и вовсе непонятно. Похоже на то как кривоногий старик ругается, но не то всё же.

Главный-то их за всем проследил, присмотрел, а потом к Кабану пошёл. Странные они. Жуга-то думал, главный в дружине — самый сильный, самый высокий, самый красивый, одет лучше всех и непременно с серебряной гривной^[27] на шее. Краше него только князь! А тут — невысокий неказистый дядька, рожа рябая, брови белёсые, ни роста, ни стати, ни красоты, ни нарядов. Но все его слушались, видать, чем другим взял. Жуге-то любопытно, какие дела у пришлого с Кабаном. Место у них не сказать чтобы тихое, на дороге стоят. Своей дружины нет, только несколько человек, которых Кабан кормит да поит, да одевает. До города, где князь стоит, через лес ехать день, два, а, может, и больше. Налетят враги, так пожечь успеют всё селище, покуда до князя гонец дойдёт. Раньше-то так и было. То оборотни с заката наскакивали, то нагабары^[28] с полуночи приходили, разоряли селища, уводили пленников. А то и вовсе князь с кем поссорится, чужой князь придёт — хуже оборотня лютует!

А теперь — спокойно. Как уж оборотней да нагабаров утихомирили — кто их знает, а только больше они тут не промышляли. И вот теперь — целое конное селище. Жуга, когда его от поля-то отогнали, отбежал, затаился, но вовсе-то не ушёл, пока их главный к Кабану не затопал.

* * *

— Ну, здравствуй, Кабан, — усмехнулся Увар, переступив порог придорожного кабака. Днём здесь было пусто: жители собирались только к вечеру, а других гостей, кроме отряда Увара, в придорожном селении не было. Хозяин медленно повернулся, он всегда двигался медленно, смерил гостя взглядом.

— С чем пожаловал, Увар? — отозвался он степенно. — Никак от Серого весточку принёс?

— Серый жив, здоров и о тебе не вспоминает, — покачал головой наёмник и сел за стол. — Что ж так неласково встречаешь, а, Кабан?

— Где этот проклятый мальчишка?... — заозирался Кабан. — Жуга! Поди сюда, негодник!

Мальчик неохотно вышел из-за бочонка, возле которого он было присел, чтобы незаметно разглядеть странного гостя. Привычно увернулся от зуботычины и молча уставился на кабатчика.

— У, отродье! — замахнулся на него Кабан. — Чего пялишься? Поди на кухню, тащи мяса для гостя, тащи хлеба, похлёбку тащи, мёду! Поворачивайся!

Жуга убежал, радуясь уже тому, что хозяин не стал его бить.

— Так с чем пожаловал-то, Увар? — не отставал от наёмника бывший «верхний» убийца^[29].

— В степи еду, — пожал плечами наёмник. — Дело есть.

— Серый... — заговорил Кабан.

— Серый тут не при чём. Насилу отпустил. И его высочество, чтоб ему хорошо спалось, тоже. Своё дело есть.

— Коли своё дело, так молчу. Жену-то в Тафелоне оставил?

— Зачем в Тафелоне? С собой взял.

— Надолго, видать, едешь?

— Насколько ни еду, всё при мне будет.

— У нас-то долго отдыхать будешь?

— А что мне отдыхать? Не устали ещё. День, два, побудем — и в путь. Ты б ко мне человека своего прислал, был у тебя хороший мастер коней на ноги ставить.

— Пришлю, — кивнул Кабан.

— Добро.

Увар оглянулся, но мальчишка ещё срезал мясо с поджаренного над очагом окорока на кухне.

— Кого на востоке знаешь? — тихо спросил наёмник.

— А тебе кто нужен? — хмыкнул кабатчик.

— Кто живой товар поставляет.

Кабан поднял брови.

— Зачем тебе?

— Я же не спрашиваю, откуда ты вино берёшь, которое мне сейчас из припрятанной бочки нацедишь, — ухмыльнулся наёмник. — И кому твои люди пушнину сбывают, не интересуюсь.

Кабан ухмыльнулся. В селении жили люди, промышлявшие одной охотой, все они сносили свою добычу в кабак, а уж потом хозяин знал, кого и к кому отправить, чтобы продать не нищим, сидящим по своим углам, князьям на востоке, а на запад, в Тафелон, где даже жалкая белка ценилась как будто у неё шкурка была серебряная. Охотиться на пушного зверя князья не возбраняли, а вот продавать товар, не предложив сперва господину — за такое могли и руку отсечь. Что до вина, то его и вовсе присылали даром — кое-какие люди, которые не хотели, чтобы Танцующий Кабан начал языком трепать.

— Живым товаром много кто торгует, — проговорил кабатчик. — Кто добывает, кто скупает, кто рабов своих продаёт. Всех и не упомнишь...

— А ты упомни, — посоветовал наёмник. — Кто из них постоянный двор уже десять лет как держит, а, может, и раньше держал. Там, за язычниками, где люди Заступника признают. В Дариліке^[30], как её там...

Кабатчик сделал непристойный жест, выражая своё отношение к Заступнику.

— У меня так далеко интереса нет. Мало ли кто в той глуши спрятался. Дойдешь, так сам по кабакам поспрашивай.

— Поспрашиваю, — кивнул Увар. — А пока спрашиваю тебя.

— Жуга! Ты там уснул, негодник?! Живо тащи всё сюда, да поживее! А потом быстро к дядьке своему беги, скажи, тут его гость дожидается! Быстро, пока я тебя не прибил!

Мальчишка притащил еду и выскочил за дверь кабака.

Жуга не сразу побежал за дядькой. Вот ещё! Он огляделся по сторонам. Никого не было, мужчины или в поле или в лесу, не до кабака ещё. Мальчишка прижался к двери, надеясь подслушать ещё что-нибудь интересное.

— Твой парнишка? — спросил на закатном языке главарь пришлых. Кабан хрюкнул.

— У меня б порасторопней был да поумнее. Племянник это моего конезнатца.

— Что ж он мальчишку не учит? — удивился чужак. Жуга нахмурился и стиснул кулаки.

Сейчас Кабан ему расскажет...

Но тот промолчал.

— К слову, а девку куда дел? — спросил чужак, не дождавшись ответа.

— Какую девку, Увар? — удивился Кабан. Увар засмеялся.

— Полно хитрить, Кабан. А то я не знаю, что Паук у тебя ученицу поселил.

Кабан что-то сквозь зубы ответил, Жуга не разобрал.

— Прячешь, никак? — хмыкнул Увар.

Тут Жуга услышал, как кто-то в доме сделал шаг к двери, и опрометью бросился прочь. Вот так штука! Этот, главарь-то воинов, он ищет того, кто людьми торгует! Брр! И далеко отсюда! И девчонку ещё! Может, он за ней и пришёл? Продать решил! Увезти и продать! Кабан, конечно, спрячет девчонку-то. Ничего у него не выйдет!

— Дедушка! — поклонился он, добежав до маманиного дядьки. Лошадей держали в другой стороне от кабака, не там, где встали пришлые, вот тут новостей-то и не знали. Дядька как раз у коновязи чистил своего любимого серого жеребца. Тот фыркал и смешно поводил ушами. Ближе Жуга подходить не стал, знал уже, какие эти твари злобные и быстрые, если что не по ним. Девчонка-то ворожит, небось! Видел он, как она лошадям в глаза смотрит! А Жуга так не умеет! Он простой человек, не колдун какой-нибудь болотный!

— Чего тебе? — неприветливо спросил дядька.

— Там люди! Чужие! Много! С оружием! С лошадьми! С домами из шкур и тряпок! Главный их в кабаке! Тебя зовёт!

— Зовёт, значит, — кивнул дядька, огладив бороду. — Значит, приду. Аталеле! Дочка! Закончи за меня!

Девчонка выскочила из хижины, где дядька держал разные снадобья, зыркнула своими серыми глазищами на Жугу и взяла у конезнатца щётку. Жуга ждал, переминаясь с ноги на ногу. Если дядька велит бежать, сказать, чтобы ждали, ничего не выйдет. А если нет? Дядька ничего не сказал, повернулся да и пошёл сам. Жуга остался один на один с девчонкой и здоровенным жеребцом. Ему стало неудобно.

— Что смотришь? — бросила девчонка, отвернувшись к коню. — Дыру протрёшь.

Жуга уже открыл рот, чтобы ответить... и замолчал. Дурак он. Как есть дурак! Зачем девчонке говорить-то? Ничего говорить не надо. И ждать не надо! Он хитрей сделает!

Он повернулся и припустил к гостевому дому — другой дорогой, чем пошёл Мантюр. Надо спешить и прибежать быстрее дядьки, тогда он всё сделает как надо.

В гостевом доме чужак Кабан, конечно, погнал Жугу на кухню. Ничего, он и это перетерпит. Увар увезёт девчонку! Дядька снова будет его учить! Жуга справится, он понятливый! Не колдун, как девчонка, не в болоте его маманя нашла, а так-то понятливый! Жуга выждал время, когда Кабан отвлечётся, и ужом скользнул к чужаку.

— Дяденька, — шепнул он, стоя так, чтобы его нельзя было из-за чужака разглядеть. —

Ты девчонку искал, здесь девчонка. Кабан её у Мантюра прячет. Хочешь — покажу, где.

— А тебе зачем? — нахмурился Увар.

— Ты же искал, — растерялся Жуга.

— Я искал, — согласился чужак. — А тебе зачем?

Мальчишка испугался. Что же Увар такой недоверчивый! А если он Кабану расскажет?!

— Ты гость, — нашёлся Жуга с ответом. — Гостю всё лучшее. И мёд, и мясо, и хлеб.

— И девок? — хмыкнул чужак. — Ладно, веди, показывай.

Жуга выскользнул во двор, покуда Кабан его не хватился, и там ждал Увара, приплясывая от нетерпения. Он хотел кинуться в сторону конского выгона, но чужак схватил его за плечо.

— Не спеши, — строго сказал он. — Если обманываешь, убью.

— Дяденька! — взмолился мальчишка. — Я ж помочь хотел!

— Помогай, — согласился Увар. — Веди, показывай.

Жуга снова пошёл другим путём, чем дядька. Если они встретятся, всё пропадёт, но Мантюр ходил всегда одной и той же дорогой, а Жуга тут все тропинки излазил.

* * *

Проклятая девчонка была всё ещё там, где Жуга её оставил, и заплетала в косу хвост серого жеребца. Грива уже была заплетена и украшена. Жуга по-прежнему не рискнул подходить. При виде девчонки Увар его выпустил и сейчас мальчик поспешно отступал в лес. Связываться с эдаким «гостем» вовсе не хотелось! Обманешь такого, как же!

— Ну, здравствуй, Эрлейн, — позвал Увар девчонку каким-то чужим непонятным именем.

Она оглянулась, ахнула, выронила гребень.

— Дядюшка Увар! — просияла она и бросилась в объятия чужака. Тот схватил девчонку и закружил в объятьях. — Дядюшка Увар! Как я рада! А ты надолго к нам? А маму ты видел? Как она? Как Львёнок? Как Гертелейн? Ты видел их? А тётушка Агнета? Анико? Бертилейн? А Вирелейн? А...

Жуга никогда не видел, чтобы проклятая девчонка так светилась и тараторила. Он едва разобрал закатную речь и непонятные чужие имена. Лейн, лейн, лейн... зачем ей этот Лейн^[321] нужен?... Непохоже, чтобы этот Увар хотел продать ведьму. Вон, как обнимает. Или прикидывается?

— Матушка твоя тебе передаёт привет, — отозвался Увар, ласково улыбаясь девчонке. — У неё и твоих братьев всё хорошо. Бертилейн осталась в Тафелоне, Ирохухайт^[322] взяла её в свою свиту. А тётушку Агнету я взял с собой. Анико уже давно моём в отряде, Вирелейн в этом году поехал с нами.

Девчонка снова ахнула от восторга и схватила Увара за руки.

— Дядюшка, миленький, можно мне к вам?

Дальше Жуга слушать не стал. По-взрослому сплюнул себе под ноги. Ну их к бесам в болото! Он-то думал... дядюшки, тётушки, тьфу!

Он отошёл уже далеко, когда проклятая девчонка спросила:

— А как ты меня нашёл?..

Мальчишка подумал и припустил быстрее. Чтобы он ещё раз с ведьмой связался!

* * *

Так ничего у Жуги и не вышло. Проклятая девчонка ушла к чужакам и плясала с ними до утра под странные песни, то протяжные, то быстрые. А Жугу Кабан заставил на тележке возить мёд и привезённое откуда-то из закатных стран вино — и не один раз, а туда-сюда пришлось ходить и ходить, а тележка тяжёлая. Ну и здоровы чужаки пить! Под утро уже его поймала страшная уродливая баба, сказала что-то непонятное, мол, мальчонку заездили, напоила чем-то горьким (попробуй откажись!) и уложила спать в круглом доме из шкур. Он спорить-то побоялся, но решил — убежит! Как бы не так! Все они тут ведьмы, он и не понял, как уснул, проснулся — уже рассвело давно, Кабан ему потом всыпал, что ночью не вернулся и что тележку попортил, пока возил.

А девчонка так и осталась у них. Никуда Увар её не повёз. «Дядюшка!» Тьфу на них!

* * *

А потом стали пропадать яйца из курятника. И только по ночам. Днём яйца есть, а утренних — нету. И насиживать курам нечего стало — всё начисто вор отбирает. Жугу Кабан утром пошлёт — собери. Жуга приходит — а под курицами и нет ничего. Куда пропало?... Кабан, конечно, и тут Жуге всыпал. Сам, мол, украл. Жуга отпирался, но куда там! И то верно — хорёк там или лиса одни яйца бы не утащили. Да и крысы. Хоть цыплёнка-то бы заели. И куры бы волновались, петух бы кричал. А тут... всё тихо! Собака — злющая, похожая на рыжего волка, которая вечно норовила Жугу цапнуть за голую пятку, — и та не гавкала! Колдовство, не иначе! Но Кабан взъелся на Жугу. А куда тому деваться? Бежать-то некуда, кто его одного примет? К тятке, что ли, вернуться? Так забьёт его тятка-то. А тут Кабан жизни не даст.

Жуга решил выследить вора. Спрятался ночью, выскользнул, прокрался в курятник. Ночь была тёплая, летняя, даже жарко, так что дверь он открыл, чтоб не во все темно-то было. Не огонь же зажигать, тут соломы полно, сторит вместе с курами. Ничего, никуда вор не денется, устережётся. А ежели побоится в открытую-то дверь соваться, так и того лучше будет. Жуга притаился в углу и принялся щипать себя, чтоб не сморил сон-то. Колотилось сердце. Вор не шёл. Помогло, помогло! Вот рассветёт, Жуга яйца соберёт и Кабану отдаст. И тот поймёт, что Жуга-то не вор! Был бы вором, так ведь раньше б отдал. Кому охота колотушки-то терпеть?

Жуга ждал, ждал... уже почти рассвело, летом-то быстро светает. А потом — услышал. И не от двери вовсе, а откуда-то сверху, с той стороны, где курятник примыкал стеной к дому. Шорох. У мальчика заколотилось сердце. Из дома лезет. Кто ж это? Кабан, что ли, сам своих куриц обкрадывает? Да где ж ему на крышу-то влезть, он вон какой большой да тяжёлый. Вор открыл щель в соломенной крыше и ужом проскользнул в курятник. *Проскользнула.* Так Жуга и знал! Девчонка проклятушая! Вот змея! Ведьма! Гадюка! Она нарочно! Назло ему! Чтобы его Кабан колотил!

Будь там кто незнакомый, Жуга бы поступил, как собирался: поднял бы крик, собирая

людей. А тут... девчонка. Он и замешкался. А девчонка заметила открытую дверь, огляделась, прислушалась и быстро высмотрела Жугу в его углу.

— Оплошала я, — усмехнулась Аталеле, кивая на тусклый предутренний свет, льющийся из двери. — С крыши незаметно.

Она подошла ближе и Жуга шарахнулся в сторону. Её спокойная наглость пугала. Она же воровка! Она должна бояться! Почему она не боится?!

— Молодец, — продолжала девчонка. — Выследил. Подерёмся?

— Зачем мне с тобой драться? — буркнул Жуга. Вот привязалась! Откажешься — на смех подымет, согласишься — стыда не оберёшься. С девчонкой связался!

— Как же? — непонятно засмеялась Аталеле. — Ты же защитник. Вот и защищай. А то зачем сторожил?

— Я людей позову, — пригрозил Жуга, пробираясь по стенке к двери. — Пусть они тебя поколотят.

— Меня? — гаденько улыбнулась проклятая девчонка. — Ты же сам меня сюда позвал, один сторожить побоялся...

— Неправда!

— А под утро надулся и решил на меня всё свалить, — безжалостно закончила девчонка. — Зови людей-то, рассудят нас.

— Гадина ты! — в лицо ей выкрикнул Жуга, но ведьма только расхохоталась. — Зачем тебе воровать яйца, тебя Кабан досыта кормит, вон, какая ты белая, круглая стала.

— Ах ты бедненький! — ухмылялась девчонка. — Тебя-то колотушками Кабан кормит, а? Так тебе и надо, болван трусливый.

— Кто трусливый, я?!

Они всё-таки подрались. И Жуге, конечно, потом всыпали, будто мало, что его девчонка отлупила. И ведь никто не спросил, что она там делала, ночью-то. Но яйца воровать бросила и на том спасибо.

* * *

А потом приехал тот страшный чёрный человек. Бледный, щёки впалые, весь в чёрном, глаза светлые. Недобрые, как у проклятущей девчонки. Явился, в дом зашёл, не поклонился, сел за стол да покатыл по нему кругляш серебра, такие прищые за товар отдавали да за вино и ночлег. Вроде мирно зашёл, а видно — страшный человек. Кабан сразу подскочил, а прищый шепнул что-то странное. Про свободу что-то. И Кабан тоже про свободу ответил. И братьями назвались. Побратимы, небось, видно же, не одной они крови. Жугу, конечно, за едой услали на кухню. Но он и оттуда их разговор слышал.

— Какой ветер тебя сюда занёс, Лонгин? — подозрительно спросил Кабан.

— Попутный, Кабан, попутный, — усмехнулся чёрный гость. — Есть одно дельце...

— На востоке, — ядовито подхватил Кабан.

— Где ж ещё? — усмехнулся Лонгин. — У вас тут один человек живёт... если не врут рассказы, то волшебник. А, может, и колдун. Только он дикий какой-то... пора бы ему влиться в культурное сообщество... пока предлагают.

— Крайвите? — спросил Кабан. Жуга на кухне вздрогнул и уронил нож. Крайвите! Это же сам Князь-Жрец, самый главный, который общается с богами! Говорят, зимой он седлает

небесного коня, чтобы привезти солнце и вернуть весну! «Один человек»! «Дикий какой-то!». Да что эти чужаки понимают?!

А чужак тем временем заговорил о другом.

— Где девочка, Кабан?

— Не знаю я никакой девочки, — буркнул хозяин.

— Знаешь, Кабан, знаешь. Ученица Паука. Я хочу её видеть и знаю, что ты её прячешь здесь.

— Да что, Паук на каждой церкви повесил записку, что девчонку свою сюда отправил?! — вспыхнул Кабан.

— Паук никому ничего не говорил, — отмахнулся Лонгин. — Я это знаю потому, что всегда знаю то, что мне нужно. А Увару сказал я.

Кабан выругался.

— Позже приведу, — посулил он. — Жуга! Поди сюда!

Жуга только успел подать страшному гостю мяса и мёда, как дверь распахнулась. И вошки... вошки...

Небесные девы, не иначе.

Красивые, юные, одетые во всё белое, от них словно разливалось тепло и свет. У каждой на поясе висел меч, странно тонкий и лёгкий, короче, чем мечи, которые Жуга видел у других людей. Чистые их одежды по низу были заляпаны грязью. Лица у дев были усталыми и несчастными. Их было пятеро.

— Прекрасно! — ядовито произнёс Лонгин. — По прямой дороге. Умея видеть в зеркале что пожелаете. Вы только сейчас меня нагнали.

— Вы раньше выехали, — прошептала одна из девушек, не поднимая глаз.

— Тут только одна дорога, — поддержала другая.

— О чём и речь, — заключил Лонгин. — Сейчас договорим — и на улицу, десять стадий бегом.

— Мы устали, — еле слышно проговорила третья дева.

— Тем хуже для вас, — пожал плечами Лонгин.

— Твоя свита? — спросил Кабан, кивая на девушек.

— Чья же ещё, — хмыкнул Лонгин.

— Хлипковаты, — ухмыльнулся Кабан и потянулся шлёпнуть ближайшую девушку ниже спины. Та с визгом отпрыгнула.

— Ничего, сойдут.

— Думаешь, твои враги от жалости их отпустят? — захохотал Кабан.

— Почему же от жалости, — спокойно ответил чужак. — Эслинн! Покажи свой меч.

Эслинн, высокая светловолосая дева послушно достала меч из ножен. Держала она его привычно, крепко, но вид у девушки был страдальческий. Было видно, что ей не нравится всё — Лонгин, Кабан, гостевой дом, дорога, погода... Меч в её руках был в самом деле поуже, тоньше и короче обычного меча. А ещё он был намного острее, наточен как бритва.

— Любой доспех прорезает как масло, — похвастался Лонгин, не обращая внимания на недовольство девушки. — В чужих руках раскаляется. Мечи тоже рубит, если столкнутся.

Кабан сплюнул на пол, растёр плевков.

— Заколдованный.

— Не без того. А лучше всего...

Он оглянулся по сторонам.

— Тебе этот малый не слишком нужен? — кивнул он на Жугу.

— Этот? — захохотал Кабан. — Да забирай, не жалко. А ну иди сюда!

Прежде, чем мальчик успел шмыгнуть за дверь, Кабан шагнул к нему — вроде бы и лениво, а быстрее Жуги! — схватил за плечо и подтащил к Лонгину.

— Ударь его, — приказал чужак Эслинн.

— Но... — замялась девушка.

— Я приказываю. Кабан, поддержи его, будет забавно. Ну, Эслинн, я не привык ждать.

У Жуги подогнулись колени.

— Добрая госпожа... — взмолился он. — Господин...

— Быстро! — приказал Лонгин.

Девушка с обречённым видом подняла меч и с размаху опустила его на голову мальчику. Тот зажмурился.

И... ничего не произошло, только ветерок пошевелил волосы. Жуга осторожно открыл глаза.

— Видал? — спросил Лонгин. — Эти мечи только против зла. А то бы на тренировках эти красавицы друг друга бы перебили. Они ж зажмурятся, завизжат и давай перед собой молотить мечами. Еле отучил.

Кабан расхохотался и отпустил мальчишку. Не пытаясь встать на ослабевшие ноги, Жуга тихонько отполз в сторону.

— Не боишься, что они тебя зарежут? — заинтересовался Кабан.

— Они знают, что тогда будет, — равнодушно отмахнулся Лонгин. — Вы чего застыли? Во двор, бегать. А если на вас будут пялиться, так вы ведь волшебницы, а не базарные танцовщицы. Пусть вас боятся, нечего прятаться. Быстро!

Девушки послушно вышли.

— Так пошли за девочкой, — напомнил Лонгин. — У меня для неё есть подарок.

* * *

Девчонку-то Жуга привёл. Он только сказал «чёрный дядька какой-то, Кабан его Лонегинем кличет», как всё бросила, заторопилась, у Мантюра выпросилась и быстрее Жуги в гостевой дом-то побежала. А Жуга запомнил. Лонегин, значит. А если ей сказать, что в овраге ждёт? Побежит, небось, в овраг-то? Тут только не оплошать. Жуга не очень пока представлял, что ему сделать. В грязи вывалить? Так нажалуется Кабану-то, тот и вовсе Жугу заколотит. А, может, столкнуть её куда, а? Чтоб не выбралась? Страшно на такое дело решаться. А что делать? Пока ведьма проклятая здесь, у них, житья ему не будет. Гадюка она болотная.

* * *

Что за подарок принёс девчонке Лонгин, Жуга так и не понял. Когда он пришёл, Аталеле уткнулась в кусок пергамента, Жуга такие шуки всего раза два в жизни видел. Тыкалась и всё пальцем по нему водила, а страшный дядька рассказывал чего-то о чёрных змеях да белых мышах, каких больше, каких меньше, все ли да некоторые ли или многие, да

правда или враньё. Колдовал, никак. Ещё слова непонятные твердил, что-то про «адиднак» какой-то. Ну, точно колдовал! И девчонку колдовать учил. Куда её больше учить-то?! И так житья от неё нет!

* * *

Он уехал дальше, на восток, едва отдохнул его страшный чёрный конь, с которым одна Аталеле сумела сладить. Уехал скрытно, как вор, а девиц своих бросил бегать туда-сюда по двору. Жуге уж так жалко их стало, что он прокрался к одной (не той, которая его по голове била, а то вдруг он ей второй раз не понравится?!) и сказал, мол, добрая госпожа, ваш Лонегин ускакал, вы его не потеряете?

Девицы взвыли, заругались так, что Жуга убежал, побежали за своими лошадьми — только он их и видел. Жалко их было. Сами в мыле, кони в мыле. Загонят, поди, далеко не ускачут. И зачем им за дядькой этим ехать? Оставались бы здесь или подались куда. Таких красавиц, небось, везде примут.

* * *

А потом девчонка выдумала снова штуку. Как она умудрилась — он и не видел даже, а только во всех домах вдруг завоняло страшно, дышать нельзя было! Звук ещё странный был. Тоненький-тоненький, будто комар пищит, да ещё тоньше, да с неба. Что за комар это был — непонятно, а только девчонка заволновалась, всё ходила да присматривалась, к Гед ере рябой ходила, на её захворавшего младенца смотрела, потом в лесу на весь день пропала, а потом вернулась. И все дома — жуть как завоняли. Все, только у Кабана не воняло, да в хижине, где Жуга с маманей жил. И на кого все подумали? На Жугу все подумали! Что он нарочно всем такую пакость сделал, а о себе позаботился. Били его, били, хотели, чтоб он признался. До смерти бы забили, Кабан заступился. Вот уж от кого Жуга не ждал. Сказал, правда, нехорошо, мол, слабак Жуга и трус, давно признался бы, мол, коли знал чего. А раз молчит, так и не знает. Мало ли. Чары, может, навёл кто. Жуга чуть не заорал. Вот ведьма, она вредит! Пусть скажет, что за пакость вонючую всем подсыпала! Но промолчал. За девчонку Кабан бы его сам убил. Чтоб им всем в болоте сгинуть!

* * *

Всё как-то быстро случилось. Он и отлежаться-то не успел. Остался у матери и уж такой хороший сон увидел! Будто ничего не болит у него, прошло всё и явилась ему сама мать богов, Кабаниха, в человеческом виде, обняла, по голове погладила, да подарила своё благословение. Только сказала, мол, испытать его нужно. Жуга даже во сне разозлился. Мало того, что его люди трусом честят, теперь богиня про это услышала. Не верит ему! А она только засмеялась. Сказала, в сердце читает. Верит. Пусть он к ней в лес придёт, не побоится. Сейчас пусть за ней идёт. Жуга и пошёл. Тихо-тихо, чтоб маманю с дядькой не разбудить, встал, оделся да и выскользнул за порог. А мать богов впереди пошла. Жуга и

не боялся вовсе! Чего тут бояться? Это счастье — идти за ней, смотреть в её прекрасное лицо, видеть ободряющую улыбку. Матерь богов — не как маманя, не робкая, ничего не боится. Надо только дойти... вот так... и упасть в её объятия. Матерь богов склонилась над ним и Жуга увидел кабаньи клыки у неё во рту. Это было страшно, но...

— Отойди от него, — всё испортила проклятая девчонка.

Жуга открыл глаза... и заорал. Он стоял посреди леса, одетый, а над ним склонялась чёрная тень, вроде как человечья. Позади неё лился свет и от него ли, нет ли, а только Жуга увидел, что у тени этой были здоровые клыки.

Тень повернулась — медленно, так Кабан двигался... как человек, который всё равно знает, что успеет первым. За её спиной стояла девчонка, а вокруг неё в траве был прочерчен круг. Круг этот светился тусклым светом. Тень стала яснее, реальнее. Теперь Жуга разглядел, что это была женщина, высокая, статная, одетая в меховую одежду с широченными длиннющими рукавами. Голову её венчала меховая высокая шапка, украшенная янтарными да жемчужными бусинами, да расшитый золотом чёрный платок поверх. В свете, окружавшем девчонку, всё это богатство играло да переливалось. Женщина открыла рот и что-то прошипела на языке, который Жуга отродясь не слышал.

— Приблизим Освобождение, сестра, — на закатном языке произнесла девчонка. Женщина-тень снова что-то зашипела. — Я не понимаю тебя, но ты ведь меня понимаешь. Тётушка Вейма говорила — вы читаете мысли, чувствуете чувства людей.

И снова шипение, а потом словно в виски ударили слова.

— *Что тебе нужно, соплячка?*

— Приблизим Освобождение, сестра! — с жаром повторила девочка. Женщина покачала головой.

— *Зачем ты помешала мне?* — снова толкнулось в виски. Это что, она в голове у них разговаривает?! — *Ты мне не сестра. Жалкая, слабая... что может твоё детское колдовство?*

— Я так и думала, — прошептала девчонка. — Ты не знаешь Освободителя. Убирайся отсюда!

Женщина засмеялась.

— *Я сожру твоего дружка, а потом дойдёт черёд и до тебя. Ты ведь боишься, да, маленькая? А он боится вдвое.*

— Жри, — равнодушно разрешила девчонка. Жуга попытался отползти, но страшная женщина только глянула на него и он замер на месте.

Девочка вытянула перед собой руки и что-то зашептала. С её пальцев полилась темнота... густая, чёрная, страшная... Женщина-тень захохотала ещё громче. А потом девчонка выкрикнула какие-то слова, вроде тех, которые с дядькой своим страшным твердила. Что-то вроде «еретрев адиднак ни аргин»^[33]. И тьма вдруг заменилась ярким светом, он сиял так, что Жуга зажмурился, а страшная женщина жутко заорала и в воздухе запахло палёной шерстью. Девчонка стояла в своём кругу, закусив губу, и держала руки перед собой, с них лился яркий белый свет, который окутал ужасную женщину и жёг её, а та визжала, пробовала закрутиться волчком, но тогда свет, как пламя, охватил её со всех сторон, а девчонка и сама стала орать, но всё держала и держала, пока от боли не опустила руки. Свет погас. Страшная женщина взвыла и бросилась к ней, но ударилась, едва добежала до круга, а девчонка стиснула зубы и снова выставила перед собой проливающие сияние ладони. Вой был жуткий, такого и в страшном сне не услышишь, богатые одежды горели,

плавился янтарь, сама женщина тоже обугливалась и всё кричала и кричала — уже не как человек, а как ночная птица или ещё кто похуже, а девчонка мучилась, но держала руки... И вонь была — как тогда, когда в очаг окорок уронили и не сразу заметили. Жуга уж думал, он там сам с ума сойдёт, пока, наконец, от ужасной женщины не осталась одна только горстка пепла. Девчонка уронила руки и упала на колени. Видно, саму ноги-то не держали. Сияние её погасло, только круг продолжал тускло светиться.

— Кто это был? — шёпотом спросил Жуга. Разговаривать с девчонкой было неохота, но молчать тоже невтерпёж. Она сама страшная! Он-то не забыл её равнодушного «жри» — о нём, о Жуге! И как она смотрела на ту женщину... как будто крылышки у мухи обрывала. Брр! Что ж за человек-то она такой?!

— Я не знаю, как это по-вашему. У нас говорят — вампир, — отозвалась девчонка осипшим голосом.

— Что она хотела? — ляпнул Жуга и тут же себя обругал болваном. Чего тут непонятного, вон клычищи какие были! Сожрала бы его. А девчонка спасла. Только как она догадалась?..

— Она злой дух, — пояснила девчонка. — Пьёт по ночам кровь детей. И кричит... когда летает — кричит тоненько-тоненько. Только дети слышат.

— Это у вас на закате такие водятся?

— Она прилетела не из Тофилана, — ответила девчонка. Тофилан — это закатная страна, он уже знал. То есть не Тофилан, а как-то по-другому, но у них звуки какие-то странные, ему так не выговорить.

— Как ты убила её?

— Ты так не сможешь, — презрительно бросила Аталеле. Жуга надулся. Он был не дурак и кое-что скумекал. Девчонка-то подготовилась. Круг, вон, прочертила. Следила за ним?... нет, тогда бы не успела. Значит...

— Ты знала! — обвиняюще выкрикнул он. — Ты знала, что она меня выманит, да?

Девчонка хрипло засмеялась.

— Конечно, знала. Где бы я её ещё поймала? Гордая, тварь... небось княгиня какая.

— Вонь! — дошло до Жуги. — В домах воняло! Это ведь ты сделала! Нарочно, да?

— Умный какой, — хмыкнула девчонка. — Слушай. Я потерялась в лесу и ты меня искал. Вот сейчас нашёл. А вой мы издавека слышали и сами перепугались, понял?

— Сама ври, если хочешь, — отвернулся Жуга. Вот ещё!

Он пошёл себе прочь, но тут уловил какой-то странный звук... повернулся... девчонка билась о круг, как давеча страшная княгиня, и не могла переступить проведённую ею же границу. Она даже попыталась стереть круг с земли, но не смогла его коснуться.

— Ага! — обрадовался Жуга. — Вот ты, ведьма, и попалась! Сиди себе тут... в клетке.

Он отвернулся и пошёл себе прочь. Лес был ему знаком, не мог же он далеко уйти от дома. Всё лучше, чем здесь сидеть. Того и гляди, волк выскочит. Или вовсе — оборотень. Они, говорят, и досюда доходят.

— Если ты один вернёшься, Кабан с тебя шкуру спустит, — посулила девчонка. Жуга остановился. Знал: спустит.

— Убегу тогда! — заявил он, храбрясь. — От тебя все беды!

Думал — заплачет, попросит прощения. Страшно, поди, вот так одной в лесу в клетке невидимой. Звать будет. А она нос вздёрнула и отвернулась. Жуга не удержался, подошёл поближе. Ткнул в воздух над кругом. Ничего его не остановило. Вот здорово. Замахнулся,

толкнул девчонку. В плечо пришлось, в лицо бить-то побоялся. Глазами ведь так и зыркает. Хорошо толкнул, сильно. Аталеле отлетела, упала на круг, тот её оттолкнул, на ноги поставил. Здорово! Сейчас можно ей за всё отплатить, как мучила его, как...

Он замахнулся и ударил ещё. Девчонка даже не вскрикнула. Ещё. И вот она гадюкой вцепилась ему в руку, потянула к себе. Жуга струсил, никак в круг затащит! Дёрнулся что было сил... и покатился по земле, по узловатым корням — вместе с девчонкой. Она как-то хитро извернулась, по-особому куда-то нажала — и вот он, Жуга, лежит, а девчонка на нём сидит и головой его о землю стучает.

— Когда к людям выйдем, — сказала она холодным недетским голосом, — скажешь, что я велела. Тогда Кабан тебя не побьёт, понял? Скажешь, потерялись. Скажешь, вой издалека слышали. Понял?

— Слезь с меня!

— Сначала поклянись, что как я сказала, говорить будешь, — снова стукнула его голову о землю девчонка.

— Клянусь, клянусь! — со злостью прошипел Жуга. Вот позорище!

— Тогда ещё слушай. Победный лук — трава такая, её запах вампиры не любят. Ещё ромашник, он жар прогоняет. Полынь от всех напастей защитит...

Она называла одно растение за другим, рассказывала, от чего они помогают и зачем их люди используют. И ведь так и не слезла с него, пока он ей всё в ответ не пересказал.

— Вот молодец, — засмеялась девчонка, позволяя ему встать. — Ты, главное, помни про это, а лучше в лесу их сам найди да собери. Вонять будешь, но ни один злой дух тебе будет не страшен. Не благодари.

— Не за что мне тебя благодарить, ведьма проклятая, — пробурчал Жуга. — Сама меня жути этой чуть не скормила, а теперь хвастаешься!

Он повернулся к ней, вдруг хоть чуточку смутится. Но нет! Круг давно погас и за лесом поднималась заря. Это, наверное, от её лучей лицо девчонки было какое-то красное... Аталеле повернула руки ладонями вверх. И они тоже какие-то красные... девчонка коснулась своего лица, поморщилась...

Да она обожглась! Обожглась сама своим светом!

— Страшно? — зло спросила девчонка. — Скажем, я костёр развела и не тех веток в него кинула, слышишь?! Молчи, что видел, а то Кабан тебя до смерти заперет.

* * *

И вот кого за то, что девчонка обгорела, чуть не прибили? Если б она не сказала, что сама те ветки кинула, так ему б живому-то не быть. А уж как над ней бабы-то причитали! И сметаной её обмазывали и на травах припарки делали! Одно хорошо, с руками-то обожжёнными она лошадыми заниматься бросила и дядька Жугу обратно к себе взял.

* * *

И ведь если бы дядька Жугу к Кабану за мёдом не отправил, всё веселье б Жуга пропустил-то! Но он не дурак. Пришёл к Кабану и видит — вместо девчонки крутится

пришлый какой-то. Кабан ему и не приказывает, а он сам всё знает и приносит. И никто на него и не смотрит вовсе. А тот будто старается, за водой сходил, дров наколот, кашу в горшке помешал... чудно так. Сам неказистый и вроде как на него смотреть-то не хочется. Жуга дядьке мёда-то отнёс, а сам к Кабану вернулся да затаился. Пока тут сам крутился, выучил уже, где встать, чтоб тебя не видно было. Чужак странный. Лошади будто нет — пешком, что ли, шёл? Может, и вовсе оборотень. И никто о нём и не слышал вовсе, Жуга кого встретил, поспрашивал. Вроде как нет никого у Кабана. А как же нет, когда вот он? Жуга ждал, ждал... и дождался. Девчонка проклятая в дверь вошла — она у кого-то из баб сидела, всё её рожу сожжённую сметаной мазали, толку-то с их сметаны? Всем поселением причитали, мол, кто ж её теперь замуж возьмёт, а была уж такая красавица. Кто возьмёт — дурак будет, теперь хоть ожогов ради поостерегутся. Сама себя пометила, так ей и надо!

Девчонка-то вошла, чужак-то плошки все и уронил. Грохнулись все, разбились. Ой, с Жуги-то Кабан шкуру спустил бы за плошки! Этого, небось, не прибьёт. Девчонка глаза подняла. Визгу было! И всё на радостях! Дядюшка Виле это, оказывается. Вот вредина! Везде у ней дядюшки! А *тот* на неё только глянул — сразу и замолчала, только улыбается до ушей. И кривилась ещё. Больно, поди-ко, улыбаться. Виле-то этот девчонку за плечо ухватил да повёл на двор. За сарай завёл... вот выбрал! Тут незаметно-то и не подобраться! Вроде как и не укромное место, а отсюда раньше всех увидишь, когда кто-то идёт. Жуга и сам тут, бывало, прятался. Ну, ничего! Не такой уж он дурак, Жуга-то. Это для старших не подобраться. А Жуга и с сарая всё прекрасно услышит. Пусть девчонка не думает, что только она одна по крышам-то лазить умеет. Эка невидаль, в курятник пробралась, воровка!

Когда он бесшумно дополз до края крыши, чужак уже держал девчонку не за плечо, а за косу и трепал из стороны в сторону, приговаривая:

— Я тебе что про фокусы говорил?... А мать тебе что про магию говорила?... А ты что сделала?... Кто тебе разрешение давал?... Ты зачем это устроила?... А головой своей ты подумала?... А что я твоей матери скажу?... А если её искать будут?... Да если ты навсегда с такой рожей останешься?... Да ты ж теперь в руках ничего не удержишь!... Да кому ты теперь нужна будешь?... Да чего это ты себе удумала?..

И та-та-та, и та-та-та, и та-та-та.

Жуга на крыше развеселился. Вот, наконец хоть кто-то девчонку как есть понял! Так ей и надо! Ещё и не такую трёпку бы задал! Но осторожности не потерял. Не будет, поди, этот Виле при нём девчонку-то колотить.

— Ничего они не найдут, — пробурчала девчонка. — Её человеком никто не видел, а вампиры ничего не почуют, я там травы рассыпала...

— Вот травы твои они и почуют, бестолочь!

— Они не могут думать, когда чуют их, мне тётушка Вейма рассказывала!

— Ах, тебе Вейма рассказывала! — совсем рассердился Виле и сильнее дёрнул за косу. — И что она ещё тебе рассказывала?

— Она сказала, вампиры друг друга не любят и только рады, когда кто-то из них умирает!

— Так ты тётушке подарок решила сделать?! Бестолочь, это в Тафелоне вампиры так живут, а в Дарилике как — ты не знаешь. А если у неё целый выводок? Или учитель? Дурында, ты головой-то своей думаешь? Она у тебя, чтобы волосам на чём расти было?!

— Они ничего не почуют, — упрямо ответила девочка.

— Да они людей пошлют, бестолочь! Зачем я тебя учу, дурочка, если ты о такой

простой вещи подумать не можешь?!

— Люди не узнают, куда идти, — спорила Аталеле.

— Эрлейн, ты ещё глупее своей мамы, если так думаешь.

— Не гово...

— Замолкни.

Он отпустил её косу, но девочка и не думала никуда убегать, просто стояла и чего-то ждала. Виле, казалось, надоело сердиться, он коснулся ожога на щеке девочки и уже другим тоном спросил:

— Всё ещё болит?

И тут девочка разрыдалась! Вот это здорово! Жуга-то думал, она вообще не умеет! А она всё всхлипывала в ладони и бурчала, что устала, что хочет к маме, что тут всё чужое и что ей во сне снится, как жутко та тварь сгорала. Жуге и самому снилось, он даже орал во сне, его дядька чуть не прибил за это. А кому скажешь-то, а? А девочка что-то ещё хныкала, что она теперь останется уродиной и руки болят и что она не знала, что так будет, и к маме хочет, к маме, ей тут плохо.

Ей плохо!

Вот змея-то!

Небось, нарочно ревет, чтобы дядьку своего разжалобить!

А тот ничего.

Дождлся, пока проревётся, а потом сказал так спокойно:

— Собирайся, дурында. Пойдем мы к твоей мамаше. Авось сведёт она с тебя ожоги. Не если ты ещё раз без спросу такое сделаешь...

— Не сделаю! — просияла девочка и умчалась в гостевой дом к Кабану.

А Виле этот не пошёл никуда, постоял эдак спокойно и сказал:

— Слезай, паршивец. Я тебя слышу.

Жуга так удивился, что прямо рядом с этим чужаком с сарая и спрыгнул.

— Будешь болтать — пальцы по кусочку отрежу и тебя жрать заставляю, — посулил Виле. Спокойно так — аж мороз по коже! Сразу ясно, заставит.

— Я ничего не сделал, дяденька! — заскулил Жуга.

— Я вижу, ничего не сделал. А теперь рассказывай, как что было.

— Я ничего не сделал! Это она сама в костёр свалилась! Да ты её спроси, дяденька. Она скажет!

— Про костёр ты другим ври. А мне как было рассказывай. Живо.

Куда деваться? В этом углу и не убежишь никуда. Пришлось рассказывать. И про вонь, и про травы, которые девочка его заставила выучить, и про мать богов, и про шипение и про слова, которые в виски толкались. И как-то Жуга не заметил, как Виле из него и про других дядюшек девочки вытянул и про все разговоры, которые Жуга в гостевом доме подслушал. А потом тот как-то встал, как-то Жугу схватил — и вот Жуга пошевелиться не может, а у самого горла нож, да такой острый!

— Всё рассказал, молодец. А теперь помалкивай. Хоть одному кому-то проговоришься, узнаю, приду, я тебе...

Жуга уж не помнил, как его этот страшный дядька выпустил.

Зато девочку увёл этот Виле! Как не было её вовсе!

История третья
Жуга

Глава первая

Отрок-колдун

В селищах на их земле всем заправляли старики. Они решали, когда хлеб сеять, когда охотиться, когда рыбу ловить, какие деревья рубить, когда в капище молиться, когда урожай заклинать. Всё решали! А тут, возле гостевого дома, и не селище вовсе было. Не скажешь даже, что это. Ни тына, ни порядка, ни стариков. Только то там, то сям хижины и домики, то там, то сям распаханно. Хлеба своего на всех не хватает, Кабану привозят — то с заката, а то с восхода, он то платит, а то даром берёт. А потом людей наделяет. Кому даст досыта наестся, а кому — только с голоду не помереть. А кому и вовсе скажет — иди-ка ты отсюда подобру-поздорову, не буду я на тебя хлеб переводить. Одни, ясное дело, работают, другие мёд ищут, зверя пушного стреляют. Бабы в поле работают, прядут, ткут опять же. Всем дела хватает! Есть ещё несколько... никак друзья Кабана! Ничего не делают, день-деньской бока пролёживают, а то встанут да начнут мечами махать! Или на конях ускачут. Поскачут-поскачут да и вернуться. А кормит их Кабан — лучше всех. И в одежды одевает — не чета тутошним! Поди пойми его...

Вот и выходит — Кабан тут главный! Вроде как князь даже, да только не князь. Дом-то его и всё поселение — оно поближе к лесам-то оборотневым, так далече князья и не забираются вовсе. Тут в округе много глухих селищ, которые никому дани не платят, потому как поди доедь до них княжьи люди через леса, через болота. Разве только оборотням, да много ли у бедноты болотной взять?... Хороший из Кабана старик вышел. Каждому мог работу задать. О каждом думал. Было даже дело, воин с караваном пришёл, да на молодуху загляделся. Уж что у них там вышло — про то ночные духи знают, а только не далась она и муж её, который зверя пушного стрелял, за жену-то свою молодую заступился. Да куда там! Избили его караванщики! Так избили, что он потом долго ещё кровью харкал. Так Кабан всем им убираться велел — и не пикнули. А как уехали, так потом нашли в лесу того-то воина. Глаза выпучены, видно, удушили его, а кто — непонятно. Может, дух лесной заступился. Матерь богов слуг послала. Или Кабан сам позаботился. Слухи, видно, прошли по караванам-то, никто больше на здешних руки не поднимал, взгляда недоброго не бросал. А охотника того бабы выходили.

Бывало ещё, повздорят два мужика — так к Кабану пойдут, он их и рассудит. А ещё было, Бутва, пастух, уже и не отрок даже, юноша, проспал да за коровами не уследил, его вину Кабан устанавливал. Тех, кто позлее, успокоил, тех, кто добрей, замолчать заставил, и всыпали Бутве крепко за общинных-то коров. Крепко, да уж не пришибли. Всё решал Кабан в их поселении. И то сказать, вокруг его-то дома они все жили-то. Потому, видать, он и главный.

Как девчонка проклятая уехала, Жуга по сторонам глядеть начал. Привык-то уже к людям присматриваться. Только прежде всё ждал, когда Аталеле оступится, а тут вроде как нужды нет более. В поселении его не шибко любили. Помнили, как он девчачью работу исполнял. А кабы у Кабана свой сын был, так помогал бы отцу, то же самое делал, что Жуга, ни никто бы и слова не сказал! А тут... всё от того, что девчонка его место заняла. В ней все беды.

Как её с ними не стало, новая напасть. Войша, сын охотника, уж отрок, не мальчишка, как Жуга, завёл обычай камнями в Жугу швырять. А то соберёт ровесников да помладше

ребят и уйдут купаться на речку. А Жуга только ближе подойдёт, так его сразу за ноги в воду. Один раз чуть не утопили вовсе. И не только мальчишки, девчонки с ними тоже. Визжат, противно слушать. И все камнями бросаются. Смешно им, что Жуга ни сделает, всё смешно. Он и драться пытался, и камнями в ответ швырялся — куда там! Много их, один-то он что делает? Вот и привык ото всех стороной ходить. Дома только, да при дядьке, да в гостевой дом по старой памяти заглянет. Кабан-то его не гнал, видать, тоже привык. Работу иногда задаст, а иногда и просто обсохнуть пустит. Лето-то, как девчонка уехала, холодное сделалось. Ведьма она, как есть ведьма. И урожай, говорят, не шибкий будет.

Вот так и вышло, что заметил Жуга ту бабу с ребёнком. К осени она появилась. Караван до них дошёл с восхода, товары оставили, Кабан расплатился да они обратно пошли. А потом баба одна вернулась. Вроде как ребёнок приболел у неё. Побледнел да ослаб. Побоялась, что не довезёт назад вовсе. К мужу ехала да напросилась вон с караваном, а тут беда-то такая. Жуга прежде-то на баб не смотрел вовсе. Зачем ему? Не маленький поди, а заглядываться с другим чем — так рано вроде. А эту — заметил чего-то. Уж больно она запуганная была, всё вроде вздрагивала. К бабам другим всё подсаживалась да выпрашивала, может, знают про хворь такую, может, как лечить-то знают.

И так боялась чего-то, что Жуга проследить решил. Что за напасть-то такая её пугает. Следил-следил да выследил — вышла баба ночью во двор. Вроде как и ничего такого, по нужде там могло понадобиться, а только она с дитём-то своим вышла-то. Прижала к себе да в лес, оглядываясь, побёгла. Жуга еле за ней успел. Вот не ждал! Днём-то ходила, в комочек сжималась, да всё с оглядкой. А тут — так и рванула! Ночи летом светлые, проследил за ней Жуга. В лес забралась подальше, дитя своё шлёпнула, ребёнок и заорал. Вот тебе и слабенький! А она не успокаивала, не укачивала, ласковых слов не говорила, а всё держала и ждала ровно чего-то. Долго ждала. Жугу чуть комары не сожрали. А потом ребёнок устал орать-то, она его взяла и обратно пошла. Прокралась к себе в каморку, которую Кабан указал, да и легла там. Дядька Жугу потом наутро ругал, зачем он сонный такой да непонятливый, чего спит на ходу и всё про Бутву напоминал да грозился. Дескать, и Жугу всем поселением выпорют, коли за ум не возьмётся.

А Жуга и взялся. Стал ещё внимательней по сторонам глядеть. Баба та уж в путь засобиравалась, ждала только каравана, чтобы к нему напроситься. Какое там! Караваны не шли, а зато дождь так полил, что дорога размокла. Только подсохло чуть, приехали люди странные. Сказали, на полночь, в Нагабарю, послами к тамошним князьям, мол, собираются, да устали в пути, отдохнут вот деньков парочку да и дальше поедут. Грамоты показывали, дорогими подарками хвалились. Ровно как и не боятся, что их туточки-то ограбят. В посольстве было три воина да старик в длиннополой роскошной одежде, да отрок, одетый как бы не богаче старика. Вроде как Кабану-то сказали, что отрок при старике служит. Да только соврали. Отрок и не старался притвориться даже. Его и воины, и старик боялись. Сам бледный, масть тёмная, глазами чёрными так и зыркает. Руки в меху прячет — это летом-то! И ведь гордый! С другими людьми за стол не сядет, из одной чарки не выпьет. Один сидит, по сторонам не смотрит, а то вдруг в одно место уставится и руками перед собой водить начинает. И бормочет чего-то. Побормочет, побормочет и замолчит. А в доме после того вроде как душно становится. Глянет как — сердце так и прыгает под его-то взглядом. Колдун он, как есть колдун и глаз у него дурной. А сам не старше Войши! В их краях такому если нож разрешат носить, уже честь большая, а этот при мече да при коне добром, да второй на замену да третий с поклажей. Будто князь. Гордый... язык их Жуга не

очень разбирал. По одежде воинов-то сообразил, из земель, куда на восход идти долго-долго, а потом на полдень свернуть. Бывали у них и оттуда люди, но знати их Жуга ещё не видел. А потом как-то присмотрелся. Узоры на расшитых золотом рубахах (чёрных да красных, ух!) — ну вот точь-в-точь как у той твари, которую Аталеле загубила. Узнал — да и обмер. Так это за ней он приехал! Её ищет! Говорил же дядька Виль своей девчонке — будут, будут искать ту княгиню. Люди её искать будут! И вот — пришли.

Жуге-то страшно стало.

А что делать? У кого совета спросить? И дядьки Виля страшно. И поздно-то уже правду выкладывать. На сорок раз враньё повторил. Да и кому тут доверишься? Только Жуга и мог, что присматривать. Уж как на него дядька Мантюр ругался. А Жуга нет-нет, да в дом к Кабану и сбежит. И ведь выследил. Ночью как-то на двор уже отрок вышел, а к нему баба та пришедшая. Только без ребёнка, тот в доме остался хныкать. Жуга-то их плохо понимал, но смысл ухватил всё-таки.

— Ты говоришь, только один ребёнок? — спросил отрок.

— Один, батюшка, один, родимый, — закивала баба. — Остальные тучочки все здоровы.

— Госпожа никогда не насытилась бы только одним, — задумчиво, вроде как сам себе сказал отрок. — Давно это было?

— В начале лета, батюшка.

— Ты носила своё отродье в лес?

— Носила, носила, батюшка. Как ты говорил, всё делала. Да только не вышел к нам никто. Нет её тучочки. Я уж на что долго ждала. Никто не вышел.

— Убирайся, — велел отрок. — Дальше искать бессмысленно... Кто здесь?!

Он заоглядывался, но Жуги уже на том сарае не было. Страшно ему было — аж живот болел. Разговор этот, частью понятый, частью додуманый, напугал мальчишку до невозможности. Вот как получается. Они все повадки этого чудовища знают и баба своего ребёнка на съедение в лес таскала. А, может, и не своего вовсе. Да что ж такое деется? Чтобы баба так вот дитя чудищу отдавала? Что ж за люди они? Вот ведь девчонка проклятая! Сама ушла с дядькой своим, а им вот осталось расхлёбывать. Жуга дошёл до дядькиной хижины, проскользнул на своё место в углу и свернулся клубком. Ему надо было подумать.

* * *

Наутро мальчишка опять убежал от дядьки и пришёл в кабак. Тот отрок ел и пил, один сидя за столом, и всем своим видом выражал, что люди вокруг него — не люди, а вовсе даже жуки какие или черви. Тем проще было сделать то, что Жуга задумал. Он подошёл к отроку — не таясь, открыто, — принёс чарку с мёдом, полную, подал да и спросил, будто от простодушия:

— А в ваших землях вы богато живёте, господин? Князья-то одежду золотом расшивают, а дружина их — серебром?

Тот что-то ответил, Жуга не понял, обидное, наверное. Старик-то по нагабарски говорил с Кабаном, а остальные только по-своему. Отрок даже взгляда на Жугу не поднял, но мальчишка не отставал.

— Жёны-то княжеские в меха кутаются у вас, что зимой, что летом? Платки золотом расшитые, янтарём украшаете... Говорят, у нас-то князья победнее всё же, только по

праздникам так ходят, как у вас — каждый день. А что за страна такая, одним глазком бы повидать, откуда такие богатые люди выходят...

Отрок поднял на Жугу свои страшные чёрные глазища.

— Где ты видел наших князей, отродье?

— А ты разве не князь, господин?

— Нет, — отрезал отрок. — Проваливай.

— А та госпожа, что летом у нас... — начал было Жуга и тут отрок вскинулся, схватил его за воротник и чуть не задушил. Пальцы-то тонкие, холодные, да на каждом по перстню дорогому. То-то он в меха кутается!

— Где ты видел госпожу?! — прошипел отрок Жуге прямо в лицо.

— Так в лесу у нас видел. Лето тогда ещё только начиналось. А она родня тебе, господин?

— Нет, — коротко ответил отрок. — Веди, где госпожу видел. Да смотри, я тебе!

Жуга и притворяться не стал. Он и так боялся. Вывел со двора отрока и повёл. Только не туда, где Аталеле своим светом то чудище сожгла. Дурак он вам, что ли? В другую сторону повёл. Через болотину. Отрок-то сначала в него вцеплялся крепко, а потом пришлось отпустить — вдвоём-то рядышком не пройти было. Жуге-то что? Он тут всё облазил. Прыг да прыг по кочкам. А отрок полы своей одежду подобрал и за ним пошёл. Жуга-то всё, пока прыгал, болотнику молился. Дядька болотник, не дай в обиду! Не подведи, дядька-болотник! Молился и прыгал. А отрок-то за ним. Вот и показал Жуга — туточки, мол, видел он такую вот женщину в платке, который ну как твой наряд расшит, в мехах всю. Отрок-то не дурак был. Велел самому там пройти. Жуга и прошёл. Как не пройти-то умеючи. А отрок туда встал, на колени прямо в грязь плюхнулся и что-то там на земле чертить начал. Ох ты! Точно — колдун! Небось наколдует сейчас и правду-то и узнает... узнал бы, кабы Жуга на настоящее место колдуна-то вывел. Светилось там всё, линии и на земле и в воздухе. А по сторонам-то отрок и не смотрел даже. Ну, Жуга-то тоже не дурак. Бочком-бочком да и отошёл подальше. И подождал. Отрок-то всё чертил да бормотал чего-то, а того не замечал, что трясина его засасывает. Место такое было. Жуга-то знал, куда ноги ставить и то его дядька болотник чуть за пятку не ухватил. А куда про то знать пришлому, пусть он и колдун? Нарисовал чего ему надо было отрок, на ноги-то решил встать — тут-то его болотник и схватил! А вот не будешь нос задирать!

Отрок-то и так, и сяк изворачивался, да только болотник таких любит. Таких он сильней к себе тащит.

— Что ты стоишь, отродье?! — выкрикнул отрок. Видать, с отчаяния, да только гордо как-то прозвучало. Жуге не понравилось. — Помоги! Тащи меня отсюда.

— Сейчас, господин, сейчас! — засуетился Жуга. Ветку нашёл рядом подлиннее. Пока искал — отрок-то уж по грудь в воде был. И старался вроде как Жуга её отроку-то протянуть тому страшному, да только оступился и в грудь толкнул. Отрок ухватиться-то пытался, да только Жуга её раньше выхватил. А отрок уж по горло в трясине. Уже руки поднять не может. Вот тебе, колдун, знай, как над людьми-то издеваться! Отрок всё дёргался, всё тянул шею над болотом, всё выкрикивал какие-то слова и Жуге надоело смотреть. Порчу ещё наведёт. Он нашёл камень поухватистой да и запустил колдуну в голову. Тот и скрылся целиком в трясине. А Жуга долго потом сидел и ждал. И камушки собирал, а то вдруг колдун-то выплывет. Не выплыл. Так до вечера и просидел. Теперь можно спокойно спать. Не узнает никто, что тут та княгиня злая потерялась, не найдёт её никто. А свита отрока — а

что свита? Жуга хорошо за ними проследил. Они только его слушались, сами слова поперёк не молвили. Боялись. Понятное дело, колдун. Без колдуна-то куда им деваться?..

* * *

Дядька-то Жугу побить хотел. Зачем, мол, на весь день убежал. А воины-то те, которые с колдуном пришли, и старик — они забегали, всё поселение взбаламутили. Уже и не притворялись вовсе, что старик у них главный. Вот непонятно — знали они, что ли, что в здешних краях обязательно все седобородых да опытных слушаются? У них-то, видать, не так. То ли отроки все старикам приказывают, то ли просто колдуна свита боялась. А теперь и притворства нет. Признался старик, дескать, отрок у них главный, и имя его называл, а сам-то он, старик, только толмач да проводник, не более. Охти, горе-то какое, господин молодой пропал! Сами причитают, а в глазах страх, да не тот. Не за колдуна тревожатся — за свои шкуры боятся. Жуга-то знал такой страх. Быть бы ему дядькой отлупленным, да только явился к ним сам Кабан и попросил дядьку Мантюра с ним, с Кабаном Жугу-то отпустить. Попросить-то попросил, да видно, что отказываться не след. Ох, не обрадовался тогда Жуга. А Кабан идёт да идёт. И молчит. Только Жугу крепко за руку держит. Завёл тоже в лес, спасибо хоть не в болотину. А тени уже длинные, стемнеет скоро. Поставил напротив себя, по сторонам оглянулся и сказал тихо так:

— Вот что, паршивец, выкладывай.

— Я ничего не знаю, дяденька! — ответил Жуга. Не понравился ему взгляд Кабана-то. Нехорошо он смотрел.

— Кому-нибудь другому ври, — отозвался Кабан. — Думаешь, я не видел, как ты вертишься? Говори, куда колдун молодой делся?

— Какой колдун? — захолопал глазами Жуга. И впрямь странно. Кабан вроде за отроком тем и не следил вовсе.

— Тот заносчивый щенок, в богатых одеждах, — пояснил Кабан, — которого его люди ищут. Думали, я колдуна не признаю. Ну, говори.

— Я ничего не знаю, дяденька! — закричал Жуга, да только Кабан рот-то ему заткнул и как-то его так стукнул, что из Жуги как бы не весь дух вышел.

— Говори, паршивец, а то я тебе все кости переломаяю.

— Да-а! — проревел не на шутку перепуганный Жуга. — А дядька Виле грозился мне мои пальцы скормить! А я ничего! Я ничего и не сделал вовсе! Это всё она! Она всё сделала!

— Заткнись! Кто она?

— Девчонка твоя! Аталеле!

— Что она натворила? — нахмурился Кабан.

Жуга вывернулся из его руки и упал на четвереньки. Встать на ноги побоялся — того и гляди Кабан опять бить его полезет.

— Княгиню чёрную белым светом сожгла! — выкрикнул мальчишка. — В ловушку её заманила и сожгла! Княгиня жуткая! Клыки — как у Кабанихи торчат! Я проснулся — а она стоит, на меня скалится! А девчонка её жечь начала! А дядька Виле-то ругался! Сказал, придут за ней! И пришли! Ты их мёдом поишь, а они пришли! И баба та с дитём хворым! И колдун тот! Глазищами зыркает! Искал он ту княгиню-чудище! Искал её!

— Заткнись, — добродушно велел Кабан. Жуга рискнул посмотреть ему в лицо. Хозяин

улыбался. — Вот, значит, как. Ну, спасибо, Паук... Вот тебе и подарочек...

Жуга понял, что Кабан на него больше не злится, и принялся потихоньку отползать в сторону. Сейчас ещё отползёт, да на ноги да дёрну. Да только Кабан раньше успел, пнул его, Жуга на земь-то и повалился.

— А где теперь колдун? — вроде как даже ласково спросил Кабан.

— Так утоп он, в болоте утоп! — заверил Жуга.

— Откуда ты знаешь, что утоп? — нахмурился Кабан.

— Так я постоял там, подождал, пока не утопнет-то, — признался Жуга. — Камнем в голову вцепил, чтобы не долго ему барахтаться пришлось, и подождал. Как есть утоп.

Кабан ничего не ответил и Жуга, не вытерпев, снова взглянул ему в лицо. Оно было страшно.

— Утоп, говоришь? — спросил Кабан и Жуга съёжился. — Камнем, говоришь...

Он за шиворот поднял мальчишку с земли и пинками потащил к дому. Там не бил и ничего никому не сказал, только запер Жугу в клетушке и велел никому туда не соваться. А сам — бабы потом рассказали, когда под дверью поесть просунули, — пошёл к мужикам да велел работу бросить и пойти на дороге лес валить да ров рыть, чтобы, значит, проехать никто не мог. А гостей опоил зельем да в подвал сонных спустил, ни о чём не спрашивая. И бабу их, с её дитём туда же отправил. Никто ему и слова не сказал. Знали все, Кабану виднее. Ещё послал он одного из своих людей — тех, что бездельничали, — на закат, но, говорили, это его ничуть не успокоило. Остальные его люди, да охотники, да из мужиков кто посмышлённей, дозорами округу обходить стали. А Жугу взаперти так и держали. Раза два только за день на двор выводили. Ничего ему Кабан не говорил, ни худого, ни доброго, только косился иной раз.

Будто ждал Кабан чего-то. Ждал-ждал — и дождался, да только не подмоги с заката, а гостей с восхода. Налетели — сытые, гладкие, все в чёрных да красных рубахах расшитых, не золотом хоть, а шёлком. У всех усищи чёрные и глаза недобрые, пальцы плети витые оглаживают. Хотели проехать, да только засека не пускает.

Глава вторая

Чужаки

Жуга пришлых-то не видел, как не видел ни рва, ни засеки. Он так и сидел себе в клетушке в доме Кабана, когда прибежали люди, позвали откуда-то Альгу, вдову пасечника, велели заняться Жугой, а сами вытащили из подвала пленников и, страшая, усадили на коней, дали припасов, да вывели на дорогу в Нагабарю. Мол, чтобы духу вашего тут не было! Пленники и не спорили. Они как услышали про тех гостей, что с восхода налетели, сами были счастливы убраться. Только баба чего-то упиралась, да что она сделает, когда её три воина тащат?

А Альга тем временем повела Жугу умываться, долго вертела да хмыкала, потом сунула в руки острую палочку, велела из-под ногтей грязь вычистить, а сама убежала, прибежала, да надела на Жугу новую рубашку хорошую, да портки новые да башмаки кожаные... кто летом башмаки-то носит?! Но с Альгой поди поспорь! На всё зубом цыкает — поговори у меня! Шапку новую надела на Жугу, он отродясь летом шапок-то не носил. Пояс дала — из тиснённой кожи, а на нём ещё нож висел, хороший нож, длинный, острый. В ножнах тоже украшенных. Жуга и не подумать никогда не мог, чтоб ему кто такое богатство дал! Он же ещё не отрок даже! А потом страшно стало. Альга на него как на покойника поглядывала, она, бывало, ходила в дома-то с умершими, обмывала их, в дорогу снаряжала. Так и тут. Ох, что ж такое-то?! Неужто его зарежут теперь?! Да за что?!

— Бабушка, не выдавай меня, — взмолился Жуга. — Отпусти!..

— Цыц! Помалкивай уж.

— Да я ж ничего...

— Вот и молчи. Слушай теперь. С Кабаном не спорь, не перечь ему, понял? Большая беда пришла. Оплошаешь — всех нас убьют, дома пожгут. Хоть ради мамани своей слушайся. Понял?

У Жуги аж внутри всё заглодело.

— Понял, — ответил. А что он мог сделать? Пока его Альга собирала, слышал, что люди-то говорили. Беда большая пришла. Небось зарежут его теперь, чтобы несчастья стороной прошли. А делать-то нечего? Ну, убежит он. Куда? Как бы не сгинуть там. Кто его одного примет? И маманю тут убьют чужие, пришлые.

Он и пошёл.

Когда добрался до Кабана, засеку уж почти разобрали и даже ров засыпали. Кабан стоял возле чужого воина в чёрной рубашке, расшитой алым шёлком. Была на нём высокая шапка, подбитая мехом, а на шее красовалась серебряная гривна с оскаленными пастями на концах. С запястья свисала на ремне шипастая булава, да меч ещё висел в ножнах на поясе. Рядом ещё один воин, попроще как-то, держал под уздцы двух коней, у вороного было седло изукрашенное, а у серого простое, только видно, что очень хорошее. Остальные воины даже не спешили и посматривали на засыпающих ров мужиков как-то нехорошим глазом. Было при них оружия всякого... мечи — и простые и кривые, какие с полудня приносят, — и луки, и топоры, и булавы всякого вида... Понятно было, с такими замирились надобно, куда простым людям с такими-то пришлыми связываться?!

— Вот, — указал Кабан на Жугу. — Мой единственный сын, отрада моих очей.

Если бы у Жуги и так коленки не тряслись, он бы туточки и споткнулся. Кто-кто?!

Воины расхохотались.

— Ври кому другому, мужик! — на своём малопонятном языке сказал их главный. Ну, это Жуга подумал, что он так сказал, одно слово-то узнал, да и взгляд уж больно был... недоверчивый. — Из какой лужи ты это отродье выловил?!

Под их взглядами Жуга подошёл к Кабану, который отечески положил руку ему на плечо.

— Он у тебя от руки шарахается, — заметил чужак.

— Отец я строгий, — вздохнул Кабан. Пришлые переглянулись, сказали что-то слишком быстро, потом главный кивнул. Кабан толкнул Жугу так, что тот упал к ногам главаря. Тот и не подумал поднять, только сказал своим что-то насчёт поводка или чего-то ещё такого. Те расхохотались.

— Встань, щенок, — медленно, чтобы было понятней, произнёс главарь. — Будешь при мне. Понял?

Жуга кивнул. Отвечать не мог, в горле пересохло. Кабан сделал широкий жест.

— Пойдём в мой дом, сын принесёт тебе мёда...

Главарь скривился так, будто ему молока прокисшего предложили.

— Или, — понизил голос Кабан, — у меня есть тернское вино.

Что такое тернское вино, Жуга не знал, а вот главарь чужаков, видать, слышал, оживился.

— Сам поднесёшь, сам пить с нами будешь и сыну дашь.

Кабан слегка скривился. Видать, не хотел на Жугу свою диковину изводить. Но делать нечего — согласился.

* * *

Жуга впервые пил вино — его придерживали для самых дорогих гостей. Красное, как кровь, оно было сладким и терпким и как-то очень быстро мальчишка захмелел, хотя ему и полной чарки-то не налили. Главарь-то пришлых смеялся, столкнул Жугу со скамьи на пол и сказал что-то. Ну, непонятное. И опять щенком обозвал. А Кабан что-то ему говорил, говорил и говорил. И подливал. И себе подливал. Жуга подумал ещё — с трудом подумал, думать было трудно — Кабан кого хочешь перепьёт. А потом уснул. Когда проснулся — лежал у дверей на рогоже. А на постели в глубине комнаты... Жуга тихонько встал и вышел за дверь-то. Там на постели чужак не один лежал.

В доме это было у Кабана. Дом-то большой был. Чужакам-то всем, видать, хватило. Жуга-то походил. Даже те комнаты отперли, которые всегда заперты стояли. Станный человек Кабан и дом у него странный. Чтоб столько комнат — да зачем? Неужто гости вместе спать лечь не могут?

Жуга руку к поясу опустил... то-то в бока впивалось! Оставили ему и пояс и нож даже оставили! Это что же получается? Его теперь большим считают? Почему всё так? И куда теперь идти-то? К дядьке, что ли? Или мамане показаться в новой-то одежде? А, может, и вовсе...

Эту мысль Жуга не додумал. На пороге дома его встретила Альга, которая кивком головы велела ему вернуться внутрь.

— Ты что это задумал? — всплеснула руками она. — Куда собрался?!

— Так дядька же ждёт, — как можно простодушной отвечал Жуга. Заметил уже, на дурочка-то посердятся-посердятся, да и отстанут. С умного и спросу больше.

— Не ждёт тебя дядька, — несильно толкнула мальчишку бабка. — Иди к Нэндру, он твой хозяин.

— Какой ещё Нэндру? — не понял Жуга. — Бабушка, как это — хозяин? Я ж не корова.

— Телёнок ты, — отвесила ему подзатыльник Альга. — Если Кабан сказал, будешь и коровой, и лошадьё. Чтоб не болтал тут чего не надо. Нэндру — это тот сивоусый с гривной на шее. Главный у них, понял?

Жуга подумал. Он в лицо-то главарю не очень смотрел, какие такие у него усы были — не заметил. Вроде и впрямь сивые. И ещё шрам вроде, через лоб и щёку проходит. Еле глаз не задело-то. Бывалый человек.

— Бабушка, так он не один спит-то, — сказал Жуга. — Куда мне к нему?

— Так ты под дверью его подожди, — пожалала плечами бабка. — Если уйдёшь, так он подумает, что ты сбежал. А ты не должен никуда бежать. Эка невидаль — не один! А почему он должен один спать, скажи на милость?

Жуга почесал макушку. Тятка, бывало, выпьет мёду-то, мать сначала отлупит, а потом на неё навалится. У них домишко был мелкий, деваться из него некуда было, зимой особенно. Всякого насмотрелся Жуга, пока маманя-то уйти от тятки не решила.

— А кто это? — простодушно спросил мальчшка.

— Валмеле, — ответила Альга. Жуга удивился. Валма у них первой красавицей ещё в поза-том году считалась. Со спины-то не разглядел, да и не принято в чужих баб-то вглядываться. Спина у Валмы была... ну, как у всех баб, наверное. Вся в следах от палки-то мужниной.

— Так у ней муж же есть, — сказал мальчишка. — Она ж за Товтой замужем.

— Поговори тут у меня! — замахнулась на него бабка. — Много от него пользы, от Товты-то? А у Нэндры видел перстней сколько?

Это Жуга видел. Когда под лавку скатывался — видел. Кровавые, небесные, травяные... камни переливались на пальцах чужака, искрились разными цветами. Только такие, как Нэндру, небось, простым бабам подарков не дарят. Зачем им?

Высказать это соображение Жуга не успел, мимо них, кутаясь в старый платок, проскользнула Валма. Валма, Валмалеле, если ласково, её ещё называли гордой Валмой, когда все парни поселения за ней по пятам бегали. Сейчас она была босая, неподпоясанная и льяные волосы рассыпались по плечам. Домой, небось, бежала-то. У неё там младенец надрывается. А Товта колотушками встретит. Знамо дело, чужаку-то поди откажи, а дома жена возражать не станет.

— Иди, — толкнула Жугу бабка. — Пусть он тебя не хватится.

* * *

Нэндру сидел на разворошённой постели и позёвывал. Увидев Жугу, он пихнул ногой воздух и что-то сказал. Этого слова мальчишка не знал, но понял — сапоги. Подумал — больной Нэндру, что ли? Сам надеть не может? Но куда деваться? Подобрал сапоги, присел на полу да и натянул хозяину-то на ноги. Чудно как-то. Вишь — хозяин. А ну как сказать, что никакому он Кабану не сын?

Жуга взглянул в лицо чужака и передумал. Такой, глядишь, зарежет, если не по нраву что. А Кабан, небось, маманю выгонит. Или вовсе чужакам отдаст.

— Как звать? — спросил Нэндру на местном языке. Голос был гортанный, дикий.

— Жуга, — ответил мальчик. Подумал и добавил: — господин.

— Теперь Катлюс буду звать, — сказал ему Нэндру и засмеялся.

Жуга насупился, но промолчал. Это слово он уже слышал. Щенок. Хоть не телёнок.

— Будешь умён — в доброго пса вырастешь, — посулил Нэндру.

Он поднялся, порылся в мешке, который валялся в углу комнаты, достал чистую рубашку и надел. Потом протянул руку и щёлкнул пальцами. Жуга наморщил лоб. Показалось ему вчера, что перстни на всех пальцах были? А теперь на одном нету.

— Что стоишь? — нетерпеливо спросил чужак. — Подай пояс.

Жуга подобрал пояс, хотел в руки дать, но Нэндру не взял. Пришлось повязывать.

— Видел людей, одетых как мы? — спросил Нэндру.

— Не видел, господин, — тихо ответил Жуга, боясь поднять взгляд.

— А чего в глаза не смотришь, а, отродье?

— Боюсь тебя, господин, — откровенно признался мальчишка.

— Правильно делаешь, Катлюс, — усмехнулся Нэндру. — А теперь брось врать. Говори.

— Не видел, господин, — повторил мальчишка. Нэндру отвесил ему такую затрещину, что Жуга отлетел в угол. С трудом поднялся. С губ стекала кровь.

— Потом с тобой разберусь, — посулил чужак. — Иди за мной.

В самой большой комнате, где были только столы да лавки, хлопотали девки да бабы. Чужаки по одному проходили сюда, привлечённые вкусным запахом, разносившимся из кухни да отсюда. Жуга заметил, что ни одной не просто старой, а даже и в возрасте среди баб не было. И все наряженные, ровно праздник какой. На столах стояли блюда с мясом, с дичью, с рыбой, лежали хлебы. Жуга аж глаза распахнул. Как это Кабан так быстро всё собрал-то? Столько всего! А ещё девки приносили и приносили чаши, да все серебряные, а иные и янтарём украшены.

— Умеет твой отец гостей принимать, — засмеялся Нэндру. Сел за самый длинный стол, во главе, и только тогда другие его люди принялись места занимать. А Жуге чужак на пол указал. Сиди, мол, как щенку и положено. Но подачку не кинул — в руки дал, да не кость, как Жуга уж успел испугаться, а добрый кусок мяса. Жуга такого отродьясь-то не едал! Сейчас жевал и думал — это ж что же, Кабан всех коров забил? А кто молоко давать будет? А зимой им что есть придётся?

Поев, Нэндру вытер пальцы о волосы сидящего у его ног мальчика, поднялся, надел шапку и вышел во двор. Пока ел — ни на кого не глядел, и все молчали. Жуга и не хотел, но пошёл за ним и только краем глаза успел заметить, как все развеселились, стали переговариваться и девок к себе подзывать. А те ничего. Глаза опускали, да шли. Что ж им Кабан посулил, чем грозил-то?

— Ты меня понимаешь? — спросил Нэндру во дворе.

— С трудом, господин, — признался Жуга.

— Кто ещё поймёт?

— Да все, господин, — удивился Жуга. Они тут разные разговоры слышали.

— В седле держаться умеешь? — задал новый странный вопрос хозяин.

— Умею, господин, — ответил мальчишка. Умел-то он умел, да не в таких, как у пришлых. И, правду сказать, не очень-то он умел.

— Что ещё умеешь?

— За конями ходить, господин.

Этому-то он выучился, когда девчонка проклятая от дядьки отстала! Далекое ему до Мантюра, но всё ж таки теперь дядька на него не ругался.

— Тогда поди и присмотри, как твой отец наших коней устроил. Присмотри, чего не хватает — сделай. Обманешь — шкуру спущу.

— Как скажешь, господин, — согласился мальчишка. Это он уже слышал много раз. То дух вышибу, то шкуру спущу, то вообще пальцы на кусочки порежу, бррр! Все они грозятся. Тут главное в оба глядеть и ждать. Рано или поздно все они куда-нибудь да из жизни Жуги уходили.

— Брысь... Катлюс.

* * *

Уже к вечеру Жуга разузнал, что Кабан с чужаками вроде как договорился. Он им — кров, стол, вина дорогого, баб ласковых, а они ему... да ничего почти. Только и того, что дома жечь в их поселении-то не стали. Ходили гордые, сытые, наглые... Кабан-то, оказывается, на закат послал не за подмогой, а за припасами. Пока Жуга спал, пришёл малый караван, привёз еды разной, вина привёз, люди-то по домам тутошним разошлись — отдохнуть. Потом-то обратно убрались, гостить не стали. А чужаки и не думали платить-то. Это Кабан им приплачивал. А то ещё баловаться начнут. На селище, к которому на полудень день-два пути пешему, налетели. Жугу с собой не брали, он и радовался. Говорили, жуть там что творилось. А чего им тут надобно-то, пришлые не рассказывали. Вопросы только задавали странные. Детей, бывало, поймают, сгонят куда-нибудь кучей и давай спрашивать. Не слышали ли писка тонкого да не было ли болезни какой. Жуга-то сразу понял, к чему они. Девчонка-то рассказывала, что за писк и откуда болезнь. Про вампиров спрашивали. Чудищ тех с клыками. И ведь баба-то та пришлая тоже те же вопросы задавала. Не она ли навела? И про бабу спрашивали. И про отрока того надменного тоже. И не раз, не два спрашивали. То забудут, а то опять за ребятами охотятся.

Сирвеле проговорилась. Трусиха. Девчонка совсем, ещё в отроческие года не вошла. Бабы про неё говорили — трудно мужа искать будет. Не то чтоб дурна собой, но какая-то она вечно перекошенная. Рот скривит да и пойдёт. И проболталась. Видела, мол. Был тут. Страшный! Всё глазами-то зыркал. Только пропал он, господин, как есть пропал.

Нэндру как услышал, к Кабану пошёл. Что ж ты, мол, хозяин дорогой, обманываешь? Кабан лицо удивлённое сделал да и ответил, так, мол, и так, был тут отрок. Знатный да гордый. Колдун? Может, и колдун. Пошёл на болото, рисовал там что-то да и утоп. Ему, видать, лучше знать было, что на болоте делать. Как это — не упредили? Да нешто можно знатному-то человеку слово поперёк сказать?..

Нэндру Кабана выслушал с лицом суровым, да отослал от себя взмахом руки. Жуга аж испугался. Не тот был человек Кабан, чтобы его эдак-то отсылали. А как Кабан ушёл, хлопнул себя Нэндру по коленям, да и расхохотался. Поделом, сказал, сопляку. Думал вперёд всех выслужиться.

Жугу-то редко от себя отпускали. То подать чего, то принести, то одеться помочь. А то вдруг возьмут да посадят верхом на коня — в жизни таких громадин Жуга не видывал! — и

хохочут, когда конь Жугу-то сбросит. Ещё плетью добавят — учись, щенок! Крепче держись! Или палку дадут в руки и заставят махать. И тоже хохочут, если Жуга с непривычки по себе-то палкой врежет. Весело им. Еды только вволю дают. И то под стол, ровно собаке какой. А то пнут, бывает, и тоже смеются.

А потом сели на коней да поскакали себе на закат. Жуга уж думал — заели их оборотни! Дней пять их не было. Вернулись — все ахнули. Каждый шкуру привёз волчью-то. Понятно, с кого они их снимали. Кабан как увидел, зубами скрипнул да к себе ушёл.

Глава третья

Побоище

Потом Кабан к Нэндру вечером пришёл. Нэндру бабу-то выгнал, не Валму, Валма ему надоела давно, он теперь с Йомелеле спал, и с пальцев у него ещё один перстень исчез. Бабу выгнал, а Жуге позволил остаться и то и дело пинал носком сапога эдак легонько. Мол, слушай, щенок, да на ус мотай. Когда вырастет.

Кабан принёс опять вина и снова Нэндру велел, чтобы сначала Жуга попробовал, потом Кабан и только потом сам чужак выпил. Не верил, небось. То-то со своего стола всегда Жугу кормил. Жуга всё пытался понять, но Кабан сложно говорил, не разберёшь. А чужак — ничего, вроде как схватывал смысл-то. Они друг к другу уже попривыкли, понимали языки-то друг у друга, на смеси между собой говорили. Ну, Кабан сперва всё расспрашивал. Про лес, про дорогу и даже про ёлки, которые на пути встречались. Какие, мол, прямо стояли и не было ли изогнутых, а вот ещё видел ли Нэндру дерево с раздвоенной верхушкой? А чужак всё сапогом Жугу тыкал и отвечал, посмеиваясь. Потом Жуге ещё налили, он отполз тихонечко на рогожу. А Кабан дальше что-то спрашивал. Наутро у Жуги голова болела, а чужаку хоть бы что было. И вроде ничего не случилось потом, только его всё больше на коня сажали и большее лупили, когда он оземь-то ударялся.

Попривыкнув к чужакам, Жуга научился их разбирать. Раньше-то все на одно лицо казались. Тёмные, страшные, с усами вислыми. А тут присмотрелся. Какие постарше, какие и помоложе. Были и вовсе молодые, едва возмужавшие, у них и усы были покороче, и одежда попроще и они ходили за чужими конями, прислуживали старшим воинам и никогда первыми не брались за ложку за общим столом. Вид у них при этом был всё равно ужасно гордый, мол, пусть они среди товарищей-то младшие, а людей простых ну точно знатнее.

Вот эти младшие-то за коней принялись, кормили их да чистили, да сбрую проверяли. Что старое — в грязь выкидывали, у Кабана новое требовали. А он — ничего, кряхтел да доставал откуда-то. И откуда у него столько всего было припрятано, уму непостижимо. Даже мечи новые некоторым воинам справил. А что это да к чему — никто не сказал, пока Нэндру не растолкал Жугу до рассвета. Одевайся, мол, щенок. Поедешь с нами. И ещё одёжу какую-то подпнул, мол, это натягивай. Оказалось — рубашка толстая, кучей стежков прошитая ^[34]. Жуга такие только издалека видал.

— Куда, господин? — спросонья не понял мальчишка.

— На закат, — пояснил хозяин недовольно. — Ступай во двор, коня приведи мне да сходи за своим конём.

— К-каким к-конём? — испугался Жуга.

— Клячу какую-то твой отец выделил. Если ты на добром коне не держишься, куда тебя девать?

— А... — попытался что-то сказать Жуга, но Нэндру замахнулся для затрещины и мальчишка поспешил выскочить за дверь.

Завтрак им подали, а потом все сели верхом, Жуге тоже пришлось влезть... один из лучших коней-то дядькиных! Но и правда помирнее, чем чужие-то лошади. Стремена пришлось подтянуть повыше, все опять смеялись. Особенно когда он только с колоды в седло-то влез, с земли-то не допрыгнул. И какой-то из младших воинов ещё вручил Жуге копьё, щит да лук да дротики. Помог к седлу привязать, как держать показал, на Нэндру

кивнул. Мол, его это, не потеряй, если голова дорога. Жуга и опомниться не успел! Это его в поход взяли! Во всамделишный поход! Да зачем же? Он и нож-то вот только на днях получил и то потому что Кабану его приукрасить захотелось. А никто и не удивлялся даже. Кабан подошёл к нему, знак благословляющий сделал. Ровно сына провожает. Потом к Нэндру подошёл и парой слов перекинулся. Жуга вдруг понял. Кабан этот поход затеял! А его вроде как сына посылает, что без обману тут всё! Ох, и хитрый Кабан! Ему хорошо! Сгинут чужаки — вот радости будет, избавился! Жугу-то не жалко вовсе! А если вернуться, так, небось, и на этот случай Кабан что-нибудь да придумает.

* * *

Дальше они сперва на закат ехали, Жуга ещё заметил — ровно поменьше их, чем было. Только вертеться никто не дал, ближайший воин оплеуху отвесил. У Кабана, что ли, остались? А потом им навстречу попались... Хорэту, Сэнду и... имён остальных Жуга не знал, они его к себе не подпускали, этих-то чудом запомнил. Пятеро, словом. Что-то Нэндру сказали, тот кивнул и они поехали дальше. Жуга думал — три дня будут ехать! А они куда-то свернули... и тропинку-то ту поди заметь, а там кусты примять и видно — три лошади в ряд проходит! С перепугу у мальчишки заболел живот. Он знал, что западнее от поселения людских селищ не было. Это они к оборотням едут! Прямо в пасти! Жуга заоглядывался... да куда тут сбежишь? Вокруг все чужие и кто бы ему позволил дёру-то дать. А они — ничего. Разве только немного внимательнее стали да напряглись как-то. А потом вой раздался. Жугин конь чуть не понёс от воя-то эдакого. И понёс бы, если бы вокруг других не было. А у них — ничего лошади. Только ушами задёргали. Глухие, что ли? А потом ещё вой, подальше. И поближе. Точно — к драке готовятся.

— Страшно, щенок? — спросил молодой воин, тот, который помог Жуге хозяйское оружие к седлу приторочить. Как же его... Кэрту. Жуга кивнул. С перепугу-то язык проглотил и врать не подумал. — Ничего, пройдёт. Ты только с коня не свались, затопчем.

Жуга закивал головой и вцепился крепче в луку седла. Уздечку-то ему в руки не дали, привязали к коню, который впереди шёл. Не доверяли, значит. Он и сам не знал, можно ли ему доверять, удержал бы он лошадь, к примеру? Тут бы самому не свалиться.

Впереди раздался залихватский свист.

Потом кто-то взвыл и совсем рядом в чей-то щит вонзился дротик. Жуга совсем струхнул. Вокруг расхохотались, обменялись непонятными словами. В кусты, из которых был брошен дротик, полетела стрела.

— Никого, — сказал Хорэту. — Сбежали, трусы.

Они подъехали к поляне, на которой высился тын. Обычный тын, как в любом селище, разве что здесь вроде как поменьше, и домов, по крышам судя, тоже не так много. И ворота такие тоже знакомы, с звериными головами на столбах, только покрепче, чем обычно в селищах. Это Жугу не удивило. Он знал, что оборотни полжизни проводят в человечесьем облике, хоть землю и не пашут, но в остальном такие же люди с виду. И даже боги у них те же самые, только они не матери Кабанихе молятся, а матери Волчице. И то понятно, коли ты волк, так и молись волкам. Было невозможно думать, что сейчас кто-то разрушит мирную тишину этого места... Хоть, по совести, не такая уж мирная. Смолкли птицы, даже лес попритих, а из-за частокола то и дело разносились лающие голоса. Вроде слова знакомые, да

поди различи их. Близко к частоколу никто покуда не приближался и из-за него тоже никто не показывался.

Часть воинов спешила. Жуга свалился с седла, но этого никто, кажется, не заметил. С трудом встал на подгибающиеся с перепугу ноги. Нэндру что-то говорил, воины кивали и отходили в стороны, уступая товарищам место возле главного. Надевали шлемы. Жуге кто-то протянул тоже, с двумя толстыми валяными шапками, чтобы с головы не свалился. Пока он путался пальцами (со страху дрожали руки) в завязках, кто-то успел срубить несколько молодых деревьев и одно потолще. На плечо мальчика опустилась тяжёлая рука.

— Твоё место — за моей спиной, — сказал Нэндру без привычной издёвки. — Что я скажу — подавай сразу. Вперёд не суйся. Убьют, ранят — пеняй на себя.

Он забрал копьё и щит, громко свистнул. Одни воины принялись стрелять зажжёнными стрелами, другие занялись воротами, третьи обходили тын, держа наготове свежие шесты. Кто-то усадил Жугу обратно на лошадь, дал в руки поводья. Дальше Жуга плохо запомнил. Сначала он вцеплялся в поводья руками, а ногами как мог сжимал бока лошади. Потом выбили ворота. Потом пришлось направлять коня за Нэндру, который пустил своего в обход тына. Потом он остался один и с трудом перелез сам через тын, а ведь ему остались ещё колчан и дротики! Кто-то ему шест, наверное, дал. Внутри было страшно. Одни оборотни были в человеческом облике и отчаянно сражались, другие — в волчьем, матёрые крупные, пасти оскаленные... а пришлым-то воинам хоть бы что. Визжали женщины. Разносился детский рёв. Горели стены домов, дымился тын, который защитники лесного селища успели погасить. То там, то сям лежали изрубленные оборотни. Мужчины, женщины... Нэндру бросил через плечо слово, которое, Жуга знал, означает «дротики». После этого стало некогда смотреть по сторонам. Он и не смотрел, только держался за спиной у хозяина, чуть правее, старался не отставать, а то ведь заедят его тут. Старался делать, что говорят. Слова чужой речи были понятны как родные — некогда думать, некогда ошибаться. Один раз Нэндру вдруг не глядя ухватил его за плечо и дёрнул в сторону, а потом себе за спину и ударил вперёд копьём. Жуга вдруг понял, что хозяин спас ему жизнь, но и над этим раздумывать было некогда. Нос наполнил запах крови, чада, человеческих внутренностей, во рту скопилась горькая слюна.

А потом всё закончилось. Стих шум, смолкли Нэндру вдруг подтолкнул Жугу вперёд и указал на землю перед собой. Там в предсмертных муках корчился мальчишка одного с Жугой возраста. В руках он сжимал топорик весь в зазубринах и сколах.

— Добей, — приказал хозяин.

Жуга сглотнул, но лицо Нэндру выражало такую мрачную решимость, что спорить мальчик не осмелился. Скажешь что, а тебя самого тут рядышком положат. Может даже добивать не станут, так дохни. Жуга сжал крепче дротик и ударил что было сил. Видать, удачно попал, в сердце. Брызнула кровь, маленького оборотня скрутила последняя судорога. Всё было кончено. Хозяин хлопнул Жугу по плечу, да так, что мальчишка рухнул на землю.

— Чисто ударил, — похвалил Нэндру. — Толк будет.

Жуга посмотрел на мёртвое тело у своих ног и с трудом встал на четвереньки. Желудок мучительно сжимало. Там-то его и вырвало, прямо на тело убитого оборотня.

Воины осматривали захваченное селище, добывая встреченных оборотней. Они не делали разницы между мужчинами, женщинами и детьми. И то сказать, женщины сражались наравне с мужчинами, бросаясь на хватчиков с большей яростью и сноровкой, чем их мужья и братья. Это не спасло селище. Среди хватчиков раненых было мало. Оружие лесных жителей не пробивало их железной брони. Немногие раны наскоро перевязывались тряпками. Жугу спасло то, что он держался за хозяином. Из разговоров он понял, что часть оборотней всё-таки ушла — подземными норами, входы в которые воины сейчас нашли и на всякий случай поспешили засыпать.

А потом приехал Кабан. Один, на простой лошади, даже похуже, чем Жуге выделил. Огляделся, покачал головой, подошёл к Нэндру.

— Видишь, всё без обмана, — сказал Кабан. Нэндру засмеялся.

— Сам не поехал, — презрительно произнёс он.

— Каждый своё дело должен делать, — отозвался Кабан. Он заглянул в ближайший амбар. Тот стоял нетронутым — защитники селища не пытались оборонять амбары, они защищали только дома, в которых остались их дети. Перешёл к другому, поцокал языком, потом вернулся к Нэндру. Тот кивнул. Жуга вяло удивился, чего это они, но Кабан вдруг громко свистнул, а потом два раза ухнул ночной птицей. В ответ раздался такой же сигнал. Вскоре в разорённое селище выехали незнакомые мужики с телегами. Они покосились на Кабана, потом на захвативших селище воинов, а потом прямо пошли к амбарам и принялись грузить найденное там добро на телеги. Между собой они общались короткими рыкающими словами. Жуга присмотрелся к тому, что они вытаскивали, и аж ахнул! Он-то думал!... Дома тут простые, люди просто одевались, а в амбарах... там и пушнина, и сукно, и мешки какие-то, и чаши драгоценные... где-то просыпался — просыпался, как будто лишний! — янтарь. Бочонки, похоже, с мёдом, кожи, рога, камни разные... Кабан подошёл к мужикам, сунул мешочек с чем-то тяжёлым, погрозил пальцем, потом повернулся к Жуге.

— Как, сынок, не ранили тебя? — с фальшивой заботой спросил он. Нэндру засмеялся. Жуга помотал головой. Вроде он целый... да и с чего Кабану заботиться?... Тем временем мужики опустошили амбары, сели на телеги и уехали. Никто их не останавливал.

— Оборотни? — коротко спросил Нэндру, кивая им вслед. Использовал он местное слово.

— Они самые, — кивнул Кабан. Ему осталась одна доверху нагруженная телега и выглядел он весьма довольным. — Через пяток дней золото привезут, ты уж не сомневайся. У меня всё без обману.

— А не привезут, мы и без него повеселимся, — посулил Нэндру, одаривая Кабана тяжёлым взглядом. Но тот только заулыбался, вроде как заискивающе, а вроде как и нет. Жуга бы немного дал за того человека, который задумал Кабану-то грозить, но Нэндру, может, этого ещё не знал.

— Давай возвращаться, — предложил Кабан. — Пировать будем, а? Вино ещё осталось, а там и новое привезут.

* * *

Жуга и раньше-то не сказать чтобы много бездельничал, а теперь по сторонам-то смотреть некогда оказалось. Чужаки-то теперь стали каждый день с утра биться друг с

другом — не всерьёз, а для выучки, и Жугу тоже гоняли. То подай-принеси-не мешай, а то принимались за свои мучения. Уставали если или так, поглумиться хотели, развеяться. На коня усадят и кричат — спину не так держишь, ноги не там, руки не туда. Упал, получил оплеуху, дальше лезь, если плетью не хочешь. А то палку дадут уж не просто махать, а тоже кричат. Спину выпрями, ноги согни, нет, не так, а плечи зачем задрал?! И сразу палкой тычут туда, где неправильно. Или дротик дадут — кидай, говорят, да чтобы в то полено попадал. И так с утра, аж до завтрака, потом поесть и снова гоняют. То сядь, то встань, то прыгни, то пробегни. То через тын перелезь. А сбежишь, к мамане там или так отдохнуть, поймают, дурь выбьют, и дальше гоняют. Других-то мальчишек отгоняли. Даже издалека посмотреть не позволяли. Увидят если, плетью гонят, да не как Жугу, а до мяса бьют. Вскоре Жуга и сам от пришлых-то не отходил. Мальчишки-то в него камнями начали бросаться, ежели одного встретят. Он даже думал — сказать, может, пришлым, потом понял — ещё и сами добавят, что постоять-то за себя не может.

Но всё ж не пропустил телегу-то с золотом. И впрямь через пять дней приехала. Другие мужики привезли, но похожие на тех, что добычу-то из лесного селища вывезли. Тоже одетые в одну только кожу, и говорят как взрыкивают. Вроде и понятно, а вроде нет. Жуга поближе-то подобрался и подслушал, что они говорят. Мол, вот Кабану обещанное, что за награбленное добро выручили, и теперь-то они вроде как с ним рассчитались за то, что он лес от их врагов-то расчистил. Больше они ему помогать ни в чём не станут. Кабан на это только засмеялся, а один мужик, матёрый, косматый, вдруг добавил, мол, чужаки его свояка убили, так он того, кто его шкуру-то взял, найдёт и накажет. Кабан-то заспорил, они тоже разозлились, сошлись потом, что мужик пусть как хочет делает и, если что не по нему выйдет, пушай на себя пеняет, на Кабане крови не будет.

Так и вышло потом — как-то вечером Хорэту и ещё один вечером в дом Кабана пришли искусанные и шкуру волчью на пол бросили, всю изорванную да окровавленную. Не повезло, видать, тому мужику. Подстерёг, небось, они же без брони-то ходили по поселению, да только не помогло.

Жуга долго думал о том, что же случилось. Выходило так, что оборотни, видать, в ссоре были. Вот Кабан и подстроил, что одних пришлые убили, а другие на их место смогли прийти. Они же охотятся, им место да дичь нужна. Сейчас звери от шума-то разбежались, но ведь вернуться. Получается, Кабан за всех решил. Пришлым — добычу, оборотням — лес и убийство врагов. И себя, видать, не обидел.

Золото пришлые между собой поделили. Нэндру каждому его долю выделил. А часть Кабан себе забрал. Кто-то из пришлых припрятал, кто-то Кабану отдал, кто-то и вовсе девкам швыряться начал. А куда девкам-то золото? У них в лесах такое без надобности. Они и принесли всё Кабану. Тот припрятал и перстни припрятал, которые девки да бабы от пришлых получили, а сам платков взамен раздарил да бус медных, да поясов узорчатых.

Глава четвёртая

Нагбарский форт

Мирно прожили всю осень и зиму до самой зимы. Да и то сказать, кому на таком холоде сражаться-то захочется? Студёно было — будто отвернулось от них ясное солнце. Старики-то ещё в родном селище Жуги говорили, ежели такой мороз, надо к небу ребятишек-то послать, дескать, увидит их небесный старик да и разжалобится, солнцу силу вернёт. Жуга тогда-то не понимал, как это — послать на небо, теперь-то догадывался. Это их в огонь живьём кидают, чтобы с дымом вверх взлетели. Говорили, в иные годы князя от каждого селища по ребёнку собирали и всех их вместе Крайвите, Князь-Жрец общий, в жертву-то и приносит. Брр. Ещё говорили, что бывают и другие жертвы. Можно, к примеру, вражьего воина наверх послать, но этому ещё долго до огня мучиться приходится, воину ведь и почёт больше.

Если Князь-Жрец этой зимой гонцов к небесному старцу-то посылал, то без их поселения обошёлся. Жуге и без того забот хватало. Мороз такой, а Нэндру его каждое утро из дома в одной рубахе выгоняет. Ещё и покрикивает, мол, терпи, щенок, в тепле пусть мужики отлёживаются. А он-то, Жуга, кто? Мальчишка простой, даже не отрок, куда там ему до мужика. Но приходилось терпеть.

А как весной снег сошёл да дороги перестало развозить, Кабан снова к Нэндру пришёл. Жугу на сей раз выгнали, что-то долго за запертой дверью обсуждали, а потом готовиться стали — пуще прежнего. И не только чужаки, ещё мужикам Кабан велел не спорить, пахоту бросить да телеги в дорогу готовить. И ничего не объяснил. Жуге-то справили новое седло, как у чужаков, да пуще прежнего принялись над ним-то глумиться. То службу требуют, а то развлекаются. Посадят на коня, да велят вперёд ехать, а сами мимо проезжают и копьями тычут. Хорошо хоть тупым концом! Не успел уклониться — собьют с коня, плетью добавят и велят снова пробовать. Жуга синяки-то и не считал теперь вовсе. Бывало, чёрный весь от них делался. А хныкать нельзя. Некому его теперь жалеть, раньше хоть маманя жалела. Кое-как притерпелся. Понял, если всё как велят, делать, так и получится.

А потом его до света Нэндру пинком разбудил, раньше прежнего. Жуге и объяснять ничего не надо. Собрался да со всеми на коня своего сел. Теперь-то они ему поводья в руки дали. Сказали — свалится, подбирать не станут. Ну, Жуга-то и старался, чтобы не свалиться.

Кабан с ними поехал и мужиков несколько. С телегами опять же. Ехали долго, сперва на восход, потом на полночь. Жуге-то ничего говорить не стали. Ехали, ехали, потом по лесу пробирались. А потом Нэндру опять со своими поговорил. Кто спешился, коней в сторону отвёл, кто верхом остался. Шлемы все надели, сбрую проверили. Нэндру подозвал Жугу-то да и сказал коротко. Верхом поедем, за мной, мол, держись, делай, что велят, глядишь, и жив останешься. Кабан его благословил. Жуга думал — поедут теперь вперёд, но нет. Нэндру в сторону куда-то поехал и с ним чужих-то десять, не больше. Выбрались поближе к открытому месту, а там... вроде как селище посреде дороги — с тыном, с воротами, — а вроде как и нет. Тын повыше да покрепче. Дома из-за него тоже повыше виднеются. А на воротах голов нет, вообще никаких. Зато на самом высоком доме вроде как шест укреплен и на нём что-то вроде плоского такого... не то круга, не то яблока. Как дети на земле рисуют.^[35] А ещё на другом здании тоже шест и на нём полотно развеивается. Красное как кровь и на нём олень вышит золотом^[36]. День-то ветреный был.

Десять пришлых вышли из лесу к воротам. Пешком вышли. Среди них были и Кэрту и другие младшие воины, а вёл их Хорэту и ещё Кабан рядом шёл зачем-то.

Хорэту встал напротив ворот и закричал, а Кабан перевёл его речь на язык нагабаров. Вроде как сдаться предлагал. Обещал пощадить защитников, если выйдут и сложат за воротами всё оружие. Из селища прилетела стрела, вонзилась в щит. За тыном запели рога. Отворились ворота, вышли нагабары. Всегда, небось, нападения ждут. Место такое — дорога. Мало ли кто по ней проедет. Жуга соображал, что тут делается. Он знал, что нагабарские земли от них на полночь да на закат лежат. А тут ведь не нагабарская земля, а княжеская... тут князь Гирдас правит... или родич его, князь Бутас. А нагабары, небось, на дороге на восход встали, потому как на дороге всегда выгодно. У них ворота-то эвон какие широкие! Небось, чтоб побольше телег с товарами вошло! Вот Кабану-то и не по нраву. Так не по нраву, что он сам пришёл, толмачом у пришлых сделался. Лишь бы нагабаров с дороги прогнать.

Нагабары были, не в пример лесным оборотням, одеты в броню не хуже чем у пришлых. В руках они держали топоры на длинных древках и двигались все вместе, как один человек. У пришлых-то топорики были другие, с лезвиями узкими как птичьи клювы. И нагабаров, конечно, было больше. Как пришлые-то не испугались? Жуга и тот в кустах перетрусил, а пришлые — ничего. Подпустили нагабаров да и ударили. И те в ответ. Бой совсем чуть продолжался, когда Нэндру свистнул да и погнал коня вперёд. С двух сторон конные на пешех-то нагабаров накинудись. Те как поняли, к воротам заторопились, да куда там! Разве от всадников убежишь? Жуга, как велено, держался возле хозяина и подавал что сказано. Страшно было! Но думать некогда. Нэндру то мечом с коня бил, то копьём колол, звенели колокола с того высокого дома с кругом-яблоком, кричали женщины, дети... на этот раз убивали не всех. Пришлые гнали — тупыми концами копий и плетьюми, — людей на площадь и били, если те пытались бежать. Потом смолкли колокола, но бой не прекратился. Из домов выскакивали нагабары, иные и без брони, но с мечами да топорами, и бросались в бой. Этих убивали сразу. Поджигали дома. Тот большой, с яблоком, и тот, где висело полотнище, тоже запылал. Наконец нагабарские воины кинули оружие на землю. Пришлые расхохотались. Жуга думал, они убьют пленных, но нет. Просто выгнали за ворота — в одних сорочках, босыми, неподпоясанными, с женщин платки и украшения сорваны, — и плетьюми погнали в сторону Нагабарии. А Кабан тем временем привёз свои телеги, порыскал, нашёл ещё телеги в селище и потихоньку принялся добро на них грузить. Мужиков своих из леса вывел, им тоже работу задал. Они и работали, но нерадостно. И совсем недобро на Жугу посматривали, который вместе с младшими пришлыми ходил по чужому селищу и учился, как они горла раненым перерезают. А он разве сам это выбрал? Разве не отдал его пришлым Кабан? Да разве мужикам ничего с того добра не достанется?! Но ничего из этого они знать не хотели и только шептались, мол, на беду чужаки нагрянули, на беду чужаки нагабаров разгромили, и на беду с ними Жуга крутится, утопить бы змеёныша.

* * *

В поселение не все возвращались. Раненые, конечно, да уцелевших не больше половины. А остальные с Кабаном и его телегами поехали на восход. Вроде как продать там добро можно, через леса оборотней не ездить. Понятное дело, второй-то раз они караван не

повезут, расплатились уже за то, что им пришлые лес расчистили. Как вернулись, мужики-то им вовсе не обрадовались. Кабана-то не было, чтобы каждому объяснить, как ходить, как себя держать, как смотреть. Ну, и увидели все, что пришлых-то тоже ранить можно. Небось, раньше думали, что это грозовые воины с неба пожаловали. А тут — обычные люди, кого сильней, кто слабей, а всех в бою задело. Знахарка-то была в поселении, бабка Плонка, не отказала пришлым-то, хотя Жуга знал — шепчут ей в уши, мол, уморить их надо, зачем помогаешь? Это ж нелюди! Но, видно, рука не поднялась. Знахарки народ особый, их даже враги щадят, потому что они никому больному да раненому не отказывают.

А вот на Жугу смотрели косо. И хоть мужики-то, которые видели, как Жуга горло нагабарам резал, покуда в поселение-то не вернулись, хватало и того, что мальчишка за чужаками ходил как привязанный. А попробуй не ходить? Полдня не видят — уже бьют, как поймают. А то ещё свои камнями швыряются. Тут или сбежишь, или будешь пришлых слушаться.

Один раз даже Товта, муж-то Валмелеле, которая первая с чужаком-то легла, Жугу увидел во дворе, да толкнул в грязь. И слова говорил нехорошие, вроде как те мужики у нагабарского-то селища. Змеёныш мол, вражий выползок, раздавить его надо и всё их вражье племя извести. Жуга уж не знал, жив ли останется, когда их Кэрту увидел. Подошёл эдак спокойно к Товте, тот оробел, да не слишком. Кэрту же помладше других пришлых-то будет, а в бою его ещё ранило. Недавно только отлежался. Товта и нос задрал, что ты мне, мол, сопляк, сделаешь?... Кэрту тогда молча взглянул да наотмашь мужика ударил. В лицо ударил, а на руке перстни с камнями. Поменьше, чем у Нэндру, но Товте хватило. Нос разбил. А Кэрту меч достал, чужаки-то без мечей по поселению вовсе не показывались, к горлу Товты приставил.

— На колени, — холодно сказал пришлый. Товта сглотнул, оглянулся по сторонам, но спасения было ждать неоткуда. Пришлый-то не побоится горло ему перерезать, это было видно и по глазам, и по рукам и особенно по обнажённому мечу, который, кажется, сам тянулся испробовать человеческой крови. Товта опустил на колени — медленно, ломая свою гордость. В поселение-то знатные люди не заглядывали, мужикам-то не то что колени пачкать, спину лишней раз ломать не приходилось. — Целуй сапоги.

Сапоги, как нарочно, у Кэрту были грязные. Обычно младшие воины обувь и себе, и старшим воинам чистили, но с Кэрту службу не требовали, пока рана не зажила, он и себя забросил. Товта снова оглянулся. Меч в руке пришлого нетерпеливо дрогнул и мужик наклонился, покорно целуя сапоги воина. Сперва один, потом второй. Кэрту чуть отвёл меч и пнул Товту прямо в лицо.

— Пшёл прочь, — сказал он так же равнодушно и отвернулся. Товта снова сглотнул, но, видно, мстить не решился. Отполз немного, на четвереньки поднялся, потом на ноги, рот рукавом вытер да и ушёл.

Всё это Жуга видел, сам сидючи в луже. Уж очень его Кэрту испугал. Того и гляди Товту убьёт. А Кэрту вложил меч в ножны и подошёл к Жуге. Пнул, не то чтобы сильно, но так, заметно очень.

— Почему сам за себя не заступаешься? — презрительно спросил пришлый. — Думаешь, отец поможет?

Жуга помотал головой. Чего Кэрту было от него надо, он не понимал.

— Трус!

— Так он же старше, господин, — промямлил мальчишка.

— А ты только младших бьёшь? — скривился от отвращения Кэрту и снова толкнул Жугу ногой.

— Так обычаи же, господин... старшим-то всегда виднее.

Кэрту хмыкнул.

— Встань, щенок, — приказал он. — Иди за мной.

Жуга и рад был послушаться. При Кэрту в него хоть камни кидать не будут. А Кэрту привёл его туда, где пришлые-то воины друг с другом сражались. Сунул палку в руку, сам тоже палку взял, оглядел Жугу и скривился.

— Встань как тебя учили, щенок.

Жуга не сразу припомнил, но встал. А куда деваться-то?

— Попробуй, ударь меня.

— Да как же, господин...

— Ну же!

Жуга и попробовал. Палку поднял, а она тяжёлая, он её двумя руками ухватил и замахнулся. Кэрту-то как-то так сделал... вот Жуга на земле с одной стороны лежит, вот палка с другой валяется. Остальные-то свои драки бросили, вокруг собрались, хохочут.

— Встань, — приказал Кэрту. — Палку возьми. Да не так. Второй рукой не хватайся, а то за спиной привяжу. Давай ещё раз.

Жуга даже по сторонам оглядываться не стал. И так знал, что не видать ему никакой подмоги. Если уж пришлые над ним посмеяться решили, им в этом ни небо, ни земля не помешают.

Глава пятая

Отряд Увара

Чужаки, что с Кабаном ушли, вернулись спустя время. Без Кабана вернулись. Люди уж не знали, что и думать, но Жуга-то слышал, как Хорэту сказал Нэндру, мол, хитрец Кабан до города их довёл, в город один вошёл, вернулся, золота им вынес, мужиков с телегами забрал и снова в город ушёл. А они его ждать-то не пожелали. Кто его знает. Город всё ж таки, не лесное селище. Стены каменные, дома крепкие, внутри-то всяко не пара десятков защитников. А ну как их хитрец Кабан на своих «гостей» натравит. Лучше уж сюда вернуться. Нэндру это не порадовало. Собрал своих-то, мужиков и баб выгнал, сказал, мол, загостились, надо бы собираться. Про город ничего не добавил, а только про то говорил, что нечего, мол, тут в глуши разлёживаться. Дома-то небось новый князь давно сидит. У мужа-то госпожи их брат был младший, недавно в возраст вошёл. Как госпожа-то пропала, многие говорили про то, что лучше нового князя призвать. Всем он люб, этот брат мужа-то княгини, всем он хорош. Пока их дома не было, слуг княгининных, поди, всех повесили, сама она в этих краях сгинула... надо нового князя искать.

Жугу-то прогнать забыли. Потом заметили, за дверь выставили и дальше разговор продолжили. До чего пришлые договорились, он не знал, только заметил: настороже они теперь. Золото, которое им Кабан дал, поближе к вьючным коням снесли, всю сбрую проверили... хоть сейчас садись на лошадей да и отправляйся в дорогу. А всё же не торопились. Ждали, с чем Кабан вернётся. Вроде как и не тревожились. Только ходить по одному перестали, дозоры наладили да за мужиками здешними стали приглядывать. А ну как врагов наводят?

А Кабан всё не возвращался и не возвращался и вот вместо него другие наскочили. Жуга-то их видел уже и все в поселении тоже. Дядюшка Увар, девчонкин-то родич, со своим отрядом. Ой, и много с ними было народу! И бабы, и девки, и дети... только сперва-то малый отряд наскочил. Наскочили, пришлых увидели, крикнули что-то вовсе непонятное, развернулись и уехали. Пришлые тут же одеваться принялись. Броню свою надели, оружие приготовили, на коней своих расселись... а тут и Увар подоспел. И ведь неказистый-то человек, а как гордо себя держал! Кабан как-то про него обмолвился, что он вроде как лично своему князю служит, никому другому не кланяется.

— Кто вы такие? — спросил этот самый Увар на местном языке. Говорил он плохо и как будто проглатывал половину звуков. Поди его ещё пойми!

— Не твоё дело, пёс, — гортанно отозвался Нэндру тоже по-местному. — Зачем пожаловал?

— Ты хуже пса, ты шакал. По какому праву вы загораживаете нам дорогу?

Что такое шакал, никто не понял, слово было произнесено незнакомое. Но Нэндру, видно, его откуда-то знал.

— По какому праву ты спрашиваешь? — зло отозвался он, оглаживая рукоять меча. Видно было, этих людей так просто конями не стопчешь. И сами верхами, и оружие при них доброе, и их больше, чем пришлых-то. Да и место на въезде в поселение неудобное. Коней не развернёшь толком. Увар, видать, тоже это понимал.

— Хочешь ответа — ступай к реке, — предложил он. — У реки ответим.

У реки-то просторно на берегу было. Увар-то там и останавливался, когда через них на

восход проходил. Нэндру скривился.

— Ещё до ночи в небесных чертогах пировать будешь, — посулил он.

Увар расхохотался:

— Ну, а ты прямиком в преисподнюю отправишься!

Что такое преисподняя, никто тоже не знал, и Нэндру, кажется, тоже. Но понял, что не в хорошее место его посылают, и нахмурился.

* * *

К реке-то всем поселением высыпали. Все дела бросили, смотреть отправились. Шуткали! Чужаки дерутся. Сперва с каждой стороны по одному воину вперёд выехало. Из пришлых-то с топором узким, а человек от Увара вроде как шипастый такой шар на цепи к палке приделанный держал. Съехались-то, ударили, щитами-то прикрылись, разъехались, снова сошлись. А там и остальные тоже присоединились. Жуга-то вместе со всеми смотрел. Вместе, да не вместе. В лесу схоронился, от остальных-то в сторонке, да и смотрел. Не любили его теперь в поселении.

Пришлые-то кучкой держались. Копья вперёд выставили и ехали — сперва медленно, вовсе шагом, а потом вроде как быстрее и быстрее. А из людей Увара иные-то стреляли из луков каких-то странных — коротких и поперёк них тоже что-то приделано [\[37\]](#), а иные тоже вперёд скакали, только по-другому, чем пришлые, держались. Увар-то людей своих полукругом пустил и они вроде как обняли пришлых. Пропустили, а потом с боков ударили. Все кричат, все друг друга подбадривают. Местные-то тоже кричали. Увару, конечно, кричали, он ведь им знаком уже был и не обижал никого, когда летом гостил. А пришлые — а что пришлые? Нелюди, как есть нелюди! Шум, визг, вой, крики... Вон один пришлый лежит, а вот и второй... и ещё вон там... Те, которые с Уваром-то пришли, тоже не все на людей похожи. Визжат, мечами кривыми размахивают, боли не чувствуют... страшные! Нэндру-то вдруг крикнул что-то. И вроде всё не так стало. Уже не два войска сражаются, а одно другое к реке теснит. Теснили-теснили, потом пришлые вроде как вместе собрались и принялись себе дорогу расчищать, вроде как проталкиваться вдоль реки на восход. Иные-то из них даже не заметили этого, всё бились да бились с людьми-то Увара, но большинство всё ж вырвалось. Стрелами ещё назад стреляли да с тем и уехали.

Рассказывать-то оно вроде как тихо можно, а там-то ничего тихого не было! Люди-то Увара, как поняли, что их берёт, за чужаками ещё погнались немного, но и среди них было много раненых, бросили гнаться-то.

Кто-то по полю прошёлся, добил тех пришлых-то, которые с коней свалились, а другие своими ранеными занялись. Баба откуда-то страшная в мужской одежде появилась, захопотала. Вроде как тоже знахарка-то. Ну, и местные подскочили, чашу с мёдом Увару подали, в дом Кабана позвали, не побрезгуй, мол, гость дорогой, спаситель ты наш, избавитель. Увар-то и не побрезговал. Оказалось, правда, что не все пришлые к реке-то вышли, нашлось кому коней сменных увезти, да тех, которые поклажу возят. Пока Увара-то у реки чествовали, пришлые всё своё забрали и убралась подобру-поздорову. Увар-то, конечно, хвастался, мол, отдохнуть только дайте, догонит и добьёт, но понятно было, что не станет. К ночи новая радость. Кабан вернулся. Разминулись они как-то с пришлыми. Кабан-то по другой дороге ехал, поближе к нагабарской стороне. И сам вернулся, и мужиков,

которых с собой взял, вернул, и даже телеги с добром. Был там и хлеб, и мясо вяленое, и ткани разные и всего много такого важного, что и не понять даже, как Кабан без оружия это всё провёз. Но вот. Провёз как-то. Выслушал местных-то, Увару руку пожал, на баб цыкнул, чтобы еды несли. А те и рады стараться. Эти-то гости — не чета пришлым. Ни на кого грозно не глядят, людей грязью не считают, спать с собой девок не заставляют да и свои жёны у них. Живо всех гостей по домам разобрали, никто под открытым небом не остался. Только те, странные, которые в бою визжали, недовольны были. Хотели даже отказаться, но Увар что-то сказал, прикрикнул — они и пошли. Дозорных тоже выставили. Видно, бывалые люди.

* * *

В доме Кабана, в общем зале, былолюдно. Там сидели и воины Увара (не все, конечно), и мужики из поселения, и люди Кабана, включая того кривоного старика из полуденной страны. Всем было весело. По кругу пускали чаши с мёдом, по кругу пускали блюда с едой, а Увар сидел выше всех и рассказывал что-то о своих странствиях. Жуга не слушал. О нём все забыли. Мальчишка забился в угол и пытался понять, что же ему делать. Пришлые ушли. Убрались из его жизни, как это случилось со всеми, кто ему когда-то угрожал. А его вот оставили. Забыли, как ненужную вещь. То и понятно — кто он им? Так, щенок подсунутый.

А местным? Местным ещё хуже, чем щенок. Змеёныш. Мужики-то, которые с Кабаном вернулись, рассказали, поди, как он раненых нагабаров добивал. Тут-то ему, небось, и конец придёт. А куда деваться? Куда он денется, кому он нужен...

Жуга тихонько выскользнул во двор. Кабан, небось, одёжу свою отберёт хорошую, и обувь тоже, да и...

— Вот ты где! — раздался злорадный голос Войши.

Жуга втянул голову в плечи. Он за зиму-то вытянулся и окреп, но и Войша меньше не становился. Отрок, уже скоро и вовсе возмужает, а уж злющий-то! Ведь и раньше Жугу за что-то бил, а Жуга тогда и вовсе ничего не сделал!

— Чего тебе? — пробормотал Жуга.

— Что, бросили тебя твои чужаки? — злорадно спросил Войша и толкнул Жугу в плечо. Несильно толкнул, так, примерялся. — Теперь ты у Кабана не любимый сынок? Трус, подлиза! А расскажи, чему они тебя научили? Небось навоз за ними убирать?

— Я тебя не трогал, — тихо сказал Жуга, но разве Войшу этим уймёшь? Как ещё всё поселение не позвал посмотреть, как «змеёныша» бить будет.

— А помнишь, как они меня плетью огрели? — не отставал Войша. — Теперь-то они за тебя не заступятся! Где они теперь? Сбежали! Хвосты поджали и сбежали!

Жуга, конечно, помнил. Войша тогда хотел подглядеть, как пришлые Жугу гоняли, а им такое без надобности. Сами-то над ним ухохатывались, а мальчишек местных и убить могли, если те не убегали. Нечестно это! Он никому тут ничего не сделал и к Нэндру не напрашивался! И мужики-то тоже хороши. Сами головы поднять при пришлых боялись, а теперь-то конечно! Петухами расхаживают! Прогнали чужаков! Да кто прогнал? Увар и прогнал, он пусть и гордится, а вы-то тут при чём? И Войша туда же!

Войша толкнул его сильнее, но Жуга устоял. Не зря ж его пришлые-то гоняли и били, если падал. А Войша окинул взглядом его фигуру и вдруг догадался, чем посильней уесть.

— Нож-то отдай, — приказал мучитель. — Ты не отрок, тебе его даже в руки брать нельзя. Отдай!

Жуга попятился. Войша его сильнее. Пожалуй, что отберёт да ещё синяков наставит. А что синяки? Будто мало его и без Войши били. Достал нож. Хороший. Такого железа ни у кого нет, Кабан, верно, купил где-то далеко. А ножны местные. У них здесь мастера есть, так кожу выделают — никто больше не сможет!

— Отдай! — жадно протянул руку Войша.

И Жуга решился. Чуть не зажмурился с перепугу-то, но вспомнил, как его за это пришлые лупили. Нет, надо в оба смотреть. И ударил. Хорошо ударил, как учили. Войша и не вскрикнул даже. Упал сразу и кровь хлынула. А Жуга смотрел на него и трясся. Вот он сам сейчас... не чужого, не оборотня, не нагабара. Своего убил... Теперь ему ни к одному очагу сесть нельзя... Боги отвернутся. Огляделся — вокруг никого. Все в доме, все Увара слушают... Жуга наклонился... вроде мёртвый. Вытер нож о сухой край рубахи Войши — почти всю её кровью залило. Убрал нож в ножны. Постоял ещё. Повернулся да побежал.

Ноги сами принесли туда, где его конь стоял. Тот, любимый дядькин, которого Кабан Жуге для похода выделил. Жуга-то помнил, где сбруя лежала. Коня погладил, взнуздal — сам не запомнил. И как в седло вскочил — тоже из памяти выпало. Только и осталось, что дорога в ночи. Туда, на восход, где скрылись пришлые. Сидел как учили и всё коня какой-то веткой нахлёстывал. Добрый у дядьки конь. Не сбросил, не заартачился. Бежал и бежал, покуда вдруг на дороге не окликнули. Жуга уж не знал, куда теперь, бежать, спасаться, коня гнать, вдруг вывезет? Но потом расслышал: гортанный голос-то, знакомый. Пришлые? В темноте не разглядеть. Его с седла сняли, пальцы разжали, так в поводья вцеплялся. К костру бросили, насильно в рот вина влили горячего. Жуга даже удивился — за что ему почёт-то такой? Его всё колотило. Кто-то сунул чашу в руки, Жуга в неё вцепился и глаза уткнул. Спросят сейчас, а что он скажет?

Кто-то толкнул его носком сапога, от костра легла чёрная тень. Жуга поднял голову и увидел спокойное лицо Нэндру. Лоб его был обвязан тряпкой, на которой чёрным пятном проступала кровь. Нэндру ждал.

— Я убил его, — сказал Жуга. — Войшу. Он хотел отобрать нож. Сказал... сказал... сказал, что я не отрок. Не мне носить. Хотел себе забрать. А я не дал.

Он опустил взгляд на свои руки и только сейчас понял, что они перемазаны в крови. В чужой, но и своей тоже, неудачно как-то нож зажал, пальцы на лезвие под конец удара скользнули. Тогда не заметил, а теперь было больно.

— Ты не отрок, — согласился Нэндру. — Ты щенок.

Катлюс — щенок на их языке. Его новое имя. Жуга вдруг понял, что пришлые не дразнились. Они были — как княжеская свора собачья, натасканные убивать псы. А он ещё щенок. Может, в доброго пса вырастет. Если не убьют туточки.

Катлюс.

Жуга всмотрелся в глаза хозяина — в них ничего не отражалось — и кивнул.

— Оставайся, — сказал Нэндру. И Жуга вдруг перестал дрожать. Он глотнул ещё вина из чаши и выплеснул остатки в костёр — для богов. Чтобы не забыли его теперь. Верят ведь эти люди хоть в каких-то богов? Родные, небось, за Жугой теперь не присмотрят.

История четвёртая

Эрна

Глава первая

В дорогу

Эрне недавно исполнилось двенадцать лет и она была очень довольна собой. Хорошенькая, светловолосая — в родителей, — она унаследовала рост своего отца и уже почти переросла свою мать, ведьму Магду. Девочка говорила, кроме своего родного языка, на нагбарском, на церковном, знала говор болотных язычников на востоке. Подруга матери, тётушка Вейма, хоть и редко её отпускал от себя Дюк Клос, преподавала девочке основы семи свободных искусств, старый друг матери, дядюшка Лонгин, начал учить Эрну чёрной магии, ну, а Магда приваживала к своему ремеслу. Эрна была убеждена, что это делает её лучше не только сверстников в деревне, но и всех людей, которых она знала с самого рождения. Пережитые пять лет назад ужасы отступали в прошлое, забывались. Мать частенько оставалась ночевать в замке, она родила барону нескольких сыновей и всех их барон признал, хоть и не дал им доли в своих владениях. Эрна не раз оставалась в лесном домишке совершенно одна, на что не решился бы никто в деревне, и не раз принимала людей. Давала советы, которые дала бы мать, варила снадобья, а иногда и выполняла другие просьбы, которые мать никогда бы не согласилась выполнить. Дядюшка Виль — он же висельник и убийца, высший посвящённый и проклятый Медный Паук — заходил к ним редко и, казалось, не всякий раз вспоминал даже, что Эрна обещана ему ещё до своего рождения. После того случая пять лет назад барон выхлопотал ему прощение за все совершённые преступления и с тех пор Виль умудрялся не попадаться.

Всё было прекрасно, только вот в последнее время на Эрну стали странно коситься в деревне. Говорили — и это была неправда! — будто бы от её взгляда киснет молоко. Будто дети плачут и болеют, если она берёт их на руки. Будто советы её хороши, но, стоит прибегнуть к её помощи, в доме непременно что-то да сломается. Кто постарше, вспоминал старую ведьму, наставницу Магды, от той всегда было вреда ничуть не меньше, чем пользы. А недавно один из мальчишек, Аццо, кинул в неё комком грязи, прямо на новенькое платье, недавно привезённое Веймой из Раного! Эрна только повернулась, только посмотрела на него — паршивец упал на колени и забился в судорогах. Притворялся! Конечно, он притворялся! Но почему-то все столпились вокруг него, проклятый мальчишка всё никак не хотел униматься и Эрна, не выдержав, сбежала к себе в лес. Магда потом говорила, будто её вызывали унять припадок у ребёнка в деревне. Ребёнка! Да он выше Эрны!

С тех пор Эрна побаивалась выходить к людям. В замок её брали редко и девочка проводила целые дни в лесном доме. Доила коз, кормила кур, ухаживала за огородом, убирала в доме, варила зелья и снадобья... провидческое зелье Магда ей не разрешала ещё готовить и не открывала рецепт. Эрна читала книжки, которые ей присылал дядюшка Лонгин, училась по его заметкам, упражнялась в логике по письмам тётушки Веймы. И, пожалуй, даже скучала.

В тот день Эрне приснился плохой сон. Ей приснился день, когда ей исполнилось семь лет. Было это в конце зимы, когда они с матерью и дядюшкой Вилем скрывались у болотных язычников на востоке.

В щели жалкой лесной хижины задувал ветер. Последний месяц зимы — месяц ветров, беспокойный и недобрый. Почти как сама Эрна. У девочки отрасли волосы, но в косу их заплетать было ещё рано. Она сидела у очага и жарила на веточке рыбу, мать пряла, а

Виль что-то выстрегивал ножом. Потом поднял взгляд на Магду — злой взгляд, полный пугающего ликования.

— А когда ты Эрну рожала, вот так же ветрено было, Маглеин? — спросил он.

Эрна придвинулась ближе к очагу. Не то от ветра, не то от слов дядюшки Виль в хижине будто стало холоднее. Магда пожала плечами.

— Ветер дул всю неделю, — ответила она, с трудом вспоминая то время, — и стих, когда я рожала. А на следующий день снова завывала вьюга. Почему ты спрашиваешь?

— Так ведь срок вышел, Маглеин, — сказал Виль спокойно и поднялся на ноги. — Собирайся, Эрлейн. Теперь ты моя.

— Ты с ума сошёл, — нахмурилась ведьма и отложила веретено. — Куда она должна собираться?

— Ай-ай-ай, Маглеин, — покачал головой убийца. — Какая ты забывчивая стала. Ты с папашей Вилем как договаривалась? Отдашь ребёнка, когда тому исполнится семь лет. Срок вышел. Собирайся, Эрлейн, я повторять не буду.

— А я? — оторопела Магда.

— А ты оставайся, — пожал плечам Виль. — Ты мне не нужна.

— То есть как — не нужна? — глупо захлопала глазами мать и взгляделась в лицо названного брата. — Но ты же говорил...

— Можешь возвращаться к своему барону, — великодушно разрешил убийца. — Спросят, так и ответишь — забрал Эрну и ушёл.

— Одна?!

— Ай-ай-ай, Маглеин, — повторил убийца. — Привыкла на горбу у папаши Виль выезжать. Пора бы тебе повзрослеть. Вот теперь и поучишься.

— Повзрослеть?!

— Брось, Маглеин, — досадливо отмахнулся Виль. — Хорош спорить. Доберёшься как-нибудь. Придумаешь. А нет — останешься здесь. Тут, знаешь, тоже прожить можно. Замуж выйдешь. Здесь ведьм на кострах не жгут.

— Замуж?!

— Не хочешь — не надо, — пожал плечами Виль. — Эрлейн! Живо!

Мать шагнула вперёд, загоразживая девочку.

— Она никуда с тобой не пойдёт, — отчеканила ведьма.

— А то что? — засмеялся Виль. — Брось, Маглеин. Давай расстанемся по-хорошему.

Эрна прижала к груди веточку с недожаренной рыбой и тихонько отползла в сторону, пока взрослые не обращали на неё внимания. Она потом так всё и запомнила — снизу, с земляного пола. Невысокие Магда с Вилем во сне казались ей огромными и пугающими.

— Чего ты хочешь? — прямо спросила ведьма.

— Я? — удивился вопросу убийца. — Я же сказал. Забрать своё и отделаться от тебя. У меня есть дела поважнее, чем возиться с глупой курицей, которая почему-то называет себя ведьмой. Ты разве не рада вернуться насиживать своего цыплёнка?

— Виль, перестань! — взмолилась Магда. Убийца засмеялся.

— Виль то, Виль сё, Виль, сделай, Виль, приди, Виль, уйди. Сама теперь проживёшь своим умишкой.

— Виль, я прошу тебя.

Убийца покачал головой.

— Радуйся, что жива остаёшься, Маглеин. А будешь надоедать...

В его руке сверкнул нож. Магда произнесла несколько слов — Эрна не расслышала — и нож сам собой выпал из руки убийцы. Виль засмеялся ещё громче.

— Ай-ай-ай, Маглейн, как нехорошо. Заговоренный нож папаше Виллю подсунула, да? Как глупо. Ничему тебя жизнь не учит. Ты же не думаешь, что он у меня последний?

Лицо ведьмы страшно побелело в свете очага. Она согнула ноги и опустилась на колени.

— Я тебя умоляю, — прошептали бескровные губы. — Оставь мне мою девочку.

— Я тебя не слышу, — резко бросил убийца. Казалось, он наслаждается происходящим.

— Умоляю! — крикнула ведьма.

— То-то же, — смягчился Виль. — А то горазда приказывать.

Он отступил на шаг и выставил вперёд ногу.

— Целуй, Маглейн, — предложил он. — Будешь теперь меня как рабыня слушаться.

Эрна как во сне — тогда это казалось нереальным, невысказанным! — смотрела, как мать жалко, на коленях ползёт по полу, как...

Девочка дико завизжала, её магия вышла из-под контроля, из-под пальцев полилась тьма, заполнила хижину, селение, весь мир и...

Эрна проснулась.

— Опять тот сон? — хмуро спросила мать. Оказывается, она вернулась затемно и сейчас крик дочери разбудил её. Эрна кивнула и Магда принесла дочери горький отвар, успокаивающий мысли. Этот сон теперь снился Эрне каждый год в ночь перед её днём рождения. А иногда и просто так. Как сегодня, когда с двенадцатого дня рождения прошла уже четверть года.

— Зачем он так сделал? — в который раз спросила девочка. — Мама, зачем?!

С тех пор он никогда не издевался над своей названной сестрой, никогда её не унижал и не грозил, что заберёт у неё Эрну. Помог вернуться в Тафелон, изредка навещал... учил девочку понемногу и всё больше нестрашным вещам. Ставить силки на зайцев, ловить рыбу... или лягушек, тех — руками. Скользкие твари легко не давались, а дядюшка Виль только смеялся и требовал постараться. Выслушивал, чему девочка научилась от других взрослых, и одобрял всё. Один раз только уговорил Магду отправить дочь на восток, туда, на постоянный двор у новой дороги через болота. Уговорил, не грозил, не требовал, не напоминал про обещание. Три дня ходил по пятам за ведьмой, улещивал, обещал, что всё будет хорошо... Магда тогда носила под сердцем очередного баронского ребёнка и беременность её, не в пример прошлым, протекала тяжело. У ведьмы не было сил работать, не было сил следить за своими детьми и сил на Эрну у неё тоже не было. Она согласилась. Ребёнок, потом говорили, родился хилым и чуть не умер. Магда его выходила, прибегнув к самому страшному колдовству, которое только знала (Эрна смутно догадывалась, что в нём как-то замешана тётюшка Вейма), но и тогда ведьме было не до дочери. А Виль отвёл девочку на постоянный двор к высшему посвящённому по кличке Танцующий Кабан — и забрал позже оттуда, зарёванную, обгоревшую от собственной магии и очень напуганную. Отругал, оттащил за косу и опять вернул матери. И ничего не требовал, как будто и не было её, той страшной ночи. Только Эрна-то помнила. Особенно в такие дни... и ночи.

— Я не знаю, дочка, — в который раз ответила мать. — Ложись спать. Завтра отоспись, я сама подою коз.

Эрна послушно закрыла глаза и вскоре сладко спала.

Вскочила она всё же раньше матери. Магда коз не любила, доила их неловко, неласково, да и Виль выучил девочку никогда своей работы на других людей не перекладывать. Закончив утренние дела, Эрна вернулась в дом. А там за столом уже сидел дядюшка Виль. Один Освободитель знает, как Виль умудрился незаметно пробраться мимо возившейся во дворе девочки. Был он, как всегда, хмур, небрит и косо поглядывал на Магду, которая как раз накладывала ему каши из котелка.

— Явилась, — неласково произнёс дядюшка, как будто Эрна плясала где-то до утра, а не занималась делом.

— Здравствуй, дядюшка Виль, — засмеялась девочка и подошла его поцеловать. Виль хмуро оглядел свою ученицу.

— Я всегда знал, что вы обе — несусветные дуры, — сказал он, не ответив на поцелуй.

— Что на этот раз? — вздохнула Магда, накладывая дочери полную плошку.

— Ладно Эрлейн, она дура малолетняя. Но ты, Маглеин! Дождёшься, твою девочку камнями закидают или на костёр сволокут.

— Опять запугиваешь, — поморщилась ведьма.

— Ты бы своим умишком жила, — совсем скривился убийца, — вот и не гадала бы сейчас, шутит папаша Виль или правду говорит. Ты в деревне с людьми вовсе не разговариваешь? Недостойно любовницы его милости? Высоко залетела, Маглеин, падать больно будет.

— Скажи толком, Виль, — потребовала мать. — Хватит тумана-то напускать.

— Виль то, Виль сё, — привычно заворчал дядюшка. — У девчонки-то твоей дурной глаз обнаружился. Люди уж шепчутся, зло от неё. На ребёнка напала днями.

— Это Аццо-то ребёнок?! — взвилась Эрна.

— Цыц! — прикрикнул на неё Виль. Магда заволновалась.

— Эрна, доченька, посмотри на меня.

Девочка отвернулась.

— Он первый начал!

— Во-во, — невесело засмеялся Виль. — Так дорожка на костёр и складывается. Я думал, ты это дочери объяснила.

— Я не понимаю, — нахмурилась Магда. — Чтобы это сделать, одного намерения мало. Ты бы видел мальчика, Виль! В него как демоны вселились.

— А чего тут понимать, — махнул рукой убийца. — Всё тебе папаша Виль должен растолковывать. Ты же свою силу с Эрной разделила. Небось в возраст девка входит, силу у тебя тянет, а потом ты обратно забираешь.

— Ты уверен?

— Я уверен, что Эрлейн дома оставаться нельзя, — сказал Виль. — Убьют её здесь. Или палками прогонят — это если за вас барон да священник заступятся.

— Виль... — беспомощно протянула ведьма. Убийца хлопнул по столу.

— Маглеин, сейчас не время для твоих фокусов. Меня-то ты разжалобишь, а вот деревню — вряд ли. Сейчас от девчонки молоко скисает, дальше-то что будет?

— Но я не могу... — начала было Магда. Виль замахал руками в притворном ужасе.

— Ещё раз я тебя с собой не потащу, и не проси, Маглеин. Эрна со мной пойдёт, я уж за

ней пригляжу. Если и скиснет где молоко, так мы далеко будем, когда заметят. А так, глядишь, она научится себя сдерживать.

— Приглядел один такой, — хмыкнула Магда.

Виль развёл руками.

— Вернул же тебе. Руки-ноги на месте, голова цела. И сейчас верну.

— Ну, коль вернёшь... Эрна, доченька, а ты что скажешь?

Эрна вскочила с лавки и захлопала в ладоши. Виль хмуро поглядел на девочку.

— Волосы ей, что ли, перекрась. Уж больно она у тебя заметная.

— А куда ты её поведёшь-то? — спохватилась Магда.

— В Хларию, — спокойно отозвался Виль.

— В Хларию?... — переспросила Магда.

— Страна такая, — с издёвкой пояснил убийца. — На западе. Выходит к морю.

— К морю! — восторженно взвизгнула Эрна. — Мама, пожалуйста!

Магда вздохнула.

— Нехорошо это, — сказала она.

— Завтра выходим, — заявил Виль и шагнул к двери. — Волосы перекрась, собери в дорогу. Наговоритесь за сегодня, а утром до света пойдём.

* * *

Назавтра они вышли до рассвета. Эрна открыла им прямой путь через лес, который закрывался за ними так, что никто не мог бы найти, где они пройдут. Виль не любил этого колдовства, но на этот раз согласился. Когда домик ведьмы остался позади, он коротко засмеялся.

— Курица твоя мамаша, — заявил он. — Живёт, голову под крыло спрятала... небось, даже не спрашивала своего барона, что в мире творится. Шагай быстрее, неровен час догадается.

— О чём ты, дядюшка Виль?

— Так в Хларии война идёт, — пояснил убийца. — Шагай быстрее. Пора тебе уже учиться.

Глава вторая

Рыжая ведьма

В Хларию они пошли не напрямую, Виль почему-то пожелал завернуть в Корбиниан, земли, которые после войны пятилетней давности принадлежали лично её высочеству герцогине Норе, жене Дюка Клоса. Они прошагали весь день и полночи, благо, по летнему времени света хватало, убийца безжалостно подгонял уставшую девочку и успокоился только тогда, когда они добрались до самой границы между Фирмином, владениями того барона, чьей любовницей была Магда, и покуда ещё заброшенными землями Корбиниана.

— Неохота с твоей мамашей связываться, — пояснил Виль, когда они остановились на привал, отойдя с дороги вглубь леса. — Кто Маглеин знает... вот поколдует нам на дорожку, потом к лесу воззовет — и фюить! Сами не заметим, как обратно вернёмся. Мамаша у тебя хитрая, да всё без толку. А что устала, так привыкай. Не отдыхать идём.

Эрна ничего не ответила: не могла от усталости. Она хотела рухнуть на землю, но под строгим взглядом наставника нашла в себе какие-то силы, чтобы собрать хворост и развести огонь. Сам Виль ничего не делал, но и не садился отдыхать, а стоял, чутко вслушиваясь в наполненную звуками тишину ночи.

— За водой сходи, — приказал он, отыскав в куче хвороста две удобные рогульки.

— Куда? — устало вздохнула Эрна.

— Ты у нас ведьма, — отмахнулся убийца. — Поколдуй, глядишь к ручью и выйдешь.

Девочка чуть не взвыла. Права была мама, когда говорила, что дядюшка Виль человек жестокий, коварный и...

— Потом себя будешь жалеть, — сказал Виль. — Сперва делом займись.

Эрна бросила придирчивый взгляд по сторонам. Мама говорила, что в одиночестве лучше колдуется, но далеко от костра отходить не хотелось. Девочка отступила в тень и опустила на колени. Достала кинжал и осторожно кольнула запястье. Было больно. От колдовства всегда больно, мама говорила, даром оно не даётся. А тут чужой лес, чужая земля... Что-то важное было с этим связано, что-то такое, что надо было помнить, учитывать... но...

— Прими нас, лес, — тихо произнесла девочка. Слова были не так важны, как намерения. — Открой нам дорогу. Дай пройти через тебя. Покажи, где можно взять воду. Прими нас и возьми мою плату.

Кровь, невидимая в темноте, соскользнула с ножа на землю. Эрна руками на ощупь закопала это место и поднялась на ноги. Её шатало. От усталости — или потому, что удалось колдовство? В голове звенела неприятная пустота. Эрна повернулась и пошла на зов, который чувствовала где-то глубоко внутри себя.

— Котелок не забудь, бестолочь! — прокричал ей вслед Виль. Что-то ударило девочку по ноге и зазвенело. Эрна наклонилась и нашарила на земле котелок. Ну конечно. Она должна принести воды.

* * *

Когда она вернулась — залил себе ноги водой и принесся котелок наполненным лишь

наполовину, — Виль уже разложил у костра два шмата хлеба и два куса колбасы — их сегодняшний ужин. Отобрав у девочки котелок, он повесил его над огнём и принялся засыпать туда прихваченной с собой крупы. Эрна и раньше замечала, что её наставник был человек запасливый и предусмотрительный. Ей хотелось спать, болело всё тело, но Виль только покосился на неё и девочка послушно принялась жевать колбасу и хлеб.

— Тебя только за смертью посылать, — проворчал Виль. — Куда это годится? Воду расплескала. Под ноги-то смотреть мамаша не научила?

— Так темно было! — вяло возмутилась девочка.

— Темно... ноги как попало ставила, так и темно. Мамаша твоя, помнится, по лесу шла, под ней ветка не хрустнет. А ты? Топала как кобылица.

— Мама по своему лесу ходила, — надулась девочка.

— А когда я вас на восток с собой брал, по своему разве? Никогда не приглядывалась? Вот уж не думал, что тебя такому простому делу учить надо. Тьфу! А ещё ведьма!

Смачно плюнув в костёр, он отдал весь свой интерес каше и на девочку уже внимания не обращал. Эрна хотела заспорить, но не было сил, да и... тревожное предчувствие сжало сердце. Она прислушалась. Не смолкали ночные звуки, не хрустели ветки, не шелестели раздвигаемые кусты... только приближалось что-то... чья-то недобрая и очень разгневанная воля...

— Дядюшка Виль... — дрожащим голосом протянула девочка. — А здесь есть своя ведьма?..

— Есть, конечно, — отозвался Виль. — Как не быть?

Девочка сглотнула. Она, наконец, вспомнила. Ведьмы не колдуют на чужой земле без разрешения. А тут, похоже, жила очень могущественная и старая ведьма... ну, самой Эрны точно старше.

— А ты её знаешь? — спросила Эрна.

— Я всех знаю, — ответил убийца.

— А... она тебя?

— И меня все знают.

Он повернулся и при свете костра посмотрел на девочку.

— Не трясись, Эрлейн. Или в мамашу пошла? Та тоже всего боялась. Много ей это помогло?

— Дядяюшка Виль, — заныла Эрна. Словно сжимался вокруг чёрный круг, словно захлопывалась ловушка, словно...

— Да уймись ты! — сердито отозвался убийца. — Не мешай. Или заняться нечем? Так я тебя займу.

Девочка промолчала. Её трясло. Мама говорила когда-то, что ведьмы любят друг друга не больше, чем вампиры, и так же «охотно» пускают чужих на свою территорию. Что она наделала?!

Внезапно чёрный круг распался. На костёр легла тень и голос из темноты — довольно приятный женский голос — произнёс:

— Так-так-так... кого я вижу... неужели сам Медный Паук пожаловал?

— Жду *Освобождения*, сестра, — отозвался убийца. Женщина не ответила. — Садись, в ногах правды нет.

Тень скакнула к ним, и к костру вышла женщина. Обычная женщина, не высокая и не низкая, с копной распущенных рыжих волос и туго набитой торбой на плече. Садиться она

не стала.

— А это кто? — спросила она, бросив цепкий взгляд на девочку.

— Ну-ну, Денна, — укоризненно произнёс Виль. — Уж ты-то знаешь, кто она такая.

— Как не знать, — усмехнулась Денна. — Все знают, что ты отобрал у ведьмы ребёнка, которого она родила для тебя.

— Слыхала, Эрлейн? — усмехнулся убийца. — Изволь соответствовать. А то всё «дядюшка» да «я не буду».

— Зачем ты пришёл? — спросила Денна напряжённым голосом. — Я отказалась от *Освобождения* давным-давно. Ты больше не брат мне.

— Никогда не поздно передумать, сестра, — спокойно отозвался убийца. — Я давно искал тебя, но ты сильна. Хорошо прячешься.

— Так, значит, это милое дитя — приманка? — засмеялась рыжая ведьма. — Ты ей не сказал? И мать её не сказала... девочка, посмотри на меня.

Эрна и не хотела, но послушно подняла голову и уставилась в тёмные глаза женщины. Глаза как глаза. Только выражение их было немного странное.

— Твоя мать хотела отдать тебя мне в обучение, — странно улыбнулась Денна, — но я сказала, что приму тебя только когда ты вырастешь... время ещё не пришло... но раз ты здесь... оставайся, дитя.

Эрна затрясла головой.

— Я не хочу!

— Зря, девочка, — покачала головой рыжая ведьма. Она простёрла руку над костром... показалось Эрне или нет, будто что-то сыпется из широкого рукава прямо в пламя?

— Нехорошими делами занимаешься, — сказал Виль. — Я давно хотел с тобой побеседовать.

— О чём, Медный Паук? — спокойно спросила рыжая ведьма.

— Об *Освобождении*, — усмехнулся убийца. — Брось, Денна, не дело обманывать слепых фокусами.

— Ты думаешь, что древние боги — обман? — засмеялась Денна. — Так смотри же!

Виль и не подумал повернуть голову, а вот Эрна послушно уставилась туда, куда показывала рыжая ведьма. Между деревьев стоял... стоял... стоял...

Это был, наверное, древний бог. Мама никогда не рассказывала про таких! На востоке, в болотах, где Эрна недолго гостила, верили во всякое, но о таком и они не рассказывали.

Был это, без сомнения, мужчина, совершенно обнажённый, от талии и до земли он имел козлиное тело, а выше — человеческое. Голову его венчали рога. Эрна попыталась зажмуриться, но не могла отвести взгляда. Урод сделал шаг в их сторону. Девочке захотелось визжать, но она не могла издать ни звука.

— Думаешь, я не видел, как ты гадость какую-то в наш костёр высыпала? — засмеялся Виль. От его голоса, в котором не было слышно ни капли страха, Эрне стало полегче. Ведьма околдовала их. Настоящий ли тот... козёл или только морок, пока Эрна его видит, она будет в опасности. Надо было разрушить чары. Надо... надо...

Но она же ничего такого не умеет! Мама никогда не учила её этому! Почему?!

Козлоногий урод сделал ещё один шаг. Он шагал, казалось, с трудом и не сразу обретал равновесие. Но он двигался, двигался! Он шёл прямо к Эрне!

Девочка сглотнула. Мама говорила, силу ведьме даёт неисполнимое желание. Но у Эрны нет никаких желаний! У неё всегда всё было, чего бы она ни хотела!

А вот дядюшка Лонгин говорил, что силу магу дарят всякие плохие чувства. Обида там, злость... страх. И чем они сильнее, тем сильнее и маг. Страх у Эрны хватало, хватало и злости... но что она может?! Дядюшка Лонгиг учил её только несложным фокусам! И чёрная магия не помогает против ведовства! Лонгин мог бы перекрыть дыхание своему врагу или заморозить кровь в его жилах, но Эрну он учил по капле, отмеривая не больше знаний, чем девочка могла усвоить. А тут...

Только белая магия спасает от колдовства! Так Вириная разбила мамины чары и тем убила превращённого Магдой в оборотня рыцаря. Только белая магия, но...

Козлоногий сделал ещё один шаг и Эрна решилась. Из-под её ногтей полилась тьма — эти чары всегда давались девочке просто с перепугу, — а потом Эрна решительно произнесла:

— Еретрев адиднак ни аргин!

Это было самое сильное из известных ей заклинаний и надо было ещё сосредоточиться, чтобы изменить проходящие через её тело потоки чар...

Тьма сменилась на бьющий лучами обжигающий свет. Эрна еле успела направить лучи на козлоногого бога... тот сначала вспыхнул, потом поблек, потом...

— Хорош, Эрлейн! — раздался голос дядюшки Виля. — Опять обожжёшься, я тебя к матери не поведу.

Свет погас сам собой, Эрна бессильно уронила руки на колени. На этот раз прошло легче, чем в *тот* раз. Легче, чем на тренировках, на которых настоял дядюшка Лонгин. Девочка слышала странный звук и повернулась...

На земле между ней и дядюшкой Вилем лежала умирающая старуха. В груди у ней торчал нож и кровь толчками выходила изо рта. У старухи были седые волосы, глаза закрыты. Если бы не одежда, Эрна никогда бы её не узнала.

— Но... — попыталась сказать она, но осеклась. Дядюшка Виль воспользовался тем, что ведьма занята борьбой с магией девочки и...

— Ты знала, к кому идёшь в обучение, — коротко бросил Виль и склонился над старухой. Лицо его изменилось, стало серьёзным и... сострадающим. Убийца тихо заговорил на церковном языке, обращаясь не к убитой им женщине, а к её душе. Речь его была похожа на проповедь или молитву. Он призывал душу освободиться от пут и вернуться в предвечную пустоту, из которой её когда-то украл Создатель, чтобы заточить в брэнном мире. Он призывал Освободителя провести эту душу и быть к ней милостивым.

Заканчивая свою молитву, он выдернул нож. Из раны хлынула кровь. Женщина дёрнулась в последний раз и затихла. Эрна сглотнула. Её тошнило.

— Зачем?! — вырвалось у неё.

— Ты знала, к кому идёшь в обучение, — повторил дядюшка Виль. — Если урок не по нраву — можешь убираться.

Эрна промолчала.

— А когда ты вампиршу заживо жгла своим светом, ты о чём думала? — спросил Виль, вытирая нож о край одежды своей жертвы.

— Я думала, она быстро умрёт, — тихо призналась девочка. — А потом побоялась отпустить.

— Я так думал. Ну-ка, посмотри на меня. Руки покажи.

Он осмотрел лицо и руки девочки, но на этот раз чуждая ведьмам белая магия не оставила на ней следов.

— Кашу придётся выбросить, — с сожалением произнёс Виль. — Мало ли что она туда сыпанула.

— А что это было?

— Морок, — пожал плечами убийца. — Денна может... могла показывать людям своего истукана живым. Она отравляла их какой-то травой, а чары довершали дело. Твоя мамаша мне кое-что рассказывала... Нечего у нас язычникам делать. Своих святош хватает.

— А мама правда обещала меня ей отдать? — осторожно спросила девочка.

— Твоя мамаша, Эрлейн, искала тебе наставницу. Сунулась сюда, да обожглась. Денна хотела, чтобы Маглеин привела это чучело в ваш лес. Твоя мамаша отказалась.

— И всё?! Та на неё не напала?!

— Напала, — засмеялся Виль. — Дурочка ты, Эрлейн. Чтобы справиться с мороком, нужна только воля. А ты сразу — заклинание! Думать надо.

Эрна сглотнула.

— А почему ты её сразу не убил?

— Хотел посмотреть, как ты справишься. Так себе справилась, конечно. Но хотя бы старалась.

— Сам бы попробовал! — обиделась девочка.

Вместо ответа Виль щёлкнул её по носу и поднялся на ноги.

— Пошли отсюда. Нечего рядом с трупом ночевать.

— Мы... — осторожно спросила девочка, — мы её не похороним?

— Ай-ай-ай, какая неприятность, лопату с собой не взял, — отозвался убийца. — Что ж ты не подумала, а, Эрлейн? В другой раз ты лопату и потащишь. Пусть лежит. В лесу зверюшки, знаешь, тоже кушать хотят.

Девочка хотела возразить, что она устала, её не держат ноги и она хочет спать, но дядюшка коротко на неё взглянул и она послушно закинула сумку на плечо и поплелась за своим наставником. В горле закипали слёзы.

Глава третья

Роскошь

На рассвете они добрались до человеческого жилья. Виль тащил Эрну на себе — полумёртвую от усталости, хнычущую и даже не пытающуюся сохранить хоть каплю достоинства. Опустил на чей-то порог, будто она была кулем с его пожитками, и три раза тихо стукнул в окно. Шепнул что-то и отошёл. Дверь открылась.

— Отдыхай, — велел он девочке, — приходи в себя. Я вернусь, когда ты сможешь идти.

Эрне было страшно оставаться без него, страшно было и рядом с ним, и она тихонько заплакала. Из дома, в который Виль постучался, вышла женщина (Эрна не разглядела её в предутреннем сумраке), помогла девочке встать и завела в дом. Там она положила девочку в дальний тёмный угол, отгороженный занавеской, как бывает у знахарок. Эрна хотела спать, но не могла от боли, и женщина размяла все сведённые мускулы, напоила девочку молоком с мёдом и травами. Душная темнота угла затягивала. В доме привычно пахло зельями и снадобьями... Эрна сладко зевнула и сама не заметила как заснула.

В доме знахарки она отдыхала весь день и всю ночь и весь следующий день. Что-то удерживало девочку от расспросов, а сама женщина едва с ней заговаривала. Следующая ночь была в разгаре, когда раздался тихий стук в окно. Знахарка заторопилась, растормошила Эрну, дала ей с собой хлеба и тех трав, которые добавляла в молоко, и вытолкнула наружу. Сама она выходить во двор не стала. Едва Эрна перешагнула порог, как Виль повернулся к ней спиной и зашагал. Девочка едва за ним поспевала.

— Кто это был? — спросила она, догнав наставника.

— Женщина, — отозвался убийца.

— Но кто она?

— Поди её спроси.

— Ну, дядюшка!

— Не болтай. Надо будет — сам расскажу.

— А почему она мне помогала?

— Она всем помогает. Эрлейн, я думал, ты с семи годочков-то выросла. Язык что помело. Чего не знаешь, того не расскажешь другим. Поняла?

— Поняла, — насупилась Эрна и они шли до самого рассвета, а после Виль остановился на обочине и вынул из сумки дорогую накидку из тех, что носят горожанки.

— Примерь-ка, — кинул он накидку девочке. Эрна взвизгнула от восторга. Даже тётушка Вейма не приносила ей таких красивых вещей. Накидка была расшита шёлковыми нитями и те переливались в свете зарождающегося дня.

— Одно слово — девка, — усмехнулся Виль. — Садись. Не ходишь же тебе с косой, будто ты вчера из деревни вышла.

К удивлению девочки Виль достал из-за пазухи гребень, извлёк откуда-то ленты — украшенные жемчугом, помилуй Освободитель! — а после быстро и ловко переплёл ей волосы. Он когда-то плёл ей косы — тогда Эрне ещё не исполнилось семь лет, давным-давно, — но сейчас девочка сидела ни жива, ни мертва, поражаясь и умению своего наставника, и неожиданной щедрости его подарка.

— Платье потом переоденешь, — сказал он, закончив, — а пока накидку не распахивай.

— Дядюшка Виль, а зачем? — осмелилась спросить Эрна.

— А затем, что мы теперь поедem в карете, как знатные господа. Пока ты отлёживалась, я всё устроил.

Эрна чуть было не завизжала снова. Вот это да! В карете! Настоящей! Как в сказке!

— Дурочка ты, Эрлейн, — засмеялся Виль. — Слушай внимательно. Тебя зовут Нинета. Ты дочка хларского рыцаря лю Дидье, мать твою ты не помнишь, тебя вырастила кормилица из Лабаниана, которая потом переехала дальше на восток, вглубь Тафелона, поэтому хларского ты почти не знаешь. Я слуга твоего отца, который вспомнил о тебе и послал эту карету. Запомнила? Зови меня дядюшка Ги.

— Я вообще не знаю хларского, — возразила девочка.

— Дорогой я буду тебя учить.

— Зачем так сложно? — надулась Эрна. — Почему мы не можем идти сами собой? Что это за рыцарь такой — лю Дидье?

— Затем, что эту карету послал нам рыцарь лю Дидье, — спокойно объяснил Виль.

— А он знает обо мне? С чего бы ему признавать меня?

— Что ему надо, то знает, — заверил убийца. — Этот лю Дидье тот ещё потаскун, бастардом больше, бастардом меньше...

— За бастардами не посылают кареты, — не перестала спорить девочка.

— Уговорила, — отозвался Виль. — Так и быть, я поеду в карете, а ты побежишь следом. Встретимся в Хларии. Так лучше?

— Нет!

— Тогда не спорь.

* * *

Карета была самая настоящая, запряжённая четвёркой лошадей, с кучером и — мамочки! — двумя слугами на запятках. Виль открыл перед девочкой дверцу и посадил внутрь. Сидения были мягкие, обитые кожей. Эрна чувствовала себя настоящей королевой. Виль уселся рядом и крикнул кучеру, что можно ехать.

— Ух ты! — шёпотом сказала Эрна. Начало их пути, сбитые ноги, усталость, страшное убийство — всё казалось уродливым сном. А Виль вытряхнул из мешка башмачки с позолоченными пряжками и острыми носами и велел девочке переобуться. Её старую пыльную обувь он просто выбросил из окна — Эрна и ахнуть не успела.

— Это всё мне? — ещё тише спросила девочка.

— Одно слово — девка, — снова засмеялся убийца. — Тебе, тебе. Не смотри так. Если бы я хотел, я бы тебе дорогу золотом мог вымостить, этого добра у меня довольно. Учись, Эрлейн. Сегодня ты принцесса, завтра — нищенка. Успеешь побывать и той, и другой. Вот вернёмся, мамаше твоей скажу, пусть она Увару словечко шепнёт. Я уж говорил ему, чтобы он соврал Дюку, будто у него две дочери, а не одна.

— Зачем? — с замиранием спросила Эрна.

— Затем, чтобы он тебя ко двору Норы представил. Незаконная дочь ведьмы — не слишком хорошо звучит.

— Мама дочь рыцаря и мой... ну, он — он был рыцарем, — обиделась Эрна. — А дядюшка Увар...

— А дядюшка Увар — оберст личного отряда его дюкского высочества, — подхватил

Виль. — И его брак с твоей тётушкой никто не подвергнет сомнению. А тебя твой папаша даже признать не удосужился.

— Неправда!

— Пореву у меня тут — побежишь пешком за каретой, — посулил Виль. — Правда, правда. Что он тебе тайком говорил — ни один суд не признает. Да и наследства у него никакого нет. Эрлейн, окстись, тебе только при дворе наследить не хватает. Зачем всем знать, что девка с твоей мордашкой — это ты и есть? Учись быть разными людьми. Поняла?

— Поняла, — послушно отозвалась девочка. Спорить с дядюшкой Вилем было себе дороже.

— Вот и умница. Лоска наберёшься при дворе-то. А то деревенщина ты у меня, смотреть тошно. Ни сесть, ни встать, ни ходить не умеешь. Но это ещё нескоро. Пока с тем, что есть, придётся работать.

Он смерил девочку оценивающим взглядом.

— Платье тебе погожу показывать, а то ты совсем умишка лишишься. А я говорил твоей мамаше — дай мне её воспитывать. Куда там, крик, слёзы! Вот теперь я расхлёбывай.

— А мне и неинтересно, — задрала нос девочка. Она понимала, что ведёт себя как маленькая, но сдержаться было выше её сил. Если такая накидка, какое же тогда платье?! Тётушка Вейма, бывало, в бархате приходила. Вот бы бархатное! А, может, оно тоже с вышивкой...

— Эк тебя мир-то зацепил, — вздохнул дядюшка. — Смотри у меня. Надо будет, весь этот мусор в грязь швырнёшь, понятно?

Эрна отвернулась. Ну да, мир — это зло, драгоценности — мусор, а спать на шёлковых простынях — гордыня и разврат. Хорошо дядюшке говорить, он, небось, на всяких успел поспать, вон как со слугами-то держался, еле кивнул им, будто благородный! А она всю жизнь в деревне, такую красоту-то в жизни не видела! Вот что плохого будет, если она поносит богатую одежду? Она тоже дочь рыцаря!

Подумав об этом, девочка слегка смутилась. У её отца, как она смутно знала, не было денег ни на бархат, ни на карету со слугами. Он не всякий раз верхом-то ездил. И у деда её, маминога отца, тоже. Дед, мама рассказывала, сам землю пахал, до того он был бедный.

— А откуда у рыцаря лю Дидье столько денег? — спросила она.

— Наконец-то умишком своим начала шевелить, — одобрил Виль. — Откуда надо, Нинета, откуда надо. Девицам такие сведения не сообщают. Особенно незаконнорожденным.

* * *

Карета ехала день и ночь, почти без остановок. Лошади не успевали устать, как их на дороге ждали сменные. Сменялись и слуги. На этих остановках Эрна едва успевала размять ноги и наскоро перекусить. К утру они добрались до Вибка — маленького городка, который за пять лет разросся из-за близости к новому замку его высочества Дюка. Там карета, погрохотав по каменной мостовой, остановилась у дверей — мамочки! — настоящей гостиницы. Румяный слуга отворил им двери. Виллю пришлось подтолкнуть девочку, чтобы она вошла внутрь. Эрна неожиданно оробела. В дороге причёска её растрепалась, накидка помялась, но всё ещё казалась девочке пределом роскоши.

А ведь ещё будет платье...

Их проводили наверх, в комнату, обставленную весьма бедно, но для выросшей в деревне девочки — по-королевски. Настоящая кровать с грудой подушек, мягкой периной и — ой! — пышным пуховым одеялом. На стенах шпалеры, как в баронском замке, посередине комнаты стол, возле него лавки с голубыми подушками. На столе стоял бронзовый канделябр с новенькими свечами, а в окна были вставлены настоящие стёкла. Девочка заморгала, застыв на пороге.

— Заходи-заходи, — подтолкнул её в спину наставник.

— Это всё мне? — снова спросила девочка.

— Вот что значит — в деревне выросла, — засмеялся Виль. — Дикая ты девчонка, Эрлейн. Тебе, тебе. Не стесняйся. Сейчас поешь, отдохнёшь, я тебя в баню^[38] свожу. И на-ко, держи.

— Зачем это? — удивилась девочка, вертя в руках сделанную из коры коробочку с плотно пригнанной крышкой. Открыла. Внутри была мазь, сильно пахнувшая ромашками и чуть-чуть — овечьим жиром.

— Зачем-зачем, — заворчал дядюшка. — Руки мазать будешь.

— Зачем? — повторила Эрна.

— А ты посмотри на них, — вкрадчиво посоветовал Виль. Эрна послушалась. Руки как руки. — Исцарапанные, обветренные, ногти обломаны, мозоли ещё... кто тебя за знатную-то девушку примет, а, Эрлейн? Руки — это ж первое, что человека выдаёт. Лицо ты ещё всякое соорудить можешь, а вот руки так легко не меняются. Так что ты мажь, глядишь, к Хларии и поможет.

— Вот и брал бы с собой знатную, — под нос себе проворчала Эрна. Но Виль услышал и больно ухватил её за ухо.

— Поговори у меня, — пригрозил он. — Всё споришь и споришь, хуже мамы своей. Та хоть знала, когда замолчать стоит.

В комнату постучали, Виль отпустил ухо девочки и с ворчанием откликнулся.

Это оказался слуга — слуги! — которые принесли им поесть. Жареного цыплёнка, посыпанного травами, яблоки в меду, хлеба из муки тончайшего помола, такого Эрна никогда в жизни не пробовала, и сладкого вина. Девочка даже не сразу решилась сесть за стол и не поняла, почему один из слуг застыл перед ней с чашей, полной воды. В чаше зачем-то плавали лепестки.

— Руки не желаете ополоснуть? — с издёвкой спросил Виль. Девочка опомнилась и опустила пальцы в воду. Слуги поклонились и вышли. — Ешь, бестолочь.

— А что, дядюшка Виль, — шёпотом спросила девочка, — господа каждый день так едят?

— Кто побогаче, тот ест, — пожал плечами убийца. — А кто-то домашней птицей брезгует, этим только дичь подавай. Да не с нашими травами, а с заморскими специями. Привыкай, Эрлейн. И дядюшкой Вилем меня больше не зови.

— Тогда и ты зови меня Нинетой, — уколола его девочка.

— Помнит ведь, — засмеялся Виль. — Правильно. А теперь ешь. После полудня в баня мужчины моются. И кой-чего делают, про что тебе знать ещё не положено.

В бане чудеса продолжились. Виль передал девочку с рук на руки дюжей банщице, которая не только помогла девочке помыться, но и размяла ей мускулы, надавала советов о том, как ухаживать в дороге за своим телом и за перекрашенными волосами, не слушая протестов Эрны, вычистила ей ногти на руках и — стыдоба какая! — на ногах тоже. Переплела ей заново волосы и принесла оставленную, видимо, дядюшкой Вилем тонкую сорочку — такой даже у мамы не было! Эрна даже дышать забыла, а банщица помогла ей надеть новое чудо — господское платье, красное как кровь, как вино с заколдованного виноградника из их деревни, бархатное, оно туго обхватывало грудь и по недавней моде подпоясывалось только чуть-чуть выше талии. Свободные рукава сверху не сшивались, а застёгивались на отстоящие друг от друга на ладонь жемчужные пуговицы. На вышитом поясе звенели бубенчики и к нему подвешивалось украшенное перламутром зеркальце и два украшенных кошелька. Эрна обулась в свои новые башмачки и почувствовала себя не то что королевой, а правительницей всего мира. Поблагодарив банщицу, она вышла на улицу и тут же споткнулась, едва шагнув за порог. Новое платье путалось в ногах, а ещё в нём было жарко и неудобно дышать. Дядюшка Виль ждал у самых дверей и успел подхватить девочку под локоть.

— Ну как, нравится быть богатой? — усмехнулся он. — Ты юбку-то подбери. Всему тебя добрый дядя учить должен.

— Я в таких платьях ещё не ходила.

— Думаешь, я ходил? — засмеялся Виль. Он кинул монетку банщице — сверкнуло золото. Эрна застыла с открытым ртом. — Будешь спорить — завезу в лес и оставлю. Выбирайся как хочешь в своём дорогом платье. Подбери юбку, кому говорю? И шагай. Вот так. Учись, пока можно. В Хларии будешь как птица по воде плыть.

* * *

Они переночевали в гостинице и на рассвете уехали из Вибка. Вечером карета прибыла в Сетор, где они снова остановились в гостинице. По пути Виль объяснил девочке, что ещё недавно кареты по Тафелону не ездили: было мало хороших дорог, да и денег ни у кого не было, бароны были бедные, всё добро заложено-перезаложено в Братство Помощи, которое ссужало всех деньгами под страшные проценты. Все предпочитали ездить верхом, а то и вовсе ходить пешком. Долго, зато дёшево. Но после войны пятилетней давности, когда к власти пришёл Дюк, он начал строить замок между Сетором и Вибком, сделал Сетор своей столицей и ему понадобились дороги. Братство Помощи проложило путь с запада на восток, за Серую пустошь, дальше, за земли оборотней, и другой, с юга на север, от Сюдоса в Нагбарю. По этим дорогам перевозили пушнину, янтарь с востока, шелка и пряности с юга. Всё это добро потихоньку обогащало и Тафелон.

В дороге же Виль начал учить девочку хларскому языку. В нём попадались как знакомые словечки, так и совершенно непривычные, к тому же в Хларии совсем не так, как в Тафелоне, строили фразы. Деваться было некуда: Виль отказывался говорить с Эрной понятными словами, только на хларском. Хочешь-не хочешь, приходилось осваивать.

Так они ехали и ехали себе, миновали два монастыря и старый замок, потом дорога стала похуже, поуже, вокруг закончились поля и зашумел лес, а потом вдали прозвучал залихватский свист. И — сразу же ещё один, уже ближе. Третий — подальше. Эрна опасно

выглянула из кареты. Лес, смеркается и никого вокруг.

Четвёртый свист раздался совсем рядом, а пятый издал сам дядюшка Виль, прервав свой рассказ о том, почему в Хларии так чудно произносят слова — в нос. Карета остановилась. Заржали лошади.

— Сиди тут, — приказал Виль и выпрыгнул из кареты. — Не высовывайся.

— Медный Паук, старый разбойник! — раздался грубый голос снаружи. — Эк ты вырядился-то!

На дядюшке Виле был просторный чёрный наряд из добротного сукна, так одевались богатые, но скупые горожане... особенно те, которые давно миновали юношескую пору.

— На всех хватит, — засмеялся в ответ Виль. Он заглянул в карету, сделал девочке страшные глаза, чтобы сидела и не смела пикнуть, и достал из-под сидения мешок. Эрна очень осторожно выглянула из кареты. Вокруг них столпились... разбойники?... Грубые мужики в плохой одежде с заплатами. У каждого из них была дубинка или топорик. Виль распустил горловину мешка и принялся раздавать этим людям рубашки из хорошего полотна, пояса и причудливые шапочки. — Вы там рот не открывайте, пока я не скажу, глядишь, никто вас и не узнает.

— Тряпье — это хорошо, Паук, — сказал один из них. — Но много ли им навоюешь?

— Нетерпеливый ты, Лысый Горст, — отозвался Виль. Махнул рукой слугам и те, отодвинув Эрну, вытащили ящик с мечами.

— А кони?

— Коней не припас, уж прости, — развёл руками Виль. — Где тут у вас привал?

— А кто там у тебя в карете сидит? — заинтересовался Лысый Горст.

— Кто надо, тот и сидит, — отмахнулся Виль. — Вы, главное, запомните. Вас послал рыцарь лю Дидье за своей дочерью.

— Красивая дочка-то?

— Дочка маленькая, — строго сказал Виль. — Вы б себя в порядок приводили. Ни один хмырь не поверит, что с такой рожей можно знатную барышню сопровождать.

Перекинувшись с разбойниками ещё парой фраз, Виль вернулся к Эрне. Едва он влез в карету, девочка вцепилась в него обеими руками.

— Кто эти люди, дядюшка... дядюшка Ги?

— Добрые люди, — отмахнулся убийца.

— Что им нужно, дядюшка?

— Сама не понимаешь? Границу миновать им нужно. Хлария от нас за Лейдом, все переправы охраняются. Все на войне, все воюют, а эти здесь застряли.

— А при чём тут рыцарь лю Дидье?

— А рыцарь лю Дидье — родич и королю Ютании, и наследнику Хларии. Ничего от них не наследует, но всем нужен. Титулов нет, но богатый. У него законных сыновей обе стороны в заложники взяли, теперь и верят, что он в войну не вмешается. Вот и придумал, будто раскаялся в грехах и послал за дочкой. Законные-то до сегодняшнего дня не дожили, хворые были.

— А зачем ему дочка? — не поняла девочка.

— Наследовать ты ему не сможешь, — ответил Виль. — Даже если бы сыновей не было: в Хларии женщины не наследуют. Но он может обменять тебя на одного из своих сыновей... или отправить нас в какой-нибудь город, подальше от опасности.

— Обменять?! — ужаснулась девочка. — Чтобы я была заложницей?! Чтобы меня

убили, если он против них выступит?!

— Ишь как запела! — засмеялся Виль. — А ты думала, он по доброте тебе всё это шмотьё пожаловал?

Эрна не ответила.

— Да не трусь ты, вот вся в мамашу, право слово, — рассердился убийца. — Будто я тебя куда-то одну отпущу.

Он сильно хлопнул девочку по плечу.

— Выдюжишь — доверю дело и посерьёзней.

Глава четвёртая

Колдовство и магия

До переправы через Лейд они добрались не так быстро: лошади больше не бежали, а шагали, чтобы от них не отстали пешие разбойники. На привале Виль запрещал Эрне даже нос высовывать из кареты, пока их спутники не отходили подальше. Сам её одну не оставлял и, чтобы время не пропадало, продолжал вбивать девочке в голову хларский язык. Переправой служил старый мост, сложенный ещё в незапамятные времена людьми, знавшими побольше нынешних строителей. Со стороны Тафелона их пропустили охотно, спросив не больше, чем плату за переход. Рады, небось, были, что ещё один отряд наёмников-разбойников уходит воевать. А вот в Хларии им были не рады. Когда карету остановили, перегородив дорогу копьями прицелившись в путников из самострелов, Виль выглянул из кареты и что-то сказал на Хларском про рыцаря лю Дидье и его любимую дочь. Потом велел выглянуть Эрне. Один из кнехтов, охранявших переправу, вдруг что-то сказал на смеси хларского, тафелонского и нагбарского языков. Эрна уловила «рожа», «Нагбария» и «видел».

— Говорит, видел меня ниже по течению Лейда, когда я с обозом пушнины шёл из Нагбарии, — раздосадованно шепнул Виль. — Со мной тогда был отряд не меньше, чем сейчас, и он уже тогда что-то заподозрил, паскуда.

Он громко ответил что-то на хларском. «Господин», «ошибка», «никогда», «был».

— Но тебя же мама заколдовала! — в панике прошептала девочка. — Почему он тебя узнал?!

— Откуда я знаю? — так же шёпотом огрызнулся убийца. — Святоша или оборотень или твердолобый попался. Ты не о том думаешь.

Хларский кнехт стал кричать, чтобы Виль вышел и дал себя рассмотреть поближе. Мысли Эрны заметались. Мама заколдовала дядюшку Виля! Никто не должен был её замечать и запоминать! Что же она может, если мама не справилась?! Глаза... надо отвести этому типу глаза... но как?! Пока она будет шептать, жечь волшебные травы... кто бы ей позволил это сделать... она здесь не дома, не может просто взять силу от леса... ведьме нужно прикоснуться к жертве для наведения порчи... глаза... глаза... это было в маминой книге, таким шпукам учили в Бурой башне... Эрна быстро сунула руку в один из висевших у неё на поясе кошель. Туда она переложила собранные мамой снадобья. Удача ведьмы была на её стороне — девочка быстро вытащила маленькую чёрную ягодку.

— Разгрызи, — протянула она её Вилю, — выходи так, чтобы он не мог увидеть твоё лицо, а, когда он будет рядом, чихни.

— Чихни? — поднял брови Виль, неторопливо открывая дверцу кареты.

— Да, чтобы на него хоть что-то попало. Всё равно куда. Сможешь?!

Виль, не ответив, сунул ягодку в рот и вышел из кареты. Вскоре до Эрны донёлся смачный чих, а потом — звук оплеухи. Хларский кнехт что-то зло кричал, потом Виль говорил, медленно и успокаивающе, потом кнехт снова кричал, Виль отвечал... послышался звон монет и вскоре карета тронулась с места. Эрна встревоженно выглянула. Виль шёл рядом с кучером, позади кареты — приведённые им разбойники. Тот сердитый кнехт тёр глаза. Снадобье, которым Виль на него чихнул, вызывало слёзы и сильную резь, так что бедолага просто не сумел взглянуться Вилю в лицо. Действовало оно не сразу и жертва

обычно сперва не понимала, почему не может сосредоточиться и что именно мешает ей видеть. Эрна спохватилась.

— Дядюшка... дядюшка Ги! — окликнула она на хларском. Виль подошёл к карете. Судя по выражению его лица, во рту у него сейчас было кисло.

— Чего тебе? — спросил он, морщась. — По твоей милости я получил по роже от господина стражника.

— Рот прополощи, — посоветовала девочка. — Иначе потом плохо будет.

Виль выругался, приложился к фляге и выплюнул вино на дорогу.

— В мамашу пошла, — проворчал он. — Та тоже только через задницу колдует.

— Я отвела ему глаза! — шёпотом возмутилась Эрна.

— Ему глаза отвели пара монет, которые я сунул начальнику, — возразил убийца.

— Тогда зачем ты?..

— Затем, что тебе пора учиться думать, — отрезал Виль. — Впредь умнее будешь.

Потом смягчился.

— Ничего, не всё сразу. Хотя бы старалась — уже молодец.

Он на ходу открыл дверцу и запрыгнул в карету.

— А с кем Хлария воюет, с Ютанией? — спросила девочка.

— Вот видишь, сама всё поняла, — отозвался Виль.

— А из-за чего? — не отставала она.

— А ты подумай, — посоветовал убийца, всё ещё морщась.

— Откуда я знаю? — растерялась Эрна.

— Как отравленные ягоды подсовывать — так ты всё знаешь, — уколол её Виль, — а как умишком поработать — так добрый дядя должен объяснять.

— Но ты же сам взял ягоду! — обиделась девочка.

Виль вздохнул.

— Эрлейн, ты — ведьма. Ты должна знать, что делаешь. За нас двоих. Я тебя страховать не буду. Не уверена — не колдуй. Уверена — колдуй. Всё просто. Ошибёшься — оба сгинем, угадаешь — спасёмся.

— А маме ты запрещал колдовать без спросу, — напомнила Эрна.

— Мамаша твоя наколдовала бед, пока со мной спорила, — отмахнулся Виль. — А тебе бы поумнее быть, чем она. Её я с детства не натаскивал.

— Но я... — начала было Эрна, но заканчивать «ещё маленькая» под взглядом наставника побоялась.

— Умница, — одобрил её молчание убийца. — Ну так почему Ютания с Хларией воюют?

Рыцарь лю Дидье — родич и королю Ютании, и наследнику Хларии, вспомнила девочка. А война шла в Хларии.

— Из-за короны? — осторожно спросила она.

— Наконец-то думать учишься, — похвалил её наставник.

* * *

После этого разговора Эрна молчала, трясясь от запоздалого ужаса в углу кареты. Она была уверена, убеждена, что все решения принимает дядюшка Виль, за всё отвечает дядюшка

Виль и дядюшка Виль никогда-никогда не ошибается. А тут он говорит, что сделает как она скажет! Если она ошибётся! Она же никогда всерьёз не колдовала без мамы! Ну, навела пару раз сглаз там, порчу, всякие мелочи. «Фокусы», как называл это дядюшка Лонгин. Но и то. Подумаешь, порча! Ну, заболел у кого живот, это разве беда такая? Знахарь или мама быстро вылечат! Ну, настроение будет плохое, всё из рук будет падать. Или парень деревенский приоденется, пойдёт под окошко к девушке, а там в грязь плюхнется. Девушка — хохотать, а соперник-то парня Эрне лишнюю головку сыра принесёт или буски нарядные. Мелочи же! Поди уличи в этом ведьму! И то ведь — заметили люди, разозлились. А тут... Виль не может так поступать! Он старший! Это он должен думать и решать! Она ещё маленькая! Она не готова!

* * *

По эту сторону Лейда запасные лошади их не ждали и вскоре после переправы пришлось сделать остановку. Лысый Горст честно расплатился с Вилем и увёл свою ватагу. Куда — об этом Эрна предпочитала не задумываться. Дальше поехали веселее и к вечеру уже приехали к замку рыцаря лю Дидье. Эрна высунула голову из кареты и смотрела на приближающуюся каменную громаду с открытым ртом. Все знакомые ей замки Тафелона строились примерно одинаково — стены, внутри господский дом, башня, службы, дома слуг. Тут... это было огромное здание с башнями по углам и в центре каждой стены. Оно высилось на скалистом уступе и возвышалось над расстилавшейся вокруг долиной. Кони пробежали по подъездной дороге, откуда-то сверху раздался голос, кричавший что-то на хларском, Виль ответил, открылись ворота... они прибыли к рыцарю лю Дидье. Эрне почему-то вспомнилась сказка, которую в своём трактире рассказывала Рамона: о детях, которые заблудились и пришли прямо в замок людоеда.

* * *

— Это всё, что ты смог добыть? — брезгливо приветствовал их рыцарь лю Дидье. Он говорил нарочито медленно, растягивая слова, и Эрна, которой хларский казался смесью тафелонского, нагбарского и церковного языков, смогла понять его. А уж тон этого человека не нуждался в переводе.

Рыцарь лю Дидье был крупный полный мужчина в алом, золотом расшитом пурпуэне^[39] с рубиновыми пуговицами и отделанным кружевом стоячим воротничком. Из разрезов на рукавах проглядывала белоснежная рубашка. На голове у него была круглая шляпа вроде тех, которые носили в Раног горожане, но сшитая из бархата, с ярким пером и огромным изумрудом. Пальцы рыцаря были украшены перстнями с переливающимися в свете свечей драгоценными камнями. Эрна только глазами хлопала при виде этого сверкающего великолепия.

— Постарше никого не нашлось? — тем же брезгливым тоном спросил рыцарь. Под его пренебрежительным взглядом девочка совсем съежилась. Они разговаривали в узкой и длинной комнате, где по стенам висели причудливые украшения и даже картины, изображавшие святых, королей и даже с виду вроде бы обычных людей, но нарисованных так

искусно, что Эрна не знала, куда ей вперёд смотреть.

— Я тебе не сводник, постарше привозить, — ответил Виль с кривой усмешкой.

— Из какой лужи ты это сокровище выудил? — продолжал лю Дидье.

— Не обижай мою девочку, — «попросил» Виль, покровительственно обнимая ученицу за плечи и под его взглядом надменный рыцарь как будто слегка смутился. — Разве так приветствуют гостью?

Он перешёл на тафелонский и внятно произнёс:

— Жду *Освобождения*, брат.

Ущипнул Эрну и та послушно произнесла:

— Приблизим *Освобождение*, брат!

Брови рыцаря поползли вверх и он отозвался на тафелонском, произнеся как положено:

— Жду *Освобождения*, брат, сестра. Так значит, твоя девочка — ведьма? Рановато нынче созревают. Ну-ка, пусть покажет, что умеет.

Эрна беспомощно оглянулась на наставника, но тот пожал плечами. Быстро показать что-то *ведьминское* было невозможно. Если у тебя ничего не приготовлено, если ты не в своём доме... хотя бы в своём лесу. Почему она не носит с собой хоть колыбель для кошки, какая была у мамы?! Этому... этому... она бы ему показала...

Делать было нечего, оставалась чёрная магия. Эрна надеялась, что рыцарь лю Дидье всё равно не поймёт разницы. Или ему всё равно. Вот, например, заклинание дядюшки Лонгина. Оно очень сложное, он говорил, для него нужно понимание сути стихий, материи воды и воздуха... но ему он согласился научить девочку. То заклинание, которое позволяет засунуть сосульку за шиворот человеку. Эрна быстро произнесла нужные слова, которые выпаривали воду из воздуха и помогали её заморозить, и уставилась на широкую грудь рыцаря. Что она напутала — сама не поняла, только почему-то сосульки не получилось, зато на рыцаре загорелся его красивый бархатный пурпуэн. Рыцарь лю Дидье с проклятьями похлопал себя по груди, гася огонь, и неодобрительно уставился на прожжённую дырку.

— Это всё? — кисло спросил он. Эрна попятилась, надеясь спрятаться за дядюшку Виля, но он подтолкнул её вперёд. Больше она ничего особенного не умела... навести на него тьму? Но он и так проклятый. Прозревший, поправила она саму себя. Тогда?... иллюзии?... Это было совсем просто, надо только сосредоточиться на том, что хочешь показать, а дальше всё зависит от того, насколько хватит выдумки. Что-нибудь такое... чего каждый боится.

— Ты горд и надменен, рыцарь, — срывающимся голосом произнесла девочка, поднимая висящее на поясе зеркальце. Она хотела говорить с вызовом, но у неё не очень-то получалось. — Но для смерти нет ни богатых, ни бедных. Взгляни же, как ты умрёшь.

Она хотела сказать что-то ещё. Чтобы вышло пострашнее. Но... что-то пошло не так. Вместо чёрной магии она вдруг призвала совсем другую, зеркальце засветилось, отразив комнату, рыцаря в ней... вместо алого пурпуэна на нём был синий... он не стоял, а лежал на полу... в груди у него торчал нож. Эрну пронзила дрожь: впервые она сделала *настоящее* предсказание. Она даже не думала, что так умеет! У ножа была знакомая рукоятка. Именно этот нож ей подарил когда-то дядюшка Виль...

— Не пугай дядю, — засмеялся убийца, вынимая из рук у ученицы зеркальце. Оно медленно погасло. Виль, конечно, тоже узнал нож.

— Так она белая волшебница? — скривился рыцарь. Он явно помрачнел, но поверил ли в предсказание — сказать было трудно.

— А похоже? — хохотнул Виль. — Она может навести и не такие иллюзии. Ну-ка, Нинета, покажи что-нибудь повеселее.

Всё ещё дрожащая от внезапного предвидения, Эрна вяло взмахнула рукой. Из углов комнаты полилась чарующая музыка, под потолком раскинулся шатёр, в котором медленно танцевали красивые девушки в полупрозрачных одеждах. Это было какое-то восточное заклинание, которое дядюшка Лонгин узнал от своего знакомого, который живёт на хрустальной горе в землях неверных. Очень старое, его придумали, чтобы заманивать воинов в ловушки в те времена, когда волшебников на востоке убивали.

— Вот это уже лучше, — одобрил рыцарь. — А можешь их спустить?

— Они же ненастоящие, — удивилась девочка. Рыцарь издевательски хмыкнул, но продолжать разговор не стал.

— Отдыхайте, — велел он. — Завтра поговорим о дальнейшем.

* * *

— И что это было? — хмыкнул дядюшка Виль, когда они остались одни в комнатке, специально приготовленной для Эрны. Девочка заморожено оглядывалась по сторонам: в комнате был изящный столик, роскошное кресло без подлокотников, свисающий с потолка светильник, здоровенный высокий ящик с резными стенками и чем-то вроде занавеси, камин... и... не было кровати. — Деревенщина!

Он одёрнул занавеску на ящике. Это оказалась кровать, закрытая со всех сторон, как будто кто-то собирался там прятаться. Открытым оставалось только маленькое окошко, оно-то и было загорожено от комнаты занавеской. На кровати лежало шёлковое покрывало и груда подушек.

— А ты? — спросила девочка.

— А мне сюда тюфяк принесут, — хмыкнул Виль. — Ну, что ты так смотришь? Тебя одну оставь хоть ненадолго — живо учудишь. Что ты перед рыцарем устроила, бестолочь?

— Что заслужил, то и устроила, — рассердилась девочка. — Чего он на меня так смотрел?!

— Обыкновенно смотрел, — отмахнулся Виль. — Ты ж у нас в красавицу скоро вырастешь, вот и смотрел.

Он хохотнул.

— Теперь он, небось, все свои синие пурпуэны велит выкинуть. Или сожжёт, чтобы уже наверняка... а, может, наоборот. Будет надевать и ждать, вдруг кто с ножом кинется. Надо тебя поднатаскать будет. А то предсказание сделала, а исполнять, кто, папаша Виль за тебя должен?

Девочку передёрнуло. Она вспомнила враз постаревшее тело ведьмы, из которого толчками выходила кровь. А теперь она должна — так же?!

— Да не трясись ты. Успеешь ещё научиться.

Он замолчал и повернулся к двери, которая вскоре отворилась, пропуская двоих слуг. Один в самом деле принёс тюфяк вроде того, который Вилю давала Магда, если он оставался у неё ночевать. Второй с поклоном пригласил убийцу к господину рыцарю, тому-де надо поговорить с гостем с глазу на глаз. Виль похлопал ученицу по плечу и ушёл. Девочка осталась одна.

Глава пятая

Колдовство и магия (продолжение)

Первым делом она подтащила кресло к двери. И подпёрла. Засова не было, а ей тут не нравилось. Потом достала нож. Потом сообразила, что не стоит сидеть, сжимая оружие, пока не вспотеют ладони. Спрятала нож и убедилась, что его легко достать. Потом подошла к окну. Их поселили наверху башни (но не под самой крышей) и вокруг расстилалась летняя долина. Было красиво. Эрна подумала и принялась расплетать волосы, вынимая из них украшенную жемчугом ленту и шпильки. Девочке страшно хотелось колдовать, сделать для рыцаря что-нибудь по-настоящему гадостное, чтобы запомнил раз и навсегда: *так* на ведьм не смотрят! Мама перекрасила светлые волосы дочери в чёрный цвет, используя толчёные орехи и немного колдовской силы. Эта краска нескоро сойдёт, даже если купаться каждый день. Но перекрашенные волосы уменьшают силу ведьмы. На магию они не влияют, а вот колдовать будет сложнее.

Эрна отцепила от пояса зеркальце, подышала на него и вгляделась в стекло.

— Нет, — спокойно проговорил Виль и девочка вздрогнула. Откуда он знает, что она взялась подсматривать?!

Но Виль обращался не к ней. Изображение уменьшилось и она увидела рыцаря лю Дидье — всё в том же прожжённом на груди пурпуэне.

— Я разговаривал с Лонгином, — продолжал Виль и Эрна насторожилась. — Он говорит, что ещё не закончил.

— Я послал ему половину добычи! — ударил кулаком в ладонь рыцарь. Они говорили на церковном языке, видать, беседа была тайной. — Он потребовал выслать ещё — и получил половину того, что у меня осталось. Говорю же тебе, мы захватили это в лагере неверных. Я видел, что может этот порошок! Долго этот блюдолиз будет кормить меня обещаниями?!

— Ты пытался опробовать его сам, — осклабился Виль. — Людей, которых ты заставил это сделать, пришлось добить.

— Ну и что?! Это были *слепые*! Кому есть до них дело?!

— Никому, — пожал плечами убийца. — Но такие случаи трудновато скрыть. Кто-нибудь догадается, чем ты занимаешься.

— Если даже Лонгин не может догадаться...

— Лонгин думает не над тем, что это такое, а как сделать это полезным.

— Твоя девчонка может зажечь огонь издалека, — напомнил рыцарь лю Дидье и ткнул себя пальцем в прожжённую дыру.

— Она сделает то, что я ей велю. Но не это.

— Ты упрямец и перестраховщик, Паук, — махнул рукой лю Дидье. — Ладно. Оставим этот разговор. Раз твоя девчонка бесполезна, я обменяю на неё своего сына.

— Которого? — деловито спросил Виль.

Эрна задыхнулась от возмущения и картинка в зеркале померкла. Как он может?!

— Того, которого я отправил к хларскому двору, — осклабился рыцарь. — Ютанцы заплатят больше.

Виль кивнул. Похоже, он отлично знал, о чём идёт речь.

— А ты тем временем... — начал было лю Дидье, но убийца его прервал.

— Я поеду с ней, — сказал он.

— Брось, Паук. У меня есть для тебя другое дело.

— Потом сделаю.

— Глупо, — поморщился рыцарь. — Девчонка бесполезна. Пара фокусов. А пыжилась-то сколько! Пока она будет произносить свои заклинания, ей сто раз успеют заткнуть рот и связать руки.

— Девочка учится, — добродушно ответил Виль. — Я поеду с ней.

— Дочка твоя, что ли? — недовольно пробурчал лю Дидье.

— Твоя, — напомнил Виль и мужчины расхохотались.

— Будь по-твоему, Паук, — махнул рукой рыцарь. — Возись со своей бесполезной куклой.

— Каждому своё, — пожал плечами убийца.

* * *

Когда Виль вернулся в комнату, стул стоял в стороне от двери и девочка старалась сделать вид, будто ничего не произошло. Но убийце хватило одного взгляда на её лицо и бессильно поникшие плечи.

— Уже подслушала? — обрадовался он. — Что ж ты так огорчилась, а, Эрлейн? Сказал же, не брошу. Или ты думала, я тебя взял в Хларию вышивать розы для турниров?

Девочка молча отвернулась.

— Дурочка ты, — вздохнул Виль. — Лучше скажи-ка мне, ты можешь зажечь огонь издали... чтобы он загорелся когда надо, а не как попало?

— Могу... — удивилась вопросу девочка. — Это нетрудно.

Виль закрыл дверь поплотнее.

— Показывай, — предложил он.

Девочка вздохнула. Она взяла свечу, отколола от ворота иголку, кольнула себя в палец и, окуная иглу в кровь, выцарапала на воске знаки огня. Дядюшка Лонгин, конечно, мог бы сделать это без крови и царапанья. У него просто всё это было в голове. То, как устроен мир, все стихии и планеты, потоки магии... дядя Лонгин был настоящий волшебник. А Эрна пока только училась. Закончив, она вернула свечу в подсвечник и сунула в рот палец. Было больно. Не только укол, но и магия.

— И? — подтолкнул её наставник.

Эрна медленно выдохнула. Свеча вспыхнула ярким ровным светом.

— На каком расстоянии можешь?

— На любом, — пожала плечами девочка.

— Тебе нужно видеть свечу?

— Да нет... я же рисовала на ней кровью... я почувствую её где угодно.

— Умница. Теперь погаси её.

Эрна замялась.

— Что ещё? — рассердился дядюшка Виль.

— Надо стереть заклинание или начертить другой знак. Или дать ей прогореть, чтобы расплавилось то, что я на свече написала.

— Так займись, — нетерпеливо потребовал убийца. Эрна всмотрелась в его лицо, но не

нашла там ни малейшего сочувствия. Магический огонь так просто не сдавался. Если его гасили, не используя, он обжигал своего создателя.

— Дядядюшка Ви... дядюшка Ги, — проныла девочка. Убийца дунул, но огонёк даже не дрогнул.

— Погаси свечу, — потребовал Виль. Девочка вздохнула ещё тоскливей и поспешно перечеркнула огненный знак. Капелька воска упала ей прямо на руку и обожгла сильнее кипятка. Эрна взвыла. — И так каждый раз?

— Магия даром не даётся, — надулась девочка. — Кто-то должен платить.

— А что платит Лонгин? — заинтересовался Виль.

— Я не спрашивала, — пожала плечами Эрна. Вообще-то дядюшку Лонгина хлебом не корми, дай рассказать о том, как найти равновесие магических потоков. По его словам, вот он доработает свою теорию, вот применит её на практике — и волшебники будут править миром. Потому что любой из них сможет творить что ему вздумается — и ничем не расплачиваться за это. Потом дядюшка Лонгин осмотрительно добавлял, что тогда они сделают отбор в ученики строже прежнего. А всех, кто не умеет себя контролировать, будут приносить в жертву. Заодно Серая пустошь станет ещё более проклятым и подходящим для магии местом. Вот только дайте ему отвязаться от докучливых обязанностей и заняться делом.

— Тогда ложись спать, — заключил Виль.

Девочка намазала ожог целебной мазью, влезла в шкаф и задумалась. Рыцаря лю Дидье следовало проучить. Она выдернула один за другом семь волосков. Больно, зараза! На ощупь сплела из них нужный узор, беззвучно шепча злые слова. На ощупь же уколола себя иглой и размазала кровь по своему плетению. Теперь надо было...

— Чего ты там застыла? — сердито окликнул Виль. Ну да, когда человек ложится спать, он шуршит, снимая одежду, крихтит, укладываясь, и под ним скрипит деревянная мебель.

— По нужде надо, — отозвалась девочка, вылезая из шкафа-кровати. — Я схожу...

— Так возьми вазу под кроватью, бестолочь. Тебя даже этому учить надо?

— Что-о?!

Действительно под кроватью стояла невысокая расписная ваза. Дядюшка Виль повернулся к двери, собравшись выходить.

— Я так не могу! — запротестовала девочка. — Она такая красивая...

— Деревенщина, — вздохнул Виль. — Хочешь загадить рыцарю двор — иди. Сама найдёшь дорогу?

— Найду, — надулась девочка.

Выйдя за дверь, она отошла чуть подальше, а после снова кольнула палец иглой. Колдовство, как и магия, требовало сил и требовало жертвы. Эдак у неё все руки будут исколоты. Будь у неё больше времени, можно было бы сжечь особые травы... Ничего. И так хватит. Девочка покружилась в темноте, заворачиваясь в тень, и пошла, на всякий случай придерживаясь за стены. Теперь тени её скроют от недобрых глаз и никто не поймёт, куда она идёт и зачем. На двор ей было не надо. Эрна искала выход из замка. Не потому, что ей нужно было наружу, нет. Но выход — это то же, что и вход. Выход — это ключ ко всему. Волшебство дверей — очень старое и очень сильное...

Танцующий Кабан, проклятый, который проникал в чужие дома через крыши и окна и душил жертв удавкой, научил когда-то девочку запоминать с первого раза дорогу в любом доме, даже самом запутанном. У него, конечно, не было замка, зато был беспорядочно

построенный постоянный двор, большинство комнат которого пустовали. Он много раз водил девочку по нему с открытыми или завязанными глазами, потом дожидался темноты и отправлял девочку повторить дорогу. Входы в комнаты, в которые не следовало входить, были перегорожены нитями с привязанными к ним бубенцам. Любую ошибку было сразу слышно. Эрна быстро училась, как с колдовскими чарами, так и без них. Конечно, в рыцарском замке были ещё и лестницы... но если ты не можешь запомнить, поднимался ты или спускался, то кому ты такая нужна?

Один раз она, впрочем, чуть не ошиблась: пропустила поворот лестницы, но быстро исправилась. Люди ей почти не попадались, а когда попадались, Эрна тихонько отступала в тень. Свечи и факелы давали много теней, где в них разглядеть маленькую ведьму?..

А вот и дверь. Последняя. За ней — небольшое помещение, где сидят слуги рыцаря, сторожащие вход, потом малые ворота, для людей, а дальше немного голой земли, где ничего не растёт, и ров. Мост через ров легко разрушить, если к замку подойдут враги, а захватить его внезапно не выйдет.

Эрне и не надо было. Она нащупала щель в стене поближе к двери и ножом затолкала туда своё плетение. Поглубже, чтобы со стороны ни увидеть, ни нащупать. Погладила стену. Погладила и дверь. Вход в дом — проводник всего дурного и хорошего. Через эту дверь к рыцарю лю Дидье придёт несчастье. Он пожалеет, что так смотрел на ведьму. И за заложницу он тоже заплатится. И за бесполезную девку.

За дверью послышались шаги, бряцание металла, грубый голос произнёс какую-то шутку, остальные расхохотались. Никто не услышал, что произошло внутри. Зашептав щель в стене злыми словами, подходящими для колдовства, девочка тихонько пошла обратно в свою комнату, по-прежнему кутаясь в тени.

* * *

Виль ждал её возле лестницы. Лестницы, ведущей в сторону выхода из замка. Ни от кого ни таясь, убийца стоял, держа в руке простенький подсвечник и свеча в нём дрожала, отбрасывая на стены причудливые тени. Эрна слотнула. Колдовство надёжно защищало её от чужих взглядов, а двигалась она и вовсе бесшумно. Может, и обойдётся... Она прижалась к стене и попыталась обойти наставника. Если вернуться в комнату первой, он, небось, и не догадается, куда она ходила.

Виль ловко поймал девочку за ухо. Эрна взвизгнула.

— Ты ещё покричи, чтобы сюда вся замковая стража сбежалась, — проворчал убийца. — Куда ходила?

— Никуда, — проныла девочка. — Я заблудилась. Отпусти!

— Хоть бы врать поучилась, — вздохнул Виль. — Эрлейн, за дурака меня держишь?

Виль втолкнул девочку в комнату и запер дверь.

— Рассказывай, — потребовал он.

— Не скажу, — отвернулась Эрна, потирая ухо. Виль поставил свечу на стол, подошёл к девочке, положил руки на плечи и заглянул в глаза.

— Эрлейн, я ведь могу спросить и по-плохому. Ты помнишь, как дядя Виль умеет спрашивать?

Эрна побелела. Она помнила. Белая волшебница, мечтающая отвратить девочку от её

страшного наставника, когда-то заставила Эрну увидеть в волшебном зеркале, как «добрый дядя Виль» пытается человека. После этого девочке долго снились кошмары.

— Так ему и надо, — по-детски надулась она. — Так с ведьмами не разговаривают.

Убийца тяжело вздохнул.

— Ты у мамы своей спроси, как с ведьмами разговаривают. Она расскажет.

— Так то братья-заступники, — удивилась Эрна. — А это прозревший. Он должен понимать!

— Ах, он должен. Как же я не подумал? Какая же ты ещё дурочка. Пороть тебя, что ли?

— Мама никогда никому такого не прощает, — запротестовала девочка. — Если узнает, что про неё плохое говорят, сразу порчу наводит, чтобы неповадно было.

— Ну да, — покивал убийца. — Про баронскую любовницу поди скажи плохое. Сразу во дворе замка батогов всыплют. Знаем мы эту порчу.

— Неправда! — обиделась Эрна, но смолкла под презрительным взглядом наставника.

— Ты такая же мразь, как твоя мама. Как все вы. *Одарённые*. Упиваешься своей властью над простыми людьми. Честно сыграть не пробовала?

— Но ты же сам!... — начала было девочка, но осеклась.

— Ты дура, — отрезал Виль. — Думаешь, я не видел твоего лица, когда ты выходила? У тебя ж в глазах горело: хочу ворожить! Думаешь, я не заметил, куда ты свернула? Ты даже не попыталась сначала выйти во двор. Волосы распустила. Ты ж их всегда заплетаешь, чтобы не цеплялись за что попало. Сейчас по всему замку, небось, на каждом случайном гвозде висят. Как ты их объяснишь? А?

— Скажу, что заблудилась, — неуверенно ответила Эрна.

— Ты? Ведьма? Моя ученица?

Девочка покраснела и не ответила.

— Прошлась по замку. Небось, глаза людям отводила. А сколько стражников ты встретила? Сколько раз? Где? Сможешь их узнать? Какое при них было оружие? Одни и те же тебе попались или разные люди?

— Ну... три раза... и ещё за дверью... — девочка осеклась.

— Ты даже не пыталась их запомнить, — махнул рукой Виль. — Зачем, тебя ведь укрывает ворожба?... А попробуй-ка без колдовства прогуляйся.

Он открыл дверь и кивнул девочке.

— Заплети волосы и иди.

— Меня поймают, — замотала головой Эрна. Выходить в чужой замок без защиты было страшно.

— Так ты же заблудилась, — издевательски напомнил Виль.

— Ты же сам! На тебе мамины чары! Ты пользуешься маминым колдовством! — со слезами напомнила девочка.

— Нашла чем попрекнуть. До встречи с твоей мамашей я как-то справлялся. И ты справишься.

— Дядяядюшка Виль! — взмолилась ведьма.

— Живо. Пока три патруля не встретишь, не возвращайся. Никакого колдовства. И не вздумай мне врать.

Под его сердитым взглядом девочка кое-как заплела косу и вышла в ночную темноту. За всем этим спором ей действительно захотелось во двор. Знать бы ещё, как туда выйти.

Пробираясь по коридору, Эрна постепенно успокоилась. Она не боялась темноты и отлично помнила, как пять лет назад сумела несколько дней прятаться одна в Белой башне от волшебников. Тогда она почти ничего не умела. Белые волшебницы сбрили ей волосы и лишили колдовской силы, а чёрной магией она ещё не владела. Но ведь спряталась же! И здесь спрячется. Просто она привыкла, что отличается от других людей. Что её защищают особые силы. Но от факелов всё равно всюду тени и не так-то легко заметить что-то, если не знаешь, что и где. Поднять шум она не боялась. Танцующий Кабан научил её двигаться как кошка за охотой. Даже натягивал нитки с привязанными к ним бубенчиками — на уровне лодыжек, колен, бёдер, пояса... попробуй-ка, почувствовав только прикосновение, отстраниться и перешагнуть или поднырнуть так, чтобы ни один бубенец не звякнул! От колдовства они тускнели, так что жульничать не получалось.

Конечно, *тогда* всё было намного *проще*. Последнее время всё как-то *изменилось*. Мама говорила — растёшь. Виль — вступишь в силу. Сама Эрна считала это каким-то *безобразием*. То всё идёт как надо, а то вдруг руки и ноги какие-то *длинные*, их не знаешь, куда девать и спотыкаешься на ровном месте. А то вдруг хочется рыдать, рыдать и рыдать. И ничего не поделаешь. Или пойти в деревню и вздуть самого сильного мальчишку. А то вот сидеть у окошка, сложа руки, глядеть на ведьмин огород и думать — *однажды* приедет рыцарь и... Знаем мы этих рыцарей! Больно надо!

Эрна постаралась сосредоточиться и не дать своим рукам и ногам предательски запутаться. Во двор — это, наверное, вглубь замка и вниз...

По пути во двор стражники ей встретились только один раз. Вдруг они ночью спать расходятся? До утра, что ли, по замку бродить?! Девочка тихонько прокралась за ними — тихонько, боком, чтобы никто не мог прокрасться сзади, пока её слепит свет факелов. Было их трое, все в тёмной одежде, надетой, похоже, поверх кольчуг. Если на них и были какие-то значки, Эрна их не заметила. Один чуть заметно прихрамывал. Второй покашливал. Третий ничем особенным не отличался. Девочка на всякий случай постаралась запомнить ритм их шагов. Сам звук. *Может быть, это пригодится*. На девочку никто не обратил внимания.

А по пути обратно она всё-таки заблудилась!

Ну, не совсем заблудилась.

Она была уверена, что эта дверь открыта! А сейчас её кто-то запер. Кто? И зачем? Девочка толкнула дверь. Потянула на себя. Бесполезно. Надо было что-то делать, идти в обход.

Она не найдёт дороги, если свернёт со знакомого пути...

Она нашла дорогу в эту сторону. Найдёт и в обратную...

Когда Эрна искала обходной путь, ей встретился ещё один патруль. Эрна заметила его слишком поздно и еле успела спрятаться за изгибом коридора. Сердце её колотилось так бешено, что странно было, как стражники ничего не слышат. А они шли куда-то вниз, но не во двор и не к выходу из замка. Шли, шли и шли...

А потом повернули обратно!

Девочка поспешно отступила назад и в бок, под её ногой что-то шевельнулось и она едва не упала. Фу ты! Чтоб им с Врагом встретиться! Кто-то обронил в коридоре миску и даже не заметил. Вот бы она сейчас загремела!

Стражники прошли мимо девочки, она невольно попятилась, чтобы её не задела краем одежды. Там, где должна была быть стена, оказалась ткань — похоже, шпалера перегораживала проход. Как ни ловка была Эрна, а чуть только не упала спиной вперёд. Едва только сумела удержаться. Чуть скрипнула ткань, за которую она зацепилась. Сердце девочки бешено заколотилось. *Услышат, услышат, услышат!* Но нет, повезло. Эрна осторожно заглянула за шпалеру, протянула руку. Ничего там не было, только открывался ещё один коридор. *Потайной ход*. Это было куда интересней, чем следить за стражниками, и маленькая ведьма осторожно двинулась по нему. Вскоре она услышала шаги. Тяжёлые шаги грузного человека, который ни от кого не таится. Девочка вжалась в стену. По коридору шёл рыцарь лю Дидье с огарком свечи в руках. *А он, оказывается, жадный...*

Край его одежды коснулся девочки, но рыцарь этого не заметил. Тихонько выдохнув, девочка прокралась за ним. Ход то и дело изгибался и, казалось, спускается всё ниже и ниже. Не сразу Эрна догадалась, что коридор обвивает здание по спирали. А рыцарь всё шёл, шёл и шёл, пока, наконец, не оказался... при слабеньком свете огарка Эрна не могла толком разглядеть, куда она попала. Наверное, это был длинный и узкий зал, вдоль одной из стен которого были сделаны двери. Рыцарь подошёл к четвёртой с конца, отодвинул засов и постучался: два слабых удара и один сильный. С другой стороны послышался такой же звук открываемого засова и дверь отворилась. Девочка осторожно подошла поближе. Танцующий Кабан как-то показывал ей, на чём легко поймать неопытного соглядатая. Тени. Тебя может быть не видно, но враги заметят твою тень — и ты погиб. Если бы можно было колдовать, то это бы нисколько не помешало, но раз уж дядюшка Виль так разозлился... Подкрадываться к самой двери Эрна не рискнула.

— Ваше высокопреосвященное высочество, — с неожиданным почтением проговорил рыцарь.

— Какие новости? — отозвался на церковном языке незнакомый голос. Был он скрипучий, старческий и совсем не похожий на голос пленника.

— В скором времени Бастиин вернётся домой, — отозвался рыцарь. — Тогда у меня будут развязаны руки.

— А что насчёт твоего хвалёного мага?

Рыцарь не ответил или, может быть, развёл руками, потому что его преосвященное высочество продолжал:

— Я так и думал. Вернёмся к прежнему плану.

Они принялись обсуждать детали плана, называя незнакомые Эрне имена, названия городов и другие непонятные вещи. Девочка заскучала. Надо было выбираться отсюда и найти ещё третьих стражников. Внезапно одна из теней оказалась темнее и плотнее, чем остальные... не успела девочка броситься бежать, как её больно дёрнули за руку и зажали рот.

— Тише, Эрлейн, — укоризненно выдохнул ей в ухо наставник. От облегчения у Эрны подогнулись колени. Виль оттащил девочку поглубже в темноту и так и продержал до тех пор, пока рыцарь разговаривал со своим загадочным не то повелителем, не то пленником. Только когда грузные шаги лю Дидье затихли в коридоре, Виль отпустил ученицу.

— Молчи, — почти беззвучно приказал он. — Уходим отсюда.

* * *

— Забудь что слышала, поняла? — спросил Виль, втолкнув девочку в их комнату. — Не нашего это ума дело.

Девочка косо на него посмотрела и ничего не ответила.

— Дуешься? — хмыкнул убийца. — Давай, дуйся. Только смотри, не лопни.

Он протянул ей тёмный комок, в котором девочка не сразу узнала свои спутанные волосы.

— Насобираю по коридорам там, где ты наследила, — пояснил Виль. — В другой раз не выручу, смотри.

Девочка взяла волосы, кинула в камин.

— Ты не спросишь, сколько я патрулей встретила? — обижено спросила она.

— И сколько? — равнодушно отозвался Виль.

— Два! И ещё рыцаря лю Дидье! И тайный ход узнала!

— Разные-то хоть патрули были?

— Разные! В одном были хромой да чахоточный. В другом нет.

— Умница какая, — пробормотал убийца. Видно было, что он думает о чём-то своём. — Чего стоишь? Живо спать. Мамаша твоя, небось думает, что я о тебе забочусь, а ты вон чего творишь.

Девочка обиженно залезла в свой шкаф-кровать и завопилась, готовясь ко сну.

— Хорош дуться, Эрлейн, — смягчился наставник. — Я ж тебе сразу сказал, что ты справишься.

— Ты следил за мной!

— Дурочка. Я тут кой-чего услышал, решил проверить. Прихожу, а там ты. Молодец, разнюхала и не попалась. А теперь забудь. И живо спать. Завтра до света в дорогу.

Глава шестая

Встреча на дороге

В дороге Эрна плела из своих волос колыбель для кошки — их ещё называли ведьмиными колыбельками. Крашенные волосы всё время выskalывали из перемазанных лечашей мазью пальцев. Ведьмина колыбель — это хорошее колдовство. Оно поможет и против оборотня, и против святоши-фанатика, и против тех странных людей, которые почему-то видели сквозь чары. Виль называл таких твердолобыми, а то говорил, наоборот, что голова у них, мол, с трещинкой. Неважно. Колыбель надо только бросить в огонь — и путы свяжут кого угодно. Не спасёт ни нож, ни огонь, ни сила. Только надо вовремя бросить. Мама говорила, что любой святоша может сжечь женщину, у которой наши при себе такое. Но поди ж ты разбери. Ну волосы, ну, спутанные. Все знают, что ни волосы, ни ногти нельзя разбрасывать где попало, особенно женщинам, иначе злые ведьмы украдут и наведут порчу. Ведьмы — они и не то могут. Так что каждая девушка, едва тело начинало наливать ещё только обещанием женственности, собирала свои волосы, чтобы потом украдкой закопать их под порогом своего дома. Это делали все — и крестьянки, и горожанки и даже знатные дамы. Говорят даже, что и монахини так поступали, как бы ни ругались священники на суеверие и ни обещали защиту от молитв и Заступника. Заступник далеко, а ведьмы, ведьмы же близко.

Эрна доплела «колыбельку», скатала её и осторожно спрятала за пазуху. Бессильно уронила руки на колени. Это правильно. Мама всегда слабела после колдовства.

— Зря на ведьмовские штучки надеешься, Нинета, — тихо произнёс по-хларски Виль. Он утверждал, что разговор на чужом языке привлечёт больше внимания, чем понятная местным людям речь, поэтому почти не говорил с девочкой по-тафелонски. Карета неумолимо везла их в Балриль, городок, близ которого должен был произойти обмен заложниками. По обе стороны от кареты скакали кнехты рыцаря лю Дидье, одетые в парадные пурпуэны с гербом их господина на рукавах — белым мостом на алом поле. По тому, как безжизненно ткань облекала тела воинов, Эрна поняла, что пурпуэны были надеты поверх доспехов. Вряд ли это кого-то оскорбит, когда идёт война.

Виль проследил за взглядом девочки.

— Да, сказал он, — этим нож под ребро не всунешь. Или дождись, пока разденутся, или яду в вино сыпани... ты думай, Нинета, думай.

— Ты хочешь, чтобы я их убила? — с дрожью в голосе прошептала девочка.

— Мала ещё, — проворчал наставник. — Пока думать научись. И не трястись как овца. Много от тебя толку будет? Ты должна быть спокойной, чтобы никто не увидел в твоих глазах смерти. Тогда тебя подпустят ближе и не успеют увернуться. А ещё...

Договорить он не успел. Раздался пронзительный свист, за ним другой, третий... потом в карету вонзилась стрела. Виль толкнул девочку.

— На пол, живо! — велел он. — Скажу когда — выкатывайся отсюда. Прячься или беги.

— А если?... — спросила девочка, скрючившись между сидениями.

— Ты про свои фокусы? Думать забудь.

— А...

— Молчи.

Виль выпрыгнул из кареты и где-то исчез. Снаружи как будто дрались и кричали — кто-

то от злости, а кто-то от боли. Потом раздалось ржание... один раз, другой... карету трянуло. Эрну затрясло. Она очень давно жила мирно, с ней давно не происходило ничего по-настоящему страшного. Вроде того случая на востоке, когда языческие жрецы хотели принести их в жертву... но тогда маме помогло чужое злое колдовство, которое она выучила по приказу дяди Виля. Эрна так не умела: это было колдовство только для взрослых. Когда она убивала ту вампиршу, тоже было страшно, но это было как ночной тягостный сон и, потом — тогда она, Эрна, напала первая! А теперь... вокруг нет никого, кроме Виля, а он — что он может сделать против стрел? Кто-то напал на них, кто-то хочет их убить — зачем? Почему? Сидеть на месте и ждать, пока решится её судьба, было очень сложно.

Рывком открылась дверь кареты и Эрна завизжала от пережитого напряжения. Из-под пальцев у неё полилась тьма.

— А ну цыц! — прикрикнул знакомый голос, и девочка разрыдалась от облегчения. — Что ты, что мамаша твоя. Чуть что — крики, слёзы. Уймись или... да что с тобой будешь делать?!

Он поднял девочку на сидение, отвёл руки от лица и ткнул фляжкой.

— Один глоток, — приказал убийца. — Живо!

Всё ещё икая, девочка послушалась, отпила немного и тут же закашлялась. Это был жидкий огонь, он, казалось, прожёл рот, горло и внутренности насквозь.

— Т-ты м-меня уб-бьёшь, — пробормотала Эрна.

— Не сейчас, Нинета, не сегодня, — заверил её наставник. Девочка нервно рассмеялась. — Полегчало? Ещё тебе добрый дядя сопли не вытирал.

— А с мамой ты не так разговаривал, — не выдержала ученица.

— Что вспомнила! — хмыкнул Виль. — Мамаша твоя взрослая уже баба, с такой возиться — только время тратить. А ты учишь, пока молодая. Подумаешь — на разбойников наткнулись. Было бы из-за чего плакать.

— Я думала, тебя там убили, — призналась девочка.

— Рано мне ещё помирать, — отмахнулся убийца. — Всё? Успокоилась? Выходи. Ноги разомнёшь и делом займёшься. Всё равно никуда теперь не едем.

— Почему?

— Коней подстрелили. Отправили гонца вперёд, в Балриль, чтобы нам новых прислали.

Девочка послушно выпрыгнула из кареты. Платье неудобно путалось в ногах, пока Эрна не сообразила приподнять подол.

— Каким делом, дядюшка Ги?

— Живьём одного разбойника взять хотели, да только прыткий оказался, поганец, убёг. Пристрелили. Пришлось среди подбитых искать, кто поживее. Один вроде не совсем уж дохлый, подлечишь, да допросим.

Виль уловил ужас в глазах девочки и выругался.

— Потерпишь как-нибудь для дела, — сказал он. — Не хочу тебя без присмотра оставлять, придётся тебе рядом со мной быть.

— Дядюшка Ги! — взмолилась Эрна. Какое «подлечишь», тогда все поймут, что она не та, за кого себя выдаёт! — Но я же...

— Что — ты же? Разве благородных дам не учат перевязывать раны? — поднял брови проклятый.

Эрна сглотнула. Ей не доверяли серьёзные случаи. Конечно, когда кто-нибудь попадал по себе топором, ну, вот как крестьянин Креб в прошлую зиму, мама брала её с собой, но

девочка не так уж много рассмотрела. Она думала, что ей никогда и не понадобится возиться с окровавленными тряпками, вдыхать запах крови, пота и мочи и соединять края раны. Гадость какая! Эрна всегда думала, что это не для неё! Она и не смотрела почти. И уши тогда заткнула. Зачем ей было смотреть, как эти дураки мучаются, если она должна учиться убивать людей, а не помогать им?! Что она может сейчас сделать?!

— Не бойся, — нехорошо усмехнулся Виль. — Если он умрёт, никто не пожалеет. Надо только, чтобы он мог отвечать на мои вопросы.

Девочка лихорадочно соображала. Надо исхитриться, чтобы незаметно колдовать у всех на глазах. Она оглянулась по сторонам. Кнехты деловито оттаскивали мертвецов с дороги, оставив только одного — одетого в парадный пурпуэн, со стрелой, торчащей из глаза. Эрна содрогнулась.

— Не туда смотришь, — сказал наставник и заставил девочку повернуться. — Ну-ка, сколько кнехтов с нами ехало?

— Восемь, — ответила Эрна. Всё правильно. Двое спереди, двое сзади, по два справа и слева. Почётный эскорт для дочери королевского родственника.

— А теперь их сколько? Не подглядывай!

— Семь?... — предположила девочка. Труп в пурпуэне был только один.

— Ты меня спрашиваешь? Ну? Сколько?

— Семь!

— Правильно, да не совсем. В живых семеро осталось, но один поехал вперёд. А что с возницей, заметила?

— Я не смотрела!

— А почему ты не смотрела, а, Нинета?

— Я испугалась!

— Бестолочь!

Виль отвесил девочке несильный подзатыльник.

— Как дитё малое, — вздохнул он.

— Ты не сказал! — запротестовала Эрна. — Ты не предупредил!

— Здрате! — удивился убийца. — Может, я тебя и о разбойниках предупреждать должен был? Обратите внимание, ваше дюкское высочество, сейчас нас будут немножко грабить и чуть-чуть убивать. Так, что ли? А если бы мы не отбились? Если бы тебя схватили? Что тогда?

— Что тогда? — с вызовом спросила девочка.

— И эта бестолочь продержалась почти неделю в Белой башне? — удивился убийца. — Волшебники, небось, все слепые, глухие да безногие. Запомни, повторять не стану — всегда смотри по сторонам. Что бы ни случилось. Даже на эшафоте.

— Что?!

— Так доиграешься же однажды, — засмеялся Виль.

— Но...

Эрна заставила себя успокоиться.

— Ты хочешь узнать всё, что он знает, или чтобы ему было больно, дядюшка Ги? — спросила она, стараясь говорить как мама — решительно и жёстко. Голос подвёл, сорвался на последнем слове. Виль довёл девочку до распростёртого на земле разбойника. Лицо того было изуродовано, живот распорот. Бедняга лежал у самого леса, там, где ему нанесли последний удар.

— Ишь ты! А ты поучить решила своего бедного дядюшку?

— Есть другой способ, — с трудом произнесла Эрна, сдерживая позывы к рвоте. В ране было видно кишки. Какое там «подлечишь»! — Дым. Вроде... помнишь... Денна?

— Хочешь показать ему посланца небес, чтобы он всё выболтал, а? А если явится тот козлоногий урод, что будешь делать?

Эрна помотала головой. Её тошнило, кружилась голова и бешено колотилось сердце. Она не хотела снова смотреть, как Виль «спрашивает по-плохому». Ей и прошлого раза хватило!

— Я не умею... как Денна... не знаю её снадобий. Я... он немного уснёт от дыма... и я наведу на тебя иллюзию.

— На что только люди не пойдут лишь бы не работать, — вздохнул Виль. — Если он уснёт, то уже не проснётся.

— Я чуть-чуть только усыплю.

— Ну смотри, Нинета. Ошибёшься — выпорю.

Эрна фыркнула и гордо вскинула голову. Ведьмы не ошибаются. Ведьмы всегда знают, что делать. Ведьмы всегда правы.

* * *

Виль развёл костёр недалеко от головы умирающего и тот безнадёжно дёрнулся. Отползти он уже не мог.

— Сильный, — с невольным уважением сказал убийца. — Другой бы на его месте давно концы отдал или хоть сознание потерял. А этот — ничего. Держится.

Эрна высыпала сухие листья в огонь и поспешно отошла. Мама говорила — наведённый сон подчиняется ведьме. Человек проспит столько, сколько ведьма захочет. А ещё мама очень не любила, когда дочь творила волшебство, которому учили в Чёрной Башне. Но... девочка сосредоточилась. Вот у тёти Веймы это вышло бы легко! Но Вейма давно валялась бы в обмороке, она не выносила ни вида, ни запаха крови. А Эрна справится. Эрна человек. Она сильная. Ни колдовство, ни волшебные чары не давали проникнуть в душу умирающего так, как это умели делать вампиры. Оставалось только хитрить.

— Блез?... — прошептал разбойник. — Ты пришёл слишком поздно! Ты обманул нас! Послал на смерть. Косма убили. Обэ. Лоупа. Госса! Всех нас убили!

— Я не мог прийти раньше, — наугад отозвался Виль.

— Всех... всех положили... ты говорил, их будет меньше! Ты говорил, у них нет доспехов! Обманул... будь ты проклят... гори в преисподней!

— Да ну? — перекосясь Виль от злой насмешки. — Что я ещё говорил?

— Смейся! Я знаю! Ты давно подумывал... с нами расправиться! Обэ! Он мешал тебе! Но почему Лоуп? Он всегда был за тебя. Почему Лоуп?!

— Вы сами ошиблись, — ответил Виль.

— Нет! Нет! Мы ждали... их значки! Стена! Стена на красном! Ты сам сказал! Важные... важные письма! По этой дороге больше никто не ездит!

Виль бросил косой взгляд на Эрну, которая стояла рядом с ним, от напряжения прижав кулаки к шее. Разбойники перепутали их кавалькаду с чьей-то чужой! Перепутали мост и стену!

— Это не та карета! — прошипел убийца. — Ты даже не можешь вспомнить, что я тебе сказал!

— Нет! Нет! Я помню! Стена на алом фоне! Остановить карету. Убить всех. Убить возницу. Убить посла! Мы не смогли! Ты говорил — их будет шестеро! Без доспехов!

— Болван! Это не те люди!

— Тут больше никто не ездит! Мы ждали... ждали...

Он замолчал.

— Всё, — сказала Эрна, пытаясь говорить спокойно. — Больше он ничего не скажет.

— А если бы кто-то не упрявился, а сделал, как я сказал...

— Он не вынес бы пытки! — шёпотом возмутилась девочка. — Он умирал!

— Много ты понимаешь, — сплюнул Виль. Он тщательно затоптал гаснущий костерок и достал нож. Эрна поспешно отвернулась, но успела увидеть, как железо входит в шею несчастного.

— Белая стена... — задумчиво произнёс убийца. Он говорил так спокойно, как будто бы не он только что оборвал человеческую жизнь. — Герб Несдье... Письма, которые кто-то везёт в Несдье...

— А не оттуда? — рискнула спросить девочка. Виль покачал головой.

— Несдье западней, глубже в страну. Это город, который держат сторонники наследника Хларии... он очень неудобно расположен для штурма, поэтому ютанцы его не трогают... лю Дидье говорил, сейчас у них перемирие... небось потому посол и едет открыто с такой маленькой охраной.

Он подтолкнул девочку к дороге.

— Нам деваться всё равно некуда, — заявил проклятый. — Пока лошадей не приведут, ждём здесь.

Он придирчиво оглядел девочку.

— Опустить взгляд, — приказал он. — Ты напугана — этим никого не удивишь. Не смотри никому в глаза. Девочка должна быть скромной. Не заговаривай ни с кем. Спросят — смотри на меня. Отвечай только если я разрешу. Будь внимательна. Надо будет — подыграй. Поняла?

— Но...

— Что я велел?

— Не смотреть никому в глаза, — неохотно проговорила Эрна. — Бояться. Но ты же сказал...

— Бестолочь! Не дала мамаша тебя воспитывать, теперь расхлёбываем. Ведёшь себя как деревенская девка, только с покоса. Юбку до пояса задираешь.

— Неправда!

— И споришь, — неумолимо продолжил убийца. Эрна опустила взгляд. Виль всегда запрещал ей спорить. — Во, вот так и держись. А подол надо придерживать аккуратно, только чтобы по земле не волочился.

Он сделал неожиданно изящное движение рукой, будто приподнимая невидимую юбку. Эрна прикусила губу, чтобы не расхохотаться.

— Повтори, — приказал наставник.

— Откуда ты всё это умеешь, дядюшка Ги? — шёпотом спросила девочка.

— Откуда-откуда. Глаза держу открытыми, ни от какой работы не отказываюсь и не ною как некоторые. Да не сверли меня взглядом-то. В землю его уставь. Скромность

украшает девушку, Нинета, скромность. В лицо плямиться в деревне будешь.

Эрна вздохнула. Ей много лет никто не говорил, что нельзя смотреть людям в глаза или говорить людям, что думаешь. Да и кто мог ей это сказать?... Дома, где она ведьма и дочь ведьмы, да к тому же лю... любимой женщины самого барона цур Фирмина? На Серой пустоши, где она личная ученица главного волшебника Лонгина? В посёлке в землях язычников, где она не только приёмная дочь хозяина постоянного двора, негласного хозяина всего посёлка, но и ведунья, обладающая пугающей властью над людьми? Или, может, в отряде Увара, когда она его обожаемая племянница и приходила-то туда только на праздники, где её принимали как почётную гостью? Не то чтобы Эрна перебивала старших или грубила или ещё что-то такое же ужасное. Но вокруг неё всегда были простые люди, которые не требовали никаких церемоний. Последний раз от неё требовали опустить взгляд в Белой башне, когда захватившие её белые волшебники надеялись сломить дух маленькой ведьмы.

— Ты напугана, — напомнил ей Виль и вернулся к кнехтам рыцаря лю Дидье.

— Что узнал? — спросил старший из них, неодобрительно косясь на девочку. — Зачем брал с собой госпожу?

— Благородная она, — сокрушённо отозвался убийца. — Где ж мне с такими спорить?... Увязалась за мной. Думала, раны кому перевязать надо. Как твои-то ребята? Может, и впрямь попросим госпожу помочь?

Эрна поперхнулась. Ведь он сам!... Только что!

— Что узнал? — повторил кнехт и снова покосился на девочку.

— Повезло мне, — словоохотливо ответил проклятый. — Я и слова сказать не успел — как тот сам заговорил. Перепутал меня со своим главарём и как есть на духу всё выложил.

— А костёр зачем разводил?

Теперь Виль покосился на Эрну, потом махнул рукой.

— Чего уж тут. Не понадобился. Если бы не Сисэр, бедняга, я б сказал, повезло нам.

Лицо кнехта на мгновение дрогнуло, когда он поглядел на лежащего на дороге товарища.

— Последние вести из Несдье когда были? — спросил Виль.

— Да уж с неделю, может, и больше, — ответил кнехт. — Сейчас перемирие, а до того их крепко в осаду взяли. Да и сейчас. Человека пропустят, а обозы с едой или оружием — нет.

— Вот вам и перемирие, — неприятно засмеялся Виль. — Тот малый говорил, что ждали карету и всадников без доспехов. На них герб Несдье ждали. Смекаешь?

Кнехт кивнул.

— И мы подождём, — сказал он и снова покосился на Эрну.

— Идите в карету, барышня, — с деланной почтительностью предложил Виль. Эрна кивнула, всё так же не поднимая глаз, и покорно пошла к экипажу. Возле кареты обнаружился и возница, который снял с убитых коней всю сбрую. Эрна слотнула. А могли и в неё попасть. Или в Виля. Над мёртвыми лошадьми уже вовсю вились мухи.

— Или посланцы Несдье совсем простофили, — услышала Эрна задумчивый голос наставника, — или у их врагов очень мало денег.

— Несдье отправил своего посла в Рамье сразу же, как объявили перемирие, — неохотно сказал кнехт. Эрна понимала, что долго стоять возле кареты будет подозрительно, поэтому принялась обходить дохлых лошадей по большой дуге мелкими изящными

шажками. — Говорят, хотел просить о помощи. Рамье большой город, туда стекаются многие отряды, и все они стоят за наследника. Но вот вооружения у них маловато.

Они немного помолчали и молчали до тех пор, пока лошади не закончились и Эрна не дошла до двери кареты. Тянуть было невозможно и девочка открыла дверь.

— Будь я один, я б разведал, что к чему... — задумчиво произнёс Виль.

— Оставь госпожу в Балриле, пусть люди короля везут её в Арол без тебя, — предложил кнехт. Эрне потребовалось собрать всю свою волю, чтобы не замереть с напряжённой спиной в ожидании ответа. Она забралась в карету, но закрывать дверь не стала.

— Они не стоят того, — решил Виль после долгого мучительного молчания. — Сейчас перемирие? Мы скажем людям Балриля, пошлём кого-нибудь в Дидье, пусть прочешут тут всё и поймают разбойников. Они новички в этом деле, раз так опростоволосились с нами.

— Или нарочно послали дураков, — предположил кнехт.

* * *

Подстергать отряд, сопровождающий посла Несдье, не пришлось, они сами остановились при виде следов побоища. Старший из них, высокий худой кнехт в алом пурпуэне, спрыгнул с коня и подошёл к Вилю.

— Я Фулкс, сержант из Рамье, — представился он. — Вы люди рыцаря лю Дидье?

Виль кивнул.

— Моё имя Ги, а это Тибо, сержант рыцаря лю Дидье, — кивнул он на того кнехта, с которым обсуждал разбойников. Ты наш должник, сержант!

Фулкс поднял брови.

— Разбойники, которые на нас напали, искали встречи с вами, — пояснил Тибо.

Фулкс осенил себя священным знаком.

— Проведение Заступника! — отозвался он. — Мы собирались выехать раньше, но... задержались при сборах.

Он бросил взгляд на экипаж, который везли две неказистые лошади. Каретой эту повозку никто бы не смог назвать, просто ящик на колёсах со скамьёй для возницы. Виль и Тибо тоже на них посмотрели, особенно на лошадей, которые, хоть и не годились для парада, выглядели сильными и выносливыми.

Из экипажа раздался прерывистый хриплый голос.

— Всё в порядке, господин Дэгейр! — успокоительно прокричал Фулкс.

— Что там?! — повторил хриплый голос. — Я хочу видеть!

Эрна, не удержавшись, выглянула из кареты.

Один из приехавших с Фулксом кнехтов спрыгнул с коня и пошёл к чужому экипажу. Отворив дверь, он подставил плечо и помог выбраться тощему юнцу в потёртом чёрном пурпуэне. Юноша был всего на несколько лет старше самой Эрны, очень высокий и какой-то весь ломающийся. Шёл он с трудом, тяжело опираясь на кнехта, и заметно хромал на правую ногу. Виль и Тибо поклонились, остальные кнехты рыцаря лю Дидье последовали их примеру.

— Разбойники ждали посла из Несдье, — как бы между прочем заметил Виль.

— Да! — вспыхнул юнец. — Я... он... я...

Мужчины терпеливо ждали, предоставляя юноше высказаться.

— Он заболел! — выпалил господин Дэгейр, бросив отчаянный взгляд на Фулкса.

— Господин Брис слёг с лихорадкой, — пояснил Фулкс, — лекарь говорит, вот-вот отдаст Заступнику душу. Господин Дэгейр вызвался его заменить.

— Вы и сами нездоровы, — с сочувствием, которое могло бы обмануть кого угодно, заметил Виль.

Юнец взял себя в руки.

— Ранили во время вылазки, — пояснил он. — Мы пытались отбить у ютанцев обоз. Негодяи! Я сопровождал господина Бриса в Рамье... я... он... отец настоял... я был посвящён в рыцари вскоре после той стычки. В Несдье плохое место для раненных, но я не хочу...

Он оборвал себя, отстранил поддерживающего его кнехта и отвесил Виллю и Тибо изящный хларский поклон. Волосы его, растрепавшиеся, когда юнец снял рыцарскую шапочку, оказались очень тёмными, длинными и прямыми.

— Я не поблагодарил вас, — сказал господин Дэгейр серьёзно, позволяя кнехту снова его подхватить. — Вы спасли меня, вы спасли больше — судьбу несчастного осаждённого города! Скоро дойдёт до того, что мы будем есть крыс.

Виль с сочувствием покивал юноше и переглянулся с Тибо.

— У вас есть лошади, — осторожно произнёс тот. — наших, как видите, убили.

— Негодяи! — вскричал Дэгейр. Он впервые бросил взгляд на чужую карету и глаза его увидели выглядывающую оттуда Эрну. — Так с вами дама! Почему же вы молчали?

Он решительно захромал вперёд, не слушая возражений помогающего ему кнехта. Поклонился глубже и ещё изящней, чем в прошлый раз. Эрна беспомощно посмотрела на Виля. Он не предупреждал, что делать в таких случаях.

— Позвольте представить, — произнёс убийца, помогая девочке выйти из кареты, — Нинета, любимая дочь рыцаря лю Дидье.

Он незаметно пихнул девочку и она склонилась в реверансе, который когда-то подсмотрела, когда Нора, дочь барона цур Фирмина, приезжала к отцу и с ней были придворные дамы. Обычно девочку не брали в замок и уж тем более не тогда, когда к барону приезжала его законная дочь, но в тот раз как-то сложилось... Вейма говорила, что в Хларии другие манеры, чем в Тафелоне, но как кланяются хларские женщины, Эрна ещё не видела. Господину Дэгейру, впрочем, хватило и этого.

— Я счастлив познакомиться с вами, — срывающимся голосом произнёс юнец. По его тону казалось, будто он действительно счастлив. — Моё имя Дэгейр, я сын рыцаря Линдра, который возглавляет оборону угловой башни Несдье и ближайших к ней ворот. Приношу свои извинения за эту досадную задержку, из-за которой вам пришлось столкнуться с предназначенной мне опасностью.

Эрна вскинула на него глаза и тут же потупилась. Юнец смотрел на неё жадно, ожидая... чего?

— Не стоит об этом говорить, — пробормотала она, с трудом подбирая подходящие хларские слова. — Это ведь воля Заступника.

— Мы были лучше вооружены, — вмешался Тибо грубым голосом бывалого вояки.

Эрна осторожно подняла взгляд, чтобы проверить, не надоело ли юнцу на неё пялиться. Нет, он даже не думал посмотреть в другую сторону.

— Мы потеряли одного только бедного Сисэра, — притворно вздохнула девочка и оглянулась по сторонам, словно ища утешения. — И лошадей.

— Скоро стемнеет, — заявил Виль, хотя день только недавно перевалил через середину. — Кто знает, сколько разбойников здесь ещё можно встретить.

Юнец упорно не понимал намёков, восторженно разглядывая девочку. Видно, встреча на дороге показалась ему чем-то особенным. Эрна не могла вспомнить, чтобы кто-то когда-то смотрел на неё так. Мальчишки в деревне все знали, что она ведьма, и боялись попадаться ей на глаза — вдруг порчу наведёт?

— Нам нужно вместе ехать до Балриля, — прямо сказал Тибо. — Господин Дэгейр, просим вас воспользоваться нашей каретой.

Дэгейр неохотно отвёл взгляд от девочки и покраснел.

— Мне нужно в Несдье! — возразил он. — Там ждут... я должен быть рядом с отцом!

Виль ни словом, ни взглядом не показал, что об этом думает, но Эрна помнила: умирающий разбойник говорил о важных письмах. К тому же им были нужны лошади.

— Вы никуда не доберётесь, — жёстко произнёс Виль. — Здешние места кишат разбойниками, которые нападают на каждую карету. Они ищут людей с гербом Несдье, но не побрезговали напасть и на нас.

Юнец покосился на Фулкса, потом посмотрел на Виля и Тибо и снова покраснел.

— Мы просим вас одолжить нам ваших лошадей, — сказала Эрна тихим голосом. — Мы... я боюсь оставаться в лесу, когда стемнеет.

На Дэгейра было жалко смотреть. Его словно разрывало на части между желанием услужить даме и долгом перед родным городом.

— Мы настаиваем, чтобы вы поехали с нами, — заявил Тибо. — В карете госпожи Нинеты вам будет гораздо удобнее.

Фулкс за спиной юнца посмотрел в глаза Тибо, который ничуть не уступал ему в росте, оценил вооружение кнехтов рыцаря лю Дидье и неохотно кивнул.

— Будет лучше, если мы поможем госпоже Нинете, — сухо произнёс он.

Они перепрягли лошадей в карету, втащили труп убитого кнехта в повозку рыцаря лю Дидье и предложили чужому вознице оставшуюся после Сисэра лошадь. Когда им встретятся люди из Балриля, возница вернётся с ними, чтобы доставить в город покойника для достойных похорон. Разбойников и убитых лошадей бросили в лесу.

Глава седьмая

Юный рыцарь

В карете юнец продолжил пялиться на Эрну. У него были очень тёмные глаза, почти такие же тёмные, как у Фатей, другого ученика Виля, который остался с отрядом Увара. Но Фатей не выносил Эрну, в лицо кидал ей ужасные оскорбления и всерьёз утверждал, что от одного взгляда на девочку у него болит живот. Эрна знала, что он отдаст жизнь за неё или за её мать, потому что такую клятву взял с него Виль, и даже был однажды случай, когда она нечаянно набрела в лесу на рысёнка, умилительно-пушистого зверька с кисточками на ушах и не сообразила, что это значит. Тогда оказалось, что Фатей шёл за ней по пятам, и он убил своим длинным острым ножом и рысь, и её детёныша прежде, чем те успели напасть. Он ругался тогда ещё хуже, чем обычно, и не хотел слушать её возражения, что она сумела бы заморозить животное, а котёнка и вовсе надо было взять с собой. Фатей вообще никогда не хотел её слушать, из всех женщин он слушал только свою сестру, которая заменила ему мать.

Враг с ним, с Фатеем. Он далеко. А рыцарь был рядом и он не сводил с Эрны своих тёмных глаз. Иногда Дэгейр косился на Виля. Чувствовалось, что присутствие «дядюшки Ги» его стесняет. Может быть, именно поэтому, когда им встретились люди из Балриля, Виль сел на свежую лошадь и поехал с ними «заботиться о бедолаге Сисэре», бросив ученицу на произвол судьбы.

— Не бойтесь, — мягко произнёс Дэгейр, когда карета снова тронулась в путь. — Я сумею вас защитить!

Эрна вскинула на него глаза, которые показались рыцарю двумя прозрачными озёрами, и потупилась прежде, чем юнец успел в них утонуть. Дэгейр сглотнул. Эрна украдкой смотрела на него и видела, как кадык дёрнулся вверх-вниз на тощей шее юнца.

— Вы очень добры, — прошептала она. Дядюшка не говорил, что делают в таких случаях! Почему он так пялится?!

— Моя рана не позволяет мне бегать, поэтому я никуда не убегу, если нападут разбойники, — заявил Дэгейр. Эрна невольно рассмеялась и, когда рыцарь присоединился к её смеху, поняла, что поступила правильно. Когда лошадей его неказистого экипажа перепрягали в её карету, Дэгейр забрал с собой меч и что-то ещё, что теперь слегка оттопыривало одежду на его тощей груди. Можно было бы и не догадаться, если не сравнивать, как он выглядел сначала с тем, как он выглядел сейчас. Небось, это и был пакет с важными письмами, которые искали разбойники. Эрна пожалела, что единственное известное ей средство, способное быстро и незаметно усыпить человека, надо бросать в огонь. Есть, конечно, и такие, которые добавляют в питьё, но ей и предложить рыцарю нечего. И колыбель для кошки тут тоже бесполезна. Не зря Виль советовал на неё не полагаться!

— Как вы получили эту рану? — спросила девочка, когда молчание стало совершенно невыносимым. Она снова покосилась на рыцаря и тот снова сглотнул, успев на мгновение поймать её взгляд. Он приосанился, принимая вид бывалого вояки. Это было смешно, учитывая, что юнец был даже моложе Фатей, с которым девочка, бывало, бегала наперегонки. Виль говорил, что умение убежать ей когда-нибудь пригодится.

— Это была опасная вылазка, — важно сообщил юнец. — Мы пытались отбить обоз против отряда ютанцев. Их было... десять... я хотел сказать, десять отрядов по шесть

человек, а нас только пятеро. Я, конечно, возглавил отряд...

— Не может быть! — почти искренне изумилась Эрна, глядя на то, как Дэгейр пытается «незаметно» завладеть её рукой. — Ведь вы сказали, вас только после вылазки посвятили в рыцари!

Юнец закашлялся и сложил руки на груди.

— Э-э-э... я хотел сказать, что мне пришлось его возглавить, когда ютанцы убили сержанта Рула... мы еле спаслись тогда, обоз пришлось бросить. У нас не осталось стрел, а эти мерзавцы...

— Вы такой смелый! — сказала девочка, поднимая на юного рыцаря взгляд. Дэгейр расцепил руки и просиял. — И теперь вас послали с таким важным делом...

Она вовремя остановилась, вспомнив, что про письма рассказал умирающий разбойник. Рыцарь кивнул.

— Я обязан помочь моему городу! — гордо сказал он.

— Вы такой смелый, а я так боюсь разбойников, — сокрушённо произнесла девочка. Замерла, понимая, что в голос прорвался настоящий страх, но... разве не этого от неё ожидают? — Это было ужасно! Свист, потом стрелы, крики! Я думала, дя... дядюшку Ги убили! Я так боялась!

Рыцарь всё-таки взял её за руку. У него были жёсткие костлявые пальцы и, как он ни старался быть ласковым, Эрне было больно и неприятно. Дэгейр провёл по её ладони. Девочка содрогнулась.

— Вы не должны ничего бояться, — со странным выражением произнёс он. Прежде, чем Эрна успела ему помешать, он поднёс её руку к губам и запечатлел поцелуй. Вышло ужасно слюняво и девочку опять передёрнуло от отвращения. Эрна в отчаянии думала, надо ли ей закричать, отвесить пощёчину или лучше сразу ударить противного юнца ножом. Виль учил её действовать двумя руками одинаково и она была уверена, что успеет убить Дэгейра прежде, чем он удивится.

Мама ничего не рассказывала о таких случаях! Мама всегда говорила, что ей ещё рано думать о мужчинах! Мама рассказывала, как привязать к себе человека, если очень хочется, но ничего не упомянула о том, как его отвадить!

Карету подбросило на кочке. Эрна постаралась, чтобы её не отбросило на юнца, и отлетела в дальний угол кареты. Но Дэгейр не выпустил её руку и упал прямо на неё! На мгновение их лица оказались напротив друг друга, а губы...

Девочка в панике завизжала. Рыцарь отпрянул, очень смущённый и случившимся, и реакцией своей дамы.

— Простите меня, — с раскаянием произнёс он. Карета остановилась и Тибо открыл дверь, ожидая, похоже, увидеть самое худшее. Эрна постаралась привести в порядок дыхание.

— Я упала, — соврала она быстро. — Простите, я не хотела никого пугать. Я просто неожиданно упала и испугалась.

— Вы хорошо себя чувствуете, госпожа? — подозрительно спросил Тибо. По тому, как это прозвучало, Эрна поняла, что сержант прекрасно знает, что Эрна была никакой не госпожой, а только безродной девочкой, которую Виль притащил откуда-то по приказу рыцаря лю Дидье. Эрна перехватила его взгляд на юношу. Ждал ли Тибо, что Эрна соблазнит Дэгейра? Допускал ли он, что Дэгейр соблазнит Эрну, если тому этого захочется?

К ним подошёл другой кнехт.

А вот он, похоже, не знал.

— Госпожу растрясло в дороге, — раздражённо пояснил ему Тибо. — Чем скорее мы доедем до Балриля, тем лучше.

Дверца захлопнулась. Карета тронулась в путь. Эрна перевела дыхание. Может быть, притвориться, что ей плохо? Ни один мужчина не будет желать женщину, если её в это время тошнит недавно съеденным завтраком. Девочка хорошо помнила, что мать дала ей с собой рвотный корень. Достаточно разжевать кусочек, чтобы...

— Простите, я напугал вас, — с раскаянием проговорил юноша. — Мне не следовало...

— Это всё карета, — заверила девочка. — Ужасно трясёт, правда.

— Да, — согласился Дэгейр. — Если бы я мог придерживать вас, чтобы вы не упали...

Вот уж нет!

— Как ваша нога? — поспешно спросила девочка. — Такая тряска... мне приходилось перевязывать раненых. Вам, должно быть, сейчас очень больно.

— А, пустяки! — немедленно расправил плечи юнец. По его движениям Эрна догадалась, что он испытывает сильную боль, но старается не обращать на неё внимание. Как глупо. Если ты в безопасности, тебе надо позаботиться о себе, иначе ты не сможешь сражаться. Но этого девочка говорить не стала.

— Вы говорили про важное дело, которое вам доверил ваш город, — напомнила Эрна. — Дядюшка Ги сказал, что вы, должно быть, положились на перемирие, если взяли так мало людей.

— Проклятые разбойники! Мерзавцы! — отозвался рыцарь. — Я проклинаяю свою рану! Если бы я мог ехать верхом! Клянусь, мне не понадобилось бы никого брать с собой!

— Вы путешествовали бы один? — удивлённо спросила Эрна. — Как сказочный рыцарь!

Магда иногда пела дочери старые баллады, которые слышала в детстве, а тётушка Вейма — новые, некоторые даже собственного сочинения, хотя и все знают, что вампиры не способны ничего придумывать, что не касается их охоты. Эрна всегда удивлялась: рыцари не брали с собой сменную лошадь, не брали вьючную, не брали ни слуг, ни вещей, скакали себе и скакали... как будто их лошадей зачаровывал для них дядюшка Лонгин, но ведь даже он отдыхал в пути и брал с собой сумку с едой и пожитками! И он не был рыцарем, ему не надо было везти оружие!

— Будь вы здоровы, — продолжила Эрна с истовой убеждённой, — вы бы сами расправились со всеми разбойниками в этом лесу!

Похоже, она перегнула палку, потому что Дэгейр поскущел и тяжело вздохнул.

— Не смейтесь надо мной, — грустно попросил он.

— Я не хотела вас обидеть...

— Проклятая нога ещё долго будет заживать, — раздражённо произнёс юнец.

Они помолчали.

— Куда вы едете? — спросил Дэгейр, что-то соображая. — Вы дочь рыцаря лю Дидье, а его владения — самые богатые и безопасные во всей Хларии. Почему он отослал вас? Вы... вы сговорены?!

— Нет, что вы, — рассмеялась девочка. Сговорена! Ха! Да во всём мире не найдётся ни одного мужчины, которого она согласилась бы взять в мужья, даже если бы он взаправду один перебил всех разбойников, а не хвастался бы этим! — Отец посылает меня в Арол как залог своей дружбы с...

Эрна осеклась. *Она не знала, как зовут наследника хларского трона!*

К счастью, рыцарь не заметил её ошибки.

— Вас?! — задохнулся он. — В Арол?! Вы не должны туда ехать! Слышите?! Не должны! Только не вы!

— Но почему? — поразила его искренности Эрна. Юноша густо покраснел и отвернулся.

— Простите, — коротко ответил он. — Сейчас война. Вы должны быть дома со своим отцом. Прикажите поворачивать — немедленно.

У Эрны тревожно забилось сердце. Дэгейр что-то знает про Арол. Что-то опасное. Она напрягла память. Арол... Арол... Этот город упоминался рыцарем лю Дидье во время разговора со святошей, который был не то пленником, не то гостем в его подвалах. Что говорилось? Бастин... Бастин — это, похоже, сын лю Дидье. А что ещё?

Девочка покачала головой, отвечая и юнцу, и своим мыслям. Она не могла вспомнить ту беседу. Слишком много скучных подробностей обсуждали мужчины, к тому же Виль велел ей всё забыть.

— Я должна, — мягко проговорила она. — Так велел мой отец. Ему лучше знать.

— Откажитесь! — взмолился рыцарь. — О, если бы не моя рана! Я увёз бы тебя в это же мгновение.

Вот ещё выдумал!

Эрна подняла на Дэгейра укоризненный взгляд и тот смешался.

— Я не хотел вас обидеть, — пробормотал он. Девочка лихорадочно соображала. Он что-то знает, что-то очень важное. Связано ли это с его письмами? Необязательно. Насколько он важный человек? Его отец, наверное, важный, иначе бы письма не доверили такому неоперившемуся юнцу. Как его разговорить?!

— Мне так неловко, что вам пришлось свернуть со своего пути, — сказала она ласково и погладила юношу по рукаву. — Вы ведь хотели добраться в Несдье, не так ли?..

Эрна понятия не имела, где находится этот самый Несдье, где находится Балриль и где этот самый загадочный Арол, куда ей ни в коем случае не следовало ехать. Юнец покачал головой.

— Нет, пока нам по пути. Может, и лучше, что так всё сложилось. Мне надо будет проститься с вами перед самым Балрилем, там мы отдохнём и возьмём южнее.

Эрна задумчиво покивала головой. Почему, ну, почему Виль не рассказал ей, где что находится?! Вейма показывала ей карты в таблинни^[40] барона, но там был Тафелон, святые земли, откуда барон вернулся пять лет назад, и страна язычников за лесами оборотней. Карты Хларии Эрна отродясь не видывала.

— Нет, я не собираюсь уходить в монастырь, — неверно истолковал её молчание Дэгейр. Эрна не удержалась от улыбки, и он приосанился.

— Вас не прельщает праведная жизнь? — спросила девочка с лукавой усмешкой. Кажется, шире расправить плечи уже невозможно, но юнец это сделал и гордо выпятил тощую грудь.

— Ха! Если бы вы знали!

Эрна предусмотрительно потупилась и юнец не стал хвастаться своей мужской удалью. Девочке весь этот разговор был внове. Никто и никогда не хвастался при ней, надеясь понравиться! К ней относились или со страхом или со снисхождением, но вот точно не так. Но как навести этого противного мальчишку на нужную тему? Он как нарочно издевается!

— Говорят, не все, кто живёт в монастырях, служит Заступнику одной лишь молитвой, — задумчиво проговорила она.

— Молитвой! — перебил её рыцарь. — Да если б вы только видели турнир, который мой отец устроил по поводу прошлогоднего перемирия! Комтур^[41] Тьері один раскидал всех своих противников! Братья-заступники доблестные воины, они только не женятся, а так ничем не уступают самым отважным рыцарям королевства!

Эрна чуть не задохнулась от страха. Братья-заступники! Святоши, которые сжигают прозревших на кострах! Их выгнали из Тафелона ещё пять лет назад, но говорили, что в других странах орден сохранил своё влияние. Так, значит, Дэгейр едет к ним в монастырь! Со своими важными письмами! Если юнец и раньше не нравился девочке, то теперь он показался ей отвратительным.

— Вы побледнели... — заботливо произнёс рыцарь и снова взял её за руку. Девочке казалось, что к ней прикасается змея.

— Это от тряски, — сказала Эрна. — К тому же, когда вы сказали о прошлогоднем перемирии... оно закончилось — и снова война. Вот и это перемирие вскоре будет нарушено...

— В прошлый раз ютанцы предательски ударили нам в спину, — перебил её Дэгейр и так сжал руку девочки, что она чуть не закричала от боли. — Но сейчас мы начеку! Мы никому не позволим пробраться в Хларию, ни предателям, ни их прихлебателям, ни исчадиям преисподней! Они нанимают сражаться против нас оборотней! Ха! Дайте мне только добраться до монастыря, как отец Тьери живо даст этим тварям укорот!

— Оборотням! — распахнула глаза девочка. — Не может быть! Я думала, оборотни — это просто злая сказка!

— О, нет, госпожа Нинета, — многозначительно понизил голос Дэгейр, подсел поближе к девочке и положил руку ей на плечо. Эрна дрожала и напомнила ему попавшую в западню птичку. — Это не только сказка. Они повсюду! Эти хитрые твари могут оказаться в любом месте! Они притворяются крестьянами, торговцами... даже хорошенькими женщинами! Вы никогда не узнаете их, если...

Он, кажется, и не собирался договаривать свою страшилку. Обняв девочку покрепче, чтобы никакие кочки не помешали им целоваться, рыцарь наклонился над её лицом.

— Мне страшно! — выдохнула Эрна ему в губы. — Вы так говорите... вы тоже оборотень?! Скажите мне!

Юноша расхохотался. Смех расслабил его и девочка смогла высвободиться. Больше всего ей хотелось выхватить нож и воткнуть противному мальчишке в горло. Но если она оплошает, всё дело будет погублено, а дядя Виль будет очень ругаться. Того и гляди, бросит её одну в лесу, как грозился.

Да если и не оплошает. Как она будет объяснять, почему благородный господин сам себя зарезал? Таких людей надо водить на поводке, пока они не вырастут и не поумнеют!

— Вы пошутили, не так ли? — печально спросила девочка, принимая обиженный вид. Разговор её совершенно измучил. Выведывать чужие тайны оказалось очень сложно. Когда они уже доедут до Балриля?!

— Не надо меня бояться, госпожа, — самодовольно ухмыльнувшись юнец. — Я не оборотень, но, кем бы я ни был, я никогда не причиню вам вреда, клянусь своей рыцарской честью!

Эрна кивнула, не слишком впечатлённая этим обещанием. Если он не отстанет,

придётся всё-таки жевать рвотный корень. Гадость какая. Но лучше её будет тошнить, чем целоваться с этим недосвятошей.

На счастье девочки карета вскоре остановилась и дверь открыл ни кто иной как дядюшка Виль.

— Дядюшка Ги! — с искренней радостью закричала Эрна. Убийца перевёл взгляд с неё на юнца и обратно и, похоже, сделал правильные выводы.

— Тибо сказал, тебя растрясло в карете, — сказал Виль. — Из города нам прислали кобылу под дамским седлом, хочешь поехать верхом?

— Верхом! Вот здорово! — в восторге закричала девочка. В лагере Увара её учили сидеть на лошади по-мужски и она прекрасно держалась в седле, но слуги барона по его приказу научили Эрну ездить боком, как подобает приличной девушке. Сейчас Эрна согласилась бы оседлать и дракона, если бы они существовали, только бы избавиться от противного рыцаря.

На беднягу было жалко смотреть, но Эрна и не думала оглядываться. Виль помог ей выбраться из душной кареты и усадил на игреневою тонконогую кобылу. Эрна наклонилась и потрепала животное по шее.

— Держись поближе к карете, — приказал Виль тихо, пока остальные меняли коней, — и молчи. Будет легко — притворись, что тебе сложно, чтобы никто тебя не отвлекал. Будет сложно — не отставай и постарайся из седла не выскочить на скаку.

— А ты со мной не поедешь, дядюшка Ги? — спросила девочка тревожно.

— Тебе нянька нужна? — проворчал убийца. — Поеду в карете. Хватит с меня, наскакался.

Эрна хотела шепнуть Вилю, что узнала много важного, но не решилась говорить об этом при всех и только кивнула.

* * *

— Так говоришь, он тебе не понравился? — спросил Виль, когда они остались одни на постоялом дворе в Балриле. Люди хларского наследника вместе с сыном рыцаря лю Дидье запаздывали и их предстояло ждать здесь, что до юного Дэгейра, ему пришлось остановиться тут же, на том же постоялом дворе, потому что во всей округе не было других свежих лошадей, кроме тех, которых послали для его экипажа днём и которые теперь тоже никуда не годились без отдыха.

— Ни капельки, — сердито буркнула девочка. Она ужасно устала, ужин был ещё хуже, чем в деревне, вино страшно кислое, даже после того, как Виль его разбавил, а после катания на лошади с непривычки болело всё тело.

— Ты-то ему очень приглянулась, это было сразу видно, — усмехнулся убийца. Девочка задрала нос и отвернулась.

— Он целоваться ко мне лез! А у самого руки — как палки дубовые! Я думала, у меня кости треснут!

— Ай-ай-ай, какое безобразие, — покачал головой Виль, и девочка поняла, что сочувствия не дожждётся. Убийца, к её удивлению, прижал её к себе и поцеловал в голову. — Умница. Ты отлично справилась.

— Правда?! — расцвела девочка.

— Нет, я тебе вру, — несердито проворчал Виль, и она засмеялась. — Значит, братья-заступники и оборотни. Очень интересно. Не добились святош в тот раз, а война им только на руку.

— А...

— Забудь. И ложись спать.

— Но...

— Спорить?!

— Но, дядюшка Ги! — проныла девочка.

— Ну что ещё? — буркнул он, на этот раз сердито.

— Как зовут наследника Хларии? — выпалила Эрна. — Где этот Несдьё и монастырь, и Арол, и Рамье, и...

— Тихо, тихо, не спеши, — засмеялся Виль. — Молодец, догадалась сама спросить. Подрастёшь — научишься всё узнавать без вопросов. Наследника зовут принц Онор.

— Хонор, — повторила за ним девочка. Убийца покачал головой и произнёс ещё раз:

— Онор.

Эрна кивнула.

— Арол отсюда на юго-запад, больше на запад, чем на юг, а братья-заступники — ближе к югу. Рамье мы оставили позади, он южнее и западнее, чем владения рыцаря лю Дидье, но ненамного. Развилку, ведущую к Несдьё, мы проехали тоже, это город на северо-запад отсюда, но Арол будет дальше вглубь страны. Арол, да Несдьё, да ещё Миор, город ещё западнее и севернее — составляет границу, восточней которой ютанцы не проникли в страну.

— Они захватили всю Хларию? — спросила девочка, пытаясь уложить в голове этот рассказ.

— Не делай такие большие глаза, я тебе не рыцарь, — засмеялся Виль. — Нет, конечно, но по эту сторону от Арола ютанцев нет, они боятся, что из непокорных городов им ударят в спину.

— А на западе — не ударят?

— А на западе большую силу имеет Палранский Дюк, у которого владения то там, то сям раскиданы, полно вассалов и наёмников. За него и север страны, за него и юг, и только середина хранит верность принцу. Вот так-то, девочка. А сейчас — живо спать!

Глава восьмая

Госпожа Татин

Наутро Виль притащил девочке новое платье и это примирило её со скудным завтраком. Платье было ещё лучше прежнего, чуть короче и чуть свободней, ярко-синее, как флаг отряда Увара, и к нему Виль принёс ещё расшитую жемчугом шапочку и небесно-голубую накидку. Эрна с трудом удержалась, чтобы не завизжать от восторга. Она и подумать не могла, что у неё будет такое богатство!

— А где старое? — спросила она, чтобы отвлечься.

— А зачем тебе старое? — удивился Виль. Девочка широко распахнула глаза.

— Его же почистить надо! Может, и постирать...

Эрна осеклась. Она понятия не имела, как стирают бархат. Виль рассмеялся.

— Бестолочь! В Ароле слуги позаботятся. Ты же знатная дама!

Он щёлкнул девочку по носу.

— Я всё сложил. В Ароле к тебе приставят служанок, всё как положено, и бедному старому папаше Виле не придётся больше печься о твоих тряпках. А пока терпи. Я пришлю к тебе служанку, чтобы помогла одеться.

Девочка хотела заверить, что она же не хворающая какая, и сама как-нибудь в платье влезет, но промолчала. Ну да. Раз она знатная дама, то должны быть служанки. Никто не поймёт, если их не будет.

* * *

— Ты похожа на мамашу свою, — сказал убийца, любуясь уже одетой девочкой с торжеством мастера, созерцающего собственное творение. — Конечно, постарше тебя была, когда пришла к нам в деревню, но такая же испуганная и глазищи такие же огромные.

— Она тебе нравилась? — вдруг спросила Эрна и тут же себя выругала за неуместный вопрос. Виль, несколько не разозлившись, пожал плечами.

— Так себе ведьма была, врать не буду. Гонору-то, гонору сколько, а чуть что — ох да ах. Козлёнка сама не могла зарезать, чего ещё ждать? Хорошенькая, да только проку с того, если она своим делом заниматься не хотела. Только всего и привела к нам, что одного человека, да и то, тут уж он настоял, она всё отнекивалась. *Праздники* устраивать не хотела. Не подобает, видите ли. Ещё бы, рыцарская дочь, конечно, заставь такую-то в грязи с крестьянами валяться.

Эрна отвела взгляд. «Праздники» — это тайные сборища в лесу, у алтаря-камня, которые заканчивались колдовским «хорошим» вином и разворотом. Магда клялась, что, покуда она ведьма Латгавальда, «такой мерзости» у них происходить не будет. Хуже, она говорила, только на *встречах* проклятых, где, кроме людей, вместе со всеми развлекаются ещё и вампиры и оборотни, причём оборотни не всегда принимают человеческий облик. Прозревшие говорили, что тело — грязь и в грязи человек получает освобождение от оков мира. «Слепые», то есть все остальные люди, шептались, будто проклятые вызывают Врага в образе козла и предаются с ним мерзости.

Виль кивнул своим мыслям.

— Лицом ты в неё пошла, — сказал он, — красавицей растёшь. А статью, небось, в папашу своего, и кость крепче, и ростом повыше будешь, чем мамаша твоя. А, может, кормят тебя лучше, хотя с нашей Маглейн какая уж еда.

— Неправда! — возмутилась девочка. Магда действительно то и дело забывала и поесть, и приготовить еду, но дочь всё-таки старалась держать сытой. Да Эрна и сама могла каши наварить или похлёбку, её же Виль сам учил!

Убийца поморщился.

— Не верещи, сделай милость, — раздражённо попросил он. — И без того с утра голова трещит. Здоров же Фулкс пить. Думал, никогда не отвалится. Пока ему зимнего вина не плеснул — ничего не помогало.

Зимнее вино — это, небось, та гадость, которую Виль подсунул Эрне в карете. Магда действительно делала его зимой, но как именно — про то она дочери не рассказывала. И давала его только Вилю и ни единому человеку больше.

— А зачем ты с ним пил? — спросила Эрна. Вот зачем она так старалась разговаривать с тем противным мальчишкой, если наставник всё сделал гораздо проще. — Ты хотел у него всё выведать, да?

— Дурочка ты. Зачем мне стараться, у него выведывать? Я хотел, чтобы он не слышал, какие вопросы я буду Дэгейру задавать.

Эрна надулась. Так она и знала! Виль отвесил ей подзатыльник.

— Не дури, — строго сказал он. — Мне, как мамашу твою, на каждом шагу тебя хвалить? Сказал вчера — ты молодец. На доброго дядю не надеялась, постаралась всё разузнать. Умница. А то ведь мало ли что. Если бы для них нашлись лошади? Если бы они встали лагерем под стенами города? Другой постоянный двор нашли бы?

Девочка послушно кивнула, не слишком убеждённая этими словами. Она не сомневалась, что Виль может предотвратить любую случайность. Будто сложно с лошадьми что-то сделать!

— Мальчишка не так-то прост, — задумчиво произнёс убийца. — Заметила: всем сказал, что в Несдье скачет, а тебе про монастырь рассказал.

— Я думала, он врал тогда... или передумал в дороге...

— Ты думала! — неприятно засмеялся Виль. — Ещё чего скажешь? Запомни, девочка, ты не должна придумывать за других людей, ты должна точно узнать, почему они так поступают. Если врёт, значит, врёт, а не «передумал в дороге». Может, и передумал. Или это тебе он соврал. Кто его знает, он ведь и ютанским шпионом может оказаться.

— А...

— Закрой рот, — уже добродушно приказал убийца. — Пока они приходят в себя после вчерашнего, мы как раз тронемся в путь.

— Я думала... — начала было Эрна, но осеклась. — Ты же сказал, что мы должны ждать в Балриле!

— Я передумал, — хмыкнул Виль, — в дороге. Не надо, чтобы у нашей встречи были свидетели. Мало ли что может выйти. Так что поедем навстречу.

* * *

Бастин, младший сын рыцаря лю Дидье, был постарше и Дэгейра, и Фатя, плотный

юноша с тёмными, в отца, волосами и неприятной зеленью светлых глаз. В них, когда он смотрел на «сестру» застыло недоверие и... Когда Бастин заговорил, стало понятно, что это ревность.

— Я не знал, что у моего отца есть дочь, — хриплым голосом, уродующим мягкий хларский говор, произнёс юноша. Они отошли подальше ото всех, будто бы для того, чтобы хоть на пару мгновений отдаться родственным чувствам.

— Я тоже не знала, что у меня есть отец — и братья, — с вызовом произнесла Эрна. Бастин засмеялся и потрепал её за щеку. Эрна с возмущением ударила его по руке.

— Строптивая кобылка, так ведь говорят в Тафелоне? — нисколько не смутился Бастин.

— Я тебе не кобылка! — рассердилась девочка. Мало ей вчерашнего рыцаря, этот смотрит, будто она не человек даже, а так — забавная зверюшка!

Бастин отвесил изящный хларский поклон и поцеловал девочке руку. В отличие от Дэгейра он не сжимал так сильно пальцы и его поцелуй был не слюнявый.

— Прошу прощения, дорогая сестрица, — насмешливо произнёс юноша. Он оглянулся по сторонам и понизил голос ещё сильнее. — Верю в *Освобождение*, сестра!

— Приблизим *Освобождение*, брат! — отозвалась Эрна, как полагалось по правилам прозревших. Бастин был один из них — не посвящённый, как его отец, а только верующий в Освободителя и отвергающий узы мира.

— Тебе понадобится всё твоё колдовское искусство, чтобы выжить, сестрица, — так же тихо и всё ещё не отпуская её руки, сказал юноша. В его голосе не было ни приязни, ни сочувствия, только тихое злорадство. Девочка гордо вскинула голову. Бастин улыбнулся и поцеловал её в лоб. — Освободитель с тобой, сестрица. Надеюсь, в следующий раз ты родишься подальше отсюда.

Эрна никак не могла придумать, какую бы гадость ему ответить, поэтому этот выпад пришлось пропустить.

— Да хранит тебя Заступник, брат, — громко сказала она, отступая от юноши на шаг. Тот скривился, но спорить не стал. По меркам прозревших она его прокляла.

Виль полюбовался «трогательной встречей и прощанием брата и сестры» и подошёл к девочке, ведя в поводу невысокого серого коня.

— До Арола доедешь сама, — тихо сказал он. — Помни, чему я тебя учил. Не задирай юбку, не поднимай взгляда и не хватайся за нож. Убьют раньше времени, потом искать тебя, растить, учить... делать мне больше нечего. Будь хорошей девочкой, Нинета.

Убийца говорил о том обещании, которое когда-то дал девочке: если её убьют, он найдёт младенца, которым она родится в следующей жизни, и обучит всему заново. Похожее обещание он дал и Фатею.

— А ты куда?

— Есть одно дело. Тебе лучше не знать. Будут спрашивать, скажешь, что я уехал по поручению твоего отца.

Он поднял руку, чтобы потрепать Эрну по волосам, но взглянул на сложную причёску, которую наворотела служанка на голове девочки, и опустил руку. Эрна почувствовала себя разочарованной.

— Ничего не бойся. Сейчас действует перемирие.

— А разбойники? — рискнула спросить девочка. Виль вообще-то и сам был разбойником, когда-то давно он грабил отбившихся от остальных путников, пока однажды

ему не открыли глаза и не сделали прозревшим.

— А что разбойники? Ничего с тобой не будет. А если что... меня не вспоминай, говори про своего отца и сули выкуп. И не хватайся за нож! Кстати, вчера не сказал. Выбрось кровожадные мысли, девочка. Благородные дамы не режут глотки своим поклонникам.

— А что ещё с ними делать? — пробормотала Эрна. Виль потрепал её по плечу.

— Будешь умницей, найду тебе наставницу, — посулил он. — Но это потом. А сейчас слушайся старших.

Эрна уныло кивнула. Виль вскочил на коня, подъехал к старшему присланного из Арола отряда, что-то сказал и ускакал на восток по дороге, по которой они только что приехали. А Эрне ничего не оставалось делать, как идти к карете, где сидела ужасно суровая дама в чёрном платье, которая представилась как госпожа Татин, вдова королевского сокольничьего. Дама оглядела Эрну с ног до головы и, похоже, не осталась довольна увиденным. Подумав, она протянула девочке руку. Эрна покорно поцеловала её кожу, больше похожую на старый пергамент, и робко уселась рядом с дамой, слуга захлопнул дверь и вскоре их кавалькада тронулась по направлению к Аролу.

— Жду *Освобождения*, сестра, — едва шевеля губами, прошептала дама. Девочка подумала, что ослышалась. Прозревшая — здесь?! В таком виде?! Ещё одна! Да что же это такое, Хлария, что, вся состоит только из святош и прозревших?!

— Приблизим *Освобождение*, сестра, — тихонько откликнулась Эрна.

Дама хмыкнула.

— Ты, надеюсь, не ждёшь, что я буду звать тебя, сестрой, а, девочка? — сказала она скрипучим голосом. Все мы братья и сёстры перед Освободителем, но некоторые из нас помладше. Ты совсем воробушек, да-да, воробушек. Кто красил твои волосы?

— Мама, — от неожиданности сказала правду девочка. Во взгляде дамы было столько неодобрения, что сдержаться невозможно. — Эта краска не сотрётся и не смывается даже посреди водопада!

— Ты взяла её с собой, чтобы подкрашивать свои волосы? Они ведь растут, да-да, растут, девочка, и если кто-то увидит, что у самой головы они светлые... знатные дамы не красят волос, моя милая, да и кому придёт в голову превращать золото в землю!

Эрна ошарашено моргала глазами. Мама дала ей с собой тех орехов, которыми покрасила её волосы, рассказала и как их заговорить, но девочка как-то не думала вовсе...

— Ты должна думать о таких вещах раньше, чем кто-то заметит, — строго сказала госпожа Татин.

— Но как вы...

Дама усмехнулась такой же неприятной улыбкой, как Виль.

— У тебя тёмные ресницы, девочка, но они светлее, чем твои волосы. Обычно бывает наоборот. Не всякий раз, может быть, я бы не стала закладывать свою старую голову, но достаточно, чтобы я заподозрила, что ты перекрасила волосы. Могу понять Паука: чем объяснять, почему ты не в масть с отцом, проще подстраховаться. Но ты маленькая дурочка, девочка. Ты должна была удивиться моему вопросу, а не отвечать как есть. Да, дурочка, ты должна была удивиться.

Эрна растерялась. Старая злыдня подловила её! Конечно, если бы она от рождения была с тёмными волосами, она бы ответила «никто» или «Создатель»! А она сказала правду потому что думала, что госпожа Татин уже всё знает!

— Учись, — назидательно сказала дама. — Уверена, Паук тебе этого не говорил.

Мужчины никогда не думают о мелочах, никогда.

Это было вопиюще несправедливо заявление: дядя Виль всегда всё продумывал до самых мелких деталей! Но Эрна только опустила глаза и промолчала.

— Так-то лучше, — скрипуче засмеялась госпожа Татин. — Вот что, девочка. В Ароле я буду о тебе заботиться. Глава арольского парламента лично попросил меня — да-да, девочка, лично попросил, — проследить, чтобы королевская родственница ни в чём не терпела нужды.

Она придирчиво оглядела девочку.

— Чтобы тебя порадовать, достаточно шёлкового платка, девочка, — хмуро сказала дама. — Так не годится. Я буду требовать лучших блюд и самой новой одежды... на тебе всего одно платье и никаких пуговиц! ^[42] Это не то, на что ты можешь рассчитывать. А еда? Могу поспорить, дичью тебя не закармливали. Ты даже не знаешь названия пряностей, которые будешь требовать!

Эрна хотела ляпнуть, что пряности — это страшно дорого и что вряд ли их найдут в осаждённом городе, но умудрилась сдержаться.

— Не важно, смогут ли их достать, — засмеялась старуха, угадывая мысли девочки. — Важно, что мы их потребуем. Ты родственница самого короля, да будет милостив к его душе Заступник, ты должна получить всё самое лучшее. Прикажу, чтобы нам достали корову для омовений.

— Что?!

Госпожа Татин погрозила своим высохшим пальцем.

— Не так громко, девочка. Ты не должна кричать, воробушек. Ты не должна удивляться. Кто угодно, только не ты! В тебе течёт кровь королей, моя милая.

— Но ведь...

— Кто проверит? — подмигнула старуха. — Поверь мне, у короля и у королевы кровь такая же алая, как и у самого жалкого нищего. А молоко достанется мне. У меня больной желудок, ему полезно молоко и вредны пряности. Лекари молотят всякий вздор про равновесие моих соков, но я-то знаю, от чего мне бывает лучше. Ты ещё молодая, морщины не скоро избородят твоё личико, тебе достаточно умываться водой. Когда проживёшь вдвое, втрое дольше, вот тогда придёт черёд для всяких штучек. Почему ты не благодаришь меня? Благодарю, воробушек.

— Спасибо вам, госпожа, — послушно отозвалась Эрна. Ей легко давались языки, а хларский к тому же был немного похож на церковный, если привыкнуть к странному произношению и манере произносить всё в нос, будто они все простудились. Сейчас она понимала почти всё, что говорила ей старуха. Та зевнула.

— Когда приедем, попросись в церковь святой *Окины*, — сказала госпожа Татин. — Это самая красивая церковь в городе, к тому же добрая святая помогает в дороге маленьким девочкам.

— Но ведь...

— Ты, что же, молитв не знаешь, а, воробушек? Надо мне попенять Пауку. О чём он думал? Как же ты можешь не поблагодарить добрую святую за своё спасение? Разве не она спасла тебя от разбойников? Об этом только и разговору. Напали на тебя так близко от Балриля! В самый разгар перемирия! У таких людей ничего святого нет. Конечно, тебя выручила наша добрая Окина. Кто ж ещё-то? Помолчи пока, я хочу поспать. Подумай, в чём ты будешь каяться на исповеди. Не может быть, чтобы родственница короля не пошла на

исповедь, так ведь, воробушек?

Она закрыла глаза и громко захрапела, оставив Эрну ошеломлённой полученным уроком.

* * *

Карета тряслась и подпрыгивала на ухабах дороги и девочка быстро устала. Если разговаривать, отвлекаешься, а так... смотреть в узкое окошко в двери кареты было невозможно, слишком быстро мелькали дубы. Иногда лес расступался и тогда взгляду девочки открывались поля, на которых работали крестьяне, одетые в одни только брэ [\[43\]](#). В Тафелоне брэ — вместе с шоссами — носила только знать, простые люди одевались в свободные порты из крашеной ткани.

— Чего ты там ёрзаешь? — внезапно прервала свой храп старуха. — Или тебе приспичило?

— Да! — ухватилась за предлог девочка. — Можно, я попрошу остановиться?

— Это ещё зачем? — удивилась госпожа Татин. — Дурочка ты деревенская!

Она наклонилась и извлекла из-под сидения обшитую золотым атласом посудину с плотной крышкой. Девочка заморгала. По атласу шло серебряное шитьё и стоило это таких денег, каких Эрна и в глаза не видывала. А старуха сунула посудину под нос девочке.

— На, держи! — щедро предложила она. Эрна замотала головой. — Ну, как знаешь. Терпи тогда до Арола.

Она сбросила крышку, подняла юбку и засунула посудину себе под платье. Поёрзала, усаживаясь поудобнее и девочка услышала, как струя бьётся о медное дно. Потом старуха принялась тужиться. Послышался шлепок и тихий плеск, за ним второй... в карете немедленно воцарилась вонь. Старуха умудрялась испражняться прямо на ходу, несмотря на тряску. Закончив своё дело, она извлекла откуда-то пачку льняных платочков и, пристав, принялась подтираться. Эрна всё гадала, почему очередной толчок не сбросит посудину с сидения, но госпожа Татин, видно, была к этому привычной. Наконец, она вынула посудину и снова сунула её под нос девочке. Та отпрянула, невольно отметив, что госпожа Татин, похоже, была совершенно здорова, и цвет мочи, и испражнения свидетельствовали об этом совершенно ясно. Но мнения Эрны как лекаря никто не спрашивал.

— Я не хочу, спасибо, — сказала девочка, потому что старуха продолжала протягивать ей посудину. Госпожа Татин презрительно фыркнула.

— Тогда закрой и убери на место, — приказала она. Девочка молча повиновалась.

* * *

К концу поездки девочка возненавидела госпожу Татин куда больше, чем своего недавнего спутника рыцаря Дэгейра. Ну и удружил ей дядюшка Виль! Подобрал товарищей — одна другого краше! Карета тем временем катилась себе и катилась и к вечеру, когда у Эрны не было сил больше терпеть вонь, голод и боль в животе, они добрались наконец до Арола. Полюбоваться на город ей не дали, как не дали и выбраться из кареты в середине дня, когда меняли лошадей. Сержант отряда обменялся несколькими словами со стражниками на

воротах, копыта коней застучали по каменной мостовой... и вдруг карета остановилась.

— Эй, что там ещё? — сердито закричала старуха. Дверь кареты открылась. Госпожа Татин с удовольствием оглядела встречающих: молодых дам, жён и невесток самых знатных граждан города, девочек примерно одного с Эрной возраста, пожилого серьёзного казначея и нескольких парламентских клерков. Женщины и девочки кланялись, мужчины приветственно улыбались. Позади них толпились зеваки. В Ароле никто не знал доподлинно, как следует встречать девочку, в чьих жилах текла кровь королей, но... переданная незаконно, без освящённого церковью брака. Кажется, за всю историю города им не приходилось никогда держать у себя такую заложницу. Арол был ключом страны, важнее, чем Несдье и Миор, и дочь лю Дидье должна была стать гарантом того, что этот могущественный человек сделает всё для её — и их безопасности.

Мальчишка примерно одного возраста с Бастином протиснулся вперёд и подал руку, помогая Эрне вылезти из кареты. Девочка пролепетала слова благодарности и посторонилась, давая дорогу своей спутнице. Казначей и клерки обнажили головы и поклонились. Госпожа Татин с большим самодовольством протянула наружу две руки и, чтобы помочь ей, к карете подбежали два пажа. Старуха едва кивнула им.

— Всё готово, я надеюсь, господин Гильбэ? — спросила она казначея. Тот кивнул. Толпа зевак раздалась, пропуская хорошенький, украшенный лентами портшез, который несли два рослых горожанина в высоких войлочных шапках. Если бы Эрне не было бы так дурно и не так бы хотелось поесть и уединиться, она бы наверняка захопала бы глазами от удивления. Но сейчас она только кивнула с таким равнодушием, что зеваки приняли девочку за путешествующую принцессу. Портшез был слишком мал для двоих и Эрна с радостью поняла, что на время избавится от старухи. Госпожа Татин придержала её за рукав и сунула в ладонь кошелёк.

— Кидай, — прошипела она в самое ухо девочке. Со стороны казалось, что старуха говорит своей маленькой подопечной какие-то ласковые слова. — Кидай в толпу, слышишь? Этого ждут.

Эрна кивнула старухе, села в портшез и была вознесена над толпой. Зеваки закричали. Девочка величественно кивнула, боясь, что, если они помедлят ещё немного, она испачкает этот хорошенький портшез. Распустив горловину кошелька, она сунула туда руку и вытащила горсть мелких монеток вперемешку с жареными орехами. Кинула эту горсть в зевак справа, потом вторую — в зевак слева. Кое-где завязалась драка. Как глупо! Перед портшезом встали стражники с глефами^[44] и им дали дорогу. Эрна оглянулась. Госпожа Татин о чём-то горячо спорила с седым бородатым мужчиной в чёрной бархатной мантии. Девочка швырнула ещё одну горсть в толпу и принялась смотреть вперёд.

Глава девятая

Побег

Эрна даже не представляла, что ей придётся жить бок о бок с кем-то, кого она так ненавидит. Виль в Ароле так и не появился. Умер? Бросил её? Девочка даже хотела вызвать его в зеркале и непременно бы это сделала, если бы мерзкая старуха отстала от неё хоть на мгновение. Госпожа Татин спала с ней в одной кровати, ела из одной посуды, сопровождала её и днём, и ночью. Она заставляла Эрну молиться и больно била её ивовым прутиком по рукам и по шее. Она заставляла Эрну вышивать и снова била её прутиком, если девочка рвала нитку или затягивала тонкую ткань. Она учила Эрну вести себя за столом и била её по лбу ложкой за малейшую ошибку. Каждое мгновение девочка делала что-то не так. Не так держала спину, не так смотрела, не так держала юбку, не так шагала...

Прошло всего три дня, а Эрна возненавидела оленину, которую каким-то чудом умудрялись доставать для неё горожане, рябчиков и цыплят, которых подавали к её столу, фрукты в меду, смесь кислых и сладких блюд, которыми её потчевали попеременно... и постоянно, в каждом блюде пряности. Перец, корица, кардамон... всего слишком много, даже в питье, нельзя ни на мгновение перевести дух, во рту гадко...

Девочка привыкла вставать на рассвете, но дома она доила коз, а тут надевала «самое скромное» платье (ещё богаче, чем те, которые достал для неё Виль) и шла с госпожой Татин в церковь. Там усердно молилась — «ты должна не притворяться, ты должна отдаться вере в Заступника всем сердцем, чтобы ни один, даже самый дотошный святоша не заподозрил тебя!» — и не менее усердно смотрела по сторонам — «никто не поверит, что тебе неинтересно поглазеть на юношей, которые там собрались!». Потом возвращалась в дом, похожий на дома-крепости баронов в городах Тафелона, и садилась вышивать и слушать, как духовник госпожи Татин читает вслух благочестивые тексты о женской природе, обычно ужасно ругательные. Потом обед, снова церковь, но уже в нарядном платье, потом «дела милосердия» с раздачей оскорбительно скудной милостыни — «эти наглые горожане решили экономить на твоём содержании!» — ужин и опять церковь.

Уже в первый день девочка взвыла. На второй она впала в тоску, на третий решила действовать. Если дядюшка Виль умер... тогда надо пробраться назад, домой, к маме. Если жив — он спасёт от этой кошмарной старухи. Но как узнать? Подлая карга так усилено изображала благочестие, что, ясное дело, колдовать она не позволит. Надо было избавиться от постоянного присмотра. Убивать госпожу Татин... наверное, чересчур. Эрна с облегчением решила, что ей никто не позволит без спросу лишать жизни высшую посвящённую. В глубине души девочка подозревала, что это не так-то просто. Тогда что?..

Хвала Освободителю, нужду в доме справляли всё-таки не при всех, а в отдельном чулане. Запершись там, девочка достала рвотный корень, который так и не опробовала во время поездки с рыцарем Дэгейром, и старательно измельчила его ножом. У неё будет только одна попытка. Только одна.

Спрятав растолчённый корень в рукаве, Эрна принялась ждать. Когда ты знаешь, что делать, всё куда легче. За ужином старуха скривилась. Несмотря на свои слова в дороге, она налегала на пряности, особенно любила кардамон, и часто требовала подавать его к столу отдельно, чтобы высыпать на свою половину супа сколько душа пожелает. Эрна молилась Освободителю и ждала, когда старуха отвернётся. Танцующий Кабан когда-то сказал, что с

дураками, бывает, срабатывает старое доброе «ой, посмотрите, что у вас за спиной!», но с умными лучше и не пробовать, непременно попадёшь в ловушку. Поэтому — ждать. Все отводят глаза, все.

Он ужинали только вдвоём, сидя рядом за столом, и ели из одной тарелки, которую ставили перед ними невозмутимые слуги. Суп был густой, вкусный, и госпожа Татин всегда проводила в нём черту, отбирая себе две трети. Черта то и дело зарастала, тогда госпожа Татин проводила её снова, всегда чуть-чуть, да сдвигая в сторону девочки. Если не поторопиться, старая карга могла сожрать весь суп одна.

Девочка потянулась к хлебу, лежащему перед ней, и «нечаянно» задела вазочку с кардамоном своим широким рукавом. Старуха облизала ложку и ударила девочку по лбу.

— Ты просыпала его! — возмутилась она, подхватывая в щепоть смесь пряности и рвотного корня. — Сколько раз я тебе говорила: движение должно быть изящным и точным!

— Прошу прощения, госпожа Татин, — опустила взгляд девочка. Она с трудом скрывала торжество, видя, как противная старуха сыпет яд на свою половину. Потом девочка осторожно добавила смесь кардамона и корня себе. Немного, совсем немного, но этого должно было хватить.

* * *

Эрна ждала. Она лежала в постели, широко открыв глаза, и ждала. Если она рассчитала правильно, скоро госпожа Татин поплатится за все свои выходы. О, Освободитель, пусть она поплатится! О...

Она, видимо, заснула, потому что раздавшийся рядом чудовищный звук заставил её проснуться. Несчастливая дама стояла на коленях возле своей любимой ночной вазы (эта была сделана из серебра и слуги обязаны были время от времени её чистить) и расставалась со съеденным за ужином. Вокруг уже суетились служанки, одна держала волосы своей госпожи, вторая причитала, третья подносила питьё в перерывах между приступами. Эрна застонала.

— Я умираю, — прошептала она достаточно громко, чтобы её услышали. — Мой живот! Меня отравили!

Госпожа Татин крепче вцепилась в вазу.

— Кыш... отсюда, — сумела выговорить она.

Эрна кое-как сползла с высокой кровати и, то и дело сгибаясь и издавая душераздирающий стон, поспешила к выходу. На ходу она цапнула свой пояс, к которому были привязаны кошельки и зеркало. Какая-то служанка пихнула девочке в руки стакан с отваром целебных трав. Девочка понюхала его и решила, что сгодится.

Так. Хорошо. Первый шаг был сделан.

Она задумалась, не усыпить ли их всех, но питьё, которое помогало сопротивляться наведённому сну, ещё надо было сварить. На это нет времени. Неважно. Она заперлась в чуланчике, в котором уже привыкла справлять нужду, и почувствовала, что её тоже тошнит. Съеденного было жаль, очень жаль, суп был по-настоящему вкусный, но за всё надо платить. Когда Эрну вырвало, она отдышалась, прополоскала рот отваром и задумалась. То, что она сделала сегодня — не самый добрый поступок. С другой стороны — разве госпожа Татин не была проклятой и разве она не обращалась с Эрной жестоко? И разве беспокойство за

учителя — это не доброе чувство? Собравшись с духом, Эрна коснулась гладкой поверхности зеркала. К её удивлению, оно откликнулось сразу, озарилось светом и...

Дядюшка Виль спал! Мирно спал, завернувшись в свой плащ. Его лицо было строгим даже во сне, и девочка смутилась. Вообще-то он запрещал ей подглядывать за ним с помощью зеркала. Мало ли на что можно наткнуться. Вспомнить тот день, когда Вириная, белая волшебница, решила показать ей «доброту дядюшку Виля за работой». Брр... Куль, который валялся рядом с убийцей, шевельнулся, и Эрна поняла, что это была женщина. Живая здоровая женщина, которая поделилась с прозревшим... плащ или что там он подстелил вместо ложа, а теперь спокойно спала рядом с одним из самых опасных людей, которых девочка знала. Эрна поняла, что, если Виль когда-нибудь узнает о её проделке, он ей точно всыплет так, что мало не покажется, но остановиться уже не могла. Белая магия не отнимает так много сил, как колдовство, надо только сосредоточиться и считать, что ты прав. А Эрна была права! Она только хотела узнать, где находится её наставник! Фигура Виля уменьшилась и отдалась. Он лежал посреди лагеря, разбитого, похоже, на лесной поляне. Костёр не горел, только слегка курился дымом, и одно лишь волшебство помогало разглядеть в темноте часовых. Никакая опасность, похоже, дядюшке не угрожала. Картинка всё уменьшалась и отдалялась и вот Эрна видела уже тропу, а затем дорогу, которая вела, вела, вела... и довольно быстро привела к городу, высокие стены которого девочка никогда не видела. Ещё немного захватывающего дух полёта... и, наконец, Эрна стала узнавать улицы, церковь святой Окины... а вот их дом, снаружи похожий на выточенный из камня куб с шипами-башнями по углам. Картинка летела всё быстрее, пока Эрна не влетела обратно в собственное тело. Её мутило и она едва успела согнуться, как снова вырвало. Девочка опять прополоскала рот и скривилась. Предсказания, сделанные с помощью белой магии, должны сбываться. Виль потому и не любил «заглядывать за угол», что потом не знаешь, куда бежать и за что хвататься.

Чуланчик был мал, но в нём хватило места, чтобы распустить волосы и закружиться, закутываясь в тени. В ночном доме — кто её увидит? На этот раз Эрна будет осторожней, чем в замке Дидье. К тому же дядюшки Виля тут нет, а госпоже Татин ещё долго будет не до неё. Осторожно ступая, девочка вернулась в комнату. Госпожу Татин всё тошнило. Эрна надеялась, что действие рвотного корня закончится не раньше, чем старуха вытошнит собственные кишки. Даже если бы девочка не прибегла к колдовству, на неё никто бы не обратил внимания. Эрна знала: если перебрать с рвотным корнем, спазмы будут так сильно выкручивать тело, что человеку покажется, будто он расстаётся с внутренностями. Да и кардамон мог тоже как-то влиять на действие лекарства. Неважно. Эрна подхватила свои башмачки и, подумав, платья служанок, которые обычно спали на тюфяке у дверей, но сейчас в одних нательных сорочках хлопотали вокруг госпожи. Младшая служанка была рослой девицей, а вот старшая — такой щуплой и низенькой, что её платье пришлось Эрне впору. Никто даже не обернулся. Девочка снова застонала и выскользнула в коридор, как будто её снова скрутило. Там она безжалостно оборвала со своего пояса бубенчики, нарезала ленты из платья младшей служанки и замотала свои красивые башмачки. Потом заметила рваные отблески пламени и отступила в тень. К госпоже Татин вели лекаря. Отлично. Эрна поспешила к дверям и успела выскользнуть наружу до того, как они были захлопнуты привратником. Лучше некуда.

Впервые за долгое время девочка оказалась совершенно свободна. Ночь будоражила, луна звала отдаться новому настроению, отдаться колдовству, пуститься в пляс... Эрна

сдержалась. Она взяла одну из нарезанных из платья лент и несколько раз перехватила свои волосы, так, чтобы они не были ни связанными, ни распущенными. Прекрасно. Крепко завязав вокруг талии пояс, Эрна, как по нитке, пошла по пути своего предсказания.

* * *

Ночной город был совсем не то, что ночной лес. В нём иначе пахло, намного хуже, резче и противней, не шелестели деревья и не кричали птицы. Зато в нём были люди, много людей, даже в темноте, и их следовало опасаться. К счастью, почти все они носили с собой факелы или фонари, которые давали больше теней, чем света, и ещё одну маленькую тень никто не замечал. Девочка слышала пьяные песни, крик ночного сторожа, прерывистые неискренние женские стоны... а на другой улицы — жалобный девичий вой, безнадежный крик сломанной игрушки. Большеногая Врени, цирюльница и проклятая из Раного, когда-то давным-давно рассказывала, что в городах, бывает, юноши собираются в толпы и хватают девушек, чтобы взять их силой по очереди или вместе. Тогда Эрна не поняла, о чём женщина рассказывает, а мать прогнала девочку от костра. Теперь она понимала. У Эрны не было даже мысли помочь несчастной. Всё происходящее её не касалось. Это слепые, люди, которых обманул Надзиратель, чтобы покрепче приковать к миру, куда обманом их заманил Создатель. Что они делают друг с другом, её не касалось. Внезапно девочку поразила мысль, что с ней может произойти нечто подобное же, если банда наткнётся на неё. Эрна похолодела. Вокруг стало ещё темнее, она не сразу поняла, что это снова у неё из-под пальцев полилась тьма. Она закусила губу и заставила темноту расступиться, так, чтобы та не окружала девочку, а вилась на некотором расстоянии от неё. Это немного отвлекало, но теперь достаточно заклинания, чтобы вокруг стало так светло, что у любого, кто на неё покусится, выгорят глаза. Нападать на девочек — это очень, очень злой поступок!

Послышались шаги. Девочка отпрянула к стене дома... скривилась. Судя по запаху, она была влажной не от росы. Но шаги были слишком уж близко. Факельщик и четыре военных. Их было легко узнать по тяжёлому уверенному шагу людей, привыкших крепко держаться за землю, и по невероятной смеси из нескольких языков. Наёмники. Эрна узнала тафелонские и нагбарские слова, которые перемежались хларским и церковным языком — для лучшего понимания, похоже. А раз говорят на церковном, значит, не простые люди.

Неважно.

Девочка на всякий случай запомнила и походку, и голоса. Говорили они о перемирии, которое должно было вот-вот закончиться, о яблочном вине и достоинствах какой-то Перитты. Ничего важного. Переждав, пока тени перестанут плясать, Эрна двинулась дальше. Город был большой, а их дом стоял далеко от нужной стены, к тому же улицы то и дело петляли и пару раз девочка зашла в тупик. Но она не сдавалась. Вот и стена! Девочка сглотнула. Через неё предстояло перелезть, но как? Конечно, Танцующий Кабан учил её, но... почему же она такая дурёха и не прихватила верёвку?! А если бы прихватила, что тогда?

Эрна размотала тряпки, которыми обмотала башмачки, и хозяйственно засунула за пояс. Нечего было и думать скрутить верёвку из остатков украденной одежды, её слишком мало, не хватит ни длины, ни крепости. Девочка ощупала стену. Камни были старые, где-то выпавшие, где-то перекосившиеся, разного размера и формы. Эрна осенила себя

перечёркнутым священным знаком. Если Освободитель отвернётся от неё... узнает ли Виль о том, что она умерла и родилась снова? Она нащупала выемку в стене, образованную выпавшим камнем, поставила туда ногу, толкнулась, нащупала выступающий камень... ползти было высоко, далеко и страшно. Надо было не сопеть, не шептать молитву, не ругаться и не скулить от страха. Бесшумно и плавно, как учил Танцующий Кабан. Она почти добралась до верха, когда услышала шаги на самой стене. Распластавшись по холодным камням, девочка ждала, пока стражники пройдут мимо. *Освободитель!* Сжался! Ещё чуть-чуть — и она бы упала, но, к счастью, они ушли. Язык, на котором они разговаривали, был девочке не знаком, а, может, всё заглушала шумевшая в ушах кровь. Вот и верх! Эрна не позволила себе выпрямиться во весь рост, она ползком перебралась на ту сторону и аккуратно перекинула ноги через край.

Всё стало ещё хуже. За внешней стороной стены следили лучше, чем за внутренней, и цепляться было почти что не за что. К тому же она была выше, а, может быть, девочке так показалось с перепугу. Она молилась Освободителю, молилась луне, молилась своему лесу и вспоминала маму, но кое-как спускалась, спускалась, спускалась... пока выбоины и выступы не пропали вовсе. Эрна безнадежно шарила ногами по гладкой поверхности... а потом её руки ослабли и она сорвалась вниз.

К счастью, лететь оказалось недалеко. Не очень далеко. Достаточно, чтобы девочка успела сгруппироваться, как учил Танцующий Кабан, и правильно поставить ноги. К несчастью, под ней оказались заросли крапивы. К тому же совсем бесшумно сорваться не получилось. На стене кто-то закричал, труба просигналила тревогу, забегали люди, замелькали факелы. Мимо что-то пронеслось и вонзилось в землю. Стрела. Эрна прижалась к стене, так и оставшись в крапиве, хоть та и ужасно обжигала кожу даже сквозь одежду. Потом медленно и осторожно двинулась прочь — сперва вдоль стены, потом рискнув от неё отодвинуться, всё ещё закутанная в неверные ночные тени, от луны и заслоняющих её облаков ещё более зыбкие, чем от факелов.

Она позволила себе перевести дух, только когда добралась до леса. Далеко погоня не дошла, им не было смысла бегать за одним шпионом, заманивающим, быть может, в засаду.

Эрна протиснулась сквозь подлесок, пока по весеннему времени ещё не слишком густой. Дома лес расступался перед ней, сейчас приходилось справляться с чем есть. Девочке хватило ума защищать лицо, мало ли что случится, и ещё руки, о которых Виль говорил, что они выдают человека, если о них не позаботиться. Ведовской дар, а, может, простая удача помогли Эрне найти открытое место, здесь, похоже, срубили дерево недавно и пока оно не заросло. Так и есть, с другой стороны сюда вела тропа. Неважно. Эрна опустила на землю и улыбнулась луне. У неё получилось! Получилось вырваться на свободу! Значит, получится и всё остальное. Девочка ножом очертила вокруг себя круг. Так близко к городу, наверное, нет ведьмы, а, если и есть, круг защитит от её поиска. Наверное, защитит. Ну, если не защитит, то Эрна ей всё объяснит. Они же сёстры! А в самом крайнем случае было заклинание «дядюшки Лонгина», превращающее тьму в свет, нестерпимый для проклятых.

Круг. Это первое. Теперь её кровь.

Эрна очистила лезвие ножа, прошептала ему просьбу, чтобы он не принёс ей болезнь и смерть...^[45] аккуратно уколола палец. Это не простой нож, это заговорённый, волшебный нож, он видел много смертей и помогал маме колдовать. А теперь это её собственный нож. Потому что его подарил девочке дядюшка Виль.

— Кровью моей, — торжественным шёпотом произнесла юная ведьма, — сталью. Во имя луны полной — и луны рождающейся. Во имя растущей луны — и луны умирающей. Во имя леса, что дал мне силу. Заклинаю тебя — приди! Приди! Приди!

Она потянулась мыслями вниз, в землю, упала туда как семя, проросла из него как трава, потянулась к небу, к луне... только один человек на свете мог услышать этот зов. Только один человек мог на него откликнуться.

— Во имя земли, где я родилась. Во имя леса, который тебя усыновил. Во имя клятвы, которую ты принял. Во имя всего, что есть между нами. Заклинаю тебя — приди! Приди! Приди!

Только один человек на свете, тот, который однажды, спасаясь от погони, позволил ведьме провести обряд усыновления лесом. Тот, который стал матери Эрны названным братом. Матери Эрны, которая уже тогда носила под сердцем дитя. Эрну.

— Во имя крови, что ты поделил с моей матерью. Во имя леса, который принял твою душу. Во имя силы, которую ты во мне взрастил. Заклинаю тебя — приди! Приди! Приди!

Только один человек на свете мог услышать этот зов и только один человек не мог ему противиться. Он придёт, из любого места на свете придёт. Он придёт сюда и поможет ей.

— Кровью моей, сталью. Во имя полной луны и луны рождающейся. Во имя растущей луны и луны умирающей. Во имя леса, что дал мне силу.

Мысль девочки рвалась вверх ликующей птицей, она летела и летела, пока, сложив крылья, не упала, как коршун, на свою добычу. Колдовство, которое помогало Медному Пауку быть незаметным, намертво связывало его с родным лесом Эрны, связывало с его ведьмами и вынуждало являться и уходить по их приказу — если они могли собрать достаточно сил, чтобы его позвать или прогнать. Эрна всего один раз видела, как мама зовёт названного брата. Не тогда, когда Магда впервые поделилась с ней силой и на грани смерти вызвала Виля, чтобы он помог ей добраться до дома. Тогда Эрна ничего не заметила, она слишком боялась, а потом и вовсе умчалась за помощью.

А в другой раз, когда Виль не пришёл единственно потому, что был пойман и закован в кандалы. Магда тогда чуть не погибла, а саму Эрну утащили нанятые ведьмами Бурой башни наёмники. Но она видела, как взгляд матери обратился внутрь и кожей почувствовала зов, обращённый к Виллю. Им это тогда не помогло.

Эрна закашлялась и упала на четвереньки. Всё тело охватила слабость. Это хорошо. Это правильно. Значит, колдовство подействовало. Она кое-как села. Хорошо, что она не упала на прочерченный в земле круг! Тогда было бы плохо. А так она посидит и подождёт. Виль услышит. Он обязательно отзовётся.

* * *

Утром в лесу ещё до рассвета можно услышать птичье пение, особенно весной. Но Эрну разбудила злобная ругань очень знакомого голоса. Здесь слишком густо росли деревья, чтобы было светло, но всё же солнца хватало, можно было разглядеть тёмную фигуру наставника и догадаться: благодаря кругу он её не видит. Эрна ножом затёрла черту и виновато подняла взгляд. На свежую голову ночная выходка перестала казаться девочке такой уж правильной и разумной.

— Я так и думал, — очень спокойно произнёс убийца, и девочка съежилась. — Что это

значит, Эрлейн?

— Ты меня бросил! — тем не менее воскликнула она. — Я думала, тебя убили!

— Да неужели? А что госпожа Татин? Она благословила тебя на поиски моего трупа?

— Она не знает, — пробурчала девочка, стремясь отдалить признание хотя бы ещё немного. Если Виль говорит «госпожа Татин», значит, он договорился с этой каргой и вряд ли обрадуется её отравлению.

— Да ну? — не поверил ей убийца. — Эрлейн, а ну-ка посмотри на меня. Ты что же, навела на неё порчу? Никогда не поверю, что ты смогла с ней договориться.

— Промывание желудка полезно для здоровья, — пробормотала девочка, неохотно выполняя приказ. По лицу Виля нельзя было понять, насколько сильно он сердится.

— Рассказывай, Эрлейн, — приказал убийца.

Раз она пока «Эрлейн», а не «ваше дюкское высочество», всё, может быть, и не очень плохо, хотя с дядюшкой Вилем никогда не знаешь наверняка. Запинаясь, Эрна принялась рассказывать о своём злодеянии, а заодно и про карету и посудину, обитую атласом, и про молитвы, и побои, и про то, что к утру рвота госпожи Татин, конечно, прекратится, а старуха она здоровая и не умрёт и к тому же Эрне всего-то надо было, чтобы от неё все отстали!

Когда девочка замолчала, разразившаяся тишина показалась ей оглушающей. Даже птицы, кажется, замолчали, ожидая её приговора. Эрна зажмурилась, потом приоткрыла правый глаз и рискнула посмотреть на наставника. Тому, кажется, было плохо. Он хмурился и как-то странно дёргал лицом. Когда девочка широко распахнула оба глаза, в ужасе думая, что у дядюшки, наверное, припадок, только вот чего и как это лечится, убийца махнул рукой и захохотал, наконец, во весь голос. Эрне, однако, было не до смеху.

— Ты отвратительная неблагодарная злобная тварь, — торжественно произнёс убийца, кое-как справившись с собой. — С госпожой Татин отродясь никто таких шгучек не проделывал, а тут, глядите-ка, является соплюшка и травит её какой-то дрянью.

— Это не дрянь, — пискнула девочка, всё ещё не уверенная, что гроза прошла стороной. — Это хороший рвотный корень.

Виль взял её за ухо, но выкручивать не стал, только потянул вверх, принуждая девочку подняться на ноги.

— Посмотри на себя. Выглядишь как последняя побродяжка. Исцарапалась, одежда в ключья. Кто тебе разрешил оставлять Арол?

— Ты сказал, что сразу приедешь! — запротестовала Эрна. — Тебя не было!

Виль выпустил её ухо.

— Дурочка ты, Эрлейн. Да неужто я б тебя бросил?

Девочка отвернулась. Ага, не бросил бы, как же! Небось и не вспомнил бы о ней, если бы она его не позвала. Мама говорила как-то, что Виль вряд ли может почувствовать полностью колдовское принуждение, скорее ему кажется, что надо бы что-то проверить, да почему-то беспокойно и вот прогуляется — сразу полегчает.

— Выдрать бы тебя, — сказал убийца.

— Я потому и ушла, что она всё время дерётся! — по-детски пожаловалась Эрна, у которой внутри всё заглодело. — Мама никогда меня не била, а ты обещал заботиться обо мне!

— Если б я выполнял то, что бабам обещаю, я б только и делал, что вокруг них вертелся, и был бы женат на целом курятнике, — засмеялся Виль.

Дело было плохо, но наставник вдруг махнул рукой.

— В следующий раз, — неопределённо посулил он. — Ну-ка, девочка, рассуди. Выбраться ты выбралась, умница. Вот тебе следующая задача: как обратно пробраться, да среди бела дня, да чтобы никто ничего не заподозрил.

— Обрато?! — вскинулась девочка.

— А чего ты хотела? Тебя для чего взяли? Чтобы ты дочку лю Дидье изображала. Я отменял приказ? Не припоминаю.

— Но... госпожа Татин...

— Если ты не хотела с ней встречаться, надо было отравить её насмерть, — холодно сказал убийца.

— Я не хотела её убивать! Только отвлечь!

— Молодец, отвлекла на славу. Не трус, госпожа Татин, небось, как отдышалась, нашла что соврать. Никто, кроме неё, тебя не хватился.

Это как раз беспокоило девочку в последнюю очередь, но возражать она не стала.

— Ночью... — сказала она. Виль покачал головой.

— Я не могу ждать, — ответил он. — До полудня должен вернуться. А оставлять тебя без присмотра... второй раз может и не повезти. Через стену снаружи тебе не перебраться.

— Дай верёвку — я влезу, правда!

— Или влезешь. Или тебя схватят стражники. Или сорвёшься. Стоит тебе сломать ногу... тебе ещё повезло, что ты не встретила ни бродячих псов, ни свиней.^[46] Да и волков-то тут полно, немного глубже в лес — и привет, одни косточки останутся.

Эрна снова отвернулась. Она ведьма! Она может заклясть животных — и они будут расступаться перед ней как ручные.

— Ты не вертись, а думай. Если сама придумашь — заступлюсь за тебя перед госпожой Татин. От трёпки отвертишься, да и воспитывать она тебя будет подобрее.

— Правда?!

— Сказал же, заступлюсь. Ты придумай сперва.

* * *

Снаружи Арол напоминал каменную глыбу с выдающимися вперёд шипами башен. Стены его были одни из самых высоких и крепких во всём королевстве, даже в столице не было так безопасно. На всадника, который подъехал с востока, смотрели спокойно: сейчас перемирие, да и к тому же в той стороне ютанцев почти что и не было. Всадник спешил, подошёл к страже, ведя в поводу своего коня, на котором остался сидеть большеглазый мальчишка в высокой войлочной шапке, рубахе, явно перешитой из платья старшей сестры, и в башмаках, надетых на голые ноги. Стражников, встречающих путников, было всего четверо. Всадник назвал пароль. Старший из стражников добродушно кивнул.

— А я тебя знаю, — сказал он. — Ты Большой Ги, верно?

Стражники расхохотались: очень уж мелок был чужак, под стать своему ледащему лошадёнку. Ги улыбнулся.

— Кому быть, как не мне? — спросил он. — Новости из Рамье привёз.

— Что слышно? — лениво спросил самый рослый из стражников. На востоке был только Тафелон, который едва оправился от внутренних усобиц, вестей оттуда можно было не бояться.

— А то и слышно, — уже без тени улыбки сказал Ги, — что ютанцы продались Врагу рода человеческого и набирают отряд оборотней, чтобы бросить на ваши стены.

Стражники переглянулись.

— Врёшь, — неуверенно сказал старший.

— Сами увидите, — пожал плечами Ги. — Мне врать нет резона.

— Пугай этим детишек, — презрительно произнёс третий стражник, кряжистый детина, явный выходец с севера. — Оборотни! Кто их видел-то?

— Я видел, — пожал плечами Ги. — Малец вон видел. Он один в живых остался.

— Небось, побрезговали оборотни его костями! — захохотал четвёртый стражник и мужчины подхватили его смех. Мальчишка ничего не сказал, только молча смотрел на них своими большущими глазами, странно светлыми на его чумазом лице. — Никак онемел со страху-то?

— А как тут не онемеешь? — пожал плечами Ги. — У него на глазах столько народу сожрали. Вон, ищу куда пристроить теперь. Не бросать же подыхать с голоду.

— А что он умеет? — заинтересовался старший стражник.

— Да пёс его знает, — отозвался Ги. — Молчит же малец.

— А вдруг он сам оборотень? — сказал вдруг рослый стражник. — Эй, малец, молитвы знаешь?

Мальчик медленно, словно преодолевая охватившее его оцепенение, кивнул и осенил себя священным знаком.

— Вроде не притворяется, — почесал в затылке рослый стражник.

— Может, его серебром проверить? — предложил четвёртый стражник. — я слышал, эти твари серебра боятся.

— А у кого нынче серебро есть? — уныло спросил третий. — К Врагу эту службу!

— Кормят — и радуйся, — отрезал старший. — Проезжай, Большой Ги, и мальчика с собой забирай. Не до него сейчас.

Ги влез в седло и поехал прочь от ворот. В восточной части были только бедные кварталы и в разгар дня никто им не встретился. Скучно было в городе, неудобно. Кто мог, кому было куда, те бежали, пользуясь перемирием, кого в городе держали дома, богатства или нужда — оставались, но старались без лишней надобности не выходить на улицу, не ровен час ограбят не тебя, так брошенное без присмотра жилище. Никто и не видел, как всадник заехал в узкую улочку, где едва мог пройти его конь, а выехал уже без мальчишки. Да если бы и заметили, кому есть дело до перепуганного немого ребёнка?

Глава десятая

Наказание

— И не проси, Паук! — ругалась госпожа Татин. Эрна, уже отмытая после всех приключений, в красном платье с разрезами, надетом поверх синего, забилась в угол и пыталась расчёсывать свои мокрые волосы. — Чтобы я продолжала возиться с этим маленьким вздорным отродьем? Возвращай её обратно в навозную яму, из которой ты это своё дарование выудил.

— Когда я тебя просил, Подкова? — покачал головой Виль. — Я сказал, что ты упустила девчонку, и привёз её обратно.

— Упустила?! Эта гнусная маленькая тварь!..

— ...сумела тебя обхитрить. Стареешь, Подкова.

— Я думала, ты объяснил *своей ученице*, что такое послушание, — едко заметила госпожа Татин.

— А ты ей приказывала не убежать? — уточнил Виль. — Нет ведь. И не подсыпать тебе яда ты тоже не приказывала, а?

Госпожа Татин задохнулась от злости.

— Она хорошая послушная девочка, — заявил убийца так уверенно, что Эрна в своём углу вытаращила глаза. Это она-то?! — Ты говорила ей молиться — она молилась. Она не перечила, не упрямилась, прилежно училась. А вот зачем ты била мою ученицу, я бы очень хотел узнать.

— Я?! — теперь уже госпожа Татин вытаращила глаза. — Била?! Да что это отродье тебе наплело?!

— Ложкой, — пискнула Эрна из угла. — И прутиком! По рукам и по шее! Больно!

Госпожа Татин расхохоталась.

— Какие мы нежные, — издевательски произнесла она. — Да в моё время это и за щекотку не считали. Избаловал ты её, Паук. Что ж с ней на допросе-то будет, а?

Она отвернулась от своего собеседника, подошла и склонилась над девочкой. Жёсткими пальцами взяла за подбородок, заставляя смотреть себе в глаза.

— Ах ты маленькая ябеда, — с ядовитой нежностью произнесла старуха. — Прутиком тебе больно, цыплёночек. А если горящим прутиком прижечь? А иголки под ногти ты как вынесешь?

Она отпустила подбородок девочки, схватила её за мизинец и выкрутила. Эрна, хоть и готовилась к какой-нибудь подлости, не сдержалась, взвыла во весь голос.

— Оставь её, — спокойно приказал Виль.

— Эх, Паук, Паук, — покачала головой госпожа Татин, немедленно отпустив девочку. — Стареешь. Прикипел к девчонке, не так ли? Бережёшь её.

Эрна молча разминала мизинец. Проклятая старуха!

— Занимайся своим делом, Подкова, — предложил убийца всё с тем же спокойствием. — Девочка будет тебя слушаться. Ведь будешь, а, Нинета?

— Да, — неохотно буркнула Эрна под строгим взглядом наставника.

— Вот и договорились, — заключил Виль. — Брысь отсюда, займись чем хочешь. Мне надо поговорить с госпожой Татин. Из дома не выходить!

Эрна, так толком и не расчесав волосы, выскочила за дверь. Наконец-то у неё было

время осмотреть своё жилище и, чем Вра... Освободитель не шутит, разведать входы и выходы. А, может, и верёвку стащить получится.

* * *

— Заходи, заходи, цыплёночек, — ядовито приветствовала госпожа Татин, когда Эрна осторожно заглянула в комнату, в которой они обычно обедали. Служанка передала ей, что госпожа Татин ждёт девочку там, но непривычно было, что никто не снуёт туда-сюда, не несут блюда, не подносят воду для мытья рук, не...

Старуха была одна и как раз закончила приправлять перцем аппетитно пахнущее блюдо. В животе у девочки заурчало: она до сих пор ничего не ела, в переживаниях и спешке сперва забыв о еде, а потом не зная, у кого бы спросить. На кухню Эрну не пустили.

— Что стоишь? — уже не притворяясь ласковой, рявкнула госпожа Татин. — Входи, негодница.

Эрна послушно вошла и села на предложенный стул. Что-то было неправильно. Почему нет слуг? Почему госпожа Татин не уселась первой?

— Кушай, девочка, кушай, — ласково подвинула блюдо старуха.

Эрна впала в панику.

На блюде лежала утка в яблоках, сперва сваренных в меду, а потом запечённых вместе с птицей. Всё это выглядело и пахло так, что девочке пришлось сглатывать слюну. И всё это было смертельно опасно.

Госпожа Татин подвинула полный бокал уже разбавленного для девочки вина.

— Угощайся, моя милая, угощайся.

Ведьминский дар, который позволяет, протянув руку, сорвать именно тот лист или цветок, который нужен для исцеления, сунув руку в сумку, выудить то, что искала, не спотыкаться на ночной дороге и многое другое, — этот дар вопил во весь голос, предвещая Эрне смерть и мучения, если она поверит гнусной старухе.

— Вы меня убить хотите? — прямо спросила девочка. Госпожа Татин расхохоталась.

— Какой милый цыплёнок! Вот так, без лицемерных ужимок, без жеманства, взять и брякнуть что думаешь! Ну-ка, воробушек, отвечай, что ты будешь делать, если я скажу — нет? А?

— Вы врёте! Тут отравы!

— Нет, не вру, милочка. Ты разве спрашивала меня, нет ли тут отравы?

— Я не буду этого есть!

— Будешь. Будешь, крошка, или я волью вино тебе в глотку. Твой наставник далеко, цыплёнок, он тебя не спасёт. Не в этот раз.

Эрна замотала головой. Вино было хуже всего.

— Не хочешь? Тогда выбирай, что будешь есть, цыплёнок. Не спеши, милая, подумай. Как знать, может, сегодняшняя утка спасёт тебе жизнь однажды.

Госпожа Татин с отвращением оглядела девочку.

— Твою никчёмную жизнь мелкой подлой гадюки, — добавила она.

Эрна перевела дух. Главное — не волноваться. И слушать свой дар. Дар ведьмы и чёрной волшебницы. Не может быть так, чтобы он дал погибнуть ей сейчас, так рано, ещё ничего толком не сделав!

Вино отравлено хуже всего. Быстрая смерть, полная мучений и агонии. Яд всыпан уже после того, как алый напиток разбавлен водой... вода, кстати, не самая чистая, но это уже не имеет значения. Вино пить нельзя. Не это. Не сейчас.

Утка. Ничего хорошего. Боль. Слабость. Надолго.

Яблоки... Эрна протянула руку к ближайшему фрукту, почти коснулась его кончиками пальцев. Нет. *Это* будет быстро. Быстро и незаметно. Не так скоро... достаточно, чтобы пройти любую проверку самого подозрительного из правителей.

Девочка вдруг поняла, что она делает то, чего не умела её мама, что она сильнее мамы и сможет намного больше, когда вырастет. Мама не могла вот так вот без зелья видеть судьбу, идущую за человеческим выбором. Она, Эрна — может.

Девочка ещё раз оглядела стол. Единственным, что не несло смерть, была утка. Слуги уже нарезали её на куски, но...

Под пристальным взглядом госпожи Татин девочка подвинула к себе блюдо и начала есть. Не зря старуха приправляла утку перцем. От первого же куска во рту как будто вспыхнул пожар. Ещё птица была страшно пересоленной, сухой и жёсткой, но рядом с перцем это было едва заметно. Госпожа Татин приветливо улыбалась.

— Запить не хочешь, цыплёночек? — предложила она, подвигая ближе вино. Эрна замотала головой. — Ну так ешь, моя дорогая девочка. Кушай.

Под взглядом старухи Эрна послушно съела ещё пару кусков, кое-как проглатывая их едва разжёванными. Потом оттолкнула блюдо — госпожа Татин ничего не сказала, — вскочила на ноги...

Голова закружилась, стало трудно дышать... девочка рухнула на пол.

— Вот так-то, цыплёнок, — уже без тени насмешки произнесла старуха и хлопнула в ладоши, вызывая слуг.

* * *

Эрна провела в постели ещё неделю, не меньше. Болела голова, бешено колотилось сердце, а, стоило приподняться, как стены комнаты начинали водить хороводы. Слуги перешёптывались, конечно, слуги говорили об отравлении, но проклятую старуху никто не подозревал, ведь все считали, что главное случилось тем вечером, когда госпожа Татин проснулась от мучительной рези в желудке. Лекарь приходил дважды, один раз велел пустить Эрне кровь, что было сделано несмотря на её протесты, и это, как ни странно, помогло, второй раз назначил обильно поить больную всякой гадостью. Девочке предоставили отдельную комнату, духовник с его нотациями убрался и только читал молитвы за стеной, но Эрну это не радовало. И дядюшка Виль тоже не радовал, он явился, не сказал старухе ни одного резкого слова, только покачал головой и ушёл! И даже не навещал всю неделю, покуда Эрна не сумела встать без посторонней помощи. Голова кружилась, ноги подкашивались, но всё же держали девочку прямо. Эрна с трудом добралась до стены и, едва не срывая с ней шпалеру, кое-как добрела и до дверей. Лежать дольше не было никаких сил. Она была готова даже в церковь сходить, лишь бы увидеть хоть кого-то кроме испуганно ожидающих её смерти служанок.

Дядюшка Виль оказался за дверью.

— А ты сегодня молодцом, — сказал он, оглядывая шатающуюся ученицу с головы до

ног. — Усвоила урок, а, Нинета?

Эрна аж задохнулась от злости и у неё пуще прежнего закружилась голова. Виль придержал девочку за локоть и вернул обратно в комнату. Эрна без сил опустилась на постель.

— Ты знал?! — спросила она Вилья. — Ты знал, что эта жаба так делает?! Ты сам ей сказал, да?! Ты...

— Ой-ой-ой, вот раздухарилась, — нахмурился убийца. — Когда это я обещал тебе отчитываться, а?

— Ты знал! — не унималась девочка.

— Не ори, — строго сказал Виль. — Нет, я понятия не имел, какую шутку Подкова с тобой выкинет. Она у нас дама... с выдумкой. Сам покойный король это очень ценил. А на что ты жалуешься? Ты пошутила — дай и другим посмеяться. Я б тебе слабительного подсыпал за твои фокусы. Скажи спасибо, теперь весь город только и говорит, как ты красиво болела и как ты в гробу бы смотрелась.

Девочка поперхнулась.

— Такая церемония не состоялась, — покачал головой Виль. — За тебя, девочка, во всех церквях молились, так что благодари Заступника, что выжила.

Эрна сникла.

— Так нечестно, — пробурчала она, уже зная, что проиграла. Честно. С ней поступили именно что честно. Это было отвратительно!

— Вот что, Нинета, — встряхнул её за плечи убийца. — Это последний раз. Последний раз я прощаю твои выходки. Поняла? Ну?

— Я поняла, — покорно отозвалась девочка.

— Вот и умница. Лежи. Завтра, небось, оклемаешься, дойдёшь до церкви.

— Но...

— А чтобы ты не скучала, подумай: где ты ошиблась и как можно было этого, — Виль кивнул на кровать, — избежать.

— Я сделала правильный выбор! — возмутилась Эрна. — Этот яд был не смертельный, а остальные...

— Выбор, — невесело хмыкнул Виль. — Ты сыграла по чужим правилам и проиграла. Нешто Подкова бы тебя убила, дурочка ты? Совсем хитрить не умеешь.

— Но...

— Думай, девочка, думай. Вечно за тебя старый дядюшка должен надрываться.

* * *

Ни назавтра, ни на третий день этот разговор не повторился. Едва Эрна смогла дойти до церкви, по всему городу молились за избавление от супостата. Перемирие закончилось, пока девочка лежала больная, и вскоре оказалось, что ютанцы не теряли времени даром. Если раньше кольцо осады вокруг Арола и близко не было замкнуто, то теперь враги бросили осаждать неудобно расположенный Несдьё и, кто тайно, а кто явно, перебрались под стены Арола. Они рубили окрестный лес и укрепляли свои лагеря, копали рвы и полностью перерезали все дороги. Арол наводняли слухи. Рассказывали, что ютанцы стянули сюда всю свою армию. Рассказывали, что они захватили обоз, везущий в город свежие припасы. Кто-то

говорил, будто люди были жестоко убиты, а кто-то — отпущены и даже получили плату, чтобы в другой раз везли еду прямо врагам. Ходили слухи и об оборотнях. Эрна не верила своим ушам. Отряд оборотней, пеший, с чёрной оскаленной пастью на белом знамени, здоровые детины в два раза выше человека, все одеты в волчьи шкуры и вместо разговоров воют, рычат и хохочут как сумасшедшие. Такого не могло быть! Так просто не бывает! Оборотни не носят волчьи шкуры, зачем им, когда они в волков превращаются?! И они точно не больше обычного человека! Да и разговаривают они по-человечески. Они ведь наполовину люди!

Эрне приходилось жить среди гордых властителей страны на востоке, все они были оборотнями, и девочка играла с их детьми, пока отряд Увара, Магда и Виль ушли к какому-то страшному князю добывать корону, нынче венчающую Дюка Клоса в Тафелоне. Дети гонялись с ней взапуски, взрослые кормили, поили и разнимали пустячные ребячьи ссоры. И сражались эти оборотни всегда верхом, и знамёна у них были не такие.

Дикари-язычники в лесах оборотней? Напали на отряд Увара, когда они возвращались в Тафелон с короной. Эти не знали ни коней, ни знамён. Всегда сперва выли, потом прыгали, а если лошадей распугать не удавалось, превращались и нападали в человеческом облике. Но наёмники Увара говорили — хоть оборотень и быстрее человека, но не быстрее стрелы, а сразу после превращения ему нужно время привыкнуть и освоиться. Наёмники Увара не боялись оборотней и Эрна их не боялась тоже. А вот в Хларии давно, очень давно никто не видывал людей, меняющих облик, и о них ходили самые разные легенды.

— Ох, госпожа, — причитала младшая служанка, дрожа от страха в вечерней комнате, где собрались все, чтобы послушать душеспасительное чтение духовника, — говорят, эти твари могут становиться невидимыми...

— Что?! — вырвалось у Эрны, которая в это время вышивала коромысло, символ смирения святой Окины, на церковном покрывале. Госпожа Татин вовремя шлёпнула девочку по рукам, не давая ей испортить вышивку. Ткань была настолько тонкой, что даже на мгновение затянута нить могла заставить перекокситься весь узор.

— Да, госпожа, об этом все знают, — сказала низенькая служанка, чьё платье не так давно подошло Эрне во время побега. — Весь город только и говорит.

— Что ещё они могут? — слабым голосом спросила девочка. Ей хотелось заткнуть уши. Обычно служанкам не позволялось болтать, но сегодня они были слишком напуганы, а наставления только что ушедшего духовника никого не могли успокоить. По мнению отца Фйуса, мучения в этой жизни должным образом подготовят его паству к загробной. Особенно женщин, у которых на уме только хитрости и забавы.

— Говорят, — подошла поближе старшая служанка, — что эти твари могут с разбега перепрыгнуть через городскую стену.

Эрна представила себе стены Арола и дядюшку Вира, мужа Веймы, возле города. Чтобы перепрыгнуть, ему понадобились бы крылья.

— А если запереть оборотня в клетке, он выберется наружу, не сломав прутьев! — добавила младшая служанка.

— Они могут превращаться в волков и в медведей, и в кабанов, даже в лошадей, если надо, — добавила та, которая подавала питьё в ночь отравления.

У Эрны снова закружилась голова. И даже в лошадей, подумать только!

— Они не знают страха и могут биться целый день, не чувствуя боли, — дополнила младшая.

— У этих тварей нет ни стыда, ни жалости, — с какой-то непонятной жадностью сказала немолодая, с пятнами на лице служанка, которая в ночь отравления держала волосы госпожи Татин. — Они не женятся честью, а воруют женщин и совокупаются с ними *день и ночь, не меньше*.

— Причём в животном облике, — перебила её низенькая, — и в каком виде был отец, такой вид будет принимать и потомство. А когда приходит время, новорожденные не выходят на свет, а начинают *грызться* внутри чрева своей матери и сжирают её изнутри *заживо*.

— А говорят, — сказала высокая тощая служанка, чей обязанностью было держать в порядке рукоделье госпожи, — кого они укусят или хотя бы оцарапают, сам станет оборотнем в следующее же полнолуние!

— И они не носят оружие, — дополнила младшая, — от их клыков и когтей не защищают даже доспехи!

Эрна выронила иголку и спрятала лицо в ладонях. Плечи её тряслись.

— А стены они не прогрызают? — всхлипывая, спросила она.

— Вы напугали госпожу Нинету, — рассердилась госпожа Татин. Тощая служанка забрала у девочки вышивание и старуха прижала Эрну к себе. Девочка была благодарна, нельзя, чтобы остальные видели её лицо, когда она захлёбывается от смеха. Терпеть эту чепуху было выше всяких сил. — Не слушайте этих болтушек! Молитесь Застунику и святой Окине, они не допустят, чтобы эти чудовища ворвались в город. Вон, все вон! Гусыни! Только и знаете, что повторять слухи и сплетничать!

Когда дверь захлопнулась, а быстрые шаги служанок стихли, старуха отпустила девочку и та в изнеможении опустилась на пол.

— Как они могут верить в *такое*?! — простонала Эрна, утирая слёзы.

— Таковы люди, — пожалала плечами госпожа Татин. — К утру будут говорить, что оборотни прогрызают стены, вот увидишь.

* * *

Виль явился к вечеру, что делал далеко не всегда. Официально он считался приставленным к девочке слугой, и ел вместе с остальными слугами. Неофициально все знали, что рыцарь лю Дидье поручил дочь его заботам и он что-то вроде дядьки^[47] при госпоже Нинете — если бы, конечно, девочкам полагались бы дядьки. Поэтому никто не удивлялся, что «Дядюшка Ги» является к госпоже Татин в самое неурочное время, чтобы обсудить благополучие девочки.

Выслушав пересказ, о чём говорят служанки, убийца довольно улыбнулся.

— Неплохо, — кивнул он и отпил из фляги. Вид у Виля был усталый, как будто он весь день провёл на ногах и давно обходился без сна.

— Но как они могут?... — не выдержала Эрна. Виль обидно рассмеялся.

— Люди, — коротко ответил он. — *Слепые*.

— Он сам эти слухи распускает, — сказала госпожа Татин без прежней своей ядовитости. — А, Паук?

— До такого я б и не додумался, — отмахнулся убийца. — Говоришь, перепрыгнуть могут? Увижу Серого, расскажу ему, пусть тоже посмеётся.

Серым звали дядюшку Вира, единственного оборотня, которого Эрна близко знала.

— Я-то сказал, что перебраться могут через стены, — пояснил убийца. — Девочек воруют, про это говорил, да. Что быстрые и сильные тоже говорил. До всего этого вздора я бы не додумался.

Он оглядел свою ученицу, которая, прилично потупив взгляд, старательно вышивала золотом коромысло.

— Ты неплохо постаралась, Подкова, — оценил убийца. Старуха довольно улыбнулась.

— Дядюшка Ги, — осторожно начала Эрна, не уверенная, что ей можно спрашивать такие вещи, — но зачем?!

— А, — кивнул Виль. — Хороший вопрос. Когда всё закончится, я спрошу тебя об этом.

А ты расскажешь.

— Но...

Эрна оборвала саму себя и опустила взгляд.

— Да, — сказала старуха. — Занимай руки и мысли работой, тогда будет меньше опасности, что ты выдашь себя неосторожным возгласом. Не задавай вопросы, тогда не выдашь своего интереса. А если спрашиваешь, спрашивай о том, что хочет рассказать собеседник, а не о том, что тебе надо узнать.

Девочка встрепенулась, ей хотелось рассказать, что один раз она так пробовала и всё прекрасно получилось! Но усилием воли Эрна сдержалась.

— Никогда не хвастайся, — строго произнесла госпожа Татин. — Кому надо, всё сами знают — или им расскажут другие. Слышала я о твоей удаче. Сумеешь повторить — похвалю.

— Куда ей, — устало произнёс Виль и Эрна вспыхнула от оскорбления. — Ты б её, Подкова, поучила.

Старуха звонко рассмеялась.

— Шутник ты, Паук. Или дурак. Поучила — как мужчинам нравится? Этому учить не надо. Пока она молодая, пока кровь в ней играет, пока глазища широко распахивает, она будет нравится, хочется ей того или нет. Этому не научишь, не купишь ни за какие деньги, не подделаешь. Вот когда вырастет, когда первая прелесть исчезнет — тогда приводи. Тогда научу, как заменить природу искусством. А покуда ей ничего не нужно, была бы голова на плечах.

— А когда не хочется? — рискнула спросить Эрна.

— Глазища свои на мужчин не пяль, — усмехнулась госпожа Татин. — Не смотри, не слушай, отнимай руку, не спрашивай и не проси ни о чём. Если ты скажешь «нет», а потом попросишь проводить, всякий решит, что ты только из стыдливости отказала, а сама польщена его вниманием. Куда тебя заведут — это только Освободитель знает. Ты б в монастырь её отдал, а Паук?

— Что?! — вскинулась девочка.

— Самое то для тебя, — отозвалась госпожа Татин. — Поучишься молиться как надо, держать себя в строгости и смирении. А то наглая больно, никакого сладу нет.

— Некогда, — буркнул убийца, что-то для себя соображая. — Хитришь ты, Подкова.

Старуха пожала плечами.

— Ей бы ко двору попасть. Пусть дикая, неучёная, но притрётся, научится. С людьми мало видалась. Не умеет себя долго держать. Ко двору — и без всякой цели, чтобы привыкала.

— Посмотрим, — ответил Паук. — Может, и до этого дойдёт.

* * *

Когда Виль ушёл, старуха долго смотрела на закрывшуюся дверь. Потом повернулась к Эрне.

— Мужчины, — презрительно произнесла она, — вечно думают, что их подчиняет хитрость или особое искусство... Так думают даже лучшие из них. А на самом деле — это они сами. Никто не может обмануть человека лучше, чем он сам. Всё искусство в том, чтобы понять, кто и как хочет быть обманут. Не верь мужчинам, девочка. Не думай, что ради твоих глаз они сделают хоть шаг. Даже ради того, что у тебя под платьем. Нет. Девочек много и глазастых тоже. Всё, что мужчины делают, они делают ради себя самих. Они обещают потому, что обещания красиво звучат, а не потому, что собираются их выполнять. Ты никогда не будешь уверена, выполнит ли он то, в чём клялся ночами, никогда, воробушек. Не дай им заподозрить, что тебе от них что-то нужно, провалишь всё дело. Нет, воробушек, ты должна быть чиста и бескорыстна, и разве что от тревоги не можешь всецело предаться любви... Когда ты подрастёшь, будут другие уроки, но сейчас, когда ты так молода... и помни: каждый человек говорит то, что хочет сказать, выразить, поведать... даже глупые или смешные вещи...

Она посмотрела куда-то сквозь Эрну, далеко, в глубины своей памяти.

— Его величество покойный король, — сказала она, — вернулся из долгого похода на Терну. Они шли через горы, путь был трудным, поход — тяжёлым... короля очень ждали на родине и первый же барон приготовил ему роскошную спальню. Его величество радовался как ребёнок и долго рассказывал дамам, какое удобное у него ложе. В походе ему приходилось спать на земле, только и подстелив под себя, что старый плащ... Одна дама, глупышка, решила, что его величество обращается к ней... с особым намёком... она отдала все драгоценности страже, чтобы её пропустили в опочивальню... его величество был страшно недоволен! Заступник, как он ругался! На своём роскошном ложе он собирался спать сам! Эта была первая приличная постель за долгие месяцы и его величество желал прочувствовать всё блаженство отдыха.

— Это были не вы? — спросила Эрна. Госпожа Татин покачала головой.

— Она меня опередила, — без злобы призналась старуха. — Несчастливая дурочка, она была опозорена на всю Хларию, муж отказался от неё и сослал в монастырь со строгим уставом... а я попробовала в другой раз. Когда его величество отдохнул и был настроен более благосклонно.

Она помолчала и криво усмехнулась.

— Ложе барон соорудил и впрямь роскошное, — добавила она.

Эрна во все глаза смотрела на собеседницу. Старая, желчная и злая, она когда-то была молода и красива, её любил сам хларский король... так странно! Это только одна сторона жизни госпожи Татин. А что другая?

— Выигрывает тот, кто не теряет голову, — заключила старуха. — Не торопится, не медлит, не суетится, не ленится, не хвастается, не жалуется, не умиляется своим подвигам и не оплакивает свои несчастья. Если ты сохраняешь свой разум холодным, но не пускаешь этот холод в глаза — ты будешь жива и завтра, и через день. Жива и благополучна, а дело,

порученное тебе, будет выполнено. Так-то, воробушек.

Глава одиннадцатая

Падение Арола

Осада продолжалась, и жить становилось всё труднее. Для Эрны кое-как доставали хорошую пищу, но свежей дичи больше не было, приходилось обходиться свиной. Из служанок осталась одна, низенькая, остальных пришлось рассчитать: кормить «этих дармоедов» госпожа Татин не желала. Служанки заливались слезами и зывали к милосердию «доброй госпожи», но старуха осталась глухой. С утра она палкой гоняла оставшуюся служанку, спрашивая, почему она видит пыль и грязь и удивляясь, что несчастная девушка ещё не готова пойти в церковь. По всему городу звонили колокола, призывая народ молиться об избавлении. Несколько раз ютанцы предпринимали попытки штурмовать город, но их легко отбрасывали. Осаду, однако, они вели неумолимо.

Оборотней в самом деле видели под городом. Высокие здоровяки с огромными палицами и топорами, в самом деле одетые в меховые плащи и с чёрной пастью на белом знамени. Они покуда на стены не прыгали, держались обособленно и заметно было, что их сторонятся даже собственные союзники. Знающие люди говорили, что такие, может, первыми на штурме не будут, но вот когда дорвутся грабить...

Госпожа Татин, на удивление, потеряла самообладание от этих слухов. Она несколько раз призывала к себе казначея города, господина Гильбэ, и требовала, чтобы он «что-то сделал» для спасения города или хоть насыщения его жителей. Когда пять попыток сделать вылазку было отбито, а свежая свинина закончилась и им пришлось довольствоваться солониной и колбасами, госпожа Татин стала намекать, что город надо сдать, иначе им придётся есть крыс, а то и друг друга. Казначей был бы рад прогнать прочь вредную старуху, но она считалась слишком важной дамой при дворе покойного короля и знала *кое-кого* и среди приближённых наследника. Приходилось терпеть. К тому же она опекала королевскую родственницу.

Эрна ничуть не возражала против солонины и колбас и ничего не понимала в осадах. Её не удивляло, что продукты закончились в городе так быстро. Говорили, что на свиней напал мор, что они разбежались перед осадой, что их увели воры и загрызли оборотни, словом — всё вместе. То там, то сям вспыхивали амбары с зерном. Пожары гасили — если успевали, но не везде это получалось. Один тушили, два в это время вспыхивали. В городе говорили о гневе Заступника, о происках Врага, Эрне на дневную молитву приходилось идти — пешком, для пущей благодати — в главный собор города, чтобы молиться вместе с жёнами и дочерьми именитых граждан о спасении.

Армии наследника ждать не приходилось, он не успевал её собрать после всех поражений. От рыцаря лю Дидье не было вестей, да и что он мог, когда один из его сыновей по-прежнему был в заложниках у ютанцев. Эрна мечтала поговорить с дядюшкой Вилем, но тот появлялся всё реже и реже, покуда вовсе не исчез, а госпожа Татин, когда Эрна пыталась её спросить, только презрительно фыркала.

* * *

В тот день девочка проснулась сама и очень удивилась, что её не расталкивает старуха,

требуя немедленно идти в церковь святой Окины. Служанки нигде не было и Эрна кое-как оделась сама во вчерашнее платье, слишком вычурное для того, чтобы в нём было удобно ходить. Прошла по дому, отыскивая слуг. Их не было. Заглянула в комнату госпожи Татин...

— Освободитель! — тихонько вырвалось у девочки. — Кто... как?!

Вместо знатной дамы в комнате стояла кривая на один глаз нищенка в грязных лохмотьях. Она издевательски улыбнулась.

— Спихватилась, цыплёночек? — спросила нищенка голосом госпожи Татин. — Моя служба закончена.

— Вы... ты... как?! Что?... куда?!

— Ну-ну, воробушек, уж ты-то могла бы и сообразить. Сегодня ютанцы пойдут на штурм. Освободитель их знает как, но город они возьмут. Я не собираюсь ждать их тут, цыплёночек.

— А я?! — вырвалось у Эрны. Она вспомнила, что когда-то её мать задавала Вилю такой вопрос. И он ответил...

— А ты оставайся, — холодно сказала Подкова. — Кто знает, может, тебя и не тронут.

Она цепким взглядом оглядела комнату, в которой жила. Не забыла ли чего? Потом оттолкнула девочку и вышла.

— В следующей жизни, — бросила проклятая через плечо, — не связывайся с Пауком. Прощай, цыплёночек.

Эрна в изумлении смотрела ей вслед. Закричать? Остановить? Попытаться ударить ножом? Заколдовать? Бесполезно и глупо.

Она осталась одна.

Она осталась свободна.

Не было никого, кто мог бы её задержать, никого, кто говорил бы ей, что делать.

Служанки пропали, забрав с собой свои простые платья. Проклятая старуха не то прятала, не то выбрасывала одежду девочки каждый вечер и у Эрны не было ничего, кроме того, что сейчас надето на ней. Хорошо хоть старуха не тронула кошелек с травами, собранными матерью. Эрна недавно подкрасила волосы. Можно было бы смыть краску, сменить одежду и стать кем-то другим.

Но что делать дальше? У неё даже денег не было, за неё всегда платили другие!

Где же дядя Виль?! Надо найти его!

* * *

Уйти из дома девочка не успела. В дверях она столкнулась с господином Гильбэ. В руках он держал какой-то свёрток.

— Где госпожа Татин? — спросил казначей.

— Она ушла в церковь, — соврала девочка, — велела мне идти за ней...

— Тогда Враг с ней, — грубо ответил господин Гильбэ. Он пихнул в руки девочки свёрток. — Переодевайтесь, госпожа Нинета. Нам надо бежать.

— Бежать?! — уже совершенно искренне ахнула девочка. — Но куда?! Почему?!

— Вы блаженная?! — гаркнул казначей. — Не от мира сего?! Одни молитвы на уме да вышивка! Вы, что, не знаете, что творится вокруг?! Если мы отобьём штурм, мы загнёмся от голода. Еды в городе почти не осталось! Амбары сгорели — все! Сегодня догорели

последние! Вы не должны достаться ютанцам! Знаете, сколько человек может вывести в поле ваш отец?!

Он толкнул девочку в сторону лестницы.

— Живо, — приказал он. — Переодевайтесь. Я выведу вас из города. Милостью Заступника мы доберёмся до ставки наследника.

Девочка принялась разворачивать свёрток и из него выпали чёрные шоссы.

— Но это же... — запротестовала она.

— *Переодевайтесь!* — прошипел казначей. — Ютанцы знают, что в Ароле дочь рыцаря лю Дидье. И обрежьте косы.

Что?!

— Я лучше умру, — вырвалось у девочки.

— *Обрежьте!*

Эрна отшатнулась.

Она знала, что обрезать волосы — позор для девушки, это делали очень редко, такие как Вейма или Врени, женщины, идущие против течения, одевающиеся в мужскую одежду и занимающиеся мужской работой. На таких косились, таких прогоняли, таких могли сжечь на костре. Но даже если бы этого не было... обрезать волосы — это отказаться от колдовской силы, она не могла на это пойти, нет, ни за что, второй раз Эрна никому не позволила бы тронуть свою голову.

— Не надо, пожалуйста! — поспешно заговорила девочка, понимая, что с казначея станется и применить силу. — Пожалуйста, я спрячу их под шапкой, никто не догадается, честное слово!

— Живо переодевайтесь, — повторил приказ господин Гильбэ. — Мы теряем время. Слышите?!

Эрна и в самом деле слышала далёкий шум, идущий, кажется, отовсюду.

— Они пошли на приступ. Живо.

— А... — спросила девочка, отступая к лестнице, — дядюшка Ги... что с ним?

Лицо казначея перекопилось.

— Забудьте о нём! — потребовал господин Гильбэ. — Проклятый предатель! Его поймали над свежим подкопом у кузницы возле городских стен.

— Поймали?!

Казначей внимательно взгляделся в лицо девочки, но оно выражало только страх.

— Он сбежал, — неохотно признался господин Гильбэ. — Убил стражника и скрылся. Мы не знаем его планов. Быть может, он собирался вас убить... Живо переодевайтесь, госпожа Нинета, вы должны попасть в Сейр, ко двору наследника!

Девочка послушно поднялась по лестнице и вернулась в свою комнату. Голова раскальвалась от мыслей. Виля разоблачили. Придёт ли он за ней? Или бросил? Он много раз говорил, что не бросит ни в этой жизни, ни в следующей, но разве можно верить прозревшим?

Казначей что-то прокричал из-за двери.

Надо было торопиться и что-то решать.

Сбежать из дома нельзя, это она уже успела понять. Окна были слишком высоко и слишком маленькие, выход на улицу только один, остальные во двор. Можно было бы прятаться в закоулках этого дома, почти что дворца, но казначей уже близко. Он хочет доставить дочь рыцаря лю Дидье — ценную заложницу — ко двору хларского наследника.

Это значит, что рыцарь ещё не успел от неё отречься и выступить на стороне ютанцев. Почему? Выбирает момент? Считает, что они и без него справятся?

Эрна с трудом натянула узкие неудобные шоссы, подвязала к поясу. Ей приходилось одеваться мальчишески, но чтобы *так*... как мужчины в этом ходят? Эрна подвязала кошельки, вырезала из платья кусок, чтобы завернуть в него зеркало. Для волшебницы это как нож — самое необходимое. Нож дядюшки Виля в этом костюме было некуда прятать и Эрна засунула его за пояс. Казначей рывком распахнул дверь как раз тогда, когда девочка запихивала волосы в шапку. Он оглядел Эрну с ног до головы... потом снова посмотрел на ноги... Девочке захотелось спрятаться. Ей никогда... нет, конечно, когда она возвращалась в Арол, у неё на ногах вообще ничего не было, но кого интересуют исцарапанные коленки нищего мальчишки?! А сейчас — впервые в её жизни — мужчина смотрел на её ноги, понимая, что она девушка.

— Идёмте, — приказал казначей, подталкивая девочку в спину. — У нас мало времени.

* * *

— Тайный ход, — сказал он чуть позже, заводя девочку в какой-то дом, жители которого, похоже, разбежались — или были выгнаны. — Нас ждут лошади и спутники. Сможете удержаться в седле?

— Я... — сказала Эрна прерывающимся голосом... — Я попробую...

— Я не могу взять вас на свою лошадь, от скорости зависит всё, — пояснил казначей. — Если случится худшее — скачите вперёд, не оглядывайтесь ни на кого. Мы вас догоним позже. Вы не должны попасть в плен. Скачите вперёд. Вы должны добраться до Сейра. Любой ценой добраться до Сейра.

Он всё подталкивал девочку перед собой, заставляя спуститься в подвал. В свободной руке казначей нёс масляную лампу, от которой на стенах подвала прыгали тени. Дверь в углу уже была открыта, за ней зияла чёрная пасть тайного хода. Казначей втолкнул туда девочку, захлопнул дверь.

— Это сигнал, — бросил он Эрне. — Её закроют снаружи и завалят мусором. Идёмте скорее.

* * *

В темноте ощущение времени теряется и девочке постепенно начало казаться, будто она всю жизнь только и делала, что шла по сырому тайному ходу в хороводе теней и бликов. Ей было бы легко спрятаться и скрыться от казначея, но... куда? Что она бы стала там делать? Где — там?

Воздух был свежим, значит, тут есть ходы наружу, к поверхности. Кто-то очень постарался сделать этот ход. Знает ли о нём Виль? Найдёт ли его? Найдёт ли место, где ход заканчивается?

Внезапно казначей остановил её и толкнул в сторону, туда, где была незаметная на первый взгляд развилка. Пол там поднимался, но, видно, поднимался и потолок, потому что голова ничего не задевала. Эрна шла ещё какое-то время... а потом ход заканчивался... и не

было никакой развилки. Девочке стало страшно. Куда её привели? Зачем? Что...

Казначей сунул ей в руки почти догоревшую лампу, шагнул вперёд и упёрся руками вверх. Эрна разглядела в пляске теней (у неё дрожали руки) наверху что-то вроде большого деревянного щита... казначей толкнул его... Эрну залил солнечный свет. Кто-то подошёл сверху, чёрный на фоне неба, кинул верёвку. Казначей выбрался первым, потом помогли выбраться девочке.

Вглядеться в собранный казначеем отряд девочке не дали. К ней подвели лошадь, повыше той, которую недавно доставал для неё дядюшка Виль, серую с белым хвостом и гривой. Эрна не успела и ойкнуть, как её усадили в седло. Крепкий рыжебородый мужчина подтянул стремяна, прошёлся взглядом по ногам девочки, и шлёпнул лошадь по крупу. Мужчины — их было шестеро, у всех под одеждой кольчуги, у каждого при себе были самострелы, копья и мечи, — вскочили в сёдла, казначей последовал за ними.

— Едем, — коротко приказал он.

Эрна прекрасно сидела верхом, к тому же у неё был врождённый дар управлять животными, как у Большеногой Врени был дар морить тараканов. Но она постаралась сделать вид, что неуверенна и боится, это сложно было изобразить, не раздражая животное. В другое время она разглядела бы своих спутников, но сейчас вся отдалась навязанной игре. Сейр, зная бы ещё, где это место... дорога шла через лес... сзади доносился шум, в котором девочка не умела вычленять отдельные звуки... Внезапно раздался страшный грохот, будто гнев Заступника сошёл на землю или Создатель решил избавиться от сотворённого им когда-то мира... лошади посходили с ума и понесли. Эрна, бросив поводья, вцепилась в гриву лошади. Она пыталась успокоить животное своим даром... хоть как-то... хоть как-то удержаться...

Далеко позади слышались крики и ржание, лошадь выскочила из леса и помчалась по полю, безжалостно топча посевы... Эрна держалась так крепко как никогда в жизни... если она свалится... если...

Постепенно животное успокаивалось, потом перешло на шаг. Потом остановилось и позволило всаднице сползти на землю. Эрна огляделась по сторонам. Где она? Где остальные? Должна ли она их искать? Почему здесь никого нет?

Они находились у края поля, на опушке леса. Кажется, где-то до поля была развилка...

Лошадь, успокоившись, пошла к лесу, где трава росла повыше и погуще. Надо было искать людей, надо было...

Что-то шевельнулось в лесу. Девочка насторожилась.

Вот снова.

Эрна схватилась за нож. Заговоренный, он не мог выпасть и потеряться... но что там? Или кто?

Лошадь испуганно всхрапнула. Кусты трянули ветками, пропуская... Эрна попятилась. Волк... волчица... мелкая, худая, но от того ещё опаснее. Голодная, небось... девочка как замороженная уставилась в светлые глаза животного, в котором не было ни злобы, ни жалости... светлые глаза, в которых...

Показалось ли Эрне или в них что-то мелькнуло?... Вир говорил когда-то, что волки не испытывают злости к своим жертвам. Они просто хотят есть...

Эрна вспомнила, как госпожа Татин — бесконечно давно — говорила ей, что нельзя умиляться своим успехам. В самом деле. Врождённый дар ещё не означал умения им пользоваться, способность заставить материных коз стоять смиренно во время дойки не

означала... не означала...

Волчица сморщила нос и чихнула.

— Приблизим *Освобождение*, сестра! — выпалила вдруг Эрна и тут же обругала себя: что за глупости? Волчица снова чихнула и смешно крутанулась на месте, как щенок, который играет со своим хвостом... только вместо игры она вдруг... вдруг...

На месте волчицы перед Эрной стояла невысокая женщина в плаще светлых волос, таких же светлых, как были у самой девочки до того, как их покрасили.

— Приблизим *Освобождение*, — кивнула женщина. Эрна поняла, что с перепугу заговорила на тафелонском... и на тафелонском же услышала ответ. — Кто ты, дитя?

Эрна заметила, что женщина не подходит к ней близко, как будто соседство с человеком было ей неприятно.

— Я ученица Медного Паука, — представилась девочка. Врать оборотням бесполезно, они чувствуют ложь и сомнения... или врут, что чувствуют.

— А, — снова кивнула женщина. — Паук. Где он сейчас?

— Я не знаю, — призналась Эрна. — Его на подкопе поймали, он убил стражника и сбежал.

Женщина засмеялась странным кашляющим смехом.

— Подкоп, — сказала она, странно усмехаясь. — Хороший подкоп. Грохот вышел отменный.

— *Грохот?* — осторожно переспросила девочка.

— Стена, — пояснила оборотница. — Рухнула.

Она снова засмеялась.

— Как ты меня нашла? — спросила Эрна, отчаявшись разобраться в этой загадке.

— Я искала не тебя, — отозвалась женщина. Она сунула руку в куст, из которого появилась, и достала самострел. Умело зарядила его и взвела. Эрна похолодела. — Устала я от людей. Хотела поохотиться, но Хрольфф не отходит от своих машин, а одной какая охота? ... На мышей разве. Тьфу!

Она подняла самострел и выстрелила в лошадь. Противно хрупнуло, когда стрела вошла в шею. Лошадь упала на землю и забилась в предсмертной агонии. Волчица знала, куда стрелять.

— А как же я? — по-детски всхлипнула Эрна. Оборотни. Ютанцы позвали оборотней. — Приблизим *Освобождение*, сестра! Пожалуйста!

— Я не ем детей, — равнодушно сказала волчица. — И я тебе не сестра.

Она повернулась на месте и снова сменила облик. Самострел упал на землю, но волчице было на него плевать. Она бросилась пожирать ещё трепещущую добычу.

Эрна всхлипнула. Страх, который она всеми силами сдерживала, вдруг расцвёл, распустился, заполнил всю её душу. Волчица глухо зарычала. Девочка закричала, повернулась и бросилась бежать. Скорее. Скорее. Подальше отсюда. Куда угодно, только подальше. Страх бежал за ней по пятам, подгонял, подталкивал в спину. Над лесом раздался переливчатый волчий вой. Ещё и ещё раз... Потом снова, но как будто из другого места... Это подстегнуло девочку ещё больше. Эрна бежала, бежала и бежала, пока не выдохлась, пока не поняла, что больше не может... она упала на четвереньки... вокруг был лес... не такой густой, как тот, в котором она колдовала, немного посветлее и пореже... как она продралась через кусты — одному Освободителю известно. Эрна едва успела отдышаться, когда чей-то холодный голос произнёс:

— Стой где стоишь. Не двигайся!

Голос был мужской, незнакомый и говорили по-хларски. Эрна послушно замерла на месте, как была, на четвереньках, не осмеливаясь поднять голову. Поэтому первыми она увидела крепкие башмаки и ноги в свободных штанах.

— Встань, — велел тот же голос. Девочка послушно поднялась и столкнулась взглядом с женщиной, одетым в короткий чёрный плащ поверх чёрной же одежды. На плаще был вышит священный знак. У Эрны подкосились ноги. Перед ней стоял воин ордена брата-заступника.

Девочка кое-как сумела удержаться на ногах. За спиной хрустнула ветка, она оглянулась. Там стоял второй такой же человек, только волосы и глаза немного темнее. Он держал в руках взведённый самострел, больше того, который был у оборотнихи.

— Ты один? — спросил первый мужчина и тут же поправился. — Одна? Где остальные? Кто ты?

— Я одна, — отозвалась девочка, соображая, что ей делать. Святоши! Их прогнали из Тафелона, но в Хларии они по-прежнему действуют! Освободитель!... — Я дочь... дочь рыцаря лю Дидье.

Мужчины переглянулись. Второй едва заметно кивнул.

— Вы братья-заступники! — выкрикнула девочка истово. — Какое счастье! Я... тут оборотни! Я видела одного!

Мужчины снова переглянулись.

— Где? — спросил второй.

— Там, — показала девочка себе за спину. — Я не знаю! Я убежала!

— Убежала от оборотня? — хмыкнул первый. Он оглядел Эрну и задержал внимание на её ногах. Девочка поёжилась под его пристальным и ничего не выражающим взглядом. Из глаз у неё брызнули слёзы.

— Он сожрал мою лошадь, — прерывающимся голосом сказала она.

Снова переглядывание.

— В лагерь, — решил второй мужчина, ослабляя самострел. — Как тебя зовут... госпожа?

— Нинета, — отозвалась девочка.

— В лагере расскажешь отцу Бенлиусу про оборотня, — заключил второй мужчина. — Он решит, что с тобой делать.

— Где твои спутники? — спросил первый. — Почему ты одна? Почему в таком виде?

— Отец Бенлиус разберётся, — прервал его второй.

— Лошади понесли, — пояснила девочка, не зная, что ответить, кроме правды. Ей жестом предложили следовать за первым мужчиной, а второй пошёл за ней. — Из города что-то... как гром! Лошади понесли, моя остановилась в поле. А потом появился оборотень.

— Он что-то сказал? — спросил первый. Эрна немного успокоилась и перевела дух. Эти двое не носили доспехов, под плащам у них было что-то вроде кожаных курток. Были они ещё молоды, двигались легко. Наверняка разведчики. Что они искали в лесу? Кого? Оборотней? Эрну?

— Нет, — соврала Эрна. — Он застрелил лошадь и сделался волком. Он так рычал! Страшно! Я... я...

— Расскажешь отцу Бенлиусу, — оборвал её заикания второй разведчик.

Они не разговаривали между собой, шли с той скоростью, которую могла выдержать

уставшая девочка, не больше, но и не меньше, и, похоже, хорошо знали здешние тропы. Идти пришлось не так-то далеко, вскоре они вышли к хорошо укрепленному лагерю, над которым было поднято знамя. Чёрное знамя с белым священным знаком на нём.

Глава двенадцатая

Святоши

Виль не учил Эрну тому особенному состоянию, в которое умеют впадать прозревшие в преддверии пыток, и в котором человек не только не чувствует боли, но и вообще слабо осознаёт, что с ним происходит. Девочка только смутно знала, что он так умеет, и так умеет. Большеногая Врени, которая теперь ходит лекарем в отряде дядюшки Увара. Сейчас Эрне бы это умение пригодилось, но какой смысл жалеть.

Ты должна знать, что ты будешь говорить на исповеди, вспомнились девочке слова госпожи Татин.

Лги как можно меньше и как можно естественнее.

Ты должна сама поверить в свою ложь, вжиться в неё.

Но ты маленькая дуручка, девочка. Ты должна была удивиться моему вопросу, а не отвечать как есть. Да, дуручка, ты должна была удивиться.

— *Мааам, а если к тебе святоша придёт и скажет «Ты ведьма», ты что сделаешь?*

— *Я скажу ему: «Какая такая ведьма? Я не знаю никакой ведьмы».*

— *А он скажет... а он скажет «Я точно знаю!». А ты?!*

— *А я скажу, что я-то не такая умная. Я не знаю.*

А ещё мама рассказывала, что однажды, когда её допрашивал святоша... Она показывала это в зелье...

— *Молчишь? Хорошо. Ведьмы всегда молчат — поначалу, — с явственной угрозой сказал брат-заступник, сидя на земляном полу возле ведьмы в деревянном сарае. — А вот простые девки сразу кричат, что их обогали.*

Они прошли по мостику, перекинутому через ров, потом шли вдоль земляного вала, пока в нём не показался проход, и только тогда оказались внутри. Эрне приходилось видеть лагерь дядюшки Увара, там не было ни рвов, ни валов, только стояли крутом телеги, да там и сям расставлены разноцветные шатры (иные вовсе из шкур). Здесь же белоснежные палатки стояли строгими рядами, напоминая самые новые кварталы Арола. Вход, впрочем, как и у дядюшки Увара, хорошо охранялся. Второй провожатый чуть подпихнул девочку в спину и сказал часовому:

— *Говорит, видела оборотня. Лошадь сожрал.*

— *Отец Бенлиус у себя, — отозвался часовой. Первый провожатый кивнул и прошёл куда-то по палаточной улице.*

Эрна искоса поглядела на часового. Из-за общей одежды и сурового выражения лица он показался девочке ничем не отличающимся от тех святош, которые её сюда привели. Откуда-то из-за палаток раздался собачий лай, а потом — весёлый женский смех, вскоре, впрочем, оборвавшийся. Женщины, здесь, у святош?! Тьфу на них! Даже в своего Заступника не могут честно верить.

Вскоре вернулся первый провожатый, кивнул своему товарищу и тот пихнул Эрну снова. Девочка поняла, что ей предлагается идти с ними к этому, как его, отцу Бенлиусу.

Её провели мимо палаток куда-то вглубь лагеря. Девочка на всякий случай считала

шаги, палатки и встреченных людей. Людей было пятеро, все одинаково одеты и все с деловитыми лицами куда-то спешили. Двое, например, тащили воду, откуда-то из-за угла доносился запах дыма и свежей каши. У Эрны подвело живот. Когда она последний раз ела?

Накормят ли её святоши перед тем как сжечь на костре?

* * *

Палатка отца Бенлиуса, в которую её втолкнули, напоминала монастырскую келью. Дощатый топчан, столик со свечой, чурбак вместо стула. На сундучке в углу лежала священная книга, под ней — ещё одна, потоньше, а рядом пергамент, перевернутый чистой стороной кверху.

Сам святоша сидел между сундуком и столом, одетый в чёрное с белым одеяние. Был он, как и все святоши, наголо брит, к тому же лыс и суров. Телосложения он был самого обычного, насколько девочка могла судить, учитывая его свободное одеяние.

— Вот она, отец, — сказал первый провожатый.

— Подойди ближе, дитя, — сказал отец Бенлиус, протягивая девочке руку для поцелуя.

Эрна покорно подошла и коснулась губами перстня со священным знаком. Святоша благословил её и указал на свободный чурбак. Девочка неловко поблагодарила и села. *Сейчас её будут допрашивать.*

— Как твоё имя? — спросил отец Бенлиус, как и все встреченные мужчины, задерживая взгляд на ногах девочки.

— Я — Нинета, дочь рыцаря лю Дидье, отец, — отозвалась девочка.

— Кто твоя мать?

— Я никогда её не видела, отец, — отвечала Эрна.

— Брат Годарт, — кивнул святоша на первого провожатого, — сказал, что ты видела в лесу оборотня. Это правда?

— Да, отец, — послушно подтвердила Эрна.

Зачем спрашивать, правду ли она говорит?! Какая дурёха ответит «нет»?!

— Очень хорошо, — кивнул отец Бенлиус. — Годарт, Лоуп, возьмите Бруно^[48] и Дóно и проверьте.

Провожатые ушли оба. Эрна сидела, чинно сложив руки и опустив взгляд, и лихорадочно размышляла. Ей вот так вот запросто поверили? Или им важнее поймать оборотня? Не убьют ли её другие прозревшие за то, что она выдала сестру?... нет. Та женщина сказала, что она ей не сестра. Её можно выдать. А Хрольф... знакомое имя... но неужто два оборотня не отобьются от четырёх свято... ой.

В полотняную дверь протиснулась длинная мохнатая морда, а за ней вторая. Потом собаки вошли в палатку целиком и там сразу же стало тесно. Это были здоровые зверюги ростом с телёнка. Они подбежали к отцу Бенлиусу, как будто прося его благословения, и святоша потрепал обоих по загривкам, а потом что-то сказал на церковном языке. Эрна сидела, стараясь не двигаться, когда собаки её обнюхали, но потом один из них, похоже по цвету, Бруно, сунулся мордой девочке под руку. Эрна не выдержала и погладила длинный жёсткий мех, потрепала пса за ушами. Тот радостно гавкнул и смачно облизал девочке лицо. Эрна рассмеялась. Второй пёс, Доно, потребовал свою долю ласки.

— Довольно, — сказал на церковном языке отец Бенлиус.

Собаки дисциплинировано остановились. Святоша смерил девочку изучающим взглядом и снова задержался на её ногах. Ещё пара слов — и собаки вышли из палатки, оставив после себя острый запах псины.

— Матушка Онория позаботится о тебе, — сказал отец Бенлиус. Повинуясь его кивку, девочка вышла из палатки и сразу же увидела одетую в белое облачение монахини кругленькую женщину средних лет, постарше Магды, но помоложе госпожи Татин.

— Ты дочка рыцаря лю Дидье? — с ехидной усмешкой спросила монахиня, как будто у неё были причины в этом сомневаться.

— Да, меня зовут...

— Нинета, — подхватила монахиня. — Ну, а я — матушка Онория, аббатиса обители сестёр-созерцательниц.

Эрна удивлённо захлопала глазами, потом сообразила и поцеловала аббатисе руку.

— Никогда не слышала? — с той же ехидцей спросила матушка Онория.

— Я... нет... я выросла в Тафелоне... моя кормилица... я... в Тафелоне...

— Нет сестёр-созерцательниц, — подхватила матушка Онория. Это звучало так, как будто святоша обвиняла Эрну в какой-то страшной ереси. Например, в том, что девочка выросла в Тафелоне. — Ты хорошо говоришь по-хларски.

— Да... отец послал за мной человека, который учил меня, — пояснила Эрна.

Матушка Онория перешла на тафелонский.

— Ты не помнишь матери? Видела ли ты своего отца?

— Конечно видела! — вспыхнула девочка. — Он послал за мной слугу и тот привёз меня в его замок!

— А до этого? Раньше — видела? А он тебя?

Эрна покачала головой. Этот вопрос они обсуждали с госпожой Татин и Вилем.

— Он приезжал в нашу деревню под Перком^[49], — пояснила девочка. — Но я видела только высокого всадника, который смотрел на меня и ничего не говорил.

— Ты ведь помнишь свою кормилицу, моя милая?

— Мамушку Лоре, — кивнула Эрна, вспоминая родную мать и чувствуя, как у неё расслабляется напряжённое лицо.

— А священника в вашей деревне?

— У нас в деревне нет священника, — возразила Эрна, которой Виль рассказал всё, что мог, про ту чахлую деревеньку, в которой она якобы выросла. — Мы ходим молиться через лес в город, в церковь у Бычьих ворот. Я всегда исповедовалась отцу Луцу.

— Мужское-то платье небось часто носишь? — не отставала матушка Онория. Глаза девочки наполнились неподдельными слезами.

— Неправда! — закричала она. — Это господин Гильбэ, он заставил меня!

— Ах, заставил! — засмеялась матушка Онория. Эрна почувствовала, как что-то в ней лопается, как слишком туго натянутая струна на виуэле тётушки Веймы.

— Заставил! — настойчиво повторила она. — Он хотел, чтобы я обрезала волосы! Я никогда бы в жизни не согласилась! Но он сказал, что мне нужно...

— Бежать в Сейр, — подхватила святоша. Эрна удивлённо замолчала.

— Откуда вы знаете? — прошептала она.

— А куда ещё? — удивилась матушка Онория. — Там же двор наследника.

Она деловито оглядела девочку с ног до головы и положила руку ей на плечо.

— Пойдём со мной, милочка. Мы оденем твоё тело в одежды послушницы и твоей душе

сразу станет лучше, когда ты воззовёшь к Заступнику и помолишься.

Эрна кивнула.

— До вечерней молитвы ещё далеко, — продолжала святоша, — ты успеешь поесть, пожалуй... хочешь о чём-то спросить?

— Да, — прошептала девочка. — Что случилось в Ароле?

— А что там может случиться? — удивилась матушка Онория. — Вражьем чародейством ютанцы разрушили стену и ворвались в город. Слышала как грохотало? Гильбэ... казначей небось? спас тебе жизнь, милочка. До сих пор идёт резня и грабёж.

— А вы... — не выдержала Эрна. Они ведь тоже были хларцы! Да только посмотреть на их лица да послушать как они говорят! — Разве вы...

— А мы поклялись служить Заступнику, — строго ответила матушка Онория, ненадолго прекратив улыбаться. — Будь уверена, ни оборотни, ни колдуны не будут бесчинствовать на нашей земле.

Сказав это, она так строго взглянула на девочку, что ей стало не по себе.

* * *

Аббатиса проводила девочку в большую, отдельно стоящую палатку, которая казалась даже белее, чем остальные. Войдя туда, девочка обнаружила двух женщин, одну ровесницу своей матери, вторую помоложе, и двух чёрных собак, ростом не уступающих давешним, только шерсть у них была покороче и морды свирепее.

— Это риканские мастифы, — пояснила матушка Онория, проследив взгляд девочки. Псы вскочили на ноги и глухо рычали. — Иниго и Вито. Мне подарил их пинский рыцарь, которого я вылечила. Иниго, Вито, сидеть!

Псы сели, по-прежнему глухо рыча. В палатке были такие же столик и сундучок, как у отца Бенлиуса, но вместо чурбаков стояли лёгкие складные стульчики. Часть пространства была отгорожена занавеской.

— Это она, матушка Онория? — спросила монахиня постарше. Аббатиса кивнула. — Добро пожаловать, дитя. Я — сестра Арнод, а это — сестра Дезире. Она только недавно приняла постриг.

Сестра Дезире встала, прошла за занавеску и поманила Эрну за собой. Девочка оглянулась на матушку Онорию, та кивнула, и Эрна, замирая, прошла мимо рычащих мастифов.

За занавеской обнаружился топчан, на котором лежали три тюфяка, укрытых тонкими шерстяными одеялами. Поверх одного из них лежало белоснежное платье.

— Сними эти тряпки, — предложила сестра Дезире и прыснула со смеху. Из-за занавески тут же раздался смешок и предупреждающий кашель. — Мы бросим их в огонь, а ты наденешь одежды нашего ордена.

Эрна поторопилась воспользоваться предложением. Каждый — каждый! — встреченный мужчина пялился на её ноги. Это было невыносимо.

Как оказалось, монахини предлагали ей сорочку из грубой ткани, но тщательно отбеленную, белое же просторное платье с длинными рукавами, которые не были ни широкими, ни узкими, и поверх всего этого — прямое одеяние, до того жёсткое, что, казалось, поставленное на землю, оно продолжало бы стоять. Рукавов у этого одеяния не

было, зато были разрезы примерно на уровне пояса, которые позволяли отвязать от пояса на нижнем платье кошелёк, если в нём была нужда. Когда девочка принялась навешивать на пояс свои мешочки, сестра Дезире остановила её и позвала матушку Онорию. Прежде, чем девочка успела что-то предпринять, монахини развязали все завязки и высыпали все пожитки девочки на одеяла.

— Ты настолько тщеславна, дитя моё? — не то спросила, не то укорила Эрну аббатиса, обнаружив зеркало. — А зачем тебе эти орехи?

Речь шла об орешках, которые красили волосы в чёрный цвет.

— Если их растолочь с мёдом, они помогают от кашля, — пояснила девочка, чувствуя, как колотится сердце.

— Вот как? — подняла брови матушка Онория. — А эти ягоды?

— Они помогают прочихаться, — ответила Эрна.

— Кто научил тебя этому, милочка? — нахмурилась аббатиса.

— Бабушка Мёта, — ответила Эрна. — Она... ну... была сестрой матери мамушки Лоре и лечила людей в нашей деревне.

— А кто учил тебя ездить в мужском седле?

— Сержант Эгон. Он... ну... приезжал в нашу деревню... к мамушке Лоре.

— Зачем он приезжал? — не отставала аббатиса. Эрна покраснела. Врать было не так-то просто.

— Он ночевал у неё! — пояснила девочка с видимой неохотой. — А меня в сарай выгоняли. А днём он добрый был. Говорил, когда нагбарцы приходили, его семья... нехорошо с ними сделалось. Учил поэтому.

— И нож тебе сержант Экон подарил? — хмыкнула аббатиса.

— Нет, — ответила девочка на всякий случай. — Это от кузнеца. Мамушка Лоре разрешила перевязать ему руку.

— Умеешь им драться? — немедленно бросила следующий вопрос матушка Онория. Эрна вытаращила на неё глаза.

— Драться?! — переспросила она. — А зачем?

— А зачем ты верхом ездила?

Эрна замотала головой.

— Я думала, — тихо сказала она, — если надо будет... себя до сердца легко достать.

— Это грех, милочка, — деловито возразила аббатиса. — Ты должна молиться Заступнику.

— Да, матушка, — на всякий случай согласилась девочка.

— Ты когда-нибудь танцевала без одежды? — последовал новый вопрос.

— Что?!

— Молилась ли ты луне, солнцу, лесу, ручью, реке?

— Зачем?!

— Говорили ли с тобой об *Освободителе*?

— А кто это?

— Собирала ли ты тайные травы в полной темноте?

— Так не видно же ничего.

— Приносила ли жертвы на алтаре?

— Жертвы?! Матушка!

— Варила ли нечистые варева?

— Нет!

— Шептала ли заклинания? Обращалась ли к языческим богам? Призывала ли Врага помочь тебе? Делила ли свою кровь с вампирами по собственной воле? Лежала ли ты с мужчиной? Брала ли деньги из церковной кассы? Убивала ли людей? Случалось ли тебе...

— Нет! Нет! Нет! — закричала Эрна пронзительно. — Я всегда верила в Заступника Матушка, за что?! Я никогда не стала бы...

Ничуть не впечатлённая этим порывом, матушка Онория похлопала девочку по руке.

— Ты или слишком умна или слишком глупа, дочь моя, — заключила она. — Умеешь ли ты вязать?

— Но это же мужское умение, — оторопело возразила девочка. Аббатиса пренебрежительно фыркнула.

— Слушай их больше, — заявила она. — Если бы Создатель не хотел бы, чтобы мы вязали, он не дал бы нам гибкие пальцы и ясные глаза. Сестра Арнод, покорми девочку. Сестра Дезире, принеси ей умыться. Когда твой голод будет утолён, дитя моё, ты займёшься делом. Враг ищет незанятые руки — слыхала?

— Да, матушка, — украдкой вытерла слёзы девочка.

— И не размазывай грязь по лицу. Молись Заступнику, который вырвал тебя из рук ютанцев.

— Да, матушка.

* * *

Во время вечерней молитвы монахини пристально следили за девочкой, и та мысленно поблагодарила госпожу Татин, которая заставляла её проявлять все внешние признаки благочестия. Мужчины, напротив, вовсе перестали видеть Эрну, как будто наряд послушницы сделал девочку невидимой. Вне палатки монахини надевали на головы невысокие круглые шапочки и покрывали это жёсткими платками. Эрне, как «послушнице», дали только платок и тот стоял вокруг головы, скрывая лицо девочки от посторонних глаз.

Других женщин, кроме них четверых, в церкви-шатре не было. Большинство мужчин было воинствующими братьями своего ордена и кроме отца Бенлиуса с ними было только трое монахов в длинных рясах. Эти были, небось, самыми опасными: все знают, что именно монахи и священники ведут свои страшные расследования, тогда как воины ордена защищают их своими мечами. По дороге сюда Эрна заметила нескольких лохматых псин, которые бродили без привязи и ластились ко всем встреченным ими людям.

Когда началась служба, девочка ещё ломала голову, что всё это значит и зачем святоши приехали сюда именно в таком составе. А потом вышел вперёд отец Бенлиус и Эрна постаралась сделать вид, что молится всем сердцем.

Отец Керт, священник в Латгавальде, родной деревне Эрны, был уже стар, а его сына свела с ума тётушка Вейма, которая пыталась вампирскими чарами добиться от бедолаги безупречных проповедей. Что поделать, тётушка Вейма была доктором богословия и права и, как все вампиры, помешана на достижении идеала. Словом, Эрне приходилось видеть службы, проводившиеся от души, были они больше похожи на семейные разговоры с прихожанами, пусть и свершающиеся именем самого Заступника. В церкви святой Окины в Ароле священник слишком заботился о внешней красоте и, чего греха таить, заглядывался на

прихожанок. Отец Бенлиус был не такой. Он взывал к Заступнику так истово, как будто был уверен, что тот немедля сойдёт с небес в их лагерь. Хуже того, отец Бенлиус этого нисколечко не боялся.

Под конец службы Эрне начало казаться, что сейчас в самом деле разверзнутся небеса и Заступник явится лично отбирать бойцов в своё воинство. Ощущение это было не из приятных. Девочка постаралась сосредоточиться на том, что она Нинета, дочь рыцаря лю Дидье и никогда в жизни не знала своей матери. На том, что её вот прямо сегодня спасли от резни в Ароле и чуть не сожрали оборотни. На том, что вражье колдовство обрушило стены города. И на том, что братья-заступники вместе со своими сёстрами-созерцательницами её непременно спасут. То есть нет, не так. Спасёт её, конечно, сам Заступник, а его земные слуги только помогут. Где-то был сейчас дядюшка Виль?... почему он не приходит за ней?! Почему он бросил её одну, на съедение оборотням и святошам?!

Когда служба закончилась, матушка Онория перемолвилась несколькими словами с кем-то из одинаковых на посторонний взгляд воинов, потом бросила сочувственный взгляд на девочку.

— Ты знала людей, которые увозили тебя из Арола? — спросила аббатиса.

— Нет, матушка. Только господина Гильбэ — немного.

— Сколько их было с тобой?

— Шестеро, матушка.

— Ты хорошо их разглядела?

— Нет, матушка, я не успела... меня посадили в седло и велели...

— Они мертвы.

— Что?!

— Мертвы, — раздражённо пояснила аббатиса. — Господин Гильбэ сломал шею. Остальные убиты... его стрелами.

— Но он не мог! — ахнула девочка. — Зачем ему?! Кто-то другой мог взять его стрелы!

— Ты не такая дурочка, какой притворяешься, — вернулась к аббатисе её насмешливая подозрительность. — Что говорил тебе господин Гильбэ?

Эрна пыталась сообразить, не должна ли она что-то скрыть, соврать, описать не так, как на самом деле... чтобы что?!

— Он говорил, что я должна бежать... добраться в Сейр. Обязательно добраться в Сейр. Что я не должна оглядываться. Только спешить в Сейр. Любой ценой. И не попасть в плен. Мы скакали, а потом такой грохот! Лошади понесли и...

— Какой масти была твоя лошадь? — перебила девочку аббатиса и подтолкнула вперёд по улице палаточного города.

— Серая. А грива и хвост у неё были белыми.

Матушка Онория кивнула.

— Я говорю правду! — вспыхнула Эрна.

— Да, братья нашли лошадь, заеденную волками. Было похоже, будто её грызли два волка, а?

— Я когда бежала... я слышала вой... откуда-то издалека, — вспомнила девочка.

— И никому не сказала, — поддакнула аббатиса.

— Меня не хотели слушать!

— Кого ты по именам знаешь в Ароле?

Девочка послушно напрягла память и вспомнила всех своих служанок, священника,

госпожу Татин и дядюшку Ги, о котором сказала, что это слуга её отца.

— Что ты про них знаешь?

— Ничего, — удивилась Эрна. — Госпожа Татин уволила служанок, потом пошла в церковь, а потом пришёл...

— Господин Гильбэ, — перебила её матушка Онория. — Что ты скрываешь?

— Я ничего не скрываю! Я не знаю, где они сейчас...

Эрна осеклась.

— О господине Гильбэ вы сказали.

— Он в руках Заступника, — отозвалась аббатиса заученным тоном. — Как звали священника в вашей деревне?

— В нашей деревне не было священника, мы ходили...

— К отцу Лупу, — перебила её аббатиса насмешливо.

— Луцу, — поправила девочка.

— В церковь у коровьих ворот, — закончила за неё матушка Онория.

— У Бычьих.

— Кто лучше лечил, ты ли твоя мамушка Лоре?

— Бабушка Мета, — ответила девочка.

— Ах да, она была сестрой отца...

— Матери...

— Твоей наставницы.

— Кормилицы, матушка Онория.

— Так кто лучше лечил?

— Конечно, бабушка Мета.

— А почему?

— Я же ещё маленькая!

— Какие она произносила заклинания?

— Бабушка Мета не произносила заклинаний! — возмутилась маленькая ведьма так, как будто выдуманная ею знахарка существовала на самом деле.

— Ну, будет, будет. Нет такой женщины, которая не произносила бы заклинаний, — засмеялась аббатиса.

— Бабушка Мета молилась Заступнику, — твёрдо ответила Эрна. — И святым. У неё был освящённый образок и...

— Заветный камушек в левом башмаке, — подхватила матушка Онория.

— Неправда!

Аббатиса пожала плечами.

— Часто у неё умирали больные?

— Нет!

— Чтобы знахарка лечила без заветного камушка и у неё не умирали больные, — пожала плечами монахиня. — Ну, а нитки она связывала, а? Особым узлом?

— Никогда!

— Волосы?

— Нет!

— Она никогда не настаивала воду в лунном свете?

— Зачем?!

— Не бросала в воду серебро?

— Нет!

— Ты никогда не оставалась у неё на ночь, — заключила аббатиса. — Небось, тебя и на порог не пускали.

— Н... — начала было девочка, но осеклась. Понурила голову на всякий случай. — Ну, не пускали. Бабушка Мета говорила, что нечего мне там делать.

— Тафелонцы, — презрительно бросила матушка Онория. — Ну-ка, а рану ты перевязать можешь?

— Конечно!

— А зашептать?

— Что?!

— А если человека ранило в живот, как ему можно помочь?

Добить, мрачно подумала девочка. Смотря как прошёл клинок, но глубокую рану в живот нельзя залечить и маминым колдовством.

— Помолиться? — предположила она осторожно.

— За упокой, — подхватила аббатиса.

Эрна и не хотела, но всё же дёрнула уголком рта. Они уже дошли до палатки монахинь. Матушка Онория хмыкнула.

— Сестра Дезире научит тебя вязать, — сказала она непререкаемым тоном. — Завтра после молитвы ты возьмёшь щётку и будешь вычёсывать псов вместе с сёстрами. После завтрака закончишь утренние дела и... а что говорили про оборотней в Ароле?

Эрна добросовестно пересказала болтовню служанок. Аббатиса расхохоталась.

— Невежество порождает страх, а страх порождает невежество, — назидательно сказала она, утирая слёзы. — Тебе случалось танцевать вокруг деревьев? А гадать на суженного?

— Нет!

Глава тринадцатая

Пленная оборотниха

Монахини положили свои тюфяки поперёк топчанов и поделили три одеяла на четверых. Эрна, как и в детстве, спала очень крепко, и даже не проснулась, когда кто-то тихо позвал матушку Онорию посреди ночи. Монахини добудились девочку только перед рассветом, когда небо уже начало светлеть.

— Одевайся, — потребовала аббатиса, когда Эрна открыла глаза. — Пойдёшь со мной.

— На молитву? — уточнила девочка.

— Одевайся, — без объяснений повторила матушка Онория.

Кто принёс воду и наполнил серебряный таз для умывания, Эрна так и не узнала, но мысленно этого человека поблагодарила. Умывшись и окончательно проснувшись, она оделась в облачение послушницы и под строгим взглядом сестры Арнод повязала жёсткий колючий платок. Матушка Онория ждала девочку снаружи.

— Следуй за мной, — приказала она.

Аббатиса вывела Эрну на край лагеря, где стояло пятеро взбудораженных чем-то братьев-заступников. Один был в криво заправленной в штаны нательной сорочке, остальные одеты как полагается в их ордене. Монахине не нужно было тратить слов, чтобы заставить их расступиться... Эрна с трудом сдержала испуганный вопль.

Перед людьми на земле лежала вчерашняя волчица со связанными лапами. В пасть ей была вставлена палка, а челюсти обмотаны верёвкой.

— Узнаёшь? — спросила матушка Онория.

— Кого?!

Аббатиса кивнула и один из воинов, ухватив за палку, заставил волчицу посмотреть на женщину.

— Ты оборотень, — в своей обычной манере заявила монахиня волчице. Та ничего не ответила и в светлых глазах не мелькнуло никакой мысли. — Нинета, дочь моя, ты узнаёшь оборотня, который напал на твою лошадь?

Эрна замотала головой. На счастье волчицы, у неё не было никаких особенных примет, ни пятен, ни шрамов, ничего, что девочка бы запомнила. Конечно, это *могла* быть та самая волчица. Вроде та была такая же мелкая и злая. А могла бы и не быть. Одно девочка знала точно: если она выдаст *слепым* оборотня, на первой же *встрече* с ней сделают что-то очень нехорошее.

— Это просто волк, — простодушно произнесла Эрна. — Откуда вы знаете, что это оборотень?

— Эта женщина, — уверенным голосом заявила монахиня, — во время осады Арола убивала собак и овец в окрестных деревнях. Тому есть свидетельства. Узнаёшь ли ты её?

— Ни в жизнь одного волка от другого не отличу! — выпалила Эрна по-тафелонски.

— Это волчица, — поправила матушка Онория. — А кто тебе встретился?

— Ой! — спохватилась девочка. — Тогда нет. Тот был мужчиной. Здоровый такой.

Матушка Онория покосилась на девочку, но промолчала.

— Если ты будешь благоразумна, с тебя снимут путы и дадут напиток, — сказала она волчице. Та ничего не ответила, но зарычала, когда женщина подошла к ней ближе.

— Это просто волчица, — сказала Эрна. — Ой, нет, матушка, не развязывайте! Она ж

дикая! Того и гляди цапнет!

— Это женщина, — назидательно проговорила аббатиса и заговорила с животным на тафелонском. Когда и это не возымело никакого воздействия, она перешла на тернский, который Эрна немного слышала раньше, потом на нагбарский, а потом, кажется, на риканский. Звучал он похоже на тернский, но иначе. Наконец, аббатиса заговорила с волчицей на церковном языке. Всё было тщетно. Животное упрямо оставалось животным.

— Да с чего вы взяли? — не выдержала Эрна, всё больше убеждаясь, что перед ними обычный лесной зверь.

— А ты не чувствуешь? — с интересом спросила аббатиса.

— Мы её ранили в лапу, — одновременно с женщиной пояснил один из воинов на удивление молодым голосом.

— Ну и что? — не поняла девочка, оглядывая волчицу внимательнее. Из-под густого меха не было видно никакой раны. Может, промазали.

Брат-заступник наклонился и ткнул куда-то в пушистую шерсть. Волчица дёрнулась, но вроде бы и не от боли. Хотя кто её знает? Эрна как-то до сих пор волков не ловила.

— Зажила, — произнёс он. — А мы её ночью поймали.

— Как?! — невольно вырвалось у девочки.

— Собаками, — охотно объяснил молодой святоша и расправил плечи. — От наших собак ни один оборотень не укроется!

— Брат Пасьен! — строго произнёс другой святоша, постарше. Пасьен потупился и отвернулся.

— Дай нам снять с тебя путы и прими человеческий облик, тогда ты получишь воду и еду, — снова предложила аббатиса. Волчица по-прежнему смотрела на неё звериными глазами, в которых не отражалось ни капли разума. Матушка Онория вздохнула.

— Может, ей шкуру подпалить? — предложил святоша в сорочке и широко зевнул.

— Нет предела милосердию Заступника, — назидательно произнесла аббатиса. — Это заблудшее дитя не отняло ни одной жизни, поэтому наш долг — предложить ей покаяние и искупление.

Искупление чего? Того, что родилась с двумя шкурами?

— Она пробудет весь день связанная и обернётся, когда захочет пить, — сказала аббатиса. — Поставьте возле неё миску с водой и держите рядом двух псов.

Эрна поёжилась. Бедная оборотниха. Ну и милосердие у слуг *Надзирателя!* Аббатиса покосилась на девочку.

— А она точно не вырвется? — жалобно спросила Эрна. Братья-заступники расхохотались.

— Тебе её жалко? — спросила матушка Онория, уводя девочку прочь.

— Вовсе нет! — запротестовала Эрна. — Оборотни — они же чудовища!

— Не говори так, — покачала головой монахиня. — Тела их осквернены дыханием Врага, но души ещё могут быть спасены.

Ага, конечно спасены, мрачно подумала Эрна. Как всегда спасают святоши — костром и пытками.

— Вы такая смелая! — сказала она вслух. — Я бы ни за что к ней не подошла! Вы, наверное, всё-всё про оборотней знаете!

Всегда улыбочливое лицо аббатисы вдруг посерьёзнело.

— Лесть, дитя моё, это оружие лжецов, — сказала она.

— Я не вру! Я вправду...

— Отец Бенлиус знает об оборотнях гораздо больше меня, — отмахнулась матушка Онория, дойдя до конца палаточной улицы и поворачивая. — Но в ордене сестёр-созерцательниц учатся их узнавать.

— По тому, как у них лапы заживают? — уточнила Эрна.

— Когда я пришла, рана была свежей, — пояснила аббатиса. — Если бы я сказала, что это настоящий волк, с животного бы содрали шкуру, не дожидаясь утра.

Эрну передёрнуло. *Небось, ещё и живьём. Живодёры!*

Девочка вдруг вспомнила, ей кто-то рассказывал... дядя Увар, наверное. Хрольф — это знаменитый на весь Тафелон мастер, который куёт мечи и делает самострелы и осадные машины. А вот его женщина — волчица, превратившаяся в человека. Потому, небось, и не понимает, когда к ней обращаются с увещаниями. А, может, ушла в себя, как дядюшка Виль, когда его поймали святоши.

Хрольф. Делает осадные машины. И его женщина говорила что-то про грохот. И подкоп. Подкоп, который делал дядюшка Виль. Оборотни, которых наняли ютанцы.

Дядюшка Виль, который уехал, прознав про письмо братьям-заступникам.

Он нарочно это сделал!

Женщина же говорила, что не хочет охотиться в одиночку, а Хрольф занят! Значит, не было других оборотней! Они, наверное, были фальшивые, какие-нибудь бродяги, которых нанял дядюшка Виль, чтобы сбить всех с толку! А на самом деле их было только два: мастер Хрольф и его жена. Она, наверное, бродила по округе от скуки и стреляла в собак и овец. Она же волчица, а волки ненавидят собак. И едят их тоже.

А мастер Хрольф — это он сделал так, чтобы обрушилась стена в Ароле! И никаким не волшебством, он же оборотень, а не волшебник. Придумал, наверное, машину какую-нибудь. Дядюшка Увар говорил, что у Хрольфа самая светлая голова из всех кузнецов и плевать, в какую шкуру он заворачивается. Ещё, правда, много ругался что-то про цену и сроки.

Ой. И так-то притащить в лагерь оборотнику было очень плохой идеей. Они же стайей живут и своих не бросают. Дядюшка Увар, правда, умел с ними справляться, но это смотря с какими. Против тех, которые правят на востоке, ему не выстоять. А это — Хрольф. И его жена. И он умеет проламывать стены. Ой.

— Думаешь, как бы тебе спасти её? — насмешливо предположила аббатиса, ведя девочку вдоль ровного строя палаток. Из некоторых выглядывали, а из других выходили проснувшиеся братья-заступники и каждого она осеяла священным знаком. Где-то в стороне кололи дрова.

— Нет, — честно ответила девочка. — Я думаю: а вдруг ютанцы будут её отбивать? Они же у города стену сломали!

— А ты не так глупа, как притворяешься, — сказала матушка Онория. — После того, как шерсть псов будет вычесана, ты будешь читать несчастной священную книгу.

— Я-а?! — задохнулась девочка. — Но я не знаю церковный язык!

— Ездить верхом тебя учили, — издевательски хмыкнула аббатиса, — драться ножом тебя учили...

— Неправда!

— ...а читать на церковном языке не научили?

— Отец Луц говорил, простые люди не должны читать священную книгу! Они не поймут её без пояснений священника!

Матушка Онория положила девочке руку на плечо.

— Ты можешь принять на себя священные обеты, — неожиданно сказала монахиня.

— Уйти в монастырь?!

— Посвятить свою жизнь Заступнику, — поправила матушка Онория. — В миру такую, как ты, ждёт одна только мука.

— Н-но почему? — не на шутку перепугалась Эрна. — Матушка!

— Потому что на всё, что не отдано Заступнику, накладывает чёрную лапу Враг, — непонятно объяснила аббатиса.

* * *

Вычёсывать волкодавов было весело, но трудно. Они были уверены, что с ними играют, лезли лизаться и совершенно не слушались. Стоило Эрне взяться за одного, другие понимали, что тоже хотят внимания, и отпихивали товарища. Пару раз им удавалось опрокинуть саму Эрну и они, конечно, решали, что так играть даже интереснее. Сложно было себе представить, что эти добродушные псины разыскали и затравили настоящего оборотня. Волчица, наверное, совсем позабыла об осторожности, если позволила себя поймать каким-то собакам.

Когда вроде бы все собаки были вычесаны, а белоснежные одежды девочки посерели, пришла сестра Дезире. Вид у монахини был торжественный и строгий.

— Через два дня мы пойдём на речку, — сказала она, оглядев Эрну с головы до ног. Девочка покраснела и поправила сбившийся платок. — Там ты сможешь отстирать свою одежду вместе с нами.

— Спасибо, сестра, — кивнула Эрна и невольно покосилась на книгу, зажатую у монахини под мышкой.

— Я иду увещевать оборотня, — сказала сестра Дезире. Один из волкодавов подлез ей под руку и она ласково потрепала его по густой шерсти. — Матушка Онория сказала, что ты должна пойти со мной.

— Но я не знаю церковного языка!

— Я буду переводить, — посулила монахиня. Эрне пришлось покориться.

* * *

Волчица никак не хотела увещеваться. Она явно ослабела от жажды, измучилась в путях, но осталась таким же животным, каким была до рассвета. Сестра Дезире уселась на принесённый кем-то изящный стульчик, раскрыла священную книгу и начала читать на церковном языке — медленно и нараспев, как будто надеялась, что так волчица лучше поймёт. Эрна держалась у неё за плечом и старалась не вглядываться в строчки и не вслушиваться в слова: на самом деле церковный язык она отлично знала. Вейма была хорошей наставницей, а дядюшка Лонгин в последнее время требовал, чтобы все его ученики писали заклинания только на церковном языке. Так, мол, будет понятно всем, а не только тафелонцам.

Кроме них, там стоял брат-заступник и сидело три волкодава, явно гордых своей ролью

охранников и потому ведущих себя исключительно чинно.

— Я читаю, — сказала монахиня, обращаясь к Эрне, — о том, как Создатель сотворил этот мир — и небесных птиц, и траву, и мирных, и хищных тварей. Своей волей Создатель дал души людям, которым завещал хранить эту землю.

— Да, сестра, — склонила голову Эрна.

— Создатель не творил оборотней, — продолжала сестра Дезире, — и потому они суть творения Врага. Но души Враг сотворить не мог и не бывает сознания без души, потому внутри этой безобразной плоти рыдает душа, осквернённая звериной природой и взывающая к милосердию Заступника. Ты понимаешь это?

Эрна поёжилась. Ей когда-то рассказывали, что высшее посвящение для одарённых — будь то волшебники, ведьмы или вампиры (насчёт оборотней никто не был точно уверен) лишает тело души, превращая в нерассуждающее орудие, по-прежнему одарённое Освободителем. И находились такие, которые говорили, что душа не уходит из тела, а вот прямо рыдает, запертая внутри и отрезанная от собственных действий.

То, что сейчас говорила монахиня, звучало похоже.

— Я понимаю, сестра, — тихо сказала девочка.

Сестра Дезире перелистнула страницы, открыла книгу в другом месте и продолжила читать.

Эрна думала, что, если волчица каким-то образом спасётся, ей, Эрне, не жить. Вряд ли она забудет, как девочка примкнула к её врагам и мучителям. Что же?... убить её? Никто из *прозревших* не осудит. Это считалось среди них за милосердие. Добрее было бы только спасти шкуру этой волчицы, но... именно этого делать не следовало. *Прозревшие* не помогали друг другу. Никогда. То есть... дядюшка Виль помогал маме и не раз, и Эрне он помогал, и ещё Вир и Лонгин, и Вейма... Делали они это обычно тайно и *навстречах* не хвастались. Но уж того, что Эрна будет спасать эту мохнатую разбойницу, которая пристрелила её лошадь, точно никто не ждёт. Но можно ли оставлять её в руках святош? Убить — надёжнее всего. Убитая, она никому ничего не расскажет. Ни муженьку с его машинами, ни святошам. Но...

Эрне приходилось резать козлят на алтаре у мамы. Та так и не научилась проливать живую кровь. Волка, небось, сложнее прикончить, даже обычного, а это ещё и оборотень. Что-то подсказывало девочке: Хрольф точно не оценит благодеяния.

— Я прочитала о бесконечной милости Заступника ко всем нам, даже обманутым Врагом и погрязшим в грехах, — прервала монахиня мысли Эрны.

— Да, сестра, — кивнула девочка.

— Точно так же, как женщина не должна носить мужское платье, — со значением произнесла монахиня, — человек не должен носить звериную шкуру.

— Да, сестра, — повторила девочка, покраснев. Похоже, оборотниче лучше не принимать здесь человеческий облик: как Эрна помнила, та носила как раз мужскую одежду. Будет ли она тогда дважды грешна в глазах здешних святош? Или грех оборотничества перекрывает другие грехи?

В это время один из волкодавов, с желтоватой шкурой, протяжно зевнул, показывая клыки. Волчица зарычала, а монахиня, не удержавшись, прыснула со смеху.

— Да, я не святой Патси, — признала сестра Дезире, всё ещё хихикая, — раз наш добрый Флаво зевает от моих проповедей.

Святой Патси, наверное, был тем же, кого в Тафелоне звали святым Батсо, основателем

нищенствующего ордена. Он вроде бы проповедовал не то перед волками, не то перед оборотнями.

Стоящий на страже брат-заступник, не выдержал и рассмеялся тоже, но вскоре принял прежнее суровое выражение лица.

* * *

Вскоре к ним присоединилась матушка Онория, которая, не смущаясь ни волчицы, ни часового, принялась учить Эрну вязать носки, между делом толкуя священную книгу в том смысле, что всякая душа может раскаяться и быть принята Заступником, сколько бы собак она ни загрызла перед этим. Вязание оказалось делом нелёгким, Эрна по первости пугалась в нитках, их петлях и в спицах. Прежде девочка только видела, как это делают другие, и особо не вглядывалась. Потом аббатиса ушла, а часовой, которого звали брат Херв, принялся подсказывать Эрне, что она делает не так и почему. Чувствовалось, что, если бы не сестра Дезире, он бы забыл о волчице (всё равно она связана!) и подсел бы к девочке, чтобы поправить её работу. Эрна молча злилась, с видимой покорностью принимая советы насчёт «напуска», «глади» и «рельефа». К тому же грубая пряжа кололась и пахла псиной. Сестра Дезире охрипшим голосом продолжала читать на церковном языке что-то о первом последователе Заступника, который предстал перед земными царями и поверг их гордыню в прах.

Послышались шаги и голоса, один из которых... один из которых...

— Как есть говорю! — грубовато твердил дядюшка Виль на хларском. Девочка встрепенулась, но тут же овладела собой. — Чуть телка не загрыз! Мой телок! От ютанцев спрятал, а тут — на тебе! Глазища — что плоски! Зубища! А сам-то огромный! Ему мой телок — тьфу!

— Помолчи, — грубовато велел какой-то святоша и дядюшка Виль послушно умолк. Эрна искоса поглядела на пришедших. Матушка Онория, отец Бенлиус и двое воинствующих братьев-заступников. И дядюшка Виль! Он нашёл её! Теперь всё будет хорошо. Одет убийца был как простой хларский крестьянин, в грязно-белые брэ и серую рубашку, когда-то бывшую синей. В руках он мял сорванный с головы колпак. Матушка Онория подошла ближе к монахине и девочке и встала так, чтобы мужчины не могли их разглядывать. Дядюшку Виля остановили чуть поодаль, не давая ему увидеть волчицу.

— Рассказывай по порядку, — велел отец Бенлиус.

— Дык, я и говорю. Тибо я. Живу, значит, на выселках. Возле лесу. Сам распахал всё, вот этими вот руками! Телок, опять же. Дочек у меня четверо. Мать-то их померла в позату зиму.

— Говори про оборотня, — потребовал отец Бенлиус.

— Так я и говорю! Телок мой! Замычал, значит. Я его в другом хлеву держу. Озоровать стал. Слышу — мычит. Я туда! А у него — зубищи — во!

Дядюшка Виль взмахнул руками, показывая.

— У телка? — не выдержал брат Херв. Отец Бенлиус цыкнул.

— Так я ж говорю! Оборотень там был! Здоровый! Глазища — что плоски и так и горят! Телок мычит, мои-то дуры визжат из дому! Я как схватил оглоблю! Говорю — хоть ты какой ни на есть оборотень, а телок мой! Он так и оскалился!

Виль осенил себя священным знаком.

— Не чаял как жив остался. Я в деревню-то бросился. Ладно телок, пёс с ним! Так веде оборотень, коли повадился, девок моих оприходует! Обратни, говорят, на это дело быстрые. Кому они нужны будут? А то и сожрёт опосля-то! Уж как я их от ютанцев-то, вражин, сберёг. То в лесу прятал, то в погребе. А тут — оборотень! От него ж в лесу-то не спрячешься. Я в деревню, значится. Не любят меня там. Пасекам моим завидуют. Телок, опять же. Корова тоже. Сперва на смех подняли. А потом говорят — явились туточки добрые братья, они всех про оборотней спрашивают. Я девок-то запер — и к вам! Помогите, ваши милости! Уж я вам — молока кислого, сыра опять же, мёд с прошлого года остался, ничего не пожалею, только выручайте! Телок же! И дочки мои...

— Почему ты решил, что это был оборотень?

— Дык, а кто ж ещё? У нас по летнему времени волки не озоруют. Большой, опять же. И зубищи! А глазища-то! Во! Как плошки сверкают!

— Большой, говоришь?

— Во какой! — показал Виль. Выходило что-то вроде осла, не меньше. — И зубища! А шерсть-то...

— Какого цвета он был?

Виль полез рукой в затылок, смычно почесал, сплюнул, потом извинился перед монахами.

— Против солнца стоял, не разглядел. Волчьего он был цвета, во! Тёмный такой.

— Особые приметы? — продолжал спрашивать отец Бенлиус.

— Чаво?

— Пятна, шрамы, наросты...

— Так я ж говорю, против солнца стоял. Зубы — во! Зубы были огромные! Как только в пасть помещались!

— Ты узнаешь его, если встретишь?

— Да как не узнать?! Морда наглая, глаза громадные, сам-то — во какой, а ещё...

— Посмотри. Узнаёшь?

Виль внимательно оглядел связанную волчицу, которая слишком изнемогла, чтобы зарычать при его появлении.

— Мелкая она какая-то, — сказал он с сомнением. — И зубища не сказать чтобы похожи. Не, не узнаю.

— Ты уверен? Ты готов поклясться на священной книге?

— Да я чем хотите поклянусь, хоть на чём! Другая эта тварь! Вот же гад! У самого баба есть, а он на моих девок зарится!

— Ты полностью уверен? — настаивал отец Бенлиус. Виль почесал в затылке.

— Ну вот ежели вы её против солнца поставите, да она пасть разинет, то я и соображу, похоже ли выйдет. Глаза-то, может, и такие. Не привык я волков-то разбирать.

— Завтра, когда рассветёт, ты отведёшь наших людей туда, где видел оборотня, — сказал отец Бенлиус.

— Отведу! Не извольте сомневаться, отец, отведу! Всё покажу как есть! Молока там, сыру, мёда — всё дам, отец, только избавьте от зверя-то!

Эрна всё ниже склонялась над вязанием, кусая изнутри щёки, чтобы не смеяться. Неужели святоши не видят, что над ними издеваются?!

— Отведите его в пятую палатку с западного края, пусть там переночует, — велел отец

Бенлиус. — Позовите брата Фулкса, пусть запишет его рассказ. Сын мой, ты грамотный?

— Не, неграмотный я. Писать не обучен. Отец, так как же — в палатку?! У меня ж девки дома, дочки! Телок, опять же! Корова моя! Ить оборотень-то ведь заест мою кормилицу! Пожалей, милостивец!

— Ты останешься здесь до рассвета, — сказал отец Бенлиус, отдёргивая руку, которую Виль порывался целовать. — Моли Заступника о помощи — и будешь услышан. Уведите его.

* * *

Никогда Эрна с таким нетерпением не дожидалась ночи. Дядюшка Виль нашёл её — теперь всё будет хорошо! Он спасёт свою ученицу! А здорово он придумал — прийти сюда как будто жалуется! У девочки едва хватило сил сосредоточиться на вязании, а потом на молитвах и вообще на том, чтобы притворяться получше. Уложенная спать между монахинями, Эрна десять раз поклялась себе, что нипочём не сомкнёт глаз... и, конечно же, заснула крепким сном.

Глава четырнадцатая

Предательство

Разбудили девочку посередине ночи, когда поднявшийся шум сделался таким громким, что спать под него не могла бы и самая сонная засоня. На этот раз пришлось обойтись без умывания. С трудом протирая глаза, Эрна как в страшном сне слышала, что ночью исчез давешний крестьянин и волчица, убиты псы Бруно, Доно и Форто, оглушён брат Обен и смертельно ранен брат Пасьен. К удивлению девочки, матушка Онория велела ей идти вместе со всеми монахинями. Эрна никак не могла поверить в случившееся. Чтобы дядюшка Виль бросил её и спас какую-то мохнатую тварь?! Да он же всегда... он же говорил! Он клялся ей! Он же всегда, всегда, всегда говорил, что никогда-никогда её не бросит! Как он мог?!

Брат Оден не помнил ничего, он просто почувствовал, как на его голову что-то обрушилось, а дальше была темнота. Его окружили всяческой заботой и уложили в его палатке. Сестра Арнод, правда, что-то такое прошептала насчёт того, мол, она бы спросила, как это он пропустил злодея, но и вопросы, и наказание могли подождать, пока он оправится. Приложили бедолагу крепко. Псы... Эрна отпрянула, увидев их застывшие тела, оскаленные пасти с хлопьями пены на зубах. Даже шерсть, казалось, отвердела и застыла.

Что он с ними сделал?!

— Отравленные стрелы, — сказал кто-то. Девочка охнула. Три выстрела — и вот жизнерадостные создания, которые ещё утром весело валялись в пыли, лежат здесь перекошенными, как... как...

Как он мог?!

Эрна, конечно, знала, у кого учиться. Она видела как он убивает. Освободитель, она видела даже, как он *пытает*! Она знала, каким он может быть жестоким! Но никогда он не... не... не нападал на кого-то, кого она знала. Не нападал на кого-то, кого ей жаль было бы потерять.

Он не знал. Освободитель, он просто не знал. Он не стал бы. Не стал бы, правда...

— Так ты не знаешь, как лечить раны в живот? — спросила её серая в предрассветных сумерках аббатиса. Эрна подняла на неё полные слёз глаза и покачала головой. Брат Пасьен — это был тот, кто хвастался собаками накануне.

— Почему?! — с отчаянием спросила девочка.

Почему Виль бросил её?! Почему он...

— Монахиня... — с трудом сказал брат Пасьен. Его не стали переносить, чтобы не тревожить и без того безнадежную рану. Отец Бенлиус уже принял исповедь и теперь выводывал прошедшее ночью. Несколько братьев-заступников подошли с носилками и принялись складывать на них застывшие трупы псов. — Я... увидел... монахиню... сперва... не удивился... была... возле... возле оборотня... потом... подумал... это опасно... я должен... должен был... защитить! Защитить сестру! Я подошёл... а она... он... это был он! Он надел... украл... нож... ударил меня... добейте. Не могу больше! Отец... пожалуйста... он ударил меня... а волчица... она смеялась... она смеялась... я только... я думал, сестра... а это...

Эрна потихоньку начала понимать.

Виль украл одежду монахинь, у них же такое жёсткое верхнее платье, что под ним не

разглядишь, мужчина внутри или женщина. А платок скрывает лицо. Надел, чтобы его не могли узнать даже те, на кого колдовство Магды почему-то не действует. Например, вот, на брата Пасьена. Когда тот заподозрил неладное, Виль ударил его ножом в живот. Дядюшка Виль всегда бьёт в живот. Того вот маминого рыцаря он же так же убил. И всегда вот так вот. Насмерть. На долгую мучительную смерть.

Эрна подошла и встала рядом. Ей было страшно, но она заставила себя смотреть на измученное лицо умирающего монаха.

Виль был не то что в лагере. Он был в палатке, где спала девочка. Был — и ушёл, уведя с собой вместо ученицы какую-то оборотнику.

— Почему?! — снова вырвалось у девочки. Ей хватило остатков осторожности, чтобы чуть-чуть сдержаться и не разразиться жалобами на предательство наставника. — Как он смог?!

Аббатиса положила руку на плечо Эрны и заставила отойти.

— Добейте, — шептал брат Пасьен. — Больно... Мама... отец... сжальтесь... Мама... Заступник... я никогда... добейте... пожалуйста...

Эрна зажала уши.

— Мы потеряли брата и трёх прекрасных животных, — сказала матушка Онория. Это звучало жутко, как будто брат Пасьен не лежал тут ещё живой. — Мы хотели спасти душу заблудшей, но были обмануты Врагом.

— Но как?!

— Происки Врага, дитя моё. Идём. Тебе не надо видеть, что будет дальше.

* * *

Эрна послушно ушла, мечтая оглохнуть, но всё же услышала тот звук, с которым железо разлучает душу и тело. Неужели она когда-то сможет — так?!

— Велико милосердие Заступника, — вздохнула матушка Онория. — Я верю, брат Пасьен уже вошёл в его воинство.

Девочка залилась слезами. Виль бросил её одну. Что ей за дело было до Заступника и его воинства?!

— Мы будем молиться за него, — добавила аббатиса, но и это девочку не утешило.

* * *

Прошло три дня, и в эти три дня в лагере царило уныние. Монахи обошли вал и ров внутри и снаружи, читая молитвы против Врага и его наваждений, комтур, которого Эрна до сих пор не видела, распорядился удвоить количество часовых. Женщинам запретили ходить в одиночку и теперь их повсюду сопровождали рычащие мастифы. Толку от всего этого девочка не видела. Подумаешь, мастифы! Виля вовсе не чуют собаки. Если человека от ведьминых чар может защитить вера, то уж псам-то надеяться не на что. Только оборотень мог почуять Виля, а наткнуться на него случайно... вон, брат Пасьен уже наткнулся. Дурак был небось. Надо было кричать, звать остальных, а не думать, что глупая женщина одна лезет в пасть кволку. Вот и поплатился. Все эти три дня Эрна нетерпеливо ждала: вот-вот

дядюшка Виль одумается и придёт за ней. Но он не приходил. А жизнь текла своим чередом. Собаки, погрузневшие и присмирившие, как и все в лагере. Уроки церковного языка от такой же унылой сестры Дезире, которая забыла свои смешки и улыбки. Уроки вязания. Колючая пряжа, не иначе, как из собачьей шерсти. Поучения матушки Онории, из которых выходило, что служение Заступнику первейший долг всякого живущего, иначе такие твари, как оборотни и вампиры захватят мир, а немногие оставшиеся люди будут им служить и погрязать в пороках. К концу третьего дня Эрна перестала мысленно ей возражать и как-то даже потеряла убеждение, будто дядюшка Виль-то непременно нашёл бы, чем ответить назойливой святоше. Может, и не нашёл бы. Может, он вообще только запугивать детей и умеет. И убивать. Ножом в живот, брр. Бросил же он Эрну. А она всё делала, как он говорил. А он бросил.

* * *

На четвёртый день матушка Онория позвала к себе девочку с таким выражением, как будто в лагере умер кто-то ещё.

— Дитя моё, — сказала она непривычно ласково, усаживая Эрну на стул, — крепись. Испытания посланы нам Заступником.

— Матушка? — удивлённо подняла на аббатису взгляд девочка.

— Я хвалю тебя за послушание и усердие, — продолжила женщина, и девочке стало совсем не по себе. Всё это так не походило на обычную её безапелляционную насмешливость. Что у них случилось-то?! — Ты смиренно трудилась, выполняя приказы, не роптала и не сетовала на судьбу. Ты знаешь, отец предназначил тебе быть залогом его преданности наследнику и привязанности к родичу, но ютанцы взяли Арол... Отец Бенлиус решил послать гонца к твоему отцу, чтобы тот сказал, посылать ли тебя в Сейр или вернуть домой... ты ведь и сама понимаешь: дорога до Сейра небезопасна. Ютанцы могли бы захватить тебя по дороге. Наш орден чурается мирских дел, но мы, конечно, не могли оставить тебя без защиты и наставления... но твой... твой отец...

— Мой отец?! — ужаснулась Эрна, понимавшая, как мало она значит для рыцаря лю Дидье. — Он... что с ним?!

— Гонец вернулся к нам, не найдя рыцаря лю Дидье в его владениях. Однако, когда мы послали человека в лагерь ютанцев, требуя выдать нам оборотней и тех, кто их нанимал... нас подняли на смех. Граф Бентон, командующий их отрядом, сказал, что у них отродясь не было вражьих тварей. Потеряв пленницу, мы остались без доказательств.

Аббатиса горько покачала головой. Эрна слегка удивилась. С каких пор святош волнуют доказательства? Волчица же была! И пропала! Значит, оборотни есть, а все знают, что их наняли ютанцы! Когда это святош интересовали доказательства?!

— А мой отец?... — спросила девочка. Матушка Онория поджала губы.

— Твой отец, дитя моё, утратил разум. Он был там, при графе Бентоне, и мы поспешили рассказать, что ты жива и невредима. Но он...

Матушка Онория замолчала и скорбно поджала губы.

— Что он сделал?! — не выдержала Эрна.

— Мужайся, дитя моё. Твой отец сказал, что ты была убита в Ароле господином Гильбэ и госпожой Татин, чтобы тебя не могли захватить ютанцы. Он скорбит о тебе, такой

прекрасной и юной... одним словом, он присоединился к врагам наследника, чтобы отомстить за твою гибель.

— То есть как — убита?! — оторопела Эрна. — Какая-токая гибель?! Я же жива!

— Твой отец, утратив от беспокойства разум, бросил нам немислимое обвинение. Он заявил, будто бы мы выдаём за его дочь другую девочку.

— К-какую — д-другую?! — начала заикаться Эрна. — Почему?!

— Мы описали твоё лицо, голос, глаза и повадки, мы предлагали ему прийти к нам и убедиться своими глазами — тщетно. Рыцарь лю Дидье только твердил, будто бы мы выдаём за тебя деревенскую девчонку, ведь твои приметы известны были каждому в Ароле. Он даже не хотел, чтобы тебя привели к нему, хоть мы и сами опасались это делать.

Эрна ничего не понимала. Рыцарь лю Дидье спятил?! Какая может быть другая девочка?! У него фальшивые дочери на каждом шагу?!

Или...

Он же хотел! С самого начала хотел присоединиться к ютанцам! Потому и потребовал себе девочку на замену сына. А теперь, наверное, не хочет признаваться, что соврал. Ну да, как же! Такой знатный рыцарь — и вдруг соврал!

— Укрепи своё сердце, дитя моё, — утешительно сказала аббатиса. — Заступник испытывает нас, посылая ношу по силам.

Эрна изо всех сил старалась соображать побыстрее. Признаваться сейчас в том, что она никакая не дочь рыцаря лю Дидье, бессмысленно. Это всегда было бессмысленно. Даже святошам не будет проку, если она всё расскажет: чего стоит слово девочки против слова рыцаря? Им никто не поверит. А уж Эрне-то и вовсе нечего каяться. Остаётся только одно.

Девочка вспомнила маму, мирную жизнь в родной деревни, из которой её выдернул предатель Виль, и горько разрыдалась.

* * *

С ней были добры и ласковы. Сейчас, когда нечего было ждать благодарности от «отца» девочки, святоши как будто даже полюбили её. Монахини предлагали Эрне какие-то монастырские лакомства, отец Бенлиус каждый вечер призывал к себе и ласково увещевал, то рассказывая о жизни святых какие-то совершенно невероятные истории, то выпрашивая, что девочка знает о рыцаре лю Дидье. Знала Эрна мало, а рассказать могла ещё меньше. Например, реши она выдать спрятанного в подвалах святошу, как она бы объяснила, что делала там сама? А если...

Когда ласковые, но настойчивые вопросы прозвучали в четвёртый раз, Эрна решилась. Она вспомнила, как мама выводывала, не напраказничала ли дочка с колдовством и постаралась так же беспокойно отвернуться от святоши, как, бывало, отводила взгляд от матери. Отец Бенлиус положил руку на голову девочки и заставил посмотреть ему в глаза.

— Что такое, дочь моя? — спросил он особенно ласковым и «понимающим» голосом. Эрна потупилась. — Ты вспомнила?..

— Я точно не знаю... — запинаясь, ответила Эрна. — Я ничего не видела... ну... я хочу сказать, он же мой отец!

— Ты хорошая девочка, — похвалил святоша. — Отрадно видеть, что твоё сердце не заостенело и не преисполнилось обиды. Но ты разговариваешь не с врагами своего отца, а с

его верными друзьями, мечтающими протянуть ему руку помощи и вернуть покой в истерзанную печалью о тебе душу. Твои слова помогут устранить непонимание, которое мешает нам помочь твоему отцу.

Эрна восхитилась. Вот это да! Так даже Виль не умеет! Какие святоши всё-таки умные!

— Я ничего не видела, — повторила она с прежним смущением, — но слуги шептались, будто в замке есть какой-то гость. Жутко знатный. Отец называл его принцем, а ещё он был свя... священник. То есть не священник, а епископ или вроде того. Священство, вот как.

— Принцем? — цепко спросил отец Бенлиус. Эрна мысленно поблагодарила Освободителя, что её собеседник не обратил внимания на оговорку. Чуть не назвала того странного пленника святошей! Надо же так сглупить! Дядюш... Виль бы всыпал за такую оговорку!

— Ну да, — вслух ответила девочка. — Так и называл. Освященное высочество. Нет. Высокое переосвященное высочество, вот! Он вроде как в подземелье прячется. Снаружи засовы и внутри засовы! Он выйти не может и к нему не зайти!

— Высокопреосвященство... — задумчиво проговорил отец Бенлиус. — А каков он из себя?

— Я не знаю! — сделала большие глаза девочка. — Я его не видела! Слуги болтали, старенький он, вот!

— Старенький, говоришь?

— Ага. Но суровый. И такой властный — ужас!

— Властный... — крепче задумался священник. Вид был у него такой, будто он хотел, но боялся во что-то поверить. — А о чём они разговаривали с твоим отцом?

— Откуда я знаю?! — отшатнулась девочка. — Они же на церковном языке разговаривали! Слуги говорили, отец каждый вечер спускается в подземелье! И всегда с огарком, а не с новой свечой. Вот пока говорят, она догорает и он уходит.

— На церковном... Брат Могир!

Полог палатки приподнялся и внутрь заглянул молодой загорелый брат-заступник. После того, как Виль похитил волчицу, ко всем обитателям лагеря, которые не умели сами сражаться, приставляли по одному-два воинствующих брата.

— Иди к комтуру Тъери и скажи, что я вскоре приду к нему для беседы.

Молодой святоша понятливо кивнул и исчез. Отец Бенлиус поднялся на ноги.

— Идём, дочь моя, я провожу тебя до палатки. Сегодня ты очень помогла своему отцу.

Они вышли и отец Бенлиус вместе с братом Рулом, который остался, когда брат Могир ушёл, проводили девочку до палатки монахини. Женщинам не позволялось не только одним ходить по лагерю, но и оставаться в обществе одних только воинствующих братьев. Чтобы не вводить никого в искушение, с одной стороны, а с другой, чтобы слабый женский ум от опасностей защищало не только оружие, но и молитва, рассеивающая наваждения.

* * *

В женской палатке матушка Онория выпросила у Эрны всё, что узнал у той отец Бенлиус, и девочка послушно повторила свой рассказ. Что с ней сделает наставник, если узнает, она старалась не задумываться. Виль бросил её, рыцарь лю Дидье так и вовсе предал, почему она должна о них заботиться? И потом, она ведь не рассказала, кем был лю Дидье на

самом деле!

По губам аббатисы скользнула улыбка.

— Старенький высокопреосвященство, — сказала она с явственным злорадством. — Сам Заступник послал тебя к нам, дитя моё.

В этом девочка даже не сомневалась. Такую пакость мог только *Надзиратель* придумать!

— Вы кого-то потеряли? — спросила она с наивным видом. — Мой отец прячет кого-то, да?

Вместо ответа аббатиса положила руку на голову девочке, как давеча отец Бенлиус и торжественно сказала:

— Дочь моя, твой земной отец отверг своё чадо, но небесный протянул к тебе руку помощи. Доверься ему, как доверялась до сих пор.

Ага, как до сих пор, именно. Чтоб им всем провалиться — и рыцарю лю Дидье, и святошам и ихнему Заступнику!

— Наш орден может взять тебя на воспитание, не требуя приданого, — буднично закончила аббатиса.

— Это чтобы я ушла в монастырь?! — безо всякого притворства перепугалась девочка. — Монашкой стать?!

— Ну-ну, девочка, — усмехнулась матушка Онория. — Ты ещё слишком мала. Если бы твой отец не забыл своего долга, мы бы спросили его. Раз он тебя отверг, долг заботы и воспитания ложится на Заступника и на нас, его верных слуг и детей. Ты научишься молитвам, врачеванию и добродетели. Знай, в нашем ордене есть и третья ветвь^[50] и ты можешь войти в неё, чтобы служить Заступнику в мирской обычной жизни.

— Но... матушка... Я не... я не могу!

— Почему, дитя моё?

Эрна так растерялась, что и не подумала притворно согласиться. Теперь, когда Виль бросил ей, девочке казалось, что любой обет, который она даст, свяжет её на всю жизнь! Надо было как-то отвиться... аббатиса смотрела на неё с таким терпением и любовью, что прям становилось не по себе. Вот змея-то! Как она волчицу держала связанной и раненной, и ведь не жалко же было! А теперь — конечно! Да намекни Эрна, кто она такая, небось бы так же связала бы и бросила без воды на солнцепёке! Почему, ещё спрашивает!

Тут Эрна вспомнила, что Нинета, дочь рыцаря лю Дидье, как и она сама, родом из Тафелона, а в Тафелоне братьев-заступников прогнали ещё пять лет назад и говорили про них много нехорошего.

— Я боюсь, — «созналась» девочка. Святоша ласково обняла её за плечи.

— Нет такого греха, который не мог бы простить Заступник и нет такой ноши, которую он не разделит бы с верными детьми Создателя, — сказала аббатиса.

Эрна вырвалась.

— Неправда! — выкрикнула она. — Я всё про вас знаю! Вы убийцы! Вы предали священный поход! Вы хотели убить папу в Терне! У нас все так говорят! Вы у нас войну затеяли! Убивали аббатов в монастырях! Подсылали убийц! Вас прогнали из Тафелона! Сам папа запретил вам у нас появляться! А вы тут! Я не хочу! Я не хочу как вы! Не хочу никого убивать! Я не!..

Эрну самую напугало, сколько искренности прозвучало в её голосе. Сёстры Дезире и Арнод, которые сидели тут же в палатке и пряли, делали вид, что не вслушиваются в разговор

аббатисы с девочкой, отпрянули. Эрна кричала на тафелонском, который не знала сестра Арнод, поэтому она хмурилась, а сестра Дезире, разобравшая обвинения девочки, в ужасе прижала руку к губам. Матушку Онорию смутить было невозможно.

— Тише, тише, — ласково засмеялась она. — Нинета, дитя моё, ты ещё слишком мала, чтобы судить о таких вещах.

Девочка, будто спохватившись, потупилась. Ничем этих святош не проймёшь!

— Так это неправда? — осторожно спросила она.

— Правда, — огорошила её аббатиса. Эрна уставилась на неё, раскрыв рот. — Наши братья предали орден, предали Заступника и его наместника святейшего папы ради земной власти. Гордыня, дочь моя, гордыня — грех, который извращает даже лучшие наши дары. Только Заступник может отличить зло от добра, нам, его слугам, остаётся молитва и вера.

— А... — выдавила Эрна и замолчала.

— Преступные братья отторгнуты орденом, — добавила аббатиса. Девочке показалось, что больше для сестры Дезире, чем для неё. — Ты не должна бояться. Верь в Заступника, выполняй свой долг и слушайся старших, тогда грех не коснётся твоей души. Ты поняла, дитя моё?

Эрна послушно кивнула. Дальше отпираться было невозможно. Кажется, матушка Онория намекнула, что даже убийство может быть прощено, если делается по приказу старших. Ай да святоши!

Глава пятнадцатая

Плен

Наутро в лагере запели трубы. Никто не суетился, никуда не спешил, все пошли на молитву как обычно, а после — завтракать, только вот после завтрака палатки были быстро и умело свёрнуты, лошади навьючены пожитками или взнузданы и какой-то высокий святоша посадил Эрну в дамское седло. Снова запели трубы и ещё до полудня отряд тронулся в путь. Сперва они ехали по южной дороге, которая должна была на следующий день свернуть восточнее и привести к их монастырю. Однако ещё до вечера отряд выбрался на тропу, ведущую через лес на северо-восток. Эрна попыталась представить себе направление. Выходило вроде того, что они хотят приехать туда, откуда сама девочка начала своё путешествие по Хларии. Зачем?!

Они ехали быстро и никто не хотел делать скидку на то, что девочка устала. Отдыхали тогда, когда это нужно было лошадям, а не людям. Матушка Онория научила Эрну как размяться после долгого сидения в седле, и девочка была ей за это благодарна. До сих пор Эрна никогда не видела весь отряд вместе, даже на молитву все одновременно не собирались, а потому не поняла, что часть уехала вперёд. Когда вечером они остановились на отдых, оказалось, что посланные разведать путь братья-заступники умудрились не только найти хорошее место для ночлега, но и выкопать половину рва вокруг будущего лагеря. Эрну заставили вместе со всеми ставить палатки и делать прочую вечернюю работу, к которой она привыкла ещё в отряде дядюшки Увара, где тоже никто не бездельничал кроме тётушки Агнеты, его жены. Матушка Онория одобрительно кивала, глядя на трудолюбие будущей воспитанницы, и роняла странные замечания. Что-то насчёт замка её «отца», опеке и милости Заступника. И того, что Заступник, конечно, не оставит своё дитя без руководства.

И вдруг Эрна догадалась.

Какая же она была дура!

Они ехали в замок рыцаря лю Дидье!

Бросили своих оборотней, всё равно ютанцы их не отдадут, не драться же с ними. Святош слишком мало. Бросили всё и побежали проверять её, Эрны, слова. То есть Нинеты. Зачем-то им позарез был нужен этот старенький святоша в подземелье. Что же это? Они приедут и скажут, что на рыцаря лю Дидье донесла его дочь?! Они всем расскажут, что это Эрна выдала тайны рыцаря! Прозревшего! Виль же говорил, что она должна забыть! А она? Освободитель, да как только кто-то узнает, что она натворила!..

Да Виль с неё шкуру снимет и пальцы отрежет. Он же такой. Это она раньше думала, что он её любит и заботится. А он ведь проклятый. Он никого не любит и ни о ком не заботится. Притворяется просто. Вон, как она дурочку из себя строит. Ему же нетрудно притвориться. Каким угодно может. И умным, и глупым, и добрым, и злым.

Он просто её разменял. А рыцарю говорил, что не бросит, потому что знал — она будет за ними подглядывать! Он врал! Чтобы она ему верила! Чтобы она не дёргалась и её было просто выбросить! Предал её! Бросил!

И теперь святоши потребуют, чтобы она доносила на рыцаря лю Дидье!

И все узнают!

Какая же она была дура!

Почему она не сбежала сразу?!

Ага, сбежишь тут!

Когда они всё время рядом! Ещё немного — за ногу будут привязывать. Чтобы не потерялась. Она же свидетель, получается?

Эрна начала вспоминать, что тётушка Вейма говорила про церковное право. Свидетель. У любого обвинения должен быть свидетель. Живой человек. И лучше не один. Святоши не могут вот так просто хватать кого попало.

Да, не могут! Они только так и поступают!

Но матушка Онория сказала, что это были *плохие* святоши. Может, эти, вроде хорошие, без свидетеля не могут?

Надо, чтобы у них не было свидетеля.

Матушка Онория же намекала... намекала... да она ж прямо говорила, что Эрне достанется замок рыцаря лю Дидье!

Замок!

Подумать только!

Да её в этом замке и зарежут!

Кому нужен замок, если в отместку тебя убьют?!

Надо бежать.

Обязательно надо бежать.

Это сначала было опасно, потому что они не верили Эрне. А теперь они думают, что она бедная сиротка. Они её больше не сторожат, а охраняют. Надо бежать. Удрать от них, потом через границу хоть вплавь, а там через Лабаниан до Сетора, а в Сеторе её кто угодно проводит к дядюшке Виру или тётушке Вейме или кому-нибудь ещё, кто поможет добраться до дома. Девочка чуть не заплакала. Виль обманул её и маму! Море, как же! Запугал, запугал, обхитрил!

Она ведь ведьма. А ведьма всегда найдёт дорогу. И, потом, если остаться монашкой, то, может, на неё смотреть-то не будут. Только хлеб давать за молитвы. А молитвы Эрна знает. Вдолбили уж.

Девочка решилась. Едва она перестала ждать, когда её спасёт добрый дядюшка, и бояться, вдруг злые святоши её разоблачат, побег стал казаться очень простым делом.

Пока ещё копали ров и отхожее место, Эрна просто пошла через лагерь в лес. Её схватила за рукав сестра Дезире.

— Пусти, сестра! — проскулила девочка как можно тише. — Живот... растрясло...

— И куда ты одна собралась? — нахмурилась монахиня.

— Не могу больше! — очень натурально взвыла Эрна. Сестра Дезире кликнула псов. Не волкодавов, а мастифов, которые, кстати, всю дорогу не бежали пешком за отрядом, а ехали на специальных сёдлах, хитро прилаженных к самым высоким лошадям. За то время, которое Эрна провела среди святош, мастифы успели к ней привыкнуть и, хоть и не слушались, перестали рычать в её присутствии. Сестра Дезире сказала пару слов и псы пошли за девочкой. Эрна подавила смешок. С такими провожатыми никакой заповор не страшен!

К счастью, никто не думал отобрать у Эрны её вещи. Даже зеркальце. Конечно, лучше всего бы распустить волосы, но, пока она будет это делать, её хватятся. Насколько хватит деликатности святош? А если они вздумают её лечить?

Лес был густой, хороший. Эрна зашла поглубже и присела на корточки. Уколола палец иглой. Псы, почуяв кровь, обеспокоенно зарычали. Девочка той же иглой провела линию в земле, царапая и разрывая траву. Подумав, чуть ближе к себе начертила круг.

— Лес, будь мне вместо отца и матери, укрой меня от врагов, защити от человека и от зверя! — взмолилась девочка. — Пусть сторожа потеряют мой след! Пусть не заметят, как я ушла!

Она встала и сделала шаг назад. Пошатнулась. Раз она ослабела, значит, колдовство удалось. Ещё шаг. Мастифы остались сидеть на месте. Скоро колдовство выветрится, ведь Эрна отдала всего лишь маленькую капельку крови. Но пока для собак она продолжает сидеть на том месте, где только что колдовала. Вот так-то, святоши!

Эрна повернулась к собакам спиной и стала пробираться через лес, стараясь поменьше прибегать к колдовству. Вдруг что-то ткнулось ей в поясницу. Это было настолько внезапно, что девочка закричала. Тут же, спохватившись, она закрыла рот ладонью, но сделанного было не воротить. Крик услышат в лагере! Бросятся спасать!

В поясницу ей ткнулся любопытный нос желтоватого волкодава. Флаво! Только его тут не хватало. Волкодавы не сторожат людей — и на него не подействовало отгоняющее сторожей колдовство. Что же с ним делать?!

— Уходи, Флаво! — строго сказала девочка. — Уходи! Ты мне не нужен!

Пёс восторженно гавкнул и полез лизать девочке руки.

Освободитель! *Что* ей теперь делать?!

Вернуться, подумала она.

Всё пошло не так.

Её скоро хватятся, хватятся Флаво — что она им скажет?! Почему сбежала?! Как ей удалось?!

Надо вернуться.

Эрна упрямо закусил губу.

Нет, она не вернётся к святошам. Надо просто прирезать пса и...

Флаво просунул голову под её руку, напрашиваясь на ласку. Эрна сглотнула.

— Ладно, как знаешь, — сказала девочка. Пока она ещё доберётся до границы, она успеет что-нибудь придумать. Или набраться духу, чтобы зарезать проклятое животное. А пока и Флаво сгодится. Волков отгонять, например. Или оборотней.

Девочка неожиданно повеселела. Надо было поскорее уходить как можно дальше и...

Она подумала и сменила направление, чтобы святошам не так просто было её найти по крику. Собаки тоже нескоро возьмут её след, а там он, глядишь, и простынет. Знать бы ещё, сколько колдовство продержится... Вот мама, когда колдовала, о чём думала?..

* * *

Незаметно пробраться через лес с волкодавом в компании было не очень-то просто. Чтоб его Враг побрал! Проклятый пёс совершенно не слушался и, похоже, был уверен, что девочка затеяла какую-то замечательную игру. В прятки. Поэтому пёс то отбегал и куда-то терялся, а то выпрыгивал спереди, справа, слева или сзади и валил Эрну с ног. Было ясно, что игра ему нескоро надоест. Одно хорошо: мало того, что монашеское облачение пропылилось в дороге, теперь оно и вовсе стало серым и не так бросалось в глаза среди деревьев.

Эрна брела через лес, замечая, что уже темнеет. Направление она потеряла и теперь искала только уютное место, где можно будет заночевать. Ей уже приходилось ночевать в лесу. Можно было поколдовать немного — и никакие звери будут не страшны. Мама так делала. Только есть хочется. Но это придётся потерпеть. Когда рассветёт, можно будет найти деревню... тут не как в Тафелоне, где леса, леса и леса кругом. И горы. Тут два шага ступил — уже деревня. Это она, наверное, с непривычки кругами ходит. Надо будет поколдовать. Утром. И найти деревню, а там сказать, что монашка и идёт пешком... как их там?... святой какой-то был... отец Бенлиус недавно рассказывал. В общем, к мощам. В Тафелоне. Или лучше не там. Лучше про Балриль спросить, а потом пойти в другую сторону. И всё будет хорошо. Монашек же не трогают. Они Заступнику молятся. За всех.

Флаво где-то отстал. Небось тоже проголодался и понял, что девочка его не накормит. Тем лучше. Не придётся его убивать. Эрна вспомнила, как он лизал её лицо и постаралась это забыть. А если бы этот дурень охранял волчицу, дядюш... Виль бы и его убил. И тем лучше было бы! Проклятая собака!

Эрна нашла что-то вроде норы между корнями деревьев. Сегодня ничего лучше уже не найти. Главное, чтобы хозяин сюда не вернулся. Чтоб этому Флаво пусто было! Когда не надо, возится, когда надо — его нет. Холодно же! Ночью-то свежо пока! Жрёт небось в лагере давно. Братья-заступники псам такую кашу варят — даже людям завидно. А она тут сидит в лесу одна. И ей-то никто кашу не сварит. Да она бы и сама себе кашу сварила, только вот не из чего. Не могла ж она из лагеря уйти с котелком и мешочком крупы! Ага, и с солью, и ещё бы хоть кость бы прихватить, чтобы наваристой было бы или даже кусочек мяса...

Эрна сглотнула.

Зачем она это затеяла? Что за дурацкая мысль — топать пешком через полстраны?! Почему она не позволила святошам довезти её хотя бы до замка рыцаря лю Дидье, он же ближе к границе?!

Ох, достанется ей от дядюшки Виля!

Он всегда не любил, когда люди начинают, как он говорил, «суетиться».

Никакой он не дядюшка, он обманщик и предатель!

Эрна, дрожа, забралась поглубже между корнями. Свежо? Да тут холодно как зимой!

— Флаво? — тихонько позвала она и постаралась вложить в этот зов немного колдовской силы. — Флаво, иди сюда!

Хрустнула ветка. Ну, конечно, милый добрый Флаво никогда бы не бросил её одну!

— Флаво! — чуть громче позвала она. — Флаво, малыш!

Тень, которая наклонилась над её убежищем, ничуть не напоминала собаку. Эрна замолчала, но было уже поздно. Эрна выхватила нож и наугад ткнула в тянущуюся к ней руку. Мужской голос взвыл, прозвучало какое-то хларское ругательство, потом последовал пинок, который чуть не сломал ей запястье, а после девочку выдернули из норы как кролика.

— Что это за тварь?

Девочку грубо встряхнули. Нож, выбитый из её руки, остался под деревом.

— Отвечай!

— Отпустите! — прошипела Эрна на хларском. — Именем Заступника!

Мужчины расхохотались. Похоже, их было двое.

— Гляди, монашку поймали.

— Беглая! Слышал, дружка звала!

— Неправда! — обиделась Эрна и попыталась укусить того, который её держал.

Удар по лицу заставил девочку отрезветь и понять, наконец, что происходит.

— На помощь! — закричала Эрна во весь голос. Вдруг её уже ищут?! Должны же были святоши спохватиться! Зачем она вообще затеяла этот побег?! Почему у них дома такого никогда не случалось?! И в той болотной стране тоже.

Потому что рядом был дядюшка Виль или дядюшка Увар или Танцующий Кабан или ещё кто-нибудь, кто не выпускал девочку из виду...

— Оте-ец Бе-ен...

Новый удар заставил девочку замолчать.

— Сунь ей нож в брюхо — и пусть подыхает. До темноты хворост собрать не успеем.

Эрна похолодела.

— Вы не посмеете! — закричала она в отчаянии. Если их не смущает гнев Заступника, то кто же её защитит?! — Я дочь рыцаря лю Дидье! Мой отец страшно отомстит за меня!

— Опа, — сказал тот, который её держал. — Вот это нам повезло, Эрран. Пошли назад. Да помоги мне её скрутить, она, тварь, лягается.

— А хворост?

— К Врагу твой хворост! За эту девку сеньор нас озолотит!

— А если мы без хвороста придём, сержант нам так всыплет, что уже не до золота будет, — не согласился Эрран.

Они привязали Эрну к дереву, заткнули ей рот большой шишкой и вернулись к сбору хвороста. Девочка отчаянно дёргалась, пытаясь ослабить путы. Если бы не шишка, она бы хоть могла посвистеть, чтобы распустить верёвку. Куда там! Вот что Виль делает в таких случаях?

Виль в такие ловушки не попадает...

Враг бы побрал этого Флаво! Измучил её и ушёл себе. Небось, кашу ест. В лагере. И святошам на неё наплевать. Все они такие. Святоши. Так распинались, а теперь даже не думают прийти на помощь. Гады.

Как бы выплюнуть шишку?!

Она бы им показала!

Она бы им всем показала!

Уже было почти ничего не видно, когда слышались шаги её мучителей. Девочку отвязали от дерева и, прежде чем она успела опомниться, привязали на спину здоровенную вязанку хвороста. Это ничего себе они насобирали! Небось, нашли где-то упавшее дерево.

— Иди, — подтолкнул девочку тот, который не Эрран. — И не дёргайся. Не то прирежем. Твой «папаша» и за труп заплатит, не сомневайся.

Эрна и не сомневалась.

Ничего.

Ещё не всё потеряно.

Ей бы только шишку выплюнуть, тогда она им всем покажет!

Всем покажет!

Она же ведьма! И волшебница!

Ещё не всё потеряно...

Вот в этом Эрна сомневалась...

Уставшая девочка еле переставляла ноги под навьюченной на неё вязанкой. Обычное умение ведьм ходить по лесу, не спотыкаясь, куда-то делось, и она падала на каждом шагу. Люди рыцаря вздёргивали её на ноги, награждали пинком и толкали вперёд.

Зачем она только ушла из лагеря?..

Зачем она ушла из дома?..

Почему дядюшки Виля нет рядом?..

Где эти проклятые святоши?!

Почему мама не предвидела всего этого?!!

Дорога заняла, кажется, целую жизнь. Люди рыцаря лю Дидье, в отличие от неё, отлично знали этот лес и вышли прямо к своему лагерю. Он не был ограждён ни рвом, ни валом, зато там призывно горели костры и стояли чёрные тени часовых.

— Видал, Хлу, — похвастался тот, который не Эрран. — Кого поймали!

Он заставил девочку выпрямиться, а потом толкнул в спину так, что она полетела вперёд и упала прямо на часового. Тот брезгливо оттолкнул Эрну.

— На кой вам эта заморенная монашка? — спросил Хлу. — Баб, что ли, мало? Вот увидит сержант Жасин, он вам покажет.

— Это не монашка, дурень! — расхохотался тот, который не Эрран.

— Режь ей глотку, — отмахнулся Хлу. — Сержант сказал, посторонним в лагере не место. Девочек это тоже касается.

— Это не девка, — вмешался Эрран. — Сеньор нам денег отсыпет за неё. Живая больше стоит.

— И про святош расскажет, — добавил не Эрран.

— Не морочь мне голову, Жайме, — рассердился Хлу. — Прирежь её и тащи хворост.

Эрна протестующе задёргалась. Все расхохотались.

— Я говорю тебе, это не простая девка, — настаивал Эрран.

— В лесу могли развлечься, а не с собой тащить, — стоял на своём Хлу. — Простая, не простая... говорю тебе — не велено.

— Сколько? — наконец, догадался Жайме.

— Половину, — отозвался Хлу. — И фляжку верни, которую ты на позатой неделе одолжил и «потерял».

— Ну, ты и гад, Хлу, — сплюнул Жайме. — С чего тебе половину, когда мы с Эрраном её ловили?!

— Не хотите — кончайте её и проходите. Не велено посторонних пускать. Сегодня ты с девкой у костра покувыркаешься, а завтра она всё про ваш отряд расскажет кому не надо.

— Можно ж опосля прирезать, — заспорил Эрран.

— Знаю я твоё «опосля»!

— Да лучше пусть она сдохнет! — вспыхнул Жайме. — Мы за труп больше получим, чем с этим жлобом делиться.

— Треть, — немедленно уступил Хлу.

— Жирно тебе будет.

— Четверть! И подавись ты моей фляжкой.

— По рукам!

Они в самом деле ударили по рукам, после чего Эрран снял со спины девочки вязанку и куда-то ушёл, а Жайме вздёргнул пленницу на ноги и пинками погнал в другую сторону.

Эрна была ни жива, ни мертва и от встречи с «папашой» не ждала ничего хорошего. Виль её бросил, Вилем рыцаря лю Дидье не запугаешь. Гнева Заступника он точно не боится. Шишку, шишку бы выплюнуть! По пути она пыталась осмотреть лагерь, как учил Виль, но Жайме не давал ей глядеть по сторонам. Непохоже было на лагерь братьев-заступников. Палатки стояли где попало, невысокие, в таких только спать. Костры были зажжены в трёх разных местах. То-то они среди ночи пошли за хворостом. Откуда-то слышалось пение... пьяное. Какая-то палатка колыхалась, Эрна даже сперва подумала, что ей так от пляски костра кажется, но нет. Оттуда слышались нарочитые стоны. Жайме хехекнул и толкнул Эрну дальше. Девочку передёрнуло.

А если её не сразу убьют?!

...не слишком ли поздно спохватилась?..

Рыцарь лю Дидье обитал в высокой палатке, похожей на те, которые были у братьев-заступников. Там на земле лежала медвежья шкура, походную постель застилал бархатный плащ. Казалось, рыцарь забыл, что мир есть зло, а роскошь — это мусор. Правда, сидел рыцарь лю Дидье на таком же чурбаке, как и отец Бенлиус. Был и второй чурбак, занятый его сыном Бастином. Никакой охраны у палатки не было и Жайме попросту втолкнул туда девочку с радостным возгласом:

— Господин, смотрите, кого мы поймали!

Девочка упала к ногам мнимого отца, чуть не подавившись шишкой. Бастин вскочил, положив руку на рукоять меча, рыцарь лю Дидье даже не шелохнулся.

Жайме рывком заставил Эрну подняться. По лицу рыцаря лю Дидье, тускло озарённому масляной лампой, расплылась улыбка. Он махнул Бастину, тот повернулся и бросил Жайме тяжело брякнувший кошелёк.

— Пшёл вон, — сказал рыцарь. Жайме поклонился и поспешил ретироваться. Бастин расхохотался в голос, рыцарь лю Дидье позволил себе негромкий смешок.

— Свяжи ей ноги, — приказал он сыну.

— Я думал, всё пропало, когда святоши сказали, что она выжила, — сказал Бастин, выполняя приказание. Эрна попробовала брыкаться и получила пощёчину.

— Я говорил тебе, не надо спешить, — отозвался рыцарь. — Убери эту дрянью у неё изо рта. Дурак Жайме. Как девка ещё не задохнулась его стараниями.

— Живучая, — предположил сын.

У Эрны было разбито лицо, из носа шла кровь вперемешку с соплями, из глаз лились слёзы. Платок потерялся, волосы растрепались, руки были больно связаны сзади. Бастин ловко выдернул шишку у неё изо рта и отвесил ещё одну оплеуху. Девочка закашлялась.

Святоши волчицу хоть не били.

— Хочешь умереть быстро, доченька? — задушевно спросил рыцарь лю Дидье, наклоняясь к девочке.

Жизнь ей, похоже, уже не предложат.

Боль, усталость, ужас и отчаяние охватили всё существо девочки. Пока она шла, пока её куда-то тащили, всё было не так, но теперь... она чувствовала холод, с которым тьма выползала из-под её ногтей. Холод, с которым тьма охватывала всю её фигуру.

Бастин снова отвесил ей пощёчину.

— Ах ты сука! Колдовать задумала?!

Эрна отодвинулась и быстро прошептала заклинание дядюшки Лонгина, то, которое превращает тьму в свет, выжигающий любое зло.

Запоздало вспомнила, что тот говорил никогда не торопиться, если произносишь заклинания, не шептать и не тараторить. Но было уже поздно.

Она вспыхнула сияющим голубым пламенем, которое быстро охватило Бастина, и тот закричал так, как будто уже попал в пекло преисподней. Рыцарь лю Дидье прорезал себе новый выход из палатки и кинулся прочь. Пламя пожрало медвежью шкуру и бархатный плащ. Эрна сквозь голубые языки видела, как они почернели и обуглились. Самое удивительное было в том, что ей самой было ни чуточку не больно, только резали руки и ноги впивающиеся в кожу верёвки. Пламя добралось до стен палатки и она вспыхнула вся, озарив лагерь, а после рассыпалась пеплом. Из-за яркого света девочка ничего не видела вокруг себя.

— Да стреляйте же в неё! — раздался нетерпеливый возглас рыцаря лю Дидье. Стрела пролетела совсем близко, Эрна поспешно пригнулась... — В центр, в центр стреляйте!

Вторая стрела пролетела прямо над головой девочки.

— Именем Заступника! — прогремело над лагерем. — Сдавайтесь — и вам сохранят жизни.

Святоши?! Они нашли её!

Эрна разрыдалась и пламя само собой погасло. Девочку снова окутала тьма.

— Ну, погоди у меня, маленькая тварь, — услышала она раздражённый голос рыцаря лю Дидье.

Плохое настроение чёрного мага придаёт силы его заклинаниям.

Тьмы было так много, что все, кто стоял рядом, и хотел схватить Эрну, оказались ею окутаны и как будто ослепли.

— Да где ты прячешься, тварь?! — разразился угрозами рыцарь лю Дидье. — Хватайте девчонку! Они не посмеют...

Эрна не могла ни встать на ноги, ни даже толком ползти. Мама научила её свисту, но как тут засвистишь, тебя же мгновенно найдут?!

Потом она услышала в темноте лай, чей-то сдавленный крик...

Со всех сторон тоже доносились крики. Кто-то ругался, кто-то просил пощады, кто-то просто орал что-то непонятное. Крики и звон оружия. Эрну почему-то больше никто не искал и она лежала, связанная, ничком, боясь даже пошевелиться.

Что-то холодное ткнулось ей в щеку. Лай раздался над самым её ухом. Так лаяли риканские мастифы. Эрна никогда ещё так не радовалась, что её колдовство прекратило действовать.

Темнота вокруг неё рассеялась и повсюду заплясал тёплый свет факелов.

— Она здесь! Она жива! — раздался над ней радостный голос.

Чьи-то руки снова вздёрнули девочку на ноги, но не грубо, а как будто даже заботливо. Кто-то охнул, кто-то выругался и тут же извинился. Эрна почувствовала, как кто-то за спиной разрезает на ней верёвки. Ноги уже не держали девочку, но ей хватило мужества

взглянуть перед собой, на отца Бенлиуса в необычной для него одежде воинствующего брата. Он осенил девочку священным знаком.

— Теперь ты видишь, к чему приводит легкомыслие и непослушание, — сказал он серьёзно. Эрна из последних сил вздёрнула голову. Почему он так смотрит?! Почему он так говорит?! Она же колдовала! У них на глазах! Почему её развязали?! Она проклятая! Их враг! Она...

— Брат Озейн, возьмите девочку, — приказал отец Бенлиус, и кто-то легко подхватил Эрну на руки. Она снова разрыдалась. Виль бросил её, а святоши нашли и спасли! Почему он бросил её?! Почему они её спасли?! — Пленных не бить! Охраняйте девочку. Где рыцарь лю Дидье?

— Почему?! — вырвалось у Эрны. — Почему?!

— Заступник направил нас, — так уверенно ответил брат Озейн, что девочка поперхнулась. Какой Заступник?! Как он может?! — Ты, наверное, заблудилась, когда отошла в лес.

— Я скажу матушке Онории... — посулил отец Бенлиус.

— Я нашёл твой нож и кошель, — утешительно сказал девочке чей-то голос и смущённо хмыкнул. — Вито нашёл, когда мы пустили его по твоему следу.

— Потом, брат Жофф, — оборвал его отец Бенлиус.

Они вели себя так, будто она и вправду была просто девочкой, которая заблудилась в лесу. Как будто она была их любимой дочерью и сестрой. Да что они, спятили?!

Брат Озейн поудобней перехватил девочку. Вокруг раздавались деловитые голоса братьев-заступников. Люди рыцаря лю Дидье, наверное, совсем не ждали нападения в этих местах. Эрна закрыла глаза, а, когда снова их открыла, она увидела над собой обеспокоенное лицо матушки Онории. Та обтирала девочку тряпкой, от которой пахло травами. Эрна поняла, что лежит в палатке монахинь в лагере братьев-заступников.

— Помни, — наставительно произнесла аббатиса. — Заступник равно любит всех своих чад.

Глава шестнадцатая

Наследница

Эрна ничего не понимала в происходящем. Ей дали отоспаться, вернули все вещи, смыли кровь и грязь. Сестра Дезире чуть ли не рыдала и говорила, что это она виновата в пропаже девочки, сестра Арнод ласково уговаривала Эрну пока не посмотреть в зеркало и прикладывала к синякам и ссадинам лечебные примочки. Матушка Онория поглядывала на Эрну с таким многозначительным видом, что той было не по себе.

Никто её не допрашивал!

Никто даже не поехал дальше... вернее, как раз многие поехали. Часть братьев-заступников отправилась по окрестным деревням — предупредить, что всякий, кто даст приют еретику рыцарю лю Дидье, будет считаться преступником против веры. Рыцарь лю Дидье, оказывается, не зря перестал кричать той ночью. Поняв, что девочку так просто не поймаешь, а его люди не готовы драться с братьями-заступниками, он попросту сбежал, бросив и людей, и лагерь. Сын его Бастин тогда же умер. Почему-то никто не обвинял в этом Эрну. Это было странно. Люди рыцаря лю Дидье, которые даже не пытались выгораживать своего господина, не рассказывали, что Бастина сожгла девчонка. Эрне не сообщали подробности допросов, но говорить при ней уже не остерегались. Выходило так, будто огонь упал с неба. Упал и сразу же поразил Бастина. Рыцарский сынок был тем ещё гадом, так что даже его подчинённые ничуть не удивились такому концу. Никто ничему не удивлялся! Все только и говорили, мол, подонок и богохульник Бастин, обидчик слабых и беззащитных, гроза юных дев, получил по заслугам. Кто-то из людей рыцаря лю Дидье даже уверовал в небесную кару и охотно каялся, разоблачая грехи своих товарищей. Эрран, например, всё боялся, что Заступник вспомнит, как они пинали беззащитную девочку, поэтому рассказал всё и про Жайме, и про Хлу, и про глотку, и про шишку, и про то, что там рыцарь лю Дидье говорил насчёт «поймать негодное отродье», и многое ещё, очень заинтересовавшее отца Бенлиуса. Эрран только умолял, чтобы ему дали искупить свои грехи в этой жизни, потому что неотвратимость небесной кары он увидел воочию.

Ещё говорили, что у единственного стрелка, который решился стрелять в небесное пламя, отсохли руки. Матушка Онория тщательно проверила его и убедилась, что он не притворяется.

Эрна не могла понять. Они даже не думают про магию! Они же братья-заступники! Они ловят волшебников и ведьм! Почему, ну, почему они носятся с ней так, как будто она святая, а не еретичка?! Подумаешь, пламя с неба! Вот никто даже не подумал, что оно и не с неба пришло вовсе?!

Святоши должны подозревать её! А не нянчить!

Когда девочка, по мнению матушки Онории, достаточно оправилась от пережитого, та привела её в палатку к отцу Бенлиусу.

— Сядь, дочь моя, — ласково кивнул ей священник после того, как девочка уже привычно подошла под его благословение. — Матушка Онория сказала, что твоя душа раздирается сомнениями.

— Я не... — начала было Эрно, но осеклась. Она понятия не имела, что говорить и что делать. Она проклятая! Она колдовала у всех глазах! Ну как можно тут выкрутиться?! — Да, отец.

— Ты отмечена Заступником, — без предисловий огорошил её священник. — Матушка Онория давно следит за тобой и видит, как много тебе дано.

— Что?!

Следит?! Видит?! Дано?!

— Учись терпению, дочь моя, — ласково улыбнулся отец Бенлиус. — Разве ты не помнишь о святой Окине? Святой Гаэле, Пиррете?

— Но они были *святые!* — возмутилась девочка. Отец Бенлиус и правда всё болтал о разных чудесах, но Эрна тогда слушала краем уха. *Ох, попадёт ей за это от дядюшки Виля!* — Я же — обычная! Я не святая!

— Ты пока не святая, — всё так же ласково продолжал священник. Эрне сделалось нехорошо. Ага, *пока*. Покуда живая. А то можно быстро всё исправить. — Но ты и не обычная девочка. Ты одарена Заступником, дочь моя.

Он сказал это так тепло и ласково, как будто Эрна в самом деле была его ребёнком. Ей совсем поплохело.

— Так не бывает, — пролепетала она.

Надо было, наверное, соглашаться. Радоваться. Надо было...

Отец Бенлиус покачал головой.

— Это знание нашего ордена, — пояснил он. — Заступник одаряет своих чад, чтобы карать нечестивцев. Он простёр над тобой свою руку — другого доказательства не надо.

Эрна в отчаянии посмотрела на матушку Онорию.

— Я умею видеть таких, как ты, — просто сказала аббатиса. — Ты покуда ничего не умеешь, но сможешь многое, если тебя обучить.

Она — не умеет?! Да как это?! Что аббатиса *несёт*?!

— Но колдовство — это козни Врага, — прошептала девочка.

Взрослые заулыбались.

— Козни Врага — это зло, которое человек принимает по своей воле, — ответил отец Бенлиус. — Сила же идёт от Заступника. Он не может решать за тебя, к кому ты склонишься, но он послал тебя к нам, чтобы мы научили и направили тебя.

— Мамочки, — прошептала девочка чуть слышно. Всё было ещё хуже, чем можно было представить. Если бы святоши решили, что она ведьма, она бы как-то отбрехалась. Но они думают, что она *святая!*

— Боишься? — усмехнулась матушка Онория. — Я тоже боялась. Ничего, дитя, научишься.

— У нас в Тафелоне, — сделала последнюю попытку Эрна, — ходят белые волшебницы. У них добрые чары, но они же не святые!

— Их обуяла гордыня, — безапелляционно отрубил отец Бенлиус, — они позволяют себе решать, что есть зло и добро, не советуясь ни с кем кроме своего слабого человеческого разума. Это ересь, дочь моя. Она куда опаснее, чем ведовство или оборотни, потому что те являются в уродливом обличьи, которое отвращает людей, а волшебницы, о которых ты говоришь, прекрасны и привлекают сердца.

— Но я не святая! — совсем по-детски закричала Эрна.

Святоши ласково засмеялись.

— Конечно, нет, — ответила аббатиса. — Ты просто глупышка, которая сбежала из-под присмотра. Не будь ты так наказана, тебе бы пришлось познакомиться с розгой. Надо же додуматься! Страна охвачена войной, а ты бегаешь за бабочками!

У Эрны, как ни странно, от этого нагоняя отлегло от сердца.

— Я... — она глубоко вздохнула. — Я больше не буду. Но я ведь не...

— Нет, ты не святая, — пояснил отец Бенлиус, — но Заступник охраняет тебя, как и всех нас. Он явил свою волю, поразив нечестивца и пряча тебя от поисков врагов, пока мы не смогли тебя защитить. Когда-нибудь ты сама станешь орудием Его и поможешь тому, кто слаб и нуждается.

Девочка потерянно кивнула.

Странные какие-то святоши.

— Папа Алфеус Третий, который четыре года назад сменил Папу Клетуса Шестого, издал буллу, согласно которой всякое умение или способность, которое проявляется со смирением и именем Заступника при поддержке и совете Церкви, есть благо и дар Заступника и Создателя, — торжественно объявил отец Бенлиус. — Ты ещё слишком молода, но должна понимать, коль скоро Заступник возложил на тебя эту ношу.

Эрна только глазами хлопала. Ай да святоши! Белые волшебники теперь еретики! Так им и надо! Скоро святоши позволят оборотням посреди улиц разгуливать! Да ведь и позволили уже! Как она забыла! Дядюшка Увар рассказывал, там, на востоке, где страной правят оборотни, там же ставят церкви и оборотни семьями переходят в истинную веру. И людей, своих слуг, заставляют тоже. Хотят после смерти драться за Заступника.

Но она же ведьма!

Это ведь не только дар, чей бы он уж ни был! Это ещё и колдовство, которое она творит! Именем Врага, между прочем!

— Но... матушка... — вслух проямлила девочка. Аббатиса отвесила ей лёгкий подзатыльник.

— Ты должна верить, а не сомневаться в словах старших, — наставительно сказала она. — Я много раз испытывала тебя...

Что?!

— ...и вижу: ты не владеешь покуда своими силами.

Это она-то?! Да от её взгляда молоко скисает!

И как это она могла даже не заметить, что святоша её проверяет?!

— Мне говорили, — рискнула девочка, — что у меня дурной глаз.

Матушка Онория расхохоталась. Отец Бенлиус усмехнулся.

— Ты бы знала, дитя моё, сколько злобы стоит за такими поклёпами, — сказала аббатиса, — сколько человек готовы хоть под пытки, лишь бы сожгли соседа...

— Когда мы вернёмся домой, — сказал отец Бенлиус серьёзно, — матушка Онория и её сёстры снова испытают тебя. Но тебе нечего бояться, если ты и причиняла вред, то не по злой воле, а по недомыслию и неумению.

Деваться было некуда. Эрна поблагодарила святош и покорно позволила отвести себя в палатку. Последнее время её провожали даже до отхожего места на краю лагеря.

* * *

Братья-заступники не торопились. Они возвели большой шатёр, в который приводили пленных по одному и там подробно допрашивали, записывая каждое слово на церковном и на хларском языке. Вопросы задавал отец Бенлиус и некоторые другие братья, которые

умудрялись и без записей помнить, кто из пленников что говорил и по какому поводу. Иногда на допрос вызывали нескольких человек и им торжественно зачитывались их же показания. Потом требовали объяснить, почему они говорят разное об одном и том же.

Никого не пытали и даже не били. Среди братьев-заступников не было ни одного палача и никто не грозил привезти палача из ближайшего города. Им это было ненужно. Братья-заступники просто приводили людям их собственные слова или слова их товарищей и требовали объяснить противоречия. Если кто-то отказывался отвечать, это тоже записывалось. На таких остальные начинали валить все преступления, которые творились в личном отряде рыцаря лю Дидье, поэтому все быстро сообразили и больше ни от чего не отказывались. В суде сидели к тому же два клерка парламента Балриля, которые ставили свои подписи на протоколах, подтверждая, что святоши всё правильно записали.

Матушка Онория, которую на допросы звали очень редко, объяснила девочке, что все записи пойдут в Балриль вместе с большинством пленников, где их будут судить. А копии записей останутся в ордене. Те же люди рыцаря лю Дидье, которые захотят искупить свои преступления службой Заступнику, отправятся в монастыри со строгим уставом, не доставшись светскому суду.

— А что сделают с ними в Балриле? — спросила девочка. Методичная работа святош ужасала. Освободитель, оказывается, они даже не пытались её всерьёз допрашивать! А она-то думала, что ловко всех обманула!

Аббатиса пожалала плечами.

— Кого-то повесят, чтобы неповадно было. Кого-то, глядишь, возьмут охранять город. Кого-то выпорют и прогонят прочь — без денег, оружия и одежды.

Эрна поёжилась.

— Тебя они больше не побеспокоят, — заверила матушка Онория.

Ещё бы! Святоши готовы её на помочах водить. А всё из-за них! Если бы она спокойно поколдовала, кто бы её нашёл-то? Дядюшке Вилю хорошо говорить — без колдовства! Он и без колдовства всяко умеет. А она?! Вот как бы он выкручивался? Небось, соврал бы, что клад ищет, в долю бы взял, а там прирезал исподтишка. Ему б ещё и поверили. Виль — он такой. Паук, одно слово. А у ней так не выйдет. Кто ж поверит, что девочка в лесу клад ищет? Очень смешно, ага.

Что-то, видимо, отразилось на лице девочки, потому что матушка Онория участливо положила руку ей на плечо.

— Что тебя тревожит, дитя моё?

Враг бы драл эту аббатису! Как она умудряется всё видеть?!

— У нас в Тафелоне говорили, что братья-заступники... пытаются людей, — осторожно сказала девочка. Ей в самом деле было интересно, с чего святоши так изменились.

— Еретиков и проклятых, дитя моё, — хмыкнула аббатиса. — Тех, кто отказывается принять милосердие Заступника.

— Но матушка, вы же сами сказали, что были те, кто не хотел отвечать! Почему их не пытали? Может, они скрывают... скрывают... может, они знают что-то важное!

— Всех сразу? — усмехнулась аббатиса. — Без причины, без показаний, без доказательств?

— Но они же...

— Разбойники, мародёры и висельники, — подхватила матушка Онория. — Но доказательств того, что они отвергли Заступника, нет. Их будут судить в Балриле.

— А вдруг отвергли? — не унималась Эрна. Ей было непонятно. Когда это святоши упустили возможность покуражиться?!

Аббатиса отвесила девочке несильный подзатыльник.

— Ты должна верить старшим, дочь моя, — сказала она. — Невозможно скрыть правду от внимательного глаза.

Сказав этого, монахиня наградила девочку таким взглядом, что Эрне ещё долго было не по себе.

* * *

Разбирательства были в самом разгаре, когда в лагерь приехал очередной гонец. Эрна даже не пыталась узнать, с чем он приехал: ей такие вещи не сообщали. Каждый день она должна была вычёсывать псов, «учиться» церковному языку, выслушивать наставления матушки Онории об уставе ордена сестёр-созерцательниц и вязать. Лишние вопросы не приветствовались, хотя уточнять непонятное в уставе было можно. Эрна на всякий случай уточняла. Словом, она почти что не интересовалась прибывшим гонцом, но отец Бенлиус неожиданно вызвал девочку к себе.

— Дочь моя, — начал священник и Эрна вдруг заметила, какой у него усталый вид, — замок твоего отца перешёл под покровительство нашего ордена. Ты — единственное признанное им чадо, не осквернённое преступлениями и ересью, поэтому твой долг вступить во владение и замком, и землёй твоего отца, и людьми, которыми он до сих пор управлял.

— Что?! — вытаращилась на него девочка. Потом спохватилась. — Простите, отец, но я же...

— Да, если бы владения твоего отца были бы его личными землями, доставшимися ему от отца, ты не имела бы права на наследство. Но покойный король Клод Пятый даровал замок и окрестные земли лично бабушке твоего отца с тем, чтобы она передала их своей старшей дочери, чьё сходство с его величеством не вызывало ни у кого сомнений.

Эрна оглушённо кивнула. Бабушка рыцаря, старшая дочь бабушки рыцаря... Освободитель, так рыцарь лю Дидье — внук покойного короля. И племянник нынешнего. Потому-то ей и говорили, что в её жилах течёт королевская кровь. И никто ничего не объяснял! Все думали, она и так знает.

— Когда будет коронован король, он подтвердит передачу замка и земель тебе, — продолжил отец Бенлиус.

Когда будет коронован! Да война никогда не кончится! А если победят ютанцы?!

— Пока же ты доверишь ордену управление владениями твоего отца, который проявил себя столь недостойно, — продолжал отец Бенлиус терпеливым и мягким голосом.

Девочка снова кивнула. Тогда священник взял её за руку и подвёл к столику, где среди прочих документов лежал прижатый камнями свиток.

— Ты должна подписать это письмо, — произнёс отец Бенлиус.

Эрна покорно взяла протянутое перо и вывела «*Ninette*» в том месте, на которое указал священник. Потом на другом свитке — ещё и ещё. Несколько раз. Отец Бенлиус привычно посыпал все подписи песком и похлопал девочку по плечу.

— Это тяжкая ноша, — сказал он, — но наш орден поможет тебе наставлениями и

советами.

Девочка согласно кивнула. Помогут. Они — помогут. Это же надо же! За один день она получила целый замок и отдала его святошам! Ай да святоши! Что будет завтра?!

Так получилось, что провожать её обратно до палатки монахинь должен был брат Озейн, который был среди отправленных в замок рыцаря лю Дидье людей. К Эрне брат Озейн относился с особенной нежностью. Как он признался, дома у него осталась сестрёнка и сейчас ей столько же лет, сколько малышке Нинете. При воспоминании об унижениях и побоях, которым девочка подверглась в лагере своего «отца», у брата-заступника сжимались кулаки.

— Так ему и надо, твоему папаше, — злорадно сообщил Озейн. — Сколько лет разбойничал, пока война шла! Королевский родич! Брат Линдр капитана живо уболтал.

— Какого капитана? — не поняла Эрна.

— Да замка твоего. Гарнизона. Прощение грехов всем и золото ему. Ну и, конечно, жалование за прошедший год каждому. Рыцарь лю Дидье скуповат. Этих он даже грабить не выпускал, только кормил да одевал, а денег — ни-ни. Мы всё уладили. И замок твой. Скоро туда поедем. Заживёшь как принцесса.

Монах с размаху хлопнул девочку по плечу, она чуть не упала. Из палатки монахинь выскочила сестра Дезире.

— Брат Озейн! — зашипела она как рассерженная кошка. Брат-заступник попятился.

— Прости, сестра, — кротко произнёс он. Эрна захлопала глазами. Он, что, перед *ней* извинялся?!

— Я всё расскажу отцу Бенлиусу, — пригрозила монахиня.

Озейн покраснел, неловко поклонился и поспешил ретироваться.

— Деревенщина! — продолжала ругаться монахиня, вталкивая Эрну в палатку. — Привык за плугом ходить! Забудь, что он тебе говорил, Нинета, слышишь?!

— А что он такого сказал? — захлопала глазами Эрна.

— Ничего! — сильнее прежнего рассердилась Дезире. — Он ничего не сказал! Ты не должна ни о чём думать!

— Оставь её в покое, — вмешалась сестра Арнод. — Отец Бенлиус всё равно не даст её постричь. Ни Онор, ни Эммет никогда не отдадут нам такой замок.

— Замолчи! — рассердилась сестра Дезире.

— А кто такой Эммет? — заинтересовалась девочка. Онор — это же наследник, который никак не может короноваться.

— Ютанский король, — буркнула сестра Дезире, — который прислал к нам своих безбожных солдат. А мы ждали, что он пришлёт своего сына, который бы правил нами вместо пьяницы Ублюдка Онора.

Эрна не сразу сообразила, что «нам» сестры Арнод означало «святошам», а сестры Дезире — «Хларии».

— Дезире... — предостерегающе сказала сестра Арнод.

— Брось. Все знают, что его отец не пропускал ни одной юбки и забросил свою жену. Королева родила Онора от собственного садовника!

— Дезире, — уже решительней произнесла сестра Арнод. — Мы не должны судить мирских владык.

Сестра Дезире осенила себя священным знаком с таким свирепым видом, как будто это уничтожит её врагов.

— Ты не должна слушать мужчин, — сказала она уже мягче. — Не должна с ними разговаривать, улыбаться им, задавать вопросы... Ты слишком молода и неопытна для этого.

— Да, сестра, — покорно кивнула девочка и без напоминаний взяла недовязанный носок.

Сказанное братом Озейном смущало мысли девочки. Святоши *подкупили* гарнизон?! Вот прямо взяли и подкупили?! Откуда у них столько золота?!

* * *

Святоши удивительно быстро закончили разбираться с людьми рыцаря лю Дидье — всего за каких-нибудь три недели. Братья-заступники собрали свои записи и передали их в Балриль, из города за пленниками пришёл отряд и всех их в цепях увели на суд. За это время Эрна сделала вид, что продвинулась в изучении церковного языка и начала вполне сносно вязать носки. Брату Озейну больше не позволяли приближаться к девочке, и она не раз ловила на себе его взгляды. Отец Бенлиус больше не призывал Эрну к себе и не делал никаких внушений. А матушка Онория ограничивалась туманными обещаниями непременно позаботиться о будущем девочки.

Эрна же всё время думала о побеге. Ну хорошо, она поняла. Когда в стране война, далеко не уйдёшь. Святоши доведут её до замка. Это хорошо. Переправу через Лейд охраняют с двух сторон. Это плохо. Если она переоденется нищенкой, что они скажут? Отправят обратно небось. А если им дать денег? А где их взять?

Эрна никогда в жизни не воровала... ну хорошо, Танцующий Кабан отправлял её красть свежие яйца из его же курятника, но чтобы незаметно и ни одна курица не кудахнула. А потом её застучал мальчишка, на которого Кабан свалил пропажу яиц. Глупый был мальчишка. Виль рассказывал, он потом пропал куда-то. Вроде как с какими-то людьми ушёл... воинами... дикими совсем. Враг с ним. Но деньги-то не яйца, а люди не курицы! Где святоши их прячут?! Деньги, а не людей и не куриц. Но куриц тоже. Вон в тот раз ушла без еды и одежды, сразу же вляпалась.

Хуже всего было другое. Ну, положим, деньги Эрна найдёт. Можно же и поколдовать немного. Дядюшка Лонгин очень интересовался, как ведьмы колдуют, как-то раз целую неделю просидел на кухне в Бурой башне и вынес оттуда несколько свежих идей, которые сам опробовать не мог. Не дано волшебникам колдовать как ведьмы, у них головы по-другому устроены. Мама говорит, Лонгин слишком умный для ведьминского колдовства. Но Эрне он кое-что показал и у неё даже получилось. Например, как найти то, что тебе вовсе не принадлежит. Только незаметно этого не сделаешь.

А если сначала спрятаться, чтобы потеряли и уже перестали искать — как тогда, в Белой башне? И тогда спокойно поколдовать?

Ну ладно.

Деньги будут.

Не может так быть, чтобы у святош вовсе ничего не нашлось.

Подкупили же они стражу.

А вот как сделать, чтобы деньги не отобрали? У солдат с этим быстро. По руке стукнут, ткнут в зубы, пнут в задницу — и сиди, сопли утирай. Без денег. Это если отпустят.

Эрна вспомнила, как однажды, когда барон цур Фирмин куда-то себе уехал, Виль

поселился у них на целый месяц и каждый день таскал Магду на озеро Корбин, где припрятал в камышах угловую лодочку, вроде тех, с которых вдоль берега рыбачат. Магда страшно ворчала, но почему-то соглашалась. Вроде как что-то она обещала дядюшке Виллю. И каждый день училась грести на этой лодочке. А потом он ещё нашёл другую, немножко побольше, с парусом. На таких плавали через озеро. Оно ж большое! И Виль заставил Магду управляться с парусом. Хотя вот зачем деревенской ведьме такое уметь? Латгавальд же не рыбацкая деревня! Но Виль не отставал. Эрну он тоже немножко поучил, но не так возился, как с Магдой. Даже непонятно, почему. Он же её учитель, не мамин! А потом Эрну прогнали, потому что Виль хотел, чтобы Магда призвала тех духов, от которых она с таким трудом избавилась когда-то, и научилась управлять лодкой без паруса и вёсел. Магда три раза вернулась домой мокрая с головы до ног, а на четвёртый раз мокрым был почему-то Виль, который проводил ведьму до дома и исчез. Не согласился даже до утра остаться и обсушить одежду. Так мокрый и ушёл.

А Магда с тех пор действительно научилась управлять ветром. Эрна потом вспомнила: тот колдун, который маму проклял, он же её на этом и проверял, только у мамы не получилось. Сам-то он так и плавал. И ещё вьюгу призывал. Мама тоже может. Но ей-то зачем? А Виль ещё тогда говорил, что не может управиться с лодкой человек, который с ней вообще не справляется. Вот и доказал, что он лучше всякого колдуна Магду научит. Пospорили они, что ли?

Это воспоминание заставило девочку разулыбаться. Виль вообще много чего умел. Даже косички ей в детстве заплетал и кашу готовил. И рыбу научил ловить. И зайцев силками. А лягушек вообще руками ловить заставлял. И смеялся. А потом завёл вот сюда и бросил одну.

Но если найти где-то лодку... или купить. Не у солдата, а у рыбака, например? Рыбак так просто деньги не отберёт, особенно если найти попроще и победнее. Чтоб за медяк был готов душу продать. У рыбака лодку можно и украсть. Украсть лодку, навести чары и переплыть через реку. Подальше от мостов и солдат.

Решив, что так непременно поступит, девочка успокоилась и даже стала прислушиваться к нравоучениям матушки Онории.

Глава семнадцатая

Епископ

Они приехали в замок рыцаря лю Дидье, который действительно открыл ворота для Эрны как для полновластной владелицы. Девочку поселили в комнате, похожей на ту, в которой она жила с Вилем, но только оттуда вынесли кровать, поставили топчан из досок и уложили поверх походные тюфяки. Комнату эту Эрне предстояло делить с сёстрами Арнод и Дезире, чтобы не привыкать с детства с роскоши. Матушка Онория поселилась рядом. Комната аббатисы была завалена жалобами, счетами и письмами, с которыми она терпеливо разбиралась. Днём Эрна была обязана почти всё время находиться при матушке и вникать во все дела замка. Отцу Бенлиусу и монахам было не до того: они перерывали замок в поисках... а чего — Эрне никто не говорил. Но искали очень старательно и с каждым часом становились всё мрачнее.

На второй день отец Бенлиус пришёл к матушке Онории, попросил Эрну выйти и подождать его за дверью, но, во имя Заступника, никуда не уходить. Двери в замке были толстые и крепкие и девочка еле различила что-то вроде «она не готова» от матушки Онории и «не можем ждать» от отца Бенлиуса. Потом её позвали внутрь. Аббатиса сидела за столом, заваленным пергаменами, и была мрачна, священник имел строгий и суровый вид, стоя возле неё.

— Дитя моё, — привычно начал он, — над твоей душой нависла опасность страшного греха.

Девочка захлопала глазами. С этими святошами она привыкает выглядеть круглой душой! Но им, кажется, нравится.

— Мы расспросили слуг, — сказал отец Бенлиус, — и никто ничего не слышал о пленнике в этом замке. Тебя они помнят. Я говорил с теми, кто тебе прислуживал, и уверен, что они ничего не знали ни о каком епископе.

Ой! Про это Эрна не подумала. Проклятый рыцарь лю Дидье! Кто ж знал, что он такой осторожный?!

— Признайся, дитя моё, ты солгала мне, — сказал отец Бенлиус неожиданно мягко. Вот вроде как Виль, когда «тому сморчку», который прозревшим притворялся, пальцы резал.

— Я не... — промямлила Эрна. Зачем она вообще про святошу вспомнила?! Ведь говорил же ей Виль — забыть про него надо!

— Ты непослушная девочка, которая любит бегать без спросу, — сказала матушка Онория. — Это ведь ты видела его преосвященство, так?

— Нет! — попяtilась Эрна. — Я его не видела!

Священник вздохнул.

— Если ты солгала нам... если по твоему слову орден напал на невинного человека... Эрне почему-то отчётливо вспомнилась старенькая дыба в замке барона цур Фирмина.

— Нет! — закричала она отчаянно. — Он есть! Он тут был! Это правда!

Матушка Онория поднялась и положила руки девочке на плечи.

— Ты постарайся вспомнить, где он прячется, и отведёшь нас туда. И мы не будем спрашивать, зачем ты разгуливала по замку. Ведь это твой замок, девочка. Почему бы тебе по нему не прогуляться?

Девочка послушно кивнула. Деваться было некуда.

Она не сразу нашла то место, откуда спустилась в подземелье в тот раз. С ней шёл отец Бенлиус, матушка Онория, братья Озейн, Боффо и ещё трое, которых она не знала по именам. Матушка Онория была бесстрашна, мужчины, кроме брата Озейна, мрачны, Озейн ободряюще улыбался.

Вот дурень!

Эрна пыталась представить, что она будет говорить, если никого не найдёт. Да за столько времени святоша давно подох бы, не от голода, так от жажды! Или сбежал. Если б подох, давно по вони бы нашли. Наверное, сбежал. И вот как она будет оправдываться?

Это будет больно.

И долго.

Очень долго.

Виль как-то говорил, что, когда жертва всё рассказала, для неё всё только начинается. Надо же проверить, а вдруг соврала. Или умолчала о чём-то. Или сказала то, что ты хотел услышать. Да мало ли что ещё. Зато весело. Брр.

Она, наконец, нашла проход в тайную часть подземелий, которую не могли найти святоши. И там в самом деле была дверь, запертая снаружи.

— Эта? — спросил отец Бенлиус, поднимая факел повыше. Девочка кивнула. Странно, но тут ничем не воняло. Ну, почти не воняло. Немного всё-таки чем-то пахло.

Брат Жоффо сбил замок и отодвинул засов.

— Постучать надо, — подсказала девочка на всякий случай. — Два раза тихонько, а потом сильно.

Отец Бенлиус бросил на неё странный взгляд и последовал совету. Заскрежетал засов и дверь отворилась. Из неё отвратительно пахло нечистотами и вином.

— Ваше преосвященство, — сказал священник, освещая факелом фигуру в чёрном облачении. — А мы, признаться, уже отчаялись вас найти.

Эрна хотела подойти поближе и посмотреть, кого они поймали, но матушка Онория развернула девочку и подтолкнула к выходу. Брат Озейн пошёл с ними, остальные остались в подземелье.

— Не понимаю, — спросил Озейн, когда они отошли подальше.

— Тебе и не надо, — хмыкнула матушка Онория.

— Он же заперт был! — не удержалась Эрна. Интересно, святоши *вправду* не будут её расспрашивать, как она сюда попала в прошлый раз? — Снаружи! Что он ел, пока мы не приехали?!

— И пил, — добавил Озейн и засмеялся. — Я подметил бочонок в углу. Бедняга!

— Слуги, которые носили ему есть, могли сбежать вместе с гарнизоном, — сказала матушка Онория. — Вино спасло его от жажды.

А гадить ему пришлось в углу, раз вазу никто не выносил больше. И впрямь бедняга.

Матушка Онория бросила на Эрну косой взгляд.

— Ты никогда не проливала свою кровь на траву, не закапывала её в землю, не позволяла ей стечь в огонь или в воду, дитя моё?

— Нет! — поразила вопросу девочка. Святоши опять её подозревают?! А зачем тогда спасали?!

— Ты не сжигала свои волосы, чтобы уберечься от злого глаза?

Девочка немного поколебалась, посмотрела на брата Озейна и решила:

— Сжигала, — сказала она с обеспокоенным видом. — Мамушка Лоре сказала, так все делают. А это грех?

— Грех — недоверие Заступнику, дочь моя, — отозвалась монахиня.

— Все женщины жгут волосы, — вмешался брат Озейн. — У нас в деревне была одна набожная женщина, которая не сжигала. Так она облысела и муж её бросил.

Матушка Онория закашлялась.

— Брат Озейн, дальше нас провожать не надо, — сказала она.

Озейн послушно развернулся и пошёл прочь, но тут к ним подбежал перепуганный слуга, который кинулся в ноги аббатисе. Брат-заступник немедленно вернулся, чтобы защитить матушку Онорию, но слуга разразился потоком бессвязных слов, из которых Эрна различила только «сын», «расшибся», «стонет» и «помоги». Девочка оживилась. Мама брала её с собой, когда лечила людей, и у Эрны неплохо получалось помогать. Может быть, аббатиса перестанет думать, что Эрна — маленькая дурочка, если ей удастся показать себя с хорошей стороны? Но матушка Онория решила иначе.

— Брат Озейн, проводи Нинету, — приказала она. — Я посмотрю, что с мальчиком.

— Вам не стоит... — начал было брат-заступник, но аббатиса бросил на него суровый взгляд, и он уступил.

* * *

Оставшись наедине с Озейном, девочка вдруг почувствовала смущение. Ещё никогда ей ни с кем не запрещали разговаривать! К тому же этот святоша почему-то к ней хорошо относился. Без этого вот «дитя моё» и «на всё воля Заступника». Покосившись на своего провожатого, Эрна поняла, что он тоже смущён, и слегка приободрилась.

— Она была ведьмой? — спросил Озейн, преодолевая неловкость. — Твоя бабушка?

— Нет! — возмутилась Эрна. Ну почему, если знахарка — то сразу ведьма?! У них вон в деревне и знахарь есть, отродясь не колдовал, зато какое снадобье против вампиров придумал! Даже Виль его хвалил, а уж тётушка Вейма как ругалась!

— А моя тётка была, — вздохнул Озейн. Эрна посмотрела на него с интересом. *Была?*

— А что с ней стало? — спросила девочка.

— Сожгли, когда неурожай был, — просто ответил брат-заступник. — Дверь подпёрли и сожгли.

Эрну передёрнуло.

— А потом ты пошёл в... в орден? — спросила она. Вот кем надо быть, чтобы присоединиться к палачам своей собственной тётки?!

— Потом нас с матерью из деревни выгнали, — грустно усмехнулся Озейн. — Отец...

По лицу брата-заступника прошла тень и он замолчал.

— А твоя сестрёнка? — вспомнила Эрна. Озейн поднял руку и нерешительно коснулся локтя девочки.

— Она тогда приболела, — сказал он глухо. — Тётка её к себе взяла. Никто не согласился её выпустить.

— Ой.

Девочка стало плохо, когда она представила себе всё это. А каково было матери?! Эрне явственно привиделась Магда, с рыданиями мечущаяся вокруг горящего дома. Освободитель! За что?!

— Но почему?! — вырвалось у неё.

— Братья-заступники этого бы не допустили, — твёрдо сказал Озейн. — Они дали бы ей раскаяться.

— Кому?! — не сдержала возгласа Эрна. Святоша покосился на неё с любопытством.

— Всем, наверное, — не очень уверено сказал он. — Это ведь грех — убивать, даже ведьму.

— Ты любил её? — заинтересовалась девочка. Кто бы мог подумать, что у святош бывают такие странные судьбы! — Тётку твою?

— Нет, — усмехнулся Озейн. — Она была злая и вечно отвешивала мне подзатыльники. И никогда не делилась тем, что ей люди приносили. А уж что про отца говорила...

Он умолк.

— Получается, она права про него была, — вдруг сказал он. — Папаша-то нас с матерью первый выгнал.

— Вот и у меня, — брякнула Эрна, вспомнив своего отца, который продал родную дочь ведьмам и предал её мать. Сказав это, она в ужасе умолкла, но святоша, к счастью, понял её по-своему.

— Да, такого папашу, как у тебя, врагу не пожелаешь, — поддакнул он. Потом огляделся по сторонам, но рядом никого не было. Тогда он продолжил. — Ты не думай про папашу своего. Теперь он не отмажется.

Он хохотнул.

— Ну и вонь! Епископ Фоук! Ха-ха-ха, поделом ему! Бедняга!

— А кто он такой? — рискнула спросить девочка.

— А, — махнул рукой святоша. — Не велено говорить. Особенно тебе. Не понимаю, почему, все и так знают.

— Он, наверное, самым главным был у вас? — не отставала девочка.

— Ну, скажешь тоже — самым главным! Вовсе нет. Он был как отец Бенлиус, только не для комтура, а для командора. Вроде ничего не решает, а на самом деле...

— Это он задумал прошлого папу убить?

— Выходит, что он, — кивнул Озейн. — Ты, сестрёнка, не думай про всю эту грязь. Ты думай, что сейчас твоего папашу точно вне закона объявят и от церкви отлучат. Шутка ли — скрывал у себя нашего епископа! Сейчас папе в Терну письмо напишут — и готово. Тебе весь замок достанется. Твой отец знаешь какой богатый? Всё тебе отойдёт. А там, глядишь, замуж выйдешь.

Эрна вспомнила про подписи, которые она поставила по приказу отца Бенлиуса. Ага, всё. Как же. Небось, они живо золото своё вернут с «её» владений. И сверху добавят, чтоб себя не обидеть. А она так и будет спать на топчане.

— Вот будет новое перемирие, устроят опять турнир, — мечтательно произнёс Озейн, пока Эрна лихорадочно соображала, что бы ещё такое спросить. — Ты была когда-нибудь на турнире, сестрёнка?

— Неа, — печально сказала девочка. В самом деле, почему она никогда не была на турнирах? В позатом году в Тамне был, казалось бы, и вовсе близко.

— Тогда увидишь! — пообещал святоша. — Тебе стоит посмотреть. Столько бойцов,

столько дам, какие флаги... Тебя непременно посадят на лучшее место! А в перерывах посмотришь на скоморохов. Что они вытворяют — этого и представить нельзя. Говорят, в Сейре их даже на колдовство проверяли. Оказалось, нет. Обычные люди. Но что они делают! ... А в Балриле скоро представление будет.

— Представление чего? — не поняла Эрна. Озейн необидно рассмеялся.

— Я тоже спрашивал, когда только из деревни выбрался, — сказал он снисходительным тоном старшего брата. — Будут показывать жизнь святой Пиретты. Представление будет длиться неделю.

— Ого!

Эрна колебалась между желанием увидеть, как это будут показывать и детским стремлением заявить, что никакие там святые её не интересуют. Но этого же нельзя говорить! Потом, Пиретта, кажется, была та святая, которую Заступник спас из темницы, в которой её замуровали заживо. Там было что-то про свет, потом ничего, а когда дверь открыли, в темнице было пусто. И никаких тайных ходов, ничего не нашли. Интересно, искали? А ещё, говорят, там пахло розами. Это уж точно враньё! Вон, когда епископа открыли, там вовсе воняло. Можно подумать, святые как-то иначе устроены, чем обычные люди!

— Вот бы посмотреть! — вздохнула она. Брат Озейн тоже вздохнул.

— Сейчас беспокойно, — извиняющимся голосом сказал он. — Может быть, позже, в перемирие...

— А оно будет? — горько спросила девочка. На самом деле она думала о том, что ей надо бежать, куда святоши не выдадут её замуж. А то и оглянуться не успеешь, как окажешься с огромным пузом, как у мамы, когда та носила очередного сыночка!

Вообще-то в деревне таких молоденьких замуж не выдавали. В двенадцать лет девочка садилась прясть, ткать и шить себе приданое. Будь она даже богата, но это сделать она должна была сама. Лентяйку, купившую себе сорочки да платья, поднимут на смех по всей округе. Поэтому девушки не торопились замуж. Семья жениха всё посмотрит, что за девкой дают, и вот не приведи Заступник, если она мало сделала. Но кто знает, как у знатных принято. С замком-то, небось, им всё равно будет, умеет ли она соткать полотна на сорочку!

Надо бежать как можно скорее.

И никогда не увидеть этого самого. Представления. В Тафелоне турниры есть и скоморохи есть. А вот представлений, да чтобы неделю — такого нету.

— Может, и не будет, — неуверенно сказал Озейн. — Может, король Эммет до зимы всю страну подчинит. Как они Арол взяли! И без колдовства умудрились. Но и тогда станет потише и мы с тобой поедим на турнир.

— А откуда ты знаешь, что без колдовства? — заинтересовалась Эрна. «Мы с тобой». Он серьёзно?!

— А тебе не говорили? — удивился святоша. — Матушка Онория колдовство и чары чует как наши волкодавы — оборотней. Вон, про тебя сказала, что на тебе нет вражьей отметины.

Девочка задумалась. Как это — нет?! Почему это нет?! Она и колдовала и к магии прибегала и к чёрной, и даже к бе... вот в чём дело! Белая магия, она же уничтожает колдовство! Наверное, потому аббатиса ничего и не почувствовала! Но какая страшная женщина! А Эрна-то думала, почему ей поверили!

— А почему они тогда на меня так смотрят? — надулась девочка. — Сегодня я чуть не

обдела... думала, они меня на кусочки порежут!

Озейн расхохотался и даже похлопал Эрну по плечу. Потом посерьёзnel.

— Ну, так твоя бабушка была ведьмой, — сказал он серьёзно, — а ты не признаёшься. Как они могут тебе доверять?

— Но она не...

— Ты напрасно боишься, сестрёнка, — весело сказал брат-заступник. — Ты же не отвечаешь за свою бабушку! Чем раньше ты признаешься, тем тебе станет легче.

— Мне казалось, когда не доверяют, так с человеком не носятся, — сказала Эрна осторожно.

— Я думаю, отец Бенлиус считает, главное — кем ты можешь стать, а не кем была твоя бабушка, — покровительственно сказал Озейн и снова хлопнул Эрну по плечу. — Выше нос! Мы с тобой ещё на турнир поедem!

Тут в конце коридора показался другой святоша. Озейн немедленно отодвинулся от девочки, а она устремила взгляд в пол, чтобы их никто ни в чём не заподозрил.

Ну, надо же! Среди святош, оказывается, бывают и... ну... неплохие совсем люди.

Глава восемнадцатая

Убийство

После того, как она нашла им епископа, святоши заметно к ней подобрели. Не то чтобы кто-то додумался извиниться за угрозы и недоверие, это же святоши, куда им! Но они как будто бы старались загладить свою вину. Эрна уже знала: если кому-то перед тобой неловко, это можно заметить. Или человек ёрзает, в глаза не смотрит, со всем соглашается, или, наоборот, грубит и ругается. А ещё бывает как дядюшка Виль, который однажды так учил её правильно убегать, что загнал на берег ручья, она подскользнулась на камне и упала в самое глубокое место. Ух, он и ругался! Она и глупая, она и неловкая и вовсе бестолочь и зачем он время тратит... а потом подобрел, обсушил и вздул Фатея, который задумал над ней смеяться. Маме сказал не говорить. Бухтеть, дескать будет, а это ни к чему вовсе. Странно дядюшка Виль с мамой общался. То ругался, обижал всяко, гадости говорил, угрожал даже. А то вот «ни к чему». Будто ему много дела, кто там бухтит. Или вон скажет он чего, а она на него полотенцем замахнётся. Ни разу не стукнула, правда. А он только смеётся.

Святоши навреде Виля оказались. И не извинились вовсе, но подобрели. Но нет чтобы кровать вернуть. Так матушка Онория решила, что Эрну можно чему-нибудь умному обучить. Она открыла какую-то книгу, похожую на мамину ведовскую. В маминой сами собой появлялись записи о её колдовстве. На *встречах* ведьмы показывают друг другу свои книги, когда хотят похвастаться, что плохого людям сделали, или как у них получилось что-нибудь сложное. А если делают доброе, то такие записи стирают, а то за добрые дела можно и неприятности схлопотать. У мамы так было, её потом и Лонгин, и Виль спасали, да так, что мама до сих пор на Виля ругается, мол, похабник он бесстыжий, глаза б её на него не смотрели. А он Лонгину всё золото поминает, которое стало черепками. Мама говорит, у дядюшки Лонгина все деньги проклятые, ни медяка брать нельзя. Вилю, мол, повезло.

Вот у матушки Онории была похожая книга. И тоже про колдовство. Там были записи разных людей, никто не старался писать красиво или понятно, и порядка тоже не было. А было там про то, как отличить сумасшедшего от одержимого, как отличить удачное колдовство от неудачного, чем грамотный колдун опасней неграмотного и много других страшно интересных вещей. Но главное-то матушка Онория пока придерживала. Она никак не хотела рассказать, как это она умудряется чують колдовство. И оборотней! Ведьмы так не умели. И волшебники. Даже вампиры так не умели! А матушка Онория умела. И поэтому Эрна внимательно слушала. Про дурной глаз тоже слушала. И про то, как запутать свидетелей вопросами, чтобы они признались, мол, выдумали всё по недомыслию и злобе.

Рассказывалось в книге про людей, которые гладят косяк дома, в который входят, чтобы умилостивить домашних духов. Про людей, которые режут чёрных котят, чтобы отогнать враждебных демонов, и про других, поливающих очаг кровью чёрного петуха. Про то, как узнать людей, участвующих в ведьминской оргии, и как отличить ребёнка, которого не Заступник, а Враг вырвал из рук смерти.

Матушка Онория отвела Эрну в библиотеку рыцаря лю Дидье, небольшую комнату, в которой девочка с ужасом и восторгом увидела целых два забитых книгами шкафа. Да столько во всём Тафелоне, наверное, нету. Даже у дядюшки Лонгина, который вообще предпочитал читать не книги, а письма от других волшебников. И сам писал кому-нибудь всё время. Письма тут тоже были. И свитки. Целая полка со свитками. И ещё карты! Эрна

конечно, видела карты Тафелона и святых земель у барона цур Фирмина. Но там были глиняные, грубо слепленные так, чтобы горы были, и реки, и даже деревни с городами. А тут — кто-то терпеливо тоненькой кисточкой нарисовал всё на пергаменте. И не узнать даже где что. С другой стороны была маленькая дверь, которая неизвестно куда вела. В библиотеке ещё стояли два стола, почти пустые, большой стол посередине, на котором была расстелена большая карта и сверху валялись какие-то свитки. И ещё стояло... какая-то странная тумба с ящиками и наклонной верхней крышкой^[51]. На почти пустых столах стояли чернильницы и масляные лампы, на каждом под одной. И ещё круглая штука из меди, в которой были круги и странные изгибы с насечками. Эрна видела такие и в Чёрной, и в Белой башнях. Дядюшка Лонгин говорил, что это астролябия, но пока не вдавался в тонкости её устройства и применения.

— Это всё не представляет никакого интереса, — сказала аббатиса, махнув рукой на свитки и письма, разбросанные на большом столе. — Возьми вон тот пергамент, разгладь его и записывай на обратной стороне.

— Что записывать, матушка? — послушно спросила девочка. Матушка Онория положила свою книгу на крышку той штуки с ящиками.

— Вот это. Пиши слово в слово.

Эрна вытаращила на неё глаза. Книга была написана на церковном языке.

— Но, матушка! Я же не умею...

Аббатиса поморщилась.

— Прекрати врать, маленькая ты дурочка. Не знаю, кто тебя учил, но ты слишком хорошо говоришь на церковном языке, чтобы не уметь на нём писать.

— Я не...

— Ты нас боишься, я вижу, — продолжала матушка Онория. — Ну, если ты слышала только о наших братьях в Тафелоне, немудрено. Ты слишком много умеешь для простой девочки, которая выросла в деревне. Когда-нибудь ты расскажешь мне, почему. Ясно, во дворцах ты бывала нечасто. Но деревенский ребёнок не уставился бы так жадно на книги. Кто-то тебя учил и хорошо учил. Ты расскажешь мне всё. Позже. Я тебя не тороплю. А сейчас бери перо и начинай работать. Нашим сёстрам приходится сталкиваться и с колдовством, и с обманом. Ты должна научиться отличать одно от другого.

Эрна встала к тумбе с наклонной крышкой и начала переписывать наспех исписанные страницы. Тётушка Вейма добивалась, чтобы у девочки был почерк, как у взрослого писца, и Эрна очень старалась. Откуда святоша всё знает? Как подмечает, кто куда смотрит?! Эрна вроде и не пялилась уж очень на книги! Расскажет она, как же! Ей жить-то не надоело!

Девочка закусил губу. А если у неё не получится сбежать — что тогда? Она так и останется со святошами? Может... может быть... сказать им что-нибудь... про бабушку, например. Кто проверит? Могла бы ведь и у неё быть бабушка!

Настоящая мать Магды передала всё своё имущество волшебникам, когда её единственный сын продал им свою душу и владения. Она никогда не пыталась даже увидеть своих внуков.

Ну, допустим, была бабушка. А кто её писать научил? Не священник же в городе! Кому могла прийти в голову мысль возиться с девчонкой? Дядюшке Лонгину, который вообще всех учит, такой уж у него характер? Тётушке Вейме, которая вообще учить никого не любит, но с дочкой единственной подруги так уж и быть, готова возиться, особенно если об этом просит дядюшка Лонгин? Кому охота связываться с чёрным волшебником!

Так она святошам и призналась!

Ага, конечно!

Вот прям так и скажет: учил, мол, лучший злой волшебник в стране. Самый злой и самый сильный.

Ага.

И святоши её сразу полюбят и сделают самой главной... сестрой-созерцательницей.

Конечно.

Сразу.

Правда, что-то там такое было... дядюшка Лонгин пропихнул законы, по которым волшебников стало можно судить, если они причинят людям зло. Любых волшебников, не только чёрных. Зато и убивать волшебников тоже стало нельзя. Кто убьёт, того будут судить совсем как если убили обычного человека. После этого в Серую пустошь приехало несколько волшебников из других стран, где вроде бы и твори что хочешь, только поймают ну вот даже за простеньким ритуалом — так сразу на кусочки порвать готовы. Брр.

В общем, в Тафелоне можно даже и похвастаться, у кого училась — если ты дура и любишь хвастаться. И братьев-заступников там больше нету, а новые святоши готовы целоваться с кем угодно. А в Хларии — неет. Она не такая уж дурочка! Расскажет сама! Как же! Ждите, матушка Онория!

Девочка всё писала и писала, а потом дочитала до чего-то странного. Аббатиса, которая устроилась за соседним столом, водрузив на нос что-то вроде двух скрепленных вместе стёклышек, и внимательно просматривала свиток за свитком, неодобрительно посмотрела на девочку.

— Почему ты хрюкаешь? — сурово спросила она.

Эрна вместо ответа протянула ей книгу, в которой было написано...

— Ну да, — кивнула матушка Онория, узнав это место. — Именно живую рыбу.

— А это что? — ткнула девочка в незнакомое слово церковного языка. Аббатиса объяснила на хларском, потом перевела на тафелонский. Девочка прыснула со смеху. — Прямо *туда*?! Живую рыбу?! И ходят так?! С рыбой в...

Аббатиса ударила Эрну по губам.

— Не сквернословь, — сказала она строго. — Девочки не должны сквернословить.

Эрна была так поражена, что даже не обиделась.

— А потом жарят?! Как мужья это едят?!

Матушка Онория, похоже, впервые над этим задумалась.

— Мужья не знают, — пояснила она. — Это тайное женское колдовство для разжигания страсти. Оно греховно.

— И они так ходят?! — не унималась девочка.

— Любострастие, жадность и страх толкают и не на такие безумства, — наставительно произнесла аббатиса.

Девочка с сомнением посмотрела на матушку Онорию и промолчала. Как будто нельзя приворожить как-нибудь, ну, попроще. Правда, для хорошего приворота нужна ведьма, а рыбу в... носят обычные женщины, неодарённые. Аббатиса цыкнула и девочка послушно вернулась к работе. Ещё, оказывается, нужно обращать внимание, не смотрит ли какая женщина слишком пристально на растущую луну, потому что, глядя на неё, можно нашептать себе всякого. И ещё можно налить вина в агатовый кубок (это у кого ж такой есть?!), отпить, потом дать любовнику, чтобы он отпил, а потом допить что останется. И

тогда женщина будет знать его мысли и поймёт, крепко ли он её любит. Девочка выводила букву за буквой и думала: а если любовник выпьет всё залпом? А что монахини делают: таскаются за людьми и смотрят, как они пьют? Или потом пристают к чужим любовникам, не из агатового ли кубка ему наливала его зазноба? А если он внимания не обратил? А если...

Странный булькающий звук привлёк её внимание. Перед ним что-то как будто шелестело, но Эрна решила, что это монахиня шуршит пергаментом, и не оглянулась. А тут...

Магушка Онория грудью лежала на столе и на белой накидке расплывалось уродливое алое пятно. А над ней... над ней...

Рыцарь лю Дидье в запылённом синем пурпуэне как раз вытащил кинжал из тела аббатисы и свирепо смотрел на девочку.

— Как мне повезло, — сказал он, осклабясь и вытирая кинжал об одежду убитой им женщины. — Давно мечтал с тобой посчитаться, маленькая дрянь.

Эрна открыла рот, но у неё перехватило дыхание, и наружу не вырвалось ни единого звука. Рыцарь обошёл стол и шагнул к ней. Девочка попятилась... рыцарь вышел не из той двери, в которую они вошли с аббатисой, а сбоку, разорвав висевшую на стене карту. Сейчас он перекрывал Эрне дорогу к выходу. Девочка шмыгнула между столами к той маленькой двери... Освободитель! Только бы была не заперта! И Эрна оказалась в длинном узком зале, где на стенах висели украшения и картины.

Она споткнулась о складку на ковре, вскочила, побежала дальше, но тут рыцарь догнал её.

— Негодная тварь, — прошипел лю Дидье, смыкая руки на её горле. — Из-за тебя всё пошло прахом...

У девочки потемнело в глазах, но рыцарь внезапно ослабил хватку. Не задумываясь, что бы это могло быть, Эрна сунула руку в разрез верхнего платья, вытащила из-за пояса нож и ткнула в навалившегося на неё мужчину. Мама рассказывала ей, где у человека бьётся сердце, а Виль объяснял, куда и как ткнуть, когда жертва стоит перед тобой. Рыцарь лю Дидье упал на девочку, насаживаясь на нож, и Эрна не устояла на ногах.

— И впрямь от тебя одни хлопоты, Эрлейн, — услышала она и туша рыцаря скатилась с неё на ковёр.

— Дядюшка Виль?! — ахнула девочка, в ужасе переводя взгляд с предавшего... спасшего её наставника на свою первую жертву.

Первый человек, которого она убила безо всякой магии.

— Молчи, — сказал Виль и вернулся обратно в библиотеку. Недолго там провозился, вернулся с какими-то письмами и сунул их под синий пурпуэн рыцаря. С правой стороны, чтобы не запачкать кровью. Потом достал из своей шапки ещё одно письмо и сунул туда же. Отступил на шаг, полюбовался получившейся картиной, что-то подвинул и снова полюбовался.

Всё это время Эрна стояла на коленях возле трупа и смотрела на него округлившимися глазами.

— Вот так, — удовлетворённо сказал убийца. — То, что надо.

— Виль! — тихо сказала девочка.

— Цыц, — прикрикнул на неё наставник.

— Как ты здесь...

— С ним вот, — кивнул Виль на погибшего. — Кто ж знал, что тебя Враг понесёт туда же. Надо ж тебе было умудриться...

Он махнул рукой.

— Сделанного не воротишь. С почином, Эрлейн. Сбылось твоё предсказание, а?

— Моё... предсказание?! — ужаснулась девочка. Ведь это же правда. Она сама предсказала, что рыцарь умрёт... умрёт с её ножом в груди... но как... почему?..

— Считай до пятнадцати, — приказал наставник, — а потом визжи. И про меня забудь, слышишь? Один рыцарь был. Убил святошу и бросился на тебя. А ты случайно ткнула. Отбивалась. Запомнила, Эрлейн? Эх! Надо ж было тебе...

Эрна послушно принялась считать. Почему никто не приходит?!

Но замок такой большой, а библиотека была в таком спокойном месте... Виль вернулся в неё и, наверное, юркнул в потайной ход. Одет он был — это до Эрны только сейчас дошло, — в ту же одежду, которую носили солдаты. А если он был тогда в лагере, когда её притащили?! А если...

— ...четырнадцать... пятнадцать...

Досчитав, девочка пронзительно завизжала. Ей даже не надо было изображать ужас, с которым она смотрела на свой нож в груди мнимого «папаши».

* * *

Виль подставил её! Он мог бы увести её с собой, а он... пришёл... непонятно что сделал и ушёл. Как будто эти письма важнее, чем она. Как будто она не провалилась уже по маковку. Святоши такие въедливые! Раздались голоса, кто-то вбежал в комнату, а кто-то, похоже, в библиотеку. Потом мужской голос воззвал к Заступнику... женский вопль... плач... Эрна всё это время сидела, сосредоточенно глядя на убитого ею человека. И на нож. Свой нож в его груди. Её подхватили, заставив подняться на ноги. Монахини затормошили девочку, принялись трясти и щупать, повторять какие-то слова... лица их были залиты слезами.

— Нет... — медленно проговорила Эрна. — Я не ранена. Я сидела... писала... матушка...

Голос её очень натурально прервался. Девочка ощутила, что ей действительно жалко несчастную святошу. Она ещё столько могла бы Эрне рассказать!

— Матушка велела мне списывать из книги... а потом... он так тихо вошёл... я ничего не слышала... Он начал меня душить... так больно... я вырвалась... а он... я... я думала... я случайно!

Девочку вдруг осенила чудовищная мысль.

— Я убила его?! — спросила она с ужасом. — Он же мой отец!

Освободитель! Мало того, что рыцаря нашли с её ножом в груди, так ведь все думают, что она его дочь! Отцеубийство — это очень плохо, будь отец даже чудовищем из преисподней.

Монахини переглянулись, но ничего не ответили, только уступили место отцу Бенлиусу. Он забросал девочку кучей нудных вопросов: как она сидела? Когда оглянулась? Что увидела? Как стоял рыцарь, когда душил её? Как бежала? Как рыцарь держал руки? А что потом? Видел ли лю Дидье её нож? Что он говорил?

Эрна послушно отвечала, удивляясь, почему он не спросит, что помешало ей закричать. Но об этом священник ничего не сказал, а только осенил девочку священным знаком и тихо сказал:

— Мужайся, дитя моё, и молись Заступнику.

Проводить Эрну в комнату отправили трёх братьев. К удивлению девочки, её повели не туда, где она жила до сих пор, а в какую-то другую комнату, намного меньше. Там даже была кровать, вроде шкафа. Едва Эрна переступила порог, как дверь закрылась. Девочке показалось, что за ней бы и засов закрыли, но только комната никак не запиралась. Хоть в этом повезло. А, может, и нет. Лучше засов, чем три охранника. Хотя какая разница?..

Эрна открыла дверцы шкафа-кровати и обнаружила внутри успевший запылиться тюфяк. Больше ничего в комнате не было, ни стула, ни скамьи, ни стола. Только на стене висела масляная лампа. Незажжённая. Окошко было высоко и забрано решётками.

Девочка уселась прямо на пол и задумалась.

Убийство — это убийство. Она пролила кровь человека. Святоши не спустят ей этого преступления. К тому же проклятый рыцарь считался её отцом. Нет на свете такого закона, который простил бы ей родственную кровь. Родитель мог отнять у ребёнка данную им жизнь, но ребёнок не имел права поднимать руку на родителя. Как Виль мог бросить её со всем этим?! Это ещё хуже, чем тогда, с волчицей!

Думать про Виля девочке быстро надоело. Враг с ним, с Вилем. Что до рыцаря лс Дидье, то девочка очень жалела, что пламени преисподней не существует. Вот уж кто заслужил мучиться! Но, может, он родится в следующий раз в семье нищих или вообще прокажённых?... Думать об этом было утешительно. Больше не утешало ничего. *Отцеубийца!* Надо же было так вляпаться! И как ей из этого всего выбираться?!

Госпожа Татин как-то сказала, что достаточно выглядеть милой и жалкой, чтобы нашёлся дурак, готовый душу заложить, лишь бы тебя спасти. Эрна никогда не сомневалась, что выглядит очень милой. А теперь, наверное, и жалкой. *Отцеубийца!* За это, небось, её живьём сварят! Враг бы... нет, она не будет думать про Виля. Нечего было и надеяться разжалобить слуг в замке. К ней и раньше слуг-то не подпускали. Теперь и вовсе нечего думать. К тому же рыцарь лю Дидье был их господином.

Остаются святоши. Как к ним подступиться — один Освободитель знает. Вот Озейн разве. Если он только не притворялся. А вдруг притворялся? А если и не притворялся, то как с ним поговорить? Если она захочет в чём-то признаться, то это к отцу Бенлиусу или к ма... ох, нет. Вот ведь противная святоша! Была жива — плохо, померла — тоже плохо. Рыцарь-то к ней со спины подобрался. Даже ничего не пригрозил, сразу зарезал. Её бы тоже мог, если бы не хотел руками задушить. Брр. Она б и не заметила даже, пока не стало бы поздно. Почему она такая тетёха? У ней за спиной человека убили, а она только знала, пером скрипела. Дура. А если б Виль этого гада не оттащил, то была бы уже мёртвая дура. Стал бы Виль возиться, такую бестолочь отыскивать? Может, и стал бы. Маме бы уже точно не отнёс. Эрна слегка развеселилась, представляя, как наставник возится с пищащим младенцем и меняет загаженные пелёнки. Ребёнку-то плевать, страшный ты там убийца или не очень. Голодный — вопит, ветры в животе — вопит, мокрый — вопит. Братья Эрны пока совсем мелкие, всё время орали. Это потом они умнеют, их отвлечь можно. И то не всегда. Вспомнить ту девчонку противную, которую она сдуру в лесу подобрала. Брр. Даже маме надоело. Виль так вообще хотел утопить отродье. Не будет он её искать. Делать ему больше нечего. И мама расстроится. Маму жалко. Ближе Магды у Эрны никого не было. У мамы,

конечно, куча сыновей от барона, небось, будет ещё больше. И барон, конечно. Но ведьму как-то хватало на них на всех и даже на целую деревню. Мама очень не любила терять. Ведьмы вообще неохотно со своим расстаются, ведьмы все жадные. Жалко маму. Если Эрну живьём сварят...

Девочка задумалась, сможет ли она сделать из своих припасов быстрый яд. Виль не велел с собой брать отраву, сказал, вдруг обыщут. И прав был, конечно, но теперь-то что делать? Если просто так всякой гадости наестся, помереть-то можно, но можно такое натворить, что лучше бы сварили.

Брр.

Она не выдержала и выглянула в коридор. Там стояли трое братьев-заступников, но совсем не те, которые её сюда привели. Поменяться успели, что ли?! Озейна, конечно, не было.

— Тебе надо отдохнуть, — как-то равнодушно сказал один из них, высокий полный святоша, который глядел на девочку будто на насекомое. — Вернись в комнату.

— Но я...

— Вернись в комнату, — повторил святоша. — Отец Бенлиус позовёт тебя, когда ты понадобишься.

Чтоб ему!

— Умение ждать, — снова и снова повторял ей Виль, — это главное в нашем деле. Не надо суетиться. Ты выбираешь нужное место, подгадываешь время, а дальше ждёшь. Учись сидеть молча и ждать. Тех, кто бегают и кричат, убивают первыми.

Эрна заставила себя выдохнуть.

Время и место выбрали за неё. Теперь только ждать и оставалось.

Она понурила голову и вернулась в комнату. Нож остался в рыцаре. Яда у неё нет. Но она пока жива, её даже ни в чём не обвинили. Просто убрали с глаз долой и заперли.

...а если завопить, они сбегутся?... А сможет ли она тогда прощмыгнуть между ними?

Не стоит с этим торопиться...

* * *

Когда заскрипела дверь, девочка сидела на полу у кровати, обхватив колени руками и спрятав лицо. Она очень долго силилась заплакать, но почему-то всё не выходило. Даже мысли о грядущей казни заставляли по-дурацки хихикать, когда она представляла себе, какие приправы в этот суп насыпят святоши.

— Пойдём, — сказала сестра Дезире с тихим состраданием. Показалось ли, что во взгляде монахини появилось что-то новое?

Эрна послушно поднялась на ноги.

Можно оттолкнуть женщину, убежать и спрятаться в тених. А потом тайком как-нибудь выбраться из замка. Молитвы помогают от вампиров, но против колдовства они не помогут. Разве что попадётся святоша, у которого «голова с трещинкой». Но ведь Эрна и просто так умеет прятаться, а замок большой. А если сплести удавку из волос, как учил Танцующий Кабан, то даже самый тупой святоша ей не страшен. Главное — успеть потеряться в

переходах.

Снаружи караулили святоши — те же, которые стояли, когда Эрна выглядывала. Двое пошли спереди, за ними сестра Дезире повела Эрну, третий шёл сзади. Тот самый, высокий. Нечего было и думать о побеге. Эрна на всякий случай натянула на лицо скорбную гримасу и приготовилась к тому, что её ждало дальше.

* * *

Ждал её отец Бенлиус. Он сидел в библиотеке, откуда унесли тело несчастной аббатисы и даже смыли кровь, и разглядывал какие-то письма. Эрна готова была поклясться — те самые.

Она подошла под благословение священника. Тот привычно осенил девочку священным знаком. Это было хорошо... наверное.

— Как ты себя чувствуешь, дитя моё? — участливо спросил он на тафелонском. Эрна внутренне содрогнулась. Примерно с таким же лицом Виль пытал пленников.

— Я... — выдавила девочка. — Не понимаю... всё как в тумане... шея болит... ох... матушка Онория...

— Ты не плакала? — спросил священник. Она покачала головой. Это было очень плохо. Кто поверит в её искренность?! — Молись Заступнику, чтобы он даровал тебе слёзы.

Эрна кивнула. Ей уже успели объяснить, что слёзы означают вовсе не слабость, а дар самого Заступника, глубокое и искренне переживание веры.

— На мне страшный грех, — тихо сказала Эрна. Ей хотелось поскорее покончить с самым страшным. Пусть тюрьма, пусть казнь, но только не это добренькое лицо! — Я убила своего...

— Нет, — слабо улыбнулся отец Бенлиус.

— Нет?!

Сердце девочки провалилось в самые пятки. *Её раскрыли!* Она так старалась, а они всё равно догадались! Освободитель, её сожгут на костре! А перед этим, небось, будут неделями читать ей священную книгу, брр.

Почему он так смотрит и улыбается?!

Он её с таким лицом на казнь пошлёт?!

Сам-то пытать, небось, побрезгует, святоша.

— Смотри, — сказал отец Бенлиус, показывая девочке письмо, исписанное непонятными закорючками.

— Что это? — сделала большие глаза Эрна.

— Тайнопись, — пожал плечами отец Бенлиус. — Проклятые так скрывают свои письма.

Он любовно разгладил пергамент.

— За одно это любой трибунал осудил бы рыцаря лю Дидье, — сказал священник.

Ого!

— А что там написано? — рискнула спросить девочка.

— Ты не его дочь, — отозвался отец Бенлиус.

— Но... — проямлила Эрна, чувствуя, как холодеют руки. *Откуда он узнал?!* — Как это может быть?..

— Скажи мне, дочь моя, — в упор взглянул на неё священник, — кто заставил тебя перекрасить волосы?

Эрна, холодея больше прежнего, оскорблённо задрала подбородок.

— Я никогда...

— Сними платок, — приказал отец Бенлиус.

Увяз коготок — всей птичке пропасть, вспомнила девочка слова, которые слышала когда-то в детстве. Сколько времени она пробыла среди святош?! Она же не могла красить волосы! Госпожа Татин предупреждала! Отрастая, они выдали свой настоящий цвет!

Деваться было некуда. Даже ножа не было. И ядов тоже.

Почему она такая тетёха?

Сплела бы удавку, пока сидела взаперти.

А потом что? Тут везде охрана.

Девочка послушно стащила надоевший ей жёсткий платок и, повинувшись жесту священника, наклонила голову. Тот удовлетворённо кивнул.

— Надень обратно, — приказал он. *Это-то зачем?*

Эрна снова повиновалась.

— Садись, дочь моя, и рассказывай всё без утайки, — сказал отец Бенлиус.

За всё без утайки её, небось, сперва четвертуют.

Девочка рухнула на колени и разрыдалась. *Наконец-то это получилось*. Ей было по-настоящему страшно и ужасно жалко маму, и ещё она жутко злилась на Виля, который подставил где можно и где нельзя — и бросил! Напряжение стало невыносимым, и слёзы полились потоком. Эрна время от времени с трудом выталкивала невнятные слова, что-то про матушку Онорию и про Заступника и про то, как ей было больно и страшно. Говорить было действительно трудно.

Виль всегда сердился, если она так делала.

Говорил, что она без толку квакает.

Враг с ним, с Вилем.

Отец Бенлиус терпеливо дождался, когда рыдания перейдут в тихие всхлипывания, подошёл и положил руку на голову девочки.

— Кто заставил тебя перекрасить волосы? — повторил он свой вопрос.

Враг с ним, с Вилем.

— Дядюшка Ги, — прошептала Эрна, — слуга моего... слуга рыцаря лю Дидье. Он... он сказал, что приехал за мной... он сказал, что за мной послал мой отец! Он не говорил... я не знала! Я думала, у меня нет отца! И вот недавно приехал... приехал дядюшка Ги... он сказал, что мой отец хочет меня видеть! Он одел меня как знатную госпожу! Бархат... и туфельки... я в жизни не видала ничего такого! И карета! Настоящая! Все мне кланялись! Я в жизни так не ела! Он сказал, что отец хочет позаботиться обо мне! Он сказал...

— Ты видала раньше этого человека?

— Кого, отец? — растерянно спросила девочка.

— Слугу. «Дядюшку Ги».

— Н-нет... не знаю... он же совсем обычный был. Может, видала где-то... на ярмарке в городе...

— Он приходил в твой дом?

— Нет, никогда.

— А рыцарь лю Дидье?

— А рыцарь приезжал! — поспешно заявила Эрна, как будто радуясь, что может что-то рассказать. — Я ещё думала — такой важный господин! К нам он не заходил, нет. Но через деревню проезжал. Несколько раз.

Если она не угадала, ей конец.

Священник сунул нос в письма, посмотрел одно, потом другое, третье...

— Сколько раз? — спросил он.

Какой кошмар! Не может же она не помнить, поди не заметь такого рыцаря.

— Я сама видела его дважды, — сказала девочка, хмурясь так, будто силилась вспомнить поточнее. — Но я была маленькая...

Священник чуть заметно кивнул.

Угадала или он окончательно понял, что она врунья?!

— Но, отец... — жалобно заговорила девочка, когда молчание затянулось. — Как же... неужели...

— Кто твоя мать? — спросил священник вместо ответа.

— Я не знаю, — «растерялась» Эрна.

Освободитель! Помогите!

— Мамушка Лоре была твоей матерью?

— Я не знаю, — повесила голову девочка. — Мне... мне не говорили... мне запрещали спрашивать.

— Ты не знаешь... И кто твой отец, тебе тоже не говорили?

— Н-нет... ну... вот только... когда повезли сюда!

— Постарайся вспомнить, дочь моя, это очень важно. Что тебе говорили, когда привезли сюда?

— Что я должна заменить своего брата Бастина, — без запинки ответила Эрна.

— Тебе говорили, зачем ты должна это сделать?

Девочка помотала головой.

— Какого цвета волосы у твоей воспитательницы?

— Светлые... у нас в деревне у половины народа светлые волосы.

— А у её матери?

— Седые.

— А у тётки?

— Тоже...

— Ты на них похожа?

— Не знаю... мне никогда не говорили!

— Другие люди в деревне не говорили ничего про тебя?

— Говорили, — с обидой подтвердила девочка, — что у меня глаз дурной говорили!

— И всё?

— Я к ним не ходила, — слегка надулась Эрна, как будто вспоминая детские ссоры. — Меня не пускали.

— Сержант Экон похож на тебя?

— Да не особенно, — растерялась девочка.

Зачем он спрашивает всякую ерунду?!

— Что говорил «дядюшка Ги», когда приказывал тебе перекрасить волосы?

— Он не мне это сказал, — ответила Эрна. — Он сказал мамушке, а та сказала бабушке Мете, меня привели и сказали, что так надо.

— И всё?

— Он... — напрягла воображение девочка. — Он что-то сказал... мамушке Лоре... может, не про то...

— Говори.

— Он сказал, мол, отец-то признает, да надо, чтоб другие не сомневались! — выпалила Эрна.

Долго ей это нести?!

Это издевательство такое?

Неужели он не видит, что она врёт?!

Священник снова кивнул.

— Ты убила не своего отца, — сказал он внушительно. — Заступник избавил тебя от чудовища, которое притворилось твоим отцом, чтобы облегчить своё гнусное предательство. Ты понимаешь меня?

Эрна тоже кивнула и постаралась принять непонимающий вид. На всякий случай.

— Тебя растили во лжи, — сказал отец Бенлиус. — Нам придётся поддержать эту ложь.

— Я не... — промямлила девочка, когда пауза очень уж затянулась.

— Для всех ты будешь дочерью и наследницей рыцаря лю Дидье, — торжественно произнёс священник, — единственной живой ветвью на заражённом дереве.

Заражённые ветви отсекают и сжигают...

Так говорят святоши.

— Но я же...

— Он умер сам, — резко ответил отец Бенлиус. — Напоролся на твой нож, когда поднял руку на единственного чистого потомка. Ты поняла, дочь моя? Он умер сам.

— Он умер сам, — послушно повторила за священником девочка.

Так её не будут пытаться?!

Они тут спятили?!

— Отдыхай, дочь моя, — вздохнул отец Бенлиус. — Завтра мы возвращаемся в свою обитель.

* * *

В свою новую комнату девочка вернулась на подгибающихся ногах. Когда госпожа Татин учила её врать, она говорила, мол, надо всегда быть очень искренней. Вспоминать что-нибудь такое, чтобы все видели: она правда радуется или злится или обижается. Если её так легко отпустили... может, у неё получается?

Или они хотят растянуть удовольствие.

Вот Виль — он мог бы... наверное... ну... у него, наверное, никогда не было столько времени, чтобы так изо дня в день развлекаться.

Эрна некстати вспомнила, как убийца успокаивал её в детстве, заплетал косички и учил готовить сытную похлёбку. Она всхлипнула, ни от кого ни скрываясь, и кожей почувствовала соболезнующие взгляды провожавших её в комнату святош.

Глава девятнадцатая

Монастырская лечебница

За каких-нибудь два дня они добрались до обители братьев-заступников. Высокие стены, повыше да покрепче, чем вокруг Арола, окружали два монастыря, и мужской, и женский. Обитель сестёр-созерцательниц стояла в самом центре крепости, окружённая своей стеной, ничем не ниже внешней. Снаружи к монастырю примыкало небольшое кладбище, на краю которого стояла маленькая белая часовня. Вот туда и внесли гроб с умершей аббатисой. Кто-то, видно, поехал вперёд, потому что их отряд встретил похоронный звон.

Девочку вместе с монахинями проводили в женскую обитель. К нам навстречу вышла маленькая сухонькая старушонка, как оказалось — сестра-ключница, управляющая монастырём в отсутствие аббатисы. Звали её сестра Утабио.

Старушонка неодобрительно поприветствовала сестёр Арнод и Дезире, а потом перевела пристальный взгляд на Эрну. Её глазки-пуговицы так и впились в лицо девочки.

— Так-так, — сказала ключница. — Значит, ты наша новая ведьма?

— Неправда! — закричала девочка обиженно. *Освободитель! За что?!* Одновременно с ней запротестовала сестра Дезире:

— Сестра Утаби... нельзя так...

Старушонка махнула рукой.

— Можно. Знаю я вашу сестру. Добро пожаловать в орден сестёр-созерцательниц, девочка. *Матушка Онория* писала, что тебе приходилось лечить людей.

Имя аббатисы она многозначительно выделила.

— Она вам написала? — выпучила глаза Эрна. — Но она же...

— Дурочка, — без выражения обронила ключница. — Матушка Онория вела записи. Там было и про тебя. Поняла?

— Да...

— Тогда пойдём.

— Куда? — не поняла девочка. *Почему этим святошам всё время что-то от неё надо?!*

Целый день на лошади и вчера был не легче! Почему ей не дают отдохнуть?!

— В больницу, — нетерпеливо бросила ключница. — В наш монастырь стекается много больных, увечных и раненых. Сейчас-то с этой войной особенно. Понюхаешь дерьма и крови, это тебе не оборотней ловить. Раскроенный череп видала когда-нибудь? Нет? Тогда насмотришься.

Эрна беспомощно оглянулась на сестру Дезире, но та печально покачала головой.

— Пошли-пошли. Вечером дам тебе книгу лельфского врача.

Лельфы, как смутно помнила Эрна, были теми язычниками, против которых барон водил поход в священные земли. Ей даже в голову не приходило, что среди них были врачи.

— Ты узнаешь из неё о врачах древности, прочтёшь о том, чем болезни отличаются друг от друга, — посулила ключница. — Надеюсь, ты быстро читаешь. Ни у кого нет времени дожидаться, пока ты поумнеешь.

Девочка покорно кивнула и пошла за ключницей. Та провела её мимо самой обители куда-то в сторону, мимо аккуратных огородов с травами (некоторые Эрна знала и почти все они использовались её матерью для составления лечебных снадобий), мимо хозяйственных

построек в невысокое, лишённое всякой красоты здание.

— Умоешься с дороги, — говорила на ходу ключница, — сдашь одежду и получишь чистую. Сегодня к больным тебя не пушу. Посмотришь на лекарства, на инструменты. Узнаешь что-то — говори. Завтра с утра похороны, попрощаемся с матушкой Онорией — и за работу. Больные не могут ждать. Переломы умеешь складывать?

— Немножко... — от неожиданности созналась девочка.

— Тогда от тебя выйдет толк. Без спросу ни за что не хватайся. Не знаешь — спроси. Знаешь — скажи и получи разрешение. Поняла?

* * *

Эрна никогда в жизни так не работала. Она даже не знала, что может работать. Никто её не гонял так, даже Танцующий Кабан. Даже Виль. Она едва высypалась: солнце ещё не вставало, как её будили на молитву, потом помогать готовить завтрак для сестёр, а потом сестра ключница заставляла девочку читать медицинские книги. Притворяться, будто она ни бельмеса не понимает в церковном языке, Эрна перестала в первый же вечер. Сестра Утабио не желала слышать никаких возражений. Она не интересовалась не только колдовством, но и тем, как его разоблачить, откровенно презирала всех, кто мог хоть что-то, большее, чем обычные люди. Зато она была требовательна и чудовищно вынослива. Того же требовала и от других. Когда проходило время, отведённое на чтение (а сестра Утабио спрашивала по каждой странице, заставляя сначала оттарабанить всё наизусть, а потом ещё и объяснять прочитанное), как Эрне полагалось явиться в монастырскую лечебницу. Единственное место в женской обители, куда допускались мужчины. И какие! Эрне приходилось пускать кровь, брать мочу, промывать и перевязывать ужасные раны, нанесённые не только мечами, копьями и копытами, но и шипастыми дубинками или чем-то ещё похуже. Приносили туда и больных из соседних деревень — тех, кому уже не могли помочь деревенские знахари. Показали ей и загадочный кусочек металла, который притягивал к себе иголки, с помощью него монахини вытянули иголку, попавшую под кожу деревенскому мальшу. Или вон ещё та вонючая жидкость, которая пахла почему-то похоже на «зимнее вино», которое делала мама, только ещё противней. От него страшно щипало раны, но заживало потом всё лучше и быстрее, чем без этой гадости. Знакомая цирюльница говорила, что так ускорить исцеление может только *хорошее* вино, выращенное на колдовской лозе в Латгавальде, но его надо было пить, а не лить на рану. К тому же от *хорошего* вина никто так не вопил. А ещё на этой пакости настаивали какие-то травы и потом их давали пить по капле больным или натирали тело. Девочке только один раз показали таинственную комнату, где что-то страшно булькало и шипело как в мастерской алхимика^[52].

И книги. Конечно, Эрна и раньше читала книги. По арифметике, по музыке, по логике и прочим свободным искусствам. Она хоть сейчас могла бы поступить в раногский университет, если бы туда брали девочек. Но её наставница Вейма знала право и богословие, медицины она не касалась. У девочки создалось ощущение — со слов матери и Врени, цирюльницы, что на медицинском факультете только и делают, что спорят по поводу чьего-то очень старого комментария к чьей-то очень старой книжке. А тут книги были, конечно, старые, но... не глупые. И здешние монахини *знали* как их применять. И кто-то даже придумал что-то новое. Про вонючую пакость ни в одной книжке сказано не было. Или,

может быть, Эрна ещё не дочитала.

Сестра Утабио была ужасно прямолинейна и откровенна. Она была смертельно обижена, что аббатисой сделали матушку Онорию, хотя она, Утабио, была старше и опытней. Была оскорблена тем, что орден бросил дела милосердия и занимается такой «чепухой», как разоблачение оборотней. Есть ли у Эрны колдовская сила, её не интересовало вовсе. Девочка показала себя послушной, небрезгливой и старательной. Однажды Эрне даже удалось в одиночку удержать ютанского солдата, который не хотел лишаться гниющей ноги и собирался биться за неё до последнего. Не то чтобы это было таким уж подвигом, считала Эрна. Когда человек лежит и не может на тебя броситься, у тебя будет достаточно времени, чтобы прикинуть, куда его надо ткнуть, чтобы он на время остановился. У тебя будет даже больше одной попытки. Впрочем, Эрна справилась с первого раза.

Не надо было, конечно, показывать свои умения, но сестра Утабио как-то умудрилась вколотить в Эрну, что главное — дело, которым она занимается. Неважно, добрый или злой это человек, неважно, за кого он сражается, если он попал сюда — он должен жить дальше. Как будет жить дальше одноногий ютанский солдат в Хларию, сестёр не интересовало. Если Заступник не дал ему помереть сейчас, Он даст не помереть и потом.

К тому же сестра Утабио помогла Эрне подкрасить свои волосы — втайне ото всех!. Монахиню не интересовало, зачем это делается. Хотят братья играть в свои игры — пусть играют. Хотят посадить девочку в замок её папаши — пусть сажают. Но сейчас эта маленькая паршивка бинтует раны не хуже любой другой сестры и не разливает лекарство, которое подносит ко рту больного.

Эрну это устраивало. Пока она здесь, никто не задаёт ей запутанные вопросы, никто не пытается её убить и не заставляет притворяться. Всё время притворяться было слишком сложно. Лечить людей — гораздо проще. Пусть она лишена «дара милосердия», о котором с придыханием говорили некоторые монахини (этих сестра Утабио отправляла выносить посуду за солдатами), но можно было не думать, не бояться и не пытаться понять, что же ей делать. К тому же научиться лечить без колдовства было очень полезно. И книги. Кто же знал, что такие бывают? Во второй, которую сунула сестра ключница, было про разные способы лечения, например. А в третьей, смешной очень — про любовь, начиная муками неразделённой влюблённости и заканчивая совокуплением. И тем, как люди могли себя повредить... во время этого занятия. Сестра Утабио без малейшего смущения обсуждала с девочкой вопросы плоти и даже дала пару полезных советов насчёт здоровья самой девочки. Мама, конечно, тоже говорила с ней на эту тему, но без колдовской силы кое-что было сложным.

* * *

А потом после утренней молитвы девочку задержал отец Бенлиус. Лицо его было печально.

Сестра Утабио уже вышла из молельного зала, но, заметив, что Эрна осталась внутри, задержалась её поторопить. Бросив хмурый взгляд на лицо священника, она сухо спросила: — И чего ты добился, отец?

Эрна знала, что ключница не слишком уважает священника: старуха считала, что возня

с особыми дарованиями не доведёт до добра. К тому же именно Утабио когда-то принимала роды у матушки отца Бенлиуса и выхаживала малыша, которым тот был. С другой стороны, ключница уважала его сан, и потому держалась в рамках вежливости.

— Месяц, — ответил священник. — И право лечить её здесь.

Сестра Утабио всплеснула руками.

— Месяц?! — проскрипела она со злостью. — Я разве Заступник?!

Она схватила ничего не понимающую девочку за руку и заставила показать священнику ладонь.

— Ты видел, какая у неё нежная кожа?!

— Мы будем молиться Заступнику, — твёрдо ответил отец Бенлиус. — И ты будешь её лечить.

— Нет такой молитвы, которая её излечит, нет! — настаивала ключница. — Ты заигрался, Коум, заигрался!

Священник поднял руку и ключница с трудом взяла себя в руки. Эрна не смела спросить, в чём дело, она не хотела знать ответ. Что-то очень страшное. Никогда ещё ей не приходилось видеть сестру Утабио в такой ярости.

— Или мы найдём ведьму, которая вылечит эту девочку, — предложил отец Бенлиус.

Ключница что-то пробормотала под нос, отнюдь не благочестивое.

— Покажи мне ведьму, которая может то, что не могу я, — предложила она. Эрна мысленно с ней согласилась. Мама, конечно, знала многое... она не была ни цирюльницей, ни хирургом, и не имела дело с по-настоящему тяжёлыми ранами. Не знала она и трактатов о медицине, в которых подробно расписывалась каждая болезнь и её лечение. Что-то Магда делала по наитию, доверяя своей интуиции и ведовской удаче. К тому же если в деревне живёт ведьма, в деревне просто не происходит совсем уж плохих вещей. Не срываются случайно топоры при ударе, а если и срываются, то не отрубают руки или пальцы. Не приходит смертельное поветрие, а если и приходит, то больным удаётся выжить. Маме не приходилось видеть такие ужасные раны, как те, на которые Эрна насмотрелась в монастыре. К тому же... если умирал ребёнок, была тётя Вейма и какое-то страшное, очень страшное колдовство, о котором нельзя говорить. Если рана была слишком тяжёлой... мама сделала это только один раз, когда превратила умирающего рыцаря в оборотня. Не то чтобы это принесло ему счастье.

Магда могла многое. Но она, наверное, не могла бы вот так изо дня в день лечить людей, иногда и вовсе безнадёжных, запоминать и записывать всё, что помогло им протянуть лишний день, лишний час...

К тому же мама знала только лесные травы, пусть и умела выбирать из них колдовскую силу, а в монастырском огороде росли и лесные, и всякие заморские, и их не только варили, но и вымачивали в той вонючей гадости, которая заставляет травы отдавать сразу всю силу без всяких заклинаний и нащёптываний.

Эрна робко взглянула на священника.

— Скажи ей, — бросила сестра Утабио, не пытаясь скрыть презрения.

— Сестра... — недовольно потянул отец Бенлиус.

Ключница покачала головой. Священник вздохнул.

— Дочь моя, мужайся, — почти что попросил он. — Мы сообщили королю Ютании о смерти твоего отца... и не могли скрыть от него, что он умер от твоего ножа в тот миг, когда пытался лишить невинное дитя жизни.

Ключница фыркнула. Отец Бенлиус смутился.

— Он требует суда Заступника, — сказал священник быстро.

— Король?! — вытаращилась Эрна. — С кем?

— Нет, не поединком, — поправил её отец Бенлиус. — Поскольку речь идёт не о тяжбе...

Он замялся. Ключница снова фыркнула.

— Ты должна будешь взять в руку раскалённую подкову, — неохотно признался священник. Эрна коротко вскрикнула и прижала пальцы к губам. Они сошли с ума?! — Мне удалось добиться того, чтобы твоя вина или невиновность устанавливалась через месяц после этого, причём весь месяц мы сможем тебя лечить. И если твоя рана не заживёт...

Он позволил своим словам повиснуть в воздухе.

Эрна отрешённо подумала, что дядюшка Виль убьёт её, если она обзаведётся такой шикарной особой приметой.

Потом вяло прикинула, сможет ли она найти ту оборотнишу и уговорить её сделать Эрну оборотнем по обещанию. Тогда всё заживёт очень быстро. Но Виль как-то говорил, мол, спервоначалу второй облик мешает очень и отвлекает. Если не приноровиться, то не только сильнее и ловчей не станешь, а вовсе в неуклюжего недоделыша превратишься. Видал он, мол, такие случаи.

Очнулась девочка от того, что старуха взяла её за плечи и встряхнула.

— Видал? — сказала ключница священнику. — Она не выдержит. Она крепкая девочка, но такого ей не выдержать.

— У нас нет другого выхода, — нетерпеливо, будто не в первый раз произнёс отец Бенлиус.

— Скажи им, что девчонка умерла, — так же нетерпеливо бросила старуха. — Давай обрежем ей волосы, новые вырастут светлыми. Сёстры никому ничего не расскажут. Никто не узнает.

— Мы не можем так поступить. Нас почти в лицо обвиняют во лжи!

— Она не выдержит испытания! Зачем её зря мучить? Ты представляешь, что с ней сделают?! Или ты хочешь, чтобы она призналась в обмане? Ты и так, и так убиваешь её!

— Мы сделаем всё, что возможно. Мы соберём лекарей и они подтвердят, что заживление протекает необыкновенно быстро — с помощью Заступника. Мы найдём ведьму. Если случится худшее, мы заберём её в монастырь на вечное покаяние.

Эрна с надеждой смотрела на ключницу. Ей приходилось напрягать все свои силы, чтобы не завопить от страха. Раскалённая подкова! А кожа её, как назло — нежнее шёлка! Это всё дядюшка Виль! Он заставлял натирать руки, чтобы походить на знатную барышню.

Это всё дядюшка Виль!

Он её заманил сюда, подставил и бросил!

Это всё он!

Ключница неожиданно выругалась грубым словом, которое Эрна слышала у солдат.

— Ты доигрался, Коум, — презрительно сказала он и ухватила девочку за плечо. — Пойдём, Нинета. Что бы тебя ни ждало, больные-то ждать не могут.

Душа Эрны словно оцепенела. Она безвольно переставляла ноги, следуя на ключницей. Виль не научил её переносить боль. Он много раз говорил, что прозревшие должны уметь вытерпеть любую пытку, но так и не научил. Может, жалел, как говорила госпожа Татин. Может, боялся мамы... если он вообще чего-то боялся. Не то чтобы Эрна была неженкой, вопящей от любой ссадинки. Но руки в огонь она всё-таки не совала.

— И не вздумай сбежать, — с кривой ухмылкой сказала девочке сестра Утабио.

— Что? — не сразу поняла её Эрна.

— Сбежать, говорю, не вздумай. Тебе не выйти за стены, тут везде посты. В прошлый раз вышло трогательно, — она хрипло рассмеялась, — но второй раз в эту сказочку никто не поверит.

— Что вы говорите? — очнулась девочка. — Какую сказочку? Почему вы думаете...

— Уж передо мной-то можешь не притворяться, дурочка. Ты маленькая пакостная врунишка, уж я-то знаю!

— Я не...

— Все ведьмы — пакостные обманщицы, а ты одна из них, — безапелляционно сообщила ключница.

— Неправда!

— Ври-ври, — невесело хмыкнула сестра Утабио. — Мне ли не знать...

Она воровато огляделась по сторонам, но на них никто не смотрел. Тогда она щёлкнула пальцами и пыль под их ногами взметнулась вверх, заплясала в утренних лучах, а потом растаяла, как будто её и не было. Эрна раскрыла рот. Она никогда не видела ничего подобного, но вообще чары было не очень-то сложными... одними из тех, на которые ведьма способна в собственном доме, пропитавшимся её колдовством.

— Мою мать сожгли на костре, — сказала ключница тихо и равнодушно, — а меня отправили в монастырь на строгое покаяние... я была помоложе тебя, пожалуй...

Она немного помолчала, а потом добавила с прежним безразличием:

— Я отравила тогдашнюю аббатису.

— Вы?!

— Что ты так смотришь? Да, я. Она была единственная в обители, кто знал обо мне правду. Случайно дала не то лекарство... с каждым может случиться... все решили, что она сама ошиблась... что Заступник забрал её. Письма, с которыми меня прислали, сгорели... следовательно никогда не интересовался моей судьбой... позже он уехал в другое место... матушка Грэнция была так добра, что позволила мне сменить имя...

Эрна лихорадочно размышляла, что бы на это ответила другая, обычная девочка. *Слепая.*

— Вы не признались в этом своему исповеднику? — выдавила она.

— Зачем? — пожала плечами ключница. — Мне не хотелось и его убивать. Я усердно трудилась и вскоре новая аббатиса стала смягчать моё послушание. Ей приходилось приказывать мне отдыхать, можешь себе представить, как я старалась? Постепенно...

Девочка кивнула. Ну да. Умная, беспринципная и трудолюбивая. Ужасное сочетание. Постепенно она добилась власти над монастырём, ведь именно от ключницы зависит всё хозяйство.

— Но зачем вы мне...

— Ты же никому не расскажешь, — неприятно улыбнулась сестра Утабио. — Кто тебе поверит? Я оставила все штучки в прошлом. Тебе тоже придётся. Я хотела, чтобы ты поняла: я вижу тебя насквозь. Ты лжива и порочна. Но у тебя умелые руки, дитя моё, и ты не боишься

грязной работы. Пусть нас с тобой судит Заступник, а пока мы живы — надо работать.

Она подтолкнула девочку в спину.

— Иди и трудись, Нинета, — приказала она. — Это будет твоей молитвой.

Эрна послушно шагнула вперёд, но ключница вдруг удержала её на пороге.

— Дай-ка сюда, — сказала она, взяв девочку за правую руку. Эрна ошеломлённо повиновалась и сестра Утабия привязала руку ей за спину. — Вот так! Привыкай, пока можешь. После испытания ты надолго сделаешься однорукой.

У Эрны задрожали губы.

— Не хнычь! — резко оборвала её ключница. — Если ты позволишь себе раскиснуть, ты не сможешь трудиться во славу Заступника. Кто поможет больным и раненым? Сестра Дезире? Она только и может, что молиться!

— Но разве молитвы... — начала было девочка, сама не веря в свои слова. Но будь она на самом деле *слепой*, она бы считала же, что молитвы Заступнику помогают, правда?

Сестра Утабио неприятно улыбнулась.

— Не перед той публикой стараешься, девочка. Иди работай.

* * *

Как сообщили Эрне, они должны были через несколько дней выехать к Аролу, который ожидал ютанского король со своим наследником и с Арелином, старшим сыном рыцаря лю Дидье. Всё время до отъезда сестра Утабио заставляла девочку работать только левой рукой, отвязывая правую только когда та слишком уж затекала. Эрна не жаловалась. Приём сестры Утабио напоминал ей обучение у Танцующего Кабана, когда тот, бывало, завязывал девочке глаза, чтобы она училась ориентироваться в полной темноте и доверять своему слуху. Работать одной рукой, тем более левой, было тяжело и непривычно, приходилось всё продумывать наперёд, как она упрётся и перехватит инструмент или вовсе падающего больного. Это было бы даже полезно, если бы не ужас, который ждал её впереди. И ничего нельзя было сделать! Днём она всё время на глазах, ночью спала в длинной комнате с десятком монахинь. Часовые охраняли монастырь и днём, и ночью. Следили они больше за тем, что творилось снаружи, но...

* * *

Ночью Эрна проснулась от ощущения чужого присутствия. Как будто неверная нота вмещалась в привычные ночные звуки, дыхание, сопение и храп спящих монахинь. Шорох одежды, непохожей на монашеские рясы. Шаги, слишком тяжёлые и широкие для женщины.

Девочка бесшумно скатилась с кровати, сжимая в руках самодельную удавку. С тех пор, как она лишилась ножа, Эрна и думать не могла уснуть без кусочка верёвки, на один конец которой была подвешена монетка.

Кто-то тихо-тихо крался по комнате, но таиться он не умел и никогда не учился. Вот сапог запутался в устилавшей пол соломе. А вот он шваркнул подошвой о камень. Эрна осторожно выглянула из-за кровати. Чужак нёс с собой свечку, с которой наклонялся над каждой спящей женщиной. Кого он отыскивает?

Закричать, поднять шум? Или подождать? Спрятаться или напасть на него? Вот тебе и часовые! Или он убил их? Почему тогда не убивает женщин? Стоит хотя бы одной проснуться...

Эрна осторожно переползла под соседнюю кровать, которая располагалась дальше от входа, чем её собственная. Он наклонится над её кроватью и тогда она сможет воспользоваться удавкой. Если постараться и сделать всё тихо...

Огонёк приближался. Девочка сжалась как пружина... и вдруг узнала ночного гостя.

Вот тебе и воин Заступника! Она вернулась к своей кровати.

— Брат Озейн! — прошипела она негодующим шёпотом. — Что ты тут делаешь?!

— Ты не спишь? — удивился брат-заступник.

— Я сейчас закричу, — мрачно предупредила девочка. Вот ведь болван!

— Не надо! — взмолился брат Озейн. — Пойдём со мной! Я хочу спасти тебя!

Или это ловушка... испытание... предательство... или брат Озейн самый глупый болван из всех самых глупых болванов!

— Не ори, — прошипела она. — Выйди отсюда.

Она накинула на себя монашеское платье и босиком вышла следом за братом-заступником. На ночь у них отбирали башмаки, видно, специально для таких случаев. За дверью было темно и тихо... неужели ловушка?..

Брат Озейн схватил её за руки так неожиданно, что девочка чуть в самом деле не заорала.

— Я знаю, что тебе грозит! — горячо зашептал юноша. — Я следил, но тебя не оставляют одну. Сейчас моя очередь охранять женскую обитель. Другого случая может не быть! Пойдём со мной, сестрёнка! Мы выберемся наружу... я сильный, я смогу прокормить тебя и защитить. Мы вернёмся на твою родину, где нас не найдут ни мои братья, ни люди ютанского короля.

Он сильнее стиснул её руки и потащил к лестнице.

Болван!

Сердце у девочки так и билось, когда она тихо и зло спросила:

— Кого ты готов убить ради меня, Озейн?

— Что?

От удивления он даже отпустил её руки.

— Тут везде часовые. Тебе не пробраться мимо них. Они все твои братья, так ведь? Кого из них ты убьёшь? Ты сможешь? За нами пустят собак. Наш след ещё не остынет, когда обнаружится убитый часовой. Нам не спастись и не скрыться. Что у вас в ордене делают с отступниками?

— Я не стану никого убивать! — возмутился брат Озейн.

Эрна пожала плечами и зевнула.

— Я пошла спать, — объявила она. — Приходи, когда придумаешь идею получше.

Он удержал девочку за плечо.

— Ты ведь совсем ещё дитя, Нинета, — горько произнёс брат-заступник. — Откуда такие мысли?

Эрна снова зевнула.

— А ты давно не дитя, — огрызнулась она. — Откуда такая глупость?

Ей вдруг стало смешно. Как будто она не обдумывала сотню раз, как бы ей выбраться из этой западни!

— Иди на своё место, — сказала она мягче, — я никому не скажу, что ты приходил.

— Ты не понимаешь, я хочу тебя спасти!

— Я понимаю, — отозвалась Эрна. Не стоило обижать человека, который так мечтает ей помочь. — Ты хороший и добрый. Но отсюда нам не сбежать.

Она отвернулась и пошла обратно в комнату. Как жалко, что этот болван не готов убивать! Сбить собак со следа она, наверное, сумела бы... Но сначала нужно выбраться из этой ловушки!

Глава двадцатая

Спасение

Сестра Утабио, похоже, пронюхала о ночной встрече или заметила что-то подозрительное, но говорить ничего не стала. Да и когда? На следующий день она принялась собираться в дорогу, укладывая банки и коробки с лекарствами, складывать инструменты, инструктировать своих подчинённых... Глядя на ключницу, можно было подумать, будто без неё женская обитель развалится в одно мгновение!

Как догадывалась Эрна, *на самом деле* Утабио не имела права покидать монастырь. Её же заключили сюда на вечное покаяние. Но никто не помнил, что тогда случилось, никто ничего не знал... одним словом, никто и не пикнул. Тем более, что аббатису пока не назначили и некому было приструнить ключницу, кроме отца Бенлиуса. А отец Бенлиус был рад-радехонек, что самая лучшая лекарка Хларии будет рядом.

Дорогой ключница всё скрежетала и скрежетала об обидах, которые нанесла ей матушка Онория, о нерадивых монахинях, о случаях позорной кражи пирожков из кладовки, о новомодных веяниях, которые погубят орден... Ради сестры Утабио им выделили карету и девочка наслаждалась почти-одиначеством: теперь ей приходилось терпеть общество одной только ключницы, а не десятка монахинь. Время от времени та засыпала, а время от времени принималась тихим, еле слышным голосом наставлять девочку:

— Ничего не бойся, поняла? Ты должна выглядеть так, будто уверена в своей невинности. Ты же уверена, девочка? Не моли о пощаде, если хочешь жить. Не вздумай бежать, сделаешь хуже.

— Я и не собиралась, — надулась Эрна. Притворяться с каждым днём было всё сложнее. А сестра Утабио словно видела её такой, какая она была на самом деле. Как только умудрялась?..

— Не лги, — усмехнулась ключница. — Ты же не дурочка. Мне понравилось, как ты ответила брату Озейну.

— Я... — начала было Эрна и осеклась. Ну нет! Она не будет признаваться! — Я с ним давно не разговаривала.

— Конечно, — засмеялась сестра Утабио. — Маленькая врунишка! А третьего дня, когда он оставил пост?

— Он оставил пост?! — широко распахнула глаза девочка.

Освободитель, когда это закончится?!

— Упрямая, — одобрительно кивнула ключница. — Но глупая. Уж призналась бы, пожалела, мол, беднягу... ты так легко врёшь, моя милая... кто тебя учил?

— Учил?! Вы же и учили...

Ключница подцепила пальцем подбородок Эрны и заставила посмотреть в глаза. Карету потрянуло на ухабе, палец соскользнул и больно ткнул девочку в горло. Она закашлялась.

— Хороша! — оценила сестра Утабио. — Хороша! Сама невинность. А уж выдержка... даже сейчас ты продолжаешь свою игру.

Можно подумать, если она признается, все сразу скажут, ой, мол, извини, мы передумали тебя мучить!

— Жалко такую красоту запирать в монастырских стенах, — продолжала ключница. —

Нет, девочка, у нас ты надолго не останешься.

— Но я же... — запуталась Эрна. Что ей надо сейчас сделать? Сказать, что мечтает и дальше возиться с вонючими больными? Заявить, что только и хочет, как подрасти чуток и выйти замуж? Враг их всех забери! — Я так хочу учиться дальше! Вы мне ещё столько не показали!

— Хороша! — кивнула сестра Утабио. — Знаешь, почему я тебя не выдам?

Девочка промолчала.

— Я хочу посмеяться над матушкой Онорией, — хриплым шёпотом призналась ключница. — Она, покойница, писала, что ты ещё ни разу не колдовала! Вот тебе и особый дар! Да ты, дитя, гадюка в ангельском обличье. Нет, пушай они, великомудрые, ломают свои головы. А я посмотрю. Ты ведь колдовала, так, девочка?

— Это неправда! Зачем вы меня обижаете! Я никогда... даже не думала!

— И ведь не сбилась ни разу, — хмыкнула сестра Утабио. — Зря только прикрываешь этого болвана. Я понимаю: надеешься, что он тебе пригодится. Но всё равно зря. Он-то быстро признался, когда я на него надела.

А вот это уже ловушка!

Виль рассказывал о таких вещах.

Тебе говорят, мол, твой сообщник во всём признался — и ты торопишься его выдать!

— Не знаю, в чём он признавался, — бросила девочка с лёгким презрением. — Он, верно, придумал себе какую-то чушь и сам в неё поверил!

— Зря ты его выгораживаешь, девочка, — покачала головой ключница.

Эрна и сама не знала, стоило ли так делать. Но ломать голову, вычёркивая из рассказа свои умения, вроде способности слышать и понимать ночные шорохи, ей не хотелось. Она и так изо всех сил старалась не думать о том, что её ждёт, и на это тратила все свои душевные силы. Старалась есть и пить, как будто всё хорошо. Как будто там, на небе в самом деле сидит добренький Заступник, который отведёт от неё любую беду.

А что ей ещё оставалось?!

Виль.

Если бы было время хоть ненадолго остаться одной, заглянуть в себя и потянуться к родному лесу... лесу, который дал ей колдовскую силу. Лесу, который принял когда-то Виля как своего сына. Виль бы пришёл! Он не мог бы не прийти! Пусть он бросил её и предал, но он не мог не прийти к ней, если бы она позвала! От этого зова нет защиты, Виль даже не понял бы, что исполняет чужую волю!

Но проклятая старушонка ключница не спускала с Эрны глаз. Она небось бы заметила, что девочка колдует. Что же было делать?! Что?!

Если она придушит старуху, ей конец. Отравить её не удастся. Освободитель, за что такие испытания?!

* * *

Король Ютании, Эммет Пятый, вместе со своим старшим сыном, принцем Гарсом, и Арелином, сыном рыцаря лю Дидье, расположились большим лагерем под стенами Арола. Вместо частокола он был окружён телегами, но порядка в нём было меньше, чем в лагере братьев-заступников. В центре располагались большие и нарядные шатры главных лиц:

самого короля, его военачальников и духовника, ближе к краям — грязные и латаные палатки солдат. На самом краю стояли пестревшие разноцветным заплатами шатры торговцев и непотребных девок. Это всё Эрне объяснила сестра Утабио, которая знала подозрительно много для затворницы. Подумав, девочка сообразила, что ключница лечила раненых солдат, не делая различий между ютанцами и хларцами. Небось, они и нарасказывали.

О том, чтобы прогуляться и всё осмотреть, не могло быть и речи. Чем ближе к Аролу, тем серьёзней стерегли Эрну, и девочка даже не сразу поняла, что братья-заступники не столько боятся её побега, сколько того, что её похитят ютанцы, чтобы представить ставленницу ордена виновной. За девочкой постоянно кто-нибудь следовал — и это не считая сестру Утабио, которая бросила свои намёки и принялась рассказывать всё, что знала об ожогах. Знала она так много, что у Эрны голова шла кругом.

Все как будто смирились! Смирились с тем, что её отдадут на пытку!

Чтобы сбежать отсюда, ей пришлось бы или усыпить весь лагерь или перебить всех часовых. И сестру Утабио тоже. Та, кажется, вовсе не спала по ночам.

Сестру Утабио убивать было жалко. И страшно. Жалко, потому что никто, наверное, не внушал Эрне такого уважения, как эта маленькая злобная старушонка. Страшно... кто знает, на что она способна? Мама говорила, с возрастом ведьмы только копят силы и опыт... пока не выживут из ума.

* * *

Эрна так и не придумала, как ей спастись. Неужели совсем-совсем ничего нельзя было сделать?! Неужели...

* * *

Утром следующего дня после их приезда под стены Арола в королевском лагере запели трубы. За Эрной пришли одетые в чёрное судейские и десяток солдат. О чём с ними говорили отец Бенлиус и комтур Тьери, девочка не знала, но только ютанцам пришлось идти впереди, а рядом с девочкой и позади неё пошли братья-заступники. Они, как и судейские, были во всём чёрном, и Эрне казалось, будто она ступает в шествии воронов. В королевский лагерь их не пустили, все собрались в поле под стенами. Только что трибуны не построили, так много людей столпилось вокруг. И знати, и богатых горожан, и всякого отребья. Эрна пыталась взглянуть в лица. Был ли среди них Виль? Думал ли он, как её спасти?

Она не могла сосредоточиться. Всё сливалось в разноцветные пятна. Даже самый тихий звук казался громким как небесный гром, но смысла девочка уловить не могла. Она шла вперёд, опираясь на руку сестры Утабио, пока их не довели до помоста. Снова трубы. Герольд заговорил, возглашая что-то на церковном языке, но Эрна как будто разучилась его понимать. Уловила только «убийство» и «милосердие». Она подошла к помосту. Сама, без

сестры Утабио. Надо держаться. Если ничего нельзя поделаться, надо держаться. Но как же трудно. Каждый шаг — через силу. Земля, по которой она только что прошла, на которой воздвигли помост — это ведь поле битвы. Здесь сражались и умирали люди. А рядом — Арол, взятый предательством, Арол, где ещё недавно шла резня, насилие, грабежи...

Чуждая ведьмам магическая сила взывала к девочке. Это поле битвы, оно наполнено магией. В таких местах волшебники устраивают свои тайные сборища и турниры. Много, очень много крови пролилось тут. И подлость. О, да, тут была ещё и подлость. Казалось — протяни руку, возьми. Пользуйся. Ты — волшебница. Ты можешь взять то, что тебе принадлежит по праву. Протяни руку. Руку...

Эрна медленно, стараясь не наделать ошибок, произнесла своё самое любимое заклинание. Самое опасное. Если у неё ничего не выйдет, что её ждёт?..

Свет хлынул в разные стороны, едва девочка взошла на помост. Она как будто была фитилем свечи и вокруг неё заискрилось ослепительно-белое пламя. Рядом раздался стон, потом бряк и вопль. Эрна ничего не видела вокруг, собственный свет затмевал всё, а он ещё становился ярче и ярче... её как будто накачивало магической силой и вся эта сила сгорала в белом сиянии... поле боя, место, где проливали кровь... Откуда-то — не там ли сидел король? — раздался вопль... один... второй... третий... Освободитель! Какая же она дура! Ведь дядюшка Лонгин говорил... говорил, что надо всегда, всегда, всегда учитывать ограничения! Он же говорил, чтобы она осторожней переходила к «натурным экспериментам»! Остановить сияние было невозможно. Оно продолжало разгораться, и до девочки доносились всё новые и новые стоны. Кто-то, наверное, слеп от этого сияния. А кто-то кажется, умирает, высвобождая всё новую и новую силу.

Освободитель! Помоги!

Внезапно всё закончилось да так неожиданно, что девочка не сразу поняла, что произошло. Вокруг стало темно и...

Освободитель! Какая же она дура! Ведь говорил Виль не упиваться своим могуществом!

Все эти мысли промелькнули в одно мгновение.

Ей на голову нахлобучили мешок.

— Быстро! — шепнула ей на ухо сестра Утабио. — Бежим, пока у них не восстановилось зрение!

Спорить и уточнять было некогда. Эрна почувствовала, что больше не сияет, сорвала мешок и устремилась за ключницей. Старушонка оказалась резвой бегуньей. Она устремилась в лес, которые зеленел неподалёку, и Эрна с трудом за ней поспевала.

— Фух! — остановилась Утабио и ухватила за сосну. Девочка увидела, что старуха задыхается. — Вот это ты учудила, дитя моё!

— Я... — начала было Эрна и осеклась. Что она могла сказать? Что она нечаянно? Что она больше не будет? — Спасибо, сестра.

Ключница криво улыбнулась.

— Тебе спасибо, малышка. Когда я буду умирать, мне не придётся каяться в убийстве короля и его прихвостней.

— Вам — что?!

Старуха засмеялась.

— Я всю мою жизнь выхаживаю солдат, — сказала она. — Я старею, мне нужно отдохнуть, но эта война никогда не заканчивается. Ты убила их, моя милая. Ты, а не я.

Эрна почувствовала, что ноги её больше не держат.

— Меня будут искать? — спросила она.

— Дурочка. Тебе будут поклоняться!

Эрна села на траву и почувствовала, что её тошнит. Поклоняться! Этого только не хватало!

— Сам Заступник забрал тебя живой на небо, — сказала ключница с издевательской торжественностью, — поразив священным пламенем твоих обвинителей. И всякая рука, держащая оружие, была обожжена небесным гневом.

Девочка стало совсем плохо.

— Но я не святая! — выкрикнула она с отчаянием.

— Поздно, милая, — расхохоталась старуха. — Поздно.

Эрна постаралась собраться с мыслями.

— Но как вы всё это разглядели? — спросила она. Утабио пожала плечами.

— От твоего света все ослепли, — сказала она. — Так бывает, если выйти из темноты на солнце. Я завязала глаза чёрной тряпкой и видела сквозь неё.

Она вздохнула и прижала руки к груди. *Сердце, поняла девочка.*

— Посиди здесь, отдохни, — предложила ключница. — Я принесу тебе одежду и припасы в дорогу. Не попадайся солдатам и всё будет хорошо.

— Вы сможете выбраться без охраны? — недоверчиво спросила Эрна.

Старушонка только усмехнулась.

— Тебя никто не узнает, кроме тех, кто видел прежде, — сказала она вместо ответа. — Посмотри на свои волосы.

Эрна оцупала голову. Платок она потеряла там же, где мешок. Коса была сколота на затылке, девочка вытащила шпильки... её волосы были светлыми... *настоящими*. Свет белой магии вывел всю краску. *Кто бы мог подумать...*

— Святую Нинету запомнят черноволосой, — добавила ключница.

— Я не святая!

— Ты — нет. Ты, небось, и не Нинета, а, девочка? Как тебя зовут по-настоящему?

— Нинета, — буркнула Эрна.

— Осторожна, упряма и осторожна, — расхохоталась старушонка. — Как знаешь. Не убегай, иначе останешься без подарка.

Она повернулась к Эрне спиной и шагнула обратно, в сторону Арола, потом остановилась и протянула — откуда только вытащила? — нож. Тот самый.

— Возьми, — сказала Утабио. — Наговоренный ведь.

* * *

Эрна никак не могла решиться. Ждать монахиню было страшно, не ждать — ещё страшнее. Девочку в одежде послушницы вернут в первый же монастырь, ожидая вознаграждения за поимку беглянки — это в лучшем случае. В любой момент можно наткнуться на солдат, а с ними девочке второй раз сталкиваться не хотелось. Брр. Хорошо, если быстро плотку перережут. Ведьма распустила волосы, уколола палец иголкой, заткнутой за воротник монашеского платья, сбросила башмаки и быстро-быстро сплясала между деревьев. Покачнулась — значит, получилось! — отломала от куста ветку и принялась чертить круг. Большой-большой круг, чтобы наверняка. В этом кругу никакая погоня её не

найдёт, потеряет и враг, и друг, собаки не отыщут следа... она всё бормотала и бормотала, придумывая все опасности, от которых хотела спрятаться. Круг получился, если честно, совсем не круглый. Но вот он замкнулся — и вовремя. Вдали — очень далеко — послышались голоса. Девочка надела башмаки, кое-как прихватила волосы — некогда заплетать! — и белкой взлетела на разлапистую сосну. Осторожненько перелезла по ней на соседнее дерево, а с него на следующее. Вот ещё немного вырастет, потяжелееет — такой фокус будет не проделать. И так еле ветки выдержали.

Вовремя.

— С чего ты взял, что она здесь? — спросил по-нагбарски грубый голос. Эрна собрала всю свою волю, чтобы не пытаться рассмотреть говорящих. Надо замереть. Её тут нет. И не было никогда. Надо слушать голоса и шаги. Размашистые шаги людей, которые привыкли много ходить. Один башмак слегка хлюпает. Прохутился.

— А куда ей ещё бежать? — ответил второй голос по-хларски. — Я ж тебе растолковал! Спереди город, сзади лагерь. Справа толпа, слева тоже. Только с юго-запада можно проскочить. Если побежала, то только сюда.

— Мы тут всё обошли, — проворчал нагбарец. — Паук сказал, искать мелкую паршивку. Куда эта дрянь могла деться?

Его собеседник смачно сплюнул.

— Чем слушал? Он же сказал, ведьма она. Глаза, небось, отвела.

Ну Виль! Ну удружил!

— Я за ведьмами охотиться не нанимался, — запротестовал нагбарец. — Пусть с ними святоши связываются.

— Уже в штаны наложил! А когда Паук задаром твоего капитана прирезал, о чём ты думал?

— Этот гад запарол бы меня до смерти, — фыркнул нагбарец. — Подумаешь, прогулялся чуток да малышку потискал! Кто ж знал, что её наш капитан обхаживает?

Хларец расхохотался.

— Капитан-то, говорят, на ней жениться собрался. А ты её уже попробовал!

— Было бы что пробовать, — буркнул нагбарец. — Враг с ним, с капитаном, да и с Пауком тоже. Нету девки в лесу, вот режь меня — нету!

— Как скажешь, брат, — спокойно отозвался хларец.

Эрна по звукам поняла, что разбойник — дезертир? — хладнокровно выполнил «просьбу» товарища.

— Эй, девка! — крикнул хларец. — Покажись, не трону!

Девочка сглотнула. Сюда должна прийти сестра Утабио. Почему-то Эрна не сомневалась, что монахиня появится. Справится ли старушка с таким вот бандитом?

И зачем Виль рассказал ему, что она ведьма?

Враг с ним, с Вилем.

Девочка решила. Она провела пальцем вдоль лезвия ножа и слегка насадилась на остриё. По железу побежала кровь. Её кровь. Ведьма всегда платит кровью. Тихо-тихо, тише ветра она зашептала лезвие. Теперь это совсем-совсем её нож. Он не подведёт, не выпадет из рук, не предаст. Он всегда найдёт добычу.

Она спрятала нож в рукаве, проверила, что тот легко вынимается, но сам не выпадет.

Это же наговоренный нож.

И спрыгнула с дерева.

— Эй! — опасно и сердито закричал разбойник. Потом увидел её. Эрна догадывалась, как выглядит. Растрёпанная, истощённая от непосильной работы и страха... глаза, небось, ещё больше кажутся... девочка выглянула из-за дерева, притворяясь, что осторожничает.

Разбойник расплылся в неискренней улыбке.

— Иди сюда, маленькая. Ты тут одна?

— Одна, — тихо сказала Эрна. Ей даже не пришлось притворяться, голос её в самом деле дрожал. *Освободитель, как она устала!* — Кто вы, дяденька?

— Я твой друг, — важно сказал разбойник. Эрна подошла ближе, позволила ему схватить себя за плечо.

— Я вас не знаю, — ответила она.

— Меня послал Паук. Паука ты знаешь?

— Я боюсь пауков! — вскрикнула девочка. Разбойник расхохотался и наконец повернулся так, что ей было несложно...

Удар получился быстрым и точным. Всё как Виль учил. Мама говорила, что убивать — страшно. Эрне страшно не было. Только противно. Она удостоверилась, что разбойник точно умер. Сестра Утабио научила её это определять. Закрыла ему глаза и вытерла нож о его одежду. К горлу подкатила тошнота, но девочка сдержалась. На душе было пусто. Зачем она это сделала? Ради сестры Утабио? Или чтобы не оставлять позади людей, которые знают, кто она такая? Почему бы ни доверял им Виль, Эрна им доверять не собиралась.

* * *

Чуть позже слышались шаги. Девочка их без труда узнала и вышла навстречу. Не стоит старушке знать, что не ошиблась в отношении Эрны.

— Держи, — без объяснений сунула ей в руки пакет ключница. Эрна его развернула. Одежды там не было, только...

— Сестра! — ахнула девочка, забыв обо всём. — Вы... вы сошли с ума! Вы не можете!

В пакете были книги лельфского медика, переведённые на церковный язык.

— Могу, могу, — проворчала старушонка. — На, переоденься.

Девочка безропотно сбросила с себя наряд послушницы и переделалась в серое платье крестьянки. Ключница протянула девочке сумку, набитую лекарственными травами, мазями и даже — Освободитель! — инструментами, которыми пользовались в монастыре.

— Но почему?!

— Потому что ты не дура, — сказала Утабио, потом потрепала девочку по щеке. — Я думала, может, тебе бежать придётся, и подготовилась. Ты умеешь работать, девочка. Книжки кому попало не показывай, отберут.

Ещё бы!

— Вы не должны... — произнесла Эрна, а сама прижала подарок к себе. Там было всё! Там были даже заметки самой сестры Утабио! Такой подарок не получал даже король!

— Не твоё дело, девчонка, — проворчала ключница. — Спросила бы лучше, что ты натворила с добрыми людьми.

— А что я натворила? — осторожно спросила девочка.

— Король умер. Его сын ослеп. Сын рыцаря лю Дидье тоже умер. У половины ютанцев руки отсохли. Все только и говорят, что о гневе небесном. Многие в очередь выстроились у

нашего лагеря, хотят покаяться. Ты, говорят, самим Заступником была послана прекратить нечестивые злодеяния. Гордишься, а, девочка?

Эрна вспомнила о разбойниках, чьи трупы валялись неподалёку под соснами. Они ведь тоже творили нечестивые злодеяния, разве нет?

— Нет, — сказала девочка. — Не горжусь.

— Это правильно, — кивнула старушонка. — Озейн рыдает. Тебе его не жалко?

— Нет, — пожала плечами девочка. — Куда мне идти?

— Куда хочешь, — пожала плечами ключница. — Только подальше отсюда. И не попадайся солдатам. Не все раскаялись, знаешь ли.

— Почему вы мне помогаете? — спросила Эрна. — Ведь я для вас чужая.

Старушонка опять потрепала девочку по щеке.

— Когда я была моложе тебя, — сказала она после долгого молчания, — я думала, что быть ведьмой — это творить колдовство и чтобы тебя все боялись. Ты тоже так думала, а, малышка?

Девочка пожала плечами.

— Потом я поняла... — продолжила старуха. — Быть ведьмой опасно, ты ведь тоже об этом знаешь? А потом пришли они. Все эти молокососы. Они стали говорить, дескать, научат ведьм служить Заступнику. И вот каждая девчонка, которую они приводили — ух, она нос и задирает! Ещё бы! Она и ведьма, и сам Заступник её защищает!

Она помолчала.

— Ты умеешь работать, вот в чём весь фокус. Ты ни разу не сказала, что не для того владеешь колдовской силой, чтобы дерьмо за больными выносить. Ни разу даже носа не сморщила. И ты училась. Ты старательная, малышка. Я взвалила на тебя работу, которая и взрослым-то не под силу — а ты не жаловалась.

— Я думала, вы нарочно, чтобы у меня сил сбежать не было, — проворчала девочка. Сестра Утабио расхохоталась.

— А ты не глупа, так ведь? Ну, что, скажешь мне, как тебя зовут?

— Нинета, — отозвалась Эрна. Старуха разочарованно покачала головой. — Тогда Красавка.

Сестра Утабио ухмыльнулась. Из красавки можно вытянуть яд, можно и превратить его в ценное лекарство.

— Прощай, девочка. Надеюсь, мы никогда не встретимся.

История пятая
Брат Юлди

Глава первая

Князь-Жрец

Скрипнула дверь кельи. Молодой монах с усилием поднял голову, расправил затекшие плечи, отрываясь от записей, которые вёл при дрожащем свете свечи.

— Сын мой... — окликнул его настоятель.

— Да, отец Алфеус? — отозвался монах.

— Ты поедешь, — просто сказал настоятель. — Завтра отправишься.

Монах упал на колени и вознёс молитву Заступнику. Отец Алфеус осенил его священным знаком.

Брат Юлди всегда мечтал увидеть новые страны и привести язычников к вере в Заступника. Однажды его мечта сбылась: когда бывший отец приор его монастыря, оказавшийся папским легатом, порекомендовал монаха в духовники личного отряда его высочества дюка Клоса. Отряд был пёстрый, состоял из самых разных людей, и должен был отправиться на восток, чтобы разыскать украденную когда-то оборотнями корону Тафелона. Путешествие запомнилось монаху надолго. Брат Юлди едва не встретил смерть на языческом алтаре, обратил в истинную веру гордых магнатов-оборотней, побывал при страшном дворе князя-вампира, участвовал в битве с колдуном, призывающим ветер... И они вернули корону его высочеству.

А дальше потекли долгие дни в монастыре на перевале, который начал казаться монаху тесной тюрьмой, а не родным домом. Юлди молился, просил Заступника прогнать греховную гордыню, советовался с отцом-настоятелем... Но опасные мысли не унимались.

Снова в дорогу, снова в бой — это ли не счастье?

Он записал своё путешествие. Записал и свои впечатления от магнатов-оборотней. Они звали его поселиться у них навсегда, но настоятель воспротивился. Не дело такому юному монаху руководить церковью целой страны. Какое там руководить! Юлди согласился бы и полы подметать в новом храме на востоке... Отец Алфеус объяснял: магнаты никогда не признают церковную власть другого клирика, если Юлди будет жить среди них. Но дело церкви не должно зависеть от одного человека.

Поэтому к магнатам отправились другие.

И первую церковь на востоке возвели тоже без Юлди.

Как отец Алфеус не понимает: не желание быть первым звало его в дорогу! Желание быть причастным к большому делу!

Но он не роптал.

Удел монаха — покорность.

* * *

Его терпение было вознаграждено. Отец Алфеус позволил Юлди покинуть стены монастыря и присоединиться к отряду Увара. К тому самому, с которым он уже путешествовал на восток. Он пока никуда не собирался, но Юлди, по приказу бывшего приора, старательно учил языки степных членов отряда.

Создатель не награждал Юлди способностями к языкам, но Юлди упрямо заменял их усердием. Он вёл записи, говорил с Иргаем, который когда-то спас ему жизнь, с юным Фатеем, происходившим из другого народа, снова записывал свои наблюдения...

И Заступник подарил ему ещё одну радость. Отряд отправлялся на восток, да не до магнатов, а дальше, ещё дальше, туда, где южнее страны городов Дарилики раскинулись бескрайние степи. Отряд отправлялся на восток и брал Юлди с собой! Это ли не счастье?

* * *

Леса оборотней изменились. Раньше через них шла петляющая тропа, по которой едва ли могла проехать телега. Теперь это был широкий прямой тракт, на котором на равном расстоянии друг от друга стояли заставы и стерегли дорогу. На заставах сторожили всё те же оборотни, которые предпочли службу былой вольной жизни, и яростно защищали свой участок дороги и от разбойников-людей и от желающих поживиться лёгкой добычей своих собратьев.

Изменились и земли язычников. Где-то болота осушили, где-то проложили надёжную гать, но только путь и здесь был прямым и безопасным. Братство Помощи потратило немалые деньги на эту дорогу. Она должна была длиться, длиться и длиться до самой Дарилики. Поговаривали, что со временем Братство Помощи не пожалеет средств и путь замостят камнями по древнему способу, чтобы ни осенняя, ни весенняя распутица не мешала торговле. Но сначала торговля должна была себя окупить.

Потому на восток и отправлялся личный отряд самого дюка: они не просто бывали там, они семь лет прожили в степях и переняли немало тамошних обычаев. Например, они таскали с собой жён и детей, даже самых маленьких и беспомощных. Одна такая женщина удочерила оборотня, девочку, которую ему в конце концов доверили посвятить Заступнику — после того, как её по каким-то полудиким обычаям посвятил Заступнику приёмный дед. Сейчас крошка Ольви уже подросла и мальчишки повадились брать её с собой, когда лазили по чужим погребам. Пусть и маленькая, она отпугивала деревенских собак и всегда чуяла, не идёт ли хозяин погреба.

Крошку Ольви тоже взяли с собой. У её приёмной матери с тех пор родилось ещё два сына и дочь, но свою первую девочку Дака обожала, хотя первые несколько лет все знакомые оборотни предлагали утопить неудачного щенка. У них, оказывается, не было принято, чтобы детёныш так часто менял форму до отрочества. Волчицей Ольви была почти взрослой, а вот как человек заметно отставала от своих сверстников. Дака ничего не хотела и слушать. Иргай, её муж, разводил руками. От девчонки по крайней мере была польза на охоте.

* * *

Они проехали дружественные Тафелону земли князя Галлаюта и отправились дальше, через земли князя Инваса, от которых уже недалеко было до страны магнатов-оборотней, где Увар рассчитывал задержаться на пиры с гордыми властителями той земли — и пополнить запасы в дорогу. Где-то в тех же краях было разбойничье капище, в котором Юлди чуть было

не убили во время первого его путешествия. Князь Инвас сидел в городе Дульме, который каждому тафелонцу казался большой и неопрятной деревней. Возле Дульме рос вековой лес, каждое дерево в котором было священным, и Увар лично запретил Юлди туда соваться со своим топором. Юлди пожал плечами. Он уже не был тем мальчишкой, безумно обиженным на недоверие товарища по оружию, вымещавшим злость на языческих идолах. По договору с Тафелоном он имел право проповедовать истинную веру и считал это дело куда важнее, чем уничтожение священной рощи. Когда город склонится перед Заступником, старые идолы отправятся на дрова без его участия. А перед Заступником город склонится. Не может быть, чтобы люди не захотели отвергнуть ложную веру во имя истины.

* * *

Врени не слишком радовалась новому походу, но её, как всегда, не спрашивали. И навязанному святоше она тоже не была рада. Сколько раз ходили без него, а теперь — дожили! — слишком важное дело, чтобы обойтись без монаха. Брат Юлди должен был вести записи похода. Составлять карту. И даже вести торговлю, как будто он в ней хоть что-то смыслил! И, уж конечно, этот сопляк собирался проповедовать!

Он проповедовал всегда. Во время дневных переходов без устали трепался о неизмеримой милости Заступника со всеми, кто ехал рядом. Во время привалов учил мальчишек и девчонок отряда, что нельзя воровать, ругаться и драться с местными детьми. Если кто-то заболел, сидел у постели больного и втолковывал, мол, исцеление зависит от воли Заступника. А как же Врени? А что Врени, она орудие в Его руках.

Орудие она, как же! В руках Заступника!

Больше всего святоша радовался, если они задерживались в каком-нибудь городе. Тогда он находил толмача и шёл рассказывать местной черни про «истинную веру». Рассказывал он странновато, то пересказывал жития святых, то повествовал о своих приключениях, а то и вовсе вызывал особенно сомневающегося язычника подраться на кулаках или топорах. Мол, Заступник направит его руку. В прошлый раз даже с оборотнями подрался и ведь победил. Они сразу же уверовали. Враг знает что такое был этот Юлди.

* * *

Вот и сейчас, едва они остановились возле Дульме, как он ушёл из лагеря и отправился в город. Тафелонский там понимали похуже, чем в более западном Пьярбе, но за толмачом дело не встанет.

День ещё не склонился к вечеру, когда в лагерь вернулась увязавшаяся за святошей Ольви и тоненько завывала. Как по покойнику. Все уже знали, что от перепуганной оборотницы не стоило и ждать человеческого облика и объяснения. С другой стороны, переживать попусту она тоже привычки не имела.

* * *

Юлди проповедовал на широкой площади недалеко от княжеского терема. Он успел подраться с тремя язычниками и выиграть каждый из трёх поединков, и давно уже отвечал на заковыристые вопросы языкастых баб, собравшихся поглазеть на новое чудо. Но вдруг толпа раздвинулась, пропуская вперёд... седого как лунь старика в белых одеждах. В одной руке он держал факел, в другой — дубовый посох. На поясе старика справа висел конский череп, а слева, к ужасу монаха — человеческий. Юлди оглянулся. Весёлого толмача Кердаса как ни бывало. Малютка Ольви отчего-то отчаянно взвыла и бросилась наутёк. Старик остановился напротив монаха и выжидающе уставился на него.

Юлди сжал левой рукой чётки и уставился в ответ на старика. Тот чего-то ждал и под его взглядом монаху было откровенно неуютно. Но черепа, белая одежда, посох, да и почтение, которое оказывала старику толпа, подсказывала, что Юлди столкнулся со своим главным врагом: местным жрецом, поклоняющимся идолам. И отступить монах не собирался.

Ожидание затягивалось. Наконец, старик сделал призывающий жест рукой, в которой был зажат посох, и из толпы неохотно вышел какой-то человек. Обычный темноволосый человек с характерными для этих мест зеленовато-карими болотными глазами. Судя по всему, он очень боялся старика и почему-то опасался и Юлди.

Когда старик заговорил, стало ясно, что этот человек — его толмач.

— Кто ты такой, чужак, осмелившийся прославлять своего бога рядом со священной рощей? — сказал толмач.

— Я не чужак, — мягко ответил монах. Годы, которые ему пришлось прождать нового путешествия в монастыре, смягчили его характер. — Я гость князя Инваса.

Старик резко ответил.

— Никто не будет тебя принимать, если Крайвите запретит! — перевёл толмач. — Ты должен замолчать и уйти.

— Я сын Создателя, как и все люди, — отозвался Юлди. Он говорил не для старика, а для собравшейся толпы. Нельзя допустить, чтобы этот... Крайвите его выгнал. — Я подчиняюсь только моему господину Заступнику.

Крайвите засмеялся.

— Твой бог далеко, наши боги рядом. Приходи на рассвете в священную рощу. Ты сразишься с нашими богами. Если проиграешь — твоя кровь окропит корни священных деревьев.

Старик не стал дожидаться ответа, развернулся и ушёл.

* * *

Когда его нашли, Юлди был на седьмом небе от счастья. Он не сомневался в будущей победе. Как удалось узнать, Крайвите был Князем-Жрецом, самым главным человеком в этой проклятой языческой стране. Время от времени он объезжал подвластные ему земли в поисках подходящих людей для служения богам. Одних забирал к себе на остров, с которого невозможно было сбежать и на который нельзя было попасть без разрешения хозяев. Других отправлял богам в местных капищах. Это должно было обеспечить землям мир, процветание, хороший урожай, богатые караваны и прочие возможные радости.

А ещё говорили, что этот Князь-Жрец был сильнее всех прочих Крайвите, живших до

него, и его воле уже двадцать лет никто не осмеливался воспротивиться.

И такому человеку Юлди бросил вызов?!

* * *

— Ты сошёл с ума, — безуспешно пыталась воззвать к его разуму Врени. — Ты сам погибнешь и всех нас погубишь.

— Заступник мне поможет, — безмятежно отозвался монах.

— Заступник! Когда это Заступник спасал от чёрной магии?! Ты понимаешь, что этот Крайвите — волшебник?! С ним даже хозяин Серой пустоши не справился, куда ты суёшься?!

— Хозяин Пустоши? — слегка заинтересовался Юлди. — Лонгин?

Лонгина знал весь отряд, именно через его земли проходила дорога на восток. Был он чёрным волшебником, человеком очень учёным и с его мудростью мог сравниться только его безобразный характер. Когда-то Лонгин заключил договор с папским легатом отцом Сергиусом и с Братством Помощи, остановил процветающий на Пустоши разбой и далеко продвинулся в изучении магии. А ещё за ним неизменно следовала свита из десятка ненавидящих его белых волшебниц.

— Лонгин, — подтвердила цирюльница.

— А что с ним случилось?

— С ним — ничего. Девки его дурные пытались помешать жертвоприношению. Крайвите о них и мараться не стал, послал своих людей. Они же дурные. Засомневались, а вдруг эти люди ни в чём не виноваты. Даже не сопротивлялись, когда их повязали. Если бы Лонгин не подоспел бы со своими иллюзиями...

Она сплюнула, предоставляя Юлди самому представить, что сделали бы с десятком белых волшебниц озверевшие язычники.

— Спасибо, что беспокоишься обо мне, — улыбнулся монах. — На этот раз всё будет по-другому. Крайвите выступит против меня лично, а меня защитит моя вера. И всех нас.

Непроизнесённое «даже тебя» повисло в воздухе между ними. Врени ещё раз плюнула и пошла разговаривать с Дакой.

* * *

На рассвете у священной роши собралась толпа. Против всех обычаев, в рошу, кроме Юлди, пустили пятерых представителей отряда, включая Врени, и столько же посланных от князя Инваса. Обычно сюда заходили только жрецы — и жертвы. Юлди был безмятежно-спокоен, как всегда, одет в причудливую рясу своего ордена поверх кольчуги. И, конечно, как всегда с ним был его боевой топор. Стоя против одетого во всё белое Князя-Жреца, монах казался посланником ночи.

Они вышли на поляну, вокруг которой стояли заляпанные снизу кровью деревянные идолы. Князь-Жрец начертил острым концом посоха круг и предложил Юлди войти в него. Юлди шагнул вперёд, безмятежно улыбаясь. Крайвите встал напротив и ударил посохом в землю. Хотя под ним была обычная земля, раздался устрашающий грохот. Вокруг потемнело,

стало трудно дышать. Поляна заволочлась густым туманом, от которого пахло почему-то разверстой могилой. В этом тумане Врени увидела, как Юлди пошатнулся, с трудом воздел руки и принялся молиться Заступнику. Глядя на него, Увар внезапно опустился на колени и принялся повторять за монахом слова молитвы. Его примеру последовал старый Берток, Кривой Эб и Харлан. Чувствуя себя полной дурой, Врени тоже опустилась на колени. Молиться здесь Освободителю она не могла, Заступнику — не хотела. Но остаться на ногах, когда твой оберст на коленях...

Туман постепенно рассеивался, отступал, окружая старика грязно-серым плащом. Послышались птичьи трели. Солнце заиграло на листьях дубов. Юлди окончил молитву.

Старик заскрежетал зубами и снова ударил посохом о землю. На небе загредел гром. Откуда-то из пустоты между Крайвите и Юлди вдруг появилась здоровая секира, которая сама, без человека, напала на монаха. Его лица Врени не видела, но ясно было: святоша не испугался. Он выхватил из-за пояса топор и отразил нападение. Подражаться он всегда любил, даже чересчур для святоши. Обменявшись с секирой первыми ударами, он снова затянул молитву Заступнику. Увар подхватывал каждое его слово, а за ним и остальные члены отряда. И это, как ни странно, помогало. Вот монах ударил, увернулся, ударил сильнее... секира отлетела в сторону и упала за границей круга, а Юлди шагнул к пустому месту перед собой, опустился на колени и осенил пустоту священным знаком. Когда он поднялся на ноги, в круге лежал человеческий скелет. Монах отошёл к границе круга и скелет превратился в пыль, которую унесло потерей ветра. Люди князя Инваса испугано зашептались.

Новый удар посоха — и вот в безоблачном небе появилась туча, из которой на землю полился ледяной дождь, в котором холодные капли воды чередовались с огромными градинами. Врени вскинула руки, пытаясь защитить голову, проклятый колдун захохотал и произнёс несколько непонятных слов, от которых Юлди как будто даже съёжился. Боль была нестерпимой и сердце цирюльницы вдруг заволочла такая ужасная тоска, что хотелось немедленно сдохнуть. Кто она такая? Что она тут делает? Зачем вместо службы Освободителю который год таскается с этим проклятым отрядом? Сквозь дождь и слёзы она увидела, как Юлди, не пытаясь защитить голову от градин, с трудом расправляет плечи. Кажется, он снова начал молиться, но на этот раз молитва не помогала, а потом...

Крайвите со страшным криком подпрыгнул на месте и упал на землю. Наконец развеялся окружающий его туман. Дождь прекратился. Туча исчезла. Юлди вытер мокрым рукавом лицо и шагнул вперёд, поудобней перехватывая топор. Из-за деревьев тут же выступили местные жрецы — одетые в белое длинноволосые разбойники с копьями наперевес.

— Уходить, — сказал один из них на ломаном тафелонском. — Уходить и не вернуться. Сейчас.

Увар переглянулся с товарищами, пожал плечами.

— Юлди, — позвал он. — Мы уходим.

Монах посмотрел в лицо оберста и тоже пожал плечами.

— Пойдёмте, — согласился он.

Вечером в лагере малышка Ольви от чего-то отплёвывалась, выла и отказывалась есть или превращаться в человека. Врени поймала паршивку, чтобы как следует осмотреть, и нашла запутавшийся в густой волчьей шерсти священный знак.

Глава вторая

Похищение

Хотя они быстро уехали из Дульме, новости бежали перед ними, и магнаты-оборотни встретили Юлди как героя и чуть ли не святого. Врени с сомнением наблюдала за монахом. Ему не пошла на пользу его победа. Очень уж он заважничал. Вся надежда была на то, что местный епископ вправит сопляку мозги... но епископ *Ерсус* предпочёл не перечить своей пастве и даже подтвердил, мол, если юный брат будет и дальше следовать стезёй Заступника, кто знает, после смерти он, возможно, и удостоится...

Оставалось только плевать, глядя как Юлди неумеренно пьёт, напропалую хвастается и вызывает на поединки молодых оборотней. Утешало то, что он покуда побеждал. Оборотням их будущий святой покровитель в таком настроении нравился больше прежнего и ничего странного они в его поведении не замечали. Они все на пирах хвастались, дрались и пили. А потом снова хвастались.

А потом, перед самым отъездом отряда, Юлди пропал.

* * *

— Ну что, Большеногая? — хмуро спросил Увар. Цирюльница ходила разговаривать с женщинами, которых она лечила, пока остальные праздновали. Были среди них как оборотнихи, так и обычные люди.

— Ничего, — в тон ему отозвалась Врени. — Оборотнихи руками разводят. Женщины боятся. Глаза прячут и молчат.

— Руками разводят, говоришь, — хмыкнул оберст. Все их «друзья навек» поступили точно так же. Мол, не знаем мы, куда пропал святой человек. Наш нюх против святого бессилён.

— Позови Ольви, — предложила цирюльница. — Она Юлди где хочешь учует.

— Они ей шею свернут, как только мы девчонку с поводка спустим, — отмахнулся Увар. В землях оборотней Ольви держали на привязи при приёмной матери, потому что хозяйева страны грозились утопить «дурного щенка». А ещё здесь мальчишки отряда никогда не лазали по чужим погребам, потому что с оборотнями такие шуточки не проходили.

Тут уже цирюльница развела руками.

— Я спрашивал, может, мы его сами поищем, — продолжил Увар. — Неужто не найдём?... Юлят. В дом пригласили, будто за делом, мы посмотрели — нет его там. А сами только лапами разводят. Дескать, на всё воля Заступника и его посланника святого Юлди. Напекают, будто его могли на небо забрать. Для наставлений.

— Думаешь, его убили? — встревожилась црюльница.

— Кто, магнаты эти хвостатые? — скривился оберст. — Тогда бы нам давно голову виновника бы принесли. Ладно, Большеногая, поговорила — и иди себе. Готовимся выступать.

— Без Юлди? — удивилась Врени. Не то чтобы ей этот святоша зачем-то сдался, но непохоже было на Увара — бросать товарища.

— В Дарилике писаря наймём, — отрезал Увар. — А с Юлди хлопот много. Иди,

Юлди проснулся в полной темноте. Болела голова, напоминая, что не надо было вчера на спор выпивать ту горькую настойку. Что ж он нёс-то?... Мол, Заступник его осеняет своими крылами... почему крылами? Откуда они взялись? Осеняет, значит, а потому он сейчас осушит эту чашу... а потом... потом...

Куда-то он обещал забраться... или выбраться... ах, да. Выбраться. Не иначе как Враг попутал. Спьяну. Откуда он собрался выбираться на спор с оборотнями-то? Что ж так темно? Ночь, что ли? Одно хорошо, есть не хочется.

Он кое-как поднялся... лежал он, похоже, на охапке соломы, укрытой холстиной. Поднялся, подождал, пока пройдет головокружение, нащупал ближайшую стену и принялся исследовать своё... жилище. Наткнулся на что-то большое и твёрдое... что-то брякнуло. Ощупав, монах обнаружил накрытую крышкой кадуюшку со свежей водой и поднял с пола упавший ковш. Возблагодарил Заступника, зачерпнул и жадно припал к ковшу. Стало намного лучше. Вторым ковшом он умылся и почувствовал себя человеком.

Дальнейшие исследования были не такие радужные. Как выяснилось, он проснулся в бревенчатой... хижине?... без окон и дверей. Кроме кадки с водой, там стоял ещё невысокий, не выше ладони, чурбак, на котором лежал накрытый полотном ломоть хлеба. Вина в хижине не было. Что-то он вчера такое нёс... Про отшельника, кажется. Тот питался хлебом с водой... целый месяц. Юлди сделалось нехорошо.

Подшутили над ним так, что ли?

А где остальные?

Ох...

На том пиру Увара, кажется, не было... ну да... Юлди пригласили одного... Они начали пить на дворе у Корна... потом пошли к Друджи... А потом... потом вроде к Урлику... И как-то странно они ходили... петляли вроде... вчера-то он и сам по прямой не ходил... А сегодня вспоминается... Будто... Следы запутывали?... Да нет, глупость какая. От кого им следы-то запутывать? Они же друзья!

Значит, он расхвастался и они решили проверить, крепка ли его вера и велика ли милость Заступника. Так. А что ещё?

Юлди опустился на колени и принялся горячо молиться.

Последнее время Увар так наловчился замечать её присутствие, что Врени ровным счётом ничего не удавалось подслушать, её всегда прогоняли. Отряд снялся с места как будто даже поспешно, и, не делая остановок кроме необходимых, углубился на восток в земли очередных язычников, живших на границе с Дариликой. Далеко они, правда, не ушли. Встретили караван, который по просохшей дороге как раз отправлялся на запад, Увар о чём-то переговорил с его начальником, а после велел разбивать лагерь. Мол, тут будем отдыхать. Ничего объяснять он Врени не собирался, та только и сумела, что приметить: Карско, Габор,

Фатей, Иргай, Нифан и Стодол, а с ними ещё Хисий и Енай отправился с тем караваном, причём перед дорогой они искупались, сменили одежды и оружие на чужое, искупали коней, а Харлан ещё зачем-то окурил их дымом. Всех, и людей, и их лошадей тоже, хотя лошади протестовали против такого обращения. Что это был за странный ритуал, Врени тоже не поняла.

Пока стояли — возле дороги, ни от кого ни таясь, — мимо на запад прошёл ещё один караван, а на следующий день подъехал чужой отряд, похоже, из соплеменников Харлана. Разговорившись с Уваром, они остановились рядом. К вечеру в лагерь прискакал Фатей и Увар отдал приказ сворачиваться. Мол, пора и честь знать.

* * *

Помолившись, Юлди снова задумался. На пир он с собой не брал ни топора, ни кольчуги, и сейчас у него при себе был только нож, которым он резал мясо. И чётки. Чётки не потерялись, это было хорошим знаком. Бояться было нечего. Заступник на небе сбережёт своего слугу. Кроме того, здешние оборотни все как один были его друзьями. Вреда они ему точно не хотели. Тогда что? Испытание? Монах прислушался. Похоже было, что хижина была вкопана в землю и где-то наверху шумел лес. Такого он ещё никогда не видел. Тайных ходов тут тоже не было. В детстве и юности Юлди частенько лазал по горам, но сейчас в нём не было уже былой лёгкости, да и бревенчатые стены не похожи на камни. Он снова прислушался. Шумел лес, но вот человеческих голосов было не слышно. Он вернулся к чурбаку и ощупал кусок хлеба. Припомнил как постился, откладывая скромный ужин до самой ночи. Похоже было, что хлеб ему положили несколько часов назад. Сколько же он проспал?

Послышался крик совы. Это ободрило монаха. Сейчас ночь, потому-то так и темно.

Он снова опустился на колени и принялся молиться, перебирая чётки. Пока шесть раз возносишь хвалу Создателю, весной проходит один час^[53].

Он терпеливо молился и был вознаграждён: на пятнадцатом повторе сверху пробился пока ещё бледный лучик света. Юлди довёл молитву до конца и снова огляделся. Он находился на дне бревенчатой клетки, в самом верху которой под навесом были прорезаны окна. Большинство из них были слишком маленькими, чтобы туда можно было пролезть, но два — одно выходило на север, другое на запад — явно использовались вместо дверей. Почему здесь не поселилось лесное зверьё, было понятно: дикие животные не выносили запаха оборотней и ни за что не стали бы жить в их логове. А оборотнями здесь действительно пахло. Юлди, привыкший к обществу местной знати, сперва и не обратил внимания на знакомый запах. Но он был. Когда солнце поднялось повыше, монах разглядел на брёвнах царапины и застрявшие шерстинки. Что это за место? Тюрьма? Охотничий домик, только для оборотней? Склад для продуктов? Нет, глупость какая. Будь тут еда, звери бы всё равно наведались и сожрали бы.

— Эй! — закричал монах. — Кто-нибудь! Кто меня слышит! Эй!

Наверху стих птичий гомон, но человеческий голос так и не зазвучал. Юлди разозлился. Это не его тут поймали в клетку. Это самому Заступнику нанесли обиду. Чего они хотят? Задержать его, чтобы он молился за них? Посмеяться над ним? Проверить его веру? Ждут чуда?

Голова немного кружилась и казалось, что стены вот-вот упадут на него и погребут под собой. Монах ещё раз умылся и потряс головой. Привидится же такое с похмелья. Так дело не пойдёт. Негоже ему сидеть и ждать непонятно чего. Заступник не допустит поношения веры. Дайте только выбраться — он объяснит нерадивой пастве, каково это — шутить над пастырем.

Юлди смерил взглядом стену. Тут высоты-то — в полтора-два раза больше его роста. Упереться бы да ухватиться — и он до окошка живо доберётся. Плохо, что клетушка такая маленькая, не разбежаться. С разбегу было бы проще. Но раз нельзя разбежаться, можно оттолкнуться. Монах ещё раз оглядел окна и выбрал западное. Отошёл к восточной стене, оттолкнулся от неё, подскочил к западной и попытался влезть, опираясь на брёвна руками и ногами, но не сумел удержаться. Стена, похоже, не стояла прямо. Проклятые оборотни наклонили её внутрь. Монах поднялся с земли и перевёл дыхание. А он-то думал, с похмелья кажется.

Юлди подошёл к углу. Если опираться сразу на две стены, может быть, и получится.

* * *

Фатей очень радовался, что его взяли. Увар сказал — отличишься в походе, долю в добыче будешь брать. А Харлан сказал — отличишься, Васса твоя будет. А Васса... Длинноногая Васса, быстрее которой никто не бежит...

Он одёрнул себя. Потом. Всё потом. Сейчас — найти Юлди. Не мог он сбежать. Не тот человек. С ними шёл. Значит — украли.

Фатей не любил леса. И оборотней не любил. В его народе с мохнатыми чашу не делили. Он терпел Ольви, раз уж она так полюбила сестре. Но Ольви — она почти как собака. И с каждым днём всё больше собака. Дака не замечает. Собакой Ольви была хорошей. Пусть живёт!

А эти...

Фатей не ходил с ними пировать. И Иргай не ходил, и другие его братья. Мохнатые не знали их в лицо. Запаха не знали. Люди и люди. Тут много караванов ходит. Пока отряд гостил у мохнатых, три каравана на восток ушло и два на запад. Время такое. Караванов много ходит. Они в караван нанялись. Мохнатым что? Они караваны в гости не зовут. Только их отряд позвали, потому что хотели Юлди украсть.

Фатей подгонял лошадь. Он твёрдо знал: найдут они Юлди. Найдут и вернут. Не тот человек монах, чтобы бросить товарищей. Побратимов бросить. Нет. Не тот.

А леса... что леса? У Фатея хороший учитель был. Лес научил понимать. Думать научил. Как сделать, чтобы ведьма боялась, чтобы мохнатый боялся, чтобы упырь боялся. Всему научил!

* * *

Юлди устало разглядывал ободранные в кровь руки. Удержаться на стенах было невозможно. Он пытался. Проклятые оборотни с их шутками! Солнце уже не светило в восточное окно. Похоже, с рассвета прошло два часа, не меньше. Два часа бесплодных

попыток. Он поделил ломоть на три части и съел одну из них. Надо было что-то придумать.

Юлди вознёс молитву Заступнику, чтобы Он укрепил дух своего служителя. Не может быть, чтобы он не нашёл выход из западни. Он сможет. Он справится.

Лёгкие шаги монах едва не прослушал, но вот кто-то задел сухую ветку и дал знать о своём присутствии. Значит, не оборотень. Разве что нарочно шумит.

— Кто здесь? — позвал Юлди, потом, помянув Врага, повторил то же на местном языке. Сколько-то слов он во время пиров нахватался. — Кто здесь, отзовись! Именем Заступника!

Ответом был придушенный вскрик. Потом в окно кто-то кинул ковригу хлеба и кольцо колбасы. А потом убежал.

Юлди доел утренний ломоть, запил водой и задумался. Судя по звуку шагов, сруб не весь под землёй. Проклятье, если бы здесь были хотя бы прямые стены!

Глава третья

Похищение (продолжение)

Они встали во владениях магната Корна, в которых и пропал Юлди. Уговорить на это караванщиков было несложно, Увар заранее дал им денег и отпустил пару намёков на тему Тафелона, его базаров и торговых пошлин. Грамоту, правда, не дал. Сказал, позже писарь грамоту напишет. Караванщики, а пуще всех их глава Бадал ворчали, мол, не такая торговля у Корна, чтобы тут время тратить. Зачем оборотням их шелка? Фарфор они тоже не ценят. Разве что украшения... а чем Корн заплатит? Припасы в дорогу да железо, купленное у западных купцов. Дошли бы до ярмарки, получили бы хорошую цену. С магнатами, известное дело, не поторгуешься. Чуть что — саблю из ножен. Не человека, так телегу разрубят. Что им телега? Оборотни!..

Стодол, гордый тем, что Увар назначил его главой их маленького отряда, клялся, что за каждую телегу будет заплачено золотом, а уж от самого Бадала они и вовсе не отойдут. Вон, Карско и Габор — они не отойдут. И есть с ним будут, и спать с ним будут, и по нужде тоже с ним пойдут. Видал таких удальцов? Никакой оборотень с ними не страшен!

Бадал поворчал ещё, но согласился. Золото — это хорошо.

Едва с караванщиками уладили дело, Фатей, Иргай, Нифан, Хисий и Енай разошлись по округе, вроде как ноги размять после долгого пути. Каждый нёс с собой медный браслет с бирюзой, купленный у караванщиков. Хороший браслет, такой никому не стыдно надеть или подарить.

Лес был знакомый. Куда было деваться, пока у Корна гостили? Телеги отряда все на дворе у Корна стояли. Спали в людских домах. Фатей там не спал. Фатей в поле шатёр поставил. Иргай тоже. И другие. Кто понимал, что мохнатые — не люди. Часто гуляли. Каждое дерево знали в лицо. Людей знали. Те их не узнавали, конечно. Нет. Незнакомые, одежды чужие, страшные, с мохнатыми в дружбе. Сейчас всё пригодится. Округу поделили и ходили сейчас. Сейчас не время для грибов и ягод. А цветы собирать лучше в поле. Хворост только...

* * *

Девушку Фатей издали заметил, белая рубашка мелькала между деревьев. Подкрался поближе. Невысокая, косы светлые, рукава рубашки расшиты красным узором, юбка цветастая, платок набок сбит. Имени её не знал, конечно, но видел раньше. На дворе у Корна работала, с другими девушками горницу убирала. А сейчас зачем по лесу гуляет? В руках ничего нет. Без дела среди бела дня в лес ходила? Кто ж её отпустил?

Девушка оглянулась, но Фатей в тех кустах больше не было.

* * *

Наевшись, Юлди уставился на кадушку. Что ж он за дурак такой! Он подтащил кадушку к стене и запрыгнул, надеясь оттолкнуться и ухватиться за нижний край окна. Проклятая

кадушка не выдержала и с треском развалилась. Юлди упал в лужу и выругался. Враг их забори, оборотней. Не могли новую кадущку поставить. Монах осенил себя священным знаком. Нет, так нельзя. Это Враг его искушает гневаться. Так нельзя. Он снова оглядел свою темницу. К сердцу подступало отчаяние. Что он за пастырь такой? Почему пил да хвастался со своей паствой, а не наставлял в вере? Почему духовные дети, доверенные ему Заступником, испытывают своего пастыря, а не просят направить на истинный путь?

Юлди опустился на колени. Заступник помогает тем, кто, веруя, не сидит сложа руки. Монах достал нож и принялся подкапываться под нижнее бревно. У него достанет сил сокрушить нечестивые стены.

* * *

Кая опомниться не могла. Грех это большой, святого человека в порубе держать. А он ведь святой. Она пришла — молился. Уходила — опять молился. Громко молился. Ой, как плохо-то! Она ребёнком была, когда пришли чёрные люди и всё объяснили. На небе — Заступник, а под землёй — Враг. Будешь грешить — к нему попадёшь, а он ой как любит над людьми изгаляться по-своему! А будешь слушаться чёрных монахов — Заступник за руки возьмёт, рядом с собой посадит — ешь калачи да цветы собирай! Хорошо! Там, на небе всё по справедливости будет. Заступник не посмотрит, кто знатный, а кто нет, у кого две шкуры, а у кого одна. Он всех рассудит. Надо только быть хорошей и слушаться. Кая и слушалась. Отца с матерью слушалась. Господина Корна слушалась. Его жену Гразину слушалась. И ключницу Мазену. И отца Аполло слушалась, конечно.

А тут ей — грех-то какой! — сказали пойти в лес, да в лесу в окошко еду кинуть. Сам господин Корн сказал. А ещё сказал, если она будет болтать, он узнает и сожрёт её заживо. Как не поверить! Господин Корн матёрый волчище! Все знали, когда дурак Лойза к нему на двор залез, загрыз господин Корн Лойзу.

А святой-то человек именем Заступника её звал! Ох, грех какой! Ох, нехорошо. А что делать? Сожрёт её господин Корн. Ох, сожрёт.

Зашуршали кусты. Кая заполошенно повернулась, но там никого не было.

Показалось. Господину Корну-то недосуг, небось. А то ведь он бы мог. Обернётся волком да проследит, хорошо ли Кая слушалась. А что Кая сделает?

Издали послышалось пение. Голос чужой, слова чужие, а только весёлые. И слушать приятно. Добрый голос. Чужой, а добрый. Не стоит его слушать. Матушка говорила, чужие всегда так. Сперва добрые, а потом... как оборотни. А, может, это и есть оборотень...

* * *

Тяжело дыша, Юлди уселся на лежащую в углу солому. Нож сломался, но яму он выкопал. Достаточную, чтобы ухватить бревно двумя руками. Заступник не оставит его в беде, Заступник придаст сил. Шутка оборотней затянулась и всё меньше походила на шутку. Упрятать пастыря под землю! Ещё и кадущка эта... тьфу! Дайте только выбраться отсюда. Он сокрушил языческого жреца, посрамил его ложных богов, а ведь Князь-Жрец в самом деле кого-то призывал... Монах поёжился, вспоминая видения, которые являлись ему в

колдовском тумане. Но он выдержал вражьи нападки. Корн и его дружки пожалеют, что с ним связались.

Помолившись и отдохнув, монах подошёл к выкопанной яме. То, что он собирался совершить, казалось невозможным. Нужно быть оборотнем или и вовсе вампиром, чтобы выворотить из стены нижнее бревно. Но у них нет веры, а у него, у Юлди, есть. Монах крепче ухватился, поднатужился и дёрнул. Ничего не вышло. Юлди попробовал снова. От рывка у него разжались руки и он упал на спину. Снова подступало отчаяние. Сколько оборотни его здесь продержат? День? Два? Или решат, что, не сумев выбраться, он недостоин их поучать, и бросят здесь навсегда? И воду он разлил, ничего не осталось. Юлди стало страшно и он разозлился. На себя, на оборотней, на бревно, на стену... Он не позволит над собой смеяться! Он не даст посрамить Заступника! В ярости ухватив бревно, Юлди дёрнул... Спину пронзила мучительная боль. Но бревно одним концом вылезло из-под стены! Монах возблагодарил Заступника, удвоившего слабые человеческие силы. Ничего. Всё получится. Заступник всегда помогает своим слугам.

* * *

Фатей нарочно запел. Чтобы девушка не боялась. Напугает девушку, убежит, расскажет — плохо будет. Надо, чтобы не рассказала. Надо, чтобы сама с ним заговорила!

Я гулял по степи, хорошо погулял,
Я красивую девушку вдруг повстречал!
Улыбнись мне, красавица, взгляд подари:
Я Фатей и страдаю без женской любви!

Чужак оказался совсем нестрашный. Таких людей Кая уже видела, они водили свои караваны мимо их дома. Господину Корну они платили за право раскинуть свои шатры, за выпас коней и за пропуск без обид через его земли. Дальше на западе они продавали товар и шли обратно. Говорили, они много золота везут на восток. И с востока много везут. Чужак был молод, у него были очень чёрные волосы и такие же чёрные глаза. На поясе меч кривой. Одет был и вовсе чудно. Штаны широченные, а на голове шапка платком повязана. Говорили, они из тех земель идут, где деревья не растут и одна трава кругом. И воды мало. Как только живут?... Чужак ткнул себя в грудь и сказал:

— Фатей.

Кая кивнула, но своё имя называть не стала. Про себя он, видать, пел. Чужак широко улыбнулся.

— Куда идёшь, красавица? — спросил он. Говор у чужака был странный, но знакомый. Так все они говорили, кто с востока караваны вёл.

— Куда глаза глядят, а с утра глядели куда надо! — отозвалась Кая. Фатей засмеялся.

— А откуда идёшь, красавица?

— Где гуляла, там уже не найдёшь.

— А зачем искать? Вот ты, передо мной стоишь.

— И впрямь стою, — посмотрела на свои ноги Кая. — Это дело поправимое. Некогда

мне стоять-то.

Она двинулась по тропинке прямо на Фатей. Тот белозубо улыбнулся и пошёл спиной вперёд. Кая аж засмотрелась. Тропинка-то петляет, а он все повороты повторяет и ни разу в дерево не врезался!

— По-людски-то ходить не умеешь? — спросила она.

— А я не по-людски? — удивился Фатей. — Я по-людски. Иду — на тебя гляжу. Глаза твои вижу. Хорошо! Нет, нет, не отворачивайся, красавица! Ты отвернёшься — я умру. Вот сей же час умру. Не веришь?

Он упал посреди тропинки. Кая не выдержала, рассмеялась.

— Вставай, — сказала она. Протискиваться среди кустов, чтобы обойти этого нахала, не хотелось, а если переступить, так небось под юбку заглянет.

— Не встану! — прижал руки к сердцу Фатей. — Умру — не встану!

Он потянулся к её босой ноге, но Кая поспешно отпрыгнула. Фатей вскочил на ноги.

— Не сердись, красавица, — сказал он уже без смешинки. — Не сердись. Всё возьми, только не сердись. Хочешь — голову возьми! Не хочешь? Браслет возьми! Голову не бери, плохая голова, браслет возьми, хороший браслет.

Он в самом деле снял с руки браслет замечательно-тонкой работы и протянул девушке. Искушение оказалось слишком велико.

— Возьми, красавица, — сказал Фатей, надевая ей украшение на руку. — Скажи, что простила.

Кая не ответила, вытянула руку, любуясь браслетом. Ах, тот был хорош! А если спросят, где взяла? Она заколебалась, но Фатей как будто почувствовал её сомнения и накрыл украшение рукой. У него была шершавая ладонь и горячие пальцы. Кая отдернула руку.

— Подруг позови, подругам подарим, — обещал Фатей. — Для красивой девушки ничего не жалко. У такой красавицы и подружки красивые, да?

Кая неуверенно кивнула. Очень ей надо, чтобы надутая Граська такой же браслет носила!

— Хочешь — тебе новый платок подарим? — предложил Фатей, продолжая улыбаться. — Как небо платок, как твои глаза. Ничего не жалко, только улыбнись. Завтра приходи — подарим. Я подарю. Я такие глаза во сне видел. Проснулся, на базар пошёл, платок купил. Клятву дал. Увижу глаза — подарю платок! Пошёл гулять — платок в шатре оставил!

Кая напряглась. Сейчас скажет, мол, пошли в шатёр, я тебе там платок подарю... знает она эти шуточки! Но Фатей как ни в чём ни бывало продолжал:

— Ты скажи, куда идёшь. Я только за платком схожу.

Девушка представила, как этот чужой человек является за ней на двор господина Корна, и замотала головой.

— Некогда мне, — грубо ответила она и спохватилась. Она же тут в лесу стоит, господин Корн, небось, решит, что она со святым человеком разговаривала!

* * *

Девушка оттолкнула Фатей и бросилась бежать по тропинке. Он почесал в затылке. Что такого сказал? Ту ли девушку нашёл? Или не ту? Зачем по лесу гуляла? Или к дружку бегала?

Не похоже вроде.

Он в отдалении последовал за бегущей девушкой. Васса быстрее. Васса — как вихрь! А эта только себе мешает. Зато юбку подхватила, ноги мелькают — хорошо. А бежит она не в деревню, а на двор к мохнатым. К Корну бежит. И видно — не от Фатей бежит, а домой торопится. Хорошо. Побродить тут надо. Вдруг кто ещё от Корна в лес пойдёт. И за платком сходить, да. За платок жадный Витак много хочет. Фатей его для Вассы торговал. А ну как на два платка не хватит? А ну как и на один не хватит? Иргаю сказать? Он же не для себя, он для дела. А девушка хороша. И глаза — ух! — как небо. Как платок этот. А Вассе он лучше зайца с охоты принесёт.

Поразмыслив, Фатей повернул обратно в лес. Если по тропинке обратно пойти, можно выйти, куда там девушка ходила. Тогда и платок можно не дарить. Или подарить. Уж больно девушка хороша.

Фатей углубился в лес. Солнце ещё только поднималось по небу, лучи косо подсвечивали листву. Рядом с тропинкой виднелась прошлогодняя жухлая трава. Беззаботно пересвистывались птицы. Хорошо! Фатей принялся передразнивать птичье пение. Получалось до того похоже, что пернатые певцы слетались к тропинке, пытаясь перепеть нахала.

Насвистывая, Фатей отмечал все звуки леса, все шорохи в траве или ветвях.

* * *

Чуда не случилось, стена выдержала, но нижнее бревно Юлди всё-таки вытащил. Громко бухало в груди сердце, ныли разбитые руки и хуже того, болела сорванная от усилий спина. Он сделал то, что не под силу человеку. Обычному человеку, не воину Заступника. Ничего. Боль пройдёт. Заступник будет милостив. Главное Юлди сделал. Переведя дух, монах принялся орудовать бревном, чтобы развернуть его и упереть одним концом в окно, вторым в землю.

* * *

Они прятались за деревьями. Хорошо прятались. Не хотели, чтобы Фатей их увидел. От кого таились? Зачем?

— Уважаемые, — окликнул на местном языке Фатей. — Иду-иду, никого не вижу! Долго иду! Заблудился. Где кабак у вас? Кабак ищу.

Послышался недовольный рык и на тропинку ступили двое. Высокие — выше Фатей, плечи широкие, лица гордые. Оружия нет, штаны, куртка — из кожи. Видать, мохнатые. Говорят, если они сами зверя убили, сами освежевали, сами шкуру выделали да из неё себе одежду сшили — могут превращаться сколько хотят, она на них останется. Но по своей земле мохнатые ходят в дорогом сукне, в шелку да в бархате. И на поясе меч носят, чтобы, случись что, в драку вступить. Любят они подражаться. А если и случится обернуться, так пусть рвётся дорогой шёлк, в том-то и гонор здешних господ, что им ничего не жалко.

Если эти мохнатые тут в кожаных штанах ходят, значит, задумали что-то. Дело у них тайное, для которого им звериное чутьё нужно. Потому и оружия нет. Не в зубах же им меч

тащить.

Обдумывая это, Фатей безмятежно улыбался оборотням, которые настороженно принюхивались и присматривались к нему. Разоблачения он не боялся. Пусть нет такого колдовства, которое укроет от глаза и чутья оборотня. Колдовство не нужно. Будто на охоте запах никогда отбивать не приходилось.

— Кто ты такой? — неохотно нарушил молчание один из оборотней. Волчище, небось, здоровый. Пегий.

— Караванщик я, — отозвался Фатей. — С Бадалом пришёл. Бадал лагерь разбил, моя работа не нужна. Пошёл кабак искать. Заблудился!

От его наглости мохнатые даже как-то оторопели. Они ж привыкли, что люди все боятся. Привыкли страх и гнев чуют. И презирать людей, которые не могут понять по запаху, врёт собеседник или нет, тоже привыкли. Со своими-то мохнатые честные, потому что ложь насквозь видят. А вот с людьми — нет. Человека обмануть можно — не поймёт, а сам, как ни старайся, не соврёт мохнатым. А Фатей что? Фатей сам Медный Паук врать учил. Чувства свои в узде держать учил. Попробуй-ка почувствуй, врёт Фатей, шутит или правду говорит. Принюхивайтесь, мохнатые, не разберётесь.

— Нет здесь кабака, — процедил второй оборотень, чёрной с проседью масти. — Нечего тебе тут делать!

— Нет кабака? — с наигранным ужасом спросил Фатей. — Как так, уважаемые? Я пять дней ничего не пил, устал, к вам пришёл — у вас и кабака нету? А Бадал хорош врать. Пойдём, говорил, на закат, на закате кабаков много, сядешь за дубовый стол, девушки выпить поднесут...

Он прервал сам себя и с интересом уставился на собеседников.

— А девушки есть у вас? Я дома такую девушку оставил... ах, такую девушку! Пять дней не пил, работал, устал, не кабак, так хоть девушку, может, найду?

— Нет тут девушек, — зарычал пегий. — Нечего тебе тут ходить. Убирайся откуда пришёл!

Фатей успокаивающе поднял руки, показывая, что они пустые. Мохнатые были без оружия, а у него меч на поясе. С одним он бы и сладил, с двумя — не выйдет, с двух сторон кинутся. Да и не к чему ему с мохнатыми ссориться.

— Ухожу, ухожу, не сердитесь! — ответил он, одаривая оборотней ещё одной беззаботной улыбкой. — Нет кабака, нет девушек, зачем мне тут гулять? Приду к Бадалу, лягу у его шатра, пусть он меня поит. Обманул! Сманил и обманул!..

Он повернулся и зашагал обратно, прислушиваясь к звукам за спиной. Но, прогнав его, оборотни порычали вслед и успокоились, догонять не стали.

* * *

Выбравшись на волю, монах вознёс молитву. Может, Увар не заметил его пропажу, а то оберст и за драку с Князем-Жрецом сердился.

К месту его заточения вело несколько тропинок, но только одна была широкой и хорошо протоптанной. По ней Юлди и отправился. На каждом шагу спину разламывало нечеловеческой болью. Надо поскорей добраться до лагеря, там Большеногая его живо вылечит. Таиться Юлди в голову не пришло. Это оборотни пусть боятся, если встретятся на

его пути. Нерадивая паства. Насмешки над паствырем — насмешки над Заступником. Юлди нисколько не испугался, когда его путь заступило два волка, пегий, серо-рыже-чёрный, и тёмный с проседью.

— Друджи, Урлик? — окликнул их Юлди суровым голосом. Художник их монастыря, брат Полди, был готов проповедовать оборотням и в волчьем облике, но Юлди сейчас хотел видеть перед собой человеческие лица.

Оборотни переглянулись и одновременно кувыркнулись через голову. И вот перед монахом стояли гордые магнаты. Пегий Друджи выглядел слегка смущённым.

— Когда я умру, — сказал им монах, — я не смогу предстать перед лицом Заступника и войти в Его воинство. С какими глазами я на Него посмотрю? Я, который так гордился своей паствой! Я, который так радовался вашему обращению! Держать в заточении духовного наставника! Испытывать его ловкость! Сказано, что не сила спасает, а вера. Много веры вы выказали!

Спина болела так, что Юлди стоял прямо только огромным усилием воли, но пуще телесной боли были моральные муки. Он считал их друзьями, он пирувал с ними — а сам упустил их души!

Оборотни тревожно втянули лесной воздух и упали на колени.

— Прости, — не склоняя головы, попросил Урлик. — Мы не хотели тебя обидеть!

— Не меня вы обидели, а Заступника! — резко ответил монах. — Кто поднимает руку на Его посланцев, тот поднимает руку на Его самого. Вы поступили как язычники, а не добрые верующие!

Друджи рванулся вперёд, схватил Юлди за руку и поцеловал.

— Прости! — взмолился пегий оборотень, наконец склонив свою гордую голову. — Враг попутал!

— Не сердись на нас, — подхватил Урлик, тоже целуя монаху израненную руку. — Враг попутал.

— Пойдём с нами, — позвал Друджи, поднимаясь на ноги. — Пойдём, стол уже накрыт, только тебя ждут!

— Я не голоден, — отрезал Юлди. Урлик тоже встал и, обняв монаха за плечи, настойчиво повлёк куда-то в сторону от тропинки. — Мне нужно к Увару.

— Дай нам загладить свою вину, — снова взмолился Друджи, подхватывая Юлди под руку. Монах и не хотел, но опёрся на оборотня. — Неужели ты уйдёшь от нас в гневе, в изодранной одежде?..

— Для нас бесчестьем будет тебя отпустить в таком виде, — подхватил Урдик. — как мы посмотрим в глаза твоих друзей? Своих братьев? Пойдём с нами, ты найдёшь и стол, и баню, и постель, достойную посланника небес, и девушек, которые её согреют, и новое платье...

— Я монах, я дал обеты, — напомнил Юлди. Мысль о бане, о приличном столе, хорошей постели показалась ему привлекательной. Девиц на крайний случай можно отослать прочь. Ещё один день ничего не решит, зато он будет не такой уставший и избитый. Может, к завтрашнему утру пройдёт и спина. К тому же раскаяние оборотней было неподдельным. Они очень гордые, если он не покажет, что простил, их сердца будут разбиты. — И пошлите человека к Увару! Мы должны уже выступать! Я задерживаю отряд!

— Непременно пошлём, — пообещал Друджи.

Глава четвёртая

Подмога

Кая была очень обижена. Когда она вернулась на двор к господину Корну, оказалось, что и другие девушки хвастаются обновками. И Граська, и Златка, и Данутка... у Каи был самый простой браслет! Самый дешёвый! Все только посмеялись над ней!

Улучив время, Кая выглянула со двора... и увидела у самых ворот недавнего караванщика.

— Красавица! — обрадовался он ей. — А я-то всё думал, в каких хоромах такая девушка живёт! Фатей ходил-ходил, голубой платок добыл. Возьмёшь — счастье найдёшь, не возьмёшь — сердце разобьёшь.

Караванщик, о котором подружки смеялись, вот, мол, самый бедный тебе достался, полез за пазуху и достал оттуда... Заступник! Платок был — как кусочек неба... Такой лёгкий, воздушный и нежный... как будто Фатей влез на самое высокое дерево и ножом вырезал лоскут с небес. У Каи вырвался вздох.

— Понравился? — улыбнулся Фатей.

— Краденый, небось, — для вида нахмурилась девушка.

— Для такой красавицы — краденый? — схватился за сердце Фатей. — Я за ним реку переплыл, огненный ров перепрыгнул, великана победил и змея задушил, вернулся, упал в ноги Витаку — всё возьми, коня возьми, душу возьми, жизнь мою возьми, меч возьми! Платок дай. Девушек подарить надо! У неё глаза — как небо. Будет платок, будут ярче сиять, будут люди смотреть, говорить: всех-то она краше.

Кая рассмеялась и протянула руку. Фатей ловко отдернул платок.

— Даром не отдам.

Кая поскучнела и отвернулась. Были бы у неё деньги на такую красоту, не бегала бы она босиком по двору, жила бы в тереме, каждое утро мёд бы ела.

— За поцелуй отдам, — продолжил несносный караванщик. — Если позволишь самому платок на тебя надеть.

— Всё у тебя шуточки! — рассердилась Кая.

— Кто ж такими вещами шутит? — совершенно серьёзно ответил Фатей. — Моё слово твёрдое. Дашь себя поцеловать — твой платок. А не дашь — Фатей его изрежет, а лоскуты в землю втопчет. Решай!

Кая даже застонала. Такую красоту! Как можно! А несносный уже достал нож и приготовился испортить волшебную вещь.

— Не надо! — испугано закричала девушка.

— Дашь поцеловать? — азартно спросил Фатей.

— Дам, дам, — замахала на него девушка руками. — Только не здесь. Здесь люди увидят. И в лагерь я к вам не пойду!

— Не надо в лагерь, — спокойно отозвался караванщик и кивнул на тропинку к лесу. — За деревья зайдём, никто не увидит. Мне поцелуй, тебе платок и моё сердце.

Фатей позволил девушке самой выбирать дорогу и шёл рядом, заманчиво помахивая синим платком. Вспоминать не хотелось, как они всем отрядом торговались с жадным Витаком, уговаривая не заламывать цену. Купец-то не оборотень, его не обманешь, сразу чует, где пожива. Но оно того стоило. Пока они шли, Фатей всё говорил да говорил. Неважно, что нести. Важно, как. Чтобы девушке смешно было, чтобы девушке спокойно было. Чтобы девушка с ним не то что в лес, в шатёр захотела. Чтобы сама к нему в седло попросилась. Фатей обещал привести из похода шёлковый пояс с самоцветами, а девушка в это время искоса разглядывала его лицо.

* * *

У Каи сердце колотилось как бешеное, когда они зашли в лес и остановились, убедившись, что со двора их не видно и никто за ними не подглядывает. Красивый парень этот караванщик. Только бы маменька не узнала, как Кая с чужим человеком в лесу гуляла. Маменька скажет, такой пошутит — и бросит. А он не бросит. Неужто бросит? Кто бы стал кому попало такие платки дарить?... Видать, до сердца она ему дошла. Такой не обманет.

Она повернула к Фатею лицо и зажмурилась. Горячие губы коснулись её щеки, а после девушка почувствовала невесомое прикосновение шёлка к шее.

Кая открыла глаза ровно в тот же миг, когда Фатей вдруг стянул углы платка, пережимая девушке дыхание.

— Тихо, — прошептал этот страшный человек. Ой, мамыньки... Зачем она только его послушала?! — Не бойся. Не будешь врать — останешься жива. Тихо. Куда ты ходила сегодня утром? Не кричи. Закричишь — умрёшь.

Он ослабил платок.

— Тебя поймают! — сердито и испугано пригрозила девушка. — Господин Корн...

— Я не боюсь господина Корна, — отозвался Фатей и снова затянул углы платка. — И ты не бойся. Подумай. Куда ты ходила сегодня утром?

— Я не могу! — пискнула Кая и закашлялась. — Господин Корн...

— Он ничего не узнает, — пообещал Фатей, опять затягивая, а потом ослабляя платок. — Если сейчас не ответишь — умрёшь.

Кая заплакала.

— Зачем я тебя только встретила!

— Не плачь, красавица, глаза испортишь, — как ни в чём ни бывало посоветовал Фатей. — Отвечай.

— Господин Корн... — начала Кая и закашлялась. Фатей терпеливо ждал. — У него убежище в лесу... он сказал... сказал еды туда отнести.

— Кому ты относила еду?

— Святому человеку! — выпалила Кая. — Который с караваном пришёл.

— Ты его видела?

— Нет! Но слышала! Он молился!

— Ты с ним говорила?

— Нет! Господин Корн запретил! Сказал, загрызёт!

Она заплакала.

— Не плачь, красавица, — рассеянно произнёс Фатей. — Не загрызёт тебя господин

Корн.

Он поднял платок повыше и завязал девушке рот, потом привязал её приготовленной верёвкой к дереву так, чтобы узлы были у девушки под руками.

— Будь умницей, не кричи, — сказал Фатей. — Не бойся, я тебя не шибко привязал. Сама развяжешься. Только не дёргайся, узлы затянешь, сложнее будет.

Преспокойно повернувшись к Кае спиной, он бросился бежать.

Нужно было торопиться. Теперь они знали точно, кто украл и где прячет.

В лагере уже было всё готово. Самая лучшая лошадь, а Фатей — лучший наездник, самый ловкий и лёгкий из всех. Впрыгнув в седло, он махнул рукой товарищам и умчался по дороге на запад. Надо было привезти Увара. Надо было выручать Юлди.

* * *

В этот раз Увар не посылал вперёд разведчиков, сам поехал перед отрядом. Отдохнувшие кони принесли оберста ко двору Корна ещё до рассвета. Увар, конечно, не один вперёд отправился, взял с собой лучших бойцов в отряде. Был с оберстом и Фатей, который выпросил себе свежего коня, оставив своего у чужого отряда. Те, впрочем, собирались вскоре тронуться следом. Надо, мол, братьев поддерживать против мохнатых. Остановившись неподалёку, Увар облачился в доспехи и кивнул Фатею.

— Показывай.

Лесная тропинка была плоха для коней. Идти пришлось пешком. Фатей уверенно дошёл до того места, откуда его вчера прогнали оборотни. Вскоре после этого тропинка разделялась. Фатей пожал плечами и выбрал ту тропку, которая брала восточнее. Надо будет проверить их все.

Далеко они не ушли. Зашумели кусты и на тропинку выскочили волки. Фатей сразу узнал их — по масти, по глазам. Волки зарычали. Увар обнажил саблю. Фатей, а за ним и остальные, последовали его примеру.

— Похоже, мы не ошиблись, — громко сказал Увар. — Вон как хозяйева нас встречают.

Волки зарычали громче. Увар пожал плечами и пошёл на них, держа саблю наготове. Волки попятились. Когда оберст подошёл на расстояние удара, оборотни прыгнули в сторону и скрылись между деревьями.

— Будьте настороже, — приказал Увар. — Не ровен час вернутся.

* * *

Тропинка вывела их к вкопанному в землю срубам без дверей. Недалеко от земли виднелись окна: два поменьше и два побольше, впору для человека. Или волка. Фатей, не раздумывая, подскочил, уцепился за большое окно и заглянул внутрь. Переливчато присвистнул.

— Пусто, — крикнул он и спрыгнул вниз. — Хей, а Юлди тут был! Вон его чётки, а вон — нож сломанный.

Он белкой взобрался по прислонённому к окну бревну и подивился силе пропавшего монаха. Эдакую дуру из стены выворотил!

— Гляди, оберст, — показал Фатей свои находки.

— Значит, был, — кивнул Увар и забрал чётки и обломки ножа. — Пошли. По-другому с оборотнями поговорим.

* * *

Они вернулись к развилке и пошли по второй тропке, той, которая вела западней. Тропка вывела их на большую поляну, посреди которой за высоким забором стоял деревянный дом. Похоже, никаких служб тут не было, ни конюшни, ни кузни, ни даже курятника, и для хижин человеческой прислуги за забором не оставалось места. А ещё в заборе не было ворот. Оборотням ворота ни к чему, оборотни или через норы пролазят или перепрыгивают, а припасы просто перекидывают, которые не хрупкие. Увар снова обнажил саблю и рукоятью постучал в крепкие колья забора.

— Эй! — крикнул он. — Принимайте гостей!

Изнутри не ответили, но Харлан заметил крадущуюся между деревьев тень и подал сигнал. Матёрый серый волк, уже не скрываясь, вышел на поляну и зарычал.

— Здравствуй, Корн, — с лёгкой насмешкой поприветствовал знакомого Увар. Волк был знакомый, пепельно-серый, с проплешиной над правым глазом. Оборотень рыкнул, кувыркнулся и распрямился уже человеком. Господин Корн и в человеческом облике был той же пепельно-серой масти. Правая бровь его была рассечена шрамом.

— Не могу того же пожелать, — проворчал оборотень. — Что вы здесь забыли? Кого ищите?

Увар швырнул к его ногам чётки и сломанный нож брата Юлди.

— Нехорошо обманывать друзей, — тихо сказал оберст. — Это мы у тебя в порубе нашли.

Корн зарычал. Из-за забора выскочили Друджи и Урлик и встали за спиной своего вожака.

— Ты обвиняешь меня во лжи? — спросил Корн.

— Я обвиняю тебя в краже, — отозвался Увар. — Не впервой чужую скотину воровать, теперь за чужих людей принялся?

Корн оскалился и покосился на своих товарищей, но Урлик и Друджи отводили взгляды.

— За такие слова принято платить, — процедил вожак.

— За мной не станет, — пожал плечами Увар. — Лишь бы ты не испугался.

Корн кивнул Урлику, тот прыжком перескочил через забор и вскоре вернулся, неся с собой саблю. Подавая оружие вожаку, он что-то шепнул, указывая на Фатея. Люди Увара попятились, давая место для боя.

— Давно не исповедовался? — усмехнулся оборотень.

— Кому мне исповедоваться? — в тон ему отозвался Увар. — Зато у тебя на это было вдоволь времени. Он сбросил плащ на руки Фатею.

— Когда ты умрёшь, я заберу жизнь этого прохвоста, — кивнул на юношу оборотень. — А прочие твои люди пусть убираются и больше через мои земли не ходят.

— Сперва со мной справься, — посоветовал Увар.

Они с Корном начали медленно сходитьсь, держа сабли перед собой. Поначалу казалось, что силы неравны. Оборотень был выше, крепче и шире в плечах, чем невысокий

щуплый Увар. Одно только, что на Корне куртка кожаная, а на Уваре кольчуга. Требовать снять её Корн постыдился: сам-то две шкуры носит, раны быстро затягиваются.

— Подходи ближе, пёс, я тебе уши-то обрежу, — медленно проговаривая каждое слово, Увар принял боевую стойку и слегка прищурил правый глаз. Его лицо словно застыло, выражая непреклонную решимость.

Корн не ответил на оскорбление, лишь коротко и отрывисто взрыкнул и бросился вперёд, заноса саблю для размашистого, сокрушительного удара. В этот удар он вложил всю свою ярость. Клинки встретились, высекая искры, а поединчики разошлись на полшага.

Князь Корн был опытным воином, его движения были быстры, а удары сильными, но он не позволял ярости взять над ним верх. Оскалив зубы то ли в усмешке, то ли в свирепой гримасе, он лихо рубил саблей крест-накрест, тесня Увара.

Оберст уже помалкивал, на его лице из-под шлема показались капли пота, противник был слишком стремителен. Новый удар оборотня проскользнул по клинку Увара с протяжным звоном, рука оберста дрогнула от силы удара, и Увар стал отходить назад. Хрипло расхохотавшись, будто предвкушая победу, Корн усилил натиск. Увар едва успевал парировать удары клинка, сыпавшиеся на него непреодолимым потоком. Сабля Корна резко бросилась вперёд, Увар парировал, парировал умело, но сил у него оставалась не так много, как у соперника и клинок оборотня с силой ударил Увара по плечу. Брызнули на землю рассечённые звенья кольчуги. Лицо оберста на секунду дрогнуло, но в то же мгновение вернуло хладнокровное выражение. Корн, прокручивая саблей извилистые петли, медленно начал обходить Увара, он уже не сомневался в своей победе, играл с противником. Играл с своей *добычей*.

— Устал? Много поможет тебе твоя кольчужка. Зря не снял, умрёшь уставшим, — насмеялся он.

Сам оборотень не выказывал никаких признаков усталости, даже не запыхался. Увар отбил быстрый стремительный выпад Корна, состоящий из трёх ударов, и снова отступил назад. Клинок в руке оберста предательски задрожал, и Увар перехватил запястье второй рукой. Видя, что победа близка, Корн уже не стал отпускать язвительных насмешек. Он просто ударил, ударил сверху вниз, так сильно, как только может ударить оборотень, у запыхавшегося воина нет шанса даже удержать клинок в дрожащей, словно налитой свинцом руке. Корн уже был готов увидеть расширенные от ужаса глаза противника, он уже почувствовал кровь. Но радовался он преждевременно. Вопреки его ожиданиям измотанный и почти рухнувший в грязь от усталости Увар стремительным змеиным броском ринулся к противнику. Удар княжеской сабли со скрежетом заскользил по левому наручу Увара. Клинок в правой руке стремительно пронырнул под дугой замаха Корна и с влажным хрустом врезался тому под рёбра. Обливаясь кровью и выронив саблю, князь Корн рухнул в грязь. В его глазах виднелась не боль. Обида. *Добыча* обманывала охотника с самого начала боя. Корн думал, что играет с жертвой, а на самом деле играли с ним. Тяжело дыша и придерживая раненую руку в помятом наруче, Увар направился к своему отряду, не обернувшись на потерпевшего поражение оборотня. Дойдя до своих, оберст посмотрел на Друджи и Улрика. Те попятились под его взглядом, опустили глаза.

— Приведите Юлди, — сказал Увар, переводя дыхание. — И мы уедем.

Глава пятая

Праздник

Когда к Врени притащили шипящего от боли Юлди, у неё не нашлось слов, чтобы выразить своё возмущение. Фатей, размахивая руками, описывал бревно, которое монах выворотил, чтобы выбраться на свободу. Много ему это помогло, его всё равно сцапали оборотни. А Врени говорила, нечего с ними пьянствовать. Вот что значит святоша. Обычные люди хорошо понимают — от *одарённых* надо держаться подальше, будь они маги, ведьмы, вампиры или оборотни. А этот обрадовался! Проповедовать волкам, святые же всё время так делают!

— Ну как? — не скрывая своего настроения, спросила цирюльница. — Как тебе в мучениках? Может, тебя добить, чтобы житие не портить?

Юлди ничего не ответил, ему было больно даже пошевелиться.

— Не ворчи, Большеногая, говори по делу, — перебил её Увар.

— Руку покажи, — ответила цирюльница, окинув оберста опытным взглядом.

— Потом, — отмахнулся Увар. — Говори, что с Юлди.

— В седло не сядет, — отозвалась Врени. — Даже не надейся. Спину сорвал. Лежать не твёрдом. Неподвижно. Отдавайте хвостатым их святого, он теперь долго проваляется.

Увар сжал зубы. Ясно было, что Юлди он оборотням не оставит.

— Руку покажи, — повторила Врени. — Герои подобрались.

— Сегодня отдыхаем, — решил оберст, скидывая куртку и рубашку, — Завтра с утра уходим отсюда. Подумай, как Юлди лечить будешь.

— Ты меня с ведьмами не перепутал? — нахмурилась цирюльница. — Это к ним. Догола разденутся, спляшут — и будет наш Юлди как новенький. А я чудес творить не умею.

* * *

Чужой отряд, поговорив с Уваром, повернул вместе с ними на восток. Люди Увара подобрали двух самых спокойных коней с самой плавной походкой и привязали между ними что-то вроде носилок, на дне которых закрепили широкую и ровную доску. Доску добыли у оборотней, которые при виде людей Увара отводили глаза и были готовы отдать что угодно, лишь бы загладить свою вину. Юлди, напоенный сонными травами и обмазанный успокаивающими боль мазями, был уложен на эту доску. Спать он не спал, но был одурманен и почти не мучился. Или мучился меньше, чем когда его только притащили. Иргай клялся, что поведёт коней без толчков и монаху будет спокойно как младенцу в люльке. Врени только пожимала плечами. В отряде своих не бросали. Ни больных, ни раненых, ни женщин, ни даже младенцев. Так и ездили все вместе, словно дикари из степей. И чужой отряд был из таких же дикарей. Они даже не удивились. Действительно. Отбили монаха, как же его теперь оставить?... А боль?... что боль. Воин боли не боится.

* * *

— Не ругайся, Врени, — попросил монах на привале, когда цирюльница заново обмазывала его спину.

Цирюльница сплюнула.

— Герой, — процедила она. — Что, в самом деле бревно выворотил?

Юлди промолчал.

— Дурак, — не унималась Врени. — Далось тебе это бревно. Нашёл бы тебя Увар и без бревна. Эти сумасшедшие никого не бросают.

— Я не знал, что вы меня потеряли, — невнятно отозвался лежащий лицом вниз монах.

— Тогда зачем?! Зачем ты это сделал?!

Юлди снова не ответил.

— Болван. Силу решил показать. Перед оборотнями похвалялся. Допохвалялся? Понравилось?

Монах повернулся, пытаясь заглянуть Врени в глаза, и зашипел от боли.

— Я не мог позволить пастве... — начал было он, но цирюльница шлёпнула святошу, чтобы не вертелся. — Когда призываешь Заступника... Он придал мне силы...

Врени скривилась. Эдак святоша нос вовсе до неба задерёт.

— Силы он тебе придал, — проворчала она, накладывая чистую тряпицу на смазанную спину. — А расхлёбывать твой подвиг кто будет?

— Он послал мне тебя, — твёрдо ответил Юлди и больше уже ничего не говорил, потому что Врени усадила его и принялась наматывать укрепляющую повязку вокруг пояса. Будь перед ней здоровый человек, он бы жестоко расплатился за «Заступник тебя послал», но что спросишь с больного?

Заступник её послал!

Высшую посвящённую!

* * *

Главного в чужом отряде звали Янак. Ещё его звали Атаман, и Врени не сразу поняла, что это вовсе не имя. Они шли из Дарилики на запад, наниматься оборонять крепости или нести ещё какую ни на есть ратную службу.

— Да уж не впервой, — отвечал Янак в первый вечер, когда они, уйдя из земель Корна, остановились на ночлег и ещё ждали волчьей погони.

У большого костра мест на всех не хватало, молодёжь жгла свои, поодаль, но старики обоих отрядов собрались здесь. Янак сидел на почётном месте и ему первому подносили чашу с травяным отваром. Не до вина сейчас. И так дозоры удвоили. Чужой отряд принимали как дорогих друзей: без их поддержки так легко бы с мохнатыми не разошлись бы. Одевались они как Харлан: в длинные куртки и вышитые рубахи под ними, просторные штаны, заправленные в сапоги из тиснёной кожи, на головах — разноцветные шапки. Рядом с тщедушным Уваром Янак смотрелся великаном. Был он высок ростом и широк в плечах, однако на оберста посматривал с явным уважением. Один на один здешнего магната завалить не каждый сможет.

— Да уж не впервой в крепостях-то стоять, — повторил Янак, разглаживая пышные усы. — Вот только недавно со службы погнали в Каневе. Знаешь Канев-то?

— Ещё бы не знать, — ухмыльнулся Увар, принимая из рук атамана чашу. — У самой

степи стоит, последняя крепость. Помнится, хорошо там погуляли, пока нас воевода не нанял. Как бишь его... Сбыско.

— Он и нас нанимал, — кивнул Янак. — Если б не князь Рогнед из Громска...

Он махнул рукой.

— И Рогнеда знаю, — заинтересовался Увар, передавая чашу Харлану. — Канев-то разве не у него под рукой?

— Теперь — да, — отозвался Янак. — А недавно там молодой Вячко сидел. Сын Позвизда из Ларалья.

— В Ларале не был, — покачал головой Увар, принимая из рук Фатя жареное мясо на хлебной лепёшке. Такое же угощение молодой Аким протягивал Янаку.

— Не ходи, — посоветовал атаман. — Степь далеко, вокруг глухие леса, не проехать. Пока дань соберёшь, пять потов сойдёт. К тому же нашего брата там не любят. Когда Позвизд помер, вече^[54] Ларальское молодого Вячко княжить-то позвало, но оговорило, что зовут-де только с малым отрядом.

Он сплюнул в костёр.

— Как уж они договаривались — про то они знают, а только стоило Вячко за одни ворота, Рогнед в другие въехал. И сразу сказал, мол, этих чтоб духу не было. Мы с его людьми встречались пару раз, да не все с тех встреч живыми вернулись — что из нас, что из них. Так и пошло.

— В степь бы вернулись, — сказал Харлан, принимая из рук Мады плошку с кашей.

Янак покачал головой.

— Нехорошо сейчас в степи. Непокойно. Проехать пока можно, но чтобы надолго встать...

— Тогда куда сейчас? — спросил Увар, доедая мясо.

— А вот с вами до Дарилики доедем, и обратно повернём. Там, на запад и южнее, говорят, князь Имриц подмогу ищет. Заедает его сосед.

Увар подобрался, но Янак этого, казалось, не заметил.

— Имриц-то? — спросил оберст. — Слышал, слышал. Да только к нему не пройти. У них там в горах заставы везде — не пробраться через ущелья. Сосед-то как раз между Имрицем и магнатами стоит.

— Он проходит — и мы пройдем.

— Так он же не человек, — теперь уже сплюнул Увар. — Нежить поганая. Ещё б он не проходил. По ночам нападает.

Увар осенил себя священным знаком. Янак, помедлив, повторил это движение.

— Горы там, — будто бы в раздумье произнёс Харлан. — Тесно.

Янак, которому как раз поднесли плошку с кашей, хлопнул себя по колену и засмеялся.

— Не хитри, — сказал он Увару. — Говори, чего просишь.

— С нами пойдём, — и впрямь не стал вилять Увар. — До степей пойдём, погуляешь там напоследок. Нас до Толока послали. Знаешь Толок?

— Не доходил, — покачал головой Янак, — но наслышан. Хороший город, богатый. Много путей там сходится. Добыча хорошая. Тяжело его будет взять.

— Брат не надо, — засмеялся в свою очередь Увар. — Мирно идём. Князь послал. Про Тафелон слышал? На западе. Я верховному князю служу. Князь послал дорогу его караванам проложить.

Янак погрузил пальцы в плошку и задумался.

Через несколько дней, когда они добрались до границы страны оборотней, Увар объявил отдых. По мнению Врени — как раз вовремя. Как ни осторожно везли Юлди, он всё же нуждался в полном покое хотя бы на несколько дней. Впереди был Траклив — пограничная крепость богатой городами Дарилики. Через Траклив начинались дороги во все концы страны. Начинался там и путь на юго-восток, в степи.

Юлди много передумал в эти дни. Знахарка, выхаживающая его, только и делала, что твердила, зря, мол, он то бревно тащил. Одни хлопоты. Но монах точно знал: нет, не зря. Как бы он смотрел в глаза товарищей, если бы его вытащили из ямы, испуганного заточением, рассеянного, не понимающего, за что на него свалилась такая беда? Выбравшись сам, он показал себя победителем. А его победа — это победа самого Заступника. Юлди корил себя за рану, полученную Корном. Это он виноват. Конечно же, он, Юлди. Если бы он поговорил с Корном так же, как поговорил с Улриком и Друджи! Если бы мог вразумить его! Воззвать к его разуму, укрепить веру... Врени, ухмыляясь, уверяла, мол, зря он переживает. Что оборотню рана? И клинок-то не серебряный. Поваляется чуток, ему полезно. Что хвостатому сделается? О себе бы лучше думал.

Но монах не мог, не хотел думать о себе. Не тому учил Заступник. Каждое его действие, его, пастыря, утверждало славу Заступника или порочило Его имя. Он показал оборотням, что сила духа и сила веры делает человека не слабее зверя. И Улрик вразумился! Друджи тоже! Ох, если бы поговорить с Корном прежде, чем тот встретился с Уваром!

Юлди мог бы потом заверить оберста, что всё случившееся — недоразумение. Но Корн был упрямец... Ладно тело. Может, рана и впрямь быстро заживёт. Душа, душа Корна — вот что было ранено. Его гордость, даже гордыня... он должен был научиться смирению, но только укрепился в своей спеси.

Первые дни после освобождения был наполнены мучениями. Кричать не было сил, от крика напряжение переползало с рёбер на поясницу и там распускалось чудовищной болью, которая ветвистыми молниями уходила в ноги. Только и оставалось, что неподвижно лежать, покачиваясь между конями, стараясь не шевелиться ни единым членом. Постепенно время и искусство Врени делали своё дело. Выпав из пелены боли и терзающих его мыслей, Юлди обнаружил, что людей в отряде прибавилось, что вокруг снуют незнакомые ему сородичи Харлана и что лагерь явно готовится к празднику.

Они стояли на отдыхающем поле^[55], оставив позади лес. Впереди возвышалась деревянная крепость Траклив, миновать которую нечего было и думать: все пути в обход давно были перегорожены засеками и охранялись конными разъездами. Траклив был юго-западными воротами Дарилики. Именно через него должна была пройти большая дорога на восток, с которого покуда до Тафелона доходила лишь тоненькая струйка товаров.

— Я вижу, тебе легче, — одобрительно сказала Врени, присаживаясь возле монаха. Юлди осторожно, стараясь не слишком шевелиться, кивнул.

— Будет праздник? — спросил он.

— Ещё бы, — фыркнула цирюльница. Последнее время она постоянно бывала не в духе. — Уж такая радость: тебя спасли, Корна победили, до Дарилики доехали! К тому же Увар с Янаком брататься будут. Есть что праздновать.

Она критически оглядела монаха.

— Стоять-то сможешь? Ну-ка попробуй.

До этого она таскала Юлди на себе — когда в одиночку, а когда подзывая Иргая или кого-то ещё из их товарищей, и не позволяла монаху стоять без опоры. Сейчас она осторожно помогла Юлди сесть, а потом и подняться на ноги. Вставать было больно, но терпимо.

— Так-то лучше, — проворчала цирюльница, обходя вокруг монаха. — А то куда ж они без тебя? Где попало не сиди. Иргай, вон, тебе стул сколотил. Сядешь — спину прижми. Так дело пойдёт, по Дарилике на телеге поедешь. Всё легче.

Она собралась уходить, но Юлди придержал её за руку.

— Врени, — с неожиданной для себя неуверенностью начал он, — а...

— В седло сесть хочешь? — хмыкнула цирюльница. — Не смейся. Будешь меня слушаться — вылечу твою спину, хочешь геройствовать — на всю жизнь калекой останешься. Седло ему! Раньше надо было думать, когда у оборотней пьянствовал!

* * *

С непривычки немного пошатываясь, Юлди пошёл по лагерю. Спина почти не болела и жизнь казалась прекрасна. Со всех сторон его окликали друзья. Винхо, Хромой Ферко, Матьяс, Фабо... летели шуточки, пожелания, предложения разобрать для них засеку и въехать в Дарилику беспоштинно, сторожей-де они отгонят, пока Юлди один за всех поработает. Женщины — Дака, Мада, Зарина и другие, хлопотали вокруг бурлящих котлов, подсыпая известные только им пряные травы. Стодол, старший сын Харлана, никого не подпуская, жарил над костром заманчиво пахнущее мясо. Вокруг вертелась привлечённая запахом маленькая Ольви — в своём волчьем облике. Вдруг, увидев монаха, она кинулась к нему в ноги. Толкнула так, что он вздрогнул и едва не завопил от выстрелившей в спину боли.

— Брысь, Ольви, — подскочила к ним цирюльница, не давая монаху наклониться и погладить волчонка. — Не приставай к Юлди. А ты запомни — ходить только прямо. Сидеть только прямо. Будешь дурить — пусть тебя Враг лечит, а я не буду.

— Заступник, Врени, — мягко поправил монах. Жизнь была слишком прекрасна, чтобы сердиться на бедную заблудшую душу.

— Нет, такому дураку никакой Заступник не поможет, — злорадно отозвалась цирюльница и ногой оттолкнула Ольви подальше. Та обиженно взвизгнула и вернулась к Стодолу. Вдруг удастся если не утащить, так выпросить?..

* * *

Вечером, поставив от греха двойные дозоры, наёмники начали праздновать. Юлди на сколоченном Иргаем стуле возвышался над ними как князь на троне. Ему очень хотелось сесть попросту у костра, но к концу дня спина уже принялась противно ныть и он прислушался к настойчивым советам Врени.

Дети и женщины обоих отрядов сновали между мужчинами, разнося им еду и вино, где-то в стороне Зарина глубоким гортанным голосом выводила какую-то песню, слов которой

Юлди никак не мог разобрать. Возле Юлди сидел Сарын из отряда Янака и, размахивая руками, рассказывал собравшимся возле него Фатею, Казарю, Акиму и другим молодым воинам из отряда Увара:

— Сплавливались мы по Отане-матушке, шли в Шатрик-город...

Монаха потянула за руку Канит, самая младшая сестрёнка Иргая. Девочка, раздуваясь от гордости, протягивала ему чашу с вином и поднос с янтарного цвета шариками.

— Скушай! — с трудом выговорила девочка на тафелонском. — Это вкусно!

Юлди с улыбкой принял вино, благословил девочку и взял один из шариков. На вкус он был как мёд, но хрустел на зубах. Следующий шарик Юлди протянул Канит, но та замотала головой и чёрные косички хлестнули её по плечам.

— А ниже пояса, — тем временем рассказывал Сарын, — хвосты рыбы! Так и хлещут по воде!

— Ты ешь! — потребовала Канит, настойчиво протягивая поднос монаху. — Твой праздник!

Юлди взял ещё три, но Канит не отходила от него, пока он не съел по одному все сладости и не допил вина.

— Ночью ветрено было, струг так и раскачивался, — продолжал Сарын. — Утром смотрим — нет бочонков! Видать, ночью за борт выпали!

Рассказ был встречен громким хохотом, и Юлди пожалел, что не услышал его целиком.

— А вот ещё *Верховой* по степи скачет, — не унимался Сарын. — Отец мой за полгода до смерти с ним встретился...

Он хотел продолжить, но вдруг все разговоры прекратил Стодол.

— Слушайте! Иргай расскажет, как мы Юлди из поруба у мохнатых добывали!

Все стихли. Иргай сидел у костра напротив Юлди, смотрел на пламя и, казалось, никого не видел перед собой.

* * *

— Ой да не стая волков сбегается, — начал Иргай низким голосом, — то оборотни на пир собираются...

На пир собираются да собой похваляются
Нету нас, оборотней, сильней, нету нас оборотней, страшней.
Не нужна нам, оборотням, вера истинная,
Не нужно нам, оборотням, слово Заступника.

Услыхал Юлди-монах, вышел в поле чистое.
Вышел в поле-чистое, да криком кричит.
Ой вы оборотни да серые
Ой вы магнаты да знатные
Не боюсь я ваших клыков, не боюсь я ваших когтей
А и кто из вас, серых, со мной силой померяется?

Вышли оборотни в поле да чистое

Да как начали силой меряться.
Уж хватали они Юлди за руки
Уж тягали его за пояс-от
Не смогли с монахом сладить,
Покорились ему волки серые.

Покорилися да задумались:
Как бы Юлди-монаха у себя удержать
Как бы Юлди-монаха к себе приручить?
Поднесли они Юлди зелена вина
Напоили гостя до изумления.
Притащили они Юлди в яму да во глубокую
Во глубокой яме Юлди спрятали.

Юлди не знал, куда и глаза девать. Каким же он был дураком! Права была Врени — не стоило ему, пастырю, спорить с паствой, кто кого перепьёт да дальше метнёт топор. Слово Заступника надо нести не в пирах, а в трудах в Его славу. Каким он был болваном! Бедные заблудшие души, как он мог поддаться на их невинную хитрость?!

Сколоченный Иргаем стул стал казаться монаху позорным столбом. Он сидел на виду, выше всех. И все на него смотрели! Оба отряда! Уйти? Немыслимо. Остаться сидеть? Невозможно! Иргай всё пел и пел, рассказывая, как Увар перехитрил оборотней. Хотелось заткнуть уши и ничего не слушать.

* * *

— Как проспался Юлди-монах в том порубе, — неумолимо продолжал Иргай, — Как увидел он злое бесчестие...

Так схватился он за дубовое бревно
И его из стены-то вывернул
Неповадно чтоб оборотням было-то
Над людьми Заступника скалиться.

Монах подумал, что лучше б тот поруб обрушился на него и сломал ему шею. Какой же он был дурак, что купился потом на раскаяние Улрика и Друджи и позволил завести себя в новую тюрьму! Но ведь они действительно раскаялись! Они стыдились... Заступник! Им было совестно, что они снова обманывают своего пастыря... но они даже не подумали остановиться. И он ещё гордился, что привёл этот народ к Заступнику! Как неглубока их вера! Как под налётом благочестия скрывается звериная жадность! Но ведь они с восторгом слушали проповеди! Они мечтали заслужить себе место в войске Заступника! Неужели эти души достанутся Врагу?! А всё потому, что он, Юлди, не заметил семян греха...

Пока монах предавался своим грустным мыслям, Иргай добрался до конца своей песни:

А тем временем да тем времечком
 Потеряли Юлди да сотоварищи
 Как пришли они к главному оборотню
 Да как начали под стенами криком кричать
 Криком кричать, топорами стучать:
 Отдавай ты нашего товарища.

Да как вышел к ним главный-то оборотень
 Волк матёрый да опытный
 Да как начал над ними насмехаться
 Нет среди вас мне поединщика
 Я рукой махну — ляжет конница
 Я ногой пихну — пехота повалится
 Убирайтесь вы, пока не побил я вас
 Не впервой мне с людьми-то справляться.

Услыхал Увар-оберст те реченьки
 Да как вышел он с саблей востренькой
 Да и скажет, мол, рано хвалишься.
 Ты как волк лесной, на чужое заришься
 А до драки дойдёт — хвост поджав, сбежишь.

Не стерпел супостат поношения,
 Обнажил он сабельку вострую
 Да и с ней-то на Увара кинулся.
 Но напрасно волк серый похвастался
 Победил его Увар доблестно
 Потому что он бился за товарища
 Потому что дело его было правое.

— Что, стыдно? — подседа к монаху Врени. — Дурак ты, Юлди. На, выпей.

Юлди покорно взял протянутую ему флягу и сделал глоток. Казалось, он выпил жидкое пламя, оно обожгло ему гортань и вспыхнуло в желудке. Кровь бросилась в голову.

— Ага, вижу, пробрало, — ухмыльнулась цирюльница. Похоже, она и сама была изрядно навеселе. — Пей ещё. Поможет.

Монах безропотно последовал этому совету. Он уже привык пить всё, что ему протягивала Врени.

Глава шестая

Побоище

По Дарилике ехали вместе с летом. Холмы сменялись полями и усыпанными цветами лугами, а потом дорога снова ныряла в лес. В иные города заезжали с богатых ворот, а выезжали из бедных, в иные — наоборот. Непривычно было видеть даже самые большие и величественные дома, сколоченные из дерева, а не сложенные из камней, но в Дарилике всё было деревянное. В какие-то города вовсе не пускали, приходилось вставать под стенами и дожидаться, пока не приедут княжьи слуги, чтобы спросить верительные грамоты. После этого Увара пускали в город «с малой свитой» и вскоре оба отряда двигались дальше.

Время шло. Нежная зелень листвы становилась тем темнее, чем ближе они приближались к цели. Постепенно время и искусство Врени делали своё дело и к степи Юлди подъезжал уже на телеге, то лёжа, а то сидя на сколоченном Иргаем стуле. Монах как раз сидел, когда дорога вышла из леса и перед ним открылось бескрайнее пространство. Не было ни деревьев, ни домов, ни стен, не заборов, только море травы, которое волнами гладил ветер. У монаха захватило дух. Опрокинутой синей чашей над ними возвышалось небо.

Со стороны донёсся неодобрительный голос Врени — она ехала на следующей телеге, вместе с Дакой и её детьми:

— А почему трава жёлтая? До осени далеко ещё.

Дака засмеялась.

— Выгорела, — коротко ответила она. — Солнце соки выпило.

Странно изменились люди, которых Юлди успел хорошо изучить за время дороги. Тафелонцы — это было видно — напряглись, насторожились. Вон седой Берток проверяет, хорошо ли меч из ножен выходит, вон Винхо, приподнявшись в седле, озирается, пытаясь разглядеть, не подкрадывается ли кто. Хромой Ферко похлопывает по раненной шесть лет назад ноге. Габор, Карско и другие, никогда в степях прежде не бывшие, очарованно смотрят вокруг.

А остальные, Харлан, его сыновья, их сородичи Сил, Калин... как и люди Янака — они расслабились, повеселели. Будто домой вернулись. Сзади раздался женский смех, нежное материнское воркование. Некоторые дети в отряде никогда здесь прежде не были, они выросли уже в Тафелоне.

К телеге подъехал Фатей.

— Хорошо! — сказал он на тафелонском. Он ухмылялся, но Юлди заметил, что юноша странно напряжён.

— Что не так? — спросил монах прямо. Фатей фыркнул. Все знали, что шесть лет назад он продал душу Врагу, чтобы выучиться у его слуги подлым хитростям. Но с монахом юноша всегда был приветлив.

— Всё не так, — отозвался Фатей и вдруг перестал ухмыляться. Лицо его сделалось строгим и как будто даже сердитым. — Второй день людей не видим. Мимо Канева шли — видал, деревни сожжённые стоят?

Юлди смутился. Дорогой он любовался полями, лесами, небом, жалея, что ему не дано, как брату Полди, запечатлеть лечащую душу красоту. Действительно, за полем, которое они проезжали третьего дня, где-то вдалеке виднелись почерневшие развалины.

— Здесь всегда беспокойно, — припомнил монах разговоры Увара и Янака. — Князья...

— Князья знают: сожжёшь деревню, хлеба не будет, — перебил его Фатей.

Юлди вдруг вспомнил: то поле сплошь поросло бурьяном. Он ещё тогда подумал: отдыхает. Фатей покачал головой.

— Всё не так, — повторил он и снова заухмылялся.

* * *

Стоять на краю не стали, двинулись по дороге через степь. Что она наезженная, успокаивало, значит, тут часто ходили. Значит, можно пройти. Дака, покрикивая на Сагилла, чтобы не вертелся на краю телеги, рассказывала Врени:

— Ты не смотри, что в степи стен нет. Она не ровная. То холм, а то овраг. Умеючи можно близко подобраться, а мы и не заметим.

— Ты тоже не заметишь? — хмуро спросила цирюльница. — Иргай не заметит? Дака мотнула головой и засмеялась.

— Иргай заметит, да. Если ты подкрадёшься, Иргай заметит. А если Акшин — нет, не заметит.

— Кто такой Акшин? — устало вздохнула Врени.

Дака перестала смеяться.

— Человек, — сказала она сердито. — Вот встретимся, я ему — ух!

И мотнула головой, как когда-то в девичестве, когда от этого движения чёрные косы хлестали её по плечам.

— Ха! — сказала Дака возбуждённо. Врени заметила, как в её глазах загорелся злой кошачий огонь. — Гляди! Заметили! Фатей! Фатей!

Передние всадники в отряде действительно заметно заволновались.

— Хей, — отозвался Фатей, в самом деле подъезжая к их телеге. Когда-то сестра заменила ему и мать, и отца, но теперь он смотрел на неё со снисходительностью взрослого мужчины. — Не кричи. Пыль на краю неба.

Он покосился на Врени — свою сестру в *прозрении* — и снисходительно объяснил:

— Пыль — кони скачут. Скоро тут будут.

Увар прокричал приказ и оба отряда остановились. Мужчины окружили телеги. Кто-то принялся взводить самострелы, кто-то изготовил к стрельбе лук, остальные обнажили свои кривые мечи — удобно с коня рубить — и достали из-за поясов топорики. Врени в тревоге посмотрела на Даку. Когда у неё так горят глаза, жди беды.

* * *

Чужих было немного — всего два десятка. Не таясь, они подъехали к оцетинившимся оружием всадникам, старший, в хорошем риканском доспехе и шлеме тернской работы — одному Заступнику известно, как они сюда попали! — выехал вперёд и что-то прокричал. Потом взгляделся в отряд и перешёл на родной язык Даки, который ни Врени, ни Юлди не понимали, но могли узнать.

— Он говорит, — немного удивлённо перевела Дака, — что они люди великого хакана. Что нас заметили на заставе, которую поставили волей Неба и по приказу его хакана.

Требуется рассказать, кто мы, откуда и куда едем.

Янак подъехал к Увару и что-то ему тихо сказал, указывая то на чужих, то на степь позади них.

Дака тревожно посмотрела на цирюльницу.

— Здесь никогда не было заставы! — сказала она.

Врени ответила подруге таким же встревоженным взглядом. У Увара в отряде — полсотни воинов, да с Янаком — бойцов двадцать. А здесь всего-то два десятка, к тому же только у троих человек железные доспехи, у остальных войлочные. Но если за ними — застава, если Хакан, кто бы он ни был, правит здесь...

— Кто такой — Хакан? — спросила Врени. — Ты его знаешь?

Дака коротко рассмеялась.

— Князь, — пояснила она. — Великий князь. Как Клос. Только лучше.

— Это таможня, — догадалась Врени. Значит, хакан — не имя, а титул. — Степная таможня. Да?

— Да, — медленно наклонила голову Дака. — Если правда — то да. Сагилл! Сагилл Вараза от края оттащи! Смирно сидите! Я вам! Ольви! Ольви, не смей! Дандак! Дай Ольви Санапи, пусть нянькает! Ольви! Ольви, расчеши Санапи волосы!

Сагилл, шестилетний бойкий мальчуган, со смехом ухватил самого младшего брата, Вараза, за пояс и рванул на себя, и они опрокинулись на спины. Дандак, средний брат, с натугой пихнул в руки Ольви полторагодовалую Санапи. Ольви было около семи лет, но в человеческом облике девочка выглядела всего на четыре. Сейчас её трясло от страха и возбуждения, но она послушно достала деревянный гребешок и принялась расчёсывать мягкие волосики приёмной сестрички. Дрожь, которая сотрясала тело маленькой оборотницы, постепенно унималась.

Дака покачала головой.

— Нельзя, чтобы Ольви превратилась, — сказала она, повернувшись к цирюльнице. — Нет в степях такого, чтобы любили тех, у кого две шкуры. Убьют. Сагилл говорил — когда-то мохнатые по степи кочевали. Народ был. Потом их не стало. Давно не стало. На них все войной ходили. И мы, и братья Харлана и из Дарилики приходили. Всех убили. Нельзя.

Сагилл был погибший старший брат Даки, в честь которого она назвала первенца.

Пока Дака и Врени отвлекались на детей, Увар и Янак о чём-то договорились с чужим отрядом, и оберст приказал трогаться вперёд. Чужие разделились, один десяток поехал впереди, второй — позади людей Янака и Увара. Врени обратила внимание на то, какие они спокойные и уверенные, почти наглые. Им плевать, что они в меньшинстве. Это их земля, они здесь хозяева. Но, судя по словам Даки, раньше так не было. Давно ли хакан стал здесь править?

* * *

Они добрались до заставы, которая оказалась всего-навсего большим лагерем посреди степи. Женщин там не было вовсе и на отряды Увара и Янака снующие между войлочных шатров мужчины смотрели с неприкрытым любопытством. Со стороны доносилось овечьё бляенье, видно, рядом пасли стадо. Возле лагеря треугольником были выкопаны три колодца. К Даке и Врени, привычно занятым шатрами, подошёл Фатей.

— Нехорошо, — сказал он, глядя мимо женщин. — Сказали, спокойно тут. Хакан велел, чтобы мир был везде. Хакана слушаются. Сказали телеги в стороне поставить, шатры не окружать.

— Ну и что? — не поняла Врени. Фатей сплюнул.

— Нехорошо, — повторил он. — Дака, смотри за дочерью. Пусть не боится. Пусть не превращается.

Он ушёл. Дака встревоженно смотрела вслед брату.

— Ой, плохо, — покачала головой она и повернулась к цирюльнице. — Телеги вокруг шатров стоят. Можно отбиться. Сейчас — нет.

— И Увар послушается? — недоверчиво спросила Врени. На оберста такая покорность была непохожа.

Дака невесело улыбнулась.

— Ты не видишь, нет? Большая застава. Вечером много вернутся. Куда мы от них денемся? Тут везде степь.

* * *

Дака оказалась права: вечером на заставу вернулось пять таких отрядов — и все без женщин. Увар и Янак остались в меньшинстве. Оберст, впрочем, держался спокойно и уверенно. Вечером его позвали к костру старшего на заставе, и он пошёл туда, взяв с собой Харлана и Янака. О чём они говорили до поздней ночи, никому потом не рассказывали.

* * *

— Хей, — сказал Фатей наутро, когда Юлди под руководством Врени осторожно разминал спину. — Тебя Заступник слушает? Поговори с ним. Скажи — помощь нужна. Пусть помогает.

— Я не могу указывать Заступнику, — распрямился монах.

— Зачем тогда ты веришь? — сделал удивлённые глаза Фатей. Врени была готова поспорить на свою долю от похода, что мальчишка смеётся над монахом.

— Вера даётся не *зачем*, — устало ответил Юлди. — Я верю в Заступника потому, что Он есть.

— Так поговори с ним! — обрадовался юноша. — В Толок не идём, к хакану идём. Хакан скажет — можно — пойдём в Толок. Скажет — нельзя — раз! Раз!

Он резко рубанул рукой, показывая, как отсекают головы. По спине Врени пробежал неприятный холодок. Фатей, похоже, не шутил.

— Откуда ты знаешь? — спросила она. Фатей покосился на неё, но так и не посмотрел прямо.

— Фатей много знает, — уклончиво отвечал он. — Поговори с Заступником, Юлди, пусть скажет хакану, чтоб пропустил нас.

Врени не стала напоминать мальчишке, что прозревший не должен ждать помощи от *Надзирателя*. Пусть с ним Медный Паук разбирается.

— Я буду молиться, — пообещал монах, — чтобы Заступник укрепил нас в этом

испытании, как он укреплял нас в прошлых.

Фатей сплюнул.

— Видал, сколько их? — проворчал он уже без смеха. — Только первая застава — и так много. Янак говорит, дальше больше будет. Янак говорит, раньше заставы так близко к Каневу не стояли. Теперь стоят. Много. Твой Заступник закроет от их стрел?

Юлди осенил себя священным знаком.

— Кто знает. Тому, кто искренне верит, Он являет помощь в любых испытаниях. Я сам, хоть и недостойн, был свидетелем тому. Моя вера сломила злое чародейство Князя-Жреца и...

Он не договорил, потому что Фатей покотился со смеху.

— Я слышал, — сказал юноша, отсмеявшись. — Ты — да. Хорошо держался. Хорошо верил. Заступник тебя наградил. Отводил чародейство. Но колдун — нет.

— Я видел сам! — неожиданно для Врени рассердился Юлди. — Он упал, сражённый...

Цирюльница покачала головой. Фатей доиграется.

— Ольви, — объяснил юноша, злорадно ухмыляясь. — Дака её подучила. Спряталась в тумане, прокралась. Цапнула колдуна за ногу. Хорошо цапнула. Колдун упал. Юлди победил. Юлди герой! Заступник хороший бог! Помогает!

На монаха было жалко смотреть. Он стоял, опустив руки, лицо его пылало от стыда. Фатей нахально хлопнул Юлди по плечу.

— Ты поговори с Заступником, — посоветовал юноша. — Скажи: мы тебе помогли, тебя теперь уважают. Теперь ты нам помоги. Поговори с хаканом. Пусть пропустит в Толок!

Он ещё раз хлопнул Юлди и пошёл прочь.

— Не слушай его, — неловко сказала Врени.

— Это правда? — спросил монах.

— Юлди...

— Это правда?!

— Правда, — вздохнула цирюльница. Освободитель, кто мальчишку за язык-то тянул?!

— И ты молчала?! Позволила мне думать...

— Я пыталась тебя вразумить, — напомнила Врени.

— Но ты не сказала мне что я... что я...

— Какая разница?! — разозлилась цирюльница. — Ты победил, мы ушли оттуда целые и невредимые. Ты хоть представляешь себе, что с нами было бы, если бы ты проиграл?! А с тобой что было бы?! Я слушала, что говорили в Дульме. Этот колдун может вытянуть живую душу из тела. Ты, кажется, после смерти к Заступнику собрался? Мог бы забыть о Нём навсегда. На *вечность*.

— Это ты придумала, — сказал монах, не слушая её. — Ты придумала послать Ольви.

— Мы с Дакой, — пожала плечами Врени. — Всё, хватит! Скоро ехать, а ты стоишь и языком треплешь. Давай, разминайся, если хочешь в седло сесть. Неделя, две — и сможешь.

* * *

От колодцев донеслось что-то недоброе — быстрая чужая речь, мужской голос, наглый, властный, мешающий свой язык с языком народа Даки, и в ответ — женский голос, два резко сказанных слова. Васса?... Потом опять — мужской голос. Плеск воды. Васса?

Врени поспешила туда. Васса стояла у колодца с ведром, а перед ней — с головы до ног мокрый чужак в странной шёлковой одежде, что-то вроде длинной запашной куртки, из-под которой виднелись широкие штаны. На голове у него была невысокая островерхняя шапка по краю отделанная мехом, стан охвачен поясом с золотыми бляхами. Богатый человек. Или знатный. Или богатый и знатный вместе.

К Вассе уже подскочил с одной стороны Фатей, с другой — Харлан. Его сыновья подбегали следом. Мужчины отёрли девушку, встали перед чужаком. За его спиной стали собираться остальные сторожа с заставы.

Напряжённую тишину разрезал пронзительный крик Даки:

— Ольви, нельзя! Ольви, не смей! Сидеть! Сидеть, я тебе говорю!

А потом раздался не то визг, не то вой и к колодцу выбежала волчица. Проскочив между шатрами, она выскочила вперёд и встала, глухо рыча, против чужаков. Те отпрянули, схватились за оружие. Облитый Вассой, вроде как даже обрадовавшись, что можно отвлечься на что-то понятное, указал рукой на Ольви и бросил несколько резких слов. Потом — на Харлана, а после ткнул пальцем в сторону Вассы и сплюнул. Харлан рванул из ножен меч. Чужак, заулыбавшись, тоже, а потом крикнул что-то — и все сторожа на заставе оцетинились оружием.

* * *

Погружённый в свои мысли Юлди сперва ничего не замечал вокруг. Он думал только о своём грехе. Гордыня! Гордыня! Как он был слеп! Как он мог так обманываться! Его разыграли как мальчишку, а он в своей слепоте забыл о смирении...

Шок был настолько велик, что монах не сразу услышал звон оружия, крики ярости и боли вокруг. А когда услышал...

Только что здесь был мирный лагерь, где одни готовили себе пищу, другие сворачивали шатры, третьи разминались, умывались... словом, обычное утро. Сейчас это было поле боя. Сторожа — это было видно — были готовы к драке. Люди Увара — нет. Их оттеснили к телегам, на которых и под которыми сгрудились женщины и дети отряда. На земле лежали раненные и... убитые? Вон Никлос, Кобо... Матьяс... Ильз... У Ильза из груди торчит чернопёрая стрела. Монах опустился на колени, воззвал к Заступнику, прося его о милости для павших товарищей. Подобрал топорик, который выпал из рук Матьяса и уже хотел было присоединиться к сражению, но над разорённым лагерем внезапно прозвучал пронзительный голос Даки:

— Орлэ-хатун! Орлэ-хатун! Хей! Хей!

Остальных слов Юлди не понял, но чужаки, видимо, разобрали. Умерили свою прыть. Снова непонятные слова, мужской голос и — в отдалении стук копыт.

Крик ярости. Юлди заслоняли шатры, он обошёл ближайший, сжимая в руках топор, осторожно выглянул. По степи мчался всадник в пёстром кафтане людей Увара и с синим шарфом на шапке. Юлди высунулся дальше и наткнулся взглядом на чужака в железном доспехе поверх стёганой куртки. Чужак указал на топор в руках монаха, а потом ткнул в землю. Это было понятно без слов. Юлди поудобней перехватил оружие и двинулся к противнику. Тот засмеялся, обнажая кривые зубы. Меч доставать не стал. Юлди всё никак не мог перехватить его взгляд. Чужак как будто смотрел за спину монаха. А потом на Юлди

обрушилось небо и всё заполнила беспроглядная темень. Монах потерял сознание.

* * *

Врени сама не знала, как осталась жива. Когда начался бой, она отступила, затаилась между шатрами. Войлочные, чужие, даже против солнца не показывали, кто за ними прячется. К ногам прижалась малышка Ольви, всё ещё в зверином обличьи. Волчица дрожала всем телом и поскуливала от страха.

Вдруг совсем рядом раздался хлесткий удар, за ним ещё и ещё. Правый шатёр упал. За ним стоял чужак с верёвочной петлёй в руках. Он не спешил. Чуть дальше — лучник. Оба ухмылялись. Первый чужак, повыше ростом и чуть лучше одетый, сделал повелительный жест и что-то сказал. Врени покачала головой и показала пустые руки. Высокий чужак повторил своё движение. Цирюльница догадалась, он требует, чтобы она оттолкнула Ольви и дала себя связать. Волчица завывала, выгнулась... рядом с Врени тряслась со страха маленькая девочка. Чужаки сплюнули, потом снова заухмылялись. Чего они хотели? Просто убить? Или замучить до смерти? Одного не было в их взглядах: жизни. Врени поняла, что надо спешить. Она снова показала чужакам пустые руки, обняла девочку, а потом вытащенной из рукава бритвой перерезала бедняжке горло.

— Ego dimittam te^[56], - сказала цирюльница на церковном языке. Теперь душа малышки Ольви свободна от этого мира. Высшая посвящённая может открыть дорогу пленникам этого мира прочь, туда, где больше никогда не будет ни боли, ни страха, ни ухмыляющихся чужаков. Она едва успела закончить фразу, как ей в сердце влетела чернопёрая стрела. Врени получила своё *Освобождение*.

Глава седьмая

Орлэ-хатун

Юлди очнулся в невысоком войлочном шатре, где едва могли уместиться двое. Болела голова. Болела спина. Было темно и душно. Он пошевелился и, как ни сдерживался, застонал.

— Хей! — прозвучал рядом незнакомый надтреснутый голос. Потом пошли непонятные слова на чужом языке. Юлди устало прикрыл глаза.

— Я тебя не понимаю, — медленно сказал он на наречии Харлана. Потом постарался проговорить это так, как говорили в Дарилике. Монах успел заметить, что в Дарилике пользовались одним языком с Харланом, но многие слова произносили совсем по-другому. — Не понимаю.

— Хей! — чему-то обрадовался человек и потряс Юлди за плечо. Монах снова открыл глаза. В полумраке шатра он смутно видел редкие седые волосы, белую бородку, торчащую вперёд как клюв. Старик растопырил пальцы и показал Юлди. Потом убрал. Потом снова показал.

— Вижу, — догадался Юлди. Потом кивнул. Затылок заломило чудовищной болью.

— Хе-хей! — покачал головой старик.

Он отошёл от Юлди, высунулся из шатра и что-то крикнул. Потом вернулся с плоской, которую сунул под нос монаху. Пахло какими-то незнакомыми горькими травами. Юлди с трудом сел и взял плоску. Старик показал, что её надо выпить. Юлди покачал головой и вернул плоску. Старик рассердился.

— Джурон-хакан! — сказал он, указывая на выход из шатра, потом сделал такие же рубящие движения, как недавно Фатей. Снаружи, как сейчас понял монах, доносился шум. Обычный шум военного лагеря.

Старик указал на себя, потом на Юлди. Повторил рубящие движения и снова пихнул плоску в руки монаху.

— Пей, — с трудом произнёс старик на языке Харлана. — Плохо будет нет. Пей.

Деваться было некуда. Юлди послушно выпил горький отвар. В голове прояснилось. Старик проследил за изменившимся взглядом монаха и радостно хлопнул себя по коленям. Потом сделал новый жест, мол, ложись. Юлди лёг, но старик был недоволен. Он потряс монаха за плечо. Оказывается, надо было перевернуться. Старик, похоже, был лекарем. Он ощупал спину монаха примерно так, как это делала Врени, ткнул в самое больное место и с удовольствием прислушался к сдавленному стону.

— Хей, — сказал он, сделав Юлди знак, чтобы садился обратно. Заглянул в лицо, как будто искал там ответы на все вопросы. — Здоровье — хорошо?

— Хорошо, — неуверенно согласился монах. Что происходит? Крики, сражение... кто-то ударил его по голове... А теперь — шатёр, старик...

Юлди отстранил старика и попытался встать. Старик толкнул его обратно и затряс бородкой.

— Джурон-хакан! — с угрозой произнёс он и опять указал на выход из шатра. — Плохо! Потом снова взглянул в лицо Юлди и повторил:

— Здоровье — хорошо?

— Хорошо, — обречённо согласился монах. Что было делать? Снаружи, похоже, полно

народу... ничего не стоит отшвырнуть старика, но что дальше? Смерть? пытки? Он внезапно понял, что боль в спине, которая сделалась уже привычной, отступила. Осторожно подвигался, попытался нагнуться.

— Хорошо! — обрадовался старик. — Здоровье — хорошо!

Лекарь. Очень хороший лекарь, который в два счёта сделал то, что не удавалось Врени за недели пути. Его похитили, чтобы послать к нему лекаря? Не может быть. Его отбили и послали к нему лекаря? Тогда почему... Хакан. Фатей говорил, так в степях называют князя.

— Увар? — спросил Юлди старика. Тот покачал головой. — Янак? Харлан?

Лекарь только качал головой на каждое новое имя. Потом произнёс:

— Джурон-хакан!

Это могло означать, что кто-то из них — Юлди или старик или они оба — здесь по приказу этого Джурон-хакана.

Больше лекарь ничего не говорил. Юлди опустился на колени и принялся молиться Заступнику, прося прощения за недавнюю гордыню.

* * *

Орлэ-хатун была очень старая женщина. Совсем старая. Фатей домчался к ней на третий день. Он спешил. Очень спешил.

Он узнал это имя у сторожей. Чего же проще. Было у него зимнее вино, которое варила сестра его наставника. Крепкое вино. Никогда тут такого не пили. Он налил его сторожам, сам пригубил, им дал. Он умел слушать. Умел шутить. Они говорили, говорили... много говорили! Рассказали и про Орлэ-хатун. Мать Джурон-хакана. Фатей слушал, потом Даке рассказал. Когда Джурон-хакан в поход уходит, его мать правит. Сторожа не знают, возьмут ли их с собой в поход Джурона-хакана. Сторожа не захотят сердить Орлэ-хатун. Дака умная. Всё как надо сказала. За ним гнались, конечно. Куда им! Не догнали. Фатей и сам легче, и доспехов не надел, и коня лучшего увёл. Куда им догнать его в степи!

Заставы не объезжал. В первую же въехал нагло. Показал пропуск — медную бляху. Украл на той, пограничной заставе. Пропуск есть, конь с заставы. Орлэ-хатун скрытная. Орлэ-хатун хитрая. На заставах поверили. Орлэ-хатун разные люди служат. Коней давали, напиток давали, провожали. Фатей не ел, не спал, только скакал. Трава меред глазами мелькала. Овраги проезжал, холмы проезжал. На заставах коней менял. Прискакал к Орлэ-хатун!

* * *

Шатёр у хатун был шёлковый, расписной. У входа стража стоит, сабли держит. Фатей через порог шагнул, внутрь вошёл. На помосте сидела старая-старая женщина. Как Земля старая. Один глаз у старухи косил, от чего её лицо казалось строгим и суровым. На голове женщины был надет высокий головной убор, чуть ли не в четверть высоты шатра. Он был украшен маленькими разноцветными пёрышками, расшит жемчугом и подвязан под подбородком неожиданно простыми завязками. За помостом висел занавес, отделявший внутреннюю часть шатра.

По обе стороны от помоста стояли стражники-нукеры в богатых халатах. Тоже с обнажёнными саблями. Фатей знал от сторожей: если он не понравится старухе, нукеры прямо в шатре снесут ему голову. Он опустился на колени, коснулся лбом ковра.

— Орлэ-хатун! — воззвал он с надеждой.

— Поднимись, — приказала старуха. — Ты кто такой?

— Фатей, — отозвался юноша. — Я — Фатей.

— Дарить или просить? — спросила Орлэ-хатун.

— Дарить! — без колебаний сказал Фатей.

Хатун довольно улыбнулась и протянула руку. Фатей скинул шапку, ударил ею о ковёр, рванул себя за волосы, потом рванул на груди кафтан.

— Ох, Орлэ-хатун! — залился юноша слезами. — К тебе ехали! Коней гнали! Подарки везли! До первой заставы доехали! Сторожа на нас напали! Я один к тебе вырвался! Ох, Орлэ-хатун! Золото везли! Серебро везли! Мечи везли, твоим нукерам дарить!

Он ударился лбом о ковёр, потом ещё и ещё раз.

— Не плачь! — остановила его хатун. — Нельзя! Меня нельзя огорчать! Олинэ ругаться будет!

Олинэ, как Фатей знал, была старшей дочерью Орлэ-хатун. Её отцом был безродный степняк и потому у Олинэ не было своих нукеров, у неё не было никакой власти, кроме влияния на любящую мать. И это было немало.

— Я ей ничего не скажу, — громким шёпотом пообещал Фатей, косясь на равнодушных нукеров. Старуха заулыбалась, сделавшись похожей на обезьянку, которую он когда-то видел на рынках Тафелона.

— Вот молодец, — сказала Орлэ-хатун. — Садись сюда.

Она хлопнула по помосту. Нукеры чуть шевельнулись, придвигаясь ближе.

— Не могу, Орлэ-хатун, — снова завыл-запричитал Фатей. — Как я возле тебя сяду? Подарки не довели! Ах, какие подарки!... всё сторожам Джурона досталось! Всё растащили! Людей схватили! Поделят твои подарки, людей поделят, себе плату заберут. Ох, Орлэ-хатун!

— Не плачь! — прикрикнула старуха и тревожно покосилась на занавес за своей спиной. Её лицо сделалось хитрым. — А не врешь, а, Фатей?

— Тебе — врать?! — оскорбился юноша. — К тебе ехали, болота проехали, леса проехали, в степь приехали — сторожа напали. Ох, плохо, Орлэ-хатун!

— Откуда ехали? — прищурилась мать хакана.

— От твоего слуги ехали, — хладнокровно соврал Фатей. — Ты знаешь, он на западе живёт. Клосэ-хакан.

— Клосэ-хакан, — понимающе кивнула Орлэ-хатун. — Знаю его. Подарки послал? Дарить меня, старую?

— Очень хотел одарить, — подтвердил Фатей. — Очень хотел порадовать.

— Клосэ-хакан, Клосэ-хакан, — покачала головой старуха. — Он понимает, Клосэ-хакан. А от Джурона платка не дождёшься. Всё по походам своим ходит. Ходит и ходит. Когда мать навещал, когда подарки ей дарил?

Она вгляделась в лицо Фатея.

— Я тебя знаю, — сказала она. — Ты подарки в прошлом году привозил.

— Привозил, — кивнул Фатей. Ему терять было уже нечего. — Тогда — довёз. Теперь — не довёз! Ох, Орлэ-хатун!

— Не плачь! — прикрикнула старуха и хлопнула в ладоши. Потом ещё и ещё раз.

Сперва снаружи прибежал маленький человечек с непонятными принадлежностями в руках. Он опустился на колени, ударился лбом о ковёр и разложил непонятные Фатейю штуки. Похоже, это был писарь, хотя юноша никогда не видел такого тонкого пергамента и тем более не видел, чтобы кто-то намеривался писать кисточкой.

А потом из-за занавеса выбежала высокая худая как палка женщина в коротком мужском халате без украшений. Из-под высокого женского убора выбивались седые пряди.

— Ты кто такой?! — недружелюбно спросила она юношу.

— Это Фатей, — ответила вместо него Орлэ-хатун.

— Просить, — ядовито произнесла женщина. По тому, как с лёгкой опаской косилась на неё мать хакана, как выпрямились и расправили затекшие плечи нукеры, Фатей понял, что это и была Олинэ, дочь Орлэ-хатун.

— Дарить! — перебила её старуха. — Фатей дарить приехал! Подарки привёз!

— И где те подарки? — скептически хмыкнула Олинэ, оглядывая небогатый наряд юноши.

— Джурон украл, — свистящим шёпотом объяснила мать.

Взгляд Олинэ изменился.

— Джурон, — протянула она.

— Пиши! — приказала Орлэ-хатун писарю. — Пошли моих слуг. Кэрилей пусть едет! Дкогэ едет! Вэлду пусть едет!

— Вэлду умер, мама, — тихо сказала Олинэ.

— Ох, — вздохнула старуха и уставилась на свои руки. У неё были широкие ладони и длинные корявые пальцы, похожие на звериные когти.

— Орлэ-хатун, — осторожно подал голос Фатей. — Мы подарки везли. Сторожа напали.

— Да! — встряхнулась Орлэ-хатун. — На заставу пусть едут! Пусть вернут мне подарки! Пиши!

— Застава Болчи-бека, — пояснил Фатей.

Писарь принялся покрывать странный пергамент какими-то значками, смысла которых Фатей не понимал. Когда закончил, положил этот пергамент на помост. Старуха вымазала большой палец чёрными чернилами и прижала внизу письма. Писарь поклонился, взял пергамент, собрал свои принадлежности для письма и выкатился из шатра.

— Садись, дружок, — снова хлопнула по помосту старуха. Фатей покосился на Олинэ. Та смерила его внимательным взглядом, потом кивнула. Фатей уселся рядом с хатун. — Рассказывай, как Клосэ-хакан живёт?

— Какой ещё Клосэ-хакан? — вмещалась Олинэ.

— Данник мой! — гордо заявила Орлэ-хатун. — Подарки прислал! Милость просит!

— Далеко отсюда, — начал Фатей, всё ещё не спокойный за успех своего дела, — за лесами и болотами живёт Клосэ-хакан. Услышал он про Орлэ-хатун...

— Это от кого же он про неё услышал? — перебила Олинэ.

— От нас, — не смутился Фатей. — Мы по степям кочевали, потом на запад пошли. Дошли до Клосэ, сказали ему: живёт в степи Орлэ-хатун. Много людей у неё! Много пастбищ! Коней много! Он услышал...

— Когда это было? — снова перебила Олинэ.

— Шесть раз с тех пор весна приходила, — ответил Фатей. Олинэ неожиданно кивнула.

Похоже, шесть лет назад она не так много вмешивалась в дела матери.

— Не мешай! — раздражённо сказала старуха. — Почему ты всё время мешаешь?!

— Клосэ слышал про Орлэ-хатун и сказал своим бекам: идите мне под руку, чтобы собрать дань со всей нашей земли, послать Орлэ-хатун богатый подарок. Но беки не послушались...

— Как?! — всплеснула руками старуха, обиженная до глубины души. — Почему?!

— Глупые были, — беспечно отозвался Фатей. — Гордые. Тогда Клосэ пошёл войной на них. Одних убил. Других в плен захватил. А самого злого — Дитлин-бека — на кусочки разрубил!

Орлэ-хатун радостно заулыбалась.

— Стал Клосэ хаканом. Стал дань собирать. Первый год не собрал. И второй тоже. Разорили страну злые беки! Шесть лет подарки собирали. А когда собрали, к тебе отправили.

Он всё говорил и говорил, описывая стати «Клосэ-хакана» и его почтение к Орлэ-хатун. Старуха улыбалась и кивала, Олинэ качала головой. Наконец, она сказала:

— Я поеду. Сама поеду.

— Поезжай, поезжай, — закивала старуха. — Поезжай, дочка. Джурон совсем про мать забыл, ох, забыл.

Олинэ шагнула к выходу из шатра и поманила за собой Фатея.

— Куда ты его зовёшь? — забеспокоилась Орлэ-хатун. — А кто со мной говорить будет?

— Он будет, — пообещала Олинэ. — Долго-долго говорить будет.

Фатей встал с помоста, подобрал свою шапку с ковра и подошёл к Олинэ.

— Я поеду, — тихо сказала ему женщина. — Если ты нас обманул и там нет никаких подарков...

— Есть подарки! — так же тихо возмутился Фатей. — Орлэ-хатун везли! Я поеду, покажу!

— Ты останешься здесь, — жёстко ответила Олинэ. — Не вздумай сбежать. По всей степи тебя искать будут. Родичей твоих убьют. Любого, кто приют дал, замучают. Ты здесь останешься. Ждать. Если обманул — умрёшь. Сначала допрос. Потом смерть. Медленно. Понял?

Фатей слегка растерялся. Некогда было думать, когда он убежал за подмогой. Некому было объяснять, что он задумал. Хорошо, Дака догадалась. А теперь — что делать? Как предупредить товарищей?

Он отвязал от шапки шарф, протянул Олинэ.

— Даке отдай. Скажи — от Фатея. Скажи — доехал я до Орлэ-хатун.

Олинэ пристально взгляделась в его лицо.

— Кто она тебе? — спросила женщина.

— Сестра, — отозвался юноша.

— Сестра, — повторила Олинэ. По её лицу пробежала тень. — Сестра... Сторожа говоришь, напали?

— Напали.

— Про Орлэ-хатун сказали им?

— Сказали.

— Не тревожься. Болчи-бек не будет с Орлэ-хатун ссориться. Жива твоя сестра. Не тронут её.

Фатей с благодарностью поклонился Олинэ.

— Отдай Фатея! — раздалось из глубины шатра. — Пировать будем! Угощать будем гостя!

— Иди, — отвернулась Олинэ. — Не тревожься. Если не солгал — не тревожься.

* * *

— Пировать будем! — объявила Орлэ-хатун, когда юноша вернулся в шатёр. Кто-то успел положить на помост подушку и Фатей уселся рядом со старухой, чувствуя себя если не хаканом, то уж точно беком. Перед ним поставили плошку с бараньей похлёбкой, такую же, только побольше, поставили и перед старухой. Она радостно схватила плошку, расплёскивая похлёбку на свой расшитый золотом халат, пальцами выловила кусок мяса. Фатей последовал её примеру, с трудом заставляя себя есть медленно, не торопясь, будто не так уж и голоден, будто не он три дня почти ничего не ел. Еда казалась непривычно пресной. Его сестра, другие девушки и женщины отряда всегда носили с собой мешочки терпких трав, которыми посыпали и кашу, и мясо. А тут...

Фатей ничем не выдал себя и был вознаграждён. Старуха, первой доев свою похлёбку, вытерла пальцы о халат и принялась развязывать кушак. Прежде, чем нукеры успели вмешаться, она накинула златотканую одежду на плечи юноши и захлопала в ладоши.

— Хорош! — заявила она, любуясь Фатеем. — Ох, хорош.

Под драгоценным халатом на старухе был другой, не то чтобы попроще, а вовсе бедный и драный. Серый, стёганный, вата то тут, то там вылезает... Фатей заставил себя не смотреть.

Старуха придвинулась ближе и обняла его за плечи.

— У Джурона дочки есть, — шепнула она на ухо. — Сыновей мало, дочек много. Хочешь — одну тебе отдадим? Или — хочешь! — двоих забирай!

— Как не хотеть, матушка, — отозвался юноша степенно. — Одна жена — хорошо, две жены — ещё лучше! Только не отдаст за меня Джурон дочерей.

— Как это — не отдаст?! — возмутилась старуха. — Ты же брат Клосэ-хакана!

— Я не брат, матушка, — мягко возразил Фатей. — Я его слуга.

— Ох, шутишь со старухой, — отстранилась Орлэ-хатун. — Нехорошо шутишь! Я же вижу — брат ты ему! Сам хаканом будешь! Хочешь?

— Не хочу, — твёрдо ответил Фатей. — У хакана жизнь плохая. Сама говоришь: Джурон-хакан даже с матерью повидаться не может.

— Эй, — махнула рукой старуха. — Не утешай меня! Не хочет он, Джурон-хакан! Не хочет! Совсем мать забыл!

— Хочет! — заспорил Фатей и допил похлёбку. По желудку прокатилось приятное тепло. Он молодец, осторожно ел, не объедался. — Очень хочет. Не может он.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно покосилась на него Орлэ-хатун. — Ты от него ко мне? Подослан?

Фатей вежливо засмеялся.

— Теперь ты, матушка, шутишь, — сказал он весело. — Хорошо шутишь! Я от Клосэ-хакана. Хорошо Клосэ-хакана знаю. А Джурон-хакан — большой хакан. Больше Клосэ-хакана!

— Откуда ты знаешь? — снова прищурилась старуха.

— Я тебя знаю, матушка, — отозвался Фатей.

— Знаешь, — хмыкнула Орлэ-хатун. — А почему на тебе мой халат?! Украл?!

— Для тебя согреваю, матушка, — нашёлся юноша.

Орлэ-хатун заливисто засмеялась и опять захлопала в ладоши.

— Бери себе, сынок, — сказала она, вытирая старческие слёзы. — Ничего тебе не пожалею, всё отдам, только попроси!

— Мне ничего не надо, матушка, лишь бы одарить тебя и увидеть своих родичей, — ответил Фатей.

В шатёр вбежали слуги и принесли то, что юноша и не ждал увидеть — блюда с жареной рыбой, похожей на ту, которую им совсем недавно продали рыбаки в Дарилике, а за ними — сушёные фрукты в меду, рулончики теста и лепёшки.

Ещё один слуга принёс физантские кубки с вином.

— Ишь ты, ничего не надо, — неодобрительно фыркнула Орлэ-хатун и погрозила юноше пальцем. — Гордый, а, сынок? Брезгуешь старухой?!

Фатей ничком упал на помост, ударился лбом о дерево.

— Вставай, вставай, — сказала Орлэ-хатун всё ещё недовольным голосом. — Подумаю я, что для тебя сделать. А пока — веселиться будем!

По её знаку в шатёр вошли музыканты со степными лютнями и цимбалами, уселись в стороне на ковёр и заиграли музыку. Вбежали девушки в шёлковых одеждах и принялись танцевать перед помостом.

— Ешь! Пей! Веселись! — велела Орлэ-хатун. — Порадуй меня, старую. Как поживает Клосэ-хакан?

* * *

Юлди проснулся до рассвета, когда вдруг потянуло ветром из-за поднятого полога. В шатёр скользнуло создание, каких он за всю свою жизнь и не видел даже. Наверное, это была фея из тех, что живут на сказочных островах. На неё была одежда из тонкого шёлка, кафтан, наброшенный поверх короткой кофты и странной юбки, которая начиналась от груди. Длинные и широкие рукава, замысловатая причёска гладких чёрных волос, заколотая каким-то украшением... странное круглое лицо и не по-людски узкие глаза. Она была прекрасна, но человеком быть никак не могла... девушка странно присела перед стариком, но он крепко обнял её и усадил возле себя в углу, в стороне от Юлди. Монах лежал, стараясь не шевелиться и не выдать себя, и напряжённо прислушивался, но ничего не мог понять. Девушка и старик щебетали, будто птицы, иногда поглядывая на него, иногда — на выход из шатра, а иногда друг на друга. Только сейчас монах, наблюдая за ними из-под полусомкнутых век, понял, что у старика такое же круглое лицо и узкие глаза. Дочка? Наверное, дочка. Они всё щебетали и щебетали... как вдруг девушка озабочено произнесла: «Орлэ-хатун».

Орлэ-хатун... где он слышал это имя?... и тоже... его произносила женщина. Чёрные волосы... чёрные волосы убраны под платок. Пронзительный крик.

Юлди рывком сел.

— Орлэ-хатун?! — переспросил он. — Вы... вы видели её?!

Девушка скриком отпрянула, закрылась рукавом, старик вскочил, заворчал, и затопал

ногами, но монах его не слушал.

— Фатей! — настойчиво произнёс он. — Фатей! Доехал ли Фатей?! Увидите его, скажите... скажите — Юлди!..

Внезапно всё переменилось. Старик и девушка успокоились и засмеялись.

— Юй Ди? — прошептала девушка. — Юй Ди!

Монах хотел её поправить, но старик вдруг ткнул в него пальцем и указал на пол. Потом показал на себя.

— Юй Гэ! — сказал старик и показал на потолок. — Юй Ди! Юй Гэ!

Девушка изящно присела перед монахом и сказала:

— Юй Цивей^[57].

Указала на себя, сложила маленькие ладошки чашечкой и поднесла к носу. Втянула воздух, будто принюхивалась к цветку, заулыбалась и повторила:

— Цивей.

Монах ошарашено кивнул.

Значит, девушку звали Цивей, а это на их щебечущем языке означало аромат, а старик только что признал его младшим?

— Юй Ди, — сказал монах, показывая рост маленького ребёнка. — Юй Гэ.

Указал на старика, тот закивал.

— Фатей, — вернулся к прежней теме монах. — Фатей. Доехал ли до Орлэ-хатун?

Он кое-как изобразил жестами, что Фатей — это человек, отважный воин, который скачет к Орлэ-хатун, кем бы она ни была. Девушка засмеялась и закивала.

— Фатей, — повторила она своим щебечущим голосом.

* * *

Фатею очень повезло, что старуха на него не всё время пялилась. Ему и раньше приходилось голодать и он знал: так скоро тело не примет обильной пищи. А не есть нельзя: обида будет! Отщипывая по кусочку от всех предложенных блюд, Фатей потихоньку кидал остальное в рукав. Еда, вино, музыка — от всего этого клонило в сон. Надо было держаться. Надо было не спать. Дождаться, когда вернётся Олинэ. Надо было...

Старуха хлопнула в ладоши. Музыка прекратилась, девушки разбежались. Прибежали дюжие слуги, неся одеяло из сшитых овчин. Фатей было хотел отмахнуться, выпрямиться, но уже не мог пошевелиться. Его с почтением закутали в одеяло и унесли прочь.

Глава восьмая

Гирей-бек

Фатей проснулся от того, что его пинали в бок. С трудом удержался, сохранил неподвижность, осторожно приоткрыл глаза. Шатёр из шкур. Над ним человек. Халат простой. Оружия нет.

Юноша зевнул.

— Вставай! — снова пнул его незнакомец. — Орлэ-хатун тебя требует! Вставай! Вставай!

— Раз Орлэ-хатун, я тебя не убью, — пообещал Фатей. Нож был при нём, да он и без ножа кое-что мог. Слуга расхохотался.

— Не встанешь, пеняй на себя. Орлэ-хатун ждать не любит.

— А я поспать люблю, — ухмыльнулся Фатей и вскочил на ноги. — Ну, веди. Показывай, где Орлэ-хатун?

Слуга криво ухмыльнулся и кивнул на полог, закрывающий выход из шатра.

* * *

Шатёр Орлэ-хатун стал как будто больше. Фатей вошёл и сразу оказался в кругу беков — одни помоложе, другие постарше, одни худые, другие толстые, но все, как один, в дорогих халатах, в шёлковых шапках, отороченных мехом, и на каждом пояса, украшенные дорогими бляшками. У одного золотые, у другого серебряные, у третьего, вон, из незнакомого Фатею белого камня.

— Фатей, Фатей! — поприветствовала его Орлэ-хатун. — Садись со мной, Фатей!

Юноша подошёл к помосту и опустился на колени. Трижды коснулся лбом ковра, а после, под завистливыми взглядами беков, уселся на подушку рядом с самой Орлэ-хатун.

— Фатей привёз подарка от Клосэ-хакана, моего данника, — заявила старуха. — Он брат Клосэ-хакана и мой сын.

Фатей немедленно упал ниц перед старухой и, снова трижды ударившись лбом, поцеловал её ноги. Она потрепала его по голове.

— Клосэ-хакан — великий хакан, — по её знаку начал юноша свой рассказ. — В его стране нет лучше воина! Он был бедный, ох, совсем бедный, один из беков своей страны, и не было над ним хакана. Плохо жилось в стране, в которой не было хакана! Злая нежить ела страну! Ночные женщины ели страну! Никто не мог спать спокойно. Увар-багатур пришёл из степей. Шёл он долго, через леса, где водятся люди-волки, через болота, которые хватают за ноги путников, через пустошь, где злые женщины насылают мор на лошадей... всё прошёл Увар-багатур! Пришёл к Клосэ-беку и сказал: есть в степях Орлэ-хатун. Поклонись ей подарками — она тебя не забудет.

Фатей разливался соловьём, расписывая подвиги Увара на понятном для беков языке. Тем временем слуги внесли плошки с незнакомым ему напитком, раздали всем. Пронаблюдав за беками, Фатей с благодарностью принял свою порцию, поднёс ко рту и сделал глоток. Ничего похожего ему в жизни пить не приходилось. Напиток был солёный, горьковатый, терпкий... и, конечно, в нём было молоко. Изобразив крайнее блаженство,

Фатей поспешно ухватил с предложенного ему блюда лепёшку в меду и продолжил рассказ. Орлэ-хатун благосклонно кивала, хитро посматривая на беков.

— Любишь скачки? — перебила она Фатея, когда он как раз рассказывал, как его зять сбил стрелой ночное чудовище, которого не мог ни видеть, ни слышать. О том, что чудовище принесло им послание от «Клосэ-бека» Фатей деликатно умолчал. В степи вампиров не жаловали.

— Люблю, матушка, — согласился Фатей. — Как же их не любить?

— В честь тебя будут скакать! За барана будут скакать! Ты рад?

— Нет, — твёрдо ответил юноша, почтительно кланяясь старухе. — Я не рад. Сам хочу скакать!

— Ишь какой! — прищурилась старуха. — Сам скакать! Да умеешь ли?

— Испытай меня, матушка, — предложил Фатей.

Он услышал недовольное ворчание беков, что-де прикормила хатун бродягу, халат подарила, теперь коня ему подарит. Ускачет бродяга на чужом коне. А не ускачет, так бараном разжиться хочет. Тощий такой, куда ему барана.

— Испытай меня! — повторил Фатей. — Хочешь — задом наперёд поскачу, всех обгоню? А хочешь, самых твоих сильных силачей поборю?

— Хочу, хочу, — закивала старуха. — Испытаю.

* * *

Переодетый в шёлковые халаты Фатей был допущен в табун, принадлежащий самой Орлэ-хатун. Такой чести не всякий родич мог удостоиться. Что с того?... у родича, поди, свои табуны есть. Коня Фатей выбирал придирчиво. Это в сказке, которую Иргай рассказывал, героя выручит лядащий жеребёнок. В жизни это не помогает. Фатей не торопился. Он щупал коням спины, ноги, придирчиво рассматривал зубы. Гладил гривы и уши, заглядывал в глаза. Здесь, в степи, кони были не такие, как в Тафелоне. Ниже, крепче, надёжней. Фатей пересмотрел несколько десятков, пока не положил руку на холку пегого пятилетки. Этот.

* * *

Когда коней вывели для скачки, Фатей взлетел в седло, не коснувшись стремян. Все расхохотались: юноша, как и обещал, сел задом наперёд. Конь нетерпеливо переступил, всхрапнул. К нему подошёл хмурый жилистый бек, ткнул Фатея в ногу плетью.

— Прекрати, — сказал бек. Фатей взглянул в глаза бека и ему сразу же расхотелось шутить. Он повернулся и сел как полагается, а бек, ни на кого не глядя, отошёл к своей лошади.

— Кто это? — спросил Фатей конюха, который перебросил ему поводья.

— Гирей-бек, — пожал плечами конюх. — Родич Олинэ.

Фатей поблагодарил конюха и тронул коленями коня, чтобы встать в линию с остальными. Родич Олинэ. Олинэ, которая родилась от простого человека. Олинэ, у которой нет ни отар, ни табунов, ни людей, ни слуг. А кто был отец Олинэ?

Думать было некогда. Когда скачешь, некогда думать. Только и есть, что дорога, да пыль из-под копыт чужих коней. Только и видишь, что уши своей лошади да круп чужой, той, которую ты должен догнать. Вот позади остался чей-то чалый конь... рыжий... вороной... Слишком спешить было нельзя. Поспешишь в самом начале, лошадь устанет, отстанет в конце. Скакали кругом, обогнуть курган с торчащей на нём каменной бабой и вернуться обратно. Фатей не смотрел по сторонам, некогда было. Он считал соперников. Впереди осталось пятеро... трое... один... Фатей нахлёстывал коня, уже можно было не беречь силы, но впереди всё так же виднелся последний соперник.

Ещё рывок... ещё... Фатей поравнялся с соперником, но в самом конце тот вырвался вперёд. Переведя дух, юноша спрыгнул с коня и взглянул в лицо победителя. Оно не выражало ни торжества, ни азарта.

— Хей, Гирей-бек, — покачал головой Фатей. — Добрый конь у тебя, Гирей-бек.

Тот покосился на юношу и процедил:

— Хорош.

* * *

— Эх ты! — поприветствовала его Орлэ-хатун. — Хвастун! Говорил, всех обгонишь!

— Так ведь я ж не задом наперёд ехал, матушка, — отозвался Фатей. — Вот задом наперёд — ух! Вперёд всех бы пришёл.

Старуха залиvisto засмеялась.

— Не хотят с тобой беки бороться, — сказала она, качая старенькой головой. Фатей попятился, чтобы его не задел головной убор хатун. — Не ровня им, сказали. Молод ещё. Такого побороть — чести не прибавить.

Фатей развёл руками.

— А ты прикажи, матушка, — предложил он.

— Ай, — отмахнулась старуха. — Прикажешь им. Обидятся, уедут, мне позор, Джурону хлопоты. Ничего. Ты и без того хорош. Пойдём ко мне. Пировать будем! Улатун-бек сказал, ты через Дарилику ехал. Расскажешь моим бекам, как живут в Дарилике. Почему дань нам не несут? Клосэ-хакан послал, а из Дарилики мы послов не видели.

— Расскажу, матушка, всё расскажу, — пообещал Фатей. Значит, Дарилика...

Его внимание привлекли крики и отдалённый топот копыт. К стану Орлэ-хатун приближалась кавалькада, в центре которой гнедая лошадь везла двухколёсную повозку. Фатей никогда в жизни таких не видел, маленькая, квадратная, увенчанная ярко-красной круглой крышей. Старуха посмотрела в ту же сторону и строптиво затрясла головой.

— Приехала, — неприязненно сказала она. — Ездит и ездит! Зачем ездит? Знаю я, куда она ездит!

Она потянула юношу за рукав в своё шатёр. У входа бросила своим нукерам:

— Не пускать! Не хочу её видеть! Не хочу! Пировать будем! Веселиться будем! Беков пусть позовут! Гирей-бека поздравлять будем! Пусть Гирей-бек придёт! А её не пускать!

— Кого не пускать, матушка? — спросил Фатей, переступая следом за хатун порог шатра.

Старуха подозрительно на него покосилась.

— Молод ты ещё. Молод. Ни к чему тебе знать, слышишь?! Ни к чему!

Ночью Фатею было не до сна. Перед глазами всё мелькала дорога. То вчерашняя, а то — путь до Орлэ-хатун. Что с отрядом? Поверили ли Даке сторожа? Дождутся ли они Олинэ? Хватит ли у них терпения? Олинэ не за родичами едет, торопиться не станет. Не отдаст ли другой приказ Джурон-хакан? Джурон ближе до границы степей, чем его матушка. Ему ничего не стоит разрушить всё одним приказом. А Орлэ-хатун?... А что Орлэ-хатун?... сын ведь. Простит она Джурона. Самое худшее для Фатея сейчас время. Ждать. Улыбаться, шутить. Будто всё хорошо. А там Дака. Там Васса. Там его товарищи. Живы ли ещё?

Едва сон сморил юношу, как его разбудило что-то неясное. Чуть слышный шелест, движение воздуха... кто-то склонился над Фатеем. Юноша выждал, когда чужак приблизится, наклонится...

— Фатей, Фатей, — позвал женский голос. — Фатей, Юй-ди!

Он перестал притворяться спящим.

— Юлди? — шепнул он. — Ты видела Юлди? Кто ты?

— Юй-ди, юй-ди, — закивала в полутьме шатра девушка. — Он сказал — Фатей. Ты ведь Фатей?

— Я Фатей, — согласился юноша. — Что он ещё сказал? Где он?

— Он сказал — Фатей, — повторила девушка. — Сказал, Юй-ди.

— Где он?! — потерял терпение Фатей.

Девушка отпрянула.

— Не убегай! — быстро проговорил юноша. — Не сердись на меня. Расскажи мне всё.

— Мой отец из страны шёлка на востоке, — сказала девушка. — Джурон-хакан...

Она запнулась.

— Джурон-хакан пригласил его к себе на службу, — проговорила девушка после паузы. — Я служанка Орлэ-хатун. Я ездила к отцу, рассказать о здоровье госпожи.

Фатей кивнул.

— Отец сказал — сторожа схватили чужого жреца. Отец сказал — его хотят допросить. Сейчас нельзя.

— Нельзя?..

— Никак. Не получается. Не можно.

— Не получается?..

— Да. Он не говорит.

— Кто не говорит?

— Жрец не говорит. Не знает языка. Был болен. Отец лечил. Джурону некогда говорить с ним. Людей из Дарилики разослали. Переводчика нет.

— А где остальные? — не утерпел Фатей.

— Остальные? — не поняла девушка.

— Сторожа схватили многих людей, — пояснил Фатей.

Девушка сделала непонятный жест, как будто отмахивалась от бабочки.

— Отец видел только Юй-ди. Он очень просил. Говорил — Фатей, Фатей. Я вернулась сегодня. В шатре только и говорят — Фатей. Юй-ди просил. Орлэ-хатун опять... — она изящно развела руками. — Юй-ди очень просил.

Она поднялась.

— Мне пора. Узнает Орлэ-хатун...

Фатей протянул руку, чтобы её остановить, но тонкий шёлк её одежды проскользнул между пальцами.

Юлди в стане у Джурона-хакана.

* * *

Наутро Фатей встал ещё до рассвета. Его никак не охраняли, и он пошёл слоняться по стану, пользуясь возможностью всё осмотреть своими глазами. Большая ставка у Орлэ-хатун. Много людей к ней собирается.

Обойдя почти весь лагерь и подивившись на стоящие там шатры — высокие, просторные, шёлковые шатры беков, простые, войлочные или вовсе из шкур шатры их слуг, Фатей на краю стана наткнулся на Гирей-бека. Тому привели коня, вчерашнего гнедого и бек как раз хотел сесть в седло, когда его окликнул Фатей:

— Хей, Гирей-бек! Хороший конь у тебя!

Гирей бек хмуро покосился на юношу и буркнул:

— Не подарю.

Фатей картинно схватился за сердце.

— Зачем так говоришь?! Я б мог — я б сам тебе дарил, да подарки сторожа Джурона-хакана отобрали! Спешил к Орлэ-хатун, ничего не взял! Вот, нож только есть, нож возьми, ничего для тебя не жалко, Гирей-бек, такому наезднику как ты нож хороший нужен.

Гирей-бек хмыкнул, но протянутый нож взял. Насмешливое выражение быстро ушло из его глаз, когда он разглядел качество железа и работу кузнеца. Пощёлкал по лезвию, полюбовался на витую рукоять.

Сунул нож за пояс, махнул рукой своему человеку, который ждал поодаль, что-то шепнул и слуга умчался. Отдариваться, похоже, не собирался.

— Шуму от тебя много, — сказал Гирей-бек Фатею. — На охоту поедем. Загонщиком будешь.

Фатей просиял.

* * *

Когда они вернулись в лагерь, привезя с собой подстреленных сайгаков, Фатей обнаружил, что к Орлэ-хатун его не пускают. Нукеры только и отвечали, мол, «не велено» и «она к хатун приехала, до завтра смотреть хатун будет».

Не велено, так не велено.

* * *

— Хей, Гирей-бек! Какой ты хороший стрелок! — заглянул Фатей в шатёр бека. Тот как раз обедал, причём — в одиночестве.

— Зачем пришёл? — спросил Гирей-бек, вылавливая баранину из похлёбки.

— Поговорить с тобой, Гирей-бек, — отозвался Фатей, без приглашения заходя внутрь. — Все тебя хвалят. Говорят, лучше тебя нет охотника. Стреляешь дальше всех. И умён ты, Гирей-бек...

— Замолчи, — приказал бек и хлопнул в ладоши. В шатёр заглянул слуга, перемигнулся с Гирей-беком, кивнул и скрылся.

— Что велишь, делать буду, — заверил Фатей. — Скажешь — молчи, буду молчать. Скажешь — говори, буду говорить. Скажешь — пой, буду петь, скажешь...

Его прервал слуга, который принёс плошку с уже знакомым Фатею молочным напитком. И отдал ему, Фатею! А ещё блюдо со сладостями... ого! Такие лепёшки только в Дарилике пекут.

— Ох, какой ты добрый, Гирей-бек! Спасибо тебе, Гирей-бек. Век твою доброту буду помнить...

— Что ты соврал Олинэ? — спросил бек, не слушая болтовню Фатея.

— Зачем ты так говоришь? — обиделся юноша. — Стал бы я врать Олинэ! Я правду ей сказал! Ехали к Орлэ-хатун, подарки везли Орлэ-хатун! Сторожа Джурона-хакана напали на нас! Я на коня — и к Орлэ-хатун.

— Почему они на вас напали? — безразлично спросил бек.

— Ай, не знаю, — отмахнулся Фатей, но перехватил взгляд мужчины и решил дальше не валять дурака. — Девушку нашу приглядели. Но, Гирей-бек, правду тебе говорю — они готовились напасть. Мы не готовились. Думали — убедили их. Думали — дальше поедем. Вечером с ними Увар-ага говорил. Договорились. А утром...

— Зачем ты ей шарф отдал? — перебил Гирей-бек.

— Сестре попросил передать, — признался юноша. — Чтобы знала: жив её брат. Сестра мне мать заменила. Фатей уехал, Дака спокойна не будет.

— Ты знал, что у Олине был брат? — спросил бек.

— Откуда мне знать?... — начал было Фатей, но запнулся. — *Был*, Гирей-бек?

— Был, — кивнул мужчина. — А потом Орлэ-хатун увидел Дэпей-хакан.

Он не стал продолжать. Фатей не стал спрашивать.

— *Сестра*, — повторила за ним Олинэ, собираясь ехать на первую заставу, и по её лицу пробежала тень. — *Сестра*...

Ох, Олинэ, где ж тебе было, дочери простого человека, убережь брата от нукеров хакана?..

— Узнаю, что ты её обманул — жив не будешь, — сказал Гирей-бек.

— Обижаешь, Гирей-бек, — отозвался Фатей. — Зачем обижаешь? Разве я мог бы обмануть Олинэ?

— Много подарков везли Орлэ-хатун? — вместо ответа спросил Гирей-бек.

— Много, ох, много, Гирей-бек! — безмятежно сказал Фатей. — Под телегами земля прогибалась, под тюками кони приседали.

— Что везли? Много ли мечей?

— Много мечей, — подтвердил Фатей. — Мечи везли, посуду везли. Золото везли, серебро везли, олово везли. Много везли! Всё не перечислить. Про всё Увар-ага знает, со мной не делился. Юлди знает, Юлди всё записывал. Может, из старших ещё кто знает. А я не знаю Гирей-бек, прости.

Гирей-бек смерил юношу ещё одним хмурым взглядом, потом кивнул ему на выход из шатра и отвернулся. Фатей послушно покинул шатёр.

Глава девятая

Морок

Ночью, когда он едва смежил веки, раздался шёлковый шелест и подуло лёгким ветром. Фатей обратил внимание — ни вчера, ни сегодня он не слышал шагов, а ведь мимо него и лиса не прокрадётся!

— Что ты наделал, Фатей?! — сердитым шёпотом спросила вчерашняя красавица, усаживаясь возле кошмы, на которой он спал. — Зачем отдал нож Гирей-беку?

Юноша протянул руку, но его пальцы только прикоснулись к шёлку рукава — и тот сразу же выскользнул.

— Хей, чего ругаешься? — спросил он. — Как было не подарить?

— Он злой! — всё так же сердито зашептала красавица. — Злой!

Фатей попытался взять девушку за руку, но снова схватил лишь пустоту. Да что это с ним? Вчера он был пьян, сегодня трезв. Но он и пьяный бы не оплошал. Никогда не плошал, а вот, девушку поймать не может. Не сон ли это? Или злой морок?

— Не сердись, красавица, — беспечно произнёс он. — Шарф сестре передал, ничего не осталось у Фатея, нечего тебе подарить.

Красавица отпрянула.

— Мне ничего от тебя не надо!

— Хей, не гневайся. Богат буду — весь мир тебе подарю.

Девушка провела рукой перед его лицом. Зачем она пришла? Что хотела? Почему не давалась в руки?

— У тебя есть женщина, да? — тихо спросила она. — Есть. Скажи, Фатей, если твоя женщина скажет — умри! — ты умрёшь? Если скажет — убей! — ты убьёшь?

— Хей, если моя женщина будет такие речи вести, я поведу её к знахарю, злого духа выгонять, — засмеялся юноша. Девушка вздрогнула. Вот как... Что же перед ним, злой дух? Иргай говорил, они, бывает, становятся красивыми девушками, чтобы пить кровь у тех, кто им доверится... правда, та тощая злая женщина не была красивой, но говорили же, что она не охотится на людей. А ещё на ней очень быстро заживали раны, а уж хватка была... за руку возьмёт — держись, чтобы кости не переломала! И говорила ещё, что слабее сородичей. С такой сразись, попробуй. От такой только молитва и поможет, да только не ему, не прозревшему молиться-то. Фатей вспомнил, что ему когда-то в детстве говорила Большеногая: молитва — не колдовство, в колдовстве кто сильнее, тот и победит, а в молитву верить надо. Будь ты хоть всех слабей, если веришь — злые духи тебя не коснутся. Прозревшим такая вера не дана, прозревшим со злыми духами бороться нельзя.

— Верю в *Освобождение*, сестра, — шепнул Фатей. Красавица равнодушно посмотрела ему в лицо и отвернулась.

— Никогда, — сказала она грустно. — Джурон-хакан никогда не освободит отца. Отец — раб Джуро-на-хакана.

Похоже, она его не поняла. Медленно, очень медленно, чтобы не спугнуть, Фатей пересел поближе и так же медленно протянул руку. На этот раз у него получилось сжать в своих пальцах её — такие тонкие, хрупкие, казалось, они сломаются от простого пожатия. От одежды девушки исходил незнакомый сладковатый запах.

— Не грусти, красавица, — сказал он со своей обычной беспечностью. — Пока человек

жив, надежда всегда есть.

Девушка грустно покачала головой. Фатей обнял её за плечи и хотел уже привлечь к себе, как она вывернулась из его рук и встала.

— Нельзя, — проговорила она. — Нельзя, плохо, беда будет.

— Хей, не уходи, красавица, — запротестовал Фатей. Как она вывернулась-то? Зачем тогда приходила?

— Нельзя, — повторила девушка и ускользнула.

* * *

Юлди ничего не оставалось делать, только ждать и молиться Заступнику о спасении товарищей, о прощении его гордыни, о помощи, о наставлении... Едва монаху стало лучше, старик-лекарь покинул его шатёр и теперь Юлди составляли компанию стражники, не знавшие ни единого слова на языке Дарилики. Они спали по очереди и, хотя смотрели на пленника как на неодушевлённую вещь, начинали недовольно ворчать, стоило ему хоть шаг сделать в сторону выхода. Оглушить одного, пока спит второй? А куда бежать? Как найти дорогу в степи, где нет ни одной зацепки для глаз и взгляд убегает далеко-далеко к самому краю неба?

На пятый день его плена стражники подняли Юлди до рассвета и знаками показали, что он должен идти с ними. Что его ждало — смерть, пытки? Сможет ли он встретить их с честью, как слугитель Заступника?..

Лагерь ещё спал, когда стражники провели монаха между дозорами. Все встречные степняки, видно, знали, куда ведут Юлди. Никто не удивился, не окликнул. Вот он вышел из лагеря и зашагали дальше. Монах попытался спросить стражников знаками, чего они от него хотят. Один, повыше и потолще, что-то сказал товарищу и оба засмеялись. Худой и низенький обнажил меч и кивнул перед собой. Там, впереди виднелся холм. Это место его казни? Но зачем вне лагеря?

Сторожа переглянулись.

— Идти, — с трудом выговорил высокий на языке Дарилики. — Нет бежать. Плохо! Идти! Молитва. Люди. Молитва. Нет бежать. Нет смерть. Идти.

— Вернуться, — добавил низенький, указывая назад, а потом снова кивая на холм.

Это немного успокоило Юлди и он пошёл за ними, с любопытством разглядывая степь вокруг. Всё было так непохоже на его родные горы! Выжженная солнцем золотая трава, бледное предрассветное небо, в котором, раскинув крылья, парил сокол, да льющаяся с неба трель жаворонка. Алый пожар на восходе, далёкие точки — пасётся табун коней...

Холм приближался медленно, но вот Юлди разглядел на его вершине три фигурки. Люди? Кто? Зачем его ведут к ним, почему пешком? Почему стражники не взяли коней.

— Молитва! — указал низенький стражник на холм и убрал меч в ножны.

* * *

Люди на холме были самыми странными людьми, которых только видел монах, а ведь он сталкивался и с язычниками, и с таинственным бесполом колдуном, захватившим

далёкую крепость в горах, пировал с оборотнями и, казалось бы, навиделся всякого. Один был одет обыкновенно — для здешних мест — в запахивающийся длинный кафтан, из-под которого торчали остроносые сапоги, да войлочная шапка на голове. Двое других были обвешены перьями, их одежда была обшита кусочками меха, бахромой и почему-то разноцветными пуговицами. В Тафелоне их сочли бы юродивыми, но здесь они держались со спокойным достоинством. У того, кто постарше, в руках был огромный бубен — не круглый, а с множеством углов.

Стражники показали Юлди, чтобы он один поднялся на холм. Монах повиновался. Когда он добрался до вершины, тот степняк, который был одет проще всех, ткнул себя пальцем в грудь.

— Переводить! — сказал он на языке Дарилики. — Говорить твой язык. Ыжан.

Он указал на своих товарищей.

— Гурлан, — это, кажется, было имя старшего. — Вайдей.

Монах поклонился, указал на себя и произнёс:

— Юлди.

Вайдей заговорил, Ыжан повернулся к монаху.

— Ты служить небо? Ты молитва?

— Я монах, — ответил Юлди, но, кажется, Ыжан его не понял. — Я молюсе Заступнику.

— Защитник — твой бог? — уточнил переводчик после переговоров с товарищами.

— Да, — согласился Юлди. — Заступник. Да.

— Ночь. Темно. Плохо. Ты служить?

— Да, — отозвался Юлди, плохо понимая, что Ыжан имеет в виду. Молился ли он в темноте? Во время опасности? Степняки скривились.

Гурлан неожиданно присел на корточки, завыл, повернулся вокруг себя и выпрямился. Эту пантомиму Юлди понял и покачал головой.

— Нет, я не оборотень, — сказал он.

Вайдей вдруг оскалился, скривил пальцы, будто бы звериные когти и зашипел. Гурлан ударил в бубен и Вайдей отшатнулся.

— Уметь так? — спросил Ыжан.

— Да, я знаю молитву, отгоняющую вампиров, — подтвердил Юлди, отчаянно надеясь, что понял правильно.

— День-ночь-день-ночь и ещё день и ночь, — сказал Ыжан. — Утро. Приходить сюда. Гурлан, Вайдей танцевать. Юлди танцевать. Сражаться.

Гурлан ударил в бубен.

— Ты ночь, — сказал Ыжан. — Звери-люди. Убить. Ты день. Защитник. Нет ночные воров. Жить.

Он кивнул на стражников, которые ждали у подножья холма.

— Ты бежать — ты ночь. Убить. Долго. Ты проиграть — ты ночь. Убить. Ты день — ты говорить. Молитва. Люди. Твой Защитник помогай нам. Идти. Ждать. Три день. Утро. Идти.

Он подтолкнул Юлди к склону и монах принялся спускаться с холма. Разговор ему не понравился. За кого они приняли Юлди? За слугителя тёмных сил? Как он может доказать им, что это не так? Что же они, как Князь-Жрец вызвали Юлди на поединок? Монаху стало не по себе. Разве он имел право защищать имя Заступника перед всеми, когда так недавно поддался гордыне, приняв помощь оборотня за чудо?

— ...тогда мы хватились: где Джурон? Пропал Джурон! — рассказывала Орлэ-хатун. — Пора ехать, а его нигде нет! Дэпей кричит, казнит, мол, всех нянек, и вся недолга. Если они не украли ребёнка, так точно в сговоре! А потом Олинэ услышала — шуршит кто-то в тюках с войлоком. Смотрим — Джурон! Залез и заснул! Спокойный он у нас, Джурон. Его никаким шумом не разбудишь!

Фатей сочувственно кивал, прислушиваясь к звукам снаружи. Приехал кто? Как будто... Олинэ! Олинэ вернулась! Послышались приветственные возгласы, решительные шаги...

— Выйди, — приказала Олинэ, заглянув в шатёр. — Хочу с матерью поговорить.

Фатей вскочил на ноги, поклонился сперва хатун, потом её дочери.

— Зачем его гонишь? — заворчала старуха.

— Матушка, уж такая радость — Олинэ вернулась! — воскликнул Фатей, внимательно вглядываясь в лицо женщины. — Дочка к тебе приехала, сразу мать навестила, всем бы такую дочку Небо подарило! Отпусти, я прогуляюсь, Олинэ с тобой наговорится.

Он подхватил шапку и выскочил из шатра прежде, чем Орлэ-хатун успела его остановить. По Олинэ нельзя было прочесть ни хорошего, ни дурного. Сердце у Фатея билось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. А снаружи...

Юноше понадобилась вся сила воли, чтобы не кинуться к Харлану бегом. Он спокойно подошёл к старшему, степенно поклонился. Харлан поднял его, сжал в объятьях и еле слышно шепнул:

— Твои все живы.

— А... твои? — выдохнул Фатей.

— Живы. Стодол ранен. Детей, женщин — не тронули.

Они разжали объятья.

— Рассказывай, — приказал Харлан.

— Я доехал до Орлэ-хатун, — сообщил Фатей, заставив себя удержаться от расспросов, — сказал ей, подарки везём! Мечи везём, посуду везём, золото везём, серебро везём. Орлэ-хатун — добрая! Нет её добрее! Как сына приняла. От себя не отпускала.

— Мечи, говоришь, — повторил Харлан. Фатей молча встретил его взгляд. Юноша без колебаний отдал все товары, которые отряд вёз в Толок, для спасения их жизней. Вот только как после этого вернуться в Тафелон?

— Джурон-хакан большую силу взял, — сказал Фатей, который, сидя рядом с Орлэ-хатун, внимательно прислушивался к разговорам беков. — Поход собирает. На запад идёт. В стране оборотней хорошая трава. Коням хорошо будет. Во всех караванах его люди. В Толок без пропуска не пройти. Мечи в Толоке не продать.

— Я вперёд поехал, — проговорил Харлан, отвечая на невысказанный вопрос юноши. — Остальные с телегами едут. Есть раненые. Через два дня будут здесь.

По спине вдруг пробежал холодок. Фатей сроду такого не испытывал, даже в детстве... не успел даже оглянуться, как ощутил невесомое прикосновение к плечу чьей-то руки и услышал голос:

— Попроси Орлэ-хатун, пусть сын пришлёт лекаря. Попроси, слышишь? Ишэн, лекарь. На другого не соглашайся.

Он оглянулся. За спиной никого не было, только вдали между шатрами мелькнуло белое

платье.

Морочит его ночная красавица. А зачем морочит?

— Много ли наших погибло? — спросил Фатей. Харлан назвал имена. Их собственные товарищи и люди Янака. Отряд потерял многих.

— ...и Ольви, — сказал Харлан. Фатей вскинулся. Мохнатая она или нет, девчонка была названной дочерью его сестры!

— Кто?

Ответ его поразил:

— Большеногая. Перерезала ей горло.

— Она ещё жива?!

— Сторожа убили Большеногую, Фатей. Лёгкая смерть.

Фатей сплюнул.

— *Пусть Джурон пришлёт лекаря,* — прошелестело в ушах.

Отец — раб Джурона-хакана.

— Юлди у Джурона-хакана, — сказал он Харлану. — Передал мне весточку с дочкой лекаря.

— А Увар?

Фатей развёл руками.

— Про Увара не знаю. А он не с вами?

Харлан покачал головой.

— С того самого дня не видели. А сторожа молчат.

Дело было плохо. Нет оберста, нет товаров, нет монаха, который вёл опись...

Спину снова обдало холодом.

— *Хочешь увидеть Юй-ди — попроси лекаря,* — шепнула ночная гостья. — *Ишэн. Лекарь. Слышишь? Попроси у Орлэ-хатун. Иначе умрёт Юй-ди. Слышишь? Ишэн.*

Фатей резко обернулся. Девчонки рядом не было.

— Ты чего вертишься? — спросил Харлан.

— Да так... показалось, кричит кто-то, — ответил юноша. — Большеногой нет, людей лечить некому?

— У сторожей знахарь плохой, — подтвердил Харлан. — Олинэ сказала — плохо здесь с лекарями. Хороший у Джурона-хакана есть, он его из страны шёлка привёз.

Олинэ как раз вышла из шатра матери и кивнула Харлану:

— Харлан-ага, иди, ждёт тебя Орлэ-хатун.

Дождавшись, когда он уйдёт, женщина повернулась к Фатею:

— Ай, нехорошо, — сказала она. — Обманул ты Орлэ-хатун. Зачем обманул?

— Я не обманывал Орлэ-хатун, — вскинулся юноша. — Вели убить, если соврал!

— Может, и велю, — хмуро сказала Олинэ. — Почему не сказал, что вы мохнатую везли? Сторожей обманули, хотели Орлэ-хатун обмануть?

— Хей, Олинэ, а сторожа не сказали, как к нашей девушке руки тянули? А про то, как напали без предупреждения? Убили нашего лекаря? А куда они увезли Увара-агу, они тоже не сказали?

— Почему сразу не сказали сторожам, что едете к Орлэ-хатун? — нахмурилась Олинэ.

— У нас даже женщины знали, что мы к Орлэ-хатун идём, — ответил Фатей. — Дака знала. Как могли не сказать? Хей, ты сторожам веришь, Олинэ? Им рабы нужны, друзья не к чему. Видала, какие мечи мы привезли? Хей, самострелы видала? Таких ещё не было в

степях. Лучший мастер их делал. Всё Орлэ-хатун подарим.

Олинэ смерила его внимательным взглядом.

— Моей матери мечи не к чему, — сказала женщина. — Самострелы не нужны. Принесёте половину в мой шатёр.

— Хей, Олинэ, сердисься на Фатея? Ехали сюда — не знали, что ты при Орлэ-хатун. Знали бы — тебе бы подарки везли. Чаши хочешь? Ожерелья... К западу от земель Клосэ-хакана в Хларии такие ожерелья делают — ты спать не будешь, пока не увидишь! Тебе подарим.

— Не нужно, — оборвала его Олинэ. — Чаши, ожерелья, всё вези к Орлэ-хатун. В мой шатёр мечи отнеси. Слышишь?

— Слышу, Олинэ-батагур, — поклонился Фатей. — Всё сделаю. Если б Джурон-хакан нам Юлди вернул, отпустил бы Увара-агу, мы б быстрее всё пересчитали бы, чтоб тебе отдать да Орлэ-хатун порадовать.

— До Джурона-хакана мне дела нет, — неприязненно ответила Олинэ. — Хочешь — проси у моей матери. И лекаря у неё проси, у меня нету. Там из ваших есть кто помрёт скоро. Видела одного, Кобэ зовут — совсем помирает. Пока доедет — совсем помрёт. Остальным тоже худо. Что стоишь? Иди, проси у моей матери.

* * *

Юлди спал и снов не видел, словно провалился в глубокий чёрный колодец беспамятства. Вокруг не было ничего и никого, только темнота, из которой, казалось, смотрели на него злые и жадные глаза. Кто это был? Что ему сделал Юлди? Темнота сгустилась так, что стало трудно дышать. Отчаянным усилием монах взмолился Заступнику... язык не подчинялся ему, изо рта не вырывалось ни звука, а потом...

Темнота раскололась и в ней загорелся свет. Белый, холодный, пугающий... свет приближался к Юлди, рос... из далёкого пятнышка выросал в мерцающую фигуру... которая словно глина лепилась под взглядом монаха как на заре времён Создатель лепил из глины первых людей... это была женщина и на ней, как на праматери людей, не было никакой одежды. Белая сияющая кожа притягивала взгляд, глаза...

— Цивей? — спросил монах, пытаясь отвернуться, пытаясь сомкнуть веки, чтобы не видеть бесстыдной наготы девушки. — Цивей, прикройся!

— Юй Ди... — выдохнула дочь лекаря, вставая на колени у изголовья кровати. Протянула руки к его лицу, провела по щеке, отёрнула руку, будто укололась о выросшую за дни плена щетину, и засмеялась. — Юй Ди...

Она наклонилась над ним, вынуждая монаха посмотреть на свою голую грудь, взяла безвольную руку Юлди, обхватила палец губами, потом поднесла к своему соску. Как монах не надрывался, он не мог пошевелиться и только чувствовал, как его тело охватывает вожделение. Молиться не было сил. Ведьма засмеялась. Обнажённая, притягательная, проклятая... Вдруг повеяло холодом. В шатёр вбежал Юй Гэ и с размаху огрел дочь ремнём по спине. Девушка взвизгнула, подхватила белое платье и поспешно прикрылась. Лекарь ударил её ещё раз и оттолкнул от монаха. Юлди почувствовал, что может шевелиться, вскочил на ноги. В шатре было так темно, что едва можно было различить фигуры людей. Но ведь только что он видел Цивей так ясно, как будто стоял ясный день! Лекарь топал ногами

и шёпотом ругался на дочь. Та что-то лепетала-щебетала в ответ. Что произошло? Зачем эта ведьма пыталась его приворожить? Наконец, Юй Гэ коснулся плеча монаха.

— Плохо, — сказал он на языке Дарилики. — Плохо. Нет шум. Идти. Идти. Нет шум Идти. Юй Цивей нет. Нет. Юй Ди идти.

Девушка протянула руку, невесомо коснулась пальцев монаха.

— Фатей, — сказала она. — Идти. Фатей. Фатей. Идти.

— Фатей? Ты видела Фатея? — спросил Юлди.

— Юй Ди, — прошептала девушка. — Фатей. Харлан. Идти. Идти. Смерть нет. Идти.

Цивей тянула его за руку, а Юй Гэ толкал в спину. Наконец, привыкнув к темноте, Юлди обнаружил в стороне тела своих стражников. Они неподвижно лежали и, кажется, уже не дышали.

— Идти, — настойчиво повторила девушка. Монах повиновался и позволил себя провести до небольшой двухколёсной повозки на краю лагеря. Их никто не окликнул, дозорные, казалось, смотрели сквозь них. У повозки Цивей остановилась и снова поднесла ко рту руку Юлди. Прежде, чем он успел помешать ей, она больно укусила его за палец. Монах вырвался, но тут его руку перехватил Юй Гэ и провёл по ране стеблем травы, размазывая кровь.

— Нет Юй Ди, — сказал старик с усмешкой. — Нет. Идти. Фатей.

Цивей указала под скамью в повозке.

— Фатей, — сказала она. — Харлан.

Всё происходящее казалось сном, тягостным и безумным. Юлди, наконец, понял, чего от него хотят, и кое-как спрятался под скамейкой в повозке. Цивей набросила поверх невесомую ткань. Такая не уберёжёт, не спрячет... что, если это обман, ловушка?

— Нет смерть, — сказал Юй Гэ. — Здоровье хорошо. Утро. Ждать. Идти. Фатей.

Глава десятая

Пир у Орлэ-хатун

Эта дорога потом ещё долго снилась Юлди в кошмарах. Скрюченный, зажатый, изнемогающий от вернувшейся боли в спине, монах только и мог, что молиться Заступнику, слушать скрип колёс, топот копыт, голоса старика, его дочери, их спутников... и ждать, ждать, ждать... прошла одна вечность, за ней другая... к вечеру повозка остановилась и старик еле слышно прошептал:

— Ночь. Фатей. Ночь. Ждать. Плохо. Смерть. Ждать смерть нет.

Юлди хотел сказать, что он больше не выдержит, но старик быстро ушёл. Оставалось только терпеть и ночью терпение было вознаграждено. Сильные руки выволокли монаха из-под скамейки, откинули душную тряпку, поддержали, не давая упасть. При виде Фатей Юлди едва не заплакал.

— Хей, Фатей рано оплакивать, — сказал юноша своим обычным беспечным тоном.

— Где мы? — спросил монах, оглядываясь по сторонам. Они стояли посреди какого-то лагеря, возле составленных рядом телег и повозок. Рядом с ними беспокойно топтался Юй Гэ.

— У Орлэ-хатун в стане, — отозвался Фатей. Старик лекарь потянул юношу за рукав и торопливо заговорил, указывая на Юлди и кланяясь. — Ишэн говорит: прости его дочь. Говорит, она ещё не видит дороги. Говорит, она не хотела. Она увлеклась.

Тут он оборвал сам себя и что-то ответил старику.

— Что случилось? — спросил Юлди, повисая на руке друга. Спину охватывала безумная боль. Фатей заговорил со стариком резче прежнего. Тот быстро отвечал, показывая на спину монаха, на небо и куда-то в сторону. — Почему... она ведьма?

— Ты разве не видишь? — засмеялся Фатей, поддерживая монаха. — Она мёртвая! Давно мёртвая!

— Мёртвая?!

— Не дышит. Нет веса. Быстро ходит. Мёртвая. Вроде вампира, только ещё хуже.

— Что ей надо?

— А что мёртвым надо? Старик говорит, не уследил.

Юй Гэ потянул Фатей за руку и снова что-то сказал. Юноша посерьёзnel.

— Ишэн говорит, ты больше не Юлди, — сказал он. — Забудь про Юлди. Юлди умрёт. Тебя надо спрятать. наших привезли днём. Их не пересчитывали. Красавица отведёт тебя в шатёр к Матьясу. Старик полечит твою спину. Смени одежду, эта тебя выдаст. Не молись на виду у всех.

— Какой Ишэн? — устало спросил Юлди. Ему уже было всё равно.

— Старик, — указал Фатей на лекаря.

— Юй Гэ?

Лекарь засмеялся и закивал, показывая то на себя, то на монаха.

— Юй Гэ, Юй Гэ. Юй Ди, Юй Гэ.

Фатей что-то резко произнёс, старик быстро ему возразил.

— Он сказал, позволь красавице взять тебя за руку, — сообщил Фатей. — Он ей строго приказал, больше она нападать не станет. Она проведёт тебя мимо всех и никто не заметит. Но только на этот раз.

На этот раз старик лечил его долго. Что-то шептал над ухом, колот спину иголками, потом зачем-то колот ладони и ступни, больно тыкал в позвоночник и втирал какие-то отвратительно пахнущие мази, от которых щипало кожу. Уходил, возвращался, продолжал снова и всё твердил, здоровье, мол, хорошо. Кобо умер и Юлди не позволили его исповедовать перед смертью и отпеть после. Монах был готов пожертвовать жизнью ради спасения души товарища, но Фатей уклончиво объяснил, что, выдав себя, Юлди погубит и весь отряд. Остальных раненных Юй Гэ вылечил.

Когда Юлди оправился и снова смог стоять без поддержки, ему дали мирскую одежду и велели отзывать на имя Ретто. Юлди было всё равно. Если он не монах, если он не служит Заступнику, если не помогает людям — зачем ему жизнь? Но умирать нельзя, это решать не ему, а рисковать товарищами и вовсе невыносимо.

Дака рассказала ему о смерти Врени — что знала, а знала она только то, что ей сказали сторожа.

— Зачем? — горько спросила женщина, враз постаревшая после гибели приёмной дочери. — Она любила Ольви. Зачем убивать? Зачем?

Монах вздохнул. Врени была надёжным и верным товарищем, а малютка Ольви...

— Она была проклятая, — сказал он неловко.

— Кем проклятая?! Кем?! Если проклятая — зачем убивать мою дочь?!

— Заступником, — припомнил Юлди то, что знал об этой странной ереси. — Они зовут себя прозревшими. Они верят — если умереть, потом родишься снова. Они не хотят рождаться. Считают, что жить плохо.

— Умерла бы сама! Зачем убивать Ольви?!

— *Я не боюсь смерти, — сказала когда-то цирюльница на привале. — Я свободна. Когда я умру — я покину этот мир. Ваши дразги меня не касаются. Но я могу сделать подарок. Любому из вас. Каждый, кого я убью, освободится вместе со мной. Не веришь, монах? Одно движение — и ты узнаешь, что я права, а ваш Заступник врал вам.*

— Она хотела избавить Ольви от страданий, — сказал Юлди.

Дака неожиданно закивала.

— Да, — сказала она. — Иргай говорил мне. Фатей говорил. Они тут бешеные. Наш народ *мохнатых* не любит, а эти вовсе как собаки кидаются. Ольви замучили бы. да. Врени спасла её. А они её убили. Если бы не Врени — ой-ой-ой, бедная моя доченька.

Она рванула с головы платок и разрыдалась. Юлди почувствовал себя совсем глупо. Утешать было нельзя, не тот они народ, чтобы их можно было утешать. Врени говорила когда-то, что незамужние девушки из этого племени с горя вовсе по земле катаются. Хорошо, что он этого не видел.

Знала ли Врени, что её убьют? Боялась ли она смерти в последний миг? Почему она, сделавшая столько добра, мертва, а он, грешный гордыней и самонадеянностью, жив?

Неловко постояв возле рыдающей женщины, Юлди пошёл по лагерю. Боль отступила и откуда-то монах знал, что она больше не вернётся. Не надо было больше прятаться в тесном вонючем шатре, справляя нужду только по ночам и с завязанными глазами. Ничего было не

надо делать, всё делалось без него. Воля Заступника? Или других, неведомых ему богов?

Не потому ли, что он виноват перед Заступником, его совратила мёртвая ведьма из далёкой шёлковой страны? Ведь не его заслуга, что она отступила. Многие товарищи Юлди, бывало, выходя из стен монастыря в мир, уступали вожделению и похоти. Потом они возвращались, каялись, принимали епитимью и смывали свой грех трудами во имя Заступника. Не сам грех тревожил Юлди. Тревожила навязанность греха. Цивей ему не нравилась ни голая, ни одетая. Слишком хрупкая, слишком жеманная, слишком узкие у неё были глаза, слишком круглое лицо, слишком вкрадчивая улыбка. Чужая, чуждая, фальшивая. Мёртвая. Отвратительно было чувствовать свою беспомощность перед наведённым вожделением.

И это тоже его вина. Истинный воин Заступника был бы неподвластен ведьминим чарам. Он, Юлди, слаб, слаб душой, переполнен гордыней и суетностью. Что толку в телесной силе? Если бы она служила вере, но ведь она послужила одному только неверию...

— Хей! — налетел на него Фатей. — Зачем грустишь? Орлэ-хатун на пир зовёт! Пойдём, пировать будем. Про Клосэ-хакана рассказывать будем! Хвастаться будем! Хочешь — после пира драться будем! Ты оборотней поборол, здешних беков поборешь! Нас уважать будут! В дорогу подарки дадут!

— Я не хочу пировать, — отозвался Юлди.

— Нельзя, — твёрдо ответил Фатей, обнимая монаха за плечи. — Отказываться нельзя. Большая обида будет. Большой пир. Все мужчины будут на пиру. Не торопились, ждали, когда Ишэн всех вылечит. Все пойдут. И ты пойдёшь.

Он подтолкнул Юлди к центру лагеря, где стоял огромный обшитый шёлком шатёр. С одной стороны стены у него были приподняты, так что любой мог заглянуть внутрь. Там на помосте сидела сухонькая древняя старушка в цветастом шёлковом платье и с огромной шапкой на голове, узкой и высокой. Что-то вроде эннена, какие носили знатные дамы в Тафелоне, только эннены были островерхие, а эта шапка заканчивалась плоской крышкой. И вуали с неё не свисало. По обе стороны от старушки стояли стражники с обнажёнными кривыми мечами. Вокруг помоста были разбросаны кожаные подушки — и внутри шатра, и за его пределами. Ближе к помосту на подушках сидели люди в длинных шёлковых запашных кафтанах, у каждого на голове — обшитая мехом шапка. Члены отрядов Увара и Янака подходили и рассаживались поодаль. Юлди успел заметить, что рядом с каждым тафелонцем сидит соплеменник Харлана: те понимали местный язык.

— Садись, — указал Юлди на подушку. — Сюда садись. Вот, Аким рядом сядет. Спросят, скажешь — писарь. Аким переведёт. На него смотри. Как Аким будет делать, так и ты делай. Про Заступника не вспоминай. Не надо.

Позабывшись о монахе, Фатей ловко пробрался между подушками к помосту, опустился на колени перед старушкой и вскоре уже сидел по левую руку от неё. Старушка ласково потрепала юношу по щеке и что-то шепнула. К шатру размашистыми шагами подошла немолодая женщина в такой же нелепой шапке, как у старухи. Юлди обратил внимание, что платье на ней короче, чем на старушке, и из-под него торчат широкие штаны, такие же, как здесь носили мужчины. Женщина подошла к помосту, ни на кого не глядя, и, не поклонившись и не сказав ни слова, уселась по правую руку от старухи.

Фатей поклонился женщине и завопил что-то непонятное на местном языке.

— Он говорит: Орлэ-ханум, Харлан-ага благодарит тебя! — перевёл Аким. — Ты наша мать, Орлэ-хатун, ты вернула нас к жизни. Олинэ, ты нам за старшую сестру, твоя забота

помогла нам в пути.

Старуха снова потрепала Фатея по щеке и ответила.

— Орлэ-хатун говорит: спасибо, хорошие подарки. Порадовали старуху. Клосэ-хакан хороший. Она будет дружить с Клосэ-хаканом. Назад поедем, она ему письмо напишет. Пусть ей теперь всегда пишет. Надо будет Клосэ-хакану — Орлэ-хатун на помощь придёт. Пусть Клосэ-хакан сам в степь приезжает. Пусть помогает Джурону-хакану. Джурон-хакан будет ему старший брат.

— Клосэ-хакану? — слабым голосом переспросил Юлди. Заступник, спаси да помилуй! Фатей же от имени Дюка Клоса признал эту старуху сюзереном Тафелона!

Юлди оглядел сидящих возле помоста... баронов местной княгини? Они все одеты в шелка, но одежда их была в пятнах, как будто её вовсе никогда не стирали, да ещё и в заплатках, причудливых стежках, бляшках, пришитых где надо и где не надо, каких-то пёрышках, колечках, пуговицах... такой дикости монах не видел ни в городах язычников, ни в землях магнатов-оборотней. Между баронами засновали слуги, разнося плошки с каким-то белёсым напитком. Когда — не сразу — очередь дошла и до Юлди, он обнаружил, что напиток похож на молоко и пахнет терпкими травами. Юлди осторожно пригубил... было горько и почему-то солёно. Посмотрев на Акима, монах преодолел себя и отважно осушил чашку. Слуги немедленно её отобрали и принесли другую, наполненную бараньей похлёбкой. Юлди пришёл в ужас, обнаружив, что все вокруг запускают в свои плошки руки, шарят там в поисках мяса и невозмутимо отправляют выловленные куски в рот. Ложек в этом диком краю, похоже, не знали. Какой-то толстый барон вытер пальцы о свою одежду, потом облизал и снова запустил в плошку.

— Сначала мясо съешь, потом пей, — тихо подсказал Аким. — Да не кривись, а то они обидятся.

Мясо оказалось жилистым и невкусным. От души насыпав соли в молоко, местные повара, кажется, совершенно не подумали посолить похлёбку.

Никто ни с кем не разговаривал, только старуха что-то бормотала, обращаясь то к Фатею, то к дочери. Те коротко отвечали. Из отгороженной занавесом глубины шатра раздавалась грустная протяжная музыка. Собравшиеся бароны сосредоточено жевали мясо, время от времени поглядывая в соседние плошки.

Потом слуги принесли сладости, подозрительно похожие на те, которые Юлди пробовал на базарах Дарилики, и только после обнесли гостей вином, непривычно густым и терпким.

Тосты здесь провозглашать было не принято, и Юлди начал надеяться, что всё обойдётся и ему позволят мирно уйти и предаться на свободе своим грустным размышлениям. Но тут Фатей вскочил на ноги и снова что-то завопил, почему-то показывая на монаха и повторяя «Ретто». Юлди растерянно покосился на Акима.

— Фатей говорит: ты наш силач, — ухмыляясь, пояснил переводчик. — Говорит, ты мохнатого один можешь заломать. Говорит, кто не боится, пусть с тобой силой померяется.

Юлди покорно вышел из-под навеса шатра. Вместе с ним вышел какой-то высокий толстый барон, который скинул свой кафтан, скинул рубаху и закатал штаны до колена. Монах последовал его примеру. Проиграть он не боялся. Если он даже оборотней на лопатки укладывал, что ему степной барон?

Остальные бароны захлопали в ладоши и закричали «Дашгын-бек, Дашгын-бек!». В ответ товарищи Юлди принялись выкрикивать его новое имя. Это мешало. Постаравшись не

отвлекаться на крики, забыть о ещё вчерашней боли в спине, монах сошёлся со степным бароном.

Это оказалось несложно. Дашгын-бек только успел обхватить монаха своими толстыми руками, как Юлди привычно вывернулся, нажал, толкнул — и вот барон лежал на утоптанной земле перед шатром местной княгини.

Вокруг поднялся страшный шум. Небось, барон был лучшим поединщиком, так страшно раскричались собравшиеся гости. Ненадолго забыв о своих благонамеренных стремлениях откинуть гордыню, монах расправил плечи и гордо огляделся. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как с помоста сходит дочь старой княгини, сама немолодая уже женщина... как её... Олинэ. Она, нисколько не смущаясь собравшихся мужчин, на ходу развязывала пояс и сбрасывала свой мужской кафтан. Юлди аж попятился. Все расхохотались. Олинэ остановилась напротив монаха в короткой рубахе и здешних широких штанах, которые она принялась закатывать до колена. Юлди не знал, куда глаза девать. Женщина не слишком походила на принцессу, скорее она была похожа на тех крестьянских девок, на которых, бывало, молодые монахи заглядывались, спускаясь в деревню. Такая же ладная, сильная и крепкая. Олинэ сняла свой эннен, не глядя протянула руку. Кто-то из баронов подал ей шарф, которым она замотала седые волосы, чтобы не мешались. Юлди попятился. Все расхохотались.

— Я не буду драться с женщиной, — сказал монах.

— Нельзя отказываться, — зашептал ему на ухо оказавшийся за спиной Фатей. — Нельзя обижать хозяев!

— Но она...

— Она слово скажет — всем нам головы поснимают, — с нажимом прошептал Фатей. Деваться было некуда.

Олинэ, кажется, догадывалась, какое впечатление на него производит, и смотрела с издевательской ухмылкой. Юлди очень старался, сходясь с ней, не пялиться на обнажённые ноги, но от этого было только хуже, потому что, поднимая глаза, он наталкивался либо на насмешливый взгляд принцессы, либо на её тяжёлые груди, хорошо видные под тонкой рубахой. Сглотнув, Юлди позволил Олинэ обхватить себя за плечи и сам вцепился в неё руками. Её тело было лишено женской податливости, под кожей прощупывались могучие мускулы, которым мог бы позавидовать иной оборотень. Хватка у принцессы была железная, и тянула она монаха не на шутку. Юлди уж думал, она переломает ему все кости, а ещё эта грудь, которую он, как ни старался, всё задевал своей. Принцесса дёрнула Юлди на себя, он едва не потерял равновесие, но выстоял, а вот сама Олинэ от собственного рывка зашаталась, и это позволило монаху взять верх. Он опрокинул принцессу на землю, но она так крепко за него держалась, что он рухнул сверху к немалому веселью собравшихся и уткнулся лицом в грудь Олинэ. Это было уже слишком. Отпрянув от принцессы как от ядовитой змеи, монах вскочил на ноги и был так смущён, что даже не помог противнице подняться. Олинэ, нимало ни смутившись, приняла от высокого мрачного барона свой кафтан, кинула его Юлди и что-то сказала.

— Олинэ говорит: ты первый, кто смог её повалить, возьми подарок, — перевёл Аким. Фатей уже вернулся на своё место подле княгини. Принцесса добавила что-то ещё и засмеялась. — Она говорит, была в прошлом княжна, тоже хорошо дралась. Обещала выйти замуж за того, кто её повалит. Никто не смог. А ты смог. Возьмёшь её в жёны?

— Я не могу, — попятился монах под смех собравшихся. Кто-то подал Олинэ новый

халат, и Юлди больше не надо было отводить взгляд от её бесстыдно обнажённых грудей. Монах уже было собрался сослаться на свои обеты, но вовремя вспомнил, что его просили притвориться мирянином.

Олинэ ухмыльнулась, покосилась на худого барона и что-то добавила.

— Она шутит. Ты для неё слишком молод. У неё две дочери, — перевёл Аким. — Она пошлёт за ними и ты выберешь из них любую или обеих. Они не будут сопротивляться, когда ты их повалишь на спину.

Олинэ хлопнула Юлди по плечу с такой силой, что он едва не присел от её удара, и повернулась к помосту, на котором сидела её мать. Только сейчас монах уловил отдалённый топот копыт, который всё приближался и приближался. Вдалеке послышался окрик, ответ...

Вскоре к шатру подскочил всадник в запылённой одежде, спешил и бросился к помосту, расталкивая сидящих вокруг него.

Глава одиннадцатая

Переговоры

Фатей сидел рядом с Орлэ-хатун, поэтому слышал всё, что сказал вестник, до последнего слова:

— Смилуйся, Орлэ-хатун! — ткнулся вестник лбом в помост. — Смилуйся! Плохие новости! Джурон-хакан...

— Что с Джуроном?! — вскочила на ноги старуха. Фатей и вернувшаяся к матери Олинэ поспешили её поддержать.

— Умер Джурон! Убит Джурон! Предательство! Горе!

— Умер, — одними губами переспросила старуха и осела на шёлковую подушку. Фатей посмотрел ей в лицо. Плохо было дело. Как бы не померла.

— За кем бы послать, Олинэ? — заискивающе произнёс юноша, кивая на враз побелевшее лицо хатун. — Твоя мать...

— Молчи, — процедила Олинэ и бросилась в отгороженную занавесом часть шатра.

— Как — умер? — прошептала Орлэ-хатун, всем телом опираясь на Фатея.

— Убит, — повторил вестник, снова ударяясь лбом о помост. — Чужой шаман убил. Страшный шаман! Нукеров заколдовал! Лежали-спали как мёртвые, потом вскочили, побежали и убили! Ничего не помнили! Ничего на допросе не сказали! А на месте шамана — стебель ковыля окровавленный! Нет нигде шамана!

— Какой шаман? — непонимающе переспросила Орлэ-хатун.

— Чужой шаман! Болчи-бек прислал! На заставе поймали!

Фатею стало холодно и страшно. Так страшно, как никогда в жизни, даже когда на них с сестрой волки напали в степи — давно, в детстве.

— *Хочешь увидеть Юй-ди — попроси лекаря, — вспомнил он шёпот ночной гостьи. — Ишэн. Лекарь. Слышишь? Попроси у Орлэ-хатун. Иначе умрёт Юй-ди. Слышишь? Ишэн.*

Болчи-бек прислал Юлди в стан Джурона-хакана.

Юлди приняли за шамана, наверное, проверяли, добру или злу он камлает.

Ишэн... нет... не Ишэн... его мёртвая красавица... она ведь спрашивала Фатея, убил бы он ради любимой женщины! Что она сделала с охранявшими Юлди нукерами? Как подавила их волю?

Отец — раб Джурона-хакана.

Теперь Джурона-хакана нет.

Девчонка освободила своего отца. Освободила ли? Куда он один в степи пойдёт, да ещё с нежитью?

Но это их дело, а вот отряд попался и крепко.

Сколько времени понадобится осиротевшему двору Джурона, чтобы связать пойманного Болчи-беком шамана и людей, которых бек чуть не продал в рабство?!

Пока Фатей думал, из-за занавеса выбежала одетая во всё белое ночная красавица, оттолкнула его и склонилась над старухой. Следом за девушкой выбежала Олинэ и затопала ногами.

— Уходите! — закричала дочь хатун. — Уходите! Все уходите! Сегодня пировать больше не будем!

Фатей поспешил выполнить приказ... спустившись с помоста, он натолкнулся на

хмурый взгляд Гирей-бека. Тот кивнул юноше, приглашая его отойти в сторону.

* * *

— Ой, нехорошо, — начал Гирей-бек, не слишком старательно изображая сочувствие. Он вывел юношу за пределы стана, в степь, и заговорил только когда можно было быть уверенным, что никто не сможет подобраться к ним незаметно. — Нехорошо вышло. Болчи-бека спросят, он и расскажет. Шамана вы привезли, мохнатую вы привезли... ой, нехорошо вышло. За что же ваш шаман Джурона-хакана убил? Нехорошо, нехорошо.

— Какого шамана? — прикинулся дурачком Фатей. — Нам про шамана неизвестно. Откуда Болчи-бек его взял? Напал на нас, хотел наших женщин испортить, такой всякое может. Нашёл шамана, послал Джурону-хакану... Орлэ-хатун плачет. Луну бы с неба достал, только б её слёз не видеть!

— Плохо теперь в степи будет, — невпопад отозвался Гирей-бек. — Братья Джурона-хакана далеко, дяди его близко. Не отдадут они власть Дабан-беку, не отдадут. Вся степь полыхать будет. Орлэ-хатун защищать надо. Не любит её Икан-бек, ой, не любит. Много власти, считает, Орлэ-хатун себе забрала. Старшего сына нет — кто её защитит?

Они помолчали, потом Фатей коротко засмеялся. Гирей-бек удивлённо на него покосился.

— Олинэ сильная женщина! — сказал Фатей. — Смелая, отважная. Олинэ-батагур! Какие мечи мы ей отдали, ох, и хорошие! Таких хороших нигде не делают, только в стране Клосэ-хакана мастера есть! А самострелы! Железный доспех пробивают. Таких подарков ни у какого бека нет. У Олинэ есть! Она сильная! Ей под стать дары!

— Олинэ сильная, — согласился Гирей-бек. Выражение его лица смягчилось.

— Фатей только слово сказал — Олинэ сама вызвалась к Болчи-беку ехать, друзей его выручать, — продолжил беспечно болтать юноша. — Ох, и добрая Олинэ-батагур! Сказала Фатею, чтобы не тревожился. Спасёт она его сестру, спасёт его товарищей. Добрая Олинэ-батагур, нет другой такой! Только Олинэ и Орлэ-хатун добрые.

— Олинэ добрая, — помрачнел Гирей-бек и снова замолчал.

Фатей лихорадочно соображал, что ему делать. Проклятый бек дал понять, что свалит убийство хакана на них, на его отряд. Значит, это он задумал убийство! Он, Гирей-бек! А кто поверит Фатею, если его обвинить? Это очень старая интрига, для которой не хватало только виноватого! А тут — их отряд! Какой подарок для убийцы!

Но если Гирей-бек с ним разговаривает, значит, что-то хочет получить. А что? Что ему предложить?

— Ой, нехорошо, — нарушил Гирей-бек молчание. — Мохнатую везли, на сторожей напали, чужой шаман с вами ехал, по ночам к Фатею нежить бегала... ой, нехорошо.

Гирей-бек злой! — вспомнил Фатей разговор с ночной гостьей.

Откуда он знает, что девушка навещала Фатея? Она как вампир — не хочет, не заметишь...

Значит, она сама рассказывала Гирей-беку. Гирей-бек и предложил натравить Фатея на Джурона-хакана, да только не получилось. Чем-то он её взял — угрозами отцу, хитростью или колдовством, только бек подчинил себе красавицу, как Джурон подчинил себе её отца. Должно быть, очень Гирей-бек не любит хакана, если пошёл на сделку с ночной нежитью.

Ни один степняк не будет разговаривать с мёртвой девушкой, которая сосёт силы и кровь у живых людей. Не будет с этим чудовищем договариваться. А Гирей-бек — договорился. Что он ей обещал? Чем угрожал?

К Врагу красавицу. Надо откупаться, пока Гирей-бек хочет договариваться.

— Дабан-бек не сильный, — сказал Фатей будто бы в раздумьи. — Будь он сильный — стал бы Икан-бек с ним спорить?... Нужен сильный хакан. Хороший хакан. Хакан, у которого союзники хорошие. У которого мечи самые лучшие. Хороший хакан в степях нужен. Слабый хакан — пфу! Ветер подует, нет хакана! Будут ссоры, будут войны, ох, плохо в степи будет. Нужен другой. Самый сильный, самый умный, самый хитрый. Хороший нужен хакан.

Гирей-бек усмехнулся.

— Шаман сбежал, — сказал он тоже в раздумье. — Сбежал, а Гирей-бек поговорить с ним хотел. Шаманы у вас умные, шаманы у вас много знают. Фатей говорил Олинэ, ваш шаман все записи вёл. Хороший шаман. Писать умеет, читать умеет. Много думал, много расскажет.

— В Тафелоне шаманы не колдуют, — ответил Фатей. — в Тафелоне шаманы книги читают. Записи ведут. В Тафелоне шаманы колдовством не убивают.

— Олинэ не могла ошибаться, — в тон ему ответил Гирей-бек. — Олинэ вам поверила, Гирей-бек тоже поверит. Как не поверить? Болчи-бек не любил Джурона-хакана. Болчи-бек стоял за Икана-бека. Не любил хакана, только боялся. Фатей сказал — нужен новый хакан. За хорошим хаканом люди идут, да только куда идти? В степях тесно стало. Говорят, за Дариликой трава хорошая. Коням там хорошо будет!

— За Дариликой мохнатые живут, — сказал Фатей. — А дальше болота раскинулись. Трудно там пройти.

— Трудно... — покачал головой Гирей-бек. — Там, где путь трудный, там друзья помогают.

Так. Значит, степняки одной Дариликой не ограничатся, понял Фатей. Они хотят двинуться на запад, забрать себе страну оборотней, земли язычников, а потом... дойдут до Тафелона? Фатей заколебался. По нему, так гори Тафелон синим пламенем, лишь бы его близкие, его отряд был бы жив, лишь бы жива была его сестра, лишь бы ему жениться на Вассе. Тут, в ставке Орлэ-хатун он боялся подходить близко к девушке, знал: за ним следят и могут плохо поступить с Вассой, чтобы надавить на него, на Фатея!

Но Гирей-бек хочет Юлди. Юлди и его записи. Даже если он отпустит потом монаха... захочет ли Юлди делиться сведениями, которые навредят его родному Тафелону? Подвести своих друзей-оборотней?

К Врагу оборотней, предателей с двумя шкурами.

— Увар, — вдруг сказал Фатей. Сказал — и удивился сам. Почему сейчас вспомнил? По лицу Гирей-бека ничего нельзя было прочесть.

— Какой Увар? — спросил бек с наигранным удивлением. — Кто такой Увар?

Вот он себя и выдал. Фатей только и говорил, что об Уваре-аге, на пиру говорил, при всех, а Гирей-бек — не слушал, что ли? Если б он ничего не знал, так и сказал бы сразу. А он — знает. Знает и потому притворяется.

— Отдай Увара, Гирей-бек, — прямо попросил Фатей, отбросив все увёртки. — Я не могу за всех решать — Увар может. Он главный. Он скажет.

Гирей-бек покачал головой.

— Не он Орлэ-хатун понравился. Не он её матушкой зовёт. Ты, Фатей, за всех отвечаешь.

— Отдай Увара, — взмолился юноша. Игра ему опротивела. — Плохо нам без него. Дома его жена ждёт, дети ждут! Отдай!

— Дома ждут, — повторил Гирей-бек и по его лицу пробежала тень. — Хорошо, когда тебя ждут. Плохо, когда не дожидаются.

Он отвернулся. Фатей даже головой потряс. Угроза? Но почему тогда бек погрузнел, почему в глаза не смотрит.

— Олинэ... — наугад произнёс юноша.

— Молчи! — оборвал его Гирей-бек с такой яростью, что Фатей отскочил.

Ого! Вот, значит, каким родичем он был дочери хатун. Неужели до сих пор так любит её, что не сдерживается при постороннем? Или — что? Ловушка? Хитрость? Зачем?

— Увар-ага в моём шатре погостит, — совсем другим тоном сказал бек, всё ещё глядя мимо собеседника. — Честь ему окажем большую. Шамана нам не надо. Нет больше шамана, так? Не надо шамана. Пусть будет другой. Кто писать умеет, кто книги читать умеет. Пусть говорит с нами. Пусть расскажет. Ему и честь будет, и почёт. Подарки дадим. Увару-аге дадим. Человеку вашему дадим. Только пусть расскажет всё без утайки. Мы ценим друзей. Друзья — это хорошо. Конь добрый да друг верный — что ещё мужчине нужно?

— Ещё конь для друга нужен, Гирей-бек, — усмехнулся Фатей.

— Перезимуете у нас, — продолжал бек, делая вид, что не расслышал ответа. — Расскажите всё, что видели. Честь вам будет большая. Болчи-бек говорил — вы в Толок шли. Не ходите в Толок, не надо. Плохо теперь в Толоке. Оставайтесь с Орлэ-хатун. Она старая, ей друзья нужны. Защитники нужны. Придёт беда — бейтесь с нами за Орлэ-хатун. А по весне — проводим. Подарки дадим. Много подарков. Толок — богатый город. Мы много оттуда взяли. Вам отдадим. Нам не надо — вам пригодится. Людей дадим в провожатые. До Клосэ-хакана проводят. Клосэ-хакану поклонятся. Привет передадут от Орлэ-хатун. Купцов с вами отправим. Хорошие купцы, из Толока. Про Толок вам расскажут. Соглашайся, Фатей-батагур. По весне проводим. Увар-ага здесь подождёт. Жене его поклонитесь, господину его поклонитесь, скажете, будет всё благополучно — дождутся они Увара-агу.

О том, что сделают с Уваром, если не всё «будет благополучно», Фатей предпочёл не спрашивать.

— Шаман ещё, — будто в раздумьях добавил Гирей-бек. — Не нужен шаман. Другой нужен. Чтобы не камлал у нас. Чтобы про дорогу рассказал. Очень нужен!

Он усмехнулся, глядя на застывшее лицо юноши.

— Рэто-батагур — сильный. Олинэ поборо! Пусть у нас погостит. Олинэ ему дочек отдаст. Дочкам мать жаль покидать. Пусть поживут пока с матерью.

Фатей поперхнулся.

Сам ли Гирей-бек разгадал их хитрость или монаха выдала ночная красавица, было уже неважно. Главное — он всё знает. Знает, но согласен промолчать.

Бедный Юлди.

— У нас другой обычай, — осторожно сказал юноша. — По нашему обычаю, отец должен благословить. Отец Рэто далеко. Не может без него Рэто жениться.

— А Увар-ага вместо отца вам? — сказал Гирей-бек. — Повидаете Увара-агу, пусть благословит сына. Пусть Рэто-батагур у нас поживёт. С Олинэ породнится — большая честь! Не всякому выпадет.

Фатей понял, что Юлди пропал. Гирей-бек просто не понял отказа, подумал, что они цену набивают. Подумал — и уступил немного. И Олинэ не поймёт. Здесь, в степи, такого не видывали, чтобы мужчина да жениться не мог. Им-то кажется, что, предлагая этих несчастных девиц, они крепче привязывают к себе союзников. Приданого за ними, конечно, никакого, а то не отдали бы их Юлди, подыскали бы им бека познатнее. Всё же внучки хатун! А, может, они и вовсе уродины, которых никто здесь не берёт. Смеялись же беки почему-то, когда Олинэ это предложила.

Впрочем, это не его дело. Пусть Увар с Юлди разговаривает. Уж оберст найдёт нужные слова. Нельзя отказаться. Одна обида — и всё может испортиться.

— Увар-ага благословит, Рэто счастлив будет. Честь такая — дочери самой Олинэ! Но Увар-ага благословить должен. Поговорить должен. Со всеми нами поговорить. Давно его не видели, сердце плачет. Здоров ли? Доволен ли?

— Не плачьте, — засмеялся Гирей-бек. — Повидаетесь с Уваром-агой. Поговорите. Но мне отвечать ты будешь, Фатей-батагур. А про Болчи-бека...

Юноша замер. От слов Болчи-бека зависело всё. Ему достаточно было сказать, что его люди поймали Юлди во время сражения в лагере...

— Не будет больше Болчи-бека, — сказал Гирей-бек. — Нехорошо. На девушку напал, друзей в рабство хотел продать, шамана злого послал к Джурону-хакану. Нехорошо. Нет, не будет Болчи-бека. Не думай о нём.

История последняя, заключительная

Возвращение домой

Магда сидела у очага и смотрела в пламя. Что-то было не так в этом мире, но что? Ей слишком везло в последнее время. Барон был к ней внимателен и щедр, он даже отменил какую-то важную поездку и остался в Фирмине с ней. Что это была за поездка, она не поняла. В дела своего любовника ведьма не желала вдаваться. Ей было неинтересно, к тому же она боялась, что названный брат заставит её шпионить за бароном. Он, бывало, спрашивал, какие новости у «его милости цур Фирмина», да только Магда глазами хлопала и разводила руками. Какие у барона могут быть новости? Жив. Здоров. Растит сыновей. На позатой неделе повесил разбойника. Враг его знает, как его звали и на казнь она не смотрела. Только ей не хватало на покойников смотреть, это на сносях-то!

Лес, давший Магде колдовскую силу, сделал её плодородной. Она если не носила в себе ребёнка, то кормила его, а едва успевала отлучить от груди, как понимала, что следующий сын на подходе. Барон только радовался. Урожай из года в год был хорошим, болезни и беды обходили Латгавальд стороной. Земельных наделов дети ведьмы не получают, но уж коня и меч он каждому обеспечит — как и рыцарское звание. А там, Заступник даст, и землю себе добудут.

Всё было хорошо, а в последний год, как проводила она дочь в Хларию, как будто и сил прибавилось, и дышать стало легче. Прав был Виль, что Эрна тянула из матери когда-то разделённое могущество. Плохо, что он прав, но уж что тут поделаешь?... Магда и не помнила, когда ей так легко колдовалось. Совсем недавно она выходила сынишку мельника, который вовсе лежал при смерти — упал с башни в Ордуле, баронском замке, да зашибся. По всему выходило, мальчишку уже не спасти — а поди ж ты. Ведьминская удача надвое всегда бывает. Коли помогла, то в другом человек потеряет. Но у мельника как будто дела даже лучше прежнего пошли. Что это было? Почему?

Было во всей этой удаче что-то неправильное.

Что-то опасное и злое... Если сейчас не надо платить, то потом заплатишь вдвойне. Но время шло и ничего не менялось.

Магда потянулась, расправила плечи. Надо спать идти, чего зря сидеть-то так да в пламя пялиться. Но странное беспокойство не отпускало. Почему она не осталась ночевать в замке? Алмарик просил. Неужто прибегут к ней ночью за помощью? Но кто? Зачем? Будто они не привыкли давно её в замке искать.

Тревога всё нарастала.

Магда невольно прислушивалась... нет, это ветки шуршат и трещит огонь в очаге. А как будто шаги. Как будто тень какая-то... что-то приближалось, что-то...

Дверь распахнулась. Ведьма вскочила и уже приготовилась защищаться...

— Эрна! — ахнула она, узнав в ввалившейся в дом тени свою дочь. Освободитель, в каком она была виде! Исхудавшая, истерзанная, грязная... на девочке были какие-то лохмотья... мужские... голые исцарапанные ноги, отвратительный старый колпак скрывал волосы... под одним глазом синяк, под другим царапина... Эрна сбросила с плеч тяжёлый мешок, туго набитый... книгами?! Откуда?! Зачем она их тащила, почему не продала, чтобы купить одежду?! Куда делся Виль?! Почему он допустил, чтобы девочка так измучилась?!

— Мама, — бросилась к ней дочь и спрятала лицо на груди. — Мама, я убила человека.

notes

Табелон — родина главных героев.

Хлебная соска использовалась в деревнях, чтобы ребёнок не мучился от голода, пока его мама работает вне дома. Хлебный мякиш заворачивали в тряпицу и давали пососать ребёнку. Сегодня считается вредным для здоровья

Нагбария — северный сосед родины главных героев, граничит с севера также с лесами оборотней и землями язычников за ними

Старый Дюк — полупрегендарный правитель Тафелона, живший несколько поколений назад. После его смерти в стране началась смута, закончившаяся тем, что к власти пришёл союз баронов.

Шателен — управляющий замком, как правило, дворянин

Сенешалк — то же что и сенешаль, управитель двора своего монарха, занятый придворными церемониями, судом и войсками.

Засека — оборонительное сооружение, изготавливаемое из поваленных крест-накрест деревьев.

Хлария, страна, соседняя с Тафелоном, славится изысканностью этикета.

Оберст — старший (нем.). Здесь: главный в отряде, командир.

Тебе блазнит — тебе чудится.

Дарилика — восточная страна, лежащая на границе со степями

Шипастый шар, приделанный на цепи к палке — кистень.

Физант — некогда мощная империя, сейчас погрязшая в роскоши и интригах. Лежит по дороге из западных стран в Святые земли.

Терна — город, известный наследием древней империи и резиденцией святейшего папы

Рикания — страна, лежащая на юго-западе от соседней с Тафелоном Хларии, славится своими винами не меньше, чем рыцарями.

Итния — страна, лежащая к югу Тафелона и от земель, в которых сейчас находится отряд Увара. Дорога в Тафелон как из Терны, так и из Физанта неизбежно проходит через Итнию.

Кровопускание в старину считалось средством, помогающим практически при любой болезни, и проводилось преимущественно цирюльниками. В реальности польза от него весьма сомнительна.

Горицвет, девятысил да лихорадочник — растения, используемые в народной медицине.

«Вспыхивающий» опал — разновидность опала, показывающая яркий оттенок света при повороте под определённым углом. Очень ценится.

Лельфы — народ язычников, населяющий святыи земли.

Strega — ведъма (итал.) Мага — волшебница (итал.)

Mentore — наставник (итал.)

Spiriti — души (итал.)

Табланий (здесь) — кабинет.

Барон — здесь — любой титулованный дворянин.

Дядька — воспитатель и личный слуга при мальчике дворянского происхождения.

Гривна — шейное украшение, имевшее вид незамкнутого обруча. Часто дарилась в качестве награды.

Нагабары — нагбарцы — жители Нагбарии, страны, лежащей на севере и северо-западе от родины Жуги, к северу от Тафелона, который Жуга называет закатной страной.

«Верхний» убийца, *верхний* — на тайном языке преступников обозначение того, кто умеет незаметно добраться до своей жертвы, перебравшись через стену, забираясь в окна или через крышу.

Дарилика — страна городов на востоке, перенявшая веру в Заступника у Физанта, большой империи далеко к югу от родины Жуги.

Окончание «-лейн» в Тафелоне используется как уменьшительное для мальчиков и девочек.

«Ирохухайт» — так Жуга слышал тафелонское «её высочество».

«Еретрев адиднак ни аргин» — перевёрнутая цитата из «Сатиры» Ювенала, в переводе означает «превращать чёрное в белое».

«Рубашка толстая, кучей стежков прошитая»: Жуга впервые сталкивается вблизи со стёганым доспехом.

«Зато на самом высоком доме вроде как шест укреплен и на нём что-то вроде плоского такого... не то круга, не то яблока. Как дети на земле рисуют»: Жуга впервые видит священный знак религии, в которую верят как в Нагбарии, так и в Тафелоне.

Золотой олень на пурпурном фоне — герб Нагбарии.

«иные-то стреляли из луков каких-то странных — коротких и поперёк них тоже что-то приделано» — Жуга пытается описать самострел.

Вопреки предрассудкам, в средневековых городах обязательно были бани, где люди могли вымыться и отдохнуть.

Пурпуэн — короткая мужская куртка, изначально надевался под доспех, но позднее стал носиться и в мирной время.

Таблинйй — в древности часть древнеримского дома, в котором хозяин занимался делами, здесь — кабинет.

Комтур — здесь — командир отряда братьев-рыцарей в воинствующем ордене

Первое время пуговицы считались признаком роскоши, их нашивали в большом количестве безо всякой необходимости и даже издавались эдикты, ограничивающие число пуговиц на одежде в зависимости от сословия владельца.

Брэ — средневековая одежда, верхняя часть штанов из белого полотна, заменяющая также нижнее бельё, часто представляли собой бесшовную набедренную повязку, однако здесь имеются в виду брэ со сшитыми штанинами. Обычно брэ прикрывались верхней одеждой. Шоссы — средневековая одежда, часть штанов, представляющая собой закрывающие ноги чулки, которые подвязывались к поясу. Шоссы были цветными, часто каждая штанина красилась в свой цвет.

Глефа — древковое пехотное холодное оружие

«Эрна очистила лезвие ножа, прошептала ему просьбу, чтобы он не принёс ей болезнь и смерть»: если тыкать в себя ножом, побывавшем в земле, можно подхватить столбняк, лечения от которого практически не существует.

«Тебе ещё повезло, что ты не встретила ни бродячих псов, ни свиней»: В средневековых городах свиньи могли сожрать ребёнка, оставленного без присмотра, хотя, наверное, такой большой девочке можно было уже их не бояться.

Дядька — воспитатель и личный слуга при мальчике дворянского происхождения.

Бруно — (иск. лат.) — бурый.

Перк — город на северо-западе Тафелона.

Первой ветвью обычно называется мужской орден, второй ветвью — женский (даже если он хронологически был основан раньше), а третьей — мирская ветвь ордена, члены которой соблюдают правила ордена, ведя при этом мирскую жизнь.

Какая-то странная тумба с ящиками и наклонной верхней крышкой» — стол-конторка.

«Девочке только один раз показали таинственную комнату, где что-то страшно булькало и шипело как в мастерской алхимика»: Одними из первых спирт начали возгонять в средневековых монастырях для обеззараживания или изготовления лекарств.

«Пока шесть раз возносишь хвалу Создателю, весной проходит один час»: в старину ночное и дневное время делилось ровно на двенадцать частей, поэтому летом дневные часы были заметно длиннее ночных, а зимой наоборот. Более или менее равномерно время делилось только весной и осенью.

Вече — орган городского самоуправления, народное собрание в городе. Созывалось вечевым колоколом. В иных случаях власть вече была больше, чем княжеская.

«Они стояли на отдыхающем поле»: то есть на незасеянном поле.

«Ego dimittam te» — я отпускаю тебя (лат.).

Из-за путаницы с произношением Юлди невольно назвал себя Младший Юй, на что старик ответил ему, называя себя Старший Юй. Имя девушки переводится как Благоухание. Может быть даже Яшмовое Благоухание (Юй — яшма).